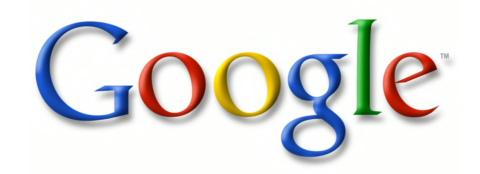
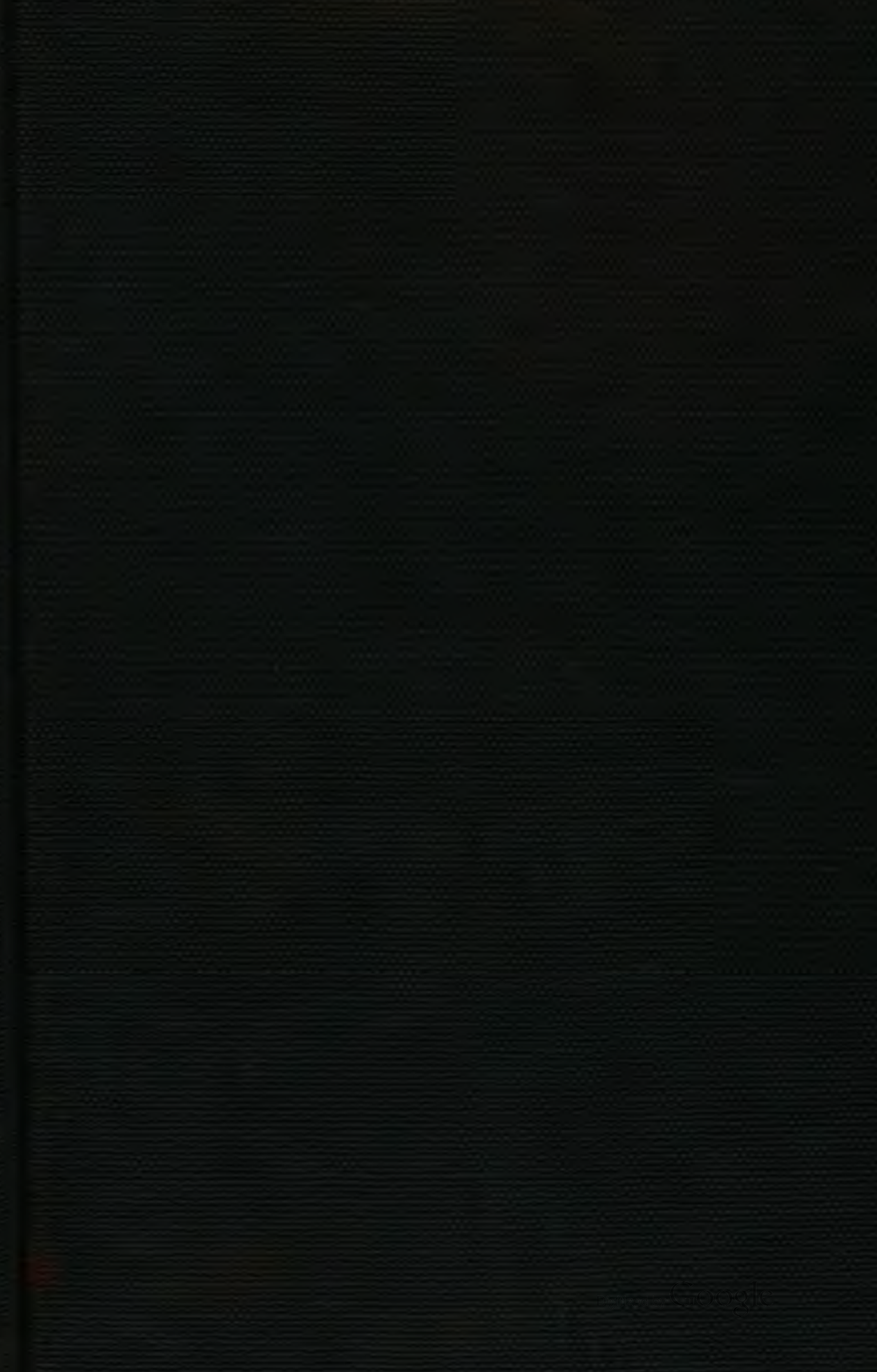
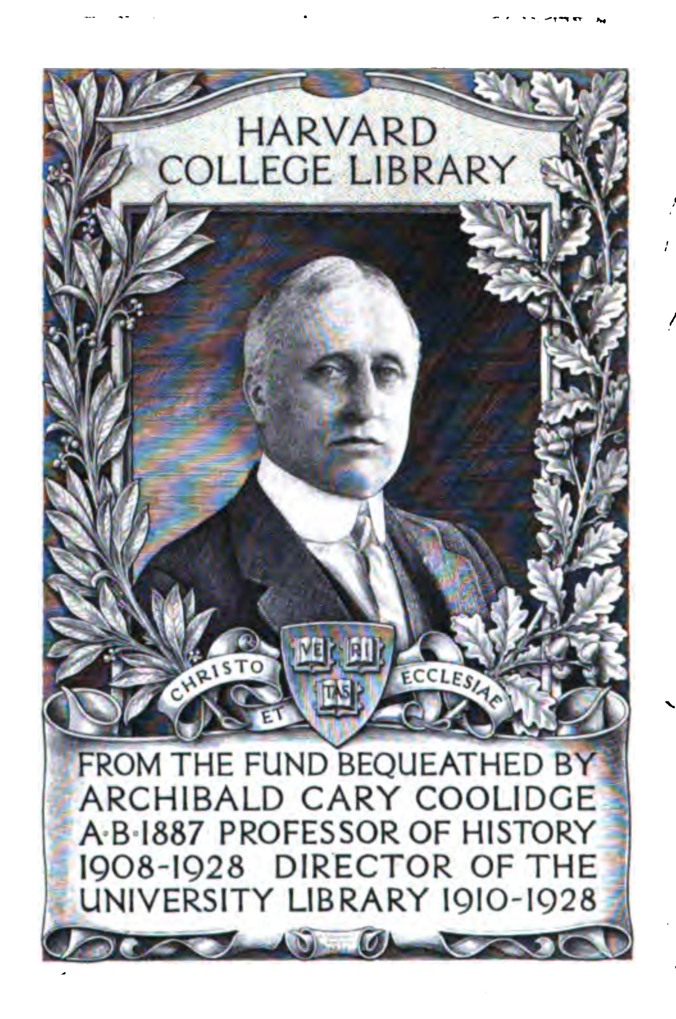

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE RI
TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

1860.

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ CVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1860.

I.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ 1860 ГОДА.

1. (23 января) *Объ открытіи въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ 10-ти новыхъ вакансій стипендіатовъ войска Донскаго.*

Военный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе управленія иррегулярныхъ войскъ, согласно ходатайству наказнаго атамана войска Донскаго и отзывамъ министра народнаго просвѣщенія, положилъ:

1) Сверхъ имѣющихся въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ десяти вакансій студентовъ-стипендіатовъ войска Донскаго, открыть въономъ, для образованія дѣтей войсковыхъ чиновниковъ этого войска, еще 10 вакансій, съ отнесеніемъ потребнаго на это расхода на счетъ войсковыхъ суммъ войска Донскаго.

2) На содержаніе въ Харьковскомъ университетѣ студентовъ-стипендіатовъ Донскаго и Черноморскаго казачьихъ войскъ производить, наравнѣ съ стипендіатами министерства народнаго просвѣщенія, на каждаго по 175 руб. въ годъ.

Государь Императоръ таковое положеніе военнаго совѣта соизволилъ Высочайше утвердить.

2. (22 февраля) ***Объ учрежденіи въ Виленскомъ учебномъ округѣ четырехъ отдѣленій гимназій въ пятиклассномъ составѣ.***

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: вмѣсто преобразованія остальныхъ шести пятиклассныхъ дворянскихъ уѣздныхъ училищъ Виленскаго учебнаго округа, согласно Высочайше утвержденному 7 іюня 1858 года положенію главнаго правленія училищъ, въ гимназію и пять трехклассныхъ дворянскихъ уѣздныхъ училищъ, учредить: 1) два трехклассныя дворянскія уѣздныя училища въ городахъ Слонимѣ и Дрогичинѣ, согласно Высочайше утвержденнымъ 17 апрѣля 1859 года новымъ штатамъ уѣздныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, и 2) четыре пятиклассныя отдѣленія гимназіи въ городахъ Вильнѣ и Тельшахъ и въ мѣстечкахъ Молодечно и Свислочи, по слѣдующему штату:

Статьи расходовъ.		Жалованья въ годъ рублей серебр.		Классы должности.	Разряды мундировъ.	Разряды пенсій.	
		Одному.	Всѣмъ.				
Инспектору..........	1	—	700	VIII	VIII		По положенію о пенсіяхъ по учебной части министерства народнаго просвѣщенія.
Законоучителямъ:							
Православнаго исповѣд..	1	250	500				
Римскокатолическаго...	1	250					
Учителямъ:							
Старшимъ:							
Русскаго языка........	1	600	1,200	IX	IX		
Исторіи и географіи....	1	600					
Младшимъ:							
Математики..........	1	550	1,650	X	X		
Физики и естеств. исторіи.	1	550					
Языковъ:							
Латинскаго (онъ-же преподаетъ Русск яз. въ 1 кл.)	1	550					
Польскаго	1	450	1,350	X	X		
Французскаго.........	1	450					
Нѣмецкаго...........	1	450					

Статьи расходовъ.		Жалованья въ годъ рублей серебр. Одному.	Всѣмъ.	Классныя должности.	Разряды мундировъ.	Разряды пенсій.
Учителю рисованія, черченія и чистописанія...	1	—	300	XII	X	VIII
На библіотеку и учебныя пособія............	—	—	160	—	—	—
На награды ученикамъ.	—	—	40	—	—	—
На наемъ писаря и канцелярскіе расходы.....	—	—	150	—	—	—
На содержаніе дома, служителей и прочіе расходы..............	—	—	400	—	—	—
Итого на одно отдѣленіе			6,450			
А на четыре			25,800			

Примѣчанія:

1) Въ число 25,800 руб. сер., опредѣленныхъ на содержаніе отдѣленій, обращаются: а) 20,040 руб., назначенные по Высочайше утвержденнымъ 17 апрѣля 1859 года новымъ штатамъ гимназій и уѣздныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, на гимназію въ Свислочи и на трехклассныя дворянскія уѣздныя училища въ Вильнѣ, Минскѣ, Мозырѣ и Тельшахъ, и б) остальные 5760 руб. — изъ суммы, собираемой за ученіе въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа, и

2) Распредѣленіе предметовъ преподаванія въ отдѣленіяхъ и числю уроковъ соотвѣтствуетъ распредѣленію предметовъ и числу уроковъ въ первыхъ пяти классахъ гимназій Виленскаго учебнаго округа. Плата за ученіе въ отдѣленіяхъ взимается въ томъ-же размѣрѣ, какъ и въ гимназіяхъ. Служащіе въ отдѣленіяхъ, сообразно ихъ званіямъ, пользуются правами и преимуществами, которыя предоставлены служащимъ въ тѣхъ-же званіяхъ при гимназіяхъ вообще, а учащіеся, по окончаніи курса, правами лицъ, окончившихъ курсъ въ пятиклассныхъ дворянскихъ уѣздныхъ училищахъ.

3. (29 января) *О принятіи въ Оренбургскую гимназію на вакансіи казенныхъ воспитанниковъ дѣтей военныхъ чиновниковъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министромъ народнаго просвѣщенія ходатайства г. Оренбургскаго и Самарскаго генералъ-губернатора, Высочайше повелѣть соизволилъ: въ число назначенныхъ при Оренбургской въ Уфѣ гимназіи, по положенію 19 января 1844 года, 20-ти казенныхъ воспитанниковъ изъ дѣтей чиновниковъ гражданскаго вѣдомства, принимать, въ достойныхъ уваженія случаяхъ, и дѣтей военныхъ чиновниковъ недостаточнаго состоянія, особенно если имѣется въ виду, что не всѣ открывающіяся вакансіи могутъ быть замѣщены дѣтьми гражданскихъ чиновниковъ.

4. (22 февраля) *О распредѣленіи надзора за училищами Виленскаго учебнаго округа между директорами гимназій и упраздненіи за тѣмъ должности смотрителя приходскихъ училищъ.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Должности смотрителей приходскихъ училищъ въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, составляющихъ Виленскій учебный округъ, упразднить, примѣнивъ къ остающемуся, по сему случаю, за штатомъ, смотрителю приходскихъ училищъ Ковенской губерніи правила, существующія относительно чиновниковъ, остающихся за штатомъ.

2) Образовать въ Виленскомъ учебномъ округѣ, для управленія казенными училищами и для надзора какъ за сими училищами, такъ и за частными учебными заведеніями, по числу гимназій, 13 дирекцій училищъ, причисливъ къ вѣдомству ихъ учебныя заведенія по уѣздамъ слѣдующимъ порядкомъ: къ *Виленской* дирекціи — Виленскій, Трокскій, Лидскій и Ошмянскій уѣзды; къ *Свенцянской* — Свенцянскій, Виленскій и Дисненскій; къ *Гродненской* — Гродненскій, Волковыскій, Соколь-

скій и Слонимскій: къ *Бѣлостокской* — Бѣльскій, Брестскій, Кобринскій и Пружанскій; къ *Минской* — Минскій, Борисовскій и Шуменскій; къ *Слуцкой* — Слуцкій и Бобруйскій; къ *Мозырской* — Мозырскій и Рѣчицкій; къ *Пинской* — Пинскій; къ *Новогрудской* — Новогрудскій; къ *Ковенской* — Ковенскій и Вильномірскій; къ *Кейданской* — Россіенскій; къ *Шавельской* — Шавельскій и Тельшевскій, и къ *Поневѣжской* — Поневѣжскій и Александровскій.

3) Тѣмъ директорамъ гимназій, которые не получаютъ въ настоящее время разъѣздныхъ денегъ, назначить таковыя въ слѣдующемъ размѣрѣ: директорамъ гимназій Свенцянской, Бѣлостокской, Шавельской и Поневѣжской — по 250 р., Слуцкой и Мозырской — по 200 р., Пинской и Новогрудской — по 100 р. каждому, а Кейданской — 150 р., всего 1750 руб. въ годъ, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ суммы, которая отпускалась на жалованье, квартирныя и разъѣздныя деньги смотрителямъ приходскихъ училищъ губерній, составляющихъ Виленскій учебный округъ.

4) На директоровъ всѣхъ тринадцати дирекцій, въ-отношеніи управленія казенными учебными заведеніями, находящимися въ уѣздахъ каждой дирекціи, и надзора какъ за сими заведеніями, такъ и за частными училищами, возложить всѣ тѣ обязанности, кои лежатъ нынѣ, на основаніи устава учебныхъ заведеній, дополнительныхъ къ оному постановленій и счетнаго устава, на директорахъ училищъ губерній, составляющихъ Виленскій учебный округъ.

5. (22 февраля) *О предоставленіи библіотекарямъ университетовъ и ихъ помощникамъ и хранителю минцкабинета университета св. Владиміра правъ учебной службы по пенсіи.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: библіотекарямъ университетовъ и ихъ помощникамъ, а также хранителю минцкабинета университета св. Владиміра предоставить по пен-

сіямъ права и преимущества учебной службы, изъясненныя въ статьяхъ 466—527 III т. Св. Зак. (изд. 1857 г.) *Уст. о пенс. и един. пособ.* по учебной части мин. нар. просв.

6. (22 февраля) *О возобновленіи въ университетахъ и Ришельевскомъ лицеѣ преподаванія исторіи философіи, съ логикою и психологіею.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Возобновить въ университетахъ и Ришельевскомъ лицеѣ, на прежнемъ основаніи, преподаваніе исторіи философіи, съ логикою и психологіею.

2) Нужныя на содержаніе особаго для того профессора издержки обратить на свободныя суммы университетовъ и лицея и

3) Профессору богословія сохранить права и окладъ ординарнаго профессора.

Высочайшіе рескрипты:

1) *На имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Блудова.*

Графъ Дмитрій Николаевичъ. Указомъ Моимъ, въ 14-й день января сего года правительствующему сенату, признавъ за благо дать новое образованіе главному управленію цензуры, Я съ особеннымъ удовольствіемъ изъявляю вамъ, при освобожденіи васъ отъ занятій по званію члена бывшаго главнаго управленія цензуры, искреннее Мое благоволеніе и признательность за ту просвѣщенную дѣятельность, которую вы оказывали при исполненіи сопряженныхъ съ симъ званіемъ обязанностей. Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

2) *На имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника сенатора Мусова.*

Григорій Петровичъ. Указомъ Моимъ, въ 14-й день января сего года, правительствующему сенату, признавъ за благо дать новое образованіе главному управленію цензуры и освобождая

васъ, вслѣдствіе того, отъ обязанности члена бывшаго главнаго управленія цензуры, Я изъявляю вамъ при семъ случаѣ особенное Мое благоволеніе за усердное исполненіе, въ продолженіе десяти лѣтъ, возложенныхъ на васъ по сему званію обязанностей. Пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинныхъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С. Петербургѣ.
18 января 1860 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

ВЪ ПРИСУТСТВІИ СВОЕМЪ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ,

СОИЗВОЛИЛЪ ОТДАТЬ

ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЛѢДУЮЩІЕ

ПРИКАЗЫ:

№ 1. 1 января 1860 года.

ПРОИЗВОДИТСЯ ЗА ОТЛИЧІЕ:

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники — ординарный академикъ и непремѣнный секретарь Императорской академіи наукъ, статскій совѣтникъ *Веселовскій*.

№ 2. 18 января 1860 года.

По случаю преобразованія главнаго управленія цензуры, назначаются въ оное:

ЧЛЕНАМИ:

Товарищъ министра народнаго просвѣщенія, сенаторъ, тайный совѣтникъ *Мухановъ;* попечитель С. Петербургскаго

учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Делянов*ъ; директоръ канцеляріи кодификаціонной коммиссіи Царства Польскаго, тайный совѣтникъ *Пршецлавскій;* членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ и непремѣнный членъ центральнаго статистическаго комитета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тройницкій*, — съ оставленіемъ ихъ во всѣхъ занимаемыхъ нынѣ должностяхъ и званіяхъ; директоръ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Берте*, съ увольненіемъ отъ настоящей должности; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, заслуженый профессоръ С. Петербургскаго университета и редакторъ журнала министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Никитенко*, съ оставленіемъ въ должностяхъ ординарнаго академика и заслуженаго профессора, и управляющій III-ю экспедиціею особой канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, баронъ *Бюлеръ*, членомъ со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ, съ оставленіемъ въ настоящей должности и придворномъ званіи.

Сенаторъ, тайный совѣтникъ *Щербининъ* — членомъ главнаго управленія цензуры и предсѣдателемъ Московскаго цензурнаго комитета, съ оставленіемъ въ должности сенатора.

ПРАВИТЕЛЕМЪ ДѢЛЪ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ЦЕНСУРЫ:

Чиновникъ особыхъ порученій при бывшемъ главномъ управленіи, коллежскій совѣтникъ *Янкевичъ*.

№ 3. 31 января 1860 года.

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кисловской* — директоромъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія.

Директоръ С. Петербургской второй гимназіи, статскій совѣтникъ *Вороновъ* — вице-директоромъ департамента народнаго просвѣщенія.

№ 4. 4 февраля 1860 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Ректоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковалевскій*, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

НАЗНАЧАЕТСЯ:

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Бутлеровъ* — исправляющимъ должность ректора сего университета.

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Почетный попечитель Таганрогской гимназіи, отставной штабсъ-капитанъ *Сомовъ* — въ настоящей должности, на новое трехлѣтіе, съ 1860 года.

ПРОИЗВОДИТСЯ ЗА ОТЛИЧІЕ:

Въ коллежскіе регистраторы — канцелярскій служитель комитета правленія Императорской академіи наукъ Ѳедоръ *Луженцовъ*, со 2 января 1860 года.

№ 5. 18 февраля 1860 года.

УВОЛЬНЯЕТСЯ, СОГЛАСНО ПРОШЕНІЮ, ПО РАЗСТРОЕННОМУ ЗДОРОВЬЮ:

Попечитель Харьковскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зиновьевъ* — отъ сей должности, съ причисленіемъ къ министерству народнаго просвѣщенія.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

НАГРАЖДЕНИ:

Чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Членъ, главный редакторъ и правитель дѣлъ археографической коммиссіи, статскій совѣтникъ *Калачовъ* (22 декабря).

Перстнемъ съ вензелевымъ изображеніемъ Имени Его Императорскаго Величества.

Членъ и главный редакторъ археографической коммиссіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бычковъ* (22 декабря).

Орденами.

Св. Станислава 2-й степени: Членъ археографической коммиссіи, коллежскій совѣтникъ *Галанинъ* (1 января).

Св. Анны 3-й степени: Чиновникъ археографической коммиссіи, надворный совѣтникъ *Колчинъ* (1 января).

Св. Станислава 3-й степени: Чиновники археографической коммиссіи, коллежскій ассессоръ *Труворовъ* и титулярный совѣтникъ *Тимоѳеевъ* (1 января).

Единовременными выдачами.

Статскіе совѣтники: членъ и главный редакторъ археографической коммиссіи *Куникъ* и членъ *Савваитовъ;* чиновники той-же коммиссіи: коллежскіе секретари *Горбуновъ* и *Бермельевъ* (22 декабря).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ 1860 ГОДА.

1. (20 января) *Объ учрежденіи при Самарской гимназіи должности бухгалтера.*

Согласно представленію исправляющаго должность попечителя Казанскаго учебнаго округа, и на основаніи Высочайшихъ повелѣній, послѣдовавшихъ по положенію комитета гг. министровъ 14 августа 1834 г. и по положенію главнаго правленія училищъ 19 декабря 1859 г., министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ имѣть при Самарской гимназіи бухгалтера, съ производствомъ ему жалованья по 300 руб. сер. въ годъ изъ экономической суммы сей гимназіи.

2. (26 января) *О введеніи въ Тульской гимназіи обученія гимнастики и фехтованія.*

Согласно представленію управлявшаго Московскимъ учебнымъ округомъ, ректора Императорскаго Московскаго университета, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ ввести въ Тульской гимназіи обученіе гимнастики и фехтованія и производить учителю этихъ искусствъ, въ видѣ платы, по 150 руб. въ годъ изъ экономической суммы гимназіи.

ПРИКАЗЫ

МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:

№ 1. 15 января 1860 года.

ПРИЧИСЛЯЮТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Чиновникъ особыхъ порученій при попечителѣ Виленскаго учебнаго округа, титулярный совѣтникъ *Михальскій*, съ увольненіемъ отъ должности чиновника особыхъ порученій.

Прапорщикъ морской артиллеріи *Загуляевъ*.

ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:

Кандидатъ Императорскаго Московскаго университета *Гатцукъ* — исправляющимъ должность адъюнкта Ришельевскаго лицея по каѳедрѣ Русской словесности.

Вольнопрактикующіе врачи, лекари *Серебренный* и *Цеткинъ* — врачами уѣздныхъ училищъ, первый — Екатеринославскаго, а послѣдній — Елисаветградскаго.

НАЗНАЧАЕТСЯ:

Помощникъ библіотекаря Императорскаго Харьковскаго университета, титулярный совѣтникъ *Питра* — адъюнктомъ сего университета по каѳедрѣ ботаники, съ увольненіемъ отъ должности помощника библіотекаря.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Ординарные профессоры Императорскаго Дерптскаго университета: надворный совѣтникъ *Бульмеринкъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Клаусъ*, статскіе совѣтники: *Тобинъ*, *фонъ-Самсонъ* и *Миндингъ*, коллежскій совѣтникъ *Мейковъ* и надворный совѣтникъ *Циглеръ*, первый — предсѣдателемъ, а послѣдніе — засѣдателями апелляціоннаго и ревизіоннаго суда сего университета на 1860 г.

перемѣщаются:

Редакторъ отдѣленія департамента министерства юстиціи, надворный совѣтникъ *Рахманиновъ* — цензоромъ въ С. Петербургскій цензурный комитетъ.

Почетный смотритель Суджинскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Бабанинъ* — къ такой-же должности въ Елецкое уѣздное училище.

увольняется:

Ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета и академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Буняковскій* — отъ должности профессора при университетѣ съ 1 января сего года, съ оставленіемъ на службѣ въ академіи наукъ.

Указомъ правительствующаго сената 17 декабря 1859 г. № 225 переименованъ:

Въ коллежскіе секретари — почетный смотритель Нерехтскихъ училищъ, отставной штабсъ-капитанъ арміи Михаилъ *Ступишинъ*, соотвѣтственно означенному его военному чину.

№ 2. 27 января 1860 года.

причисляются къ министерству:

Директоръ училищъ Симбирской губерніи, статскій совѣтникъ *Грипенбергъ*, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Почетный попечитель Калужской гимназіи, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, коллежскій совѣтникъ *Яковлевъ*.

Числящійся при управленіи Императорскою главною квартирою, коллежскій секретарь *Бульмерингъ*, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:

Почетный членъ медицинскаго совѣта въ Царствѣ Польскомъ, главный лекарь Варшавской больницы Младенца Іисуса и директоръ оспопрививательнаго института, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Лебренъ*—въ Императорскую и Царскую Варшавскую медико-хирургическую академію ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ хирургіи оперативной съ десмургіею и клиники хирургической, съ оставленіемъ при занимаемыхъ имъ нынѣ должностяхъ.

Изъ отставныхъ, надворный совѣтникъ *Прибиль* — цензоромъ въ Московскій цензурный комитетъ.

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Преподаватель по каѳедрѣ теоретической хирургіи въ Императорской и Царской Варшавской медико-хирургической академіи, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Гирштовтъ* — ординарнымъ профессоромъ по той-же каѳедрѣ, съ оставленіемъ и въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ въ качествѣ консультанта при Варшавскихъ военныхъ госпиталяхъ.

Адъюнктъ Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскій ассессоръ *Бекетовъ* — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора сего университета по каѳедрѣ химіи.

Младшій лаборантъ лабораторіи департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, коллежскій секретарь *Соколовъ* — доцентомъ химіи при Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета по каѳедрѣ минералогіи, надворный совѣтникъ *Гревингъ*—въ настоящей должности.

ПЕРЕМѢЩАЮТСЯ:

Попечитель хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ Днѣпровскаго уѣзда, коллежскій секретарь *Гладкій* — почетнымъ смотрителемъ въ Алешковское уѣздное училище.

ПОРУЧАЕТСЯ:

Вице-директору департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику *Кисловскому* — управленіе канцеляріею министра народнаго просвѣщенія, съ 19 сего января, съ освобожденіемъ его отъ обязанностей по департаменту, кромѣ занятій по званію правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА:

Почетному смотрителю Корсунскаго уѣзднаго училища, коллежскому ассессору *Мотовилову* — на два мѣсяца.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНІЮ:

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Маркевичъ*.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА:

Старшему учителю Самарской гимназіи *Ленстрему* — за предоставленіе слѣдующаго ему по должности учителя тамошняго женскаго училища 1-го разряда жалованья по 240 р. сер. въ годъ въ пользу Самарскихъ женскихъ приходскихъ училищъ, на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій.

№ 3. 1 февраля 1860 года.

ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:

Оставшійся за штатомъ по случаю упраздненія главнаго педагогическаго института, бывшій ординарный профессоръ онаго, статскій совѣтникъ *Лебедевъ* — цензоромъ въ С. Петербургскій цензурный комитетъ.

Изъ отставныхъ, титулярный совѣтникъ *Ульянинъ* — почетнымъ смотрителемъ Лукояновскаго уѣзднаго училища.

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Чиновники особыхъ порученій при бывшемъ главномъ управленіи цензуры, статскіе совѣтники *Волковъ* и *Елагинъ*: первый — цензоромъ въ С. Петербургскій цензурный комитетъ, а послѣдній — чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія по дѣламъ Варшавскаго учебнаго округа.

Директоръ первой С. Петербургской гимназіи, статскій совѣтникъ *Игнатовичъ*, причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія, надворные совѣтники: баронъ *Розенъ* и *Гумаликъ* — старшими чиновниками особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры, съ увольненіемъ *Игнатовича* отъ настоящей должности.

Старшій секретарь канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Добровольскій* — старшимъ секретаремъ въ канцелярію главнаго управленія цензуры, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Ведровъ* — младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры.

Комитета цензуры иностранной: библіотекарь, надворный совѣтникъ *Есиповъ*, коллежскіе ассессоры: помощникъ старшаго цензора *Лебедевъ* и канцелярскій чиновникъ *Добровольскій*, первые двое — младшими цензорами, а послѣдній — экзекуторомъ и казначеемъ того-же комитета.

Чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ баронъ *Бистромъ* — старшимъ секретаремъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Помощникъ секретаря канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Галовъ*, старшій помощникъ столоначальника департамента народнаго просвѣщенія, титу-

лярный совѣтникъ *Раздольевъ* и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Бегушевичъ* — помощниками секретаря канцеляріи главнаго управленія цензуры, съ увольненіемъ отъ настоящихъ должностей.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Пемеллеръ* — журналистомъ и архиваріусомъ въ канцелярію главнаго управленія цензуры.

Секретарь канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Брадке* — секретаремъ канцеляріи главнаго управленія цензуры, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Чиновникъ особыхъ порученій при департаментѣ народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Поливановъ* — секретаремъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Доктора медицины: *Новацкій* и *Захарьинъ*—адъюнктами Императорскаго Московскаго университета по каѳедрамъ клиникъ: первый — госпитальной хирургической, а второй — терапевтической факультетской.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ, ПО ПРОШЕНІЯМЪ:

Ценсоръ С. Петербургскаго ценсурнаго комитета, статскій совѣтникъ *Гончаровъ*.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Беккеръ* — за болѣзнію, съ мундиромъ, сей должности присвоеннымъ.

Почетный смотритель училищъ Рогачевскаго уѣзда, инженеръ-подпоручикъ *Монкевичъ*.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ БЛАГОДАРНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:

Бывшему члену ученаго комитета главнаго правленія училищъ, дѣйствительному статскому совѣтнику *Срезневскому*—

за постоянную въ-теченіе трехъ лѣтъ дѣятельность по должности члена сего комитета.

Причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, а нынѣ младшему чиновнику особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры, надворному совѣтнику *Ведрову* — за особенную дѣятельность во время исполненія обязанности члена ученаго комитета главнаго правленія училищъ.

№ 4. 9 февраля 1860 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Чиновникъ особыхъ порученій IX класса при государственномъ контролѣ, титулярный совѣтникъ *Смирной*.

ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:

Изъ отставныхъ, коллежскій совѣтникъ *Вальдгардтъ* и коллежскій секретарь графъ *Толстой* — почетными смотрителями уѣздныхъ училищъ: первый — Борисоглѣбскаго, съ прежнимъ его чиномъ надворнаго совѣтника, въ которомъ состоялъ до увольненія въ отставку, а послѣдній — Одесскаго.

Магистръ естественныхъ наукъ *Горскій* — въ Императорскую и Царскую Варшавскую медико-хирургическую академію адъюнктомъ, для преподаванія зоологіи съ сравнительною анатоміею.

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Чиновникъ особыхъ порученій при бывшемъ главномъ управленіи цензуры, статскій совѣтникъ *Щебальскій* — въ главное управленіе цензуры редакторомъ литературныхъ обозрѣній для представленія Его Императорскому Величеству.

Инспекторъ первой С. Петербургской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Бардовскій* — директоромъ той-же гимназіи.

ПЕРЕВОДИТСЯ:

Помощникъ бухгалтера провіантскаго департамента военнаго министерства, коллежскій ассессоръ *Вильде* — младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНІЯМЪ:

Почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Стародубскаго — коллежскій ассессоръ *Миклашевскій*, Одесскаго — отставной маіоръ *Вассаль*, Темниковскаго — отставной штабсъ-капитанъ *Колобовъ*, Сумскаго — коллежскій секретарь *Линтваревъ* и Борзненскаго — губернскій секретарь *Раковичъ*.

ИСКЛЮЧАЕТСЯ ИЗЪ СПИСКОВЪ:

Умершій ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Тобинъ*.

Указомъ правительствующаго сената отъ 27 января 1860 г.

№ 10 — почетный смотритель Сергачскаго уѣзднаго училища, отставной подпоручикъ арміи, графъ Иванъ *Толстой* переименованъ, соотвѣтственно прежнему его военному чину прапорщика, въ коллежскіе регистраторы.

№ 20 — бывшій почетный смотритель Уфимскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ Владиміръ *Стрѣлковъ* произведенъ въ коллежскіе совѣтники въ отставку.

№ 5. 23 февраля 1860 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Буличъ*, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

НАЗНАЧАЕТСЯ:

Оставшійся за штатомъ при упраздненіи бывшаго главнаго педагогическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тихомандрицкій* — директоромъ второй С. Петербургской гимназіи.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Ординарные профессоры Императорскаго С. Петербургскаго университета, дѣйствительные статскіе совѣтники *Ленцъ* и *Горловъ*, со дня избранія ихъ, съ 23 декабря 1859 г., деканами факультетовъ: первый — физико-математическаго, по 1 января 1861 г., а послѣдній — юридическаго, по 30 іюня 1863 г., т.-е. по день выслуги каждымъ изъ нихъ 25 лѣтъ на полученіе званія заслуженаго профессора.

Исправляющіе должности директоровъ гимназій: Новогрудской — статскій совѣтникъ *Чашницкій* и Кейданской — коллежскій совѣтникъ *Речинскій* — въ настоящихъ должностяхъ.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНІЯМЪ:

Инспекторъ студентовъ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Филиповъ;* почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Козмодемьянскаго — коллежскій ассессоръ *Еремѣевъ* и Мокшанскаго — коллежскій секретарь *Кашинскій*.

КОМАНДИРУЕТСЯ:

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Смирной* — къ исправляющему должность попечителя Московскаго учебнаго округа для исполненія порученій по дѣламъ сего округа.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

УТВЕРЖДЕНЫ:

Намѣстникъ Кавказскій, генералъ-фельдмаршалъ князь *Барятинскій* — въ званіи почетнаго члена Императорскаго С. Петербургскаго университета (21 января).

Бывшій профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Черняевъ* — въ званіи почетнаго члена того-же университета (7 января).

Синдикъ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій ассессоръ *Бейзе* — президентомъ состоящаго при семъ университетѣ Эстскаго ученаго Общества на 1860 годъ.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія.

Купцу *Бурьеву* — за заботливость о приведеніи въ устройство Самарскаго женскаго училища 1-го разряда и за отличное усердіе и дѣятельность при открытіи 1-го и 2-го женскихъ приходскихъ училищъ (26 января).

О КНИГАХЪ,

одобренныхъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Livre du jeune âge, изд. *Минцловъ*.

Библіотекарь Императорской публичной библіотеки *Минцловъ* издалъ книгу подъ заглавіемъ: «Livre du jeune âge». Министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ пріобрѣтать эту книгу для библіотекъ учебныхъ заведеній съ тѣмъ, чтобы за полученіемъ училищныя начальства обращались къ самому автору, въ Императорскую публичную библіотеку.

Руководство къ ариѳметикѣ, сост. *Никулинымъ*.

Тверской учитель *Никулинъ* составилъ «Руководство къ ариѳметикѣ» для употребленія преимущественно въ женскихъ

училищахъ. Министръ народнаго просвѣщенія призналъ возможнымъ допустить означенное руководство къ употребленію, въ видѣ учебнаго пособія, въ учрежденныхъ и имѣющихъ быть учрежденными, на основаніи Положенія 30 мая 1858 года, женскихъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы начальства означенныхъ училищъ, въ случаѣ надобности въ этой книгѣ, обращались съ требованіями о высылкѣ оной къ автору въ г. Тверь. Цѣна книги 25 коп. за экземпляръ.

О первоначальномъ развитіи умственныхъ способностей, соч. *Анопкина.*

Сочиненіе штатнаго смотрителя Ставропольскаго училища *Анопкина* подъ названіемъ: «О первоначальномъ развитіи умственныхъ способностей», одобренное ученымъ комитетомъ главнаго правленія училищъ, по приказанію министра народнаго просвѣщенія, рекомендуется преподавателямъ.

Historya Swięta i Katechizm dla dzieci, сост. *Козловскимъ.*

Министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ принять въ употребленіе по приходскимъ училищамъ, въ коихъ имѣются законоучители Римскокатолическаго исповѣданія, составленное каноникомъ *Козловскимъ* руководство: «Historya Swięta i Katechizm dla dzieci». Книга эта продается въ г. Вильнѣ, у книгопродавца Завадскаго, по 20 коп. сер. за экземпляръ.

II.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

УЧЕБНИКИ

ПО ТЕОРІИ ПРОЗАИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ.

(*Продолженіе*).

Учебники XVIII вѣка

7. «*Избранные вопросы* съ отвѣтами изъ Россійской риторики г. Рижскаго, съ дополненіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ риторики г. Ломоносова», соч. протоіерея *Антоновскаго*. Харьковъ, 1814 года.

Харьковскаго коллегіума учитель высшей риторики, математики и Еврейскаго языка, протоіерей Стефанъ Антоновскій, издавая свою книгу, имѣлъ въ виду «единственно *облегчить* трудъ начинающихъ, и предложить удобнѣйшій способъ *легче* изучивать и *тверже* впечатлѣвать въ памяти правила, руководствующія къ образованію способности слова (предувѣдомленіе)». Потому, самобытнаго въ ней ровно ничего нѣтъ; основаніе и планъ взяты изъ риторики Рижскаго, подробность развитія ихъ оттуда; изъ руководства Ломоносова немного сюда внесено, именно вступленіе и ученіе о страстяхъ. Весь учебникъ предложенъ

въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ; иногда вопросъ больше отвѣта (напр. стр. 100, 97, 95 и пр. и пр.). Такъ-какъ весь учебникъ заимствованъ у Рижскаго и Ломоносова, то и недостатки, а равно и достоинства его суть тѣ-же, какіе мы прежде отмѣтили въ риторикахъ того и другаго. Примѣровъ только нигдѣ нѣтъ; авторъ отсылаетъ за этимъ къ своимъ образцамъ (предувѣдомленіе).

8. *Правила* словесности, руководствующія отъ первыхъ началъ до высшихъ совершенствъ краснорѣчія въ четырехъ частяхъ. Соч. Якова *Толмачева* С. Пб. 1818 года—1822 (22).

Свое понятіе о словесности, побужденіе къ написанію учебника и *главное* направленіе его Толмачевъ ясно высказалъ въ началѣ своей книги. Подъ словесностію онъ разумѣетъ науку, способствующую говорить «красно и прилично (стр. I)», содѣлывающую человѣка «истинно-краснорѣчивымъ (стр. II)».

Побужденія къ начертанію «Правилъ» были—преобладаніе схоластицизма въ Русскихъ учебникахъ и отсутствіе основательности въ нихъ». Толмачевъ пишетъ: «читая системы риторической науки, особенно изданныя на Русскомъ языкѣ, можетъ всякій замѣтить, что главный ихъ недостатокъ состоитъ въ какомъ-то голомъ схоластицизмѣ. Нигдѣ почти логика не соединена съ правилами риторики (стр. X)».

Какъ-же поступить намѣренъ самъ авторъ? «Я, по возможности, старался основать ихъ на разумѣ, яко источникѣ человѣческаго слова...; старался послѣдующее основать на предыдущемъ (стр. XII—XV)».

Разсмотримъ-же самый учебникъ. Правила словесности имѣютъ четыре части: въ *первой* (XIV главъ) говорится о схоластическихъ предметахъ риторики: отъ источниковъ изобрѣтенія до хріи; во *второй* и *третьей*—о качествахъ слога; въ *четвертой*—объ исторіи древней словесности и разныхъ родахъ прозаическихъ сочиненій.

(22) Книга стоила 25 рублей ассигн.

Прежде всего въ учебникѣ бросается въ глаза путаница статей, безсистемность; такъ, въ первой части говорится о совершенствахъ витіи, его образованности по уму и сердцу, то-же повторяетъ авторъ и въ четвертой (гл. V и VI). Третья часть содержитъ, между прочимъ, ученіе о видахъ поэзіи (гл. VII и VIII). Въ первой части прекрасны не разсужденія Толмачева о разныхъ средствахъ изобразить мысль тѣлодвиженіями, іероглифами и словами (гл. II), не замѣчанія о словахъ вообще (гл. III), не докучные толки о предложеніяхъ, источникахъ изобрѣтенія, періодахъ, строчныхъ знакахъ и хріяхъ (гл. V, VI, IX, XI—XIV), а мысли о философской исторіи языка и одно замѣчаніе объ общихъ мѣстахъ (гл. IV и VI). Въ философской исторіи языка Толмачевъ логически, на основаніи устройства мысли, выводитъ необходимость частей рѣчи въ грамматикѣ, составъ предложеній, чиселъ, падежей, степеней сравненія, родовъ; указано тутъ въ *первый* разъ на отличительную черту Русскаго языка — свободу словорасположенія (стр. 39—40). Хотя подобное явленіе въ нашихъ учебникахъ отнюдь не новое (Рижскій то-же сдѣлалъ въ своемъ введеніи), и хотя многое взято тутъ изъ курсовъ Блера и Кондильяка (самъ авторъ сознается); однако все-таки подобные взгляды служатъ истиннымъ украшеніемъ правилъ словесности Толмачева...

Замѣчаніе объ общихъ мѣстахъ имѣетъ цѣлію оправдать взглядъ древнихъ писателей на это дѣло. Толмачевъ пишетъ: «древніе говорили объ общихъ мѣстахъ потому, что примѣтили во всѣхъ вещахъ одного рода однѣ и тѣ-же принадлежности (стр. 46)».

Вторая часть содержитъ ученіе «о свойствахъ и совершенствахъ слога механическихъ, единственно почти отъ словъ и ихъ соединенія проистекающихъ». Здѣсь много предметовъ, вовсе не относящихся къ теоріи словесности, а скорѣе къ грамматикѣ и филологіи, напр. главы (II) о ладѣ рѣчи, о словорасположеніи (гл. VII), словосочиненіи (гл. V), о словѣ, какъ звукѣ (гл. III) и какъ знакѣ понятія (гл. IV), о необходимости соот-

вѣтствія словъ съ вещами (гл. IV). Къ риторикѣ-же относятся замѣчанія о соединеніи періодовъ, искусственномъ и механическомъ; о родахъ рѣчей, раздѣляющихся на три слога: на слогъ разсудка, слогъ вооображенія и слогъ страстей; о тропахъ и ихъ значеніи въ языкѣ и наконецъ о фигурахъ, гдѣ можно найти одни сухія опредѣленія съ такими-же примѣрами. Все излагается на основаніи Діонися Галикарнасскаго, Цицерона, Квинтиліана и Горація, мысли коихъ цѣликомъ приводятся сокращенно по-Русски, а подлинно по-Латыни, подъ чертою.

Часть третія, «содержащая продолженіе науки о слогѣ», содержитъ уясненіе внутреннихъ свойствъ его. Тутъ много лишняго и неумѣстнаго. Три первыя главы о разныхъ дѣйствіяхъ разсудка и внутреннихъ качествахъ слога, о дѣйствіяхъ воображенія и страстей и внутреннихъ качествахъ слога, оттуда происходящихъ (гл. I, II, III), вовсе не идутъ къ словесности, а къ логикѣ; говорить-же о зависимости слога отъ воображенія, разсудка и страстей неосновательно: ибо представляется вопросъ, отъ чего-же дѣйствія другихъ силъ души и слогъ, оттого происходящій, опущены? Странное выдумалъ основаніе Толмачевъ для дѣленія сочиненія на роды; основаніе это—способности души: разсудокъ, воображеніе и страсти (гл. IV). Отъ перваго происходятъ сочиненія философскія (гл. V), отъ второй—сочиненія стихотворныя (гл. VI, VII и VIII), и отъ третьей — ораторскія рѣчи (гл. IX). Вслѣдъ за тѣмъ излагается ученіе объ указанныхъ предметахъ, на основаніи Мармонтеля, Сульцера, Баттё и Буало. Говоря о философскихъ сочиненіяхъ, Толмачевъ толкуетъ, какъ писать сочиненія математическія, философскія, историческія, метафизическія и систематическія (стр. 38). Въ отдѣлѣ о стихотворныхъ сочиненіяхъ, поставивъ цѣлію поэмъ—поученіе (стр. 70), Толмачевъ перебираетъ виды поэзіи и ложно-классически разсматриваетъ свойства каждаго изъ нихъ. Ясно, что этотъ отдѣлъ неумѣстенъ въ теоріи прозаическихъ сочиненій. Девятая глава, одинадцатая и тринадцатая, по всему праву, должны быть отнесе-

ны къ риторикѣ; какъ-же авторъ говоритъ о предметахъ, которымъ посвящены эти главы? «цѣль ораторскихъ рѣчей (гл. IX) наставлять, плѣнять и возбуждать, наставлять—разсудокъ, плѣнять—воображеніе и возбуждать—страсти (стр. 157). Слогъ бываетъ новый, необыкновенный, разительный, сильный (стр. 159). Во второмъ отношеніи слогъ бываетъ такой, что онъ «измѣняетъ пріятность страстей на смятеніе всѣхъ душевныхъ способностей (стр. 162)». А какъ назвать этотъ слогъ? Авторъ не сказалъ. Наконецъ, возбуждать страсти можно только на основаніи твердыхъ доказательствъ; иначе слогъ будетъ холоденъ, надутъ и школенъ (стр. 164). Вотъ что говоритъ авторъ въ ученіи объ ораторскомъ слогѣ. Въ XI главѣ указаны свойства слога, происходящія отъ языка, слуха, вкуса, познаній, дарованій, наклонностей, воспитанія, возраста, вѣка, страны и отъ другихъ отношеній. «Названія каждаго вида слога столь разнообразны, говоритъ авторъ, что исчислить и опредѣлить ихъ невозможно... Я насчитывалъ, замѣчаетъ онъ, именованія слога, по различнымъ его качествамъ до *полуторы* тысячи (стр. 214, 215 и 5 часть III)». Потому авторъ призналъ только три существенныя качества слога: простоту, краткость и приличіе (отъ разсудка, воображенія и страсти стр. 194); въ послѣдней главѣ предлагаются средства усовершить слогъ. Въ остальныхъ главахъ (гл. X, XI, XII) только замѣчательна слѣдующая мысль: «чувство благоговѣнія придаетъ Славянскимъ словамъ достопочтимый видъ величія и важности (стр. 205)». Изъ обозрѣнія этой главы видно, что она, при соблюденіи наружнаго единства (ибо все производится отъ трехъ словъ: научать, плѣнять и возбуждать), не имѣетъ единой мысли и предметы изъ другихъ наукъ вноситъ безъ всякаго основанія и нужды; разсуждаетъ о такихъ предметахъ, которые въ прежнихъ частяхъ этого-же учебника и въ слѣдующихъ предлагаются; такъ, гл. XII (объ усовершенствованіи слога) говоритъ о необходимости образовывать умъ и сердце оратору (стр. 257 и д.), умъ науками, чтеніемъ, упражненіемъ, подражаніемъ и соб-

ственными сочиненіями, а сердце—ничѣмъ (ибо авторъ только указалъ вліяніе сердца на разумъ стр. 264); все сказанное здѣсь касательно ума и сердца повторяется и въ первой части, гдѣ замѣчено, что витія долженъ образовать умъ и сердце: умъ—науками, сердце—опять ничѣмъ (1 часть 1 гл.): и въ четвертой, гдѣ особенная есть глава «о познаніяхъ, необходимыхъ для витіи (гл. V), а также «о нравственныхъ качествахъ писателя (гл. VI)». Зачѣмъ-же въ учебникѣ позволять себѣ «idem per idem»? Разсужденія-же автора о слогѣ не имѣютъ никакого основанія; оттого онъ и насчитывалъ до полуторы тысячи именованій слога.

Въ четвертой части тоже нѣтъ стройности. Изъ XVIII главъ ея первыя семь совершенно неумѣстны въ учебникѣ; одни потому, что предметы ихъ относятся къ другимъ наукамъ, а другія потому, что ранѣе должны были быть поставлены въ руководствѣ. Такъ, почему въ четвертой части (гл. I) своихъ правилъ словесности авторъ вздумалъ говорить «о причинахъ, побуждающихъ заниматься словесностію?» Мѣсто такому вопросу въ первой части. Мы уже замѣтили, что о качествахъ витіи (гл. V, VI и VII) здѣсь уже въ третій разъ предлагается; оттого мысль читателя раздробляется и не получаетъ одного сосредоточеннаго впечатлѣнія. Затѣмъ, на какомъ основаніи авторъ предложитъ тутъ (гл. II и III) краткое обозрѣніе словесности у древнихъ народовъ—Египтянъ, Ассиріянъ, Евреевъ и даже Вавилонянъ? Если онъ хотѣлъ показать исторію краснорѣчія, то можно рѣшительно не вѣрить ему: ибо что̀ мы знаемъ о краснорѣчіи Египтянъ, Ассиріянъ и Вавилонянъ? Всѣ ученые, истинно-ученые начинаютъ исторію краснорѣчія съ Грековъ и Римлянъ, какъ и сдѣлалъ Мерзляковъ. У Толмачева о Греческомъ просвѣщеніи слегка говорится «съ предварительнымъ объясненіемъ происхожденія прозы и поэзіи; о Римлянахъ — ни слова, хотя самъ авторъ цѣлыя страницы главы бралъ изъ Цицерона, Квинтиліана и Горація... Для насъ слѣдовательно важны только разсужденія автора о рѣ-

чахъ (гл. VIII—XV) и другихъ родахъ прозаическихъ сочиненій.

Рѣчи раздѣляются на поучительныя, описательныя и совѣщательныя. Предметъ поучительныхъ—объясненіе и доказательства умозрительныхъ истинъ, слѣдовательно убѣжденіе разума; предметъ описательныхъ — изображеніе предметовъ и явленій предметовъ міра, слѣдовательно пораженіе воображенія; предметъ совѣщательныхъ рѣчей убѣжденіе къ дѣйствіямъ внутреннимъ и внѣшнимъ (стр. 126), яснѣе—возбужденіе страстей. Части рѣчи указаны: приступъ, предложеніе, раздѣленіе, объясненіе, доказательство, опроверженіе и заключеніе. Дальше уяснено содержаніе каждой части и все на основаніи Цицерона. Каждому виду рѣчей посвящено по особой главѣ и прибавлены въ самомъ изложеніи еще особыя главы о рѣчахъ судебныхъ, народныхъ и церковныхъ, какъ подвидахъ совѣщательныхъ рѣчей. Здѣсь новаго ничего нѣтъ. Потому, не вредя полному понятію своему объ этомъ учебникѣ, мы перейдемъ къ другимъ родамъ прозаическихъ сочиненій.

Къ другимъ родамъ прозаическихъ сочиненій относитъ Толмачевъ: *письма* и *разговоры*. О разговорахъ сказать нечего. А письма, хотя легкаго, стоютъ замѣчанія. Авторъ дѣлитъ ихъ на низкія, среднія и высокія; въ первыхъ изображаются маловажные предметы жизни, во вторыхъ—ученыя изслѣдованія предлагаются и въ третьихъ выражаются сильныя чувствованія, предметъ весьма важенъ и лице высокую степень занимаетъ. Очевидно, что это дѣленіе уже давнее въ нашихъ учебникахъ.

По обычаю, глава о произношеніи ораторскомъ заключаетъ «правила словесности» Толмачева.

Такимъ образомъ «Правила словесности» Толмачева 1) самое добросовѣстное сочиненіе, но ничего не имѣющее самостоятельнаго. Авторъ вездѣ приводилъ цѣликомъ огромныя мѣста изъ сочиненій Діонисія Галикарнасскаго, Аристо-

теля, Цицерона, Квинтиліана, Горація; съ курсами Блера, Кондильяка, Лагарпа, Батте и Буало мы можемъ близко познакомиться изъ разсмотрѣннаго нами учебника. Такъ-какъ авторъ отъ себя рѣдко говоритъ, а цитуетъ указанныхъ писателей, то понятна и та безсистемность, которая находится въ его учебникѣ: объ одномъ и томъ-же предметѣ говорится въ разныхъ мѣстахъ; иногда статьи перепутываются (23).

2) Отсюда—изъ перечисленія писателей классическихъ и ложно-классическихъ вышло два направленія въ правилахъ словесности Толмачева: схоластицизмъ и ложно-классицизмъ. Первый обнаружился въ ученіи о мѣстахъ, хріяхъ, частяхъ рѣчи ораторской, тропахъ и фигурахъ. Авторъ во всѣхъ родахъ и видахъ словесныхъ произведеній непремѣнно хотѣлъ видѣть выполненіе трехъ условій: научить, плѣнить и возбудить,—потому фигуры, между прочимъ, раздѣлилъ на фигуры разсудка, воображенія и страстей; высокое зависитъ у него отъ разсудка, воображенія и страстей; проза бываетъ философская, піитическая и ораторская; слогъ зависитъ отъ разсудка, воображенія и страстей; цѣль рѣчей—научать разсудокъ, плѣнять воображеніе и трогать страсти (часть II отд. 2, часть III гл. I, X, часть IV гл. IX и пр.). Такая небывалая въ нашихъ учебникахъ натяжка единственно произошла оттого, что Квинтиліанъ сказалъ: «tria sunt, quae praestare debet *orator*, ut doceat, delectet, moveat (Lib. III cap. V)». У Цицерона почти то-же: «tribus rebus omnes ad nostram sententiam perducimus: aut docendo, aut conciliando, aut permonendo (de Orat. lib. II num. 310 et 187. Orator. num. 69). — Но забылъ Толмачевъ, что такую обязанность долженъ выполнять «orator», а не вообще «scriptor»... Направленіе ложно-классическое состоитъ въ частныхъ развитіяхъ

(23) Отзывы Плаксина и Глаголева совершенно справедливы. Плаксинъ видитъ здѣсь «сборъ, случаемъ снесенныхъ безъ разбора, мнѣній разныхъ вѣковъ и направленій (Краткій курсъ 1832 стр. 152). Глаголевъ прилагаетъ къ Толмачеву слѣдующую пословицу: nullius sectae addictus, contulit plurium in unum inventa.

всѣхъ предметовъ риторики вездѣ, гдѣ только Толмачевъ приводитъ слова Французскаго писателя.

3) Авторъ большею частію исполнилъ свое желаніе—основать все на разумѣ, но не вездѣ: роды предложенія и источниковъ изобрѣтенія, періодовъ и хрій не построены на принятыхъ имъ основаніяхъ: разсудкѣ, воображеніи и страстяхъ. Сверхъ того, онъ впалъ въ важную ошибку: внесъ въ свой учебникъ много статей изъ логики, психологіи, филологіи, грамматики и эстетики. Въ этомъ отношеніи Толмачевъ первоначальникъ тѣхъ учебниковъ, гдѣ съ изобиліемъ излагаются понятія логическія, психологическія и эстетическія.

4) Во всемъ учебникѣ замѣчательны двѣ статьи: философія исторіи языка и ораторскія рѣчи. Первое замѣчательно по основательности, а второе по подробности. Но и то и другое не есть новость въ нашихъ руководствахъ.

5) Примѣры весьма разнообразны, но предпочтеніе дано Французскимъ писателямъ. Примѣры у Толмачева самая превосходная сторона его учебника: приводится много большихъ отрывковъ изъ знаменитыхъ писателей, часто по нѣскольку мѣстъ на одно правило. Примѣры его лучше представленныхъ у Ломоносова.

Изъ прозаическихъ сочиненій здѣсь говорится только о рѣчахъ, письмахъ и разговорахъ.

9. *Правила краснорѣчія*, въ систематическій порядокъ науки приведенныя и Сократовымъ способомъ расположенныя. *Ѳеофилактъ Малиновскій*. С. П. Б. 1816.

«Правила краснорѣчія» Малиновскаго переносятъ взглядъ читателя опять за нѣсколько лѣтъ назадъ, ибо планъ и развитіе его далеко не современны 1816 году. У Малиновскаго опять видимъ раздѣленіе риторики на изобрѣтеніе, расположеніе и украшеніе.

Если въ планѣ и развитіи его вообще нѣтъ ничего новаго, то по-крайнѣй-мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ предметахъ

«Правилъ краснорѣчія» нельзя-ли указать хотя что-нибудь достойное замѣчанія?

Обратимся къ содержанію. Предъ первою частію говорится «о краснорѣчіи вообще (стр. I—30)». Тутъ авторъ разрѣшаетъ слѣдующіе вопросы: какъ науку краснорѣчія называютъ? почему, на какой конецъ и что изъ сего слѣдуетъ? что такое риторика дѣтская, философская и какія способности участвуютъ въ краснорѣчіи? какъ убѣждается разумъ и трогается сердце? Наконецъ, какія должности оратора? Мысли его объуказанныхъ предметахъ большею частію странны, по своему шуточному и игривому тону. Такъ, авторъ, указавъ главную цѣль краснорѣчія «въ удовольствіи», объясняетъ происхожденіе его слѣдующимъ образомъ: «природа по всему тѣлу распространила чувствительные нервы на подобіе волосяныхъ трубочекъ, наполнила ихъ упругими жидкостями... Стройное потрясеніе сихъ нервовъ производитъ чувственное удовольствіе (стр. 7, 14), которое и есть цѣль оратора». Должность оратора, по мнѣнію автора, состоитъ въ томъ, чтобы изобрѣсть всю матерію, нужную для сочиненія, потомъ избрать удобнѣйшій путь къ произведенію впечатлѣнія въ сердцѣ и дѣйствія въ умѣ; наконецъ «пусть онъ, продолжаетъ авторъ, старается навести на сіи жилы и кости тѣло нѣжное, бѣлое, полное, со всѣми выразительными чертами краснорѣчія и его *красавица будетъ готова* (стр. 29)»... Между такими оригинальными мыслями есть и дѣльныя, напр. о потребностяхъ разума, состоящихъ въ ясности, истинности, единствѣ и полнотѣ... Но эти мысли умѣстны въ логикѣ...

Пересмотримъ теперь самое дѣло. Первая часть толкуетъ «о изобрѣтеніи главнаго мнѣнія или той цѣли, къ которой всякая мысль должна стремиться въ сочиненіи». Высказавъ нѣсколько замѣчаній о трудности изобрѣтенія главнаго мнѣнія, его достоинства и зависимости отъ сочинителя и вкуса, Малиновскій излагаетъ теорію вкуса, потомъ идетъ рѣчь «о изобрѣтеніи разнообразія» (т. е. какъ распространить главную мысль), гдѣ и перечисляются всѣ источники изобрѣтенія. Та-

кимъ образомъ распространивши главное мнѣніе, авторъ вопрошаетъ, какъ называется «распространенное предложеніе» и разсматриваетъ періоды. По сознанію-же автора, «періодовъ весьма недовольно къ убѣжденію ума и сердца», ибо «здѣсь придаточныя мысли происхожденіемъ своимъ одолжены болѣе случаямъ»; потому должно сказать (и говорится) объ изобрѣтеніи доказательствъ и объ отношеніи ихъ къ уму и сердцу (стр. 83—84).

Изложеніе автора не представляетъ ничего замѣчательнаго относительно основнаго начала; предлагаются вопросы и разрѣшаются, безъ всякаго желанія казаться ученымъ. Авторъ всегда говоритъ отъ себя. Въ теоріи вкуса онъ опредѣляетъ, что такое вкусъ, есть-ли вкусъ врожденный, отчего различіе вкусовъ и существенны-ли сіи различія. Статья о изобрѣтеніи разнообразія только своимъ заглавіемъ (ни у кого еще не было подобнаго) и отличается отъ прочихъ учебниковъ, излагающихъ тотъ-же предметъ. По обыкновенію, Малиновскій перебираетъ виды источниковъ изобрѣтенія, тутъ-же ихъ опредѣляетъ, не приведши ни одного примѣра. Говоря о распространеніи предложенія, онъ выводитъ синонимы, вопросы, и, пояснивъ ихъ однимъ примѣромъ, заканчиваетъ ученіе свое объ источникахъ изобрѣтенія. Статьи о періодахъ и доказательствахъ показываютъ болѣе внѣшнюю сторону (союзы и дробные признаки), нежели внутреннюю и разумную. Послѣдній предметъ первой части засуживаетъ полнаго вниманія: тутъ говорится о страстяхъ и прекрасно описаны ихъ виды со стороны ихъ «корня, признаковъ и дѣйствія на нихъ оратора». Малиновскій напоминаетъ своимъ разсмотрѣніемъ главу о страстяхъ изъ Ломоносовой риторики... Только односторонне онъ понялъ страсть, сказавши, что она есть «чувствованіе особливаго движенія въ *животной* природѣ, сопровождаемое или удовольствіемъ или досадою (стр. 103)».

Часть *вторая* о расположеніи предлагаетъ правила о расположеніи вообще (какъ у Ломоносова), гдѣ показывается,

что «одна мысль можетъ течь въ другую, другая въ третью, а третья въ главную, какъ ручей льется въ рѣку, рѣка въ море, а моря уже составляютъ океанъ (стр. 129)» и предлагаются другія общія замѣчанія, не оживленныя примѣрами. Потомъ говорится о расположеніи *періодовъ*, *хрій* и *разсужденій*.

Расположеніе періодовъ — прекрасная, хотя небольшая статья. Здѣсь берется и примѣръ и осязательно показывается, какъ въ немъ устроенъ періодъ, что не вѣрно и что вѣрно. Малиновскій совѣтуетъ, чтобы въ періодѣ «управляющія части рѣчи съ своими управляющими стояли сколь можно ближе»; частицы противоположныя находились-бы при словахъ противоположныхъ; переходъ отъ обстоятельствъ къ обстоятельствъ долженъ быть ясенъ. Наконецъ должно заботиться о должномъ размѣщеніи самыхъ буквъ, дабы не «раздражить слуха стеченіемъ твердыхъ и многихъ гласныхъ (стр. 134)».

Ученіе о хріяхъ важно по своему разумному объясненію частей хріи, ихъ порядка и странному, вычурному способу выраженія автора. Разумъ прежде всего ищутъ *причины явленія* «потрясаютъ ли небеса громы, или колеблются моря»; послѣ приведенныхъ причинъ, разумъ можетъ предвидѣть возраженія: чтобы его успокоить, надобно отнять у него всѣ поводы къ сомнѣнію: сіе-то значитъ положить противное послѣ причины, Потомъ мы должны «нечувствительно подсунуть къ сердцу», что и дѣлаемъ чрезъ подобіе: ибо оно отвлеченное понятіе вводитъ въ чувственный міръ. Остается потрясти сердце; для сего авторъ хріи «повторяетъ передъ зрителями похвальныя, или постыдныя дѣянія. Ужасы ихъ бѣгутъ мимо очей нашихъ; а благодѣянія, такъ какъ бѣлые голуби съ краезлатыми крыльями и позлащенными междураміями, носятся надъ нами». За симъ *свидѣтельство* «довершаетъ потрясеніе сердца». Чтобы восторжествовать надъ слушателемъ, надобно «припомнить что-нибудь неподверженное никакому сомнѣнію, что-нибудь священное, оглушающее, такъ-сказать, и усыпляющее самую строгую разборчивость». Наконецъ заключеніе должно «изливаться въ са-

мыхъ быстрыхъ и стремительныхъ струяхъ огненной рѣчи, являющихся во всемъ великолѣпіи радужныхъ цвѣтовъ (стр. 140—142)». Примѣра не представлено. Нѣтъ примѣра и на хрію превращенную. Къ хріи пріурочено маленькое замѣчаніе о соритѣ, дилеммѣ и энтимемѣ...

Въ разсужденіяхъ разсматривается, изъ чего должны состоять вступленіе, доказательства и заключеніе. Къ этому присоединено ученіе о естественномъ, смѣшномъ, высокомъ и красивомъ. По какой причинѣ введено здѣсь ученіе—объ этомъ не сказано и ни въ какомъ еще учебникѣ оно въ указанномъ мѣстѣ не было излагаемо.

Третья часть начинается слѣдующими стихами:

«Въ расположеніи вся сила состоитъ;
Пріятства, красоты и вкусъ оно родитъ».

За симъ вопросъ: «не ужели и самая красота сочиненія состоитъ въ расположеніи? Точно такъ», отвѣчаетъ авторъ (стр. 174) и вслѣдъ за неудачнымъ введеніемъ, передаетъ теорію троповъ и фигуръ. Умно объяснилъ Малиновскій значеніе троповъ въ языкѣ, сказавъ, что они обогащаютъ языкъ, разумное представилъ основаніе для дѣленія ихъ на четыре вида: потому-что самыя нижнія бываютъ подобны, соотносительны, содержатся одно въ другомъ и противны. Самое объясненіе троповъ прежнее; но метафора прекрасно описана: ибо послѣ опредѣленія ея указано раздѣленіе метафоръ, достоинство и виды ея: аллегорія и иперболa. Фигуры не представляютъ равно ничего новаго; раздѣленіе ихъ на фигуры словъ и мыслей, составъ первыхъ, заключающійся или въ недостаткѣ, излишествѣ, повтореніи и соотвѣтствіи, а составъ вторыхъ, относящейся или къ уму, сердцу, и страстямъ-все — это уже прежнее...

И такъ 1) «Правила краснорѣчія» Малиновскаго—отсталый учебникъ въ ряду сейчасъ разсмотрѣнныхъ нами. Не только въ планѣ и главномъ развитіи его, но и въ частныхъ мысляхъ не представилъ онъ ничего новаго. Только три мѣста во всемъ

руководствѣ и заслуживають вниманія, за свое дѣльное изложеніе: это—ученіе о страстяхъ, о расположеніи періодовъ и объясненіе метафоры.

2) Примѣрами учебникъ весьма скуденъ; на большую часть теоріи приведены, по обыкновенію, примѣры изъ Греческой и Римской жизни; изъ Русскихъ представлены: «Россійскій Пиндаръ Ломоносовъ (стр. 26)», Сумароковъ, Державинъ, Шишковъ и Кантемиръ. Но примѣры изъ народной нашей поэзіи въ первый разъ встрѣчаются въ учебникѣ Малиновскаго:

«Отрощу я свои крылья, крылья быстрыя,
Оживлю я свои ноги, ноги рѣзвыя (примѣръ на усугубленіе стр. 190)».

Слова «прекрасной Ярославны: полечу я горлицею по Дунаю (на наклоненіе стр. 192)».

3) По образу изложенія, «Правила краснорѣчія» напоминають Антоновскаго; и тотъ и другой въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ предложили свою теорію краснорѣчія.

4) Замѣчательно, впрочемъ, руководство это по своему тону. Авторъ во многихъ мѣстахъ разсчитываетъ на эффектъ и разсказываетъ большіе ужасы; напр., бѣдная женщина умерла съ голоду и отчаянія, а *юныя* ея дѣти находились въ самомъ страшномъ состояніи: одинъ напрасно искалъ утѣшенія «въ охладѣлыхъ и присохшихъ ея сосцахъ», а другой былъ прижатъ объятіями; такимъ примѣромъ авторъ думалъ доказать, что не должно быть жестокосердымъ (стр. 24),—какъ въ срединѣ *бѣдной* хижины, старецъ, вынувъ послѣдній кусокъ черпаго и черстваго хлѣба и обмочивъ слезами, «испускаетъ духъ свой», а сироты «*младенцы* ползають вокругъ хладнаго его тѣла. Все сіе, заключаетъ авторъ, совершается предъ твоими глазами и неужели ты не чувствуешь никакого сожалѣнія (стр. 104)»? Такой характеръ учебника не есть-ли изображеніе того направленія въ нашей литературѣ, который развился въ ней послѣ появленія «Бѣдной Лизы» Карамзина и первыхъ стихотвореній Жу-

левскаго, изъ которыхъ одно и начинается и заканчивается страшными образами; напр.

«Страшно въ могилѣ темной и хладной
Вѣтры тамъ воютъ, гробы *трясутся*,
Бѣлыя кости *стучать*,
Червь *кровожадный* точитъ умершихъ
Въ черепахъ желтыхъ *жабы* гнѣздятся и пр.»?

Попадаются въ учебникѣ слѣдующія выраженія: *важнеть* искусствомъ (стр. 157), читатели *глупые* люди (стр. 151), сочинители упадаютъ въ яму и кричатъ: *эй! помогите*, помогите *добрые люди* (стр. 33)! мы болѣе всего страшимся потери любимыхъ *вещей* т. е. родителей, супруговъ, дѣтей (стр. 114); *клянусь* Пиндаромъ, Гомеромъ (стр. 40)...; изъ *глазъ* летятъ пріятные *взоры* (стр. 109).

10. *Россійская риторика*, соч. протоіерея Аѳанасія *Могилевскаго*, 1817 г.

На семъ учебникѣ высказалось главное направленіе сочинителя, какъ лица *духовнаго;* оно видно въ исторіи краснорѣчія, гдѣ, кромѣ Грековъ и Римлянъ, подробно обозначенъ духъ *христіанскаго* витійства—черта, въ *первый* разъ Могилевскимъ указанная,—въ похвалѣ Славянскому языку и томъ увлеченіи, съ какимъ перечисляются свойства его: чистота, мужественность, сила — это, говоритъ авторъ, «языкъ, который способенъ возвышаться до предметовъ величественнѣйшихъ и который самыя отвлеченныя понятія можетъ изъяснять многообразнѣе, свойственнѣе и сильнѣе многихъ другихъ языковъ (стр. 22-23)»,—оно ясно и въ томъ совѣтѣ, который даетъ сочинитель, заставляя «читать церковныя книги» и говоря объ этомъ съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ,—наконецъ, въ примѣрахъ, которые особенно берутся изъ Библіи, отцевъ церкви и учителей—Анастасій, Флешьеръ (Флешье), Массильйонъ и Боссюэтъ. Примѣры на общія мѣста внутреннія всѣ взяты изъ Массильйо-

на, Флешье, и на внутреннія—изъ священнаго писанія, отцевъ церкви и рѣдко «славныхъ писателей». Это—весьма важно, ибо въ прежнихъ учебникахъ большая часть примѣровъ на общія мѣста выдумывалась.

Изъ разсмотрѣнія всего руководства видно, что авторъ его пользовался риториками Рижскаго, Мерзлякова, Левитскаго, Толмачева и Амвросія; по-крайней-мѣрѣ то, что было высказано этими писателями, находимъ у Могилевскаго.

1) По Рижскому изложилъ Могилевскій ученіе о появленіи частей рѣчи въ языкѣ (стр. 42), гдѣ прекрасно указано значеніе глагола — этой «души слова», по выраженію автора (стр. 47),—о критикѣ, свойства которой—безпристрастіе, просвѣщеніе, справедливость и честность (стр. 264).

2) Взглядъ Мерзлякова обнаружился во введеніи «исторія краснорѣчія» въ учебникъ (стр. 1—13).

3) Подобно Левитскому, и Могилевскій въ особенной главѣ разсуждаетъ о подражаніи (гл. VIII, час. I).

4) Толмачевъ (а еще прежде Ломоносовъ) хвалилъ Славянскій языкъ (111—205); и Могилевскій развилъ эту мысль; Толмачевъ насчиталъ множество видовъ слога: то-же сдѣлалъ и Могилевскій, посвятивъ три отдѣленія ученія объ этомъ предметѣ (часть III, гл. VIII); наконецъ, подобно Рижскому, онъ раздѣлилъ слогъ на высокій, средній и низкій, подвелъ всѣ виды слога подъ эти три свойства.

5) Разсмотрѣніе словъ и выраженій въ-отношеніи къ ихъ *звуку* и къ *знаменованію* напоминаетъ мысли о томъ-же предметѣ Людвига Якоба (час. III, гл. II и III).

6) Могилевскій даетъ слѣдующіе совѣты для соблюденія чистоты выраженій: «избѣгать реченій *простонародныхъ*, не употреблять состарѣвшихся словъ, не вводить иностранныхъ, въ изобрѣтеніи новыхъ быть осторожну и не *отступать* отъ правилъ грамматическихъ (час. III, гл. IV)». Первый и послѣдній совѣтъ были предложены въ руководствѣ Амвросія. Наконецъ

7) Взглядъ Никольскаго нельзя не замѣтить въ главѣ IX,

час. III, гдѣ говорится о различныхъ прозаическихъ сочиненіяхъ и «о слогѣ, каждому изъ нихъ приличествующемъ». У Рижскаго были высказываемы подобныя-же мысли, но у Никольскаго онѣ уже вошли въ цѣлую главу.

Что̀-же новаго въ Россійской риторикѣ Могилевскаго? Только два предмета — исторія христіанскаго краснорѣчія и понятіе, не лишенное истины, о романѣ: «романъ, пишетъ авторъ, есть повѣствованіе вымышленное; задача его — подъ завѣсою вымысла изобразить картину жизни человѣческой, могущую образовать умъ и сердце въ юно́шахъ» (стр. 263).

Въ своемъ-же планѣ, какъ раздѣленная на изобрѣтеніе, расположеніе и украшеніе, риторика—есть образчикъ уже знакомыхъ намъ учебниковъ, но только съ тѣмъ различіемъ, что въ ученіи и расположеніи говорится только о частяхъ рѣчи ораторской и ихъ размѣщеніи; а о періодахъ, хріяхъ и знакахъ препинанія предложено во введеніи.

О риторикѣ Могилевскаго мы можемъ сказать слѣдующее: 1) планъ и развитіе, будучи явнымъ доказательствомъ отсталости риторики, въ то-же время представляютъ, въ частностяхъ, стремленіе къ лучшему; авторъ усвоилъ многія хорошія стороны прежнихъ учебниковъ—въ изложеніи исторіи краснорѣчія, въ объясненіи происхожденія частей рѣчи, показаніи важности Славянскаго языка, опредѣленіи чистоты выраженія и понятіи о романѣ.

2) Мысли автора о красотахъ Славянскаго языка, о неупотребленіи словъ состарѣвшихся, о нововведеніи иностранныхъ и осторожности изобрѣтенія новыхъ не возобновляютъ-ли предъ нами споръ, современный автору: о старомъ и новомъ слогѣ? Первыя три черты не указываютъ-ли на Карамзина, а последнее, въ-особенности, на Шишкова, предлагающаго вмѣсто тротуаръ—топталище, вмѣсто кабинетъ—какъ-бы нѣтъ и пр.?

11. *Начальныя основанія риторики и поэзіи*, съ предварительнымъ объясненіемъ необходимыхъ логическихъ правилъ,

собранныя для 1-го кадетскаго корпуса *Матвѣемъ Талызинымъ*. С. Пб. 1818 года.

Преимущественно подъ вліяніемъ риторики Мерзлякова составилъ Талызинъ «Начальныя основанія риторики». Опредѣленіе риторики, планъ и выполненіе его, большею частію, заимствованы у Мерзлякова.

«*Риторика*, говоритъ Талызинъ, занимается образованіемъ насъ до той степени, дабы мы могли витійственно въ каждомъ родѣ располагать и сообщать другимъ то, что логически обдумано и грамматически правильно означено (стр. 61)». Мерзляковъ то-же сказалъ (§ 4). По понятію Мерзлякова, логика и грамматика не должны входить въ риторику; также думаетъ и Талызинъ (стр. 60).

Подобно Мерзлякову (а еще прежде — Борну), Талызинъ дѣлитъ свой учебникъ (т.-е. риторику) на двѣ части, которыя ясно видны въ VIII главахъ: на общія правила прозаическаго слога и на ученіе о видахъ прозаическихъ сочиненій. У Мерзлякова слогъ, кромѣ высокаго, низкаго и средняго, бываетъ правильный, ясный, пристойный (у Талызина — сообразный), благородный (у Талызина—достойный), живой, красивый и благозвучный (у Талызина—плавный); то-же—и у Талызина (стр. 65). Къ живости слога Мерзляковъ отнесъ тропы и фигуры, а къ красотѣ — періоды (стр. 23, 31); такою мыслію руководился и Талызинъ (стр. 67-68, 85-86). Мерзляковъ, а равно и Талызинъ не разсуждаютъ отдѣльно о каждомъ періодѣ (стр. 87).... Мерзляковъ говоритъ: «предметъ всякаго прозаическаго писателя составляетъ искусство научать, занимать, трогать и доказывать (§ 3)»; Талызинъ пишетъ: «*наставленіе*, *пріятное* занятіе, *умиленіе и убѣжденіе* бываютъ преимущественными цѣлями прозаическаго сочинителя (стр. 60)». Объясненіе троповъ у Талызина (68 и 85) такое-же, какъ и у Мерзлякова. Всѣ мысли о письмахъ, разговорахъ (драматическихъ и философскихъ), поучительныхъ сочиненіяхъ (разсужденія и учебныя книги), повѣствовательномъ родѣ (характеры, жизнеописаніе,

исторія) и ораторскія рѣчи (духовныя, политическія, судебныя и похвальныя)—взяты изъ Мерзлякова въ сокращенномъ видѣ. Наконецъ, образцы на каждый видъ прозаическихъ сочиненій представлены точь-въ-точь такъ, какъ у Мерзлякова, т.-е. только поименованы авторы....

О начальныхъ основаніяхъ риторики Талызина можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія: 1) Это учебникъ несамостоятельный. Вся риторика вообще изложена по взгляду Мерзлякова; нѣкоторыя замѣчанія (напр. о словахъ Славянскихъ, иностранныхъ) взяты у Могилевскаго.

2) Учебникъ важенъ тѣмъ, что здѣсь въ сокращеніи предложена логика (понятія, сужденія и умозаключенія, стр. 13—45) и эстетика (вкусъ, геній, новое, необычайное, чудесное, великое, трогательное, соразмѣрность, прелесть, истина, вѣроятіе, естественное, чистосердечное, ясность, точность, разнообразіе и занимательность, стр. 51—59): въ первый разъ такой *огромный* размѣръ у насъ получили понятія логическія и эстетическія у Талызина. Ломоносовъ говорилъ, что правила его риторики основаны на логикѣ; Толмачевъ старался всю риторику построить на логикѣ; но у перваго нѣтъ особаго параграфа, гдѣ-бы излагались положенія логическія; у втораго они—введены: у Талызина-же предложена цѣлая наука логика, а вслѣдъ за нею и эстетика. Авторъ измѣнилъ своему взгляду: «логику и грамматику не соединять съ риторикою» (стр. 60)....

3) Въ этомъ учебникѣ есть одна сторона весьма разумная: авторъ всѣ примѣры на тропы и фигуры бралъ изъ однихъ Русскихъ писателей и притомъ не въ отрывкахъ приводилъ ихъ, а въ цѣлыхъ полныхъ картинахъ (стр. 69—85).

12. *Учебная книга Россійской словесности*, или избранныя изъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, съ присовокупленіемъ *краткихъ правилъ риторики* и піитики, и исторіи Россійской словесности, изданныя *Николаемъ Гречемъ*. Части I и II. С. Пб. 1819—1820 г.»

Авторъ въ предувѣдомленіи пишетъ: «*правила* риторики и піитики почерпнуты изъ сочиненій *Эшенбурга*, *Гейнзіуса* и *Рейнбека*, и дополнены замѣчаніями, извлеченными изъ твореній знаменитѣйшихъ писателей *отечественныхъ* (стр. II)». Не погрѣшимъ, если скажемъ, что этою оговоркою онъ указалъ всѣ недостатки и достоинства своего учебника: чужое, взятое изъ Нѣмецкихъ писателей — его недостатки, а свое, извлеченное изъ отечественныхъ писателей — его достоинства. Докажемъ нашу мысль самымъ разборомъ.

На двѣ части раздѣлены «Краткія правила риторики»: въ первой излагаются (въ двухъ главахъ) общія правила риторики; предметъ и форма сочиненія; во второй—разные роды прозаическихъ сочиненій (семь главъ).

Первыя строки учебника содержатъ ошибочныя положенія. Авторъ пишетъ: «Человѣкъ, употребляя даръ слова, можетъ имѣть троякую цѣль: 1) сообщать другимъ свои мысли, 2) управлять ихъ волею и 3) дѣйствовать на ихъ чувство и воображеніе. Въ первыхъ двухъ случаяхъ языкъ его есть *проза*, въ послѣднемъ поэзія (§ 1)». Изъ этихъ словъ видимъ, что поэтъ только дѣйствуетъ на наше чувство и воображеніе, а не сообщаетъ намъ мыслей, не управляетъ нашею волею.

По словамъ автора, риторика «заключаетъ правила излагать (?) изустно или на письмѣ мысли свои, сообразно съ предположенною цѣлію (§ 4)»....

Въ первой части разсматривается *предметъ* и *форма* сочиненія. Подъ предметомъ авторъ разумѣетъ изобрѣтеніе *предмета* для размышленія; а какъ предметы бываютъ повѣствовательные, описательные, поучительные и убѣдительные (§ 8), то и излагается, что «должно принимать въ разсужденіе» при каждомъ видѣ предметовъ (происхожденіе, поводъ, цѣль, достоинство, послѣдствія.... признаки внѣшніе и внутренніе.... истины теоретическія и практическія и пр.). Затѣмъ предложено, какъ *располагать* (§ 41—54) означенные предметы (историческіе, описательные и пр.). *Форма* сочиненія, какъ объясняетъ

сочинитель, бываетъ двоякая: изложеніе мысли на *бумагѣ*, и *изустное* произношеніе (§ 55).... Такое понятіе о формѣ сочиненія, не имѣющее оправданія въ жизни, мы встрѣчаемъ въ первый разъ. Отсюда выходитъ, что ваше сочиненіе, доколѣ оно на бумагѣ, будетъ имѣть одну форму, а лишь вы его прочтете—оно перемѣнитъ форму.... Какъ-бы то ни было, только авторъ «образъ выраженія мыслей на бумагѣ» назвалъ «слогомъ, или стилемъ (§ 56)»; слѣдовательно слогъ зависитъ отъ бумаги и доколѣ все то, что вы сказали, не написано, дотолѣ то и не имѣло слога....

Сколько не точны понятія автора вообще о предметахъ первой части риторики, столько-же несостоятельны и частныя правила ея. Указаніе содержанія предметовъ историческихъ, описательныхъ и другихъ заключаетъ въ себѣ только перечисленіе ихъ, скорѣе похожее на выкладку ариѳметическую, нежели на замѣчанія риторическія, имѣющія свое основаніе и излагающіяся въ сплошной рѣчи. Такъ авторъ пишетъ: «при описаніи происшествія въ физическомъ мірѣ принимаемъ въ разсужденіе: 1) *происхожденіе:* время, мѣсто, предметъ; 2) *причины*: наружныя, внутреннія; 3) важность происшествія и пр. и пр. (§ 12)». О хріяхъ говорится слѣдующее: «вотъ порядокъ хріи: 1) предложеніе, или мысль; 2) поясненіе или пополненіе; 3) утвержденіе; 4) противное; 5) подобіе; 6) примѣръ; 7) свидѣтельство; 8) повтореніе главной мысли (§ 38)». Ни примѣра, ни объясненія не предложено....

Въ ученіи о формѣ сочиненія есть нѣсколько прекрасныхъ замѣчаній о правильности языка, чистотѣ, ясности и благозвучіи,—замѣчаній весьма важныхъ сколько по мысли, столько-же и по примѣрамъ, исключительно взятымъ изъ Русской жизни. Говоря напр. о чистотѣ языка, авторъ высчитываетъ слѣдующія слова, нарушающія ее: «а) выраженія, означающія *низкія* дѣйствія человѣка: жрать, рыгать; б) слова испорченныя: очинно, некрутъ, чать; в) слова *низкія* и *подлыя*: сварганить, буркалы; г) вышедшія изъ употребленія: звычайный, конобь,

говяда (§ 63)». Сюда-же относятся мысли о словахъ провинціальныхъ (чаевать, квочка), и чужестринныхъ, гдѣ замѣчателенъ патріотизмъ автора, вслѣдствіе котораго онъ предлагаетъ замѣнять иностранное «генералъ» Русскимъ «полководецъ», а слова «пандан, фантомъ, руины» и вовсе изгнать изъ слога (§ 65),—объ ясности слога, гдѣ также представлено много фактовъ нарушенія этого качества. Въ ученіи о благозвучіи авторъ приводитъ слѣдующіе примѣры неблагозвучія: изъ жерлъ стремится, она и я и у ея, я былъ здѣсь, ты тамъ, а онъ сталъ тутъ и пр. (§ 75)». Кромѣ этихъ немногихъ замѣчаній о предметахъ уже не новыхъ, вся теорія слога, не смотря на раздѣленіе ея на *частныя* свойства (которыхъ десять: правильность, ясность, опредѣленность, порядокъ, единство, красота, благозвучіе (внѣшнее свойство), благородство, краткость, живость и естественность — внѣшнія свойства красоты), и *общія* (ихъ восемь: философскія, историческія, риторическія, слогъ дѣловыхъ бумагъ, письменный, низкій, средній и высокій), есть давняя и истертая пѣсня, въ основаніе которой и нашъ авторъ, по примѣру прочихъ, не положилъ одной, справедливой мысли. Старый взглядъ видѣнъ и въ указаніи цѣли всякой рѣчи: «убѣдить, тронуть и возбудить страсть (§ 72)» и въ помѣщеніи фигуральныхъ выраженій съ тропами въ *живость* слога, какъ это сдѣлано Мерзляковымъ. Наконецъ, довольно темныя опредѣленія представлены для указанія характера прозы философской, исторической и риторической. Читаемъ § 95: «характеръ *философской* прозы есть: связность, разсудительность, опредѣленность, спокойствіе; *исторической*: ясность, сообразность съ предметомъ, простота, краткость; *риторической*: пылкость, возвышенность». Здѣсь въ каждомъ словѣ—невѣрность. Неужели только для одной философской прозы требуется связность, разсудительность и пр., а у историка должна быть безсвязица, безразсудительность и увлеченіе? Ясность, сообразность съ предметомъ, простота суть такія свойства, которыя желательно видѣть во всегдашнихъ нашихъ бесѣдахъ; наконецъ, выставить

«пышкость и возвышенность» свойствами риторической прозы значитъ осудить обучающееся юношество всегда идти по слѣдамъ ложно-классической теоріи....

Вторая часть—частная риторика разсматриваетъ слѣдующіе роды прозаическихъ сочиненій: письма, разговоры, описанія, историческія сочиненія, дѣловыя бумаги, учебныя сочиненія и рѣчи (всего семь классовъ). Дѣленіе — не новое; мы видѣли его у Мерзлякова. Нѣтъ-ли въ самомъ изложеніи чего-нибудь или новаго, или вѣрнаго, или основательнаго? Во-1-хъ) самъ авторъ сознаетъ неосновательность своего дѣленія; онъ говоритъ: «сіи семь родовъ прозаическихъ сочиненій отличаются не столько въ разсужденіи *содержанія*, которое въ разныхъ можетъ быть *одинаково*, сколько въ разсужденіи *расположенія* и *выраженія* (§ 103. прим. 1)». Спросимъ, можетъ-ли «расположеніе и выраженіе сочиненія» быть основаніемъ раздѣленія прозы народы? Потомъ — принятое дѣленіе, на основаніи «расположенія и выраженія», неужели обнимаетъ всю область ея?.... Слѣдовательно, у г. Греча нѣтъ основанія, какъ и у Мерзлякова, для раздробленія прозы народы.

При отсутствіи основанія, намъ понятно, почему авторъ часто путался въ изложеніи и отсылалъ читателя къ прежнимъ замѣчаніямъ своимъ или прямо сознавался, что такой-то родъ прозы «отдѣльно« не существуетъ, а входитъ въ другіе. Вотъ доказательства на всѣ наши указанія: «содержаніе письма во обще располагается, какъ сказано выше. § 114».

«Правила и примѣры описательной прозы заключаются въ главѣ объ учебныхъ сочиненіяхъ. § 133».

«Въ изображеніи нравственнаго характера наблюдаются тѣ-же правила, которыя *предписаны* для изображенія предметовъ общихъ. § 139».

«Границы между письмами по предметамъ общежитія и литературными весьма *неопредѣленны* § 122». Послѣ такого замѣчанія недоумѣваешь, зачѣмъ было и дѣлить ихъ на письма по

предметамъ общежитія (§ 112—119) и письма литературныя (§ 119—122).

«Описанія характеровъ нравственныхъ и литературныхъ чаще всего встрѣчаются въ біографіяхъ и жизнеописаніяхъ. § 138». Зачѣмъ-же и говорить отдѣльно о характерахъ, какъ видѣ описательной прозы (§ 136—140)?....

Есть наконецъ такія лаконическія правила, которыя слишкомъ похожи на таблицу сложенія; напр. § 195 «при сочиненіи разсужденія, должно наблюдать общія правила о пріисканіи матеріаловъ (§ 16—36) и о расположеніи оныхъ (§ 49). Разсужденіе начинается обыкновенно *вступленіемъ*, потомъ слѣдуетъ самое *изложеніе*, и все (иногда) оканчивается заключеніемъ (§ 51—54)». Такъ говоритъ г. Гречъ о разсужденіяхъ, какъ видѣ прозы....

Вообще, планъ и метода изложенія запутываютъ читателя; подраздѣленія не имѣютъ основы. Въ самомъ-же уясненіи свойствъ того, или другаго рода прозы есть нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній; такъ, вѣрно указаны условія разговора (стр. 196), назначеніе описаній, которыя должны, такъ сказать, перенести читателя въ тѣ мѣста, къ тѣмъ существамъ и вещамъ, которыя изображаемъ (стр. 237); въ первый разъ у г. Греча выставлены отличія лѣтописей отъ прагматической исторіи и указаны свойства какъ ихъ, такъ и біографіи (стр. 307—311). Здѣсь особенно почтенно слѣдующее замѣчаніе: «историкъ долженъ знать свѣтъ, имѣть опытность, духъ наблюденія, а болѣе всего дорожить истиною.... и любя отечество свое, *питать въ душѣ уваженіе къ обычаямъ и мнѣніямъ всѣхъ странъ и вѣковъ* (стр. 308)». Также взыскательны требованія его съ рецензента (стр. 87, част. II)».

Рѣчи раздѣляются «на *духовныя* и *свѣтскія*, а послѣднія —на политическія, судебныя, академическія и похвальныя (стр. 249, час. II)». Самыя-же свойства рѣчей уже прежде были истолкованы....

Разсмотрѣвъ тщательнѣе «Учебную книгу» Н. Греча, видимъ: 1) Въ планѣ своемъ она — явное доказательство вліянія Мерзлякова, особенно во второй части. Правда, въ первой части, гдѣ излагается *предметъ* и *форма* сочиненія, есть что-то похожее на нововведеніе (раздѣленіе прозы на историческія, описательныя соч. и пр.); но то, что скрывается подъ этими двумя терминами, давно уже входило въ наши учѣбники (напр. хріи, изобрѣтеніе предмета, многочисленность видовъ слога, обиліе троповъ съ ихъ раздѣленіемъ на простые тропы и фигуры реченій и предложеній). Самыя, повидимому, нововведенія неудачно выставлены въ учебной книгѣ; такъ напр. онъ указалъ много свойствъ въ слогѣ (стр. 25—47, ч. I); потомъ вдругъ становится на старую точку зрѣнія на этотъ предметъ и говоритъ: «вообще слогъ раздѣляется на низкій, средній и высокій (§ 37 и § 203).... Слѣдовательно, г. Гречъ пытался въ новыя рамки вставить старыя истины....

2) Гречъ *первый* ввелъ новые термины въ наши учебники, довольно неудачные: «общая риторика и частная, проза описательная, повѣствовательная и пр.»; ввелъ надписи и подробное ученіе о дѣловыхъ бумагахъ.

3) Важная сторона учебника, какъ уже сказано, есть та, гдѣ авторъ касается Русскаго міра, куда относятся примѣры, съ излишкомъ представленные на всѣ роды и виды прозаическихъ сочиненій, и замѣчанія о свойствахъ (не всѣхъ) слога. Неоспоримы мысли о *нѣкоторыхъ* условіяхъ и *нѣкоторыхъ* видахъ прозаическихъ сочиненій. Въ первомъ случаѣ эта книга — и теперь не имѣетъ себѣ подобныхъ (24).

---

(24) Изъ иностранныхъ писателей здѣсь приводятся: Массильйонъ, Мозгеймъ, Боссюэтъ, Цицеронъ, Томасъ, Леске, Бартелеми, Мармонтель, Энгель — всѣ въ переводахъ или Карамзина, или Жуковскаго, или Каченовскаго. Изъ Русскихъ: императрица Екатерина, рескрипты императоровъ Павла и Александра, Ломоносовъ, Фонъ-Визинъ, Муравьевъ, В. Измайловъ, Ѳ. Глинка, Суворовъ, Батюшковъ, Мартыновъ, Филаретъ, Шишковъ, Беницкій, М. Платонъ, Кеппенъ, Августинъ, Леванда, Анастасій, Михаилъ, Озерецковскій, Макаровъ, Кайдановъ и болѣе всѣхъ Карамзинъ.

5) Назначеніе учебника «для среднихъ заведеній» заставляетъ насъ быть строже въ отзывахъ о немъ. Авторъ не воспользовался розысканіями прежнихъ сочинителей о логическомъ развитіи частей рѣчи, свойствахъ тропа, исторіи краснорѣчія и пр. и пр. Слѣдовательно, «Краткія правила риторики» весьма недостаточное сочиненіе....

13. *Общая риторика, Н. Кошанскаго.* С. Пб. 1829 г.

Н. Кошанскій, профессоръ Русской и Римской словесности въ Царскосельскомъ лицеѣ, нисколько не подвинулъ дѣла нашихъ учебниковъ впередъ, а *остановилъ* его. Успѣхъ его «Общей риторики» равнялся успѣху риторики Ломоносова; она имѣла десять изданій и воспитала много поколѣній. Успѣхъ произошелъ отъ того, что ни въ одномъ учебникѣ, бывшемъ до него и послѣ него, не растолкована такъ *ясно* и *подробно* схоластическая теорія словесности, такъ *строго*-логически.

Въ риторикѣ (общей) Кошанскаго воскресла во всей своей наготѣ схоластическая теорія; три части, опущенныя Талызинымъ и г. Гречемъ, опять введены у Кошанскаго; вопросы: quis? quid? ubi? quibus auxiliis? cur? quomodo? quando?, источники изобрѣтенія — числомъ 24, періоды — числомъ 12, хріи, названныя «разсужденіями», девять силлогизмовъ, тринадцать свойствъ слога, между которыми простой, средній и возвышенный занимаютъ первое мѣсто, девять троповъ, сорокъ четыре фигуры, происходящія отъ недостатка словъ, отъ изобилія повторенія и отъ сходства и притомъ дѣйствующія на разумъ, на сердце и воображеніе — все это ученіе, болѣе или менѣе обличаемое до Кошанскаго, возобновлено.

Отличіе риторики Кошанскаго отъ прежнихъ состоитъ въ *приноровленіи* всѣхъ возможныхъ видовъ ученія къ примѣрамъ, взятымъ изъ Русскихъ писателей, болѣе *подробномъ* раскрытіи риторическихъ предметовъ и во введеніи *правилъ* для изящной прозы.

Прежніе составители учебниковъ, кромѣ Ломоносова, не

представили примѣровъ на всѣ мѣста изобрѣтенія. Кошанскій постарался привести ихъ и притомъ преимущественно изъ Русскихъ авторовъ (Карамзина, Державина, Капниста, Дмитріева, Баккаревича, Ломоносова, Рубана); превосходно сдѣлалъ Кошанскій, что на періоды преимущественно бралъ примѣры изъ Карамзина; главы объ описаніяхъ, повѣствованіяхъ и разсужденіяхъ состоятъ изъ практическаго приложенія правилъ къ примѣрамъ, гдѣ осязательно показано, гдѣ въ извѣстномъ описаніи начало, части, средина и конецъ; такъ-же поступлено и въ ученіи о слогѣ, гдѣ особенно важно объясненіе недостатковъ его (стр. 97, 100); то-же, къ удивленію, видимъ и въ статьѣ объ украшеніяхъ. Здѣсь авторъ пріискалъ Русскіе примѣры, отрывочные, на всѣ виды украшеній; Цицеронъ представляется раза два, или три — не болѣе.

Подробное раскрытіе предметовъ риторики обнаружилось въ періодахъ, указаніи состава описаній, повѣствованій, гдѣ отмѣчено, изъ чего должны состоять начало, средина и конецъ ихъ, въ опредѣленіи свойствъ слога: слогъ періодическій, отрывистый, прозаическій, частный, ясный, чистый, плавный и гармоническій.

Выраженіе «изящная проза» въ первый разъ введено Кошанскимъ, и правила, предложенныя для нея, отзываются непогрѣшимостію: слова и выраженія должны слѣдовать за идеями и представленіями; каждое слово должно быть на своемъ мѣстѣ; одинакія мысли сряду требуютъ одинакихъ оборотовъ; всякое лишнее слово въ прозѣ есть бремя для читателя и пр. (стр. 39).

Недостатки риторики Кошанскаго уже видны изъ самыхъ предметовъ, о которыхъ говоритъ — это схоластическая теорія риторики, показывающая въ авторѣ увлеченіе древнимъ и отторженіе отъ жизни Русской. Но кромѣ этого, у Кошанскаго, въ частномъ изложеніи, есть много смутнаго; сюда относится ученіе о слогѣ и объ описаніяхъ. Авторъ не разграничилъ, гдѣ употребляется простой слогъ и гдѣ средній; прочитавъ его правила

(стр. 88, 89), не знаешь, какія-же сочиненія пишутся тѣмъ, или другимъ слогомъ; онъ сказалъ: «простой слогъ употребляется въ *нѣкоторыхъ* повѣстяхъ...., а средній во *многихъ* повѣстяхъ». Какъ это понять?... Потомъ авторъ невѣрное понятіе имѣлъ о возвышенномъ слогѣ, думая, что «слова Славяно-Россійскія (стр. 90)» только въ немъ у мѣста.... Ничего нѣтъ «возвышеннаго» въ бесѣдахъ сельскаго священника къ прихожанамъ ректора духовной академіи (нынѣ епископа Смоленскаго) Антонія, а слова Славяно-Русскія тамъ встрѣчаются въ каждой мысли.... Авторъ учитъ (стр. 43), что «предметы требуютъ описаній, а предложенія — разсужденій», вслѣдствіе чего и толкуетъ о расположеніи тѣхъ и другихъ.... Но правда-ли это? Неужели нельзя избрать предметъ для разсужденія, а предложеніе — для описанія? Богъ — предметъ; почему-бы о немъ не писать *разсужденія;* Екатерина II умѣла выбирать сановниковъ — предложеніе: почему-бы не *описать* — какихъ и чѣмъ она руководилась?...

Сообразивъ все, видно, что общая риторика Кошанскаго 1) есть учебникъ совершенно схоластическій, развившій предметы риторическіе подробнѣе, яснѣе и приложившій ихъ къ примѣрамъ Русскимъ.

2) Заключаетъ много несообразностей въ ученіи о слогѣ и описаніяхъ.

3) Потому и нисколько не подвинулъ взгляда на риторику впередъ авторъ.

Нѣкоторыя мѣста учебника слишкомъ наивны; они заключаются въ объясненіяхъ автора, вставляемыхъ въ примѣры; читаемъ на стр. 16: Медвѣдь Крылова караулитъ муху. «Вотъ Мишенька, не говоря ни слова (*что-то замышляя и тайно*), увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ (*поскорѣе, чтобъ не видали*), присѣлъ на корточки.... (*прячется отъ мухи! прошу взглянуть на его положеніе и не засмѣяться*)».... И можно-бы выписать много подобныхъ примѣровъ. Стр. 18, 19, 66, 76 и пр.

Касательно изданій должно замѣтить, что первое нѣсколько

сокращеннѣе послѣдующихъ; напр. въ немъ нѣтъ о прозаическомъ слогѣ и пр.

14. *Теорія краснорѣчія* для всѣхъ родовъ прозаическихъ сочиненій, извлеченная изъ Нѣмецкой библіотеки словесныхъ наукъ А. *Галичемъ*. С. Пб. 1830 г.».

Потому-ли, что «теорія извлечена изъ Нѣмецкой библіотеки», или по понятію самого автора, только она — *отвлеченна* въ своей первой части. Правда, въ теоріи сообщается нѣсколько *новыхъ* взглядовъ, но съ ними весьма трудно согласиться.

Первая часть раздѣляется на три главы; въ первой говорится объ ораторскомъ языкѣ, гдѣ разсматриваются свойства его, періоды и фигуры; во второй — объ ораторскомъ изобрѣтеніи и въ третьей — объ ораторскомъ расположеніи.

Къ отвлеченному ученію относится то, гдѣ говорится объ общихъ *свойствахъ* ораторскаго *языка* и потомъ, послѣ періодовъ и фигуръ, о свойствахъ и родахъ *слога*. Нельзя не согласиться, что совершенно разумно говорить объ языкѣ, и отдѣльно, о слогѣ: это нововведеніе. Но, вникнувъ въ самое ученіе, увидимъ его несостоятельность. Къ числу общихъ свойствъ совершеннаго, или ораторскаго языка, авторъ, по обыкновенію, относитъ чистоту, правильность, ясность, точность, единство, силу и благозвучіе (§ 11). Къ свойству и родамъ слога причисляетъ начала грамматическія, психологическія, логическія и эстетическія (§ 94),—общія начала, прелесть, разнообразіе, живость, благородную простоту, плавность, силу, соотвѣтствіе, оригинальность, приличіе — частныя начала стиля, потомъ еще разъ общіе роды (§ 109): простой, средній и высокій, и наконецъ «многіе подчиненные роды слога (§ 115): сухой, простодушный, цвѣтущій, растянутый, сжатый, пылкій». Что-же остается въ насъ, какое понятіе выносимъ мы объ языкѣ и слогѣ? Развѣ назвать слогъ чистымъ, правильнымъ нельзя? Почему именно только ораторскому *языку*, а не *слогу*

приличны эти свойства, авторъ не объясняетъ. Прежде всѣ почти исчисленныя свойства относили къ слогу, а объ языкѣ не говорили и было понятнѣе; здѣсь-же разграничено понятіе между языкомъ и слогомъ, а свойства того и другаго указаны такія, какія вмѣстимы въ ихъ обоихъ. Въ ученіи Галича о слогѣ новою можно назвать ту сторону, гдѣ говорится о началахъ логическихъ, психологическихъ и эстетическихъ. О логическомъ началѣ онъ только замѣтилъ, что тотъ только можетъ правильно *писать*, кто правильно *мыслитъ* (§ 104), а какія свойства слога отсюда являются, не означено; въ психологическихъ началахъ разсуждаетъ о дѣйствіяхъ памяти, фантазіи, разсудка, смысла, разума, остроумія, способности ощущенія и воли (§ 96—103), а къ чему все это, не узнаемъ.

Новое, но также неудачное основаніе представлено для дѣленія фигуръ; авторъ пишетъ: «поелику витія занимаетъ средину между грамматикомъ и стихотворцемъ, то и языкъ его будетъ переливаться въ языкъ одного и другаго. Симъ образомъ украшенія рѣчи его будутъ: a) частію грамматическія, b) частію собственно ораторскія, c) частію поэтическія (§ 51). Еще мнѣніе: «если грамматикъ въ своихъ фигурахъ играетъ *словами*, а ораторъ *мыслями*, то поэтъ играетъ *картинами* (§ 68)» (*). Дѣленіе нисколько не выкупается самымъ дѣломъ. Такъ къ поэтическимъ фигурамъ отнесены: эпитеты, метонимія, сравненіе, восклицаніе и др. Во всѣхъ означенныхъ видахъ «поэтъ не можетъ играть картинами», ибо ихъ тамъ нѣтъ; метонимія, предлагая причину вмѣсто дѣйствія, содержащее вмѣсто содержимаго, ничего «картиннаго» не даетъ: что за

(*) *Грамматическія* фигуры: анаграмма, безсоюзіе, многосоюзіе, усугубленіе, единозначеніе, возвращеніе, наклоненіе, окруженіе, перемѣщеніе, изобилованіе, умолчаніе, соотвѣтствіе; *ораторскія:* сообщеніе, сомнѣніе, поправленіе, предупрежденіе, прехожденіе, вопрошеніе, уступленіе, напряженіе, умедленіе, восхожденіе, отступленіе, остроуміе, противоположеніе; *поэтическія:* звукоподражаніе, эпитеты, метонимія, метафора, иронія, ипербола, описаніе, видѣніе, олицетвореніе, обращеніе, восклицаніе и грозное заклинаніе (§ 53—91).

картина будетъ въ выраженіи: «я выпилъ стаканъ воды?» вмѣсто — я выпилъ воду въ стаканѣ; есть-ли «игра картинами» въ слѣдующемъ восклицаніи: «o tempora! o mores!» Здѣсь можетъ скрываться море мысли, а въ самомъ выраженіи ничего нѣтъ картиннаго. Кошанскій, вѣроятно, противъ такого раздѣленія замѣтилъ: «если раздѣлить фигуры на грамматическія, риторическія, прозаическія и поэтическія, то грамматикъ, ораторъ и поэтъ *поссорятся* за собственность». (Общая риторика, изданіе седьмое 1840 г. стр. 119). Въ первомъ изданіи этого замѣчанія нѣтъ.

Не смотря на неудачное раздѣленіе фигуръ, все-же Галичу принадлежитъ честь новой попытки привить къ Русской почвѣ древнія формы и представить для того хотя видимое, разумное основаніе....

Въ первой части есть нѣсколько замѣчаній и новыхъ и притомъ вѣрныхъ; напримѣръ: о словахъ и рѣченіяхъ, «извлеченныхъ изъ архива народныхъ воспоминаній», которыя придаютъ слогу важность, соединяя съ почтеннымъ видомъ старости интересъ новости (§ 12); о необходимости для соблюденія чистоты языка хорошихъ словарей и грамматикъ,—мысль, впрочемъ, не новая (она была у Тредьяковскаго еще), но въ первый разъ занесенная въ учебникъ (§ 13); о назначеніи синонимовъ, «имѣющихъ отмѣтить разные оттѣнки одной и той-же мысли» (§ 17), и о принадлежностяхъ хорошаго періода въ-отношеніи къ его содержанію, пропорціи понятій и къ его формѣ, какъ распорядиться ими (§ 32—45).

Указаніе-же значенія и необходимости въ языкѣ тропическихъ выраженій не новое въ нашихъ учебникахъ. За то совершенно новый взглядъ находимъ на составныя части рѣчи; Галичъ указалъ, что понятію соотвѣтствуетъ въ языкѣ *слово*, сужденію — *предложеніе*, а умствованію — *періодъ* (§ 10).

Частная, или «прикладная» риторика, имѣя прежній планъ, заключаетъ и былые недостатки, заключающіеся въ *общности* правилъ. Отъ монолога, напримѣръ, авторъ требуетъ выдержки

главной мысли (§ 162), а отъ разговора, характеровъ—отдѣлки (§ 166); въ письмахъ желаетъ видѣть живое представленіе лица, къ кому пишетъ, соблюденіе тона, легкости, приличія, живости и пр. (§ 170—172), части, т.-е. введенія, изложенія и заключенія (§ 173); въ дѣловыхъ бумагахъ—соблюденія чистоты и правильности грамматической, ясности, краткости...., въ исторіи—правильности, ясности, полноты (§ 185). Такія правила вездѣ умѣстны; главная мысль должна быть въ каждомъ сочиненіи, а не въ монологѣ только; характеръ долженъ быть выдержанъ и въ исторіи, и въ описаніи, и въ похвальномъ словѣ, а не въ одномъ разговорѣ. Объ общности свойствъ письма, дѣловыхъ бумагъ и исторіи говорить нечего; видна ихъ несостоятельность. Авторъ предписываетъ наблюдать *цѣлость* представленія и для повѣствованія (§ 187), и для описанія (§ 188), и для біографіи (§ 191). Введши, подобно г. Гречу (пользовавшемуся тоже теоріями Нѣмецкихъ ученыхъ), въ историческія сочиненія надписи, Галичъ требуетъ отъ сихъ послѣднихъ краткости и силы, истины (а гдѣ-же ея не нужно?), *общественнаго* и *частнаго* слога (§ 194). Въ обязанность историка, между прочимъ, вмѣняется «поставлять на видъ только важнѣйшее (а не истинное?), прочее-же, болѣе или менѣе, *одѣвать сумракомъ*» (§ 198). Въ ученіи о рѣчи, кромѣ разсмотрѣнія состава приступа, перехода къ главной матеріи, раздѣленія и пр., представлено опять *неудачное* дѣленіе рѣчей на судебныя, *забавныя*, привѣтственныя, *школьныя* (§ 241). Въ прежнихъ учебникахъ не говорили о частяхъ проповѣдей; Галичъ начерталъ правила и для нихъ, указавъ, что въ проповѣди различаются: молитва, приступъ, переходъ, тема, раздѣленіе, исполненіе и заключеніе (§ 242). Вообще трактатъ о рѣчахъ слишкомъ растянутъ и неудаченъ (§ 217—264), по причинѣ отсутствія единства и введенія излишней дробности.

Въ числѣ свойствъ, умѣстныхъ болѣе или менѣе, въ каждомъ видѣ прозаическихъ сочиненій, есть такія, которыя вѣрно угаданы; сюда принадлежатъ: указаніе тщетности назидатель-

ныхъ размышленій, вставляемыхъ историкомъ въ изложенія; справедливо замѣчаетъ Галичъ, что въ исторіи «пусть дѣло само говоритъ за себя (стр. 129)», требованіе отдѣлки философскихъ сочиненій, не производящихъ никакого впечатлѣнія если «пишутся слогомъ вялымъ, сухимъ и принужденнымъ (стр. 132), также подробное объясненіе видовъ поучительнаго слога, пословицъ, сентенцій, народныхъ и дѣтскихъ книгъ, толкованій, сравненій, примѣчаній и прибавленій (§ 202—212), наконецъ тщательное разсмотрѣніе тѣлеснаго витійства—декламаціи и мимики, съ указаніемъ выраженія страстей тонами голоса и жестами (§ 274, 279—290).

«Теорія» Галича 1) представляетъ *еще* новую попытку дать схоластическимъ предметамъ риторики разумное основаніе и оправдать ихъ; такимъ желаніемъ автора можно объяснить неудачное раздѣленіе слога на начала грамматическія, логическія, психологическія, эстетическія,—раздробленіе троповъ на грамматическіе, ораторскіе и поэтическіе, писемъ — на дѣловыя, учтивыя, чувствительныя, остроумныя и поучительныя, и наконецъ разграниченіе поучительнаго слога на простонародный, пояснительный, сократительный, систематическій и критическій (§ 202). Такія теоретическія попытки весьма понятны въ сочиненіи Галича, извлекшемъ его «изъ библіотеки Нѣмецкой». г. Гречъ пользовался тоже мнѣніями ученыхъ Нѣмецкихъ и также не успѣлъ въ своей теоріи; слѣдовательно, Галичъ есть продолжатель направленія, сообщеннаго г. Гречемъ.

2) Такъ-какъ авторъ писалъ «теорію», то не удивительно, что въ учебникѣ не приводится ни одного примѣра изъ писателя; а такъ-какъ теорія имѣла цѣлію уяснить «всѣ роды» прозаическихъ сочиненій, то весьма понятно введеніе въ курсъ новыхъ видовъ прозы: монолога, анекдотовъ, географическихъ и статистическихъ сочиненій, пословицъ, сентенцій, простонародныхъ и дѣтскихъ книгъ, толкованій, параллелей и прибавленій.

3) Направленіе философское принесло и существенную

пользу, уяснивъ устройство періодовъ, гдѣ не голословныя только видимъ толкованія о частицахъ, а разсмотрѣніе понятій и ихъ умѣстности въ періодахъ, — образъ изложенія исторіи, значеніе синонимовъ и народныхъ выраженій, наконецъ взглядъ на соотвѣтствіе между словами и понятіями, предложеніями и сужденіями, періодами и умозаключеніями.

Въ языкѣ замѣтна наклонность къ составленію новыхъ словъ: *остепенять*, брови *поверхствуютъ* надъ челомъ (стр. 191, 32).

15. «*Общая теорія* изящной словесности, соч. Ивана *Сведенцова*». М. 1831.

Какъ заглавіе, такъ и планъ — *небывалое* явленіе въ исторіи нашихъ учебниковъ. Слово «изящной» опредѣляетъ главное направленіе «теоріи» Свѣденцова. Эстетическіе взгляды здѣсь — первое дѣло. Вся первая часть толкуетъ «о средствахъ *плѣнить* воображеніе (1 отдѣленіе), *тронуть* сердце (2 отдѣленіе) и *убѣдить* разумъ (3 отдѣленіе), — о средствахъ, излагаемыхъ въ эстетикѣ. Вторая часть, гдѣ также эстетическое направленіе имѣетъ свою долю, разсуждаетъ о слововыраженіи (1 отдѣленіе), о соединеніи словъ (2 отдѣленіе) и о слогѣ (отдѣленіе 3).

Авторъ недоволенъ былъ учебниками, существовавшими до него, что̀ и заставило его измѣнить планъ въ своей теоріи. Онъ пишетъ: «опытъ доказалъ мнѣ, что способъ упражненія въ составленіи періодовъ и хрій сколько самъ по себѣ сухъ и утомителенъ, столько-же притомъ и безполезенъ, если не предшествуетъ оному *потребный запасъ* мыслей. Но какимъ образомъ дѣти могутъ обогащать себя мыслями? Сего ни въ одной изъ употребляемыхъ доселѣ риторикъ не показано (предувѣдомленіе)». Потому Свѣденцовъ и рѣшился начертать теорію, которая «служила-бы руководствомъ для молодыхъ писателей въ искусствѣ находить *предметы* для сочиненія». Что̀-же онъ разумѣлъ подъ словами: «предметы сочиненій» и «потребный

запасъ мыслей?» Понятія эстетическія: объ изящныхъ представленіяхъ, о прелести, высокомъ въ представленіяхъ, о чудесномъ, объ эпитетахъ, объ изображеніяхъ и пр.; о страстяхъ вообще, о чувствованіяхъ, о высокомъ въ чувствованіяхъ, объ энтузіазмѣ и пр.; объ убѣжденіи разума, о мысляхъ, объ изяществѣ мыслей, о высокомъ въ мысляхъ, о расположеніи мыслей и пр.... (отъ стр. 16 до 93). Очевидно, что авторъ прежде всего нашелъ нужнымъ внушить ученикамъ понятія объ изящномъ; планъ — небывалый, но, въ то-же время, весьма не педагогическій и неудачный. Понятія объ изящномъ, неуловимыя сами по себѣ, трудно пріемлемыя умомъ уже созрѣвшимъ, не могутъ быть ясно сознаны головою еще не окрѣпшею, слабою, какою бываетъ она «у молодыхъ писателей», т.-е. начинающихъ еще писать; слѣдовательно, вся первая часть «теоріи» Свѣденцова безполезна для нихъ уже потому, что вся состоитъ изъ эстетическихъ возрѣній. Далѣе—планъ, выбранный авторомъ, можетъ быть пагубенъ и потому, что напередъ говоритъ «о средствахъ, могущихъ плѣнить воображеніе», потомъ «сердце» и наконецъ уже «разумъ». Естественъ-ли такой ходъ обученія? Воображеніе у молодаго писателя «пылко», какъ выразился Кошанскій, оно должно быть обуздываемо и прежде долженъ быть разумъ развиваемъ — это дѣло понятное. Древніе учители такъ и думали, они старались прежде «docere», а потомъ «delectare» и «movere».

Что-же сказать о самомъ изложеніи? Въ теоріи автора есть многое, что уже прежде было высказано; самъ-ли онъ дошелъ до того, или пользовался—не сказано. Только объ одномъ В. М. Перевощиковѣ онъ упоминаетъ, какъ своемъ руководителѣ (предувѣдомленіе). А между-тѣмъ, мысли слѣдующихъ составителей учебниковъ видны «въ теоріи»: *Ювеналія*, который тоже нападалъ на упражненія въ періодахъ въ первоначальномъ обученіи словесности; *Мерзлякова*, назвавшаго хріи вредными и отнесшаго фигуры къ живости языка; г. *Греча*, высказавшаго, что словесное произведеніе должно быть разсматриваемо со сторо-

ны матеріи и формы; *Галича*, отнесшаго эпитеты въ картиннымъ представленіямъ; *Ломоносова*, говорившаго въ риторикѣ о вымыслахъ; *Рижскаго*, впервые уяснившаго логическую необходимость частей рѣчи; *Якоби*, разсматривавшаго слова, какъ звукъ, и какъ знакъ понятій (стр. 1, 15, 25, 29, 61, 97, 105, 111, 146), и *Калайдовича* о синонимахъ, изъ книги котораго даже приведены примѣры: замѣчать, наблюдать, благополучіе, счастіе и пр. (стр. 114)....

Такимъ образомъ, если въ общемъ изложеніи у автора ничего не прибавлено, за то вся вторая часть и нѣкоторыя частности раскрыты имъ или удачнѣе или основательнѣе. Вторая часть, по плану, исключительно есть созданіе самого автора и весьма-хорошо задумана. Сказать прежде о *словосыраженіи*, гдѣ разсмотрѣть происхожденіе словъ, слова какъ звуки и какъ звуки понятій, потомъ перейти къ ученію о *соединеніи* словъ, гдѣ предложить уяснить предложеніе, періоды и рѣчь, наконецъ заключить все изслѣдовать *слогомъ*, о видахъ его, совершенствахъ и средствахъ къ тому, краснорѣчіи и родахъ его: такимъ образомъ повести планъ—значитъ задумать логически дѣло и естественно предложить его.

Въ числѣ прекрасныхъ страницъ теоріи Свѣденцева должно почесть тѣ, гдѣ излагается: происхожденіе словъ, соотвѣтствіе словъ звукамъ природы, ясность и точность рѣчи, плавность ея или ораторскій размѣръ, совершенства слога и происхожденіе фигуръ. Послѣднее объясненіе состоитъ въ слѣдующемъ: «вещь въ бытіи, своемъ говоритъ Свѣденцовъ, иногда представляетъ нѣкоторое сходство съ другою, занимаетъ надлежащее мѣсто, происходитъ отъ извѣстной причины и бываетъ противна другимъ вещамъ. Трудно представить себѣ вещь отдѣльно и независимо отъ которой-нибудь изъ сихъ принадлежностей, которыя нерѣдко оставляютъ въ воображеніи впечатлѣніе живѣйшее, нежели самый предметъ. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто-того, чтобъ употребить собственное значеніе для представленія предмета, мы выражаемся переноснымъ об-

разомъ, чрезъ прикосновенныя идеи.... отъ сей перемѣны собственнаго значенія на другое несобственное произошли такъ-называемые *тропы* (стр. 29—30)». Объясненіе это, совершенно новое по времени, тѣмъ болѣе замѣчательно, что недавно мы его читали въ статьѣ *Буслаева* объ областномъ словарѣ (Отеч. зап. 1852 № 13 стр. 13 критика).

Въ примѣръ «на приспособленіе словъ къ свойству самыхъ предметовъ», авторъ привелъ изъ басни Крылова: *Моръ звѣрей*—«Тащатся шагъ за шагомъ, чуть держатся въ нихъ души», изъ Державина—изображеніе Суворова, изъ Дмитріева—«Размышленіе по случаю грома», изъ Державина—«Глаголъ временъ, металла звонъ» и изъ Гнѣдича — «Бурный конь бѣжитъ по полямъ, поражая копытами землю» (стр. 106—107).

Объясняя происхожденіе словъ, авторъ говоритъ о частяхъ рѣчи въ слѣдующемъ порядкѣ: междометіяхъ, именахъ существительныхъ, прилагательныхъ, глаголѣ, союзахъ, предлогахъ. Это—главныя части рѣчи,—мѣстоименіе, причастіе, дѣепричастіе и нарѣчіе—части, придающія «изящество человѣческому слову» (97—104).

Въ ученіи объ ораторскомъ размѣрѣ Свѣденцевъ совѣтуетъ «писать стихи такъ-же плавно, какъ и прозу, а прозу такъ-же обработывать, какъ и стихи. Чтобы рѣчь доставила нѣкоторое удовольствіе слуху», для сего «надобно: 1) чтобы части, ее составляющія, размѣщены были сообразно тому порядку, каковой опредѣляется важностію ихъ содержанія; 2) чтобы между ими находилось пріятное (?) соотвѣтствіе и 3) чтобы онѣ имѣли надлежащее устройство.... Лучше заключить мысли въ двухъ періодахъ, нежели, вмѣстивъ оныя въ одномъ, произвести запутанность въ понятіяхъ.... Мысли мѣняются отъ вставливанія включительныхъ, или оговорочныхъ понятій.... Для соблюденія полноты и единства въ періодѣ, надобно, чтобъ смыслъ въ ономъ всегда вполнѣ оканчивался (стр. 132—139)».

Два свойства приписываетъ слогу: *ясность* и *приличіе*. Ясность требуетъ, чтобъ мысль автора представлялась намъ съ

перваго взгляда и безъ всякаго напряженія ума.... Приноровленіе слога къ выражаемымъ понятіямъ и къ излагаемому предмету составляетъ его приличіе.... Слогъ зависитъ отъ памяти, ума и чувствительности (?) и бываетъ ровный, легкій, естественный, быстрый въ повѣствованіяхъ, важный, методическій, точный — въ разсужденіяхъ и пріятный, живой, страстный—въ предметахъ чувствительности. Здѣсь не важно дѣленіе, а самое раскрытіе каждаго вида слога (стр. 150—151).

Наконецъ самыя эстетическія понятія представлены убѣдительно и не отзываются общими мѣстами, какъ это было у Рижскаго, Якоби и Талызина, не подкрѣпившихъ своей теоріи объ изящномъ примѣрами. Свѣденцевъ *всѣ* свои положенія объ этомъ изящномъ основалъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, на примѣрахъ и притомъ взятыхъ изъ писателей Русскихъ. Изъ одного мѣста учебника (стр. 73) видно, что теоріи его предшествовала долгая работа надъ примѣрами, изученіе ихъ, такъ что вся она есть выводъ изъ этого пересмотра. Потому иное изложено яснѣе и убѣдительнѣе, а другое общѣе, а потому безполезнѣе. Для показанія пріема автора, познакомимся съ ученіемъ его «О высокомъ въ представленіяхъ (стр. 20)». Съ именемъ высокаго въ представленіяхъ онъ соединяетъ представленія, которыя, возбуждая дѣятельность воображенія, производятъ чувство удовольствія, смѣшанное съ какимъ-то мечтательнымъ (?) изступленіемъ, страхомъ и изумленіемъ. Слѣдуютъ мнѣніе объ этомъ Лонгина и примѣръ изъ слова Амвросія о вѣчности: «Я поставлю вѣки на вѣки, я слагаю тысящи и тысящи лѣтъ, я изчисляю времена и лѣта всего сотвореннаго подъ солнцемъ, и все еще не вѣчность»....

Теорія изящной словесности Ив. Свѣденцева, будучи 1) о времени отраднымъ явленіемъ, какъ первый опытъ разумнаго, на примѣрахъ основаннаго ученія, объ изящномъ въ учебникахъ, не лишнее пособіе и въ наше время за свою вторую часть, гдѣ просто, легко и вразумительно разсмотрѣны слововыраженіе и соединеніе словъ. Онъ послѣдователь Сперанскаго.

2) При неудачности плана и при большемъ раскрытіи началъ эстетическихъ, нежели собственно положеній словесности, теорія замѣчательна и потому, что въ ней сведены въ связной рѣчи, безъ указаній на источники, понятія о словесности прежнихъ учебниковъ. Авторъ только сослался на Перевощикова, Лонгина, Квинтиліана, Блера, котораго принялъ раздѣленіе на фигуры страстей и воображенія, на Ломоносова, когда говоритъ о вымыслахъ, и на Мерзлякова, когда говоритъ о краснорѣчіи; все-же прочее, какъ теорію, излагалъ отъ себя.

3) Ввелъ новое раздѣленіе краснорѣчія на высшее, цвѣтущее и высокое. Примѣръ перваго — преосвященный Платонъ въ словѣ по случаю торжества побѣды Чесменской; примѣръ втораго — Платонъ съ словомъ на коронацію Александра и третьяго — рѣчь матери къ Златоусту. Квинтиліанъ дѣлитъ краснорѣчіе на высокое, величественное и цвѣтущее (кн. XII, гл. X).

16. «*Частная* риторика», Н. *Кошанскаго*. С. Пб. 1832.

Планъ риторики—прежній и излагаетъ слѣдующіе предметы: письма, разговоры, повѣствованія, ораторство и ученость. Главная черта частной риторики—дробность видовъ каждаго прозаическаго рода, общность правилъ и весьма-часто невѣрность положеній.

Такимъ образомъ въ главѣ о *письмахъ*, послѣ раздѣленія ихъ на письма по предметамъ общежитія и литературныя, разсматриваются письма предупредительныя и отвѣтныя, письма къ низшимъ, равнымъ, высшимъ и къ державнымъ особамъ, письма дѣловыя и дипломатическія; *разговоры* дѣлятся на философскіе, драматическіе и разговоры въ царствѣ мертвыхъ; къ *повѣствованіямъ* отнесены: характеры, некрологи, анекдоты, лѣтописи, жизнеописанія, повѣсти, романы, исторія и всѣ ея отрасли; наконецъ въ главѣ объ учености излагаются: систематическія ученыя сочиненія, разсужденія, диссертаціи, мнѣнія, голоса, смѣсь ученыхъ сочиненій: энциклопедіи, записки акаде-

мій, акты университетовъ, труды обществъ, періодическія изданія и критика. Такой подробности не было ни у Мерзлякова, ни у Греча, ни у Галича. Риторика Кошанскаго—сводъ понятій о всѣхъ возможныхъ видахъ и подвидахъ «изящной прозы». Разсматривая роды прозаическихъ сочиненій, Кошанскій обращаетъ вниманіе на содержаніе, цѣль, достоинство, иногда недостатки и расположеніе каждаго рода.

Въ этихъ-то рубрикахъ и находятся часто одни только общія мѣста. Такъ авторъ говоритъ, что содержаніе писемъ бываетъ «различно» (стр. 20). То-же можно приложить и къ разговорамъ и къ чему угодно.... Дальше: слогъ писемъ долженъ быть приличенъ предмету (стр. 21) и вездѣ это требуется; самъ авторъ пишетъ и о разговорахъ то-же (стр. 40) и о повѣствованіи (стр. 60). Цѣль повѣствованія должна быть нравственная (стр. 60) и цѣль ученыхъ сочиненій, между-прочимъ, возвышеніе нравственности (стр. 136); достоинство ученыхъ сочиненій вообще заключается или въ изобрѣтеніи, или въ выраженіи, или въ расположеніи (стр. 136).

Невѣрностей—много; такъ авторъ доказываетъ, что письма суть самый древній родъ прозы (стр. 17 § 51), повѣствованіе—второй родъ, краснорѣчіе — третій, разговоры — четвертый, а по употребленію въ наше время—второй, наконецъ —ученыя сочиненія явились послѣ всѣхъ родовъ прозы (стр. 17—18).... Такую теорію авторъ построилъ на тотъ конецъ, дабы имѣть хотя какое-нибудь основаніе сначала говорить о письмахъ, потомъ разговорахъ и т. д....

Вотъ и еще нѣсколько положеній: цѣль прозы — *польза:* научить, убѣдить, понравиться; цѣль поэзіи—удовольствіе: плѣнить, очаровать и возвысить душу (стр. 2). Характеръ поэзіи—вымыслы.... Романъ—частію поэзія, частію проза; содержаніе его—вымышленная жизнь какого-либо героя.... Есть поэтическіе романы.... напр. Онѣгинъ А. Пушкина (стр. 71).... Характеръ—черта, отличающая одинъ предметъ отъ другаго (стр. 60). *Достоинство* писемъ къ высшимъ состоитъ въ нѣкото-

ромъ нарочитомъ выборѣ словъ и выраженій; всѣ роды учтивостей, а особенно искусныя похвалы и пр., симъ письмамъ приличны (стр. 25).

Къ достоинствамъ риторики должно отнести ея историческую сторону. Авторъ на первыхъ-же страницахъ излагаетъ ходъ словесности у древнихъ и новыхъ народовъ, излагая исторію и нашего просвѣщенія съ IX вѣка до царствованія Императора Николая. Потомъ указываетъ образцы для каждаго рода прозаическихъ сочиненій, начиная съ Грековъ и оканчивая Русскими писателями. Рѣдко приводитъ примѣры, выписки; но самое указаніе на авторовъ вездѣ подробно. Есть много и библіографическихъ свѣдѣній; напр. о старыхъ нашихъ журналахъ (стр. 149), о древнихъ риторическихъ сочиненіяхъ (стр. 154), о нашихъ грамматическихъ и риторическихъ произведеніяхъ (ст. 160 — 161) и пр. Вездѣ почти, гдѣ указывается на писателя, дѣлается замѣчаніе о качествѣ его труда. Особенно достойны вниманія тѣ мѣста, гдѣ приводятся мысли изъ сочиненій М. Н. Муравьева и Карамзина.

Наконецъ, всѣми дѣльными мыслями по части теоріи Кошанскій обязанъ Батюшкову, Муравьеву и преимущественно Карамзину, коихъ мнѣнія онъ весьма-часто приводитъ.

Замѣчателенъ, по вѣрности и силѣ чувства, разборъ рѣчей Платона (на коронацію Александра), Ломоносова, Карамзина и Есхина.

И такъ, частная риторика Кошанскаго хотя представляетъ отрывочныя, не объединенныя, а часто и невѣрныя замѣчанія о родахъ прозаическихъ сочиненій, однако есть важное пособіе, какъ такой учебникъ, гдѣ множество сведено историческихъ фактовъ и представлено довольно практическихъ разборовъ предметовъ словесныхъ.

17. *Краткій* курсъ словесности, приспособленный къ прозаическимъ сочиненіямъ, *Василія Плаксина*, С. Пб. 1832.

На три предмета мы обращали вниманіе, разбирая курсъ

Плаксина: на взглядъ его, отношеніе къ прежнимъ учебникамъ и на частное изложеніе.

Во взглядѣ автора на предметъ словесности есть шаткія точки. Онъ ввелъ въ курсъ предварительныя понятія: психологическія, логическія, грамматическія и эстетическія (стр. 3—51); это введеніе не новое у насъ: оно было у Толмачева и Талызина. Но оно «ново» по тому основанію, которое приводитъ Плаксинъ. На стр. V онъ прямо говоритъ, что причиною введенія психологіи, логики и эстетики въ курсъ словесности было «отсутствіе преподаванія этихъ наукъ во всѣхъ училищахъ, кромѣ академій, семинарій и университетовъ». Имѣя въ виду такую оговорку автора, читатель въ-правѣ ожидать, что другаго основанія на «введеніе» не будетъ. Но авторъ сдѣлалъ иначе. На стр. VII онъ уже указываетъ необходимость изложенія въ словесности и психологіи, и логики, и эстетики.... т.-е. что словесность, какъ наука, должна непремѣнно соблюдать тотъ порядокъ, на который указалъ авторъ, какъ на «естественный».... Слѣдовательно авторъ измѣнилъ себѣ; прежде выставилъ внѣшнюю, частную и отнюдь не научную необходимость помѣщенія «предварительныхъ познаній», а потомъ сталъ доказывать «насущную необходимость, законную». Такимъ образомъ авторъ поступилъ и противъ истины и противъ своего-же курса, гдѣ сказано, что «не должно *мѣшать* науку съ другими науками.... что въ наукѣ главное —существо дѣла, а не *желаніе* сочинителя (стр. 143 и 158), и наконецъ противъ предшественника своего Талызина, который, излагая въ своемъ учебникѣ понятія психологическія и эстетическія, не выставлялъ этихъ понятій, какъ законно-необходимыхъ въ наукѣ о словесности....

Несправедливо также авторъ отнесъ къ курсу словесности и грамматику. Тутъ авторъ высказалъ два положенія, съ которыми никто не согласится: онъ 1) не считаетъ грамматику «отдѣльною, самостоятельною наукою» (стр. V); потому 2) онъ и отнесъ ее къ словесности.... Первое положеніе въ наше вре-

ия — уже рѣшительная неправда, а въ тогдашнее время тоже небывалая мысль. Всѣ говорившіе о наукѣ словесности нападали на неумѣстность грамматической логики въ риторикѣ (Мерзляковъ, Талызинъ, Давыдовъ), но въ то-же время признавали первую за науку. Второе положеніе — неосновательно. Неужели потому, что грамматика не есть самостоятельная наука, она должна войти въ науку словесности, какъ высказалъ авторъ? Риторика, по опредѣленію его-же, «завѣдуетъ формами рѣчи, основанными на свойствахъ цѣлей оной (стр. VII)», т.-е. описаніями, повѣствованіями, разговорами и пр. Гдѣ-же здѣсь мѣсто грамматикѣ, изслѣдующей «первоначальныя формы» словъ и ихъ измѣненіе, а равно и соединеніе, по словамъ самого-же автора?!..

Нельзя согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ, по которому онъ относитъ тропы и грамматическія фигуры къ грамматикѣ (стр. VII и 43), какъ «основывающіеся на свойствахъ словъ и отношеніи оныхъ къ представленіямъ». До Плаксина никто не дѣлалъ такого взгляда; всѣ были убѣждены, что тропы — предметъ риторики. Мысль нашего автора несправедлива. Тропы— метафора и аллегорія, метонимія и прочія, не состоятъ въ однихъ только «словахъ», какъ онъ полагаетъ; здѣсь цѣлая мысль принимаетъ иной видъ; въ метафорѣ она объясняется цѣлою картиною, взятою изъ природы, въ метонимія — отношеніемъ ея или къ причинѣ, или къ дѣйствію, или къ принадлежности; въ ироніи — слово ничего не значитъ, а то, какое направленіе, какой особенный оттѣнокъ мысли разумѣется подъ нимъ. Слѣдовательно тропы—дѣло оратора, а не грамматики. Названіе фигуръ *грамматическими*, а потомъ—иныхъ *риторическими*, введенное Галичемъ, не имѣетъ основанія. Ибо задача всѣхъ оборотовъ фигуральныхъ есть воплощеніе силы мысли и глубины чувства въ особенный образъ; все здѣсь зависитъ отъ движенія сердечнаго въ ораторѣ, а излишество въ словахъ, опущеніе словъ, повтореніе суть тѣ вещественные образы, подъ коими кроется внутренняя сила — мысль и чув-

ство витіи. Авторъ не воспользовался умнымъ объясненіемъ Свѣденцева, предложеннымъ для показанія происхожденія и значенія троповъ. Всѣ изложенныя доселѣ мысли авторъ высказалъ въ своемъ педагогико-обличительномъ введеніи.

Въ самомъ курсѣ невѣренъ взглядъ на риторику и фигуры риторическія. Авторъ поставилъ цѣлію риторики, между-прочимъ, и то, чтобы она «прикрывала и услаждала искусствомъ естественную наготу истины (стр. 79 § 119)». Не вѣримъ автору: потому-что истина и безъ прикрасъ сладка для человѣка и чѣмъ проще она, тѣмъ скорѣе прививается къ нему. Зачѣмъ на долю риторики возлагать такое бремя — прикрывать истину искусствомъ?!..

О фигурахъ авторъ невыгоднаго мнѣнія и не считаетъ ихъ «украшеніемъ рѣчи (стр. 43)». Такое мнѣніе кажется тѣмъ больше страннымъ, чѣмъ выпуклѣе представлена задача риторики, которая имѣетъ цѣлію «прикрывать истину искусствомъ». Чѣмъ-же и прикрываются риторы, какъ не фигурами?!..

Теперь отмѣтимъ отношеніе «курса» къ прежнимъ учебникамъ. Раздѣленіе прозы, по содержанію, на описательную, повѣствовательную, научительную и убѣждательную взято у г. *Греча*. Планъ первой части курса, гдѣ предложены правила для описаній, повѣствованій, дидактической прозы, для слога и потомъ для фигуръ, сходенъ съ планомъ общей риторики Кошанскаго. Планъ частной риторики — старый, введенный еще въ 1809 г. Мерзляковымъ. Въ дробленіи родовъ прозы на виды, въ иныхъ мѣстахъ, видна метода Кошанскаго; такъ въ описаніяхъ онъ разсматриваетъ ученыя и простыя описанія произведеній природы и искусства, произведеній случая, характеровъ, описаніе народныхъ обычаевъ и пр. и пр. Въ самомъ изложеніи мысли и того и другаго сходятся: у того и другаго цѣль прозы—польза житейская, ремесленная,—предметъ природа дѣйствительная, начало—разсудокъ и разумъ. Къ этому Плаксинъ прибавляетъ, что прозаикъ, понимая природу, списываетъ ее, а поэтъ, находя міръ непонятнымъ, творитъ изъ

него свой идеальный (стр. 57). Плаксинъ, подобно Кошанскому, при описаніяхъ совѣтуетъ обращать вниманіе на мѣсто, время, случайныя обстоятельства; Кошанскій поставляетъ отличіемъ высокаго слога слова Славянскія и противополагаетъ ему слогъ растянутый—то-же выразилъ и Плаксинъ (стр. 77). Касательно общей риторики Плаксина должно сказать, что она стройнѣе изложена, нежели у Кошанскаго, хотя и кратче. Вездѣ авторъ говоритъ о предметѣ, правилахъ и расположеніи извѣстнаго рода прозы.

Касательно частнаго изложенія должно замѣтить слѣдующее: въ числѣ общихъ правилъ, предлагаемыхъ для видовъ прозы, неизбѣжныхъ при такомъ планѣ, мелькомъ попадаются здравыя мысли. Сюда относится взглядъ его на романъ, историческую критику, на существо науки, критику и на свойство писемъ. Въ романѣ онъ видитъ не вымышленное, но истинное событіе; ходъ дѣйствующихъ лицъ въ немъ долженъ быть согласенъ отъ начала до конца съ исторіею, если событіе развивается историческое (стр. 136). Историческому критику поставляетъ въ обязанность не прельщаться «блескомъ событій и шумными временными слѣдствіями оныхъ: часто скромныя, говоритъ авторъ, тихія, едва замѣтныя для лѣтописца дѣянія, возрастаютъ для историка до величія въ своихъ слѣдствіяхъ, которыя съ началами своими связаны теплыми, тончайшими нитями. Таковы: учрежденія учебныхъ заведеній, дарованіе правъ сословіямъ и пр. Часто огромныя зданія славны только своими развалинами (стр. 120). О письмахъ дѣлаетъ, между-прочимъ, слѣдующее замѣчаніе: «здѣсь затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобъ по общей слабости самолюбія не поставить себя выше своего значенія, или по излишней гибкости не унизить себя до раболѣпства и не оскорбить лестію благомыслія, добросовѣстности и добрыхъ чувствованій втораго лица. Посему уваженіе къ высшему требуетъ не льстивыхъ словъ и затверженныхъ вѣжливостей, а дѣйствительнѣйшихъ законовъ уваженія (стр. 292)». Отъ такого дѣльнаго замѣчанія какъ раз-

нится мнѣніе Кошанскаго, который пишетъ: «достоинства писемъ къ высшимъ состоитъ въ нѣкоторомъ нарочитомъ выборѣ словъ и выраженій; всѣ роды учтивостей, а особенно искусныя похвалы особенно приличны» (Част. рит. стр. 25).

Но лучшая и полезная сторона курса есть — образцы и взглядъ, хотя рѣзкій, но иногда справедливый, на нѣкоторые учебники по теоріи словесности. Въ первомъ отношеніи замѣчательно уже и то, что приводятся писатели *одни* Русскіе, а главное — оцѣнка писателей краткая, но мѣткая, и по большей частей не фразами отдѣлывающася. Мнѣнія Плаксина о Жуковскомъ, Полевомъ, Гречѣ, Батюшковѣ, Шишковѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ и о многихъ мелкихъ писателяхъ могутъ составить украшеніе всякаго учебника. Къ чести автора скажемъ, что онъ не скрываетъ и недостатковъ извѣстнаго писателя; въ *Карамзинѣ* онъ видитъ великаго писателя, но въ то-же время замѣчаетъ, что историкъ не понялъ лица Годунова; что въ письмахъ преобразователя языка недостаетъ господствующей идеи и много однообразныхъ восторговъ; что онъ не освѣтилъ исторіи своей критикою; что герои его романовъ не имѣютъ народности, мысля и чувствуя умомъ и сердцемъ сочинителя; что онъ мало раскрылъ источниковъ любви къ отечеству и народной гордости въ статьѣ того-же имени (стр. 107, 109, 128, 140, 145, 156). *Мерзлякова* нашъ авторъ относитъ къ лучшимъ критикамъ; но не умолчалъ о слабостяхъ этого профессора-поэта: «воспламенившись красотами, онъ парилъ, говоритъ Плаксинъ, пѣлъ панегирикъ; оскорбившись безобразіемъ, ниспровергалъ все (стр. 160)». Въ этомъ учебникѣ кратко, но вѣрно, изложена вся исторія нашего романа, нашей церковной проповѣди съ Стефана Яворскаго и нашей ораторіи свѣтской.... Также весьма вѣрно, не омрачая совершенствъ и не скрывая недостатковъ, говоритъ объ учебникахъ нашихъ. Касательно отзывовъ о писателяхъ должно замѣтить, что въ слѣдующихъ изданіяхъ курса оцѣнка писателей или сокращена, или совсѣмъ (объ иныхъ) выпущена, или за-

мѣнена другою (*). Напр. въ послѣднемъ отношеніи первое изданіе пишетъ: «о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ Французами 1812 Филарета— написано сильно, убѣдительно, но *односторонне* (стр. 156)». Во второмъ изданіи о томъ-же предметѣ иначе: «разсужденіе Филарета.... достойно неоднократнаго прочтенія (стр. 113)». Объ учебникахъ во второмъ изданіи все сокращено и говорится о Ломоносовѣ, Мерзляковѣ, Гречѣ и Галичѣ. Изъ мнѣнія автора ясно видно, что онъ больше пользы сдѣлалъ-бы не теоріею словесности, а исторіею ея, своими замѣчаніями о писателяхъ.

О разобранномъ курсѣ можно сказать слѣдующее: 1) По основной мысли — онъ не вѣренъ. Если риторика завѣдуетъ формами рѣчи, соотвѣтственно цѣли писателя, какъ говоритъ авторъ, то мы должны исключить ее изъ области науки и свести до трактата о мелочныхъ дѣловыхъ бумагахъ, вѣдомостяхъ, гдѣ тоже обращается вниманіе только на форму рѣчи и на то, чтобы она соотвѣтствовала цѣли — быть или представленіемъ, или донесеніемъ, или запросомъ, или приказомъ, или объявленіемъ....

2) Цѣль прозы указана односторонне. Разумѣя подъ прозою сочиненіе, имѣющее въ виду пользу и только житейскій интересъ, мы впишемъ себя въ рядъ матеріалистовъ. Тогда исторія государства Россійскаго, изображающая судьбу Россіи до XVII вѣка, не будетъ прозаическимъ сочиненіемъ: ибо авторъ не имѣлъ въ виду той пользы, какую имѣетъ бумага о наслѣдствѣ имѣнія....

3) По плану — курсъ представляетъ подражаніе бывшимъ до него учебникамъ—Мерзлякову, Гречу и преимущественно Кошанскому, съ тѣмъ различіемъ, что у него о письмахъ и

(*) Ср. по второму изданію стр. 112 — 113, 115; по первому: 157 и 150. Оцѣнка выпущена во второмъ изданіи; на мѣсто того прибавлено по нѣскольку строкъ и словъ въ самый текстъ теоріи. Ср. стр. 50, 51, 62, 67 (одно слово: «ее» прибавлено), 79, 81 втораго изданія съ тѣмъ-же предметомъ по I изданію....

разговорахъ говорится въ началѣ, а у Плаксина — въ концѣ книги.

4) Изъ *немногихъ* замѣтокъ о видахъ прозы, умныхъ и свѣтлыхъ, изъ *большаго* числа рѣзкихъ и часто справедливыхъ отзывовъ о писателяхъ видно, что Плаксинъ призванъ не для теоріи словесности, а для критики ея....

Должно замѣтить, что въ первомъ или второмъ (1835) изданіи не было примѣровъ, а въ послѣднемъ (1843) изданіи они приведены.... Здѣсь-же романъ отнесенъ, а равно и теорія изящныхъ искусствъ отнесены къ піитикѣ.

5) Вообще «курсъ» Плаксина не есть движеніе *теоріи* впередъ, а выполненіе формъ, принятыхъ съ 1809 года Мерзляковымъ.

(*Окончаніе впредь*).

А. Филоновъ.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ КАМНЕЙ.

Попытки объяснить происхожденіе камней, составляющихъ земной шаръ, весьма древни въ исторіи человѣчества. Почти въ каждой религіи есть отдѣлъ геогеническій, посвященный этому предмету; посему естественно, что и древнѣйшія теоріи научныя въ основаніи своемъ не отступаютъ отъ этихъ преданій. Такова первая геологическая теорія *Вернера*, объясняющая происхожденіе всѣхъ горныхъ породъ и минераловъ, слѣдовательно, происхожденіе камней вообще изъ первобытнаго воднаго хаотическаго раствора. Но такая односторонность не могла надолго удержаться въ наукѣ; наблюденія скоро увѣрили, что камни, образующіеся передъ нашими глазами дѣйствіемъ вулкановъ, неоспоримо, огненнаго происхожденія; между-тѣмъ-какъ всѣ пластовыя породы, съ окаменѣлостями животныхъ и растеній могли образоваться не иначе, какъ осадкомъ на днѣ воды. Осталось только нерѣшеннымъ о породахъ, необразующихся болѣе въ наше время, очевидно выдвинувшихся изъ нѣдръ земли чрезъ трещины земной коры и получившихъ названіе породъ *выкинутыхъ* или *изверженныхъ*. Между-тѣмъ, какъ *Лейбницъ*, *Декартъ*, *Бюфонъ*, *Гюттонъ*, *Плайфайръ*, *Джемсъ Галль*, *Доломье*, *Демаре* полагали, что выкинутыя породы произошли огненнымъ путемъ, другіе, каковы *Бернаръ-де-Палиси*, *Кирванъ*, *Мосъ*, *Джамесонъ* приписывали имъ водное происхожденіе.

Съ развитіемъ и усовершенствованіемъ химіи начались многочисленные и геніальные опыты искусственнаго производ-

ства минераловъ, входящихъ въ составъ выкинутыхъ породъ, и большинство ихъ имѣло цѣлію доказать огненное происхожденіе этихъ породъ, такъ-что теорія плутонистовъ была господствующею и осталась таковою до нашего времени, между-тѣмъ-какъ теорія нептунистовъ представляла только слабыя оппозиціи. Только въ послѣдніе годы явилась торія *Делесса* (*), избѣгающая односторонности и старающаяся дать приличное мѣсто и приличную роль всѣмъ дѣятелямъ, которые только могли участвовать въ образованіи земной коры.

Такимъ образомъ, разсмотрѣніе способовъ происхожденія камней составитъ здѣсь двѣ части: обзоръ плутонической теоріи о выкинутыхъ породахъ, и извлеченіе главнѣйшихъ положеній теоріи Делесса.

А. ПЛУТОНИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ.

Между выкинутыми породами особенное затрудненіе представляло объясненіе огненнаго происхожденія породъ семейства гранитовъ. Прежде всего необходимо было доказать огненное происхожденіе, по-крайней-мѣрѣ главнѣйшихъ минераловъ, составляющихъ ихъ: полеваго шпата, кварца, слюдъ; за этимъ надо было устранить еще болѣе важное затрудненіе, а именно: доказать возможность одновременнаго развитія минераловъ, плавящихся при весьма различной температурѣ и составляющихъ одну и ту-же горную породу. Наконецъ, оставалось еще едва-ли не важнѣйшее затрудненіе: полевые шпаты чаще трисиликаты и изрѣдка бисиликаты, слюды представляютъ сингулосиликаты, и наконецъ, подлѣ нихъ — такое огромное количество свободнаго кварца, что если граниты были расплавлены огнемъ, то этой кремне-кислоты достаточно было-бы, чтобы произвести одни только высшіе силикаты, напр. три-силикаты.

(*) Помѣщена въ Bulletin de la Soc. Géologique de France, 2 série, T. XV.

Искусственное приготовленіе полеваго шпата. Простой $\dot{Ca}\,\dddot{Si}$ или $\dot{Fe}\,\dddot{Si}$ кристаллизуются весьма легко; но если присоединить еще силикатъ кали, то соединенія эти теряютъ совершенно способность кристаллизоваться, силикатъ глинозема еще болѣе уменьшаетъ ее, и получается только стекло, въ избыткѣ растворяющее прочіе силикаты. Даже силикаты кали и глинозема столь густы, тягучи, что ни сама масса, ни растворенное въ ней тѣло не кристаллизуются. Поэтому и *Вернеръ* полагалъ, что полевой шпатъ могъ развиться только воднымъ путемъ. Но уже *Реомюръ*, въ 1739 году, нашелъ, что стекло, медленно охлаждаемое, теряетъ свойство стекла, кристаллизуется, принимаетъ свойства камней, а именно: 1) становится болѣе трудноплавкимъ, 2) дѣлается тверже, 3) тяжелѣе, 4) становится проводникомъ электричества, 5) съ кислотами образуетъ студенистое вещество. *Галль* (Hall) доказалъ, что всѣ силикаты, будучи расплавлены, даютъ стекла, но медленно охлажденные — снова минералы. Различіе вѣса такъ велико, что кристаллъ полеваго шпата относительнаго вѣса 2,55, въ видѣ стекла, имѣетъ вѣсъ только 1,92. Не смотря на это, *Мичерлиху*, послѣ обширныхъ опытовъ (Pogg. Ann. Band 33, Seite 300), не удалось получить кристалловъ изъ полевошпатоваго стекла. Наконецъ, *Гейне* (1834), при выжиганіи мѣдиплавильной печи въ Зангергаузенѣ, нашелъ на выломанномъ черномъ нагарѣ малые остеклованные кристаллы, безцвѣтные и почти аметистовые, величиною въ нѣсколько линій. Они представляютъ весьма явственныя шестигранныя призмы TTM, на которыхъ преобладаетъ одно первое листопрохожденіе P. Оба листопрохожденія, P и M, и такъ-же двойники съ общею площадью P, на нихъ отличимы. Анализъ далъ кремнеземъ, глиноземъ и кали. *Гаусманъ* (Handb. der Miner. 631) приводитъ другой примѣръ изъ доменной печи Іозефсгютте близъ Штольберга, на нижнемъ Гарцѣ,—кристаллы были совершенно похожи на Сантъ-Готардскія адуляріи. Наконецъ, *Прехтль* (Sitzungen der Wiener Akademie, Heft II, 1848), приводитъ наблюденіе свое (1811 года)

на зеркальной фабрикѣ въ Нейгаузѣ, гдѣ въ большой стеклянной массѣ, медленно охлажденной, образовались кристаллы полеваго шпата, съ рѣзко развившимися ребрами, величиною съ кубическій дюймъ. Всѣ эти опыты и наблюденія не оставляли никакого сомнѣнія о возможности огненнаго происхожденія полевыхъ шпатовъ.

Въ доказательство огненнаго происхожденія слюды, приводятъ наблюденія *Мичерлиха* (Abhandl. der Berliner Akademie, 1822 и 1823), по которому старые шлаки мѣдиплавильнаго завода въ Карпенбергѣ, въ Швеціи, весьма богаты кристаллическими пластинками слюды. Также *Гаусманъ* свидѣтельствуетъ, что глинистый песчаникъ, употребляемый въ постройкѣ доменныхъ печей, часто насквозь проникнутъ бываетъ слюдою. *Эбельменъ* произвелъ огненнымъ путемъ хризобериллъ, который, вмѣстѣ съ изумрудомъ, вкрапленъ въ слюдяный сланецъ сѣвернаго Урала (Ann. Chim. phys. III série XXXIII 34; также Journ. f. pract. Chemie 54, 148).

Роговая обманка огненнаго происхожденія извѣстна въ шлакахъ доменной печи Олсберга въ Вестфаліи (Rammelsberg, krystallogr. Chemie, 1855, S. 177); составъ роговой обманки имѣлъ здѣсь кристаллическую форму авгита.

Топазы, столь обыкновенные въ гранитныхъ породахъ, произведены *Добре* (Daubrée), искусственно, огненнымъ путемъ (Comptes rendus, 1851, XXXII, 300).

Одно изъ важныхъ затрудненій къ принятію огненнаго происхожденія выкинутыхъ породъ представляло то обстоятельство, что въ составъ ихъ входятъ минералы весьма различной степени плавкости. Но, объ одновременной кристаллизаціи этихъ минераловъ, и именно объ развитіи ихъ путемъ огненнаго плавленія, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ многія лавы. Оливинъ, передъ паяльною трубкою вовсе не плавящійся, находится въ базальтическихъ лавахъ и базальтахъ подлѣ легкоплавкаго авгита, и вмѣстѣ съ лабрадоромъ, который еще легче плавится. Еще поразительнѣе явленія, представляемыя лейци-

товыми лавами. Лейцитъ, вовсе не плавящійся передъ паяльною трубкою, перемѣшанъ въ этихъ лавахъ съ довольно легкоплавкимъ авгитомъ точно такъ, какъ кварцъ и полевой шпатъ въ гранитѣ. *Брейслакъ*, занимавшійся изслѣдованіемъ лейцитовой лавы у Боргетто, замѣчаетъ, что здѣсь часто малый авгитовый кристаллъ или совершенно запрятанъ въ кристаллы лейцита, или обхватывается имъ такъ, что конецъ авгита выставляется изъ него. Изъ этихъ данныхъ *Брейслакъ* заключаетъ, что развитіе лейцита произошло позже кристаллизаціи авгита, или другими словами, что въ лейцитовой лавѣ легкоплавкій минералъ отвердѣлъ прежде, чѣмъ минералъ неплавящійся (Breislak, Lehrbuch der Geognosie, III, стр. 288 и 293). Впрочемъ, *Фурне* (Comptes rendus, t. 18, 1844, стр. 1057) доказалъ, что точка плавленія и точка совершеннаго охлажденія одного и того-же тѣла можетъ соотвѣтствовать различнымъ температурамъ, и что по сему выраженія *трудноплавкій* и *легко-отвердѣвающій* не суть равнозначущи.

Кварцъ, одна изъ существенныхъ и часто преобладающихъ составныхъ частей гранитныхъ породъ, представляетъ весьма интересное отношеніе къ сосѣднимъ составнымъ минераламъ: между-тѣмъ-какъ обыкновенно кварцъ вдавливаетъ свои формы прочимъ, гораздо легче плавкимъ минераламъ, напр. полевому шпату на трудноплавкомъ кварцѣ отпечатываются формы сосѣднихъ легкоплавкихъ минераловъ. Такія взаимныя впечатлѣнія представляютъ, напр., кристаллы кварца и берилла въ одной и той-же жилѣ, халцедоновые шары и кристаллы известковаго шпата, кристаллы кварца и полеваго шпата во многихъ письменныхъ гранитахъ, кварцъ и кристаллы слюды въ гранитѣ у Оріерви въ Финляндіи. Какъ объяснить эти явленія? Кварцъ необычайно трудно-плавокъ, даже, при обыкновенныхъ средствахъ не плавится; поэтому, кажется, онъ долженъ-бы застывать быстрѣе, чѣмъ, напр., расплавленная масса полеваго шпата, слюды и т.д., между-тѣмъ-какъ приведенныя явленія указываютъ и на одновременное развитіе кварца съ этими мине-

ралами и часто на то, что онъ отвердѣлъ позже прочихъ. *Фурне* (Fournet, Comptes rendus, 1844, XVIII, стр. 1050) объясняетъ это явленіе тѣмъ, что кварцъ могъ находиться въ состояніи *переплавленія* (Surfusion, Ueberflüssigung), между-тѣмъ-какъ сосѣдніе минералы уже отвердѣли и приняли свои формы. Этому явленію представляютъ аналогію: вода, не замерзающая до 12° ниже нуля; сѣра, которая по цѣлымъ недѣлямъ не застываетъ, находясь въ температурѣ 94° С. ниже своей точки плавленія; фосфоръ, остающійся жидкимъ при 13° ниже точки своего плавленія. Въ этихъ случаяхъ *преплавленія* (Surfusion, Ueberflüssigung) вещества могутъ даже противостоять дѣйствію постороннихъ тѣлъ или кристалловъ, между-тѣмъ-какъ они обыкновенно тотчасъ кристаллизуются, если въ нихъ опустить однородный съ ними кристаллъ.

Впрочемъ, ничѣмъ не оправдывающаяся теорія *преплавленія* оказалась для плутонистовъ лишнею, съ-тѣхъ-поръ, какъ опыты *Годена* (Gaudin) показали, что расплавленный кремнеземъ до охлажденія дѣлается густымъ и тягучимъ и можетъ быть вытягиваемъ нитями, какъ сургучъ. Это доказываетъ, что температура его отвердѣнія стоитъ очень низко подъ температурою плавленія. Къ этому-же *Дюроше* (Durocher, Comptes rendus, t. 20, 1815, стр. 1275 и еще подробнѣе въ Bulletin de la Soc. Géolog. 2 série, t. 4, 1847, стр. 1019) обратилъ вниманіе геологовъ и на то обстоятельство, что для объясненія кристаллизаціи гранита нѣтъ необходимости предполагать, чтобы масса его была на точкѣ плавленія кварца, т.-е. около 2800°, потому-что кремнеземъ не былъ однимъ, но въ тѣсной смѣси съ составными частями полеваго шпата и слюды, и точка плавленія этой массы необходимо была ниже точки плавленія кварца, она могла равняться температурѣ плавленія полеваго шпата. Между-тѣмъ-какъ полевой шпатъ и слюда кристаллизовались, излишняя кремне-кислота выдѣлялась мѣстами въ видѣ кварца. Замѣчательное сочетаніе, которое полевой шпатъ и кварцъ представляютъ въ письменномъ гранитѣ, доказываетъ почти

одновременное отвердѣніе обоихъ минераловъ. Но что вещество весьма тугоплавкое можетъ выкристаллизоваться изъ сплава низшей степени плавкости, тому представляетъ убѣдительный примѣръ чугунъ, изъ плавня котораго развиваются кристаллическія пластинки углерода въ видѣ графита (Fournet, въ Bullet. de la Soc. Géolog. 2 série, t. 4, стр. 247).

Опыты *Добре* (Comptes rendus, T. XXXIX, № 3 Juillet, 1854) рѣшительно доказали возможность одновременнаго и совмѣстнаго образованія силикатовъ и свободнаго кремнезема кристаллами. Дѣйствуя парами хлористаго силиція и хлористаго алюминія, на основанія различныхъ солей при краснокалильномъ жарѣ, онъ получалъ простые и двойные силикаты и алюминаты въ кристаллахъ, и подлѣ нихъ свободный кремнеземъ, также кристаллами. Такимъ образомъ, при дѣйствіи паровъ хлористаго силиція на $\dot{\mathrm{Ca}}$, $\dot{\mathrm{Mg}}$, $\dddot{\mathrm{Al}}$, кремнеземъ выдѣлялся маленькими призмами и получались минералы, волластонитъ, оливинъ, дистенъ и кромѣ-того, AlCl на счетъ Si. Для полученія двойной кремнекислой соли, напр. полеваго шпата, кромѣ основаній $\dot{\mathrm{K}}$ (7 атомовъ), $\dot{\mathrm{Na}}$ (7 ат.), $\dddot{\mathrm{Al}}$ (1 ат.) необходимо еще въ избыткѣ $\dot{\mathrm{Ca}}$ и $\dddot{\mathrm{Si}}$. Примѣняя эти опыты къ большой лабораторіи природы, необходимо допустить присутствіе хлора въ гранитныхъ породахъ, что и извѣстно въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. въ гранитѣ (міасцитъ) Ильменскихъ горъ и въ цирконномъ сіенитѣ Швеціи.

Наконецъ *Шереръ* ввелъ еще одного агента, при посредничествѣ котораго, повидимому, отстранялось послѣднее сомнѣніе объ огненномъ происхожденіи гранитныхъ, и вмѣстѣ съ ними всѣхъ вообще выкинутыхъ породъ. Онъ полагаетъ, что огненнорасплавленная масса гранитовъ могла содержать одинъ или два процента воды, отчего она могла оставаться жидкою при температурѣ, несравненно низшей чѣмъ въ безводномъ состояніи. Этимъ объяснилось-бы небольшое содержаніе воды въ нѣкоторыхъ изъ составныхъ частей гранита, напр. слюды и турма-

лина; этимъ представилась-бы возможность присутствія пирогномическихъ минераловъ, т.-е. такихъ, которые, какъ гадолинитъ и ортитъ, уже при самомъ началѣ калильнаго жара сгараютъ, не претерпѣвая однакожь важнаго химическаго измѣненія; участіемъ воды могло-бы до нѣкоторой степени объясниться пластичное состояніе гранита, не предполагая для сего дѣйствія весьма высокой температуры. *Эли-де-Бомонъ* (Bullet. de la Soc. Géolog. 2 série, IV, стр. 1340) присоединился также къ этому измѣненію теоріи происхожденія гранита, находя подтвержденіе въ неоспоримомъ содержаніи воды въ огненно-расплавленныхъ лавахъ.

Брейтгауптъ (Paragenesis der Mineralien, стр. 70), объясняя пластовое сложеніе нѣкоторыхъ гранитныхъ породъ, говоритъ слѣдующее: «*Первобытная масса* этихъ породъ, если не огненно-расплавленная, то по-крайней-мѣрѣ текучая, *какъ жидкое тѣсто*, выступая изъ нѣдръ земли на дневную поверхность, приходила въ волненіе дѣйствіемъ луны, солнца, движеніями атмосферы, и эти гигантскія волны и потоки, переливаясь одинъ черезъ другой, застывали пластами гнейсовъ, слоистыхъ гранитовъ».

Введеніе воды, какъ одного изъ агентовъ, участвовавшихъ при образованіи выкинутыхъ породъ, и вообще, послѣ долгихъ защитъ односторонняго способа развитія этихъ породъ, явившаяся мысль о возможности участія не одного огня, но и другихъ силъ,—всѣ эти обстоятельства были поводомъ къ появленію новой теоріи, изложенной *Делессомъ*.

Б. ТЕОРІЯ ДЕЛЕССА.

Предварительныя необходимыя соображенія.

Для разъясненія способа происхожденія камней, необходимо прежде всего отыскать тѣ различныя причины, которыя при этомъ могли-бы быть дѣятелями. И такъ, надобно стараться изслѣдовать тѣ изъ нихъ, которыя во внутренности

земли могли привести камни въ состояніе размягченія, пластичности, гибкости, и вообще всѣ тѣ причины, которыми опредѣляется развитіе минераловъ. Такими дѣятелями являются: теплота, вода, давленіе, молекулярная дѣятельность.

Теплота. Очевидно, что теплота можетъ участвовать въ образованіи выкинутыхъ породъ. Дѣйствующіе вулканы, съ лавами, изъ нихъ выливающимися, представляютъ неоспоримое тому доказательство.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда теплота не была-бы въ состояніи совершенно размягчить камень, она могла-бы по-крайней-мѣрѣ доставить составнымъ частямъ его свободу для взаимнаго соединенія и для образованія новыхъ минераловъ.

Если подвергать различныя выкинутыя горныя породы дѣйствію сильнаго жара, то онѣ размягчаются, даже по большей части плавятся. Однакожь, при охлажденіи вообще принимаютъ форму стеколъ, пріобрѣтаютъ свойства, которыхъ не дало имъ ихъ первоначальное происхожденіе, и только вулканическіе камни дѣлаютъ изъ этого исключеніе.

Къ томуже, для плавленія выкинутыхъ горныхъ породъ требуется всегда высшая температура, чѣмъ для лавъ. Многіе камни перваго класса часто только спекаются при такой температурѣ, которая болѣе чѣмъ достаточна для совершенной плавки лавъ. Таковы именно серпентины и богатыя горькоземомъ горныя породы, а также и граниты и вообще всѣ породы, гдѣ ортоклазъ и кварцъ суть главныя составныя части.

Камни, неоспоримо огненнаго происхожденія, т. е. вулканическіе, представляютъ рѣзкій, неизгладимый типъ во всей ихъ натурѣ, и потому должны служить основою для сравненія при опредѣленіи происхожденія прочихъ горныхъ породъ.

Поразительнѣе всего ячеистое сложеніе ихъ массы, болѣе или менѣе явственное, но всегда непреложное для всѣхъ вулканическихъ камней, подъ лупою, по-крайней-мѣрѣ, всегда замѣтное. Оно произошло или вслѣдствіе развитія газовъ, или отъ стягиванія расплавленной массы во время охлажденія ея.

На минералахъ вулканическихъ породъ, и именно лавъ, почти всегда замѣчается особаго рода блескъ, какъ будто минералы эти были остеклованы огнемъ. Они часто разрѣзаны бываютъ трещинами, весьма извѣстными на полевыхъ шпатахъ, на лейцитѣ, перидотѣ, авгитѣ и роговыхъ обманкахъ.

Если лавы и являются иногда кристаллическими, то это свойство ихъ несравненно менѣе рѣзко выражено, чѣмъ въ камняхъ, которые, повидимому, не были въ состояніи плавленія даже и тогда, когда они явственно являются потоками; въ нихъ всегда замѣтенъ остатокъ кристаллизаціи, такъ называемое тѣсто или основная масса, облекающая ихъ минералы (порфиры). Это тѣсто, впрочемъ, имѣетъ иногда остеклованный видъ, подобно нѣкоторымъ камнямъ, принимаемымъ за вулканическіе, каковы обсидіаны и смоляные камни.

И такъ, если порода, выступившая изъ глубины, представляетъ ячеистое сложеніе и наружный видъ лившейся нѣкогда рѣки, и если при томъ, заключенные въ ней минералы имѣютъ остеклованный видъ, то необходимо будетъ признать эту породу за неоспоримо огненную, т. е. за такую, при образованіи которой болѣе всего участвовала высокая температура.

Принявъ въ соображеніе, что выкинутыя горныя породы требуютъ гораздо высшей температуры какъ для размягченія, такъ и для плавленія своего, чѣмъ лавы; присоединивъ къ тому еще и то, что выкинутыя породы, съ явственными слѣдами плавленія, очень рѣдки въ земной корѣ, изъ всего этого должно вытекать заключеніе, что высокая температура могла только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ участвовать при образованіи камней.

Вода. Проникая во внутренность земли, всюду встрѣчаютъ воду. Эти подземныя воды образуютъ пласты, лежащіе одинъ надъ другимъ, простирающіеся на большія глубины и составляющіе, безъ сомнѣнія, значительную часть всей массы воды нашей планеты. Только скрытое отъ глазъ положеніе этихъ водъ причиною тому, что геологи мало обращали на нихъ вни-

маніе; между-тѣмъ какъ онѣ, по замѣчанію *Бишофа*, принимаютъ участіе во всѣхъ процессахъ, происходящихъ въ нѣдрахъ земной коры. — Поищемъ мѣру этого участія:

Извѣстно, что подземныя воды, съ возрастающею глубиною, получаютъ постепенно все высшую температуру, и что вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ количество минеральныхъ веществъ, въ нихъ растворяющихся; поэтому, при высокихъ температурахъ, воды должны оказывать сильное вліяніе на горныя породы, съ которыми онѣ приходятъ въ соприкосновеніе, и на всѣхъ глубинахъ земной коры, изъ ихъ растворовъ должны происходить минералы, частію вслѣдствіе выпаренія воды, частію-же—мѣною составныхъ частей двухъ или нѣсколькихъ взаимно перекрещивающихся токовъ.

Въ земной корѣ всѣ горныя породы должны быть пропитаны водою въ различной степени, смотря по степени способности ихъ всасывать эту влагу, что очевидно зависитъ какъ отъ физической, такъ и отъ химической ихъ натуры. Такъ напр., изъ опытовъ, производившихся подъ руководствомъ *Де-ля-Беша* надъ камнями, употребляющимися въ Лондонѣ на постройки, извѣстно, что способность всасывать влагу у песчаниковъ = 7—11, у оолитовъ 13—16, у доломитовъ (Mgnesian Limestone) = 7—23, у мѣла даже 33; всасывательная способность глинистыхъ камней еще выше.

Всякій камень, плавящійся или неплавящійся, можетъ размягчиться водою. Извѣстно, что камень, пропитанный водою, теряетъ свою тягучесть и даже можетъ сдѣлаться совершенно мягкимъ, лѣпнымъ; таковы не только глинистыя породы, но и песчаники, кварцы и опалы. Выкинутыя породы, будучи проникнуты водою, становятся мягче, каковъ напр. гранитъ въ каменоломняхъ и особенно на морскихъ берегахъ, гдѣ онъ до того размягчается, что морскія звѣзды и раковины камнеточцы (Pholas) легко буравятъ его. Неплавящійся антрацитъ, будучи проникнутъ водою, до того размягчается, что принимаетъ

волнистыя формы и можетъ быть втиснутъ въ небольшія пустоты и въ тонкія жилы.

Внутри земной коры всѣ камни проникнуты водою и посему различны отъ находящихся на поверхности земли. Камни, сохраняющіеся въ нашихъ кабинетахъ, представляютъ въ этомъ отношеніи необыкновенное состояніе.

Давленіе. Камни въ земной корѣ подвержены весьма значительному постоянному давленію, пропорціональному толщинѣ лежащихъ сверху каменныхъ массъ. Выкинутыя породы, кромѣ того, претерпѣвали давленіе какъ отъ силы, поднимавшей ихъ, такъ и отъ сопротивленія тѣхъ массъ, которыя онѣ должны были прорвать.

Посему, участіе постояннаго и преходящаго давленія при образованіи камней, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Давленіе сближало элементы до ихъ взаимнаго соприкосновенія, и слѣдовательно, способствовало образованію минераловъ и могло измѣнять физическія и даже химическія свойства минераловъ. Такъ въ лабораторіи *Вёлера* (Wöhler) апофиллитъ совершенно растворялся въ горячей водѣ при давленіи отъ 10 до 12 атмосферъ, и по охлажденіи снова кристаллизовался изъ раствора. Уже въ 1795 году *Гуттонъ* высказалъ мысль, что известь можетъ быть расплавлена при высокомъ давленіи, не теряя своей углекислоты. Позже, *Джамесъ Галль* повѣрилъ эту мысль опытомъ: мѣлъ, известковый шпатъ, раковины, истертыя въ порошокъ, были расплавлены при давленіи многихъ атмосферъ и по охлажденіи получена просвѣчивающая, похожая на мраморъ масса. Подобные опыты повторены были съ успѣхомъ *Бухольцомъ* и *Кассолою*. Изъ нихъ ясно важное участіе давленія; оно удерживало въ соединеніи углекислоту и сближало частицы углекислой извести, для измѣненія первоначальнаго расположенія въ форму кристаллическую.

Молекулярныя силы, при образованіи камней, играютъ второстепенную роль, потому что должны быть прежде всего возбуждены дѣйствіемъ высокой температуры, воды и давленія.

Даже электричество, вызывающее эти силы и сопровождающее ихъ, должно быть предварительно возбуждено иными причинами.

Молекулярныя силы и движенія окончательно даютъ бытіе минераламъ, составляющимъ горныя породы; причемъ элементы ихъ могутъ быть въ газообразномъ, жидкомъ и твердомъ состояніи. Легче происходитъ это въ первыхъ двухъ случаяхъ. Впрочемъ, важно замѣтить, что хотя жидкое состояніе и благопріятствуетъ образованію минераловъ, но съ другой стороны, въ горныхъ породахъ, которыя были разжижены огнемъ или водою, образованіе кристалловъ не очень развито, потому что часть массы обыкновенно остается въ видѣ безформнаго тѣста.

Кристаллическое сложеніе можетъ образоваться даже и въ тѣлахъ, пребывающихъ въ твердомъ состояніи, или по-крайней-мѣрѣ въ массахъ, принимающихъ слабую степень гибкости и лѣпкости. Такимъ образомъ, граниты Альпъ выставляются изъ горныхъ массъ весьма острыми иглами и стрѣлами, и *Эли-де-Бомонъ* полагаетъ, что такую форму они приняли только потому, что были выдвинуты въ твердомъ или по-крайней-мѣрѣ въ едва размягченномъ состояніи. Вся масса этихъ гранитовъ— кристаллическаго сложенія, которое посему образовалось въ твердой массѣ. Здѣсь, отличная способность кристаллизованія минеральной массы не соотвѣтствуетъ весьма тугой способности плавленія, точно такъ какъ легкоплавкость лавъ и траповъ сопровождается бѣдною кристаллизаціею этихъ послѣднихъ.

Одинъ и тотъ-же минералъ можетъ быть и воднаго и огненнаго происхожденія. Для разрѣшенія задачи о способѣ происхожденія камней, придуманы были геніальные методы искусственнаго производства минераловъ со всѣми тѣми свойствами, которыя они представляютъ въ природѣ.

Однакожь, для опредѣленія какимъ путемъ произошелъ данный минералъ, нѣтъ необходимости производить его искусственно. Такъ напр., кварцу и известковому шпату, заключен-

нымъ въ осадочныхъ горныхъ породахъ съ окаменѣлостями, никто не усумнится приписать водное происхожденіе, точно такъ какъ перидоту и авгиту лавъ — рожденіе огненнымъ путемъ.

Послѣ первыхъ, отличныхъ опытовъ *Джамеса Галля*, искусственное производство минераловъ получило большое развитіе. Въ новѣйшее время съ особымъ успѣхомъ этимъ предметомъ занимались: *Гаусманъ*, *Мичерлихъ*, *Бертье*, *Фуксъ*, *Леонгардъ*, *Бекерель*, *Эбельменъ*, *Сенармонъ*, *Добре*, *Г. Бишофъ*, *Вёлеръ*, *Бунзенъ*, *Перси*, *Дюроше*, *Манросъ*, *Б. Котта*, *Х. Девиль*, *Дамуръ*, *Каронъ*, и въ послѣднее время особенно *Г. Девиль*.

Между прочимъ, заключенія, выводимыя изъ этихъ опытовъ были часто или слишкомъ общи или односторонни; изъ того, что минералъ произведенъ былъ искуственно огненнымъ или воднымъ путемъ, дѣлали рѣшительное заключеніе, что и въ природѣ онъ непремѣнно такимъ-же путемъ произошелъ; между-тѣмъ, какъ въ то-же время извѣстно, что одинъ и тотъ-же минералъ можетъ образоваться и тѣмъ и другимъ способомъ.

Къ счастью однакожь, что минералъ носитъ на себѣ явственные и неизгладимые признаки той горной породы, въ которой онъ развился. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить остеклованный полевой шпатъ трахитовъ съ тѣмъ-же минераломъ гранита, или авгитъ вулканическихъ горныхъ породъ съ діопсидомъ или съ салитомъ, также роговую обманку базальта и фонолита, съ тремолитомъ и актинотомъ, или перидотъ, развившійся въ лавѣ, съ батрахитомъ.

Минералы, составляющіе горную породу, могутъ быть различны по ихъ степени плавленія и охлажденія. Этому есть много доказательствъ. Опытомъ дознано, что даже у минераловъ огненныхъ породъ нѣтъ никакой связи между ихъ плавленіемъ и отвердѣніемъ. Это кажущееся противорѣчіе легко объясняется тѣмъ, что для образованія минераловъ совершенное плавленіе не есть необходимость; но достаточно, чтобъ масса приведена была въ состояніе едва размягченное, что̀ производится уже со-

вокупнымъ дѣйствіемъ воды и давленія. Къ тому-же о плавкости горной породы нельзя судить по степени плавкости ея минераловъ; такъ напр., лава Везувія плавится легко, междутѣмъ какъ ея лейцитъ трудноплавокъ.

Свойства горной породы зависятъ отъ ея химическаго состава и отъ ея происхожденія. Химическій составъ породъ выкинутыхъ весьма простъ и представляетъ мало измѣненій. Вообще, онѣ содержатъ кремнеземъ, глиноземъ, окиселъ желѣза, горькоземъ, известь, кали, натръ, воду.

Камни одинаковаго химическаго состава могутъ имѣть весьма различныя физическія свойства. Такимъ образомъ, иногда бываютъ одинаковаго состава трахитъ и гранитъ, базальтъ и трапъ, гранитъ и эвритъ, и при всемъ томъ, физическія свойства ихъ неодинаковы: трахитъ рѣзко отличается отъ гранита своимъ ячеистымъ сложеніемъ и остеклованнымъ видомъ своего полеваго шпата; точно также никто изъ геологовъ не смѣшаетъ и прочіе здѣсь поименованные камни, не смотря на сходство ихъ состава. Столь рѣзкимъ различіемъ физическихъ свойствъ камни обязаны различію ихъ способа происхожденія.

Содержаніе воды въ выкинутой горной породѣ не есть не проложный признакъ начавшагося разрушенія ея. Вывѣтривающаяся выкинутая порода обыкновенно содержитъ воду. Гранитъ и траповыя породы прежде всего распадаются въ дресву; потомъ, при постепенномъ разложеніи полеваго шпата, принимаютъ все большее количество воды и наконецъ, превращаются въ чистую глину, или въ каолинъ. Въ ходѣ этого процесса количество воды возрастаетъ. Но еслибъ породы содержали углекислыя соли, то противоположное явленіе имѣло-бы мѣсто, количество воды тогдабъ уменьшалось.

Изъ этихъ неоспоримыхъ фактовъ, однакожь, еще не слѣдуетъ заключить, чтобъ присутствіе воды въ выкинутыхъ породахъ было всегда признакомъ ихъ разрушенія; эта вода можетъ имъ принадлежать отъ самого момента ихъ образованія, чему есть много доказательствъ. Въ послѣднее время, дѣйстві-

емъ воды, содержащейся въ выкинутыхъ породахъ, объясняли псевдоморфозы (ложныя образованія), и при этомъ случаѣ, включали въ классъ этихъ образованій многія минеральныя формы, очевидно первообразныя.

Выкинутыя породы по большей части имѣютъ сложное происхожденіе. Это слѣдуетъ уже изъ того, что въ земной корѣ высокая температура, вода и давленіе, дѣйствуя совокупно, размягчаютъ камни и вдавливаютъ ихъ въ трещины, и даже выдвигаютъ на поверхность земли. Поэтому, содержаніе воды въ лавахъ, базальтахъ, смоляныхъ камняхъ, въ гранитахъ можетъ быть первоначально, современно ихъ происхожденію. Особенно въ вулканахъ, еще теперь дѣятельныхъ, находятъ лавы огненнаго происхожденія, которыхъ плавка, по *Пулле-Скропу* (Poullet-Scrope), облегчалась присутствіемъ воды, и съ другой стороны лавы водныя, принадлежащія по *Омаліусу-д'Аллоа* (Omalius d'Halloy) къ образованіямъ Гейзера, приведенныя въ разжиженное состояніе дѣйствіемъ воды; эти послѣднія глинисты, первыя-же—настоящіе камни. Есть и переходныя формы между этими обѣими, и извѣстно также, что огнедышущія горы повременамъ выбрасываютъ водныя грязи.

Изъ этого ясно, что обозначеніе породъ названіями, огненныя или водныя, не точно. Этимъ названіямъ необходимо придать значеніе, нѣсколько различное отъ обыкновеннаго; т. е. говоря напр., что такая-то порода огненнаго происхожденія, должно разумѣть, что высокая температура была главнымъ дѣятелемъ при ея образованіи.

Горныя породы представляютъ конечно весьма различныя свойства, смотря по причинамъ, вызвавшимъ ихъ бытіе, но если причины или дѣятели усложняются, то рѣзкіе признаки породъ по необходимости сглаживаются.

И такъ, неоспоримо, что выкинутыя горныя породы могли быть весьма сложнаго способа происхожденія, и именно этимъ легко объясняются нескончаемые споры, возникавшіе между геологами о способахъ происхожленія камней.

Выкинутыя горныя породы.

Вышеизложенныя соображенія могутъ доставить средство къ изслѣдованію происхожденія камней, и для полученія главнѣйшихъ для сего результатовъ достаточно разсмотрѣть только нѣкоторыя изъ нормальныхъ породъ.

Нормальныя выкинутыя породы отличаются отсутствіемъ напластыванія и окаменѣлостей; онѣ кремнеземисты и по большей части содержатъ полевой шпатъ; сложеніе ихъ кристаллическое, но часто значительная часть состава ихъ представляетъ массу неопредѣленнаго сложенія, такъ-называемое тѣсто. Эти породы образуютъ жилы, большія массы, иногда также и рѣки. Онѣ незамѣтно переходятъ въ напластанныя породы. Во время образованія онѣ были жидки, или по-крайней-мѣрѣ до нѣкоторой степени размягчены, при чемъ всѣ возможные дѣятели могли участвовать. Но такъ-какъ высокая температура сообщаетъ камнямъ, въ происхожденіи которыхъ была дѣятелемъ, особенный, типическій характеръ, то посему удобнѣе всего раздѣлить выкинутыя породы по степени того участія, которое теплота принимала при ихъ развитіи. На этомъ основаніи можно принять три группы, а именно: огненныя, повидимому огненныя и неогненнаго происхожденія.

1. *Горныя породы огненнаго происхожденія.*

Онѣ были расплавлены, или по-крайней-мѣрѣ размягчены дѣйствіемъ жара. Почти постоянно безъ воды. Особенно отличительны для нихъ ячеистое сложеніе и шероховатость наощупь. Ихъ минералы имѣютъ остеклованный видъ. Онѣ составляютъ группу тѣхъ камней, которые по преимуществу носятъ названіе вулканическихъ; часто они настоящія лавы и текли рѣками, теперь окаменѣвшими въ своихъ изгибахъ и волнахъ. Эта группа начинается трахитомъ и замыкается долеритомъ, двумя представительными членами, въ которыхъ сосредоточены характеры всѣхъ промежуточныхъ членовъ.

Трахитъ. — Минералогическій и химическій составъ приближаютъ его къ граниту, отъ котораго онъ отличается ячеистымъ сложеніемъ и остеклованнымъ видомъ своихъ минераловъ. Но по той мѣрѣ, какъ эти два признака сглаживаются, происходятъ промежуточные камни, все болѣе богатые кварцемъ, являющіе менѣе признаковъ дѣйствія высокой температуры.

По *Демаре*, *Соссюру*, *Доломье*, *Л. фонъ-Буху*, дѣйствіе вулкановъ Оверни произвело трахитъ изъ тѣхъ гранитовъ, сквозь которые эти вулканы прорвались. По этому предположенію, трахитъ былъ-бы ни что иное, какъ до размягченія разогрѣтый и снова преобразованный гранитъ.

Трахитъ является куполами, конусами, или большими массами. Поэтому, во время выхода своего онъ не могъ быть въ жидкомъ текучемъ видѣ, но былъ едва размягченъ жаромъ.

Эли-де-Бомонъ обратилъ вниманіе на то, что трахитъ никогда не представляетъ извергавшихъ кратеровъ, какъ теперь дѣйствующіе вулканы. Поэтому вѣроятно, что развитіе газовъ играло второстепенную роль при выходѣ этихъ породъ на земную поверхность.

Впрочемъ, трахитъ иногда выполняетъ жилы, и въ такихъ случаяхъ онъ былъ совершенно мягокъ и пластиченъ. Еще чаще является онъ рѣками и стланями огромныхъ протяженій и толщъ, что свидѣтельствуетъ о настоящемъ плавленіи, о которомъ удостовѣряютъ кромѣ-того сопровождавшія обстоятельства, каковы, прорвы этой породы сквозь вулканическую почву, дѣленіе массъ ея на столбы и извѣстные признаки ея минераловъ.

Трахитъ сопровождается часто огромными массами конгломератовъ, которые въ Оверни очень удалены отъ трахитовыхъ горъ. Эти пудинги бываютъ разныхъ свойствъ, что, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ ихъ способа образованія. Напластанные обязаны происхожденіемъ своимъ дѣйствію текучихъ или атмосферныхъ водъ; тѣ-же, которые представляютъ массу

спекшуюся, переходящую въ трахитъ, сформированы дѣйствіемъ высокой вулканической температуры.

Въ дѣйствіи трахитовъ на сосѣднія горныя породы ясно видно участіе теплоты. Эти послѣднія, на площадяхъ соприсконовенія, сплавлены, даже остеклованы, но всегда въ такой степени, что жаръ не могъ быть очень высокъ.

Долеритъ. — Измѣненія, произведенныя его появленіемъ, указываютъ на весьма мощное дѣйствіе, потому-что породы, съ которыми онъ былъ въ соприкосновеніи, болѣе или менѣе преобразованы дѣйствіемъ жара. Каменные угли превращены въ коксъ; известняки были разложены и соединились съ тѣстомъ долерита, или только измѣнились въ расположеніи своихъ частицъ, сдѣлавшись кристаллическими; камни глинистые, кремнеземистые и полевошпатовые были болѣе или менѣе прокалены.

Объ огненномъ происхожденіи долерита не остается сомнѣнія уже и потому, что точно такая-же порода выбрасывается многими дѣйствующими вулканами. Такъ, лава Этны содержитъ лабрадоръ и авгитъ, а лава Везувія — лейцитъ, авгитъ и перидотъ.

И такъ, долеритъ во время своего происхожденія былъ огненно расплавленъ. Ему особенно прилично наименованіе лавы, употребляемое для обозначенія многихъ вулканическихъ камней.

Трахитъ и долеритъ представляются намъ настоящими образцовыми огненными породами, которыхъ происхожденіе неоспоримо, потому-что онѣ образуются въ вулканахъ, еще теперь дѣйствующихъ. Вода находится въ нихъ въ количествѣ едва опредѣлелимомъ, потому-что часть ея выдѣлилась въ видѣ паровъ во время охлажденія породъ, часть-же употреблена была на производство халцедоновъ, опаловъ, гіалитовъ, кварцу, углекислыхъ солей, цеолитовъ, вообще всѣхъ тѣхъ минераловъ, которые выполняютъ миндалевидныя пустоты, произведенныя также парами воды. Такимъ образомъ, жаръ и вода

могли дѣйствовать совокупно, даже и въ такомъ случаѣ, когда выкинутыя породы неоспоримо огненнаго происхожденія и не содержатъ воды.

2. Горныя породы только повидимому огненнаго происхожденія.

Онѣ были размягчены совокупнымъ дѣйствіемъ огня и воды. Въ составѣ ихъ всегда есть вода. Если эти породы часто и представляютъ ячеистое строеніе, то минераламъ, въ нихъ заключеннымъ, свойственъ слабый остеклованный видъ. Ихъ массы дѣлятся на многогранные столбы, а эти на суставцы и шары. Обыкновенно онѣ находятся въ сосѣдствѣ съ огненными камнями и особенно свойственны вулканическимъ мѣстностямъ.

Смоляной камень. — Часто является въ вулканическихъ мѣстностяхъ, гдѣ сопровождаетъ трахитъ и базальтъ. Онъ образуетъ жилы, въ которыя влился, безъ сомнѣнія, въ состояніи значительнаго разжиженія. Его выходы часто представляютъ замѣчательное явленіе сліянія его массы съ сосѣдними породами, даже съ напластанными, содержащими окаменѣлости. Въ этихъ случаяхъ онъ, повидимому, произошелъ изъ преобразованія обломковъ породъ трахитовыхъ и иныхъ богатыхъ кремнекислотою. Жильный смоляной камень произвелъ, въ каменныхъ стѣнахъ своихъ жилъ, значительныя метаморфозы; но при всемъ томъ, жаръ его былъ не весьма высокъ, потому-что онъ могъ образоваться одновременно и при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и кварцевый порфиръ, котораго происхожденіе было вовсе не огненное. Впрочемъ, порфиръ, а равно и смоляной камень и обсидіанъ, могутъ быть дѣйствіемъ огня превращены въ пемзу, что однакожь могло быть предупреждено дѣйствіемъ давленія.

Хотя *фонолитъ* физическими своими свойствами и отличается отъ смолянаго камня, но во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ онъ такъ сроденъ съ нимъ, что обѣ породы должны быть разсматриваемы какъ два различныхъ состоянія передѣлки трахита въ гидратъ. Кромѣ-того, это сродство обнаруживается также со-

сѣдствомъ обѣихъ породъ и переходомъ одной въ другую. Фонолитъ выступалъ изъ нѣдръ земли и въ наше время, а именно во время поднятія Монте-Нуова вылилась рѣка лавы, состоящая въ серединѣ, по изслѣдованію Абиха, изъ настоящаго фонолита.

Базальтъ—имѣетъ почти тотъ-же основный составъ, какъ и долеритъ, отъ котораго отличается присутствіемъ воды и летучихъ началъ. Поэтому, при одинакой степени накаливанія, въ базальтѣ развилось-бы гораздо болѣе газу; но такъ-какъ онъ очень плотенъ, то изъ этого и слѣдуетъ, что температура его была ниже, чѣмъ жаръ долеритовъ или собственныхъ лавъ.

Не смотря на значительную плотность, базальтъ можетъ иногда имѣть ячеистое сложеніе, при чемъ пустоты его отстоятъ одна отъ другой, гладки, довольно велики и округлены; между-тѣмъ-какъ ноздринки долерита малы, неправильно изогнуты и сближены одна съ другой. Это сложеніе свидѣтельствуетъ о развитіи газовъ и о состояніи болѣе жидкомъ базальтоваго тѣста, чѣмъ огненно-расплавленныхъ лавъ. Иногда переходитъ онъ въ настоящіе шлаки, которые однакожь содержаніемъ воды всегда отличаются отъ шлаковъ, выбрасываемыхъ дѣйствующими вулканами.

Остеклованный видъ почти совершенно исчезъ, кромѣ авгита и перидота. Тѣсто—каменной натуры и зернисто. Только нѣкоторые базальтическіе камни, подобные *roche noire*, имѣютъ смоляной блескъ и представляютъ члены промежуточные между базальтомъ и смолянымъ камнемъ.

Присутствіе воды, органическихъ веществъ, углекислыхъ солей, цеолитовъ, нефелина, гаюина, удостовѣряютъ въ томъ, что жаръ не былъ достаточно высокъ для удаленія воды, органическихъ веществъ, углекислоты, сѣрной кислоты. Корундъ и цирконъ, встрѣчающіеся въ базальтахъ, равно-какъ и въ нѣкоторыхъ гранитахъ, указываютъ на сродство этихъ двухъ горныхъ породъ по ихъ происхожденію.

Базальтъ часто дѣлится на столбы и въ такомъ случаѣ содержитъ мало воды и углекислыхъ солей, посему образовался

при значительно высокой температурѣ и его столбы произошли вслѣдствіе стягиванія расплавленной массы во время охлажденія.

Нѣкоторые геологи полагаютъ, что базальтъ обязанъ своими особенностями давленію весьма глубокаго моря, на днѣ котораго онъ будто-бы вылился. Въ Оверни напр. не было такого участія моря; слѣдовательно, это не общее правило; но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ базальтъ является стланями, давленіе могло обнаруживать свое дѣйствіе.

Такъ-какъ базальтъ сопровождаютъ вулканическія породы рѣшительно огненнаго происхожденія, то огонь необходимо участвовалъ и при его происхожденіи, и наибо̀льшая температура дѣйствовала, конечно, при развитіи разностей губчатыхъ и такихъ, которыя богаты авгитомъ и перидотомъ. Тамъ, гдѣ базальтъ является уединенными конусами, онъ былъ выдвинутъ изъ нѣдръ земли въ состояніи довольно густаго тѣста; но чтобъ наполнить жилы и разлиться стланями, масса его должна была явиться весьма жидкою.

Базальтъ, подобно трахиту, сопровождается туфами и конгломератами, представляющими иногда переходы отъ самого базальта къ осадочнымъ породамъ. Округленные базальтовые обломки и крохи, смѣшанные съ кусками иныхъ породъ, образуютъ толщи въ далекѣ отъ выходовъ базальта; напротивъ-того, конгломераты, состоящіе изъ угловатыхъ базальтовыхъ обломковъ, безъ примѣси иныхъ породъ, и слѣпленные твердымъ базальтовымъ тѣстомъ, образуютъ громадныя кучи у самыхъ выходовъ базальтовъ.

Измѣненія, произведенныя базальтами на соприкосновенныя породы, различны въ жилахъ и въ стланяхъ. Въ послѣднихъ случаяхъ метаморфозы незначительны, часто вовсе не замѣтны, по причинѣ низкой температуры. На соприкосновеніи жилъ горючія вещества обожжены въ коксъ, известняки получили кристаллическое сложеніе. Сосѣднія породы часто сложились столбами, стоящими вертикально къ площади базальта. Слабые

камни, каковы песчаники, выполнены были цеолитами, или иногда зеленою землею и углекислыми солями. Глинистыя породы окрѣпли камнями съ ячеистымъ сложеніемъ, или превращены въ фарфоровую яшму, содержащую воду.

Всѣ особенности базальтовъ удостовѣряютъ, что они обязаны происхожденіемъ своимъ совокупному дѣйствію жара и воды. Масса базальта вѣроятно была разжижена водою. Жаръ былъ достаточенъ для образованія перидота и авгита, но слишкомъ незначителенъ для выдѣленія воды и летучихъ веществъ. Его вода не есть слѣдствіе подводныхъ изверженій, но происходитъ изъ внутренности земной коры.

Трапъ—находится въ сродствѣ съ базальтомъ; онъ часто имъ сопровождается и постепенно переходитъ въ него. Его кристаллическое сложеніе вообще мало развито, такъ-что въ массѣ его легко отличается почти одинъ только преобладающій въ немъ анортитъ. Этотъ полевой шпатъ имѣетъ жирный блескъ, онъ непрозраченъ, свѣтлыхъ цвѣтовъ, но отъ примѣси тѣста породы получаетъ иногда и весьма темные цвѣта. Само тѣсто неопредѣленнаго состава; въ немъ, какъ и въ полевомъ шпатѣ, содержится до нѣсколькихъ сотыхъ долей воды; оно содержитъ также много окисла желѣза, и его растворимость въ кислотахъ доказываетъ, что зеленый цвѣтъ не зависитъ ни отъ пироксена ни отъ амфибола.

Если въ немъ развиваются перидотъ и авгитъ, то онъ переходитъ въ базальтъ. Основныя составныя части обѣихъ породъ могутъ быть совершенно однѣ и тѣ-же, и тогда онѣ разнятся только обстоятельствами ихъ появленія поверхъ земной коры. Углекислыя соли извести, горькозема, и оксидула желѣза содержатся въ трапѣ въ значительномъ количествѣ. Онѣ по большей части шпатоваго и жилковатаго сложенія, какъ въ металлоносныхъ жилахъ; но никогда не бываютъ зернисты, подобно углекислымъ солямъ, запутаннымъ въ лавахъ. Онѣ были первоначальными примѣсями трапа и свидѣтельствуютъ о слабой степени жара участвовавшаго при его образованіи. Эти

углекислыя соли, равно-какъ и хлоритъ, цеолиты, кварцъ, часто желѣзныя и мѣдныя руды выполняютъ миндалевидныя пустоты и жилы, и, безъ сомнѣнія, образовались воднымъ путемъ. Дѣйствіе жара, однакожь не было вовсе исключено, въ чемъ удостовѣряетъ присутствіе цеолитовъ и желѣзнаго блеска, которые оба часто встрѣчаются также и въ вулканическихъ породахъ.

Трапъ образуетъ малыя и большія жилы и весьма обширныя стлани. Въ жилахъ онъ часто является въ видѣ обломковъ, слѣпленныхъ углекислыми солями и цеолитами. Стлани очень равномѣрной толщины и покрываютъ огромныя площади. Его масса, для этихъ формъ, конечно, была весьма жидка. Иногда онъ образуетъ пласты и въ такомъ случаѣ вылился на днѣ моря, гдѣ его масса отчасти снесена водами и смѣшана съ настоящими морскими осадками. Названіе его происходитъ отъ столбовъ, на которые иногда раскалывается его масса.

Трапъ очевидно измѣнилъ сосѣдніе съ нимъ камни, горючія вещества превратилъ въ коксъ, известнякамъ далъ кристаллическое сложеніе, и выполнилъ сосѣднія породы цеолитами, хлоритомъ и углекислыми солями, и самъ проникъ отрогами въ эти породы; впрочемъ, трапъ не остекловалъ кремнистыя и глинистыя породы, какъ это обыкновенно у базальта, и часто дѣйствіе его на прорванныя имъ породы незначительно.

Трапъ замыкаетъ собою рядъ породъ, только повидимому огненнаго происхожденія; и хотя сродство его съ базальтомъ и значительно, но онъ во всякомъ случаѣ отличается отъ него меньшимъ первоначальнымъ жаромъ, что очевидно изъ отсутствія перидота, изъ содержанія большаго количества углекислыхъ соединеній и цеолитовъ и изъ менѣе значительныхъ метаморфозъ соприкосновенія. Но такъ-какъ онъ былъ въ совершенно текучемъ состояніи, то и вѣроятно, что прорвалъ земную кору въ видѣ цемента или жидкаго тѣста. Должно замѣтить, что траповыя жилы бываютъ болѣе или менѣе глинисты; нѣкоторыя представляютъ даже всѣ свойства настоящей гли-

вы. Въ такомъ случаѣ обыкновенно принимаютъ ихъ за слѣдствіе разрушенія въ родѣ образованія каолина; между-тѣмъ-какъ ближайшее изслѣдованіе удостовѣряетъ, что жилы только удержали первоначальныя свои особенности, зависѣвшія отъ химическаго состава первобытнаго тѣста. Такъ напр., тамъ, гдѣ оно было богато щелочами, изъ него образовался твердый полевошпатовый гранъ; между-тѣмъ-какъ въ обратномъ случаѣ жилы выполнились глинистымъ веществомъ.

2. *Вытянутыя породы неогненнаго происхожденія.*

Породы огненнаго и породы только повидимому огненнаго происхожденія вмѣстѣ носятъ названіе *вулканическихъ породъ*. Камни неогненнаго образованія соотвѣтствуютъ *плутоническимъ* Лейеля. Минералы этихъ послѣднихъ вовсе не имѣютъ остеклованнаго вида; ихъ общая масса нисколько не губчата, но плотна. Они никогда не сопровождаютъ вулканическія образованія и были размягчены по преимуществу дѣйствіемъ воды и давленія, между-тѣмъ-какъ участіе жара было второстепенное.

Гранитъ.—Его минералогическій составъ весьма близокъ къ составу трахита; но отъ этого послѣдняго онъ отличается существенно присутствіемъ минераловъ, содержащихъ боръ и фторъ.

Гранитныя породы группы порфировъ еще имѣютъ безформное тѣсто какъ трахитъ; но въ настоящихъ гранитахъ его нѣтъ. Посему, условія ихъ образованія были весьма благопріятны развитію кристалловъ, изъ всей ихъ массы.

Въ гранитныхъ массахъ иногда выдѣляются столбы, впрочемъ, весьма неправильные. Подобное-же явленіе встрѣчается также въ гипсахъ и въ иныхъ очевидно водныхъ породахъ и есть слѣдствіе стягиванія при высушкѣ этихъ породъ.

Кварцъ, рѣдкій или вовсе выпадающій въ настоящихъ огненныхъ камняхъ, въ гранитахъ образуетъ одну изъ существенныхъ составныхъ частей. Онъ является здѣсь не только окристаллованнымъ, но и остеклованнымъ; однакожь, такихъ трещинъ какъ въ лавахъ не имѣетъ. Нѣтъ необходимости пред-

полагать, чтобъ его остеклованный видъ былъ слѣдствіемъ огненной плавки, потому-что такой-же видъ имѣетъ и кварцъ, образовавшійся воднымъ путемъ; между-тѣмъ-какъ на самомъ дѣлѣ расплавленый кварцъ даетъ стекло особеннаго свойства, неизвѣстное доселѣ ни въ одной горной породѣ. Въ лавахъ находятъ иногда куски обожженнаго кварца, прорѣзаннаго трещинами; они были очевидно подвержены дѣйствію огня; но жаръ не былъ довольно высокъ, чтобы вполнѣ расплавить ихъ, потому-что кремнекислота захватила-бы тогда основанія и образовала-бы съ ними соли. Далѣе извѣстно, что стекла, весьма богатыя кремнекислотою, даже при весьма замедленномъ охлажденіи, недаютъ кварца, такъ-что этого минерала еще не удалось произвести огненнымъ путемъ. И такъ, все противорѣчитъ мнѣнію, по которому кварцъ гранитовъ будто-бы образовался сухимъ путемъ. Къ тому-же, онъ часто содержитъ органическія и смолистыя вещества, отъ которыхъ зависятъ его темные цвѣта, пропадающіе отъ прокаливанія. *Д. Брюстеръ* нашелъ въ пустотахъ кварца, равно-какъ и въ пустотахъ топаза и кимофана, которые также встрѣчаются въ гранитахъ, двѣ органическія жидкости (бревстолинъ и криптолинъ), вслѣдствіе испаренія дающія смолу. Еслибъ эти жидкости просочились послѣ образованія кварца, то скорѣй остались-бы снаружи его, чѣмъ проникли во внутреннія пустоты. Именно въ кварцѣ заключены онѣ потому, что онъ отвердѣлъ послѣ прочихъ составныхъ частей гранита. Онѣ принадлежатъ кварцу съ его рожденія и явно отвергаютъ мысль объ его огненномъ происхожденіи, между-тѣмъ-какъ этотъ минералъ образуется еще и въ наше время въ ключахъ, подобныхъ Гейзеру; въ аммонитахъ лейяса встрѣчаются отличные горные хрустали, и въ желвакахъ мѣловыхъ кремней кристаллы кварца также нерѣдки. *Брейтгауптъ*, въ сочиненіи своемъ: «Die Paragenesis der Mineralien» 1849, стр. 27, приводитъ нѣсколько примѣровъ воднаго происхожденія кварца. Наконецъ, *Сенармонъ* произвелъ кварцъ искусственно воднымъ путемъ.

Полевые шпаты гранитовъ не имѣютъ остеклованнаго вида; они непрозрачны, изрѣдка просвѣчиваютъ и бываютъ различныхъ цвѣтовъ. Химическій составъ ихъ тотъ-же, какъ и полевыхъ шпатовъ трахита. Нѣсколько большее содержаніе натра въ санидинѣ зависитъ отъ того, что въ его цѣлой массѣ трахита болѣе, чѣмъ въ гранитѣ. Полевые шпаты послѣдняго всегда содержатъ нѣсколько воды, которая здѣсь не случайная, не извнѣ зашедшая примѣсь, но существенная принадлежность по происхожденію; въ анортитѣ содержаніе ея доходитъ до двухъ сотыхъ, безъ всякаго слѣда вывѣтриванія. Конечно, адулярій имѣетъ остеклованный видъ, не содержитъ воды, без цвѣтенъ и прозраченъ, но онъ выстилаетъ трещины гранитовъ и повидимому произошелъ путемъ сублимаціи, какъ и искусственный полевой шпатъ Зангергаузена. Напротивъ-того, есть много данныхъ, удостовѣряющихъ въ возможности образованія полеваго шпата воднымъ путемъ (*), которымъ произвелъ его искусственно *Добре* (Daubrée). Но если полевые шпаты и тѣмъ и другимъ способомъ могутъ происходить, то въ гранитѣ они образовались неоспоримо воднымъ путемъ.

Въ составѣ гранитовъ встрѣчаются два рода слюды, желѣзисто-горькоземистая и глиноземистая; первая, темныхъ цвѣтовъ, входитъ въ составъ всѣхъ гранитовъ и даже гранитита Густава Розе. Она находится также въ трахитахъ, долеритахъ, лавахъ и вулканическихъ шлакахъ; но свойства ея въ этихъ огненныхъ породахъ нѣсколько иныя: кристаллическія пластинки ея толще, темные цвѣта ея переходятъ въ черные, ея блескъ яркій стеклянный и она мало измѣняется отъ прокаливанія. Бѣлая, пер-

(*) *Брейтгауптъ* упоминаетъ о кристаллахъ ортоклаза въ рудныхъ жилахъ Маріенберга, о которыхъ положительно извѣстно, что они воднаго происхожденія. Сюда-же относятся псевдоморфозы полеваго шпата по лейциту, прениту и анальциму (Sitzungsberichte der Wiener Akademie, Heft III). Кристаллы полеваго шпата въ пустотахъ осадочнаго песчаника у Обервизы, въ Саксоніи (Geognost. Beschr. des Königr. Sachsen. Heft II. S. 391). Кристаллы полеваго шпата, которые наблюдалъ Штудеръ въ водныхъ сланцахъ Гларуса (Neues Jarbuch 1840, S. 352).

ламутроваго блеску, въ кислотахъ нерастворяющаяся глиноземистая слюда, въ камняхъ огненнаго происхожденія не встрѣчается и отъ прокаливанія совершенно измѣняется (*). И такъ, высокая температура не была необходимымъ агентомъ при ея образованіи.

И такъ, три главные минерала гранита могли образоваться безъ участія высокой температуры. Къ тому-же приводитъ разсматриваніе прочихъ минераловъ, въ немъ вкрапленныхъ. Его роговая обманка (**) весьма различна отъ той, которая характерна для вулканическихъ породъ. Углекислые известняки образуютъ въ гранитахъ большія чечевицы и огромные штоки, но содержатъ часто богатые водою минералы, каковы пиросклеритъ и серпентинъ, и хотя соприкосновеніемъ гранита и сдѣлались кристаллическими, но ни въ какомъ случаѣ не претерпѣли тѣхъ измѣненій какъ известняки, обвитые потоками лавы, отъ жара которой они стянулись морщинами и получили весьма мелкозернистое сложеніе. Граниты прорѣзываются многочисленными кварцевыми жилами и часто тѣсно смѣшаны съ баритомъ, плавиковымъ шпатомъ, известковымъ шпатомъ, съ рудами тяжелыхъ металловъ, и вообще съ такими минералами, которые встрѣчаются въ металлоносныхъ жилахъ. Всѣ эти минералы образовались воднымъ путемъ и находятся въ такой тѣсной связи съ гранитомъ, что непремѣнно произошли съ нимъ одновременно. Ортиты, пирортиты и гадолиниты, минералы фосфоресцирующіе и при накаливаніи сгарающіе, лежатъ въ гранитѣ такъ, что на нихъ видны вдавлины отъ сосѣднихъ по-

(*) Возможность происхожденія слюды воднымъ путемъ подтверждается, между-прочимъ, ея нахожденіемъ въ нѣкоторыхъ жилахъ воднаго образованія у Шнееберга. *Форшгаммеръ* доказалъ, что бѣлая слюда песчаниковъ каменноугольной формаціи Борнгольма, произошла въ этихъ-же породахъ, воднымъ путемъ (Danmarks geognostiske Forhold 1835, стр. 86).

(**) За возможность образованія роговой обманки воднымъ путемъ говоритъ наблюденіе *Добре*, который видѣлъ этотъ минералъ въ сопровожденіи эпидота, въ напластанной породѣ, богатой окаменѣлостями, близъ Ротау Jarbuch 1840, S. 352).

левыхъ шпатовъ, кварцевъ и слюдъ, съ которыми они посему одновременны.

Гранитъ образуетъ жилы и большія массы. Въ первомъ случаѣ онъ является измѣреніями весьма противоположными, до тонины едва замѣтной. Такія тонкія жилы не могли влиться снизу, но произошли выдѣленіемъ изъ стѣнъ въ узкіе ходы жилъ. Жилы болѣе просторныя наполнились конечно напоромъ снизу, но масса не была расплавлена огнемъ, въ чемъ удостовѣряетъ уже то обстоятельство, что граниты никогда не образуютъ ни потоковъ, ни стланей.

Огромныя массы гранита чаще являются округленными куполами и рѣже остріями и зубцами. Первыя формы не могли ни образоваться, ни удержаться иначе, какъ въ такомъ случаѣ, когда вся масса гранита была выдвинута изъ нѣдръ земли въ видѣ весьма густаго тѣста. Формы-же остріями и зубцами, напр. въ Альпахъ, даже заставляютъ предполагать почти твердое, едва размягченное состояніе.

Отъ соприкосновенія съ гранитомъ, горючія вещества превращаются въ антрацитъ или въ графитъ, известняки становятся кристаллическими, породы кремнеземистыя и глинистыя спекаются и представляютъ переходы въ яшму. Разнообразные, часто воду содержащіе минералы развиваются въ этихъ метаморфозованныхъ породахъ, но ни одинъ изъ нихъ не носитъ на себѣ слѣдовъ дѣйствія высокаго жара. Нигдѣ не извѣстны примѣры превращенія каменныхъ углей въ коксъ или обугливанія горючихъ веществъ въ соприкосновеніи съ гранитомъ. Иногда бываютъ вдавлены въ него глыбы глинъ и кремнеземистые камни, но они никогда не теряютъ своей воды и не получаютъ ячеистаго и губчатаго сложенія. Нигдѣ не встрѣчаются слѣды огненнаго плавленія, которое можно-бы было приписать дѣйствію гранита.

И такъ, если гранитъ и не отложился изъ водныхъ растворовъ, какъ это предполагалъ *Вернеръ*, то неоспоримо, что вода

была главнѣйшимъ дѣятелемъ при его образованіи. *Добени* (Daubeny), *Седжвикъ* (Sedgwick), *Эли-де-Бомонъ*, *Бишофъ* приписываютъ граниту огненное происхожденіе; между-тѣмъ-какъ *Брейтгауптъ*, *Шереръ*, *Шафхейтль* принимаютъ, что гранитныя массы вылились въ видѣ тѣста, сильно пропитаннаго водою, и это послѣднее мнѣніе согласуется со всѣми явленіями гранитовъ.

Діоритъ. За гранитными породами весьма кстати разсмотрѣть тѣ изъ траповыхъ, въ которыхъ встрѣчаются анортитовый полевой шпатъ, слюда и роговая обманка. Представителемъ ихъ, ближе всего сроднымъ съ гранитами, является діоритъ (*).

Минералогическій составъ его весьма простъ: изъ альбита и роговой обманки. Первый похожъ на траповый и можетъ быть воднымъ и безводнымъ. Роговая обманка сходна съ гранитовою. Между побочными составными частями кварцъ встрѣчается даже въ такихъ діоритахъ, которые весьма бѣдны кремнекислотою, напр. въ шаровидномъ діоритѣ Корсики. Кромѣ кварца, встрѣчаются углекислыя соли, хлоритъ, эпидотъ, различные жильные минералы и цеолиты.

Кристаллическое сложеніе чаще весьма неравномѣрно, иногда-же весьма хорошо развито, особенно кристаллы роговой обманки. Цеолиты встрѣчаются въ діоритѣ рѣже чѣмъ въ трапѣ и такъ-какъ они по преимуществу принадлежатъ вулканическимъ породамъ, то посему и вѣроятно, что жаръ діоритовъ богатыхъ цеолитами, былъ выше, чѣмъ жаръ гранитовъ. Съ другой стороны, отсутствіе ячеистаго сложенія и шлаковъ свидѣтельствуетъ о весьма слабомъ участіи огня.

Діоритъ образуетъ жилы и большія массы, и въ извѣстныхъ случаяхъ, кажется, произошелъ изъ метаморфозъ напластанныхъ

(*) Лучшія разысканія о діоритѣ и сродныхъ съ нимъ породахъ представилъ *Густавъ Розе*, въ Poggendorfs Annalen, Bd. 34, 1835.

породъ. Потоками и стланями онъ, повидимому, не могъ разливаться. Онъ часто встрѣчается въ сосѣдствѣ съ гранитомъ, образуя разнообразные въ него переходы. Часто и діоритъ и его сосѣдняя порода проникаются желѣзнымъ блескомъ, однакожь безъ слѣдовъ высокой температуры, точно такъ, какъ и въ соприкосновеніяхъ его не замѣчается ни обугливанія горючихъ веществъ, ни остеклованія кремнистыхъ. Всѣ явленія скорѣе приближаютъ его къ граниту, чѣмъ къ вулканическимъ породамъ. Онъ произошелъ преобладавшимъ дѣйствіемъ воды и давленія, при слабомъ участіи жара.

Керсантитъ и *эйфотидъ* имѣли такое-же происхожденіе; но *гиперитъ* и *мелафиръ* приближаются къ трапу, даже къ базальту, составляя переходъ къ вулканическимъ породамъ.

Серпентинъ — сопровождаетъ обыкновенно траповыя породы, именно діоритъ и эйфотидъ. Его не считаютъ первоначальнымъ минераломъ, но полагаютъ происшедшимъ вслѣдствіе метаморфозъ изъ перидота и изъ иныхъ минераловъ; кристаллическія формы, въ которыхъ иногда является его масса, также принимаютъ заложныя образованія. Такому понятію, кажется, противорѣчитъ постоянство его химическаго состава во всѣхъ мѣстностяхъ и при всѣхъ случаяхъ. Хризотилъ, прорѣзывающій его жилами, безъ сомнѣнія, представляетъ начатки кристаллизаціи его, выдѣлившіеся изъ его-же массы.

Изъ минераловъ вкрапленныхъ въ серпентинъ, особенно постоянны гранаты, діаллагъ, хлоритъ, благородный серпентинъ, хризотилъ. Бѣлый известковый шпатъ нерѣдко образуетъ въ немъ прожилки. Цеолитовъ не бываетъ, или они имѣютъ особыя свойства, содержа въ составѣ горькоземъ, какъ въ серпентинахъ верхней Италіи, образовавшихся при участіи болѣе высокой температуры. Серпентины часто проникаются кварцемъ, опаломъ, баритомъ, арагонитомъ, водными окислами желѣза и мангана. Его массы часто разбиты на угловатые куски, не представляя однакожь никакихъ слѣдовъ ни ячеистаго сложенія, ни выдѣленія столбовъ.

Серпентинъ является жилами и штоками, переходя иногда въ напластанныя породы, напр. въ глинистый сланецъ. Онъ принимаетъ въ себя полевой шпатъ, составляя тогда переходы въ діоритъ и эйфотидъ. Часто гранитныя и траповыя породы становятся мягкими по окраинамъ, теряютъ свой характеръ и переходятъ въ серпентинъ или, точнѣе, въ породы съ нимъ сродныя, содержащія воду и состоящія изъ кремнекислыхъ соединеній горькозема.

Дѣйствія серпентина на сосѣднія породы извѣстны только въ немногихъ мѣстностяхъ, и всегда весьма слабыя, каково превращеніе глинистыхъ породъ въ габро и въ яшмы, и эти послѣднія, по *Науману* и *Гамильтону*, произведены водными токами, проникающими массы серпентина. Слѣдовъ остеклованія нигдѣ не видно. Однимъ словомъ, серпентинъ никакъ не можетъ считаться вулканическимъ гидратомъ. Огненному происхожденію его противорѣчитъ его неплавкость и отсутствіе ячеистаго сложенія. Напротивъ-того, все удостовѣряетъ, что вода была главнымъ агентомъ при его образованіи; ея содержаніе въ самой породѣ доходитъ до десяти сотыхъ частей, не включая такъ-называемой горной воды, и кромѣ-того, онъ заключаетъ многіе водные минералы. Не смотря на неплавкость, серпентинъ имѣетъ весьма малую твердость, такъ-что легко могъ быть размягченъ водою. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пѣнка и водныя кремнекислыя соединенія горькозема находятся въ нѣдрахъ земной коры въ-состояніи весьма размягченномъ, болѣе чѣмъ лѣпномъ. Если, при образованіи смолянаго камня и базальта, вода и жаръ принимали въ равной мѣрѣ важнѣйшее участіе, то въ серпентинѣ дѣйствіе послѣдняго почти совершенно исчезаетъ и эта порода могла быть приведена въ размягченное состояніе только дѣйствіемъ воды и давленія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

И такъ, огонь, вода, давленіе и молекулярныя силы были главными дѣятелями при образованіи выкинутыхъ горныхъ породъ; они дѣйствовали всегда совокупно, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ изъ нихъ могъ являться до извѣстной степени преобладающимъ. Поэтому, едва-ли возможно провести точныя границы между путями образованія горныхъ породъ и ихъ минераловъ, и только въ самыхъ общихъ очеркахъ устанавляются три группы породъ по происхожденію:

Камни огненнаго происхожденія были расплавлены или по-крайней-мѣрѣ размягчены, дѣйствіемъ высокой температуры. Они поэтому безводны, губчаты, шероховаты, часто сопровождаются шлаками и содержатъ остеклованные минералы. Къ нимъ причисляются такъ-называемыя вулканическія породы и тѣ, которыя вытекаютъ изъ вулкановъ, еще теперь дѣйствующихъ.

Камни, только повидимому огненные, были смѣшаннаго происхожденія, потому-что испытали нѣкоторый родъ воднаго плавленія. Въ нихъ еще встрѣчается и губчатое сложеніе и шлаки, но минералы, въ нихъ вкрапленные, уже теряютъ остеклованный видъ. Они содержатъ воду и цеолиты и часто дѣлятся на столбы и шары.

Выкинутыя породы неогненнаго происхожденія были приведены въ размягченное, лѣпное состояніе дѣйствіемъ воды и давленія; участіе теплоты было при этомъ незначительно. Въ нихъ нѣтъ ячеистаго сложенія, потому-что не было развитія газовъ. Ихъ минералы не имѣютъ остеклованнаго вида, и разности, богатыя кремнекислотою и кристаллическія, выдѣляютъ большое количество свободнаго кварца съ остеклованнымъ блескомъ.

Химическій составъ весьма различныхъ горныхъ породъ можетъ быть одинъ и тотъ-же, потому-что свойства ихъ зави-

сятъ не отъ одного только состава, но и отъ условій ихъ происхожденія. Поэтому, въ одну и ту-же геологическую эпоху могли происходить породы одинакого химическаго состава, но весьма различныя по своимъ физическимъ свойствамъ, точно такъ, какъ одна и та-же порода могла быть выкинута изъ нѣдръ земли въ разныя времена.

С. Куторга.

ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1859 годъ (*).

—⁂—

I.

На основаніи Высочайше утвержденнаго положенія, отдѣленіе Русскаго языка и словесности состоитъ изъ двадцати членовъ. Но никогда, впродолженіе осьмнадцатилѣтняго существованія своего, не могло оно видѣть въ своихъ собраніяхъ полнаго числа этихъ избранныхъ дѣйствователей. Отсутствіе однихъ происходитъ отъ того, что они постоянно живутъ внѣ здѣшней столицы, а другихъ отъ того, что многотрудныя обязанности по занимаемымъ ими въ службѣ должностямъ не оставляютъ имъ времени для академическихъ трудовъ. Въ настоящее время не болѣе шести академиковъ постоянно присутствуютъ въ засѣданіяхъ отдѣленія и раздѣляютъ между собою академическія занятія. И въ этомъ небольшомъ числѣ, между нами, только одинъ академикъ вполнѣ принадлежитъ отдѣленію, не отвлекаемый отъ него никакою другою должностію.

До-сихъ-поръ отдѣленіе успѣло изъ литературно-ученыхъ трудовъ своихъ напечатать тридцать два сочиненія. По части лексикографіи вышло семь книгъ, между которыми «Словарь церков-

---

(*) Составленъ ординарнымъ академикомъ, предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи, тайнымъ совѣтникомъ *П. А. Плетневымъ*, и читанъ имъ въ торжественномъ собраніи академіи 29 декабря 1859 года.

но-Славянскаго и Русскаго языка» состоитъ изъ четырехъ томовъ. Два сочиненія изданы по отдѣлу грамматики, и одно изъ нихъ — «Опытъ общесравнительной грамматики Русскаго языка» вышло тремя изданіями. Наибольшее число сочиненій выдано отдѣленіемъ въ свѣтъ по разряду филологическихъ изслѣдованій: ихъ напечатано двѣнадцать. Они преимущественно касаются стариннаго Русскаго языка и его литературы. Пособій къ изученію исторіи отечественной словесности издано восемь. Наконецъ три сочиненія содержатъ изображенія отдѣльныхъ эпохъ исторіи политической.

Постоянно издаются отъ отдѣленія безсрочными выпусками «Извѣстія», продолжающіяся восемь лѣтъ. Тетради этого изданія нынѣ составили восемь томовъ in-4°. Они содержатъ въ себѣ не только исторію занятій отдѣленія, но и современную библіографію замѣчательнѣйшихъ явленій Русской словесности и прочихъ Славянскихъ литературъ. Спустя два года послѣ появленія «Извѣстій», началось печатаніе другаго повременнаго изданія, подъ названіемъ «Ученыя записки». Ихъ вышло въ свѣтъ пять томовъ. Онѣ предназначены для подробнѣйшихъ изслѣдованій, нежели «Извѣстія». Филологія, исторія и критика составляютъ преимущественное содержаніе «Ученыхъ записокъ».

II.

При небольшомъ числѣ постоянныхъ участниковъ въ занятіяхъ отдѣленія, несправедливо было-бы требовать отъ работъ ихъ замѣтнаго расширенія успѣховъ литературы, особенно при томъ соображеніи, что для отдѣленія Русскаго языка и словесности предназначенъ путь чисто-спеціальный. На этомъ пути оно не оказало медленности сравнительно съ другими, подобными ему, учрежденіями. Въ «Извѣстіяхъ» отдѣленія прошлаго 1859 года напечатана была записка академика *Я. К. Грота,* подъ заглавіемъ: «Матеріалы къ обсужденію вопроса о новомъ изданіи академическаго словаря». Въ ней приведено множество любопытныхъ указаній на учрежденія въ разныхъ государствахъ, однородныя съ нашимъ отдѣленіемъ Русскаго языка и словесности. Эти указанія вполнѣ знакомятъ съ тѣми затрудненіями, которыя повсюду встрѣчаемы были при изслѣдованіи состава и законовъ языка, и съ тѣми естественными препятствіями, съ которыми осуждены бороться литературныя совѣщательныя общества.

III.

Въ числѣ исполняющихся нынѣ ученыхъ предположеній отдѣленія, одно изъ первыхъ мѣстъ должно занять изданіе Славянскаго перевода «Хроники *Георгія Амартола*», изданіе въ возможно-полномъ и вѣрномъ видѣ. Извѣстно, что «Хроника *Георгія Амартола*», жившаго въ IX вѣкѣ, принадлежа къ числу замѣчательныхъ обще-историческихъ сочиненій Византійскихъ, очень рано, вѣроятно уже въ X-мъ вѣкѣ, сдѣлалась достояніемъ Славянской литературы. Въ спискахъ тогдашняго перевода она ходила не только въ томъ-же видѣ, какой былъ и въ подлинникѣ, но и съ нѣкоторыми добавленіями. У насъ она имѣла тѣмъ болѣе значенія и успѣха, что заключаетъ въ себѣ сказанія и о Руси. Она даже служила руководствомъ и пособіемъ нашимъ лѣтописцамъ. Такъ, между-прочимъ, и сочинитель «Повѣсти временныхъ лѣтъ» пользовался ею, какъ источникомъ для припоминанія событій и обстоятельствъ, сходныхъ съ тѣми, о которыхъ онъ разсказываетъ въ своемъ повѣствованіи о Россіи. Это было причиною размноженія у насъ старинныхъ списковъ «Хроники *Георгія Амартола*».

Но сличеніе ихъ, большею частію дошедшихъ до насъ не изъ самой древности (древнѣйшіе принадлежатъ XIV вѣку), убѣдило, что не только ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть исключительно предпочтенъ прочимъ, но что нѣкоторыя мѣста даже не могутъ быть правильно прочтены при помощи всѣхъ списковъ вмѣстѣ безъ пособія Греческаго подлинника.

Къ-счастію, въ то время, какъ отдѣленіе приступало къ осуществленію своей мысли, докторъ *Муральтъ* изучалъ древній списокъ той-же хроники на Греческомъ языкѣ, хранящійся въ Московской синодальной библіотекѣ. Онъ предполагалъ напечатать его съ дополненіями и разночтеніями по другимъ спискамъ. Но изданіе этого новаго труда ученаго изыскателя могло замедлиться, и даже, по недостатку средствъ на покрытіе издержекъ печатанія, могло быть отложено на неопредѣленное время. Отдѣленіе, чтобы облегчить приготовленіе въ наилучшемъ видѣ изданія древняго Славянскаго перевода хроники, рѣшилось всѣми способами содѣйствовать къ изданію полнаго и очищеннаго критикою подлинника. Это многосложное предпріятіе приходитъ нынѣ къ концу.

Докторъ *Муральтъ* воспользовался почти всѣми Греческими списками хроники, хранящимися въ разныхъ библіотекахъ Европы.

Кромѣ того, онъ обогатилъ свое изданіе сличеніями сказаній *Амартола* съ сказаніями другихъ Византійскихъ хронографовъ. Это тѣмъ болѣе важно, что нѣкоторыя изъ сказаній повторяются въ нихъ отъ-слова-до-слова. Такъ-какъ печатаніе подлинника достигаетъ окончанія, то и приготовленіе къ изданію Славянскаго перевода должно пойти безъ особенныхъ затрудненій.

IV.

Равнымъ образомъ приближается къ концу предпринятое отдѣленіемъ въ прошедшемъ году изданіе «Словаря Церковно-Славянскаго языка». Это новый трудъ академика *А. Х. Востокова*. По великой важности для отечественной литературы обоихъ предметовъ, то-есть и языка и труда, нельзя не коснуться здѣсь ихъ исторіи.

Церковно-Славянскій языкъ, какъ орудіе не только церкви, но впродолженіе многихъ вѣковъ и науки и вообще литературы для большей части Славянъ, долженъ былъ постепенно измѣняться въ разныхъ мѣстахъ, сообразно съ мѣстными требованіями, и всюду отклоняться отъ своего древняго первообраза. Самое важное изъ этихъ отклоненій, Русское, употребляемое въ нашихъ церковныхъ книгахъ, пріобрѣло преимущественное значеніе довольно-давно и у другихъ православныхъ Славянъ. Только этимъ языкомъ и ограничивались тѣ изъ нихъ, которые вообще изучали языкъ церковно-Славянскій. Академикъ *А. Х. Востоковъ* первый указалъ, что Русско-церковный языкъ не есть первоначальный, чистый Славянско-церковный. Указанія его произвели переворотъ во всей Славянской филологіи. Переворотъ совершился сначала только въ уединенной сферѣ ученыхъ спеціалистовъ. На понятія прочаго общества, до послѣднихъ лѣтъ, онъ оставался вовсе безъ особеннаго вліянія. Вотъ почему замѣтно смѣшивалось значеніе Русскаго церковнаго языка, даже и просто стариннаго Русскаго съ первоначальнымъ церковно-Славянскимъ языкомъ. Слѣды этого смѣшенія остаются какъ въ «Общемъ церковно-Славяно-Россійскомъ словарѣ» непремѣннаго секретаря бывшей Россійской академіи *П. И. Соколова*, такъ и въ изданномъ 1847 года нашимъ отдѣленіемъ «Словарѣ церковно-Славянскаго и Русскаго языка», не говоря уже о «Церковномъ славарѣ» протоіерея *П. Алексѣева*, котораго 4-е изданіе вышло въ то время, когда академикъ А. Х. *Востоковъ* въ первый разъ представилъ новое свое на этотъ пред-

метъ воззрѣніе. Несправедливо было-бы сказать, что въ приведенныхъ словаряхъ значеніе словъ опредѣлялось невѣрно; но тутъ руководствовались болѣе догадкою, или пособіемъ случайнымъ, нежели указаніемъ на изслѣдованные памятники.

Чѣмъ болѣе въ требованія науки и въ обязанности филологовъ проникалъ новый порядокъ изученія Славянскаго языка, тѣмъ необходимѣе становился новый церковно-Славянскій словарь, въ которомъ-бы дано было объясненіе словамъ только изъ древнихъ памятниковъ со свидѣтельствами изъ нихъ, въ которомъ-бы слова опредѣлены были не по догадкѣ, а посредствомъ сличенія съ тѣми Греческими, вмѣсто которыхъ они употреблены въ переводѣ. Начало такому словарю положилъ самъ академикъ *А. X. Востоковъ* еще въ 1843 году, помѣстивъ обширный словоуказатель при изданномъ Остромировомъ Евангеліи. Это изданіе. до послѣдней буквы свѣренное съ подлинникомъ 1057 года, содержитъ въ себѣ, сверхъ словоуказателя, сравненіе Славянскаго перевода съ Греческимъ подлинникомъ изъ строки въ строку, разныя критическія замѣчанія и наконецъ самую грамматику, извлеченную изъ древнѣйшихъ памятниковъ. Оно сдѣлалось основаніемъ для новыхъ работъ по церковно-Славянскому языку. Продолженіе съ должнымъ успѣхомъ возможно было только въ Россіи, гдѣ каждому нынѣ доступны Императорская публичная библіотека, Румянцовскій музеумъ и Московская сѵнодальная библіотека. Но продолжать съ такими предварительными знаніями, съ такими усиліями и любовію, какія необходимы для успѣховъ несомнѣнныхъ, могъ едва-ли пока не одинъ тотъ, кто и указалъ это новое поприще.

На Славянскомъ западѣ явились люди съ охотою къ этому дѣлу, между прочими, въ Вѣнѣ—профессоръ *Миклошичъ*, въ 1850 году напечатавшій свой «Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti». Но для него недоставало такихъ сокровищницъ, каковы наши; да и вообще древнихъ рукописей Славянскихъ у него было очень-мало. Вотъ почему и *Миклошичъ* въ словарѣ своемъ долженъ былъ итти по слѣдамъ *Алексѣева*, *Соколова* и прежняго опыта нашего отдѣленія. Несправедливо отказать ему въ нѣсколькихъ важныхъ указаніяхъ на древніе памятники; но всѣ они составляютъ только добавленіе къ тому, что явилось прежде, а не были главнымъ основаніемъ словаря его. Только академикъ *А. X. Востоковъ* въ силахъ былъ заняться словаремъ церковно-Славянскимъ такъ, какъ требовала того новая наука. Онъ и занимался имъ многіе годы.

Вотъ собственныя слова его изъ предисловія къ словарю: «Предлагаемый здѣсь словарь составлялся, впродолженіе слишкомъ тридцати лѣтъ, собираніемъ словъ, какія встрѣчались мнѣ въ рукописяхъ и печатныхъ книгахъ, содержащихъ въ себѣ памятники древнѣйшаго церковно-Словенскаго слова. При этомъ я захватывалъ и поздніе собственно-Русскіе памятники, а также Сербскіе и Болгарскіе, доставлявшіе мнѣ какую-либо добычу словоизученія».

По приложенному авторомъ къ его книгѣ алфавитному указателю матеріаловъ, которыми онъ пользовался при составленіи словаря, видно, что имъ перечитано болѣе ста тридцати памятниковъ и критически составлены безчисленныя выписки, сопровождаемыя, гдѣ только возможно было, Греческимъ текстомъ. Эти выписки и вызывавшія ихъ частныя изслѣдованія составили основаніе нынѣшняго словаря его. Къ нимъ оставалось прибавить то немногое, что открыто другими. Наконецъ, было-бы нѣкотораго рода упущеніемъ, еслибы не вошли сюда встрѣчающіяся въ тѣхъ-же памятникахъ принятыя въ нашъ новый языкъ слова, всѣмъ теперь понятныя, обыкновенныя и такъ сказать обыденныя, напримѣръ: благообразіе, безбожникъ, инокиня и другія.

Послѣ всего сказаннаго, никто конечно не сочтетъ съ нашей стороны упрекомъ автору, если мы позволимъ себѣ замѣтить объ одномъ неудобствѣ, встрѣчающемся въ словарѣ его. У профессора *Миклошича* собранныя имъ старо-Славянскія слова переведены только на Латинскій, а нѣкоторыя на Греческій языкъ, такъ-какъ переводчикъ понималъ значеніе словъ Славянскихъ. Эти мѣста и академикъ *А. Х. Востоковъ* оставилъ безъ прибавленія Русскаго перевода. Ежели понадобится воспользоваться драгоцѣннымъ трудомъ нашего ученаго лицу, не обладающему знаніемъ древнихъ классическихъ языковъ, то оно, безъ сомнѣнія, пожалѣетъ о явномъ для него неудобствѣ. Но обстоятельство это, предвидѣнное нашимъ сочленомъ, объяснено имъ слѣдующими словами предисловія: «У Миклошича и у меня, при составленіи словаря, были разные пріемы: у него не означено, къ какой части рѣчи слова принадлежатъ, не показаны ни роды, ни числа, ни падежи, въ какихъ слово встрѣчается. Отъ того я и не могъ принимать на себя отвѣтственность въ вѣрности толкованія словъ, имъ выставленныхъ, и ограничился просто принятіемъ этихъ словъ въ томъ видѣ, какъ они поставлены у Миклошича».

V.

Совершенно другаго рода предпріятіе овладѣло вниманіемъ отдѣленія въ нынѣшнемъ году и потребовало много совѣщаній и соображеній, для начертанія удовлетворительнѣйшаго плана въ исполненіи. Отдѣленіе, по предложенію новаго своего предсѣдательствующаго, остановилось на изслѣдованіи вопроса, не чуждаго кругу общихъ занятій его: «Какъ составить изъ лучшихъ памятниковъ прошлой литературы нашей видимыя и несомнѣнныя пособія къ изученію ихъ времени, не только со-стороны идей, языка, вкуса и художнической красоты, но и со-стороны высшихъ предметовъ гражданственности, политики, словомъ, той общественной жизни, которая для потомства такъ занимательна, такъ назидательна богатствомъ и разнообразіемъ явленій, оборотомъ общественныхъ событій и частными историческими отношеніями?» Прямой отвѣтъ не могъ быть другой, какъ предпріятіе изданій, приготовляемыхъ совершенно въ новомъ видѣ. Сочиненія каждаго избираемаго писателя, прежде всего, должны быть собраны въ возможной полнотѣ и размѣщены въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Варіанты, какіе только найдутся, непремѣнно должны занять принадлежащее имъ мѣсто. Объясненіямъ тѣхъ мѣстъ, которыя служатъ къ окончательному уразумѣнію историческихъ и біографическихъ особенностей, также надобно дать мѣсто въ такомъ изданіи. Наконецъ отдѣльная біографія каждаго писателя должна составить какъ-бы руководство къ чтенію его произведеній.

При такомъ взглядѣ на изученіе и изданіе писателя возникали новые вопросы, касавшіеся не однихъ литературныхъ его достоинствъ, но и характера эпохи его, его гражданскаго положенія въ обществѣ, связей его съ историческими дѣйствователями; возникали вопросы, касавшіеся личнаго его характера, свидѣтельствъ современниковъ и тѣхъ не открываемыхъ при жизни собственныхъ показаній автора, безъ которыхъ живѣйшія черты личности его пропадаютъ подъ покровомъ оффиціальной дѣятельности. Въ литературахъ древне-классическихъ, по которымъ наша Европа просвѣщалась и достигала высшаго своего назначенія во всемірной гражданственности, равно и въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ литературъ, развившихъ всѣ стороны умственныхъ своихъ успѣховъ, есть нѣсколько изданій, снабженныхъ тѣми пособіями къ полному уразумѣнію великихъ писателей и ихъ эпохи, о которыхъ разсуждало отдѣленіе наше. Но Русская словесность, рѣдко и безучастно

возвращавшаяся къ изслѣдованію литературныхъ трудовъ, предшествовавшихъ нынѣшнимъ, немного раскрыла предъ нами значительныхъ показаній, которыя-бы новымъ свѣтомъ озарили прошедшее. Труда, столь полнаго, разносторонняго и обильнаго выводами для эпохи, какимъ отличается изслѣдованіе о Фонъ-Визинѣ академика князя *П. А. Вяземскаго*, напрасно мы будемъ искать въ другихъ изданіяхъ писателей Русскихъ. Это обстоятельство служило отдѣленію новымъ побужденіемъ къ осуществленію занимавшихъ его предположеній.

Для перваго опыта отдѣленіе остановилось на изданіи *Державина*, какъ лица, по всѣмъ отношеніямъ представляющаго въ себѣ наиболѣе тѣхъ особенностей, которыя достойны изученія. Ближайшее завѣдываніе его редакціею принялъ на себя академикъ *Я. К. Гротъ*. Когда о предпріятіи отдѣленія доведено было до свѣдѣнія г. президента академіи, его сіятельство выразилъ не только полное свое согласіе на исполненіе, но и самое горячее сочувствіе къ дѣлу, столь-общеполезному въ ученомъ отношеніи. Чтобы встрѣтить необходимое пособіе со стороны особъ, по семейнымъ связямъ сохраняющихъ какіе-либо необнародованные доселѣ остатки умственной дѣятельности великаго поэта, отдѣленіе сообщило публикѣ нѣкоторыя подробности о своемъ предпріятіи. Это объявленіе вызвало столько участія въ родственникахъ *Державина*, что будущій успѣхъ нашъ представляется уже несомнѣннымъ. Отдѣленіе не можетъ не упомянуть здѣсь объ одномъ изъ важнѣйшихъ пособій, какимъ оно обязано внуку Державина, *Л. Л. Львову*, получившему образованіе въ С. Петербургскомъ университетѣ. Въ Тверскомъ имѣніи его, селѣ Никольскомъ, хранилось множество рукописей поэта. *Г. Львовъ* предложилъ отдѣленію воспользоваться ими. Академикъ *Я. К. Гротъ*, по распоряженію отдѣленія, отправился туда для разбора предлагаемыхъ сокровищъ. Окончивъ предварительную работу, онъ говоритъ, между прочимъ, въ письмѣ къ предсѣдательствующему: «Эти 1200 листовъ, которые теперь выходятъ изъ-подъ спуда, вводятъ насъ въ самое святилище, или, говоря точнѣе, въ самую лабораторію творчества великаго поэта, и открываютъ намъ всю исторію литературной дѣятельности, не въ книгопродавческомъ изданіи, а въ собственномъ его кабинетѣ. Тутъ не только всѣ уже извѣстныя его сочиненія въ постепенномъ ихъ развитіи, но и множество новыхъ. Изъ того, что до-сихъ-поръ мы знали только по имени, тутъ все оказывается въ цѣлости. Много и такого, чего существо

ванія не подозрѣвали. Такъ, напримѣръ, тутъ до 280 мелкихъ стихотвореній, изъ которыхъ почти ничего еще не напечатано, нѣсколько шуточныхъ пьесъ въ народномъ духѣ, всѣ рѣчи *Державина*, и нѣкоторыя мелкія статьи въ прозѣ, также любопытныя. Не говорю о новыхъ драмахъ и басняхъ, въ которыхъ талантъ его является не безъ замѣчательнаго успѣха. Всѣ эти рукописи особенно важны для варіантовъ, и еще важнѣе для хронологіи произведеній *Державина*, которая здѣсь указана часто не только годомъ, но мѣсяцемъ и числомъ. Безъ этихъ тетрадей мы, въ этомъ отношеніи, часто бродили-бы во тьмѣ. Въ библіографическомъ-же смыслѣ онѣ неоцѣненны, потому что всѣ или носятъ на себѣ разныя замѣтки *Державина*, или написаны его рукою».

Такимъ образомъ, полагая начало труду, столь плодотворному, не только для литературы, но и для исторіи Русской, отдѣленіе находитъ въ немъ удовлетвореніе одной изъ существеннѣйшихъ своихъ обязанностей.

VI.

Изданные въ нынѣшнемъ году труды отдѣленія находятся передъ судомъ публики и не требуютъ особыхъ съ нашей стороны указаній. Но есть между ними изслѣдованіе, которое предметомъ своимъ и служившими для обработки его источниками должно возбудить вниманіе исторической критики. Это сочиненіе представлено было на разсмотрѣніе отдѣленія молодымъ ученымъ, получившимъ образованіе въ С. Петербургскомъ университетѣ, кандидатомъ *В. И. Ламанскимъ*. Оно носитъ заглавіе: «О Славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи». Нѣсколько засѣданій посвящено было чтенію и разнымъ замѣчаніямъ со-стороны членовъ, которые не могли разсматривать безъ сочувствія занятій серьезныхъ, обширныхъ и проникнутыхъ юношескою любовію ко всему отечественному. Какъ первый плодъ историческаго изученія судьбы Славянъ съ древнѣйшей ихъ эпохи, какъ первый отвѣтъ на трудные и рѣдко-поднимавшіеся вопросы касательно ихъ развѣтвленія въ видѣ мелкихъ колоній въ трехъ частяхъ свѣта, сочиненіе *Ламанскаго* должно было представить въ себѣ немалую часть предположеній, болѣе нежели гадательныхъ, сближеній, едва-ли не произвольныхъ, и выводовъ, не вполнѣ неопровержимыхъ. Но оно вызвало общее вниманіе полнотою своего объема, обширностію рамы, въ которую не усомнился вставить его авторъ, и преимущественно обиліемъ важныхъ источниковъ, на которые

онъ ссылается въ своихъ изслѣдованіяхъ. Въ такомъ трудномъ дѣлѣ, еслибы оно и представляло въ подробностяхъ слабыя стороны, никто не въ-правѣ отказать сочинителю въ участіи и уваженіи.

Въ первой части изслѣдованія своего «О Славянахъ въ Малой Азіи» авторъ соединилъ свидѣтельства древнихъ и новыхъ писателей относительно разсматриваемаго имъ предмета, хронологически приводя ихъ съ VII вѣка по Р. Х. до позднѣйшихъ временъ. Вслѣдъ за этою частію онъ говоритъ: «По разсмотрѣніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ касательно Славянской стихіи въ Малой Азіи съ VII вѣка по настоящее время включительно, читатель, надѣюсь, не затруднится предпочесть отвѣтъ утвердительный на вопросъ: была-ли непрерывность въ исторіи Славянской стихіи въ Малой Азіи? Дѣйствительно, прибавляетъ авторъ: въ долгій періодъ двѣнадцати вѣковъ, стихія Славянская въ Малой Азіи хотя и пережила различныя фазы и подвергалась различнымъ превратностямъ, тѣмъ не менѣе съ VII вѣка продержалась до настоящаго времени, когда, съ наступленіемъ новыхъ, лучшихъ временъ для всего Славянскаго міра, она вступитъ, быть можетъ, въ новый періодъ, и съ-теченіемъ времени, развиваясь все болѣе и болѣе, послужитъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ, имѣющихъ возродить къ новой, лучшей и разнообразной жизни эту богатую страну, способную къ развитію самой высшей человѣческой культуры?»

Не довольствуясь положительными свидѣтельствами стольких писателей о Славянской стихіи въ Малой Азіи впродолженіе двѣнадцати послѣднихъ столѣтій, авторъ обращается къ изслѣдованію еще труднѣйшаго вопроса: не найдется-ли доказательствъ касательно пребыванія тамъ Славянъ гораздо прежде разсмотрѣннаго имъ времени? И въ этой части онъ обнаружилъ замѣчательную начитанность и трудолюбіе. Въ концѣ своихъ изысканій, онъ раздѣляетъ исторію Мало-Азійскихъ Славянъ на три періода: первый, съ древнѣйшихъ временъ, съ извѣстія, находящагося о Венетахъ у *Гомера*, до конца V или VI столѣтія по Р. Х., то-есть до перехода Славянъ черезъ Дунай; второй — до Турецкаго владычества, начавшагося въ XIV вѣкѣ; третій — до нашего времени. Онъ съ какимъ-то особеннымъ участіемъ старается обратить общее вниманіе на этотъ край. «Малая Азія, говоритъ авторъ въ заключеніи, заслуживаетъ вниманія Русскихъ ученыхъ, какъ въ этнографическомъ, такъ и въ археологическомъ и даже въ экономическомъ отношеніяхъ: ибо эта классическая земля, столь справед-

ливо и издавна привлекающая къ себѣ любознательныхъ ученыхъ, изъ числа коихъ каждый Русскій конечно вспомнитъ съ признательностію и своихъ замѣчательныхъ соотечественниковъ, *М. Вронченко* и *Чихачева*, — эта классическая земля, столь тщательно изучаемая, напримѣръ, Англичанами, въ видахъ торговыхъ и экономическихъ, можетъ и даже должна вызывать и насъ, Русскихъ, на такія-же старательныя изысканія, ибо неминучіе дальнѣйшіе наши успѣхи на Кавказѣ, и столь для насъ желанное и во всякомъ случаѣ необходимое нравственное и соціальное возрожденіе Славянъ Турецкихъ все болѣе и болѣе должны сближать Россію и весь міръ Славянскій съ Малою Азіею».

Съ такою-же тщательностію обработаны и другіе два отдѣла изслѣдованій, относительно Славянъ въ Африкѣ и Испаніи. Конечно, можно-бы посовѣтовать автору бережливѣе обращаться съ собранными имъ фактами и не допускать повтореній въ объясненіи однородныхъ обстоятельствъ. Но это художественное совершенство въ отдѣлкѣ каждой части произведенія пріобрѣтается навыковъ и зрѣлостію въ трудѣ. Между-тѣмъ нельзя не обратить вниманія на важность нѣкоторыхъ источниковъ, приводимыхъ имъ въ отдѣлѣ Испанскихъ Славянъ. Нашъ молодой ученый отмѣтилъ любопытное и для изысканія его очень-многозначительное извѣстіе въ сочиненіи Арабскаго писателя *Аль-Макари*, которое Испанскій ученый *Гаянгосъ* перевелъ и напечаталъ, подъ заглавіемъ «Исторія мусульманъ въ Испаніи». Тамъ, между прочимъ, положительно говорится, что въ концѣ X вѣка, при *Аль-Манзорѣ*, литература и науки процвѣтали въ Кордовѣ, что даже дворцовые тѣлохранители изъ Славянскаго племени занимались ими съ величайшимъ успѣхомъ, и что, наконецъ, одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ историковъ Испаніи, *Ибну-Гаянъ*, Арабскій писатель XI вѣка, сохранилъ имена многихъ Славянъ, отличавшихся своими произведеніями въ разныхъ родахъ литературы. Это новое и неподлежащее никакому сомнѣнію указаніе утвердило *г. Ламанскаго* въ убѣжденіи, что Славянскіе переселенцы, достигнувшіе столь-замѣчательной извѣстности на Пиренейскомъ полуостровѣ, составляли тамъ не случайно-заброшенную семью, а цѣлыя колоніи, прибывавшія какъ изъ Африки, такъ и черезъ Пиренеи.

Таковъ этотъ историческій трудъ, совершенно съ новой точки зрѣнія обнимающій судьбу Славянскихъ племенъ внѣ нынѣшняго ихъ главнаго мѣстопребыванія.

VII.

Члены отдѣленія Русскаго языка и словесности, въ течевіе 1859 года, сверхъ совѣщательныхъ занятій въ академическихъ засѣданіяхъ и учено-литературныхъ трудовъ, печатавшихся въ «Извѣстіяхъ» и «Ученыхъ запискахъ», не переставали разными сочиненіями своими содѣйствовать успѣхамъ отечественной литературы.

Сочиненія духовныхъ лицъ, не только носящихъ званіе академиковъ, но и призываемыхъ собственнымъ желаніемъ къ участію въ нашихъ трудахъ, не прошли конечно незамѣченными передъ любознательными чтителями всего назидательнаго, глубоко-обдуманнаго и краснорѣчиваго.

Отъ перваго появленія своего на церковной каѳедрѣ до нынѣшнихъ дней, академикъ, высокопреосвященный *Филаретъ*, митрополитъ Московскій, не перестаетъ обогащать и украшать Русскую литературу высокими произведеніями христіанскаго краснорѣчія. Они повсемѣстно пріемлются какъ завѣтъ мудрости и вѣры, какъ голосъ мира и успокоенія. Въ нихъ все представляетъ поучительный образецъ глубокомыслія, точности, силы и новости выраженій. Это неисчерпаемая сокровищница для изученія тайнъ языка, оборотовъ его, размѣщенія словъ и для образованія слога (*).

Преосвященный *Филаретъ*, архіепископъ Черниговскій, постоянно и съ полнымъ знаніемъ церковной исторіи занимающійся обработкою матеріаловъ ея, издавна сообщаетъ въ отдѣленіе тѣ изъ ученыхъ трудовъ своихъ, которые входятъ въ кругъ нашихъ занятій. Въ нынѣшнемъ году онъ доставилъ намъ для «Извѣстій» отдѣленія записку, подъ названіемъ: «Библейскія книги 1507 года». Этотъ памятникъ старинной письменности, найденный въ Литвѣ архимандритомъ *Павломъ Доброхотовымъ*, разсмотрѣнъ и описанъ преосвященнымъ *Филаретомъ* въ подробности, съ указаніемъ на тѣ отличія текста, которыя оказываются между этимъ и другими

(*) Въ 1859 году, изъ сочиненій его высокопреосвященства напечатаны: *Бесѣды* — 1) въ день тезоименитства Государя Наслѣдника; 2) по освященія храма при Покровской богадѣльнѣ; 3) въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; 4) въ пятокъ Пасхи и въ день рожденія Государя Императора; 5) по освященіи храма въ новосозданномъ Гуслицкомъ монастырѣ; *Рѣчи* — 6) Государю Императору при вступленіи Его Величества въ Московскій Успенскій соборъ; 7) Государю Императору по обновленіи возстановленнаго древняго Романовскаго дома; 8) архимандриту Леониду при нареченіи его во епископа Дмитровскаго, и 9) ему-же при рукоположеніи его во епископа Дмитровскаго.

старинными списками библейскихъ книгъ. Въ послѣсловіи рукописи помѣщено любопытное сказаніе переписчика о судьбѣ семейства, къ которому онъ принадлежалъ: въ его разсказѣ особенно поразительны черты Русскихъ нравовъ XV столѣтія.

Филологическіе труды академика, протоіерея *Г. П. Павскаго*, въ продолженіе 1859 года не могли получить приращенія за слабостію здоровья досточтимаго автора. Это обстоятельство не отнимаетъ, впрочемъ, у насъ надежды пользоваться современемъ плодами многолѣтняго изученія подлинниковъ Ветхаго Завѣта, которое доставило его уму столько новыхъ соображеній относительно состава и законовъ Симетическихъ и Индо-Европейскихъ языковъ.

Академикъ, преосвященный *Макарій*, епископъ Харьковскій, издалъ въ двухъ томахъ всѣ свои проповѣди, которыя до 1859 года произнесены имъ были въ разное время. Не вошедшихъ въ это собраніе, новыхъ проповѣдей остается рукописными болѣе пятидесяти. Изъ нихъ въ «Христіанскомъ чтеніи» напечатано шесть. Сверхъ-того, въ нѣсколькихъ повременныхъ изданіяхъ являлись новые историческіе труды его, какъ-то: «О сочиненіяхъ Кіевскаго митрополита *Кирилла II*», «О Новгородскихъ *Макаріевскихъ* четіихъ минеяхъ», «Успѣхи православной церкви Русской въ періодъ Монгольскій», и наконецъ: «Біографическая записка о преосвященномъ *Иннокентіи*, архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ». Въ числѣ прочитанныхъ въ отдѣленіи сочиненій и уже печатающихся, также есть новый трудъ преосвященнаго *Макарія*, подъ заглавіемъ: «Русская митрополія въ ея переходный періодъ».

Настоятель Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря, архимандритъ *Амфилохій*, извѣстный своимъ подробнымъ разсмотрѣніемъ одной драгоцѣнной рукописи XI вѣка, напечатаннымъ въ «Извѣстіяхъ» отдѣленія, составилъ описаніе всѣхъ рукописей Воскресенскихъ. Первая часть этого замѣчательнаго труда — описаніе рукописей на пергаминѣ, тоже вошла въ наши «Извѣстія». Другая часть печатается, и она тѣмъ важнѣе и любопытнѣе, что библіотека Новоіерусалимскаго монастыря, бывшаго любимою обителью патріарха *Никона*, хотя и не осталась въ прежнемъ своемъ составѣ, но заключаетъ въ себѣ многіе любопытные памятники, даже и самой отдаленной древности, оставаясь доселѣ почти неизвѣстною. Вмѣстѣ съ описаніемъ рукописей, архимандритъ *Амфилохій* приготовилъ и фотографическіе снимки со всѣхъ этихъ ру-

кописей: въ своемъ родѣ здѣсь является первый опытъ примѣненія фотографіи къ палеографіи.

Архимандритъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря *Варлаамъ* сообщилъ въ «Ученыя записки» отдѣленія подробное и очень любопытное описаніе «Сборника XV столѣтія», который найденъ имъ между рукописями библіотеки Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Помѣщенныя въ немъ сочиненія выбраны преимущественно изъ церковныхъ постановленій. Архимандритъ *Варлаамъ* не ограничивается описаніемъ внѣшнихъ отличій каждаго сочиненія. Онъ внимательно сравниваетъ ихъ текстъ съ другими рукописями или съ печатными изданіями, и отмѣчаетъ тѣ разнорѣчія, которыми отличается одинъ текстъ отъ другаго. Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ сборникѣ часто указываются ошибочно тѣ источники, изъ которыхъ заимствованы помѣщенныя тамъ сочиненія. Ученый критикъ возстановляетъ своими отмѣтками эти неправильности переписчика, приводя названія подлинныхъ источниковъ. Этотъ способъ библіографическихъ изслѣдованій ощутительную приноситъ пользу правильному возстановленію нашей старинной литературы.

VIII.

Въ изданіяхъ отдѣленія еще недавно помѣщаемы были въ высшей степени занимательныя біографіи нѣкоторыхъ государственныхъ лицъ изъ Русской исторіи, обработанныя академикомъ *К. И. Арсеньевымъ*. Въ нынѣшнемъ году, впродолженіе первой половины, мы еще видѣли его въ нашихъ собраніяхъ. Но слабость здоровья принудила его прекратить ученые труды, и намъ остается только желать, чтобы возстановленіе силъ позволило ему современемъ снова приступить къ академическимъ занятіямъ.

Вышеприведенныя свѣдѣнія о словарѣ старо-Славянскаго языка, составленномъ академикомъ *А. Х. Востоковымъ*, достаточно свидѣтельствуютъ о важности, пользѣ и постоянствѣ трудовъ его. Сверхъ этого безостановочнаго занятія, онъ продолжаетъ разсматривать доставляемые съ разныхъ концовъ Россіи матеріалы для новаго дополненія областнаго Великорусскаго словаря.

Академикъ, князь *П. А. Вяземскій*, для поправленія здоровья принужденный провести большую часть нынѣшняго года за границею, не измѣнилъ привязанности своей къ поэзіи, которая въ нашу эпоху составляетъ рѣдко-показывающееся явленіе, едва-ли не исключительную принадлежность истиннаго къ ней призванія.

Нѣкоторыя изъ новыхъ его стихотвореній, уже отпечатанныя, скоро должны явиться въ свѣтъ.

Во время послѣдняго конкурса для полученія Уваровскихъ премій, между членами отдѣленія, занимавшимися разборомъ драматическихъ сочиненій, принималъ участіе академикъ *И. И. Давыдовъ*. Изъ прочихъ литературныхъ трудовъ его нынѣшняго года, въ «Извѣстіяхъ» отдѣленія напечатано *четвертое* продолженіе составляемаго имъ «Словаря Русскихъ синонимъ». Этотъ трудъ, представляющій множество тонкостей отечественнаго языка, особенно замѣчателенъ разнообразіемъ прекрасныхъ примѣровъ, доказывающимъ, сколько пріобрѣтается умственныхъ сокровищъ постояннымъ и внимательнымъ чтеніемъ образцовыхъ писателей. Въ «Ученыхъ запискахъ» напечатано обозрѣніе ученыхъ трудовъ покойнаго академика *М. А. Коркунова*, составленное тоже академикомъ *И. И. Давыдовымъ*.

Учено-литературная дѣятельность академика *М. П. Погодина* обращена была съ одинаковымъ вниманіемъ и ревностію на самыя трудныя изслѣдованія какъ древнѣйшихъ эпохъ отечественной исторіи, такъ и современныхъ событій. Исчисленіе напечатанныхъ имъ въ нынѣшнемъ году сочиненій справедливо показалось-бы здѣсь неумѣстнымъ, потому-что, отличаясь энергіею и заманчивостію новизны, они пользуются всеобщею извѣстностію. Въ «Архивѣ», издаваемомъ г. *Калачевымъ*, въ «Русской газетѣ» г. Поля и во многихъ другихъ періодическихъ изданіяхъ онъ помѣстилъ разныя свои разысканія. Его рѣчи въ собраніяхъ ученыхъ обществъ равнымъ образомъ всѣми были прочитаны. Особенное вниманіе должна привлечь къ себѣ книга его: «Норманскій періодъ Русской исторіи». Первая часть сочиненія содержитъ въ себѣ разсказъ событій обнимаемаго авторомъ періода. Изложеніе разсказа до такой степени просто, ясно и обращено единственно на необходимѣйшія стороны популярной исторіи, что нѣтъ читателя, который-бы затруднился книгою. Другая часть ея состоитъ изъ «Приложеній». Здѣсь авторъ анализируетъ главнѣйшіе предметы періода, разсуждая: 1) объ образованіи государства (формаціи), 2) о состояніи общества, и 3) проводя параллель Русской исторіи съ исторіей западныхъ Европейскихъ государствъ относительно начала. Въ-заключеніе помѣщены переводы: a) отрывковъ изъ писаній Иларіоновыхъ, b) Русской Правды, по Эверсу, c) церковнаго устава святаго Владиміра, d) церковнаго устава Ярослава и e) на Латинскомъ языкѣ пѣснь Гаральдова.

Академикъ *А. С. Норовъ*, во время пребыванія своего въ 1858—1859 г. въ Парижѣ, занимался, по извѣстной любви своей къ изученію древностей, изслѣдованіемъ Греческихъ рукописей, въ большомъ количествѣ собранныхъ и хранящихся въ тамошней императорской библіотекѣ. Онъ въ нихъ открылъ, между прочимъ, драгоцѣнныя для Православной церкви нашей, нѣкоторыя, не бывшія еще никогда въ печати, сочиненія Эфесскаго митрополита *Марка* и Константинопольскаго патріарха *Геннадія*, извѣстнаго подъ именемъ *Георгія Схоларія.* Предметъ ихъ относится къ состоянію церкви послѣ Флорентинскаго собора. Православные архипастыри краснорѣчиво и убѣдительно защищаютъ неприкосновенность Греческой церкви. Переводъ этихъ сочиненій, изданный нашимъ почтеннымъ академикомъ вмѣстѣ съ подлинникомъ, не можетъ не обратить на себя общаго вниманія въ Россіи, а, можетъ быть, тѣмъ болѣе въ Римско-католическихъ государствахъ.

«Исторія Русской словесности» академика *С. П. Шевырева* является въ нынѣшнемъ году вторымъ изданіемъ. Вышедшая первая часть заключаетъ въ себѣ введеніе и лекціи, относящіяся къ IX и X столѣтіямъ. Авторъ со всею добросовѣстностію и любовію къ наукѣ воспользовался пособіями, явившимися въ нашей литературѣ послѣ перваго изданія книги его въ 1846 г., чѣмъ она сдѣлалась еще полнѣе и удовлетворительнѣе для новѣйшихъ требованій.

Продолжая изслѣдованія о древностяхъ Русскаго языка, академикъ *И. И. Срезневскій* въ 1859 году напечаталъ: 1) Замѣчанія о слѣдахъ глаголицы въ памятникахъ X вѣка; 2) Обозрѣніе надписей Кіевской пещеры Ивана Грѣшнаго и Θеофила, которыя, судя по начертаніямъ буквъ, должны быть отнесены къ XI или къ началу XII вѣка; 3) Разсмотрѣніе Новгородскихъ грамотъ XII вѣка, съ опредѣленіемъ времени ихъ написанія; 4) Чтеніе древнихъ сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ по Сильвестровскому списку сравнительно съ другими, и при этомъ чтеніи приложено подробное описаніе всего сборника (XVI в.), любопытнаго и потому, что въ немъ помѣщены многіе памятники, частію совсѣмъ неизвѣстные, и потому, что онъ входилъ когда-то въ составъ библіотеки знаменитаго священника Сильвестра.

Кромѣ этихъ изданій, академикъ И. И. Срезневскій напечаталъ воспоминаніе объ оріенталистѣ *П. С. Савельевѣ*, и мысли свои о первоначальномъ курсѣ Русскаго языка. Въ «Извѣстіяхъ» же отдѣленія постоянно были помѣщаемы его библіографическія записки о замѣчательныхъ явленіяхъ въ области Славяно-Русской филологіи.

При обозрѣніи общесовѣщательныхъ занятій членовъ отдѣленія, уже представлено было, какіе труды принялъ на себя академикъ *Я. К. Гротъ* по академическому изданію сочиненій *Державина*. Въ нынѣшнемъ году онъ напечаталъ: 1) планъ этого изданія въ хронологическомъ порядкѣ съ комментаріями, 2) разсмотрѣніе «Читалагайскихъ одъ» и 3) подробный отчетъ отдѣленію о рукописяхъ *Державина*, найденныхъ имъ у г. *Львова* въ Никольскомъ. Въ то-же время онъ немедленно занялся необходимыми работами по предположенному изданію и приготовилъ къ печати стихотворенія *Державина* отъ 1767 до 1790 года.

Сверхъ-того, какъ продолженіе матеріаловъ къ обсужденію вопроса о новомъ изданіи словаря, онъ напечаталъ извлеченіе изъ вступленія *Я. Гримма* къ его Нѣмецкому словарю, и дополнилъ его собственными примѣчаніями. Наконецъ, по-случаю выпуска воспитанниковъ изъ Александровскаго лицея, на актѣ онъ произнесъ рѣчь, которая тоже напечатана.

Академикъ *П. П. Дубровскій* занимается приготовленіемъ къ изданію труда своего: «Очерки исторіи Польской литературы». Въ нихъ будутъ заключаться расположенныя по эпохамъ свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ главнѣйшихъ представителей литературы Польской, съ присовокупленіемъ отрывковъ изъ ихъ произведеній въ подлинникѣ и съ Русскимъ переводомъ. Вмѣстѣ съ этимъ, избранныя мѣста изъ писателей будутъ представлять образцы постепеннаго историческаго развитія Польскаго языка, начиная съ XIV столѣтія. Къ отрывкамъ изъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ уже составлены глоссарій и грамматическія замѣчанія, которыя по частямъ заключаются въ изслѣдованіяхъ академика *П. П. Дубровскаго*, въ разное время помѣщавшихся въ «Извѣстіяхъ» отдѣленія. Какъ образчикъ труда, академикъ, въ одномъ изъ засѣданій, читалъ монографію *Себастіана Кленовича*, Польско-Латинскаго поэта XVI столѣтія. Въ ней представленъ отчетъ о лучшихъ его произведеніяхъ, и между прочимъ подробно изложено содержаніе его Латинской поэмы, подъ заглавіемъ «Русскія земли». Сверхъ-того, въ «Отечественныхъ запискахъ» академикъ напечаталъ изложеніе автобіографіи *Лелевеля*, исключительно касающееся дѣятельности его на поприщѣ историческихъ изысканій, а въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»: «О новомъ изслѣдованіи грамматическихъ формъ Польскаго языка».

IX.

Въ нынѣшнемъ году первая перемѣна въ составѣ отдѣленія послѣдовала по случаю назначенія въ званіе сенатора академика *И. И. Давыдова*, бывшаго предсѣдательствующимъ въ отдѣленія. Призванный къ присутствованію по новой должности въ осьмый департаментъ правительствующаго сената, онъ оставилъ здѣшнюю столицу и переѣхалъ на жительство въ Москву.

Другая потеря возвѣщена была отдѣленію въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Академикъ *В. И. Панаевъ*, 20-го ноября, скончался въ Харьковѣ на возвратномъ сюда пути съ Кавказа, гдѣ онъ искалъ облегченія отъ долговременной своей болѣзни. Обязанности послѣдней должности его лишали насъ его участія въ занятіяхъ отдѣленія. Но въ прежніе годы онъ съ любовію занимался отечественной литературой, и эта теплая привязанность къ словесности не покидала его во всю жизнь. Онъ внимательно слѣдовалъ за успѣхами нашей литературы, радовался при появленіи новыхъ талантовъ, и душевно огорчался, когда замѣчалъ уклоненія отъ законовъ нашего прекраснаго языка. Первымъ юношескимъ опытомъ его собственной поэзіи были «Идилліи», напечатанныя имъ вскорѣ по прибытіи изъ Казанскаго университета на службу въ Петербургъ. Не менѣе замѣчательны были и послѣдующія сочиненія его въ прозѣ, которую посвящалъ онъ особенно выраженію патріотическихъ чувствъ своихъ. Его похвальное слово князю *Кутузову-Смоленскому*, *Державину*, разсужденіе о воспитаніи, рѣчь о любви къ отечеству и много другихъ сочиненій свидѣтельствуютъ о постоянной наклонности его къ умственнымъ занятіямъ.

Оканчивая въ краткомъ очеркѣ обозрѣніе годичныхъ трудовъ своихъ, отдѣленіе позволяетъ себѣ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы выразить благодарность свою г. президенту академіи за самое живое и всегдашнее участіе его во всѣхъ нашихъ начинаніяхъ. Это сочувствіе и готовность содѣйствія въ дѣлахъ мысли и науки естественно истекаютъ изъ благородныхъ привычекъ жизни, столь неизмѣнно-посвящаемой и наукѣ и мысли.

V.

ИСТОРІЯ ПРОСВѢЩЕНІЯ И ГРАЖДАНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

ГЕГЕЛЬ И ЕГО ВРЕМЯ.

(Соч. Гайма).

ЛЕКЦІЯ ПЯТАЯ.

Первый планъ философской системы.

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію того опыта, съ помощію котораго Гегель стремился «представить передъ самимъ собой созданную имъ природу», воплотить свой «идеалъ въ рефлективную форму системы». Постараемся разсмотрѣть этотъ опытъ во всей его своеобразности.

Въ то время, когда Гегель, въ приведенныхъ нами словахъ, сообщилъ объ этомъ началѣ своего труда молодому другу своему, не только главныя основанія, но, большею частію, и самое изложеніе системы были уже готовы для напечатанія. По его плану, міръ мышленія и чистыхъ идей, физическій и нравственный міръ, должны быть представлены въ трехчленной системѣ, какъ полное цѣлое. Къ концу 1800 года были приготовлены логика, метафизика и половина философіи природы(26). Этика, или нравственная философія, была обработана Гегелемъ только впослѣдствіи времени. Впрочемъ, идея цѣлаго раскрывается со всей ясностью уже и въ первыхъ двухъ частяхъ, а потому намъ предстоитъ задача — на основаніи вывода изъ нашихъ предъидущихъ изслѣдованій, — объяснить ее такъ, чтобы чрезъ это объясненіе мы получили

вѣрное и точное основаніе для пониманія всѣхъ послѣдующихъ, болѣе развитыхъ формъ Гегелева ученія.

Прежде всего я укажу на разнообразную трудность самой задачи. Гегель никогда не былъ мастеромъ ни въ изустной рѣчи, ни на письмѣ. Гёте находилъ въ немъ недостатокъ легкости въ изображеніяхъ; Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ предполагалъ въ немъ неразвитость способности владѣть языкомъ. Это можно замѣтить даже и въ ту эпоху, когда онъ уже вполнѣ созналъ задачу созданной имъ системы. Теперь онъ еще горячо борется съ первыми раждающимися ѽбразами мысли. Чему-же удивляться, если, при его способѣ представленія, трудность понимать его сочиненія, достигаетъ до крайнихъ предѣловъ? Соединяя одновременно мышленіе съ записываніемъ, Гегель долженъ былъ бороться всякую минуту съ логическими, метафизическими и физическими понятіями; но, твердо убѣжденный въ правильности своихъ воззрѣній, онъ неудержимо стремится все далѣе и далѣе впередъ. Правда, онъ часто возвращается назадъ, боясь выпустить изъ рукъ однажды замотанную нитку; потребность самопониманія нерѣдко находится въ спорѣ съ жаждой стремиться далѣе; и нерѣдко мысль, которая, повидимому, находится въ-состояніи поступательнаго развитія, вращается только около самой себя, какъ-бы съ намѣреніемъ показать себя со всѣхъ сторонъ и во всемъ разнообразіи оттѣнковъ. Тѣмъ не менѣе, предпріятіе Гегеля, уже по своему свойству, не допускаетъ непосредственной ясности. Самый непроницаемый и, можно сказать, необъятный матеріалъ представляетъ его философія природы: въ ней лежатъ дикія, неразработанныя массы дѣйствительности рядомъ съ другими элементами, которые, логическою силою нашего философа, совершенно лишены плоти и крови. Даже самое острое зрѣніе едва-ли въ-состояніи замѣтить хотя одну живую пылинку въ этихъ пространствахъ чистой мысли, и, въ свою очередь, едва-ли чья-нибудь мысль въ-силахъ проложить себѣ путь сквозь разноцвѣтные, густо одинъ на другой наброшенные ѽбразы. Здѣсь языкъ математики смѣшивается съ языкомъ логики и смѣняется величественными, поэтическими выраженіями. Пестротой блестящія картины пронизаны и обрамлены нагими линіями построенія. Никогда, можетъ быть, ни прежде, ни послѣ Гегеля, ни одинъ человѣкъ не говорилъ и не писалъ *такимъ* языкомъ. Иногда его изложеніе темнѣе изложенія Якова Бёма и отвлеченнѣе Аристотелева: такова твердая и колю-

чая скорлупа, изъ которой намъ предлежитъ вынуть, въ чистомъ видѣ, зерно міросозерцанія Гегеля.

Но пониманіе внутренней формы этой философіи представляетъ еще гораздо бо̀льшія трудности, нежели пониманіе внѣшней. Я подъ этимъ разумѣю мгновенное, такъ сказать, вдругъ возникшее рожденіе цѣлостнаго міра идей. Здѣсь и рѣчи не можетъ быть о постепенномъ введеніи въ изслѣдованіе, объ употребленіи пути обыкновенныхъ представленій, о предварительномъ поставленіи вопросовъ, которые могли-бы служить руководительнымъ объясненіемъ; наконецъ, нѣтъ никакихъ критическихъ пріемовъ, допускающихъ возможность самостоятельнаго соучастія. Съ перваго-же шага мы чувствуемъ себя, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, въ совершенно новомъ мірѣ. Подобно принцу въ сказкѣ Андерсена, намъ кажется, что насъ несетъ во снѣ крылатый духъ на своихъ плечахъ и, погрузивши въ воздухъ, заставляетъ съ высоты смотрѣть на вселенную, изъ которой онъ насъ вынесъ. Короче, система Гегеля, въ томъ видѣ, какъ она есть, ускользаетъ отъ всякаго анализа и изслѣдованія. Она представляется гладкимъ шаромъ, который скорѣе можно катить, чѣмъ изловить. Въ ней сломаны подмостки, съ помощію которыхъ воздвигнуто зданіе, и всѣ входы и выходы къ этому зданію идей засыпаны мусоромъ. Съ помощію одного только средства можно въ него проникнуть. Этимъ ключемъ мы владѣемъ только потому, что шли за нашимъ философомъ по пути его ученыхъ занятій и его развитія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предъ нами постепенно раскрывалась самая сокровенная сущность его безмятежныхъ мыслей и ощущеній.

Чего не существуетъ въ дѣйствительности, то должно существовать въ области идей. Недѣйствительныя, отъ силы вещей отрѣшенныя понятія Нѣмцевъ должны собственною энергіей и солидностію мышленія превратиться въ дѣйствительныя понятія и—чрезъ это осуществленіе—въ цѣлый міръ понятій. Рефлексія должна перенести въ видимое представленіе идеалъ, который отринутъ практическимъ направленіемъ Германской жизни. Здѣсь потребно усиліе рефлексіи, которая наполнила-бы бездну, отдѣляющую всеобщее и отдѣльное, формальность и дѣйствительность, — бездну, которая постоянно возобновляется и поддерживается способомъ политическихъ дѣйствій внутри Германскаго государства. И такъ, мышленіе должно возстановить то прекрасное согласіе между внутреннимъ и внѣшнимъ, между частями и цѣлымъ,

какъ оно дѣйствительно существовало въ древнія времена не только въ государствѣ и въ нравахъ, но и въ поэзіи, и въ искусствѣ. Съ помощію мышленія должны облечься въ бытіе: и всепобѣждающая противоположности *жизнь*, и самая сущность *любви* и *религіи*. Необыкновенно проницательное и обращенное на предметы, настойчивое и проникнутое историческимъ характеромъ мышленіе Гегеля, открывшее въ древности и въ христіанскомъ ученіи чистый идеалъ, а въ современномъ состояніи Германіи отрицаніе этого идеала,—это самое мышленіе движется теперь отъ внѣшнихъ предѣловъ Гегелева духа къ его центру; оно устремляется на этотъ идеалъ съ цѣлью обратить его сущность въ абсолютную форму для всякаго содержанія, даже для цѣлостнаго міра бытія и представленія. Связанное съ духомъ болѣе отрадной будущности, въ мирномъ согласіи съ геніемъ Нѣмецкой поэзіи, осѣненное предчувствіемъ новой міровой эпохи, оно возвышается надъ непосредственною почвою дѣйствительной жизни, даже надъ признанными имъ самимъ границами всякой рефлексіи, и силится создать міръ, который могъ существовать въ дѣйствительности только подъ небомъ Эллады, и казаться истиной, возможной только для глубоко-благочестиваго сердца. Внутреннее противорѣчіе невозможности этого предпріятія можетъ быть покрыто только смѣлостью и обширностію замысловъ. Только самое крайнее напряженіе силы мышленія можетъ изъ хрупкаго орудія рефлексіи сдѣлать художественное произведеніе познаванія. Съ другой стороны, только вселенная довольно огромна, чтобы предложить необозримыя пространства, въ предѣлахъ которыхъ всякое отдѣльное бытіе можетъ обнаружить себя, какъ часть, имѣющая отношеніе къ прекрасному и живому космосу. Вотъ исторія и характеръ Гегелевской системы. Я ее называю *художественнымъ произведеніемъ познаванія*. Задача Гегеля состоитъ не въ критическомъ разсѣченіи міра на двѣ половины—на міръ бытія и на міръ знанія; но, напротивъ, въ единствѣ этихъ міровъ,—въ прекрасномъ цѣломъ. Онъ стремится не къ тому, чтобы открыть бѣдность познаванія; не къ тому, чтобы уяснить себѣ границы, противорѣчія и антиноміи въ области духа; но къ тому, чтобъ сгладить эти противорѣчія и уничтожить эти затрудненія. Однимъ словомъ, какъ я уже сказалъ, система Гегеля есть изображеніе вселенной, въ образѣ прекраснаго живаго космоса. По примѣру древнихъ Греческихъ философовъ, онъ желаетъ показать, какъ всѣ части міра служатъ

одна другой и образуютъ одно гармоническое цѣлое. Онъ хочетъ представить вселенную, какъ единый великій организмъ, въ которомъ каждое отдѣльное существо перестаетъ быть мертвымъ, и получаетъ значеніе живаго органа. Въ этой системѣ Гегель показываетъ, что цѣлое есть не что иное, какъ безконечное вмѣстилище жизни; поэтому, онъ во всемъ конечномъ указываетъ на его конечность и тѣмъ самымъ неопровержимо доказываетъ необходимость дополненія его для безконечной жизни.

Но, во-первыхъ, мы спрашиваемъ, на какихъ *основаніяхъ* было возможно для Гегеля такое доказательство? На какихъ основаніяхъ считалъ онъ возможнымъ доказать въ цѣломъ и великомъ мірѣ это взаимное проникновеніе идеала и рефлексіи съ тѣмъ, однакожь, чтобы тотъ и другая удержали за собой свои права? Идеалъ требуетъ, чтобъ *цѣлое* было подмѣчаемо по тому-же способу, какъ его подмѣчали Платонъ и Аристотель, т.-е. какъ шарообразное, въ самомъ себѣ замкнутое цѣлое. Рефлексія, напротивъ-того, требуетъ, чтобъ въ одно и то-же время съ этой безконечной замкнутостью вполнѣ выражалась конечность, раздѣльность и противуположность. Во-вторыхъ, религіозное воззрѣніе состоитъ въ превознесеніи себя надъ всякою раздѣльностью, частностью и противуположностью. Напротивъ того, мыслящее разсматриваніе имѣетъ своею цѣлью твердое сохраненіе отдѣльнаго, опредѣленіе границъ и отличіе одного предмета отъ другаго. Но если система должна осуществиться, — это очевидно для всякаго,—то основное представленіе заключается въ томъ, что *цѣлое* есть цѣлое, что, *не смотря* на его замкнутость и его самостоятельное возвышеніе надъ противуположностью, оно, по своимъ свойствамъ, тѣмъ не менѣе, имѣетъ въ себѣ нѣчто рефлективное.

Истинная сущность абсолютнаго начала и божественнаго плана міра есть — любовь. Дѣйствительно, въ понятіи любви христіанское мышленіе владѣетъ понятіемъ, примиряющимъ чувство единства съ рефлексіей противуположности. На этомъ-то понятіи одинъ изъ нашихъ поэтовъ основалъ планъ міросозерцанія, въ которомъ природа является «безконечно-раздѣльнымъ Богомъ»; самое-же это раздѣленіе, какъ результатъ, какъ возсоединеніе и возвратъ къ Богу, составляетъ задачу любви. Можетъ быть, и Гегель, подъ вліяніемъ «Теозофіи Юліуса», анализировалъ нѣсколько разъ это понятіе. Онъ *также* принималъ эту любовь за

рефлективный процессъ противуположности и проявленія себя во внѣшности, а потомъ опять вновь совершающагося единенія и возврата. Онъ уже и прежде называлъ любовь подобіемъ разума и съ полнымъ правомъ, по примѣру Платона, могъ-бы назвать ее подобіемъ прекраснаго. Онъ былъ весьма близокъ къ тому, чтобы всю свою систему основать на этомъ понятіи и всеобщее міровое существо понимать, какъ возвращающійся къ самому себѣ процессъ вѣчной любви. И однакожь, онъ этого не сдѣлалъ! Это понятіе могло удовлетворить поэта, но не философа; оно могло годиться для очерка системы, но не могло вмѣстить въ себѣ образъ міра, развитый во всѣхъ своихъ частяхъ. Только въ чувствѣ и въ дѣйствіяхъ нашей души расширяется это понятіе до безконечнаго: для мышленія, которое имѣетъ потребность себя объяснять, оно имѣетъ достоинство простаго образа. Задача Гегеля состоитъ въ томъ, чтобы мыслить о безконечно-раздѣльномъ и опредѣленномъ мірѣ. Поэтому, форма любви, какъ представленіе, такъ-же мало соотвѣтствуетъ логической потребности Гегелевой головы, какъ фигуры и символы христіанской догматикѣ. Ежели будемъ разсматривать мышленіе о мірѣ и рефлексію, какъ рефлексію съ болѣе серьозной стороны, то сущность Абсолютнаго должна выражаться въ формѣ болѣе однородной съ мыслящей рефлексіей; слѣдовательно, не какъ любовь, но въ гораздо болѣе глубокой и болѣе духовной формѣ.

Въ самомъ очеркѣ системы Гегеля уже ясно видно, кому онъ обязанъ этимъ высшимъ и болѣе правильнымъ опредѣленіемъ. Намъ не безъизвѣстно, что онъ нѣсколько разъ занимался «Ученіемъ о наукѣ» съ величайшею ревностію. Міросозерцаніе Фихте составляетъ какъ-бы предпослѣднюю ступень, чрезъ которую этотъ опытъ системы ведетъ насъ уже къ самымъ высшимъ предѣламъ собственно Гегелева міросозерцанія. И въ правду, Гегель, по внутреннему свойству своего объективнаго способа мышленія, былъ далекъ отъ мысли низводить весь внѣшній міръ, подобно Фихте, къ одному только простому результату и отраженію субъективнаго духа. Его натура, преимущественно склонная къ теоріи, рѣшительно не могла удовлетвориться предположеніемъ, чтобъ міръ, — какъ думалъ Фихте, — могъ явиться вполнѣ готовымъ только изъ одной практической способности духа. Наконецъ, эстетически-религіозный мотивъ его міросозерцанія ставилъ его въ рѣзкую противуположность къ Фихтеву постоянному пребыванію въ чистой

рефлексіи и къ разъединенности Фихтева образа міра. Но именно въ этой-то энергіи рефлексіи заключалось неоцѣненное преимущество «Ученія о наукѣ». Никогда еще, можетъ быть, страданія нескончаемаго стремленія къ опредѣленію и потребность быть опредѣленнымъ, никогда пылкая живость конечнаго духа, борющагося противъ несокрушимыхъ предѣловъ ограниченія, не выражались въ чертахъ болѣе рѣзкихъ. Но эти черты именно потому и были такъ рѣзки, что онѣ наведены были на почву идеала, глубоко противуположнаго рефлексіи. Съ поразительною очевидностію и съ полной силой выраженія представленъ первоначальный актъ человѣческаго самосознанія, который служитъ точкою отправленія «Ученія о наукѣ». Онъ представленъ, какъ формальная и совершенно несубстанціальная дѣятельность, но, однакожъ, какъ такая форма, которая составляетъ полное сходство съ тѣмъ, что въ сферѣ чувства мы называемъ *любовью*. *Я* есть дѣйствіе, изъ самого себя исходящее и въ самое-же себя возвращающееся; оно есть противуположеніе, восходящее до единства; оно есть какъ-бы представленіе себя *инымъ* самому-же себѣ и, въ то-же время, непосредственное возвращеніе къ самому себѣ.

Плодовитое и остроумное міросозерцаніе древнихъ возникло именно изъ того, что художественно-пластическое воззрѣніе Грековъ усвоило себѣ результаты Сократовой рефлективной философіи. *Всеобщее*, которое для Сократа служило цѣлью субъективно-ученаго изслѣдованія, было возведено Платономъ въ объектъ, и приняло образъ чистой идеи. И вотъ, чрезъ глубокое изученіе Греческой древности, однимъ изъ новыхъ философовъ снова овладѣло эстетическое воззрѣніе на вещи и подчинило себѣ результаты предшествовавшаго критически-рефлективнаго мышленія, — наслѣдства трансцедентальной философіи. Жизнь субъективнаго духа, такъ ярко представленная въ «Ученіи о наукѣ», была разсматриваема Гегелемъ почти съ той-же точки, съ какой Платонъ разсматривалъ понятіе о ней Сократа; онъ также сдѣлалъ ее объектомъ и вслѣдствіе того, съ помощію займа изъ сокровищницы религіи и поэзіи, онъ ее возвысилъ надъ ея ограниченностію и безцѣльностію. Первоначальный актъ человѣческаго, къ себѣ возвращающагося самосознанія искусно вплетенъ въ жизнь «Всего». Гегель могъ-бы считать избранную имъ задачу вполнѣ рѣшенною, какъ скоро убѣдился-бы, что окрѣпшее въ его духѣ воззрѣніе на замкнутую цѣлостность вселенной слилось

съ предложенной Фихте отвлеченною схемой самосознанія; задача была-бы рѣшена въ самомъ началѣ, если-бы «Все» было представлено, какъ мыслящая себя сущность, еслибъ понятіе любви перешло въ понятіе духа и изящная цѣлостность и вѣчная жизнь міра были-бы изображены какъ «Абсолютный», т.-е. не какъ разъединенный, но, какъ въ себѣ замкнутый, не какъ безсодержательный, но, какъ наполненный, не какъ конечный, но какъ безконечный духъ; наконецъ, она была-бы рѣшена, еслибъ этотъ «абсолютный духъ», какъ живущій теперь въ вѣчности, могъ быть представленъ въ самомъ процессѣ его проявленія во внѣшности и возврата къ себѣ. И такъ, Абсолютный есть «духъ»; этимъ словомъ мы будемъ обозначать и всѣ послѣдующія ступени Гегелевой философіи. Оно составляетъ какъ-бы надпись и печать его міросозерцанія,—Абсолютный есть «духъ»; вотъ лозунгъ, съ помощію котораго, семь лѣтъ спустя, Гегель, въ предисловіи къ феноменологіи духа, старался ввести свою философію въ сознаніе своего времени. «Абсолютный есть духъ»; вотъ рамка, которая дала ему возможность преобразить свой религіозно-эстетическій идеалъ въ цѣлостномъ его видѣ и во всей полнотѣ въ рефлективную форму логически-метафизической системы и расширить его въ объемѣ; эта мысль послужила Гегелю средствомъ облечь въ строго-логическія формы свое воззрѣніе на міръ, какъ на живой космосъ; она была *medius terminus*, въ которомъ соединились его горячее стремленіе къ красотѣ, гармоніи и цѣлостности съ его развитою потребностію разсудка и рефлексіи. «Духъ можно назвать безконечной жизнью», —такъ выразился онъ въ періодѣ возникновенія его системы (27),— ибо духъ есть живое единство разнообразія въ противуположность этому-же разнообразію, какъ его образу, который и представляетъ собой разнообразіе, лежащее въ понятіи *жизнь*, но не какъ отдѣльной, чисто-мертвой множественности въ противуположность этому понятію—ибо, въ такомъ случаѣ, онъ-бы только былъ единствомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *законъ*, и составлялъ-бы только мыслимое, безжизненное. Духъ есть животворящій законъ въ соединеніи съ разнообразіемъ, которое, въ этомъ случаѣ, составляетъ уже нѣчто оживленное». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: слово, духъ, которое гораздо яснѣе выразило-бы понятіе о Богѣ, какъ о всяческой жизни, это: *любовь;* но, понятіе: *духъ* — глубже». Такъ говоритъ онъ и серьезно продолжаетъ прилагать это понятіе къ цѣлой системѣ изображенія «Всего». Здѣсь мы достигли до той

точки, которая позволяетъ намъ надѣяться понять *основный очеркъ и общую организацію* Гегелевой системы.

Какъ духъ, живая цѣлостность «Всего» совершаетъ внутри себя круговратное движеніе, которое и составляетъ сущность духа. И такъ, прежде всего необходимо, чтобы абсолютный духъ опредѣлилъ себя въ общемъ смыслѣ, и созналъ себя, какъ идею только, созналъ свое различіе отъ того, что̀ не есть духъ. Онъ возникаетъ изъ своего еще небытія и изъ состоянія, въ которомъ онъ еще не взыскалъ себя, какъ духа. Между-тѣмъ, уже этотъ путь философствующаго мышленія, который идетъ отъ *того, что̀* познано еще *не какъ духъ*, къ идеи духа, т.-е. *первая часть* системы, *логика* и *метафизика*, есть не иное что̀, какъ отношеніе абсолютнаго духа къ собственному своему возникновенію. Но какъ-скоро онъ есть духъ,—а въ концѣ метафизики онъ уже проявился, какъ такой—онъ становится рефлективнымъ бытіемъ въ самомъ себѣ, возвратнымъ движеніемъ къ самому себѣ. И такъ, результатъ и смыслъ логики и метафизики состоитъ только въ томъ, что духъ есть, ибо въ послѣднемъ выводѣ онъ самъ-же былъ тѣмъ другимъ, которое содѣйствовало его самопоставленію. Поэтому, какъ уже видно изъ свойства знаменующей его простой идеи, онъ созерцаетъ только самого себя, т.-е. «не только самого себя, какъ себя, но и все другое, какъ себя». Но если духъ постановилъ себя какъ духа, то его бытіе должно и осуществиться. Абсолютный духъ имѣетъ бытіе только какъ себя познающій духъ. Онъ *есть* только въ смыслѣ существующаго *по себѣ* на основаніи своей духовной-же природы. Если для нашего понятія онъ возникъ вслѣдствіе метафизическаго развитія, какъ рефлективное пребываніе въ себѣ, то онъ долженъ въ то-же время вмѣщать въ себѣ и возвратное движеніе къ себѣ. Подобно объективному моменту въ дѣйствіи человѣческаго *я*, и абсолютный духъ дѣлаетъ себя предметомъ самого себя; онъ противуполагаетъ себѣ самого себя, какъ *иное*, какъ живой предметъ. Это *инобытіе* его самого есть не что иное, какъ природа, и какъ собственное дѣло самого-же духа, инобытіе — эта природа «сама въ себѣ замкнута и живая». Вторую часть системы составляетъ философія природы.

Наконецъ, духъ признаетъ эту предметность за свою собственную и за самого себя совершенно въ параллель любви, которая себя узнаетъ въ другомъ существѣ, въ параллель основной формѣ человѣческаго *я*, которое можетъ полагать это *я*, какъ

себя, только въ смыслѣ возвращенія къ самому-же себѣ. Духъ возвращается изъ природы, какъ изъ своего инобытія къ себѣ, только какъ духъ. Въ *третьей* части системы, въ философіи духа, онъ уже есть духъ, который «когда возвращается къ себѣ и чувствуетъ себя тѣмъ, которому онъ самъ-же, какъ духъ, противуположилъ себя, т.-е. возвратился изъ природы — этого отпаденія отъ безконечности,—то онъ возвращается къ себѣ побѣдителемъ надъ тѣмъ духомъ и такимъ онъ возвращается вѣчно къ себѣ».

Это основное представленіе и проистекающая изъ него самая общая организація Гегелевой системы, даютъ намъ на самомъ дѣлѣ понятіе о ней только съ внѣшней стороны. Безпристрастному изслѣдователю она можетъ казаться только остроумнымъ вымысломъ, будто природа есть не другое что̀, какъ инобытіе, или превращеніе абсолютнаго духа въ объѐктъ, какъ вымыселъ, который нисколько не лучше другаго, принимающаго природу за произведеніе и предметъ безконечной любви, какъ одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ idola theatri. о которыхъ говоритъ сочинитель Novum Organon; какъ *космогонія*, очевидно страдающая указанными Бэкономъ недостатками, потому-что разсматриваетъ вселенную ex analogia hominis вмѣсто ex analogia mundi. Но если это основное представленіе должно быть чѣмъ-нибудь болѣе, нежели простымъ вымысломъ; если оно должно играть роль не одного только новаго, — хотя, можетъ быть, весьма точнаго и остроумнаго формулированія задачи, предложенной для рѣшенія, то оно должно быть *доказано*. Но несомнѣнно доказано было-бы оно только тогда, когда-бы кто-нибудь успѣлъ, хотя въ одномъ отдѣльномъ явленіи, доказать, что всякое бытіе происходитъ столько-же отъ рефлективныхъ свойствъ духа, сколько и отъ свойствъ прекраснаго и живаго. Скажемъ короче: назвавши вселенную духомъ абсолютнымъ, т.-е. жизненно-прекраснымъ и вознесеннымъ надъ всякою ограниченностію и безцѣльностію, нашему мышленію поставили задачей: постоянно стремиться и въ отдѣльныхъ явленіяхъ не только къ единству, не смотря на всю ихъ раздѣльность, и къ цѣлостности при всемъ раздробленіи на части. Очерку системы должно соотвѣтствовать изложеніе, а заглавію произведенія — текстъ. Характеръ, сообщенный вселенной, повидимому, только чистой фантазіей, долженъ быть съ большимъ усиліемъ узаконенъ вникающимъ въ подробности пониманіемъ; процессъ, которому подвергнуто всецѣлое бы-

тіе, долженъ быть представленъ человѣческому познаванію удобопонятнымъ со всѣхъ своихъ сторонъ, долженъ быть раскрытъ и снова повторенъ передъ нашими глазами духомъ философа, неотступно размышляющимъ о самыхъ послѣднихъ мелочахъ непосредственно за абсолютнымъ духомъ.

Фактически возможно такое представленіе только тогда, когда та-же самая сочетающая сила воображенія, которая доставила схему для полнаго цѣлаго, въ-состояніи постоянно связывать и въ то-же время приводить въ дѣятельность обѣ способности духа, изъ взаимнодѣйствія которыхъ возникаетъ одна задача вслѣдъ за другой. Эта задача возникла изъ взаимнодѣйствія остраго, неутомимо-доискивающагося разсудка и рѣзко-выдающагося эстетически-религіознаго воззрѣнія. Она можетъ быть разрѣшена только чрезъ постоянное и энергическое вмѣшательство мышленія въ созерцаніе, и наоборотъ, только потому, что дѣйствіе отвлеченія (abstraction) безпрестанно снова возвращается къ полному ощущенію цѣльнаго содержанія (конкретнаго), только потому, что жизненное ощущеніе и созерцаніе безпрестанно снова переходятъ въ форму рефлексіи. Только при такомъ способѣ задача можетъ быть разрѣшена фактически. Но, по свойству Гегелева духа, этотъ фактическій способъ не можетъ имѣть чистаго приложенія, какъ такой; онъ долженъ скрываться за другимъ. Главная сила Гегелева духа заключается въ непрерывающейся тягучести его способности отвлеченія, въ ничѣмъ несокрушимомъ постоянствѣ къ рефлексіи. Слѣдовательно, весь трудъ и вся честь, въ этомъ случаѣ, будутъ принадлежать единственно дѣйствію разсудка. Но на самомъ дѣлѣ и, говоря полную правду, въ изображеніи образа міра съ наибольшею энергіей участвуютъ всѣ силы души. По виду и внѣшнимъ признакамъ можно подумать, что это есть произведеніе чистаго мышленія, или абстрактнаго разсудка.

Но разсмотримъ это съ болѣе объективной точки зрѣнія. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ не только въ цѣломъ, но и въ каждомъ его пунктѣ была покончена борьба, возникающая между явленіями жизни и результатами логики. Но возможно-ли это иначе, какъ съ помощію ряда сдѣлокъ; очевидно, логическій элементъ долженъ будетъ потерять свою крайнюю грань и испытать различныя измѣненія; но, въ свою очередь, жизненные факты должны будутъ приспособляться до извѣстной степени къ логическимъ законамъ. Конечно, прекрасная жизнь «всего»проявляется въ формѣ рефлек-

сія только съ разбитыми членами; но съ своей стороны и рефлексія проникается, по-возможности, чувствомъ жизни; она стремится сдѣлаться эластической, или діалектической рефлексіей. Эта задача, напоминающая собой задачу о квадратурѣ круга, можетъ быть рѣшена, насколько она вообще доступна рѣшенію, только когда всѣ отдѣльныя опредѣленія будутъ приняты съ одной стороны, какъ такія, именно какъ опредѣленныя, отдѣльныя, ограниченныя опредѣленія; а съ другой стороны, въ то-же время, какъ относящіяся къ прекрасному и живому цѣлому, которое можетъ возникнуть изъ нихъ всѣхъ и, какъ «духъ», должно вѣчно пребывать въ нихъ всѣхъ. Эта задача будетъ разрѣшена, когда всѣ дробныя опредѣленія «всего» будутъ представлены переходящими въ другія частичныя опредѣленія и въ постепенномъ стремленіи къ нимъ. Она будетъ рѣшена, если каждое отдѣльное явленіе будетъ указывать на другое такое-же; если будетъ доказано, что каждое самое по себѣ отличается отъ каждаго другаго, но въ тоже самое время находится съ нимъ въ какомъ-нибудь отношеніи и взаимномъ примиреніи. Она будетъ рѣшена, ежели съ одной стороны понятіе хотя и будетъ отрѣшено отъ всякой дѣйствительности, но съ другой стороны опять получитъ смыслъ дѣйствительности. Всѣ эти пріемы одухотворенія и оживленія, взаимность отношеній и дополненіе одного другимъ, приведеніе къ цѣлости и осуществленію,—всѣ эти пріемы, въ собственномъ ихъ смыслѣ, понятны для насъ изъ прежнихъ объясненій Гегеля, въ которыхъ онъ говоритъ о различныхъ стремленіяхъ, волновавшихъ нѣкогда его внутренній міръ. Они-то выражаютъ сокровенную тайну его способа обработки понятій, и цѣликомъ встрѣчаются въ его теперешнемъ очеркѣ системы. Всѣ они снова здѣсь, но скрываются и должны скрываться подъ отвлеченными формами. Однакожь, въ послѣднемъ выводѣ, они должны оказаться логически-разсудочнымъ дѣйствіемъ, такъ-какъ составляютъ одну изъ главныхъ сторонъ «философской системы», къ чему она, какъ увидимъ, и стремится. Этому логически-разсудочному дѣйствію заранѣе начертанъ ею всеобщій законъ. И такъ, всѣ эти пріемы объясняютъ только ту формулу, которая относится ко всему цѣлому: все, что есть, есть процессъ абсолютнаго духа. Слѣдовательно, отвлеченная схема того сообщенія жизни и взаимной связи, того перехода въ осуществленіе и состояніе цѣлостности, о которомъ мы уже говорили, будетъ только схемой самого духа. Всѣ, отдѣльно

заключенныя сдѣлки между логическими категоріями и явленіями жизни, составлены на языкѣ логики и, для логически-живаго пониманія вселенной, онѣ имѣютъ значеніе только измѣненій сжатаго, основнаго договора, внесеннаго въ идею абсолютнаго духа. Понятіе, по мнѣнію Гегеля, «осуществляется» тогда, когда его содержаніе является, какъ нѣчто отличительное, и чрезъ это самое отличіе достигаетъ новаго единства. Сфера понятій замыкаетъ себя въ «цѣлостность» съ помощію того, что ея первоначальная опредѣленность снова «возвращается къ себѣ»; что она не только вновь сдѣлалась первоначальной опредѣленностію, «но, сдѣлалась такой, какъ противуположность самой себѣ; а изъ послѣдней—вновь сама собой». Всякое «отношеніе и дополненіе» отдѣльныхъ частей совершается чрезъ «движеніе противуположенія, или инобытія, и потомъ чрезъ уничтоженіе этого противуположенія». Всѣ моменты духа, выражаясь словами самого философа, должны являться, какъ отдѣльныя; но «природа абсолютнаго духа находится во всѣхъ нихъ»; поэтому, ихъ не должно ни въ какомъ случаѣ понимать въ смыслѣ отдѣльности и отвердѣнія, «но каждый моментъ въ самомъ себѣ представляетъ абсолютную безконечность и круговращеніе всѣхъ моментовъ, такъ-что ни одинъ изъ нихъ не остается въ покоѣ, но постоянно движется и измѣняется. Это движеніе измѣненія такого рода, что инобытіе момента есть только результатъ противуположнаго, которое само происходитъ по такому-же закону изъ перваго; и хотя оба пребываютъ во всеобщемъ элементѣ бытія, но каждое, пребывая въ инобытіи, исчезаетъ въ то-же время въ собственномъ своемъ существѣ».

Остановимся на одну минуту; теперь въ нашихъ рукахъ второе рѣшительное слово для уразумѣнія сложной загадки Гегелевой философіи, второй ключъ для разбора ея внутренняго построенія. Первое слово заключалось въ томъ, что прекрасный космосъ есть ни что иное въ цѣломъ, какъ рефлективный процессъ духа. *Абсолютный есть духъ.* Второе, еще болѣе знаменательное слово: прекрасный космосъ и въ отдѣльныхъ явленіяхъ есть тотъ-же самый, постоянно повторяющійся процессъ,—переходъ, безпрерывное стремленіе отъ опредѣленія къ опредѣленію, постоянное возвращеніе къ себѣ и постепенно пополняющая себя до безраздѣльнаго цѣлаго діалектика: *абсолютное есть безконечно-діалектическое.* Этимъ словомъ я обозначаю поразительно—своеобразный характеръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главную и основную причину глубокаго и продол-

жительнаго влиянія этой философіи. Оно, большею частію, опирается на разукрашеніе логики эстетическимъ характеромъ и сообщеніемъ ей жизненности, вторгающихся во всѣ явленія и скрывающихся подъ отвлеченною схемою и предпосланіемъ метафизической формулы для вселенной. Эта философія совершила цѣлый переворотъ въ способѣ изложенія понятій. Она открыто объявляетъ, что «все опредѣленное, какъ такое, не имѣетъ другаго свойства, кромѣ нескончаемой тревоги—быть не тѣмъ, что̀ она есть, что все существующее существуетъ только *не непосредственно*». Она своей діалектикой все приводитъ въ движеніе и сообщаетъ тягучесть тѣмъ опредѣленіямъ, которыя до-сихъ-поръ считались твердыми и неподвижными. Этими средствами она взрываетъ всю почву мышленія и наряду съ благородными плодами ловкости мышленія, невѣроятно оживляющей какъ силы познаванія, такъ и предметы его, производитъ въ то-же время опасные плоды непрочной софистики.

Но я еще не веду васъ ни къ послѣдствіямъ этой діалектики, ни къ ея позднѣйшему, болѣе выработанному внѣшнему виду. Мой теперешній анализъ и изложеніе относятся только къ той формѣ ея проявленія, о которой теперь идетъ рѣчь. Мы будемъ въ состояніи объяснить себѣ ее гораздо очевиднѣе, что̀ въ то же время дополнить и характеристику ея, — если съумѣемъ впослѣдствіи времени подстеречь діалектическое развитіе въ самомъ актѣ его дѣятельности и, взявши въ руководство рукопись Гегеля, углубимся въ болѣе спеціальную организацію его системы.

Къ-сожалѣнію, эта рукопись, по своему отрывочному характеру, не позволяетъ намъ указать съ несомнѣнной вѣрностью, какая была первая точка исхода нашего діалектика, и какъ онъ потомъ мотивировалъ это начало. Позволительно думать, что онъ избралъ точкой отправленія именно то̀, что̀ ему казалось самымъ простымъ основнымъ опредѣленіемъ вселенной. Это основное опредѣленіе, какъ нельзя далѣе, отстояло отъ того высшаго опредѣленія, по смыслу котораго вселенная есть «абсолютный духъ». Поэтому, оно должно было представляться, какъ самое отвлеченное и, повидимому, какъ самое безжизненное и самое неуступчивое понятіе; тѣмъ не менѣе, въ немъ должна была заключаться первая возможность діалектическаго развитія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Гегель находилъ такое основное опредѣленіе въ понятіи «простаго отношенія» и, можетъ-быть, обозначалъ это понятіе

названіемъ: «бытіе». Однакожь, въ началѣ рукописи мы уже находимся въ области «качества», которая потому и составляетъ первое и довольно значительное цѣлое въ системѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы входимъ въ критическій анализъ понятія о «границѣ», какъ того понятія, которое ведетъ изъ «области качества въ область количества». Здѣсь видимъ, что граница выражаетъ понятіе качества, что въ ней качество становится тѣмъ», что̀ оно есть по своей безусловной сущности, но чѣмъ оно не должно быть по сущности, котарая ему придана». Дѣйствительно, качество есть отношеніе къ самому себѣ; понятіе-же граница показываетъ, что это отношеніе къ себѣ, въ то-же время, есть и отношеніе къ другому; изъ чего слѣдуетъ, что качество можно-бы скорѣе назвать количествомъ.

Я избавляю себя отъ труда доказывать, что здѣсь, какъ и въ предстоящемъ изложеніи, соединены въ одно цѣлое не одни только внутренніе и реальные мотивы, но и формальные мотивы діалектики. Мы уже и теперь съ яснымъ сознаніемъ принимаемъ тѣ впечатлѣнія, которыя производитъ на насъ энергія Гегелева философствованія, — энергія, не только породившая всѣ эти мотивы и выносившая ихъ, но и живо-перешагнувшая за предѣлы ихъ; вотъ впечатлѣніе, которое производитъ цѣльность физіономіи его умственнаго труда. Бэконъ высказалъ потребность, чтобъ природа была разлагаема, не столько съ помощію матеріальнаго огня, сколько огнемъ нашего духа, и такимъ способомъ была-бы поставлена въ необходимость обнаружить свою скрытую сущность и свою внутреннюю связь. Въ системѣ Гегеля разлагаются, такъ-сказать, расплавливаются въ огнѣ духа мыслимыя опредѣленія во всей ихъ разнообразной самостоятельности, ихъ сокровенной силѣ и ихъ взаимномъ сродствѣ. Подобно тому, какъ самыя отвлеченныя понятія столько-же по формѣ языка, сколько и по ихъ практическому достоинству, напоминаютъ объ ихъ происхожденіи изъ живаго ощущенія дѣйствительности, такъ Гегелева проницательность таитъ въ себѣ предчувствіе живой дѣйствительности, которую въ себѣ возбуждаетъ своимъ, повидимому, крайне, абстрактнымъ анализомъ. Умъ Гегеля, какъ мы уже это видѣли въ его отношеніяхъ къ историческимъ событіямъ, можно назвать тонко-изслѣдующимъ умомъ, который руководится инстинктомъ не только къ чисто-конкретному, но даже способенъ и въ самомъ отвлеченномъ отыскивать глубоко-скрывающееся конкрет-

ное. Съ помощію этого онъ въ-состояніи выдѣлять изъ понятій тѣ нити, которыя имъ способствуютъ переходить въ другія понятія; этимъ-же средствомъ и подъ видомъ какъ-бы чисто-механическаго разложенія категорій, Гегель дѣлаетъ ихъ, напротивъ того, гибкими и способными къ превращенію въ другія.

Такому-же способу изложенія подвергается и категорія количества, изъ которой съ помощію моментовъ: единицы, множество и «всего», доходимъ до понятія «сколько», и наконецъ, до діалектическаго объясненія сущности непрерывной величины, степени и числа. Дошедши въ этомъ мѣстѣ до четвертой главной категоріи, до категоріи «безконечность», мы достигли до первой, высшей точки діалектическаго развитія. Она есть то «простое отношеніе», которое служило намъ до-сихъ-поръ предметомъ нашего анализа, и изъ котораго возникла вся богатая масса названныхъ опредѣленій. Но, говоритъ Гегель, «только въ смыслѣ безконечности, простое отношеніе полагаетъ *само себя* тѣмъ, что оно есть по своей сущности». Діалектическій характеръ моментовъ простаго отношенія до-сихъ-поръ былъ только произведеніемъ *нашей*-же (человѣческой) рефлексіи: безконечность есть не иное чтò, какъ проявленіе этого діалектическаго элемента въ собственной рефлексіи простаго отношенія.

Мы часто и въ послѣдующемъ изложеніи встрѣтимъ такое-же различіе между нашимъ размышленіемъ и рефлексіей предмета. Ясно, что это различіе должно считать только за одну изъ многочисленныхъ, вспомогательныхъ линій и формалистическихъ изгибовъ Гегелевой систематики, которая теперь находится еще въ самомъ началѣ своего развитія. По послѣднему мнѣнію системы, діалектика понятій можетъ быть только рефлексіей самого предмета, и въ то-же время рефлексіей самого философа, потому что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ выражается только «природа абсолютнаго духа», потребность внутренней рефлексіи. Еслибъ мы должны были принять это различіе въ болѣе-серьозномъ смыслѣ, то немного-ли было-бы сказано, еслибъ цѣлое діалектическое движеніе, а въ сферѣ логики и метафизики, включая даже моментъ формальнаго *постановленія абсолютнаго духа*, могло быть понимаемо въ смыслѣ нашей собственной рефлексіи. Но, истина заключается въ томъ, что это различіе можетъ только выражать, съ *большей или меньшей ясностью*, выходъ и возвратъ абсолютнаго духа въ тò, чтò, въ сущности, составляетъ только его

собственные моменты. Самая-же истина въ томъ, что дальнѣйшее развитіе съ помощію такого различія тожественно съ тѣмъ, что правильнѣе и многознаменательнѣе въ другихъ мѣстахъ системы обозначается осуществленіемъ понятія, или приведеніемъ его къ цѣлостной полнотѣ. Наконецъ, послѣдняя истина та, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ характеристическою своеобразностію самой первоначальной изъ формъ Гегелевой системы. Эта своеобразность происходитъ изъ того, что необходимо предположенная въ числѣ первыхъ основаній системы тожественность философствующаго и абсолютнаго, саморазвивающагося духа, еще не довольно выдвинута на передній планъ. Въ-отношеніи вопроса о возможности «безотносительнаго познанія абсолютнаго», или о совпаденіи философскаго знанія съ его содержаніемъ, во Франкфуртскомъ очеркѣ системы чувствуется еще нѣкоторая нетвердость и незрѣлость мысли. Глубоко-погруженный въ общую идею системы и въ сущность діалектики, Гегель беззаботно обращается съ тѣмъ различіемъ, о которомъ мы только-что говорили, и которое не можетъ предъявлять никакихъ правъ на положительное достоинство. Конечно, оно никогда совершенно не исчезало изъ системы, потому-что въ немъ обнаруживается, въ извѣстномъ отношенія, доброе намѣреніе, тѣмъ не менѣе оно должно было стать въ послѣдніе ряды, послѣ того, какъ явившееся гораздо позже пространное изложеніе доказательствъ въ феноменологіи духа, однажды навсегда, упрочило за нимъ достоинство только кажущагося различія.

Уже самое сгруппированіе прежнихъ категорій, — если сравнимъ его съ позднѣйшею логикой Гегеля, — не могло не казаться чѣмъ-то страннымъ для теперешней, по времени отдаленнѣйшей формы системы. Еще своеобразнѣе и отличительнѣе отъ последней является она въ послѣдующемъ. Представимъ себѣ соединенными въ группу четыре прежнія категоріи: *качество*, *количество*, *сколько* и *безконечность* подъ однимъ общимъ названіемъ «отношеніе». Истина понятія: «безконечность» заключается теперь въ категоріи «отношеніе». Второе общее названіе «отношеніе». Но, по своей непосредственной опредѣленности понятій, оно есть «отношеніе бытія» и, во-первыхъ, — пройдя по ступенямъ возможности, дѣйствительности и необходимости, — оно становится субстанціальнымъ отношеніемъ; во-вторыхъ, причиннымъ отношеніемъ и, въ-третьихъ, отношеніемъ взаимнодѣйствія.

Чрезъ послѣднее совершается «переходъ къ отношенію мышленія», или — къ отношенію общаго къ частному. Самая простая форма послѣдняго отношенія есть опредѣленное понятіе. Реальность понятія составляетъ сужденіе. Діалектика сужденія послѣ того, какъ она прошла чрезъ различныя формы сужденія (28), состоитъ въ образованіи умозаключенія изъ сужденія. Въ одно и то-же время, съ такимъ полнымъ осуществленіемъ понятія уравнено отношеніе бытія съ отношеніемъ мышленія. Равенство этихъ отношеній выражается «отношеніемъ, возвратившимся къ самому себѣ; о немъ будетъ сказано подъ общимъ заглавіемъ «пропорція». Чтò Гегель понималъ подъ этимъ названіемъ, мы вполнѣ уяснимъ себѣ, когда узнаемъ, что понятіе о «пропорціи» выражается, прежде всего, самымъ опредѣленіемъ; опредѣленіе осуществляется въ раздѣленіи, и только въ доказательствѣ раздѣленіе построенія будетъ снова приведено къ единству опредѣленія. Поэтому, познаніе, основанное на доказательствахъ, въ то-же время есть и высшее выраженіе понятія «пропорція». Вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть послѣднее понятіе, замыкающее собой цѣлую логику, и служащее ей самой крайней точкой завершенія. Гегель снова повторяетъ, что всякій переходъ понятія въ его инобытіе и его возвратъ къ самому себѣ, былъ дѣломъ только нашего размышленія, и что это «размышленіе только описываетъ само себя». Но, на этотъ разъ, нашъ систематикъ добивается, съ бòльшею настоятельностію, чѣмъ когда-нибудь прежде. Онъ беретъ подъ свою защиту ту кажущуюся истину, будто теперь впервые форма рефлексіи и ея содержаніе должны быть приняты за тожественное между собой. Съ такой точки пониманія *логика и метафизика* являются, въ настоящій моментъ, двумя отдѣльными науками. Достигши до познанія, логика, «которая возвела форму до ея безотносительной полноты», достигла уже своего конца. «Познаніе», — сказано у Гегеля, «какъ *такое въ себѣ*, которое отрѣшено отъ всякаго отношенія къ другому, но моменты котораго уже сами по себѣ составляютъ цѣлостныя сферы собственныя свои отраженія, — служитъ предметомъ *не* логики, *но метафизики*».

Преднамѣренно-составленное и чисто-формалистически-мотивированное условіе этого раздѣленія, которое впослѣдствіи, вмѣстѣ съ различіемъ между субъективной рефлексіей и рефлексіей самаго предмета, должно было уступить всепроникающей идеѣ цѣлой системы, выступаетъ еще поразительнѣе, когда мы, идя

далѣе, разсмотримъ странное сочлененіе и діалектику содержанія «метафизики». Мы будемъ имѣть въ ней дѣло съ переходомъ знанія въ осуществленіе, со знаніемъ, «которое *должно сдѣлаться* знаніемъ». Какъ «само по себѣ сущее», оно уже, въ самомъ началѣ, должно быть отрицаніемъ логики. Поэтому, какъ сказано, оно полагаетъ моменты своей рефлексіи *не* какъ діалектическіе, не какъ исчезающіе, можетъ быть, но какъ постоянно пребывающіе; поэтому, изъ нихъ образуются абсолютныя основныя положенія и потомъ созидается впервые «*система основныхъ положеній*». Діалектическій, поступательный переходъ отъ закона тожества къ закону исключенія третьяго, а отъ закона исключенія третьяго къ закону достаточнаго основанія, — что̀, по изложенію Гегеля, составляетъ содержаніе этой системы основныхъ положеній, — первой части метафизики. Отсюда, самымъ непонятнымъ и насильственнымъ способомъ сдѣланъ переходъ ко второй ея части, «къ метафизикѣ объективнаго». Изъ этого очерка цѣлаго видно, что изслѣдованіе не остановится у перваго основанія, но что послѣднее, въ свою очередь, также должно снова «осуществиться» и достигнуть «своей реальной цѣлостности». Нельзя не прійдти въ изумленіе, узнавши, что началомъ этого осуществленія является понятіе о душѣ. Но, оно еще болѣе возрастаетъ когда узнаемъ, что понятіе о мірѣ представлено въ доказательство истины понятія о душѣ; только съ большимъ трудомъ можно слѣдить въ этой главѣ за кудреватыми объясненіями тождества свободы и необходимости, понятія о мірѣ, какъ о системѣ монадъ и родовомъ процессѣ; наконецъ, находимъ только тогда точку покоя для нашихъ болѣе обыденныхъ представленій, когда діалектика переходитъ отъ понятія рода къ понятію о Богѣ, или о Высочайшемъ Существѣ, «какъ абсолютномъ родѣ, который есть рефлексія въ самомъ себѣ». Отсюда непосредственно совершается переходъ къ третьей части метафизики, «къ метафизикѣ субъективнаго»; потому что абсолютное существо, — какъ абсолютно-простая рефлексія въ самого себя, — понятое во всей его истинѣ, есть не что другое, какъ — *я*, какъ — *разумъ*. Но, истина разумнаго *я*, — эти поясненія служатъ заключеніемъ метафизикѣ, — есть практическое *я;* осуществленное-же практическое *я* есть уже абсолютный духъ, въ которомъ, на основаніи этого факта, познаніе достигло, наконецъ, своего осуществленія и абсолютное признано тѣмъ, что̀ оно̀ есть по истинѣ, — соотвѣтственно своей чистой идеѣ.

Но, я думаю, ни кого настолько не ослѣпитъ общее направленіе этой системы — осуществлять и оживотворять понятія; ни кто настолько не поддастся методическому, употребленному при этомъ случаѣ формализму, чтобъ не дозволить себѣ ни одного вопроса насчетъ внутренней правильности этого размѣщенія понятій и ихъ группъ, этого соединенія опредѣленій съ опредѣленіями. Конечно, какъ говоритъ Лессингъ, смѣлаго и ловкаго человѣка часто сдерживаетъ самая ненадежная лѣстница; тѣмъ не менѣе, какъ ни смѣлъ и не искусенъ нашъ діалектикъ, но онъ самъ желаетъ совершенно другаго рода признанія его діалектическаго изложенія. Гораздо болѣе важности онъ придаетъ тому, чтобъ переходъ отъ одного члена къ другому совершался съ безусловною необходимостью. Онъ самъ твердо вѣруетъ, что дѣйствительность одного опредѣленія заключается безусловно только именно въ этомъ другомъ опредѣленіи. Поэтому, лѣстница, которая ведетъ его такъ вѣрно къ абсолютному духу, не такая хрупкая, какъ кажется. Не надежна только она по внѣшней своей оболочкѣ, внутри-же послѣдней скрывался желѣзный остовъ. И, какъ мнѣ кажется, онъ довольно ясно и часто выказывается то съ той, то съ другой стороны. Какимъ-бы страннымъ ни показалось сочленение этой системы, или крайне-искусственнымъ развитіе одного опредѣленія изъ другаго, надо быть слишкомъ близорукимъ, чтобъ не узнать руководительной нити, съ помощію которой мнимая необходимость діалектическаго развитія получаетъ фактическую законность. Она получаетъ эту законность вслѣдствіе существованія *исторіи до-Гегелевской философіи*. Въ нѣсколькихъ полемическихъ набѣгахъ нашъ діалектикъ обращается со всею откровенностію столько-же противъ Канта и Юма, сколько и противъ Фихте и Шеллинга. Даже эта открытая полемика примыкаетъ иногда совершенно близко къ его положительнымъ выводамъ и окончательно сливается съ діалектикой категорій. Преимущественно въ послѣднихъ отдѣлахъ эта логическая діалектика питается чисто-фактической діалектикой историческаго развитія и содержанія новѣйшей философіи. Очевидно, и хотя не ясно высказано, но тѣмъ не менѣе очевидно, что «въ системѣ главныхъ основаній», и «въ метафизикѣ объективнаго» Гегель подвергаетъ критикѣ не другое что, какъ предметъ и совокупность Лейбницо-Вольфовской философіи. Подъ именемъ «метафизики субъективнаго» мы снова узнаемъ Фих-

тево «ученіе о наукѣ» въ его теоретической и практической части. Кантъ, какъ извѣстно, не создалъ собственной метафизики; онъ метафизику Вольфа превратилъ въ метафизику задачъ. Но онъ создалъ свою собственную, рѣзко отличавшуюся отъ обыкновенной логики, такъ-называемую, *трансцендентальную* логику. Въ этой трансцендентальной логикѣ онъ вывелъ, путемъ доказательствъ, категоріи количества и качества, понятія объ отношеніяхъ субстанціальности, причинности и взаимнодѣйствія, модальныя понятія возможности, дѣйствительности и необходимости. Точно также и въ «Критикѣ чистаго разума», за изложеніемъ категорій слѣдуетъ «система основныхъ положеній»; за системой основныхъ положеній — діалектическая критика, предшествующая метафизикѣ. Въ этомъ-же заключается и главный планъ— весьма измѣненный впослѣдствіи времени — Гегелевой логики и метафизики. Эта новая система хочетъ «осуществить понятія». И она дѣйствительно это дѣлаетъ. Представимъ себѣ, что Гегель уже теперь избралъ исторію философіи главнымъ предметомъ своихъ обширныхъ изслѣдованій. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ вдумывался-бы въ различныя системы, въ ихъ цѣль, связь и послѣдовательность такъ-же живо, какъ вдумывался, напримѣръ, въ первобытную исторію христіанства и въ поученія Іисуса Назорянина. Скажемъ мимоходомъ, эта исторія была-бы лучше, нежели какою она сдѣлалась впослѣдствіи — въ то время, когда его историческое пониманіе уже находилось подъ властію его философской системы. Какъ-бы то ни было, самая эта система образовалась подъ сильнымъ вліяніемъ этого историческаго пониманія. Оно-то побудило его теперь понимать категоріи и идеи именно въ томъ смыслѣ, какъ онѣ были понимаемы въ историческомъ ходѣ развитія философскаго Германскаго мышленія. Это пониманіе открыло ему глаза на тѣ отношенія идей и категорій между собою, которыя уже были указаны Кантомъ и Лейбницемъ, и увлекли Канта отъ Вольфова догматизма къ критицизму, а Фихте — отъ его прежней объективной къ субъективной метафизикѣ. Дѣйствительно, Гегель, въ своей системѣ, «придавалъ реальность» понятіямъ съ помощію самыхъ различныхъ способовъ. Дѣйствительно, понятія нисколько не теряли своей реальности вслѣдствіе того, что онъ перемѣнялъ ихъ безцвѣтно-отвлеченное содержаніе, наводя на него колоритъ ихъ *историческаго достоинства.* Не менѣе разнообразны были способы, съ помощію которыхъ онъ имъ при-

давалъ подвижность и надѣлялъ ихъ способностью къ переходу въ другое положеніе. Одинъ изъ этихъ двухъ способовъ, далеко не самый дурной, заключался въ томъ, что онъ погружалъ ихъ въ *рѣку историческаго развитія.* Въ этомъ отношеніи, онъ могъ-бы сказать, что понятія, имъ представляемыя, являются, дѣйствительно, такими, какими ихъ понимали въ извѣстное время; и они дѣйствительно *сдѣлаются* тѣмъ, чѣмъ *сдѣлались*, при историческомъ переходѣ отъ одной системы къ другой.

Конечно, еще гораздо глубже, нежели это историческое, на второмъ планѣ стоящее основаніе діалектики, «осуществляющей» понятія, скрываются за ея формализмомъ различные другіе способы, изъ которыхъ каждый можетъ назваться конкретнымъ основаніемъ переходящей отъ опредѣленія къ опредѣленію рефлексіи. Въ общихъ чертахъ я уже характеризовалъ духовный пріемъ, съ помощію котораго держится эта діалектика. Разсудокъ, дѣйствуя, повидимому, только какъ разсудокъ, нерѣдко сопровождается правильнымъ предчувствіемъ снова возвращающихся въ сферу созерцанія первыхъ отпрысковъ понятій и со всей точностью познаетъ, какъ эти отпрыски взаимно переплетаются. Но часто также случается, что, покинутый этимъ предчувствіемъ и тѣснимый крутой необходимостью безостановочно идти далѣе, онъ до такой степени утончаетъ понятія, что приданный имъ характеръ «реальности» служитъ, напротивъ, только къ уничтоженію ихъ полнаго качества. Въ разрѣженномъ воздухѣ отвлеченія совершенно исчезаетъ настоящая опредѣленность понятія, которое и замѣняется, въ минуту исчезновенія, другимъ столько-же неопредѣленнымъ и недоступнымъ для распознанія. Попеременно, смотря по необходимости и средствамъ, рефлексія извлекаетъ свою пищу изъ созерцанія и чувства (которыя, на самомъ дѣлѣ, совокупно носятъ въ себѣ всѣ опредѣленныя явленія и связываютъ ихъ между собой), изъ почвы дѣйствительности; но потомъ рефлексія до такой степени вновь сглаживаетъ эти опредѣленныя явленія, что они нисколько не могутъ противустоять такому измѣненію. Отношенія, — чтобъ иначе выразиться, — съ помощію которыхъ «моменты абсолютнаго духа» сплочиваются между собой и являются то глубокими, то поверхностными, то объективно-узаконенными, то едва только субъективно-мотивированными силой игры остроумнаго сочетанія идей.

Но даже и тамъ, гдѣ наступаетъ этотъ послѣдній моментъ, было-

бы нескончаемымъ дѣломъ итти путемъ этой діалектики. Возьмите для примѣра переходъ «отъ отношенія бытія» къ «отношенію мышленія». Высшую форму проявленія перваго составляетъ отношеніе взаимнодѣйствія; а первоначальную форму проявленія втораго—опредѣленное понятіе. Переходъ совершается отъ перваго къ послѣднему. Этотъ переходъ долженъ составлять переходъ одной опредѣленности къ другой, какъ ихъ «реальность». Чтобы сдѣлаться такою, реальность должна пройти чрезъ форму процесса абсолютнаго духа, чрезъ форму «инобытія и возвращенія къ себѣ изъ этого чуждаго состоянія». Какъ совершается этотъ діалектическій выводъ? Въ-отношеніи къ взаимнодѣйствію, противуположности существуютъ дѣйствительно. Но каждая изъ противуположныхъ субстанцій, одна по отношенію къ другой, въ одно и то-же время, есть и дѣйствующая, и страдательная. Удвоенная дѣятельность обѣихъ служитъ только выраженіемъ возможности уничтожить каждую изъ двухъ, или ту и другую привести въ равновѣсіе. Гегель чрезвычайно остроумно описалъ и представилъ этотъ актъ во внутреннемъ устройствѣ самой природы. Онъ описываетъ, какъ, при этомъ случаѣ, одна линія возникновенія и исчезновенія тянется въ безконечность впередъ и назадъ, какъ безконечно много здѣсь исходныхъ и раздѣлительныхъ точекъ, какъ самая дѣйствительность, вслѣдствіе этого безпрерывнаго смѣшенія и перекрестной встрѣчи возникновенія и исчезанія, становится возникающимъ и тутъ-же исчезающимъ бытіемъ субстанцій. Но вскорѣ описаніе этой жизненности сводится въ абстрактную сумму. Только съ помощію подмѣчанія остроумной аналогіи, взаимное вліяніе противуположныхъ субстанцій одной на другую и ихъ взаимныя, другъ другу причиняемыя страданія могутъ преобразиться въ «истину», въ понятіе понятій, т.-е. въ-отношеніе всеобщаго къ частному. Истина отношенія взаимнодѣйствія — сказано тамъ-же, заключается въ «исполненномъ противуположныхъ опредѣленностей единобытіи, но, въ то-же время, при самомъ ихъ уничтоженіи, въ поставленіи ихъ, какъ уничтожившихся. Черезъ это оно сдѣлалось своей собственной противуположностью, потому-что въ его первоначальномъ понятіи противуположности дѣйствительно существовали». Такимъ образомъ, діалектика Гегеля подрываетъ честное мнѣніе Канта о томъ, что понятіе, хотя и вторгается въ бытіе, но никогда не исчерпываетъ его вполнѣ, на двухъ основаніяхъ: съ отрицательной стороны, упуская изъ вида характеристическую особен-

ность взаимнодѣйствія, которая заключается въ томъ, что оно есть отношеніе *сущихъ*, а съ положительной стороны, опираясь на *единобытіе противуположныхъ*; къ этому присоединяется еще одностороннее указаніе на едва-уловимое сходство между упомянутымъ отношеніемъ и отношеніемъ, въ которомъ находятся между собой всеобщее и частное, въ опредѣленномъ уже понятіи. Понятіе также есть «самому себѣ равное единобытіе противуположностей», обнаруженіе того, что̀ скрывалось въ актѣ взаимнодѣйствія; и вотъ на какой тонкой ниточкѣ виситъ переходъ изъ антологическихъ къ логическимъ опредѣленіямъ!...

Но если уже въ логикѣ и метафизикѣ попеременная игра остроумнаго самоуглубленія въ конкретное съ отвлеченно-логическимъ умствованіемъ доходила до такой степени, то во сколько живѣе и ярче, по естественному порядку вещей, она должна была отразиться въ *философіи природы!* Попеременно, размышленіе приходитъ на помощь фантазіи, а фантазія — размышленію. Теперь діалектика соткана изъ утонченнѣйшихъ нитей понятій и изъ поразительно-смѣлыхъ призраковъ воображенія, съ видомъ, будто все это служитъ только къ тому, чтобы наглядно представить процессъ абсолютнаго духа, жизнь природы въ самой ея сущности и истинѣ, необходимую связь ея опредѣленныхъ явленій, равно-какъ и ихъ сохраненіе и окончательное дополненіе цѣлаго. Въ природѣ, какъ въ абсолютномъ духѣ, который «себя сдѣлалъ инымъ», совершается только процессъ постепеннаго поступанія познанія къ самопознанію. Чтобъ быть «живымъ Богомъ»—такъ сказано въ рукописи Гегеля, которая была въ нашихъ рукахъ,—абсолютный духъ *и* какъ «иной» долженъ быть абсолютно равенъ самому себѣ. Сначала, онъ такой, какъ «спокойный, отрѣшенный отъ всякихъ опредѣленностей блаженный духъ», какъ чисто-неподвижный покой, какъ безусловное основаніе и сущность всѣхъ предметовъ, какъ «эѳиръ», или безусловная матерія. Эѳиръ познаетъ себя, какъ единство самому себѣ равнаго и безконечнаго. Его сущность объясняетъ его. Онъ въ самомъ себѣ говоритъ самъ съ собой, и этотъ разговоръ есть то «издаваніе звуковъ безконечности, которое, будучи воспринято слухомъ самому себѣ равнаго, составляетъ абсолютную гармонію и мелодію вселенной». Первое «сокращеніе плотности эѳира», его «первое, безграничное несложенное слово» есть *единица* звѣзды и вся масса звѣздъ, лишенная цѣлостности. Но моменты безконечно-раскрывающагося

эеира состоятъ изъ пространства и времени, переходя путемъ діалектики, одинъ въ другой, и осуществляютъ себя, какъ движеніе. Эеиръ, по существу своему, есть движеніе; но осуществленное движеніе составляетъ «солнечную систему». «Цѣлостное-же осуществленіе движенія представляетъ собой противуположность его понятію; это какъ-бы отдыхъ, или возвращеніе движенія въ состояніе точки, это постоянный центръ земли. Но подвергшись такому отрицательному процессу, движеніе, осуществляя себя въ цѣлостность этого отрицанія, становится *тѣломъ*, а отринувшее себя въ немъ (тѣлѣ) движеніе, имѣющее отношеніе только къ самому себѣ—*тяжестью*, которая въ опредѣленности массы просто обращается во внѣшнюю противуположность въ разсужденіи всего другаго. Осуществленіе такимъ родомъ существующаго понятія о движеніи проходитъ чрезъ моменты удара, паденія, метанія и маятника въ рычагъ, а неподвижность рычага переходитъ, наконецъ, въ равновѣсіе безусловнаго жидкаго состоянія. Это понятіе, въ которомъ движеніе возвратилось къ самому себѣ, служитъ переходомъ изъ перваго отдѣла «земной системы», изъ «построенія *матеріи*, или изъ «механики» ко второму отдѣлу—къ *процессу матеріи*. Теперь идея матеріи должна «осуществиться». По мнѣнію Гегеля, это совершается прежде всего въ такъ-называемомъ «*идеальномъ* процессѣ», въ процессѣ кристаллизаціи и вновь возвращающагося превращенія въ жидкость съ помощію теплоты. Этотъ идеальный процессъ переходитъ потомъ въ реальный процессъ *химизма*. Водородъ, кислородъ, углеродъ и азотъ представлены, какъ элементы этого процесса, а уничтоженіе существованія этихъ элементовъ, какъ собственная діалектика ихъ внутренней природы. Ихъ однобытіе составляетъ третій моментъ матеріальнаго процесса, или его «физическую» сторону. И здѣсь онъ начинаетъ съ построенія элементовъ,— физическихъ элементовъ: огня, воды и воздуха; земля представлена, какъ вмѣщающая всѣ эти элементы, или какъ цѣлостность ихъ процесса; наконецъ, происхожденіе элементовъ на землѣ, какъ земныхъ тѣлъ, немедленное возвышеніе этой формы ихъ бытія до формы понятія. Дѣйствительно, они не только эти земныя субстанціи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и идеальные моменты земли, которая въ свою очередь есть безконечная субстанція. Приведенные въ такое положеніе, они составляютъ «реальную, отдѣльную землю». Вслѣдъ за тѣмъ, діалектика приступаетъ къ построенію отдѣльныхъ зем-

ныхъ тѣлъ, или минералогическихъ элементовъ; потомъ она ихъ показываетъ — оставляя въ сторонѣ геологическую исторію образованія земли, какъ неоснованную на понятіяхъ, — въ органическомъ ὀбразѣ земли, или въ «бездѣйственномъ (отрѣшенномъ отъ всякаго развитія) процессѣ»; наконецъ, объясняетъ ихъ переходъ въ химическомъ процессѣ въ отдѣльныя тѣла, и послѣ всего этого достигаетъ до заключенія втораго отдѣла, обозначеннаго названіемъ «процесса матеріи». Началомъ перехода къ третьему отдѣлу оканчивается рукопись, которою мы до-сихъ-поръ пользовались. Здѣсь Гегель приступилъ къ «органической природѣ». Въ процессѣ разъединилось и движеніе, съ помощію котораго идеальные моменты были соединены вмѣстѣ, и движеніе, пребывавшее до-тѣхъ-поръ въ покоѣ, или нейтральный результатъ; — разъединились между-собой моментъ рожденія и исчезновенія. Но «возникшее, само въ себѣ, какъ такое, есть отношеніе къ иному, или исчезновеніе; и наоборотъ, исчезновеніе есть субстанціальное, или возникающее въ немъ самомъ. Истинная субстанція и есть тотъ самый процессъ, который самъ по себѣ представляетъ нейтральное начало, существованіе, рожденіе субстанцій изъ идеальныхъ моментовъ, и (вмѣстѣ), отрицательное, потому-что онѣ, какъ субстанціи, стремятся сдѣлаться идеальными; онъ соединяетъ въ себѣ единство возникновенія и исчезновенія. Этотъ процессъ, которому его идеальные моменты также служатъ или содержаніемъ, или какъ субстанціи, но, въ то-же время, уничтожаютъ сами себя—и ихъ-то идеальность, равно-какъ и ихъ существованіе — сама себѣ равная субстанція, или движеніе вполнѣ субстанціальное, есть то, чтὸ называется «органическимъ».

Мнѣ кажется, я имѣю полное право освободить какъ себя, такъ и васъ — отъ желанія подвергнуть отчетливой критикѣ эти философскія построенія въ области природы, и обратить ваше вниманіе съ одной стороны на остроумныя и относящіяся къ дѣлу мысли Гегеля, съ другой — на насиліе и формалистическій произволъ въ переходахъ. Основное представленіе системы обнаруживается, можетъ-быть, еще съ большей очевидностью въ философіи природы; но внутренняя ткань діалектической методы, несомнѣнно, гораздо понятнѣе въ логикѣ и метафизикѣ. Съ основнымъ представленіемъ находится въ тѣсной связи та колоссальная по своей смѣлости попытка, съ помощію которой Гегель надѣялся сразу превратить понятіе познанія въ понятіе осязатель-

ной матеріи, или эѳира. Бездна между этими двумя понятіями могла быть восполнена только съ помощію воззрѣнія фантазіи, которое, по своей незатѣйливости, могло сравниться только съ цифрами, или понятіями, служившими къ построенію космоса. Къ-счастію, начинаетъ исчезать предразсудокъ, смѣшивавшій эти вычуры умозрѣнія съ истинно-глубокимъ пониманіемъ и высокими мыслями, — чему такъ много способствуетъ самый характеръ умозрѣнія, оживляющаго собою пути изслѣдованія и даже указывающаго ему правильное направленіе. Въ сферѣ научнаго образованія, этотъ предразсудокъ имѣетъ одинаковое значеніе съ вѣрой въ чудеса въ области миѳологической набожности. Можетъ-быть, съ этой гипотезой о безусловной матеріи, какъ самосозерцаніи абсолютнаго духа, связано и рушится цѣлое зданіе системы; тѣмъ не менѣе, предъ нами открывается, — чѣмъ глубже мы входимъ въ реальные мотивы этой системы, — различіе вѣчной идеи системы отъ преходящей формы построенія послѣдней. Достовѣрно, что все изложеніе этой философіи природы, — едва только мы переступили за ея порогъ, — снова идетъ по слѣдамъ логики и метафизики, и что въ ней, — вслѣдствіе болѣе опредѣленнаго содержанія и еще не довольно глубокаго знанія природы, — діалектически-логическій анализъ, *оживотвореніе отвлеченныхъ опредѣленій*, составляетъ главную сущность. Въ этомъ-то заключалось главное различіе Гегелевой философіи природы отъ тогдашней Шеллинговой философіи природы, уже приготовленной къ печати. Конечно, нельзя сомнѣваться, что послѣдняя, внимательно изученная Гегелемъ во Франкфуртѣ, послужила для него сильнымъ побужденіемъ къ труду. Можно предполагать, что безъ нея онъ еще долго не рѣшился-бы приложить свою діалектику къ явленіямъ видимой природы. Тѣмъ не менѣе, однакожь, совершенно справедливо и то, что его философія природы, уже въ самомъ основаніи своемъ, была совсѣмъ другимъ міромъ, нежели тотъ, который изображенъ Шеллингомъ въ «Идеяхъ», въ «Первомъ очеркѣ» и въ сочиненіи «о Всемірной душѣ» (29). Это различіе ея заключалось столько-же въ основномъ опредѣленіи абсолютнаго, какъ *духа*, сколько, и еще болѣе, въ изложенномъ въ ней представленіи абсолютнаго, какъ безконечно-*діалектическаго* существа.

Философія Гегеля никогда не выходила изъ главной своей колеи. Правда, она въ эту пору еще не вездѣ была совершенно вѣрной и равной главной своей идеѣ. Но, предположивши, что Ге-

гель ничего не измѣнилъ-бы въ первоначальномъ планѣ своихъ мыслей, тогда даже весьма позволительно было-бы предположить, что такой глубокій и сложный трудъ духа остался-бы безъ всякаго слѣда и вліянія на развитіе Германскаго сознанія. Этотъ трудъ, — уже не говоря о томъ, что онъ былъ только однимъ торсомъ, — казался слишкомъ своеобразнымъ и отрѣшеннымъ отъ связнаго хода, который философіи сообщили сочиненія Канта, Фихте и Шеллинга. При томъ, онъ былъ изложенъ въ такой труднопонимаемой и отталкивающей формѣ, такъ мало выработанъ изъ неравныхъ и грубыхъ пріемовъ первоначальнаго плана, что едва-ли-бы онъ могъ овладѣть общимъ сознаніемъ. Для того, чтобы произвести такое вліяніе, сочиненіе Гегеля должно было нахлынуть и разорвать связь съ общимъ направленіемъ Германской философіи; но главное, надо было явиться въ болѣе счастливой формѣ и болѣе благоустроенномъ внутреннемъ порядкѣ.

Переселенію Гегеля изъ Франкфурта въ Іену мы обязаны, что то и другое случилось.

Уже въ 1799 году Гегель узналъ о смерти своего отца. Получивши небольшое наслѣдство и окончивши воспитаніе порученныхъ ему дѣтей, онъ теперь задумалъ выступить въ свѣтъ съ своими духовными сокровищами. Онъ возымѣлъ намѣреніе вступить на университетскую каѳедру въ Іенѣ, тогдашней митрополіи философіи. Но этому рѣшительному шагу онъ считалъ необходимымъ посвятить еще одно послѣднее приготовленіе и приведеніе въ порядокъ уже готоваго запаса. Теперь, послѣ долговременнаго молчанія, онъ письменно возобновилъ прежнія отношенія съ Шеллингомъ. Прежде чѣмъ онъ рѣшится вступить въ Іенскій литературный круговоротъ, — такъ писалъ онъ къ Шеллингу, 2 ноября 1800 г., — онъ хотѣлъ-бы укрѣпить свои силы въ какомъ-нибудь третьемъ мѣстѣ. Онъ помышлялъ о Бамбергѣ, какъ городѣ, въ которомъ онъ можетъ вблизи наблюдать за католицизмомъ. «За твоимъ великимъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ совершающимся успѣхомъ я слѣжу съ удивленіемъ и радостью. Ты долженъ мнѣ позволить или смиренно говорить объ этомъ, или себя показать тебѣ»; въ такихъ выраженіяхъ писалъ онъ къ Шеллингу. Для него также, — мы уже приводили это мѣсто изъ его письма, — идеалъ юношескаго возраста превратился въ форму рефлексіи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ философскую систему. «Но я смотрю на тебя, — говоритъ онъ въ концѣ своего письма, — съ пол-

ной довѣренностью, что ты признаешь мое безкорыстное стремленіе, — еслибъ даже его сфера была и менѣе возвышенной, — и найдешь въ немъ хотя нѣкоторое достоинство. При желаніи и въ надеждѣ тебя увидѣть, я считаю долгомъ, насколько-бы это ни простиралось, чтить судьбу и ожидать отъ ея благосклонности, гдѣ намъ придется встрѣтиться».

Отвѣтъ Шеллинга на это письмо послужилъ Гегелю побудительной причиной его отъѣзда прямо въ Іену, куда онъ и прибылъ въ 1801 году.

ШАРЛЬ-ФРЕДЕРИКЪ ЖЕРАРЪ (*).

Шарль Жераръ, ученое поприще котораго было столь блистательно и, къ-несчастію, столь кратковременно, принадлежитъ къ числу химиковъ, наиболѣе способствовавшихъ успѣхамъ современной науки. Теперь никто не оспариваетъ благодѣтельнаго вліянія его идей и трудовъ на развитіе химіи; во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, во всѣхъ лабораторіяхъ, химики руководятся принципами и законами Жерара. Слѣдовательно, смерть этого молодаго и знаменитаго ученаго составляетъ для науки огромную и незамѣнимую потерю. Въ-самомъ-дѣлѣ, можно судить о томъ, какъ расширилъ-бы онъ предѣлы науки, если размыслимъ, что мы лишились его въ силѣ возраста и таланта, — таланта, впродолженіе шестнадцати лѣтъ постоянно расширявшагося и возраставшаго даже въ борьбѣ съ несчастіями.

Нисколько не колеблясь, можно примѣнить и къ Жерару слѣдующія слова, сказанныя однимъ извѣстнымъ химикомъ въ похвальномъ словѣ Лавуазье:

«Sans doute, le cercle qu' il avait tracé, se trouve formé; sans doute, l'esprit humain s'y debattra longtemps encore avant d'en sortir; mais loin d'etre épuisé, son génie semblait se ranimer d'un nouveau feu,

(*) Въ этой статьѣ мы намѣрены представить переводъ брошюры Шанселя «Ch. Fred. Gerhardt, sa vie et ses travaux», Montpellier, 1857. Поводомъ къ этому служитъ то, что мы имѣемъ весьма-мало матеріаловъ для біографіи Жерара. Самая брошюра эта, сколько намъ извѣстно, напечатана была въ маломъ числѣ экземпляровъ, и потому мы не сочли лишнимъ сдѣлать этотъ переводъ, дабы познакомить публику, хотя нѣсколько, съ этимъ геніальнымъ ученымъ. П. А.

et ces chaines, qu'il nous a forgées, sa main les eut soulevées en se jouant» (*).

Жераръ боролся съ весьма многими препятствіями; жизнь его, какъ и вообще жизнь великихъ изобрѣтателей, была преисполнена различнаго рода лишеній. Страна, которую онъ прославилъ своими работами, не поощряла его и воздала слишкомъ поздно должную благодарность, что удвоило-бы силы его (**).

Рокъ, бременившій Галилея и Кеплера, и который, кажется, нераздѣленъ съ геніемъ, тяготѣлъ и надъ нимъ съ самаго его дѣтства. Но преисполненный вѣры и упованія, глубоко-проникнутый своимъ назначеніемъ, этотъ мужественный глава новой школы выполнилъ роль свою съ неизмѣннымъ постоянствомъ и бодростью. Никогда не унывая, онъ всегда съ одинаковою ревностью искалъ истины, боролся съ заблужденіемъ и работалъ съ необыкновенными усиліями, чтобы упрочить побѣду своихъ идей.

Шарль-Фредерикъ Жераръ, сынъ *Самуила Жерара*, изъ Берна, и *Шарлоты-Генріеты Веберъ*, родился въ Страсбургѣ 21 августа 1816.

Первоначальное образованіе онъ получилъ въ протестантской семинаріи въ Страсбургѣ, а окончилъ ученіе въ 1832 г., въ политехнической школѣ въ Карлсруэ, гдѣ уже онъ съ жаромъ предавался изученію химіи подъ руководствомъ профессора *Вальхнера*.

Г. Жераръ (отецъ) имѣлъ фабрику бѣлилъ и другихъ химическихъ продуктовъ; управленіе ею ему очень хотѣлось поручить сыну. Но Шарль Жераръ не раздѣлялъ этого желанія; наука и слава уже привлекали его, и, разумѣется, никто не былъ способенъ менѣе его къ торговымъ дѣламъ. Надѣясь измѣнить его наклонность, давъ ему хорошее коммерческое воспитаніе, отецъ послалъ его къ концѣ 1832 года въ институтъ г. *Шибе* въ Лейпцигъ. Но не торговля, а наука упорно привлекала къ себѣ молодого Лейпцигскаго студента: довольно-равнодушный къ другимъ предметамъ, съ особенною ревностью слѣдилъ онъ за курсомъ химіи про-

(*) Dumas. Leçons sur la phylosophie chimique p. 183.

(**) Уже по смерти его, ему и Лорану назначена была премія Jеккера, назначаемая за труды по органической химіи. Вдовы ихъ получили по шести тысячъ ста сорока франковъ. П. А.

фессора Эрдмана; послѣдній принялъ его и обходился съ нимъ, какъ съ сыномъ.

Съ этихъ поръ судьба Жерара была рѣшена: никакое препятствіе, никакое лишеніе не устрашало его и упорное желаніе отца не въ-состояніи было совратить его съ избраннаго пути. Отвращеніе его отъ коммерческихъ занятій было непобѣдимо, и преимущественно вопросы химіи начали интересовать его.

Страсть эта дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, нежели желаніе и просьба его семейства, сильнѣе, нежели авторитетъ любимаго и уважаемаго отца. Происходитъ борьба между отцомъ — старымъ негоціантомъ, думавшимъ только о своемъ карманѣ, и энтузіазмомъ молодаго ученаго. Г. Жераръ, видя неисполнившимися свои надежды, вызываетъ своего сына и возлагаетъ на него обязанность въ своей конторѣ. Напрасное принужденіе! Оно не въ-силахъ преодолѣть любви къ наукѣ. Затѣмъ отецъ поручаетъ ему управленіе фабрикой. Но это слишкомъ недостаточно для того, чтобы занять пылкій умъ его. Наконецъ, ошибаясь въ кипучей дѣятельности своего сына, и надѣясь склонить его къ исполненію своихъ намѣреній, онъ поручаетъ ему торговое путешествіе. Но это только усилило уныніе Шарля Жерара; хотя фабрика отца его пользовалась большимъ уваженіемъ, однакожь ему казалось отвратительнымъ, говорилъ онъ, идти выпрашивать порученія у дверей кліентовъ.

Эта борьба двухъ желаній, совершенно противоположныхъ и одинаково непріязненныхъ, произвела разладъ между отцомъ и сыномъ, и Шарль Жераръ покончилъ разомъ. Окончательно убѣдясь, что упорство его совершенно безполезно, онъ оставилъ отеческій домъ и вступилъ въ концѣ 1835 года въ уланскій полкъ, занимавшій тогда гарнизонъ въ Гагенау.

Военное поприще далеко не соотвѣтствовало ему; сначала подвергшись нѣсколькимъ выговорамъ за нарушеніе правила о времени тушенія огня, онъ получилъ потомъ отъ полковника дозволеніе заниматься вечеромъ при огнѣ. Такимъ образомъ, на казарменной кровати онъ могъ посвятить часть ночи изученію своего любимаго предмета—химіи. Скоро однако тяжелыя работы и особенно караулы сдѣлали для него военное званіе невыносимымъ. Онъ просилъ отца, чтобы тотъ внесъ сумму для его замѣщенія, угрожая въ противномъ случаѣ уйти. Но неудовольствіе отца его было слишкомъ велико и просьба эта осталась неуслышанною; и будущій глава унитарной системы подвергся-бы еще, быть можетъ,

новымъ затрудненіямъ, еслибы одинъ изъ друзей его не предложилъ ему сумму, необходимую для его замѣщенія, такъ-что онъ могъ оставить полкъ въ началѣ 1836 года.

Послѣ этого Жераръ предался исключительному изученію химіи. Онъ тотчасъ-же вернулся въ Германію и съ большимъ жаромъ сталъ слѣдить за лекціями знаменитаго Либиха. Онъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Гиссенѣ, и подвергнулся экзамену для полученія степени. Затѣмъ онъ вернулся во Францію; получивъ небольшую сумму отъ одного изъ своихъ родственниковъ, онъ отправился 21 октября 1838 г. въ Парижъ. Тамъ онъ продолжалъ заниматься съ тою-же ревностью, которая постоянно характеризовала его; помощію частныхъ уроковъ и нѣкоторыхъ переводовъ онъ получилъ возможность жить въ совершенной независимости и обойтись безъ помощи своего семейства.

Пріемъ, сдѣланный ему во Франціи, былъ такъ-же симпатиченъ, какъ и пріемъ его въ Германіи; его ревность къ работѣ, страсть къ изученію доставляли ему доступъ ко всѣмъ научнымъ знаменитостямъ. Баронъ Тенаръ особенно выказалъ большое участіе къ этому молодому ученому; Дюма тоже оказалъ ему благосклонность, дозволивъ заниматься въ своей частной лабораторіи.

Такъ-какъ всѣ степени, полученныя въ заграничныхъ университетахъ, не имѣютъ значенія во Франціи, то Жераръ, по настоянію Тенара и Дюма, рѣшился подвергнуться новому экзамену и защищать тезисы на степень доктора въ Faculté des Sciences въ Парижѣ. Благодаря благосклонному покровительству барона Тенара, тогдашняго канцлера университета, ему скоро былъ порученъ курсъ химіи въ Faculté des Sciences въ Монпелье.

Жераръ началъ свое профессорство со славой, и успѣхъ его доставилъ ему въ 1844 году титулъ почетнаго профессора, не смотря на то, что онъ еще не достигъ возраста, назначеннаго въ уставѣ.

Около этого времени онъ познакомился съ однимъ Шотландскимъ семействомъ, временно поселившимся въ Монпелье, и женился въ 1844 году 22 мая на P. Jane Megget Sanders, дочери извѣстнаго Эдинбургскаго доктора.

Въ томъ-же году Жераръ возвратился въ первый разъ въ Страсбургъ; прибытіе его очень обрадовало его семейство; примиреніе между отцомъ и сыномъ было совершенное; даже Жераръ

отецъ рѣшилъ переселиться въ Монпелье; смерть помѣшала исполнить это предположеніе.

Жераръ воспользовался краткимъ пребываніемъ въ Страсбургѣ для полученія ученой степени по фармаціи (23 окт. 1844).

Выказывая всегда безпримѣрную дѣтельность, онъ постоянно занимался то научными изслѣдованіями, то трудами по редакціи. Онъ издалъ послѣдовательно, одинъ за другимъ, переводъ всѣхъ трудовъ Либиха, еще неизвѣстныхъ во Франціи; *Précis de chimie organique*—гдѣ онъ излагаетъ науку по совершенно новой системѣ; *Introduction à l'étude de chimie par systeme unitaire* (*) и большое число оригинальныхъ мемуаровъ, въ высшей степени интересныхъ.

Но пребываніе въ провинціи мало соотвѣтствовало предпріимчивому генію Жерара; онъ замѣтилъ, что не можетъ прослѣдить идеи, занимавшія его, и не можетъ привести къ должному окончанію работы, задуманныя совокупно съ Лораномъ, другомъ и сотрудникомъ его, находившимся въ Парижѣ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ убѣжденіе это запало въ умѣ его, Жераръ болѣе не колебался: въ апрѣлѣ 1848 года онъ просилъ и получилъ отпускъ, который былъ отсроченъ ему на два года.

По истеченіи этой отсрочки, Жераръ не могъ рѣшиться оставить неоконченными начатыя работы; не смотря на то, что онъ не получилъ въ Парижѣ никакого мѣста, любовь къ наукѣ одержала верхъ, и заставила его рѣшиться, не смотря на убѣжденія его товарищей и друзей, окончательно оставить каѳедру, занимаемую имъ впродолженіе десяти лѣтъ. «Если я оставляю это мѣсто, говорилъ онъ (ища каѳедры въ Collège de France, гораздо болѣе соотвѣтствовавшей его таланту), то это потому, что программа университетскаго курса, по-необходимости довольно ограниченная, не позволяетъ мнѣ изложенія вопросовъ, разработыванію которыхъ я посвятилъ свою жизнь; а также по недостатку средствъ, которыя мнѣ доставляетъ это мѣсто, для производства работъ, необходимыхъ для подтвержденія и утвержденія моихъ теорій».

Получивъ отставку отъ должности профессора въ Faculté des Sciences въ Монпелье и находясь въ Парижѣ безъ оффиціальной должности, Жераръ основалъ школу практической химіи, которою

(*) Эта книга извѣстна у насъ въ переводѣ, подъ названіемъ: *Введеніе къ изученію химіи.*

завѣдывалъ четыре года. Впродолженіе этого-то короткаго времени онъ издалъ лучшія свои работы и началъ изданіе огромнаго своего сочиненія: *Traité de chimie organique*. Какъ только работы эти были окончены, Жераръ замѣтилъ, что силы его истощаются и что отнынѣ ему надо вести жизнь болѣе спокойную. Ему не представлялось никакого мѣста въ Парижѣ, и потому онъ принялъ двойную профессорскую должность въ Faculté des Sciences и въ высшей фармацевтической школѣ въ Страсбургѣ, которая была предложена ему Дюма отъ имени министра (25 января 1855).

Жераръ былъ членомъ почти всѣхъ извѣстныхъ ученыхъ обществъ Европы, не исключая и королевскаго общества въ Лондонѣ, столь мало благосклоннаго къ иностранцамъ; 21 апрѣля 1856 года академія наукъ въ Парижѣ избрала его членомъ-корреспондентомъ.

Въ этомъ-то почетномъ положеніи, полный жизни и предпріятій, окруженный уваженіемъ и удивленіемъ своихъ товарищей, почитаемый своими слушателями, онъ былъ внезапно пораженъ смертью. Онъ оставилъ вдову и 3 малолѣтныхъ дѣтей, не завѣщавъ имъ ничего, кромѣ своего знаменитаго имени (*).

Работы Жерара имѣли непосредственнымъ результатомъ совершенно-новое направленіе химіи, и толчекъ, полученный вслѣдствіе этого общею философію науки, теперь очевиденъ. Въ одномъ изъ мемуаровъ, напечатанномъ въ 1842 подъ заглавіемъ: *Изысканіе о химической классификаціи органическихъ веществъ*, Жераръ разсматриваетъ вопросъ объ эквивалентахъ, какъ первое основаніе философской классификаціи науки; онъ выводитъ отсюда

(*) Въ Comp. rend. de l'Acad. des Sciences, въ отчетѣ засѣданія 8 сентября 1856 года, напечатано:

«Г. Дюма сообщилъ академіи наукъ извлеченіе изъ письма г. министра народнаго просвѣщенія, въ отвѣтъ на представленіе, сдѣланное всѣми бывшими въ то время въ Парижѣ членами академіи, которые ходатайствовали о семействѣ г. Жерара.

«Г. министръ уже озаботился объ этомъ. Удовлетворивъ первымъ нуждамъ вдовы г. Жерара, онъ озаботился пріисканіемъ возможности обезпечить средства существованія ея и дѣтей этихъ средствъ; они лишились съ потерею человѣка, о которомъ сожалѣетъ вся ученая Европа.

«Академія, выслушавъ съ величайшимъ участіемъ это сообщеніе, опредѣлила: написать отъ ея имени письмо къ г. министру и благодарить его за благосклонное вниманіе, оказываемое семейству г. Жерара».

нѣсколько положеній касательно *дѣлимости* и предлагаетъ *новое обозначеніе формулъ*, новую систему *эквивалентовъ*. Помощію своего обозначенія и своихъ эквивалентовъ, Жераръ исправилъ много ошибокъ въ результатахъ и анализахъ самыхъ замѣчательныхъ химиковъ. Эти поправки, говоритъ онъ самъ, нисколько не уменьшаютъ достоинства работъ, и только подтверждаютъ важность и истину его принципа, оправдываемаго авторитетомъ даже тѣхъ людей, которымъ онъ неизвѣстенъ.

Въ непродолжительномъ времени принципъ дѣлимости формулъ и новое обозначеніе привели Жерара къ открытію основнаго закона, управляющаго органическими соединеніями, безъ коего философская классификація этихъ соединеній, многочисленныхъ до безконечности, была-бы совершенно невозможна. Исправляя несовершенныя и часто неточныя данныя опыта, помощію своихъ эквивалентовъ Жераръ могъ замѣтить въ длинномъ спискѣ извѣстныхъ соединеній *параллельные ряды*. И какъ уже разъ найденъ законъ развитія этихъ рядовъ, то достаточно знать одинъ изъ нихъ, чтобы вывести всѣ другіе; прежде свойства химическія и физическія, точки кипѣнія, показатель преломленія, кристаллическая форма, метаморфозы при дѣйствіи реактивовъ, теплородъ, выдѣляемый при соединеніи, считались признаками отдѣльными, такъ-сказать случайными, казались безъ всякой взаимной связи. Теперь очень хорошо извѣстна послѣдовательность этихъ свойствъ въ гомологахъ Жерара. Съ построеніемъ гомологическихъ рядовъ, химики не только узнали точность закона гомологіи для новыхъ членовъ, замѣстившихъ пробѣлы, находящіеся въ этихъ рядахъ, но они чрезъ это увеличили число ихъ.

Наконецъ новые эквиваленты привели еще Жерара къ открытію другаго основнаго закона—*закона насыщенія сочетанныхъ тѣлъ* (loi de saturation des corps copulés).

Эти важныя работы составили въ нѣкоторомъ родѣ первую эпоху научнаго поприща Жерара. Послѣ того, вооруженный своимъ принципомъ дѣлимости, своимъ обозначеніемъ, своими законами гомологіи и насыщенія, онъ безостановочно предпринимаетъ цѣлый рядъ изслѣдованій самыхъ разнообразныхъ предметовъ химіи и излагаетъ ихъ въ многочисленныхъ мемуарахъ, напечатанныхъ въ разныхъ ученыхъ періодическихъ изданіяхъ. Этотъ рядъ работъ приводитъ его къ открытію болѣе сотни но-

выхъ тѣлъ (платиновыя основанія, безводныя кислоты, хлористыя органическія соединенія, амиды и т. д.).

Постоянно не упуская изъ виду философію науки, Жераръ съ неутомимымъ жаромъ занимался вопросами метода, классификаціи, общей теоріи и окончательно пришелъ къ созданію своихъ *типовъ двойнаго разложенія*, одного изъ прекраснѣйшихъ его твореній. Этой достопамятной работой онъ упростилъ самымъ удачнымъ образомъ классификацію безчисленныхъ химическихъ соединеній, и показалъ, что почти все располагается около четырехъ первоначальныхъ типовъ: *воды, водорода, хлористоводородной кислоты и амміака.*

Тогда Жераръ, считая науку окончательно установленною, предпринялъ и окончилъ изданіе своего огромнаго сочиненія: «Traité de chimie organique», въ которомъ онъ изложилъ свои идеи въ ихъ цѣломъ, съ рѣдкимъ талантомъ. Онъ оканчиваетъ слѣдующими словами предисловіе къ этому безсмертному творенію:

«Avant de pouvoir tenter le rapprochement des diverses doctrines, il y avait à éprouver les materiaux de la discussion par une méthode excluant toute spéculation moléculaire. Cette méthode, je l'ai pratiquée pendant dix ans, avec assez de rigeur, j'ose le dire, puisqu'elle m'a souvent attiré le reproche de faire de l'algèbre chimique. J'en considère encore l'application comme nécessaire, indispensable, pour l'analyse et le controle de faits; mais je comprends aussi, que la science, après sa méthode, reclame sa philosophie, et aujourd'hui le moment me semble venu oú il convient d'édifier le terrain ayant été suffisamment préparé pas les derniers travaux de MM. Malaguti, Williamson, Hofmann, Chancel, Cahours, Wurtz, Frankland et de plusieurs autres chimistes distingués» (*).

Но удовольствіе видѣть трудъ этотъ оконченнымъ не было суждено Жерару: послѣдняя книжка вышла по прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ его смерти. Не безъ глубокаго уваженія читаются строки, напечатанныя издателями на обложкѣ послѣдней книжки: «Наканунѣ своей смерти, Жераръ просматривалъ корректуру оглавленія этого сочиненія, составляющаго истинный памятникъ, дѣлающій честь нашему времени,—сочиненія, гдѣ изложено все новѣйшее по химіи, чему столь много способствовалъ Жераръ».

(*) Безспорно, изъ всѣхъ поименованныхъ химиковъ первое мѣсто принадлежитъ Жерару. П. А.

Работы Жерара имѣютъ характеръ математическій, котораго прежде не было въ химіи. Онѣ носятъ на себѣ вѣрный отпечатокъ его метода, состоящаго, по собственнымъ словамъ его, въ приведеніи всѣхъ столь разнообразныхъ и столь сложныхъ органическихъ веществъ къ вопросамъ чиселъ и отношеній. Въ прежнемъ методѣ опредѣляютъ тѣло, какъ *оно существуетъ*, дѣлаютъ гипотезы о молекулярномъ ихъ строеніи; въ *Жераровскомъ методѣ* опредѣляютъ тѣло въ его метаморфозахъ, т.-е. въ его *прошедшемъ* и *будущемъ*, выражая метаморфозы уравненіями.

Этотъ геніальный человѣкъ, о которомъ мы сказали нѣсколько словъ, ввелъ въ науку удивительный порядокъ; онъ обогатилъ ее блестящими открытіями и вызвалъ большое число ихъ своими плодотворными идеями. Идеи его, сначала отвергаемыя, затѣмъ принятыя съ осторожностью, теперь господствуютъ въ наукѣ. Самъ Жераръ уже получалъ поздравленія отъ ученыхъ всѣхъ странъ; онъ предвидѣлъ торжество своей системы, которая отнынѣ будетъ уложеніемъ науки.

Но когда геній Жерара долженъ былъ пожинать лавры, онъ, истощенный пятнадцатилѣтней лихорадочной борьбой, палъ, и въ минуту смерти величайшимъ утѣшеніемъ для него было предвидѣніе благодарности и удивленія потомства.

И. А.

VI.

ОБОЗРѢНІЕ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ ЗА ПОСЛѢДНЮЮ ТРЕТЬ 1859 ГОДА.

VIII. Языкознаніе.

Въ Извѣстіяхъ Императорской академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности (Вып. III), по части языкознанія явились слѣдующія статьи: *Описаніе рукописей Воскресенскаго монастыря, писанныхъ на пергаминѣ и бумагѣ; Матеріалы для обсужденія вопроса о новомъ изданіи академическаго словаря*, Я. К. Грота; *Замѣтки по поводу мнѣній Я. Гримма о словарѣ*, И. И. Срезневскаго; *Синайскій списокъ библіи.* Замѣтка И. И. Срезневскаго; *Продолженіе 2-го тома церковно-Славянскаго словаря*, А. Х. Востокова.

— «Матеріалы для обсужденія вопроса о новомъ изданіи академическаго словаря». — Въ этой статьѣ авторъ, между прочимъ, сообщаетъ мысли Я. Гримма о способѣ составленія академическаго словаря. Приводимъ нѣкоторыя изъ этихъ мыслей.

«Словарь есть азбучная роспись словъ какого-нибудь языка. Понятіе его обнаруживаетъ основную разность древнихъ и новыхъ временъ. Выраженія Wörterbuch не знало еще XVIII сто-

лѣтіе; сколько мнѣ извѣстно, первый употребилъ его Крамеръ (1719) по образцу Нидерландскаго wourdenboch; отъ нихъ оно перешло къ Шведамъ и Датчанамъ. Но прекраснѣе несложное Славянское *словарь*, *словникъ*, *рѣчникъ* отъ *слова*, *рѣчь*. Греческое ῥηματικόν (т. е. βιβλίον) соотвѣтствовало-бы нынѣшнему значенію, но древними оно такъ не употреблялось. Греки и Римляне не знали словарей, и названія, впослѣдствіи образовавшіяся, въ ихъ языкѣ: lexicon, glossarium, заключаютъ въ себѣ другой смыслъ: λεξικόν (βιβλίον) отъ λέξις, dictionarium отъ dictio, есть сборникъ оборотовъ, выраженій; glossarium объясняетъ старинныя непонятныя реченія, содержитъ въ себѣ глоссы; vocabularium предлагаетъ немногія только слова, собранныя для учащихся или вообще съ какою-нибудь особенной цѣлью. Такъ Дюканжъ и Орбелинъ справедливо называютъ свои труды глоссаріями, Французскіе академики свою превосходную выборку—dictionnaire; но отдѣльные, къ изданію какого-нибудь писателя приложенные реестры не должны-бы называться словарями. Если Французы когда-нибудь дождутся полнаго словаря своего языка, то они конечно дадутъ ему болѣе вѣрное названіе, нежели dictionnaire или lexique. Понятіе словаря, во всей его обширности, часто выражали еще заглавіемъ: thesaurus, tesoro, trésor, Sprachschatz, или присоединеніемъ прилагательнаго (totius latinitatis lexicon). Самимъ древнимъ никогда не приходило на мысль собирать всѣ слова языка ихъ, а тѣмъ болѣе языковъ сосѣднихъ варваровъ; они любили только объяснять отдѣльные слои или ряды словъ, преслѣдовать въ нихъ извѣстные грамматическіе законы образованія или выяснять темныя, забытыя выраженія. Ихъ этимологія, иногда замысловатая и мудреная, по большей части не знала правилъ науки. Самая твердая память не могла-бы удержать всѣхъ выраженій, которыя у Грековъ и безъ того способны были къ безконечному развитію; а еслибъ до этого и можно было постепенно дойти совокупными усиліями многихъ, то оно ни къ чему не повело-бы. Какая была-бы польза отъ собранія словъ, которое никогда не интересовало и могло быть распространено не иначе, какъ посредствомъ списковъ, стоившихъ и много труда и большихъ издержекъ? Греки и Римляне еще и не думали о сравненіи языковъ; они не чувствовали къ тому ни малѣйшей охоты; не то, конечно, сдѣлали-бы въ этой области изумительныя открытія. Рѣшительную перемѣну произвело только книгопечатаніе, преобразовавшее всѣ науки; послѣдствія этого вели-

наго изобрѣтенія, какъ и паровой силы, до-сихъ-поръ неисчислимы. Какъ въ глубокой древности письмо впервые доставило людямъ возможность употреблять руку самымъ духовнымъ образомъ, дало имъ средства пересылать свои мысли и передавать ихъ потомству, такъ распространеніе письма въ печати удесятерило эти средства. Безъ этого изобрѣтенія послѣдовавшія за нимъ возрожденіе классической литературы и реформація были-бы невозможны, или по-крайней-мѣрѣ не вполнѣ успѣшны. Съ тѣхъ поръ, какъ писанія печатаются и повсюду читаются, возникли словари, и для языкознанія пробиты совершенно новые пути; это произошло, конечно, не вдругъ, а дѣлалось мало-по-малу, сперва случайно, потомъ все сознательнѣе, наконецъ поняли, какъ важны полныя хранилища языковъ. Въ филологическомъ направленіи нынѣшнихъ миссіонеровъ языкоученіе можетъ со временемъ пріобрѣсти такую опору, что оно будетъ въ-состояніи замѣнять отсутствіе или утрату историческихъ памятниковъ богатствомъ и остроуміемъ соображеній: это мы уже и теперь предвкушаемъ въ нѣкоторой степени. Но на участіе въ этой новой филологіи всѣ языки земнаго шара имѣютъ равное право, и ни одинъ не долженъ быть презираемъ, точно такъ, какъ всѣ слова равно принадлежатъ словарю и въ немъ пользуются одинаковыми правами. И такъ, стремленіе къ полнотѣ въ собираніи и разработкѣ составляетъ для словаря первую потребность его употребленія: ибо все, что выходитъ изъ печати, назначено для всѣхъ безъ исключенія; что всѣмъ должно и можетъ служить, не имѣетъ права исключать или отвергать что-либо. Столько-же необходимъ для словаря азбучный порядокъ, отъ котораго зависитъ съ одной стороны возможность полнаго занесенія и разработки словъ, а съ другой—вѣрность и скорость употребленія. Кто располагаетъ богатыми матеріалами, тотъ долженъ въ точности знать мѣсто, куда ихъ помѣстить и не быть принужденнымъ искать, чтобъ удостовѣриться, включено-ли уже такое-то слово или нѣтъ: пчела напередъ знаетъ, въ какую ячейку ей положить медъ. Кому была-бы охота рыться въ словахъ, когда неизвѣстно, гдѣ ихъ найти? Уже древніе въ своихъ ограниченныхъ сборникахъ соблюдали алфавитный способъ размѣщенія, а кто теперь отъ него отступаетъ, тотъ грѣшитъ противъ филологіи. Но никакой порядокъ такъ не противенъ цѣлямъ словаря, какъ расположеніе словъ по корнямъ, за которыми слѣдуютъ производныя и сложныя рѣченія; многіе даже при составленіи глоссаріевъ и списковъ не могутъ воздержаться отъ

страсти систематизировать, и отнимають у грамматики то, что ей принадлежитъ. Заботиться и въ словарѣ объ этимологіи естественно и неизбѣжно; но такъ-какъ она, подвигаясь безпрестанно впередъ, во всѣхъ направленіяхъ расширяетъ познаніе корней, то порядокъ словъ не долженъ быть сбиваемъ ею; иначе всякая этимологическая находка влекла-бы за собой измѣненія, и въ словарѣ ни одно слово не стояло-бы прочно на своемъ мѣстѣ. Когда уже есть другіе словари, можно съ пользою располагать по алфавиту и изслѣдованія надъ корнями, какъ напр. Миклошичъ издалъ, или Розенъ собралъ особо Санскритскіе корни. Но одинъ азбучный порядокъ упрочиваетъ за отдѣльными словами до времени ихъ независимость и нейтральность, которыхъ не должно нарушать прежде завершенія розысканій, не относящихся къ словарю. Что составляетъ цѣль словаря? По обширности своего значенія онъ долженъ имѣть цѣль великую и далекую. Онъ долженъ быть святилищемъ языка, хранить все богатство его и содержать открытый къ нему доступъ. Собраніе словъ растетъ, какъ соты, и становится драгоцѣннымъ памятникомъ народа, котораго прошедшее и настоящее въ немъ сливаются. Языкъ есть общая собственность и вмѣстѣ тайна. Сильно привлекая ученаго, онъ возбуждаетъ и въ толпѣ естественное въ себѣ сочувствіе и охоту: «какъ бишь то слово, котораго я не припомню»?... «Этотъ человѣкъ странно выражается: что̀-бы онъ хотѣлъ сказать»?.. «На это слово можно найти лучшіе примѣры, поищемъ въ словарѣ». И такая охота много облегчаетъ пониманіе. Словарю вовсе не нужно стремиться къ пошлой ясности: онъ можетъ спокойно прибѣгать къ обычной обстановкѣ, безъ которой наукѣ такъ-же трудно обойтись, какъ и ремеслу, и читатель либо уже приноситъ съ собой нужное умѣнье обращаться съ нимъ, либо пріобрѣтаетъ къ тому навыкъ безъ особенныхъ усилій. Спросите о чемъ-нибудь сапожника или булочника, и онъ о̀твѣтитъ вамъ своими словами, которыя рѣдко потребуютъ толкованія. Да и нѣтъ никакой надобности, чтобы все было всѣмъ понятно, чтобы каждое слово было объяснено каждому; пусть онъ пройдетъ мимо непонятаго; можетъ быть, оно въ слѣдующій разъ сдѣлается ему доступнѣе. Назовите хотя одну хорошую книгу, которой пониманіе было-бы всякому легко. Содержаніе словаря обыкновенно бываетъ такъ полновѣсно, что и ученѣйшихъ ставитъ въ-тупикъ, или покрайней-мѣрѣ затрудняетъ. Въ безчисленныхъ случаяхъ и другіе

читатели могутъ оставлять въ сторонѣ то, что имъ не подъ силу, что не входитъ въ ихъ кругозоръ или даже отталкиваетъ ихъ. Читатели всякаго званія и возраста, на необозримыхъ пространствахъ языка, должны поступать по обычаю пчелъ, спускаться только на тѣ травы и цвѣты, которые ихъ привлекаютъ и нравятся имъ. Есть множество книгъ съ неудачно-придуманными заглавіями, которыя ходятъ по бѣлу свѣту и предлагаютъ самую пеструю и неудобоваримую смѣсь разнородныхъ знаній. Еслибъ распространился вкусъ къ простой пищѣ родняго языка, то словарь могъ-бы сдѣлаться предметомъ домашняго обихода, и его стали-бы читать съ охотой, иногда даже съ благоговѣніемъ. Только не надо сравнивать увлекательную силу рога изобилія, какъ обыкновенно называютъ словарь, и оказываемую имъ пользу, съ жалкими услугами скуднаго ручнаго словаря, который раза два въ годъ вытаскиваютъ изъ-подъ пыльной скамьи, чтобы рѣшить споръ, какое изъ двухъ плохихъ правописаній заслуживаетъ предпочтенія, или отыскать натянутый переводъ всѣмъ извѣстнаго иностраннаго выраженія. Какъ велико благотворное вліяніе словаря въ томъ смыслѣ, что онъ противудѣйствуетъ людямъ, которые щеголяютъ чужеземными языками, и заставляетъ живѣе чувствовать достоинство, часто даже превосходство своего; а запасъ наглядныхъ примѣровъ, независимо отъ прямой ихъ цѣли, усиливаетъ любовь къ отечественной литературѣ. Блескъ древнихъ языковъ возвышали и поддерживали поэзія и произведенія духа; кажется, словарямъ предназначено способствовать къ упроченію новѣйшихъ языковъ: вотъ еще причина, почему надо стараться о распространеніи хорошихъ словарей. Если они не въ-силахъ охранять всѣхъ словъ, то по крайней мѣрѣ оберегаютъ большую часть ихъ; немногіе изъ читателей какого-нибудь словаря станутъ отрицать, какъ много они ему обязаны въ частностяхъ. Конечно, всего живѣе слова передаются изъ устъ въ уста; и смотря по различію странъ, одно племя бываетъ развязнѣе другаго и ловчѣе справляется съ языкомъ, нежели другое. Но брошенное сѣмя можетъ оплодотворять и запустѣвшія поляны».

VIII. Исторія Русской и всеобщей литературы.

Въ Извѣстіяхъ Императорской академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности (вып. III), къ исто-

ріи Русской литературы относятся статьи: *О сочиненіяхъ митрополита Кіевскаго Кирилла II,* преосвящ. Макарія; *Рѣчь, произнесенная академикомъ Я. К. Гротомъ на актѣ Императорскаго Александровскаго лицея* 1859 *г.*

— «О сочиненіяхъ митрополита Кіевскаго Кирилла II». — Преосв. Макарій излагаетъ сначала мнѣнія разныхъ писателей объ этомъ предметѣ, а потомъ критически разбираетъ каждое изъ сочиненій, приписываемыхъ митрополиту Кириллу II, и заключаетъ, дѣйствительно-ли оно ему принадлежитъ, или другому лицу. «Вопросъ о сочиненіяхъ митрополита Кирилла II имѣетъ свою исторію въ Русской литературѣ. Карамзинъ первый сказалъ объ этомъ архипастырѣ, какъ о писателѣ, отыскавъ въ одной кормчей подъ его именемъ «Правило», предложенное на Владимірскомъ соборѣ 1274 г. Императорское Общество исторіи и древностей Россійскихъ не замедлило обнародовать драгоцѣнную находку въ первой части «Русскихъ достопамятностей», а митрополитъ Евгеній внесъ имя Кирилла II въ свой «Словарь Русскихъ писателей духовнаго чина», замѣтивъ однакожь, что «Правило» издано хотя по харатейному списку XIII вѣка, но не совсѣмъ исправному и полному и безъ увѣщательной рѣчи первосвятителя къ духовенству. При ближайшемъ знакомствѣ съ древними Славянскими кормчими и вообще рукописями, благодаря трудамъ г. Розенкампфа, Строева и Востокова, найдены многіе другіе списки этого «Правила», и подлинность его, несомнѣнная впрочемъ со времени самаго открытія, признана нынѣ всѣми. Между-тѣмъ, мало-по-малу начали приписывать Кириллу II и другія сочиненія, хотя уже не съ такою основательностію и не съ такимъ единодушіемъ. Въ нѣкоторыхъ Славянскихъ кормчихъ непосредственно за «Правиломъ» митрополита Кирилла слѣдуетъ «Поученіе къ попомъ»; въ другихъ оно хотя и помѣщено отдѣльно отъ «Правила», но подъ заглавіемъ: «Поученіе къ попомъ Кириллова». Розенкампфъ не усомнился назвать это поученіе прямо поученіемъ митрополита Кирилла II, а Востоковъ сказалъ, что оно, *вѣроятно*, принадлежитъ знаменитому митрополиту Кириллу и есть, *можетъ быть*, та самая утѣшительная рѣчь къ духовенству, недостающая въ изданіи Московскаго историческаго Общества, о которой упомянулъ Евгеній. Но какъ въ поученіи рѣчь идетъ отъ имени не митрополита, а епископа къ священникамъ его паствы, то профессоръ Горскій счелъ вѣроятнѣйшимъ, что оно принадлежитъ Кириллу епископу, и

именно Ростовскому, современнику митрополита Кирилла II, извѣстному по своей учености. Преосвященный Филаретъ, въ своемъ «Обзорѣ Русской духовной литературы», назвалъ сомнѣнія профессора напрасными и снова призналъ поученіе за митрополитомъ Кирилломъ. Но академикъ Шевыревъ, въ недавно изданной «Исторіи Русской словесности», склоняется на сторону Горскаго и повторяетъ его мнѣніе. Въ нѣкоторыхъ спискахъ кормчей, непосредственно за «Поученіемъ Кирилла къ попомъ», слѣдуетъ посланіе безъименнаго епископа Владимірскаго къ великому князю, сыну в. к. Александра. Востоковъ приписалъ съ вѣроятностію и это сочиненіе митрополиту Кириллу; Горскій замѣтилъ, что оно не можетъ принадлежать митрополиту Кириллу, потому-что писано епископомъ Владимірскимъ, а Кириллъ-митрополитъ не занималъ Владимірской каѳедры; напротивъ, преосвященный Филаретъ говоритъ рѣшительно: «Какъ по связи «Посланія» съ «Поученіемъ къ попомъ», такъ и по современности Кирилла съ в. к. Александромъ и его сыновьями, нѣтъ сомнѣнія, что это «Посланіе» писано также заботливымъ о благоустройствѣ церкви, блаженнымъ митрополитомъ Кирилломъ. Что касается до того, что сочинитель посланія называетъ себя Владимірскимъ епископомъ, то митрополитъ Кириллъ могъ назвать себя такъ не только по смиренію, но и потому, что, до посвященія Серапіона, онъ дѣйствительно самъ управлялъ Владимірскою епархіею и проживалъ во Владимірѣ по цѣлымъ годамъ». Въ 1846 г., г. Розовъ нашелъ въ одномъ сборникѣ XVII или XVIII в. слово какого-то Кирилла-философа на день архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ. Въ срединѣ слова оказалось извѣстное «Поученіе къ попомъ» Кириллова, но только въ распространенномъ видѣ. Въ «Обзорѣ Русской духовной литературы» все слово вмѣстѣ съ «Поученіемъ», безъ всякаго колебанія и оговорки, приписано митрополиту Кириллу II. Наконецъ, въ томъ-же «Обзорѣ» митрополиту Кириллу II, въ первый разъ, приписано довольно обширное поученіе къ в. к. Василію, составляющее начало извѣстнаго рукописнаго юридическаго сборника: «Мѣрило праведное», и за тѣмъ приписаны еще четыре Слова о судіяхъ и властяхъ, слѣдующія за поученіемъ въ предисловіи къ «мѣрилу праведному». «Правило, предложенное на Владимірскомъ соборѣ 1274 г., по содержанію — опредѣленіе Владимірскаго собора, а по составу и формѣ—это рѣчь или слово собственно митрополита Кирилла II. «Поученіе къ попомъ» Кириллово

принадлежитъ дѣйствительно Кириллу II, но только не какъ особое сочиненіе, а какъ заключеніе того-же самаго «Правила» или рѣчи, произнесенной на Владимірскомъ соборѣ, или, пожалуй, и какъ особое сочиненіе, но составляющее существенное дополненіе къ этой рѣчи и находящееся съ нимъ въ непосредственной связи. Третье сочиненіе — «Посланіе къ сыну великаго князя Владимірскаго Александра» вовсе не принадлежитъ митрополиту Кириллу II и несправедливо ему приписывается. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только свести указанія посланія съ указаніями лѣтописей: 1) Посланіе писано отъ епископа Владимірскаго: «а нынѣ, сыну княже, говоритъ авторъ, азъ отецъ твой, епископъ володимерьски».... Могъ-ли митрополитъ Кириллъ называться епископомъ Владимірскимъ? Могъ, но только до 1274 г., потому-что, проживая до этого времени бо́льшею частію во Владимірѣ, вѣроятно, самъ управлялъ Владимірскою епархіею, по-крайней-мѣрѣ, со смерти (1262 г.) Ростовскаго епископа Кирилла, простиравшаго, кажется, свою духовную власть и на Владиміръ. Въ 1274 г., давъ Владиміру особаго епископа Серапіона, митрополитъ удалился въ Кіевъ, и рядъ епископовъ Владимірскихъ непрерывно продолжался до конца XIII вѣка. Слѣдовательно, если митрополитъ Кириллъ II могъ написать это посланіе, то никакъ не позже 1274 г. 2) Посланіе писано къ княжившему во Владимірѣ сыну в. к. Владимірскаго Александра: «Вижль, сыну князе, говоритъ Владимірскій епископъ, како были велицiи князи, твои прадѣды и дѣды, и отецъ великой князь Александръ, украсили церковь Божію клирошаны и книгами, и богатили домы великими десятинами».... Но изъ всѣхъ великихъ князей Владимірскихъ Александромъ назывался одинъ только св. Александръ Невскій, а изъ сыновъ его княжили во Владимірѣ двое: Димитрій (1276—1294) и Андрей (1294—1304). Слѣдовательно, «Посланіе» писано между 1276 и 1304 годами, когда митрополитъ Кириллъ не могъ уже называться епископомъ Владимірскимъ, потому-что во Владимірѣ были свои епископы, хотя и жилъ до 1280 года». Равнымъ образомъ, и четвертое сочиненіе—«Слово на соборъ архистратига Михаила», доселѣ извѣстное только по одному списку XVII или XVIII вѣка, вовсе не принадлежитъ митрополиту Кириллу II и несправедливо ему приписывается. Изъ самаго содержанія этого «Слова» можно видѣть, что оно составлено отнюдь не раньше XV вѣка. Самый слогъ «Слова» служитъ этому доказательствомъ: стоитъ только прочитать раза три его стра-

ницы и сравнить съ «Правиломъ» митрополита Кирилла, чтобы замѣтить, какая между ними разность. «Правило» написано не совсѣмъ удобопонятно, исполнено древними оборотами рѣчи и вообще довольно сжато; а «Слово» — ясно, свободно, удобопонятно и отличается многословіемъ, какъ начали у насъ писать съ конца XIV и начала XV вѣка, со временъ митрополита Кипріана, іеромонаха Епифанія (ум. 1420) и другихъ. Если разсмотримъ «Слово о исходѣ души или «О мытарствахъ» и «Поученіе къ попомъ» въ томъ видѣ, какъ они встрѣчаются отдѣльно въ рукописяхъ, и въ томъ, какъ они внесены въ «Слово на соборъ архистратига Михаила», то убѣдимся, что въ послѣднемъ «Словѣ» они поновлены, распространены многословіемъ и вставками. Пятое сочиненіе — «Поученіе къ великому князю Василію», которое встрѣчается въ предисловіи къ «Мѣрилу праведному», и въ первый разъ приписано Кириллу II въ «Обзорѣ Русской духовной литературы», безъ достаточныхъ основаній. Остальныя четыре статьи, приписываемыя митрополиту Кириллу II въ «Обзорѣ Русской духовной литературы», еще менѣе могутъ выдержать справедливый судъ критики. И такъ, изъ девяти сочиненій, приписываемыхъ митрополиту Кириллу II, только одно «Правило» несомнѣнно ему принадлежитъ, а другое, «Поученіе къ попомъ», можетъ быть усвояемо ему съ вѣроятностью; прочія семь приписываются ему несправедливо или неосновательно. Критики, побольше критики,— вотъ чего надобно желать намъ въ исторіи литературы!»

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ исторіи отечественной литературы относятся слѣдующія статьи: *Тридцатилѣтіе журнала министерства внутреннихъ дѣлъ* (Журн. мин. вн. дѣлъ № 9); *Ученическія тетради Лермонтова*, С. С. Дудышкина (Отеч. зап. № 11); *Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани, съ 1805 по 1834 годъ*, А. А. Попова (Русск. вѣстн. № 17); *Державинъ* (Сѣв. пчела № 200); *Вступительная лекція адъюнктъ-профессора Русской словесности и исторіи литературы*, читанная Н. С. Тихонравовымъ въ Московскомъ университетѣ 25 сентября 1859 г. (Моск. вѣд. № 232); *Библіотека и историческая дѣятельность Московской сѵнодальной типографіи*, Викторова (ibid. № 288 и 291); *Рукописи Державина и Н. А. Львова* (Отчетъ Я. К. Грота по II-му отдѣленію академіи наукъ) (ibid. № 295); *Нѣсколько словъ о чтеніи* (Кіев. тел. № 38 и 41); *Памяти П. С. Савельева*, Д. В. Полѣ-

нина (Изв. Имп. археол. общ. вып. 2, томъ II); 19 мая 1859, И. И. Срезневскаго (ibid.).

— «Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани съ 1805 по 1834 годъ». — «Казанскій университетъ праздновалъ свое открытіе въ февралѣ 1805 г.; въ этомъ-же году въ Казани составилось маленькое литературное общество, на первый разъ изъ пяти членовъ. Собирались одинъ разъ въ каждую недѣлю и читали свои сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ, хотя общество до законнаго утвержденія своего положенія и не долженствовало-бы имѣть собраній; но какъ всѣ члены его были одного учебнаго вѣдомства и даже мѣста (университета), а собранія имѣли видъ домашнихъ собраній, то и не было препятствій къ подобнымъ засѣданіямъ», такъ говоритъ о первыхъ собраніяхъ этого общества *Историческое обозрѣніе общества любителей отечественной словесности и о пользѣ онаго*. Первое собраніе было 23 апрѣля 1806 г. Всѣхъ собраній въ этомъ году было 31; столько-же сочиненій представили члены на общее разсмотрѣніе. Къ концу года вступили въ Общество еще семь человѣкъ. Составили положеніе изъ одиннадцати правилъ, которыми опредѣлились порядокъ и занятія собраній Общества: положеніе это было одобрено министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ П. В. Завадовскимъ. Румовскому представленъ былъ годовой отчетъ о занятіяхъ Общества. Словомъ, первый годъ Общество трудилось едва-ли не болѣе, чѣмъ во всѣ остальные. Члены его усердно посѣщали собранія, успѣли сдѣлать разборы многихъ сочиненій: «ревность членовъ, говоритъ *Историческое обозрѣніе*, очевидна». Таково было начало Общества. Но въ слѣдующемъ году, съ мая стали собираться только по два раза въ мѣсяцъ, а съ декабря по одному разу. Всѣхъ собраній было однакожъ 29, разсмотрѣно 56 сочиненій, задано одно. Нѣкоторые изъ членовъ, оставившіе Казань, приняли званіе иногородныхъ; новыхъ вступило трое. Въ 1808 г. число засѣданій уменьшилось до десяти, хотя не разъ возобновляемо было предложеніе сходиться непремѣнно разъ въ мѣсяцъ; сочиненій прозаическихъ и стихотворныхъ разсмотрѣли до 25. Въ 1809 г. Румовскій подалъ мысль объ изданіи періодическаго сочиненія при университетѣ; Общество желало издавать собственные труды и стало думать о сочиненіи своего устава. Но число его членовъ уменьшилось. Между многими причинами безуспѣшности занятій Общества современники считали и то об-

ствоятельство, что къ нему принадлежали одни лица, служившія при университетѣ, гимназіи и вообще по учебному только вѣдомству. Въ 1810 г. сдѣлано было исключеніе и для другихъ: инспекторъ Казанской семинаріи, обыкновенно называвшейся тогда духовною академіей, архимандритъ Израиль, и архимандритъ Епифаній, потомъ Воронежскій епископъ, были приняты въ Общество. Уставъ написанъ и отправленъ для просмотра и утвержденія въ Петербургъ. Рѣшено было приступить къ изданію *Трудовъ*, не опредѣляя сроковъ для выхода отдѣльныхъ книжекъ. Ибрагимовъ и В. Перевощиковъ назначены редакторами ихъ. Румовскій выпросилъ для этой цѣли чрезъ министра народнаго просвѣщенія, графа А. К. Разумовскаго, 400 рублей изъ хозяйственныхъ суммъ университета. Все изданіе предполагалось раздѣлить на три отдѣла: словесность, науки и искусства, ученыя извѣстія. Занимались въ этомъ году преимущественно собираніемъ біографическихъ извѣстій объ умершихъ членахъ Общества, постановили между прочимъ: помѣщать въ *Трудахъ* некрологи ихъ, въ комнатѣ собранія выставлять ихъ портреты и вообще читать похвальныя рѣчи въ честь выбывшихъ членовъ. Дѣятельность Общества нѣсколько развилась. Въ 1811 году представлена была Румовскому первая книжка *Трудовъ*. Число членовъ значительно увеличилось (32). Даже лица, не принадлежавшія къ Обществу, стали присылать свои рукописныя и печатныя сочиненія на судъ его членовъ. Но изданіе *Трудовъ* замедлилось; ждали изъ Петербурга устава, объ утвержденіи котораго не было никакихъ извѣстій. Наконецъ борьба съ Наполеономъ, заслонившая собою всѣ другіе интересы общественной науки, смерть Румовскаго и перемѣны въ университетскомъ устройствѣ сдѣлали то, что занятія Общества въ 1812 г. почти прекратились. А между-тѣмъ въ 1811 г. основано было періодическое изданіе: *Казанскія извѣстія*. Программа первыхъ 18 нумеровъ, печатавшихся въ губернской типографіи, была очень проста; въ нее входили: казенныя и частныя объявленія, отрывочныя статистическія данныя о Казанской и смежныхъ губерніяхъ, статьи подъ названіемъ «Полезное» и «анекдоты для пріятнаго препровожденія времени». Съ 19 нумера (авг. 23) изданіе перешло къ университету «по силѣ Высочайшаго повелѣнія и предписанія высшаго начальства». Содержаніе извѣстій стало разнообразнѣе; явились статьи литературныя. Рядомъ съ ними помѣщались извѣстія о новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ въ области обще-

житія, большею частію переводныя или заимствованныя изъ другихъ Русскихъ журналовъ. Этимъ университетъ исполнялъ данное имъ читателямъ обѣщаніе, что «пріятнымъ себѣ поставитъ долгомъ сдѣлать газету занимательнѣйшею, и на сей конецъ, кромѣ различныхъ извѣстій о происшествіяхъ въ своей странѣ и о взаимныхъ нуждахъ согражданъ, будетъ помѣщать въ оную всѣ статьи, имѣющія предметомъ общественную пользу и удовольствіе, все, касающееся до учености, до усовершенія земледѣлія, фабрикъ и мануфактуръ и вообще до хозяйства, увѣдомленія о новыхъ, или не столь извѣстныхъ, или такихъ, коихъ употребленіе полезно, изобрѣтеніяхъ, также любопытные анекдоты, эпиграммы, извѣстія о вновь-выходящихъ примѣчательныхъ книгахъ». Съ побѣдами надъ Наполеономъ стали появляться и на страницахъ *Казанскихъ извѣстій*, по обычаю времени, оды, кантаты и прочія пѣснопѣнія, Городчанинова, Ибрагимова, Полиновскаго и другихъ. Въ 1814 г. утвержденъ былъ уставъ Общества любителей отечественной словесности, въ число членовъ котораго, между прочими, въ 1814 г. были выбраны: С. Руссовъ, А. Воейковъ, В. И. Панаевъ. 12 декабря Общество праздновало свое утвержденіе. Въ его публичномъ собраніи присутствовало до 300 посѣтителей. Секретарь Общества, Кондыревъ, прочиталъ историческій очеркъ дѣйствій Общества и сказалъ нѣсколько словъ о пользѣ, которую можетъ оно принести Казанскому краю: «Во всѣхъ образованныхъ государствахъ, говорилось въ отчетѣ, находятся разныя ученыя Общества; во всѣхъ столицахъ таковыхъ державъ и въ знатнѣйшихъ городахъ по учености, или по искусствамъ, или торговлѣ оныя устроены.... Наше любезное отечество, Россія, также давно имѣетъ многія ученыя Общества, какъ въ обѣихъ столицахъ, такъ въ Харьковѣ, Або, Ригѣ, Вильнѣ и другихъ нѣкоторыхъ городахъ.... Ученое Общество, при здѣшнемъ университетѣ учрежденное, имѣетъ съ прочими Обществами общую цѣль и по ходу. Но, сверхъ-того, оно учреждено еще на пользу высшаго ученаго мѣста, при коемъ находится, учебнаго его округа, на пользу многихъ любителей словесности, отечества и наукъ». Характеръ занятій Общества опредѣляется мыслію, что отечественная словесность есть весьма важный предметъ не для одной народной образованности, но и для нравственности; откуда, какъ непосредственное слѣдствіе, вытекало правило, что «если занятіе своею словесностію способно возбуждать болѣе любовь къ отечеству, то упражненіе въ оной Рос-

сіановъ принесетъ также немаловажную пользу». Еще подробнѣе объяснено это преобладавшее въ занятіяхъ Общества направленіе въ *Разсужденіи о вліяніи словесности на нравственное образованіе человѣка*, читанномъ послѣ отчета другимъ членомъ Общества Срезневскимъ. Казанское Общество, подобно другимъ ему современнымъ, стояло на почвѣ чисто-эстетическаго воззрѣнія на предметъ своихъ занятій. Изящная словесность, какъ и пріятныя искусства, представлялась въ ту эпоху моремъ добродѣтельныхъ наслажденій, очистительныя волны котораго въ-силахъ были омыть не только всѣ язвы общественной жизни, но и всякое уродливое явленіе въ мірѣ жизни личной, въ сферѣ нравственной природы. Не даромъ-же въ области наукъ юридическихъ первое мѣсто занимало тогда такъ-называемое право естественное, въ основаніи котораго лежала та-же самая мысль; такой взглядъ на науку, такія чаянія будущихъ благъ шли къ лицу эпохи, которая видѣла столько великихъ событій, взволновавшихъ до дна Европейскія общества и вызвавшихъ борьбу за свободу, во главѣ которой стояли вожди народовъ. Безумная, крутая реакція, смѣнившая впослѣдствіи это благотворное движеніе, не могла еще существовать даже и въ предчувствіи. Потомъ и Казанское Общество не избѣжало общей участи. Но, до тѣхъ поръ, члены его читали въ торжественныхъ засѣданіяхъ: «стихи на всерадостный день рожденія Киргизъ-Кайсацкаго царевича Хлора», пародируя «богоподобную Фелицу» Державина, своего мѣстнаго патрона по предмету занятій; оды на всерадостный день рожденія Александра I; похвальныя слова Александру I-му. Уничтоженіе пытки «да изгладится навсегда изъ памяти народной самое названіе ея, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее», утвержденіе городоваго положенія, правъ и преимуществъ купечества и дворянства, учрежденіе вольныхъ хлѣбопашцевъ, открытіе университетовъ, образованіе министерствъ, государственнаго совѣта и коммиссіи о составленіи законовъ, реформы въ Остзейскихъ провинціяхъ, терпимость къ Евреямъ, «жестоко наказаннымъ за преступленія предковъ, повсюду гонимымъ, которымъ самыя образованныя націи отказали даже въ достоинствѣ человѣка», — вотъ тѣ черты времени, на которыя обращалъ вниманіе своихъ слушателей ораторъ, говорившій въ торжественномъ собраніи Общества. 8 іюля 1815 г., въ годину утвержденія своего устава, Общество опять имѣло торжественное засѣданіе, въ которомъ снова читаны были оды, похвальныя слова

и разсужденія о разныхъ предметахъ изящной словесности. Но первая книжка *Трудовъ* не была еще окончена печатаніемъ «по новости университетской типографіи». Въ 1818 г. заданы были для разрѣшенія два вопроса: 1) *какіе языки, когда, гдѣ и сколь большое вліяніе имѣли въ языкъ нашъ отечественный?* 2) *откуда взялся нашъ богатый и сильный библейскій языкъ?* или: *языкъ библейскій и простой Русскій одинъ-ли и тотъ-же языкъ или совершенно различные?* Вопросы эти брались во всей широтѣ ихъ, въ надеждѣ достигнуть ихъ рѣшенія на самыхъ общихъ основаніяхъ, не вдаваясь въ подробныя филологическія изысканія. Легкое построеніе цѣлыхъ научныхъ системъ при помощи общихъ философскихъ взглядовъ было отличительною чертой ученыхъ трудовъ того времени. Между-тѣмъ, кромѣ обычныхъ засѣданій, Общество собралось однажды по случаю смерти Державина, 24 сентября 1816 г. Передъ украшеннымъ различными эмблемами изображеніемъ поэта прочтены были членами Общества четыре произведенія самого Державина: *Лебедь*, *Памятникъ*, *Богъ* и *Безсмертіе*, краткая біографія, нѣсколько стихотвореній въ честь его, разсужденіе о заслугахъ, оказанныхъ покойнымъ Россійской словесности. Было также предложеніе поставить ему памятникъ. Литературныя заслуги Державина опредѣлены такимъ образомъ: «онъ былъ величайшій лирикъ и твореніями своими совмѣстилъ въ себѣ Пиндара, Горація и Анакреона, словесность отечественную украсилъ, прославилъ и возвеличилъ и усердно Русское слово покровительствовалъ: но сими-же самыми твореніями исправлялъ онъ и нравы». Наконецъ, въ сентябрѣ 1817 г. вышла въ свѣтъ первая книжка *Трудовъ* Общества, пробывъ въ печати около трехъ лѣтъ, по различнымъ обстоятельствамъ, большею частію отъ Общества независѣвшимъ. Первое мѣсто между статьями занимаетъ: *Опытъ о средствахъ плѣнить воображеніе*, В. Перевощикова. Это кратко изложенная эстетика по сочиненіямъ Батте, Мармонтеля, Лагарпа, Блера, Зульцера, Эшенбурга, Бутервека и проч. Въ числѣ другихъ прозаическихъ статей, были: *О многознаменательности и общемъ измѣненіи словъ*, Н. Ибрагимова; *Замѣчанія о разборѣ сослововъ*, П. Кондырева; *Опытъ разбора Россійскихъ сослововъ*, Лубкина; *Разсужденія о самолюбіи*, И. Запольскаго; *О словесности*, В. Анастасевича. Всѣ они сходятся въ общемъ взглядѣ на предметъ изящной словесности, какъ на средство сдѣлать человѣка нравственнымъ и добродѣтельнымъ; занятіе изящною словесностью

должно доставлять высокое наслажденіе трудящемуся. Всѣ прочія пьесы, помѣщенныя въ первой книжкѣ *Трудовъ*, представляютъ образцы такихъ занятій: въ нихъ только-что высказанная теорія какъ-бы получаетъ подтвержденіе и оправданіе себѣ. Тутъ можно встрѣтить стихотворенія оригинальныя и переводныя изъ Горація, Делиля, Виргилія; графъ Хвостовъ, В. Капнистъ, А. Воейковъ, Н. Ибрагимовъ, Ст. Руссовъ, С. Аксаковъ, Г. Каменевъ, А. Наумовъ и другіе помѣстили здѣсь свои оды, баллады, идилліи, романсы, пѣсни, притчи, басни, сатиры, посланія и отрывки изъ поэмъ. Если не ошибаемся, изъ всѣхъ этихъ стихотвореній долѣе другихъ пользовалась извѣстностію пѣсня Ибрагимова: «Вечеркомъ красна дѣвица на прудокъ за стадомъ шла». Впрочемъ, въ наше время труды эти едва-ли могутъ имѣть какое-либо значеніе, кромѣ библіографическаго. Таковы были первыя дѣйствія Казанскаго Общества любителей словесности.

Къ матеріаламъ для исторіи иностранной словесности относятся слѣдующія статьи: *Современная Англійская литература* (Отеч. зап. № 10); *Реалистическій романъ во Франціи* (ibid.); *Оскаръ фонъ-Редвицъ* (ibid. № 11); *Ювеналъ*, И. М. Благовѣщенскаго (Русск. вѣстн. № 19); *Императоръ Наполеонъ III, какъ писатель*, Густава де Молинари (ibid. № 21—24); *Празднества въ честь Шиллера*, К. К. Гофманна (ibid. № 22 и 23); *Общество и литература въ Германіи* (Русск. инв. № 233, 242 и 243); *Шиллеръ*. Біогр. очеркъ фонъ-Видерта (Моск. вѣд. № 258, 265, 281 и 302).

— «Императоръ Наполеонъ III, какъ писатель». — Въ этой замѣчательной статьѣ Густавъ де Молинари разбираетъ сочиненія Наполеона, поясняя этотъ разборъ нѣкоторыми біографическими указаніями и часто даже приводить собственныя слова императора-писателя. «Наполеонъ III, какъ политическій дѣятель, показалъ уже себя міру, за-то какъ писатель остался почти въ неизвѣстности. Сочиненія его, при выходѣ въ свѣтъ, не произвели большаго впечатлѣнія, и даже впослѣдствіи, когда авторъ ихъ занялъ такое видное мѣсто, они едва вышли изъ забвенія. Эта постоянная неизвѣстность, въ которой оставался писатель въ то время какъ политическій дѣятель обратилъ на себя всеобщее вниманіе, зависитъ отъ разныхъ причинъ. Во-первыхъ оттого, что сочиненія Наполеона III, возвышаясь, правда, надъ уровнемъ посредственности, не отличаются достоинствомъ идеи, или формы;

нельзя отрицать, что они носятъ на себѣ печать восторженныхъ вѣрованій, но, такъ-какъ «Наполеоновская идея», предметъ этихъ вѣрованій, не облечена лучезарнымъ ореоломъ истины, такъ-какъ императорская система—эмпирическое порожденіе обстоятельствъ — не заключаетъ въ себѣ элементовъ системы, которая была-бы въ-состояніи удовлетворить умъ, и еще менѣе элементовъ идеала, который могъ-бы удовлетворить душу, то вѣра, одушевляющая автора, и даже ловкость изложенія нисколько не уравновѣшиваютъ недостатковъ его доктрины. По своей-ли собственной винѣ, или по винѣ защищаемаго имъ дѣла, но только онъ не привлекаетъ къ себѣ и не приковываетъ вниманія вѣрностью и глубиною мысли; онъ не удовлетворяетъ ни экономиста, ни политика, ни философа; онъ не ослѣпляетъ также блескомъ своихъ софизмовъ, или не сбиваетъ съ пути, не изумляетъ ловкостью своей діалектики тѣхъ, кого убѣдить онъ не въ-состояніи. Ясность и искусство изложенія доставили-бы ему видное мѣсто между писателями, еслибы онъ посвятилъ себя на служеніе идеѣ вѣрной и истинной; они недостаточны для прикрытія все-экономической, политической и нравственной нищеты, отличающей «Наполеоновскую идею». Вотъ почему писатель, не смотря на нѣкоторыя серьезныя достоинства, не могъ сразу пріобрѣсти извѣстность: талантъ его былъ не довольно великъ, а необходимъ былъ талантъ громадный,— чтобы прикрыть внутреннюю пустоту дѣла, котораго защитникомъ онъ явился. Кто хотѣлъ узнать и оцѣнить самое дѣло, тотъ старался изучить его изъ первыхъ источниковъ, изъ словъ и дѣйствій Наполеона I. Позднѣе, когда писатель исчезъ передъ политическимъ дѣятелемъ, въ немъ видѣли только обыкновеннаго честолюбивца, и потому не приписывали его сочиненіямъ никакого значенія, никакой важности, почитая ихъ не искренними. Глубокая и пламенная вѣра, которою они были проникнуты, считалась поддѣльною; сочиненіями Наполеона III пользовались партія бонапартистовъ и партія республиканская, для взаимныхъ переговоровъ, и брали изъ нихъ, что было имъ пригодно. Но люди другихъ партій не полагали, что стоило-бы пересматривать сочиненія, не выражавшія нисколько дѣйствительныхъ убѣжденій автора,—допустивъ даже, что у него были убѣжденія,—и потому самому нисколько не ведущія къ объясненію его истинныхъ намѣреній. Такое предположеніе было ошибочно. События доказали и доказываютъ ежедневно, что политическій дѣятель поступаетъ такъ, какъ думалъ писатель,

и что въ сочиненіяхъ Наполеона III можно найдти объясненіе всѣхъ его дѣйствій. Первымъ сочиненіемъ Наполеона III было «Les rêveries politiques», потомъ «Les considérations politiques et militaires sur la Suisse», а въ 1847 г. онъ издалъ первый томъ своихъ «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie»—обширное сочиненіе, которое должно было состоять изъ пяти томовъ in 4°, со множествомъ таблицъ. Событія помѣшали ему окончить это обширное сочиненіе; не смотря на то, онъ не переставалъ посвящать часть рѣдкихъ своихъ досуговъ отъ дѣлъ правленія этому любимому своему занятію. Недавно еще возвѣщено было изданіе: «Histoire des canons rayés, par l'empereur Napoléon III»,—книги, служащей продолженіемъ его *Изслѣдованій о прошедшей и будущей судьбѣ артиллеріи.* Самая замѣчательная изъ политическихъ его брошюръ есть, безъ сомнѣнія, «Des idées Napoléoniennes», изданная имъ въ 1839 г. въ Англіи. *Наполеоновскія идеи* заключаютъ въ себѣ самую полную, самую искусную и въ то-же время самую восторженную апологію императорской системы, которую авторъ представляетъ типомъ революціоннаго правительства, орудіемъ осуществленія революціоннаго начала, какъ во Франціи, такъ и въ цѣломъ мірѣ. При первомъ взглядѣ кажется, что довольно трудно представить апологію имперіи, какъ системы, назначеніемъ которой было будто-бы распространеніе обновляющихъ принциповъ революціи, тѣмъ болѣе, что имперія, какъ всѣмъ извѣстно, нисколько не была либеральна: всѣ ея политическія, религіозныя, административныя и экономическія постановленія большею частію направлены противъ свободы. Но при этомъ необходимо замѣтить весьма важное обстоятельство, что Французская революція нисколько не была революціей либеральною въ собственномъ смыслѣ, что свобода (какъ мы понимаемъ ее въ наше время), состоящая въ ограниченіи самыми тѣсными предѣлами притязаній и вмѣшательства администраціи въ дѣла религіи, воспитанія, промышлености, торговли и проч., имѣла тогда весьма мало приверженцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что учредительное собраніе, состоявшее изъ передовыхъ умовъ Франціи, провозгласило великіе принципы свободы, и даже осуществило нѣкоторые изъ нихъ; оно установило свободу промышлености и торговли внутри государства, свободу печати и ассоціаціи, свободу воспитанія и вѣроисповѣданія, хотя въ послѣднемъ случаѣ и удержало нѣкотораго рода правитель-

ственную организацію; но послѣдующія собранія произвольно уклонялись отъ пути, начертаннаго учредительнымъ собраніемъ. Такъ напр., законы конвента носятъ на себѣ самый рѣзкій отпечатокъ деспотизма. Конечно, это деспотизмъ, дѣйствовавшій во имя народа, но развѣ оттого онъ былъ не деспотизмомъ? Правда и то, что это былъ деспотизмъ временный, направленный къ утвержденію свободы. Но что это за окончательная свобода, которую надо было утверждать съ помощію временнаго деспотизма? Диктаторы комитета общественнаго благосостоянія и ихъ приверженцы ни въ какомъ случаѣ не умѣли-бы объяснить того. Прочтите рѣчь Робеспьерра, *Постановленія* С-тъ-Жюста, манифесты Бабефа, и вы найдете въ нихъ только стремленія къ равенству, мысли Платона, приправленныя явнымъ намѣреніемъ господствовать надъ прочими народами. Такъ, напр., по ученію С-тъ-Жюста, Французская республика должна быть существенно военною и содержать въ *мирное время* постоянную армію въ 800,000 человѣкъ. Что-же касается до настоящей свободы, какъ начинаютъ ее понимать и приводить въ дѣйствіе самыя образованныя націи, то народные трибуны и писатели того времени не имѣли о ней ни малѣйшаго понятія. И могло-ли быть иначе? Массы погружены были въ глубочайшее невѣжество. Образованные классы, сравнительно малочисленные, воспитаны были католическимъ духовенствомъ, которое, пользуясь монополіей преподаванія и религіи, не могло ни въ какомъ случаѣ дать имъ слишкомъ либеральнаго образованія. Правда, что нѣкоторые избранные умы, вступая въ область религіи, философіи и политической экономіи, успѣли отрѣшиться отъ среды, въ которой получили свое воспитаніе, и отъ общественнаго порядка, въ которомъ жили, и возвыситься до яснаго пониманія свободы. Но они были малочисленны; упоминая-же объ экономистахъ, теоретикомъ которыхъ былъ Кене, а государственнымъ мужемъ Тюрго, по справедливости можно сказать, что вся школа ихъ помѣстилась-бы на антресоляхъ. Безъ сомнѣнія, частыя сношенія съ Англіей и вскорѣ потомъ Американская война много содѣйствовали распространенію идей свободы; но въ 1789 г. эти идеи, далеко еще не полныя, оставались удѣломъ только малаго числа избранныхъ умовъ. Массы, страдавшія отъ злоупотребленія стараго порядка вещей, и писатели или ораторы, служившіе адвокатами этимъ массамъ, желали, конечно, низверженія деспотизма, бывшаго корнемъ этихъ злоупотребленій, и утвержденія свободы,

какъ антитезы деспотизма. Но. разсматривая внимательно то, что они называли свободой, мы находимъ въ ней именно тѣ-же элементы, изъ которыхъ состоитъ деспотизмъ, т.-е. вмѣшательство правительства во всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, ограниченіе или уничтоженіе свободы индивидуальной, даже находимъ элементы эти несравненно въ бо́льшихъ размѣрахъ; единственное различіе, существующее между старымъ деспотизмомъ и деспотизмомъ новымъ, состоитъ въ томъ, что первый находился въ рукахъ аристократическаго класса, а второй дѣйствовалъ во имя народа черезъ посредство народныхъ представителей. Французская революція во всемъ ея объемѣ нисколько не была революціей либеральной, и очень ошибочно было-бы принимать слово «свобода», употреблявшееся у революціонеровъ, въ томъ смыслѣ, какой мы привыкли придавать ему въ настоящее время. Для нихъ свобода значило уничтоженіе опеки аристократическихъ классовъ, но она нисколько не была уничтоженіемъ опеки вообще. Нѣтъ! По ихъ мнѣнію, такъ-же, какъ и по мнѣнію преемниковъ ихъ, новѣйшихъ соціалистовъ, общество не можетъ обойдтись безъ руководства, безъ ежеминутной опеки, иначе оно впадетъ въ анархію. Необходимо было только преобразовать эту опеку въ видахъ общаго интереса, но преобразовать ее такимъ образомъ, чтобы она не могла обратиться въ монополію одного класса. Никто не заботился о томъ, нужна-ли она и къ чему она поведетъ; многіе даже убѣждены были, что чѣмъ многостороннѣе будетъ опека, чѣмъ болѣе правительство распространитъ предѣлы своего вѣдомства и собственною дѣятельностію замѣнитъ индивидуальную иниціативу, тѣмъ болѣе нація, почитаемая малолѣтною, будетъ имѣть на своей сторонѣ вѣроятности счастія и благоденствія; хлопотали только объ одномъ, чтобы на будущее время опека *надъ всѣми* дѣйствовала во имя *всѣхъ* и съ помощію *всѣхъ*, о томъ, чтобы она никогда не была монополіею одного какого-нибудь класса. Такова была идея Французской революціи. Она была гораздо болѣе идеей равенства, чѣмъ идеей свободы. Когда Наполеонъ I вырвалъ власть изъ немощныхъ и продажныхъ рукъ, пустившихъ бразды утомленной революціи, когда онъ думалъ утвердить правительство прочное и сильное, что́-же онъ сдѣлалъ для достиженія своей цѣли? Онъ принялся за преобразованіе прежней правительственной опеки, нисколько не заботясь объ ударахъ, наносимыхъ имъ нравственной, умственной и матеріальной свободѣ своихъ согражданъ,

которые, по общему мнѣнію, почитались малолѣтными, которыми нужно было много руководить, руководить до крайности, тщательно избѣгая только возстановленія этой опеки въ пользу одного класса, и устраивая ее такимъ образомъ, чтобы всякій могъ надѣяться принять когда-нибудь участіе въ ней, или, что одно и то-же—участіе въ прелестяхъ деспотизма надъ обществомъ. Отъ того-то, разсматривая императорское правленіе, не безъ удивленія встрѣчаешь въ самыхъ существенныхъ частяхъ его старинный порядокъ вещей. Такъ, напримѣръ, система налоговъ совершенно та-же,—измѣнились одни названія. Подать (la taille) и двадцатыя части (les vingtièmes) приняли названіе поземельнаго сбора (contribution foncière), налогъ гильдій и цеховъ (la taxe des maitrises et des jurandes) и подать золотой марки (le droit de marc d'or), уплачиваемыя за право вести торговлю или заниматься какою-нибудь отраслью промышлености, замѣнены были торговымъ свидѣтельствомъ (les patentes); штемпельный поборъ, носившій названіе droit de contrôle, получилъ наименованіе droit de timbre; les aides стали называться contributions indirectes, droits reunis; la gabelle, столь ненавистная народу, получила болѣе мягкое названіе налога на соль (l'impot du sel); заставныя пошлины, сначала уничтоженныя революціей вмѣстѣ съ большею частію прочихъ налоговъ, были впослѣдствіи возстановлены подъ филантропическимъ названіемъ заставной благотворительной пошлины (octrois de bienfaisance); повинности, отправлявшіяся до революціи натурой, на постройку дорогъ (les corvées), были отмѣнены, но крестьяне подчинены были хлѣбному сбору (la prestation en nature), что было то-же самое, только подъ другимъ названіемъ. Прежняя система *милиціи*, къ которой прибѣгали только въ крайнихъ случаяхъ при старомъ порядкѣ, когда армія пополнялась обыкновенно добровольною вербовкою внутри и внѣ государства, сдѣлалась постоянною, подъ названіемъ *конскрипціи*. Однимъ словомъ, всѣ повинности стараго порядка появились снова; онѣ даже были увеличены; разница состояла въ томъ только, что ни одинъ классъ не былъ отъ нихъ избавленъ, за исключеніемъ, впрочемъ, самой тяжелой повинности—конскрипціи, отъ которой богатые классы могли откупаться. Система регламентаціи стараго порядка появилась вновь; множество промысловъ и ремеслъ были опять подчинены ей: пекарни, бойни, типографіи, театры, банки, должности адвокатовъ, биржевыхъ маклеровъ, нотаріусовъ, медиковъ и проч. Преподаваніе, составляв-

шее прежде почти исключительную монополію религіозныхъ корпорацій, сдѣлалось теперь монополіей государства: Наполеонъ возстановилъ университетъ и упрочилъ за нимъ право устранять всякую конкурренцію. Вѣроисповѣданія получили также новые уставы и подчинены были государству. Наконецъ, Наполеонъ далъ правила промышленымъ и торговымъ ассоціаціямъ, воспретилъ ассоціаціи политическія, положилъ преграды свободному распредѣленію труда о книжкахъ для работниковъ и о коалиціяхъ, ограничилъ права займовъ, завѣщаній, торговыхъ сдѣлокъ; послѣднія были стѣснены гораздо болѣе, чѣмъ при прежнемъ порядкѣ, потому-что никогда во Франціи не бывало такого запретительнаго тарифа, какъ во время имперіи. Онъ даже готовъ былъ возстановить цехи и гильдіи, и онъ-бы сдѣлалъ это непремѣнно, еслибы новый порядокъ не создалъ новыхъ интересовъ, съ которыми ему необходимо было соображаться. Чтобы вся эта обширная система вмѣшательства и регламентаціи могла дѣйствовать успѣшно, ему необходимо было возстановить огромную администрацію, основанную при старомъ порядкѣ, и развившуюся преимущественно во время Лудовика XIV; онъ распространилъ и утвердилъ ее еще болѣе; онъ усовершенствовалъ, даже можетъ быть создалъ во Франціи *централизацію*. Но, не смотря на то, что эти созданія и возстановленія не обнаруживали въ себѣ ни малѣйшаго прогресса и либерализма, Наполеона нельзя назвать человѣкомъ ретроградснаго движенія, ни даже отсталымъ отъ своего вѣса и страны. Революція, которой онъ наслѣдовалъ, отличалась во всякомъ случаѣ еще меньшимъ стремленіемъ къ прогрессу и либерализму. Правда, что революція не возстановила старинныхъ налоговъ; но она выпустила массу ассигнацій, которыя въ сущности составляютъ самый беззаконный и тяжелый налогъ. Революція не издала регламентовъ для ассоціацій, печати, преподаванія, вѣроисповѣданія; но она запирала клубы и запрещала журналы, которые ей не нравились, отправляя на гильотину или осуждая на изгнаніе ораторовъ и журналистовъ; съ другой стороны, она допускала только то преподаваніе и только ту религію, которыя подчинялись ея волѣ. Она подчинила также внутреннюю торговлю стѣснительному постановленію о таксахъ, *maximum*, и законамъ о барышникахъ, и превратила таможенный тарифъ въ оружіе войны противъ Англіи. Наконецъ, право завѣщаній, которое Наполеонъ ограничилъ только своимъ гражданскимъ кодексомъ, было совершенно уничтожено

конвентомъ, постановившимъ строгое равенство раздѣла безъ всякихъ исключеній. Правленіе, установленное Наполеономъ, во всѣхъ частяхъ своихъ, было либеральнѣе того правленія, подъ которымъ Французы прожили десять лѣтъ, во время революціи; если въ нѣкоторыхъ случаяхъ постановленія при немъ были многочисленнѣе, за-то вообще они не были такъ стѣснительны и такъ произвольны. Объяснить причину этого очень легко: при установленіи новаго порядка вещей, Наполеонъ совѣтовался съ людьми всѣхъ партій, и, по необыкновенной ясности своего ума, умѣлъ собрать воедино то, что можно назвать *мудростью его вѣка и страны.* Не его вина, что страна его и вѣкъ не отличались ни образованностью, ни либерализмомъ! Вмѣнить ему это въ преступленіе было-бы до крайности несправедливо. Равно несправедливо было-бы упрекать человѣка, получившаго самое поверхностное образованіе и проведшаго всю молодость свою въ лагерѣ, за то, что онъ не опередилъ своей эпохи въ вопросахъ административныхъ, финансовыхъ, юридическихъ, экономическихъ и политическихъ. Панегиристъ его совершенно вѣрно представляетъ его человѣкомъ, усвоившимъ себѣ и олицетворившимъ идею революціи, или, иначе, мудрость своей эпохи и страны. И въ-самомъ-дѣлѣ, Наполеонъ не сдѣлалъ ничего болѣе. Но могла-ли казаться непреложною мудрость эпохи бурной и взволнованной, страны, гдѣ самые просвѣщенные умы имѣли и могли имѣть только самыя поверхностныя свѣдѣнія въ наукахъ политическихъ? Могла-ли она имѣть притязаніе на направленіе будущности? Конечно нѣтъ; Наполеоновскій идеалъ состоитъ въ громадной администраціи, объемлющей всю сферу, въ которой вращается человѣческая дѣятельность, направляющей ее, задерживающей и ускоряющей движенія ея по своему произволу; это деспотизмъ опеки, дѣйствующей во имя всѣхъ и одинаково тяготѣющій надъ всѣми. Таковъ долженъ быть идеалъ революціи, предпринятой противъ привелегированнаго класса въ странѣ, издавна привыкшей къ правительственной опекѣ; но онъ не можетъ быть идеаломъ эпохи, въ которой наука и опытъ доказываютъ ежедневно, что деспотизмъ составляетъ постоянную преграду прогрессу, хотя-бы онъ тяготѣлъ одинаково надъ всѣми и во имя всѣхъ; что, вслѣдствіе этого, нѣтъ никакой выгоды одинъ деспотизмъ замѣнять другимъ, подъ предлогомъ равенства и національности; что дѣло прогресса состоитъ въ постепенномъ освобожденіи человѣческаго рода отъ старинной опеки, надъ которою онъ жилъ

до-сихъ-поръ, въ превращеніи малолѣтныхъ въ людей взрослыхъ, и въ ежедневномъ расширеніи предѣловъ свободы. *Наполеоновскія идеи* представляютъ произведеніе Французской мудрости 1799 г., какъ идеалъ для Франціи 1839 года; будто сорокъ лѣтъ прошли даромъ для мудрости вѣка и для мудрости Франціи».

XI. Изящная словесность.

Стихотворную часть изящной словесности составляли:

Въ Отечественныхъ запискахъ: *Цвѣточница.* Идиллія. З. В. Тура (№ 10); *Фаустъ, трагедія Гёте,* въ новомъ полномъ переводѣ Н. П. Грекова (ibid.); *Больное, тихое дитя,* А. Н. Майкова (№ 11); *Пораженіе Сеннахерима* (Изъ Байрона), Н. В. Гербеля (ibid.); *Сфинксъ* (изъ Гейне), Е. Зарина (№ 12); *Геральдъ Гарфагаръ* (изъ Гейне), его-же (ibid.).

Въ Современникѣ: *Година* (изъ Теннисcона), М. Л. Михайлова (№ 9); *Деревенскіе очерки:* 1) *Посвященіе.* 2) *Въ полдень.* 3) *Проселокъ.* 4) *Пѣсни.* 5) *Лѣтней ровъ.* 6) «*Вчера у окна мы сидѣли въ молчаньи*». 7) *Грусть дѣвушки* (Идиллія). 8) *Сосѣдъ.* 9) *Селенье.* 10) *Прощаніе съ деревней,* А. Н. Апухтина (ibid.); *Люблю я памятникъ великаго Петра,* Пл. А. Кускова (ibid.); *Пѣсня Еремушкѣ,* Н. А. Некрасова (ibid.); *Прогрессъ* (Ямбъ Барбье), П. М. Ковалевскаго (ibid.); *Опустѣвшій домъ,* А. Н. Плещеева (№ 10); *Лунной ночью,* его-же (ibid.); *Моей молоденькой сосѣдкѣ,* Я. П. Полонскаго (ibid.); *По горамъ двѣ хмурыхъ тучи,* Я. П. Полонскаго ((ibid.); *Жена Австрійца.* Изъ Берте, П. М. Ковалевскаго (ibid.); *Побѣдитель* (изъ Барбье), его-же (ibid.); 19 *октября* 1858 *г.* (памяти Пушкина), А. Н. Апухтина (№ 11); *Memento mori,* его-же (ibid.); *Изъ Ленау,* его-же (ibid.); *Вильямъ Радклиффъ.* Драматическая баллада Генриха Гейне. Перев. А. Н. Плещеева (ibid.); *Смерть весны,* Н. Ѳ. Щербины (ibid.); *Неаполитанское утро,* А. Н. Майкова (ibid.); *Адъ. Сцена изъ «Фауста» Марло, драматическаго писателя XVI вѣка,* Д. И. Ль—ева (ibid.).

Въ Русскомъ вѣстникѣ: *Вечеромъ,* К. К. Павловой (№ 17); «*Среди событій ежечасныхъ*», ея-же (ibid.); *Д** (изъ сонетовъ Мицкевича), Н. В. Берга (№ 20); *Дорога,* М. Н. Розенгейма (ibid.); *Мадонна,* А. Н. Майкова (№ 21); «*Когда придетъ пора для новыхъ поколѣній*», А. М. Жемчужникова (ibid.); *Три признанія,* его-же (№ 22); *Смерть Сида* (изъ народныхъ Испанскихъ романсовъ), Н. В·

Берга (ibid.); *А**. П. И. Капниста (ibid.); *Спутница Фея*, К. К. Павловой (№ 23); *Деревня* (изъ Горація Еродоп. II), Н. В. Берга (ibid.); *Элегія*, Н. П. Грекова (№ 24); *М. Ѳ. К.*, его-же (ibid.).

Въ Русскомъ инвалидѣ: 8 *сентября* (№ 215).

Въ Сѣверной пчелѣ: *Стихи, посвященные Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, Атаману всѣхъ казачьихъ войскъ, въ день совершеннолѣтія Его Высочества*, К. казака Студенякина (№ 194); *Въ день совершеннолѣтія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Престола* (ibid.).

Въ Народномъ чтеніи: *Утопленникъ*, М. Розенгейма (книжк. I); *Малороссійскія стихотворенія*, А. Плещеева (ibid.); *Удаль и забота*, И. Никитина (книжк. V); *Могила дитяти*, его-же (ibid.); *Не гляди ты въ даль*, Ивана Миронова (ibid.); *Малороссійское стихотвореніе* Т. Ш. (ibid.); *Сказка о дѣдушкѣ январѣ и бѣдной сиротинушкѣ*. Посвящ. графу Ѳ. П. Толстому, Марьи Каменской (книжк. VI); *Ярко звѣздъ мерцанье*, И. Никитина (ibid.); *Одинъ у другого питаемъ*, Т. Ш. (ibid.); *Переводъ послѣдняго стихотворенія*, Н. Курочкина (ibid.); *Не помочь мнѣ*, Ив. Миронова (ibid.).

Прозаическія произведенія въ обозрѣваемый періодъ были слѣдующія:

Въ Отечественныхъ запискахъ: *Саламандра*, пов. Я. А. Марченко (№ 9); *Исторія одного лекаря*, Ногайскаго (№ 10); *Село Степанчиково и его обитатели*. Изъ записокъ неизвѣстнаго. Романъ Ѳ. М. Достаевскаго (№ 11 и 12); *Недописанная тетрадь*, В. Крестовскаго (№ 12).

Въ Современникѣ: *Вопросъ*. Разсказъ Ер. Б—ша (№ 9); *Записки моего отца* (Разсказы о старомъ времени), П. Аренбашева (ibid.); *Полиціймейстеръ Бубенчиковъ*. Пов. М. А. Филиппова (№ 10); *Путевыя впечатлѣнія ипохондрика*, П. М. Ковалевскаго (ibid. № 11); *Очерки народнаго быта*, Н. В. Успенскаго (ibid.); *Пенсильванцы и Каролинцы* (второй разсказъ изъ замѣтокъ губернскаго депутата), А. Скавронскаго (ibid.); *Петербургская жизнь*. Замѣтки новаго поэта (ibid. № 11 и 12); *Задушевная исповѣдь*. Назидательная быль Н. П. Макарова (№ 11); *Двѣ карьеры*. Повѣсть А. Н. Плещеева (№ 12); *Частный приставъ*, П. Н. Вивѣанскаго (ibid.); *Простые люди*, Н. П. Пр—го (ibid.).

Въ Русскомъ вѣстникѣ: *Воля въ горахъ*, П. С. Сретковича (№ 17); *Тріо*. Повѣсть С. А. Рачинскаго (ibid.); *Болѣзни воли*. Ро-

манъ Ѳ. М. Толстаго (№ 18 и 19); *Племянницевъ.* Повѣсть А. Н. Плещеева (№ 21, 22 и 23); *За чайнымъ столомъ.* Разсказъ К. К. Павловой (№ 24).

Въ Архивѣ историческихъ и практическихъ о Россіи свѣдѣній (кн. IV): *Сынъ.* Разсказъ изъ временъ XVII вѣка, Н. И. Костомарова.

Въ Сѣверной пчелѣ: Глава изъ романа А. Надеждина: *Блудный сынъ* (№ 260).

Въ Народномъ чтеніи: *Пожарная складчина,* Новгородскаго садовника (книжк. I); *Антипъ,* Кушнерева (ibid.); *Третій день свѣтлаго праздника,* А. Д. З. (книжк. V); *Сказки,* М. М. Михайлова: 1) *Думы,* 2) *Два мороза.* 3) *Волга и Вазуза,* 4) *Трое дорожныхъ* (ibid.); *Зимніе кормы,* Новгородскаго садовника (книжк. VI); *Разсказы о землѣ,* М. Лучницкаго (ibid.); *Что такое книга?* С. Максимова (ibid.).

Въ Чтеніи для солдатъ: *Повѣсть о томъ, какъ отецъ невѣсты побился объ закладъ съ женихомъ,* В. К—аго (кн. V); *Казачья жизнь на Кавказѣ* (ibid.); *Царская милость,* В. К—го (кн. VI); *Примѣрное самопожертвованіе Русскаго солдата,* В. Савинова (ibid.); *О Французскихъ зуавахъ,* Г. Кр...на (ibid.).

Изъ переводныхъ сочиненій замѣтимъ слѣдующія:

Въ Отечественныхъ запискахъ: *Повѣсть о двухъ городахъ.* Романъ Чарльза Диккенса (№ 9, 11 и 12); *Адамъ Бидъ.* Романъ Джоржа Эліота (№ 9—12).

Въ Современникѣ: *Виргинцы.* Романъ В. М. Тэккерея. (№ 9, 11 и 12).

Въ Русскомъ вѣстникѣ: *Адамъ Бидъ.* Романъ Джорджа Эліота VII—LX (№ 18—24).

Въ Московскихъ вѣдомостяхъ: *Окружной судья.* Разсказъ Нѣмецкаго писателя П. Гейзе (№ 22).

Въ газетѣ Кавказъ *Вождю побѣдителю,* Ив. Керселидзе (№ 70).

XII. Свободныя художества.

По разнымъ отраслямъ свободныхъ художествъ мы встрѣтили слѣдующія статьи: *Древне-Русская борода,* Ѳ. И. Буслаева (От. зап. № 10); *Одинъ изъ проектовъ для памятника тысячелѣтію Россіи.* О. (Русск. Вѣстн. № 22); *Фотографія и ея разнооб-*

разныя примѣненія (Русск. инв. № 192); *Музыка въ историческомъ отношеніи* (ibid. № 200); *Юбилей Н. И. Уткина* (Сѣв. пч. № 277); *Московскія художественныя извѣстія* А. А—ва (Моск. вѣд. № 290 и 306).

— «Древне-Русская борода».—Сказавъ нѣсколько словъ о томъ, какъ въ классическомъ мірѣ развивались типы Греческихъ божествъ въ техническомъ и идеальномъ отношеніи, авторъ кратко, но съ знаніемъ дѣла очертилъ развитіе христіанскаго искуства въ отношеніи къ чертамъ лица, особенно бороды, которая въ иконописныхъ подлинникахъ занимаетъ видное мѣсто.—«Какъ идеальный, юношественный типъ античнаго искусства, говоритъ авторъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ формѣ скульптурной, такъ и строгій взглядъ благочестиваго иконописца на духовную красоту христіанскихъ идеаловъ требовалъ болѣе широкой и разнообразной формы живописной. Пока въ древнѣйшемъ христіанскомъ искуствѣ еще не утвердилось начало правдоподобія, до-тѣхъ-поръ могла въ немъ господствовать античная скульптурная форма. Этимъ скульптурнымъ началомъ объясняется юный типъ Христа. Иконоборство, нанесшее столько вреда христіанскому искусству, ограничивъ въ немъ развитіе скульптуры, особенно въ Византіи и потомъ у насъ, все-же много способствовало къ самостоятельному процвѣтанію строгаго стиля Византійской живописи. Съ достовѣрностью можно полагать, что только вслѣдствіе новыхъ идей, возникшихъ въ эпоху иконоборства, стало распространяться въ иконописи начало подобія или правдоподобія. Это начало чисто-живописное, потому-что только самымъ подробнымъ воспроизведеніемъ цвѣта лица и волосъ на головѣ, отдѣлкою бороды и бровей, даже выраженіемъ самого взгляда, можно было художнику достигнуть полнаго подобія. Сверхъ-того, мелочная отдѣлка бороды и волосъ на головѣ особенно была сподручна миньятюристамъ, отъ которыхъ распространилась и утвердилась и въ древне-Русской иконописи. Такимъ образомъ, кажется, за бородою слѣдуетъ признать не только право на живописное ея возсозданіе, но и особенное, опредѣленное мѣсто въ исторіи живописи, особенный моментъ въ развитіи живописныхъ христіанскихъ типовъ. Только искусство, упорно остановившееся на старыхъ преданіяхъ, каково было древне-Русское, только наивный миньятюрный стиль могъ примириться съ мелочными предписаніями иконописныхъ подлинниковъ. Борода, заключаетъ авторъ, занимающая такое важное мѣсто въ Греческомъ и

Русскихъ подлинникахъ, стала, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, символомъ Русской народности, Русской старины и преданія. Ненависть къ Латинству, ведущая свое начало въ нашей литературѣ даже съ XI вѣка, и потомъ, впослѣдствіи, ближайшее знакомство и столкновеніе нашихъ предковъ съ западными народами въ XV и особенно въ XVI вѣкѣ, способствовали Русскому человѣку къ составленію понятія о томъ, что борода, какъ признакъ отчужденія отъ Латинства, есть существенный признакъ всякаго православнаго, и что бритье бороды — дѣло неправославное, еретическая выдумка на соблазнъ и растлѣніе добрыхъ нравовъ. Уже въ XV вѣкѣ Русская земля замѣтно помутилась иностранными обычаями. Въ XVI вѣкѣ чужеземныя нововведенія до того уже были сильны, что Стоглавъ энергически возстаетъ противъ нихъ, призывая православный народъ къ соблюденію своихъ родныхъ, благочестивыхъ обычаевъ, которые начинаетъ вытѣснять богомерзкая еретическая новизна. Вовопросъ былъ рѣшенъ такъ круто, что благочестивому человѣку не оставалось никакого сомнѣнія въ выборѣ между родною стариною и чуждыми нововведеніями. Все новое и чужое запечатлѣно клеймомъ проклятія и вѣчной гибели; все-же свое, родное, испоконъ-вѣку идущее по старинѣ и преданію, свято и спасительно. Это религіозно-національное воззрѣніе было примѣнено и къ костюму. Возбраняя православнымъ носить мухаммеданскія тафьи, Стоглавъ, въ гл. 39-й, присовокупляетъ: «за неже чюже есть православнымъ таковая носити, безбожнаго Бахмета преданіе. О таковыхъ бо священныя правила возбраняютъ; и не подобаетъ православнымъ поганскихъ обычаевъ вводити, отъ священныхъ правилъ, въ коейждо убо рече, странѣ законы и отъ чина, а не преходятъ другъ ко друзей, но своего обычая каяждо законъ держитъ. Мы же, православніи, законъ истинный отъ Бога пріимше, розныхъ странъ беззаконіи оскверняхомся, обычая злаго отъ нихъ пріимше: тѣмъ же отъ тѣхъ странъ томимы есмы». Нововведенія, хлынувшія на Русь, не могли не зацѣпить такой видной принадлежности Русскаго костюма, какъ борода, которую столько холили и лелѣяли наши иконописныя преданія. Бритье бороды разомъ нарушало и православныя преданія, и народный обычай. По понятіямъ не только XVI вѣка, но и XVII, Русскій человѣкъ, сбрившій себѣ бороду, становился не только неправославнымъ, но и нерусскимъ. Древняя Русь не имѣла эстетическихъ воззрѣній, отрѣшенныхъ отъ начала религіознаго и жизненнаго, практиче-

сваго; потому эстетическую симпатію къ бородѣ она объясняла себѣ только преданностью къ православію и народности. Въ наше время смотрятъ на эстетическіе факты среднихъ временъ (которые у насъ тянулись вплоть до Петра-Великаго) нѣсколько шире и, конечно, гораздо-основательнѣе и глубже. Потому 40-я глава Стоглава о *стриженіи брады*, безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ въ настоящее время гораздо-больше смысла въ исторіи художественныхъ идей древней Руси, нежели въ какомъ-бы то ни было другомъ отношеніи. «Также священныя правила (говоритъ Стоглавъ въ этой 40-ой гл.) православнымъ христіяномъ всѣмъ возбраняютъ, ни брити брадъ и усовъ, ни постригати. Таковая бо нѣсть православныхъ, но латынская и еретическая преданія, греческаго царя Константина Ковалина. И о семъ апостольская и отеческая правила вельми запрещаютъ и отрицаютъ. Правило святыхъ апостолъ сице глаголетъ: аще кто браду брѣетъ, и преставится тако, не достоитъ надъ нимъ служити, ни сорокоустія по немъ пѣти, ни просвиры, ни свѣщи по немъ въ церковь не приносити; съ невѣрными да причтется: отъ еретикъ бо се навыкоша. О томъ же правило 11-е шестаго собора, иже въ Труллѣ Полатнемъ, о стризаніи брадъ: что же о постриженіи брады, не писано ли есть въ законѣ: не постризайте брадъ вашихъ? себо женамъ лѣпо, мужемъ же не подобно. Создавый Богъ судилъ есть, Моисеови бо рече: пострizало да не взыдетъ на браду вашу; себо мерзость есть Господеви; ибо отъ Константина царя Ковалина еретика се узаконено есть; на томъ бо всѣ знаютъ, яко еретическія слуги, иже суть брады имъ пострізаны. Вы же се творяще, человѣческаго ради угодія, противящеся закону Божію, ненавидими будете отъ Бога, создавшаго насъ по образу своему...» и проч. Въ осмѣяніе брадобритія были пущены въ ходъ разныя басни, напр. о козлѣ, который самъ лишилъ себя жизни, когда былъ онъ поруганъ обрѣзаніемъ бороды, или о дивьемъ волѣ, который, когда зацѣпитъ хвостомъ за дерево либо за камень, станетъ недвижимъ, жалѣя потерять даже одинъ волосокъ изъ своего хвоста; а туземцы, заставъ его, отсѣкаютъ и весь хвостъ: «и сей бо разумъ иматъ власы беречи, наипаче безумныхъ брадобрійцевъ арменъ и прочихъ подобныхъ имъ». Кромѣ-того, въ томъ-же словѣ о брадобритіи, святость хренія древнихъ обычаевъ подтверждается національными святыми: «Еллинъ убо сіе и иныхъ нехристіанскихъ народовъ гнусное дѣло, яко показуется отъ повѣсти о святыхъ новоявленныхъ мучени-

цѣхъ Антонія и Іоаннѣ и Евстафіи, самобратіяхъ: тіи бо по принятіи святаго крещенія пострадаша въ Вильнѣ за брадобритіе и ношеніе тафей отъ нехристіанскаго еще литовскаго князя Олгерда». Другое слово о брадобритіи въ сборномъ подлинникѣ графа С. Г. Строганова оканчивается слѣдующимъ энергическимъ воззваніемъ, очень любопытнымъ для исторіи иконописи: «Взирайте часто на икону страшнаго втораго Христова пришествія, и видите праведныя въ деснѣй странѣ Христа стоящи, вси имущи брады; на шуей же стоящіи бесермены и еретики, люторы и поляки и иныя подобныя имъ брадобритенники, точію имущія едины усы, яко имутъ котки и псы. Внемлите, кому подобны себе творите, и въ коей части написуетеся! Ниже бо есть мужіе, ниже жены, яко глаголетъ мудрый Зонара: въ естество убо мужа создавшу Богу человѣка тіи во ино естество чюжеродное себѣ самыя претворяютъ... иже творятъ грѣхъ смертный, образъ мужескій тляще. Ниже сихъ ради всѣхъ не подобаетъ вамъ православнымъ сущимъ, отнюдь пріимати еретическаго сего и злодѣйскаго знаменія, но паче гнушатися имъ лѣпо, и удалятися отъ него, яко отъ нѣкія мерзости». Итакъ, филиппики эти противъ брадобритія, помѣщаемыя въ Русскихъ подлинникахъ, какъ было уже замѣчено, достаточно подтверждаютъ нашу мысль о высокомъ значеніи бороды въ Византійской и древне-Русской живописи. Согласно убѣжденіьая иинѣшняго вѣка, художественная характеристика получила характеръ религіозный и нравственный и усвоена была Русской народности, въ противоположность чужеземному еретичеству. Тѣмъ необходимѣе казались эти раскольничьи выходки противъ бороды, что самая живопись Русская въ XVI и особенно въ XVII вѣкѣ, подъ вліяніемъ западнымъ, стала погрѣшать въ отношеніи этой завѣтной художественно-религіозной національной характеристики. Такъ, въ той-же лицевой рукописной библіи графа Уварова, отличающейся, какъ показано выше, признаками глубокой древности иконописнаго преданія, встрѣчаются уже и странныя нововведенія западныя. Самое рѣзкое и очень-важное для предмета нашей статьи—это изображеніе Каина и Авеля, не только въ Польскихъ костюмахъ, но даже съ усами и безъ бородъ. Правда, что *вислоухіе* (и по живописному представленію, и по эпитету народной поэзіи) Татары, какъ народъ неправославный, равно и всякая другая нехристь, въ миньятюрахъ XVII и даже XVIII вѣка, согласно раскольничьему ученію Русскаго подлинника, предста-

вляются безбородыми; даже безбородіе чертей, кромѣ вышеприведеннаго основанія, можетъ быть объяснено и позднѣйшими Русскими толкованіями; но все-же наплывъ западнаго вліянія на Русскую живопись въ XVII вѣкѣ былъ такъ силенъ, что Византійско-Русская борода не могла уже сохранить своей завѣтной неприкосновенности въ произведеніяхъ Русскихъ мастеровъ XVII вѣка. Этимъ-то святотатственнымъ нарушеніемъ живописнаго преданія о бородѣ объясняется настоятельная необходимость помѣщенія, въ позднѣйшихъ Русскихъ подлинникахъ, вышеприведенныхъ статей о брадобритіи. Это, можно сказать, послѣдній предсмертный крикъ вѣками возлелѣяннаго брадолюбія. Въ этомъ крикѣ слышится уже ожесточеніе раскола, неспособнаго ни къ какимъ художественнымъ воззрѣніямъ, и съ тупымъ упрямствомъ поклоняющагося бородѣ, будто какому идолу. Таковъ былъ печальный исходъ художественной исторіи бороды въ древней Руси. Эта характеристическая особенность художественнаго типа стала безсмысленнымъ *знаменіемъ* всякаго нравственнаго коснѣнія и раскола. Все-же, не смотря на всю тупость раскольничьяго бородолюбія, нельзя не замѣтить одной, нѣкоторымъ образомъ, трогательной черты, впрочемъ, въ смѣшномъ фактѣ о выкупѣ права на ношеніе бороды и о полученіи на это право медали. Почему-бы то ни было, хотя-бы ради тупаго, безсмысленнаго пристрастія къ старинѣ и народности, все-таки Русскій человѣкъ дорожилъ своимъ иконописнымъ знаменіемъ, готовъ былъ дать за него выкупъ и подвергаться насмѣшкамъ современниковъ, во имя какой-то смутно-мерцавшей идеи, получившей для себя самое ограниченное, странное выраженіе въ наивномъ символѣ бороды. Сверхъ-того, замѣчательно уже и то обстоятельство, что въ эпоху Петра Великаго народная практическая эстетика заявила оппозицію противъ реформы по преимуществу бородою. Впрочемъ, Византійское упорство бороды встрѣтило себѣ въ Руси Петровской точно такое-же упорство брадобритія. То-же косненіе, та-же обрядность, только направленная въ противоположную сторону, даже то-же самое возведеніе на высокую степень долга и обязанности, только не Византійской и древне Русской-бороды, а западнаго брадобритія. Потому-то выкупъ бороды ставилъ въ смѣшное положеніе не только выкупавшихъ, но и продавшихъ это право».

VII.

НОВОСТИ И СМѢСЬ.

I.

НОВОСТИ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

Броженіе (*). Премія опытной физіологіи за прошлый годъ присуждена Парижскою академіею Пастеру, за его труды надъ броженіемъ. Клодъ Бернаръ оцѣниваетъ ихъ слѣдующимъ образомъ.

«Изучая физіологію, нельзя не удивляться безконечному разнообразію жизненныхъ явленій. Каждое живое существо первоначально одушевлено особою способностію, развивающею и поддерживающею его органы, умножающею и измѣняющею эти органы и ихъ свойства по мѣрѣ того, какъ органическая система усложняется и возвышается, усовершая свои отправленія. Но, во все продолженіе своей индивидуальной жизни, органическое существо въ то-же время подчинено общимъ законамъ среды, его окружающей; такъ-что во всѣхъ его жизненныхъ проявленіяхъ непремѣнно происходятъ явленія механическія или физико-химическія. Напримѣръ, у высшихъ животныхъ нервныя и мускульныя нити составляютъ дѣятельные элементы всѣхъ формъ движеній и ощущеній. Кровь и другія животныя жидкости представляютъ зрѣлище безпрерывныхъ метаморфозъ и органическихъ обновленій. Но эти

(*) Comptes rendus. 1860, T. L. p. 220.

первыя данныя были-бы совершенно недостаточны, если-бы физіологъ не старался потомъ понять, при помощи механики, явленія передвиженія, при помощи физики — различные способы дѣйствія органовъ чувствъ, при помощи химіи — процессы измѣненія веществъ, тѣсно связанные съ главными явленіями жизни.

«Понятно поэтому, какъ много познаній долженъ имѣть физіологъ, чтобы достигнуть до познанія всѣхъ условій физіологическаго явленія: 1) анатомія научаетъ его формѣ и строенію органовъ; 2) живосѣченіе изслѣдуетъ на живомъ организмѣ игру его частей и старается опредѣлить ихъ отправленіе; 3) наконецъ опытный анализъ обособляетъ каждую часть явленія и приводитъ ее къ объясненію, сообразному съ ея механической, физической или химической природой».

Трудъ Пастёра касается именно нѣкоторыхъ химическихъ дѣйствій организмовъ, дѣйствій, вообще называемыхъ *броженіемъ.*

«Не входя въ общее опредѣленіе слова *броженіе*, что представило-бы намъ значительныя затрудненія, напомнимъ только, что съ давняго времени извѣстно, что въ животной и растительной организаціи являются новыя химическія вещества, вслѣдствіе дѣйствія на прежнія вещества извѣстныхъ особыхъ дѣятелей, называемыхъ *ферментами.* Каково-бы ни было мнѣніе касательно вопроса, есть-ли ферментъ вещество организованное, или только органическое, тѣмъ не менѣе остается фактомъ, что ферментъ всегда происходитъ отъ существа, которое живетъ или жило. Поэтому, броженіе есть явленіе входящее въ рядъ физіологическихъ явленій; и, хотя изученіе ферментовъ часто давало химіи драгоцѣнныя указанія на раздвоеніе и разложеніе тѣлъ, физіологъ долженъ признать, что эти изысканія представляютъ изслѣдованіе химическихъ дѣятелей, играющихъ физіологическую роль. На самомъ дѣлѣ, ферменты не представляя сами по себѣ никакой значительной химической энергіи, могутъ въ живыхъ существахъ производить, и именно въ условіяхъ, сообразныхъ съ жизнью, часто весьма значительныя разложенія, при чемъ органическія ткани ни сколько не страдаютъ отъ подобныхъ реакцій.

«Опыты Пастёра касаются броженія виннаго, молочнаго и броженія виннокаменной кислоты и изомерныхъ съ нею тѣлъ.

«Броженіе, называемое виннымъ, есть броженіе сахара подъ вліяніемъ фермента, называемаго пивными дрожжами.

«Мы не будемъ разсматривать, какимъ образомъ во время бро-

женія элементы сахара разъединяются и группируются, образуя новыя тѣла. Но, если мы посмотримъ, что происходитъ въ то-же время съ ферментомъ, вызывающимъ эти явленія, то увидимъ, что онъ подвергается замѣчательнымъ перемѣнамъ. Пастёръ, подобно Каньяръ-де-Латуру, считаетъ пивныя дрожжи организованнымъ тѣломъ; перемѣны, которымъ это тѣло подвергается во время виннаго броженія, онъ считаетъ существенно жизненными явленіями и онъ показываетъ, что химическія явленія броженія связаны съ постояннымъ физіологическимъ обновленіемъ дрожжей; откуда слѣдуетъ, что во время виннаго броженія, изъ сахара происходятъ не только химическія вещества, отдѣляющіяся, или растворенныя въ жидкости, но что въ то-же время часть сахару входитъ въ составъ дрожжей въ видѣ клѣтчатки, другая часть въ видѣ жирнаго вещества, тогда какъ азотъ прежнихъ дрожжей служитъ для возобновленія новыхъ. Пастёръ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ весьма любопытный опытъ, сводящій физіологическія условія на самыя простыя отношенія, какія только могутъ связывать живыя существа съ неорганическою природою. На самомъ дѣлѣ Пастёръ показалъ, что шарики пивныхъ дрожжей развиваются, умножаются, и что сахаръ бродитъ, если посѣять эти шарики почти въ невѣсомомъ количествѣ въ смѣсь, образованную: 1) изъ раствора чистаго сахара кандиса; 2) изъ какой нибудь амміачной соли, напримѣръ, изъ пряиаго винно-каменно-кислаго амміака; 3) изъ фосфорно-кислыхъ минеральныхъ веществъ. Тогда амміакъ исчезаетъ и превращается въ сложное бѣлковинное вещество дрожжей, между-тѣмъ-какъ фосфорнокислыя соли даютъ новымъ шарикамъ ихъ минеральныя начала. Что касается до углерода, входящаго въ составъ дрожжей, то онъ очевидно происходитъ изъ сахара, котораго присутствіе оказывается необходимымъ въ явленіяхъ органическаго развитія.

«Молочное броженіе есть броженіе сахара, въ которомъ главный продуктъ есть молочная кислота, часто являющаяся въ органическихъ жидкостяхъ, даже у высшихъ животныхъ. Прежде Пастёра молочный ферментъ обыкновенно считали не за организованное тѣло, но за органическое, разлагающееся вещество. Пастёръ открылъ и указалъ признаки особенныхъ молочныхъ дрожжей, имѣющихъ меньшіе размѣры, чѣмъ пивныя дрожжи. Во время молочнаго броженія эти дрожжи даютъ почки и размножаются совершенно сходно съ пивными дрожжами.

«Относительно броженія винно-каменной кислоты и сродныхъ съ нею тѣлъ, Пастёръ достигъ результатовъ, совершенно неожиданныхъ и имѣющихъ большой интересъ не только для химиковъ, но и для физіологовъ. Именно, приведя въ условія броженія вмѣстѣ съ бѣлковинными веществами и при надлежащей температурѣ паратартратъ амміака, образованный соединеніемъ лѣваго и праваго винно-каменно-кислаго амміака и не дѣйствующій на поляризованный свѣтъ, экспериментаторъ нашелъ, что тотчасъ обнаруживаются явленія броженія и что образуются новые химическіе продукты на счетъ паратартрата. Но, что странно, элементы одной правой соли разъединяются, т.-е. бродятъ и даютъ продукты броженія, тогда-какъ при тѣхъ-же самыхъ условіяхъ лѣвая соль остается неизмѣнною и ея растворъ при этомъ очень сильно дѣйствуетъ на поляризованный свѣтъ.

«При этомъ броженіи Пастёръ также нашелъ особенныя дрожжи, свойственныя правому винно-каменно-кислому амміаку, и представляющія признаки растенія изъ отдѣла плѣсеней.

«Примѣръ этотъ показываетъ самымъ яснымъ образомъ вліяніе частичной диссиметріи органическихъ тѣлъ на явленія броженія. На самомъ дѣлѣ, иначе невозможно объяснить столь особенныя разницы, представленныя въ этомъ отношеніи винно-каменными кислотами правою и лѣвою, такъ-какъ та и другая имѣютъ совершенно-одинаковыя физическія свойства, такой-же химическій составъ и различаются только внутреннимъ строеніемъ, дающимъ ихъ частицамъ одинаковую круговую силу, но въ противоположныя стороны, и соотвѣтствующимъ ихъ различному отношенію къ ферментамъ. Не имѣя возможности въ настоящее время опредѣлить роль подобнаго свойства въ явленіяхъ жизни, физіологъ все-таки не долженъ терять изъ виду новыя понятія, вводимыя Пастёромъ въ химико-физіологическія явленія, особенно, если принять во вниманіе, что, какъ показалъ Біотъ, большая часть органическихъ естественныхъ произведеній, животныхъ и растительныхъ представляютъ частичную диссиметрію и слѣдовательно очень можетъ быть, что будущее откроетъ намъ въ этомъ отношеніи такія вліянія молекулярныхъ силъ, о которыхъ въ настоящее время мы не имѣемъ никакого понятія.

«Въ заключеніе Пастёръ разсматриваетъ химическія явленія броженія, какъ прямо зависящія отъ жизненныхъ явленій организаціи и развитія, происходящихъ въ то-же время въ организован-

ныхъ ферментахъ. Продолжая изслѣдованія въ этомъ направленіи, можно достигнуть поясненія органическихъ явленій, сопровождающихъ питаніе и развитіе тканей».

Прививка костей (*). — Г. Олье (Ollier) доказалъ опытами, что если у живаго животнаго отдѣлить кусокъ надкостной плевы какой-нибудь кости и если ввести этотъ кусокъ въ подкожную клѣтчатку того-же животнаго, или другаго недѣлимаго того-же вида, то кусокъ въ этомъ положеніи начинаетъ образовать кость и продолжаетъ жить; въ толщѣ его образуются сосуды, сообщающіеся мѣстными сосудами, какъ это можно видѣть посредствомъ нѣжныхъ инъекцій, сдѣланныхъ въ артеріи послѣ смерти. Кромѣ-того, Олье доказалъ, что эта возможность пересадки надкостной плевы сохраняется еще нѣсколько часовъ спустя послѣ смерти.

Ублюдки (**). — Любопытный вопросъ объ ублюдкахъ недавно подробно разобранъ Исидоромъ Жоффруа Сентъ-Илеромъ, въ третьемъ томѣ его новаго сочиненія: «Общая естественная исторія органическихъ царствъ» (***).

Изслѣдованія надъ ублюдками авторъ началъ уже съ самого вступленія на ученое поприще и сначала старался опредѣлить, какіе случаи помѣси, указываемые писателями (которыхъ число восходитъ до *четырехъ сотъ*), могутъ быть приняты и какіе должны быть отвергнуты наукою.

Многіе писатели, и въ числѣ ихъ, анатомы и натуралисты съ великимъ авторитетомъ, какъ напримѣръ Реомюръ, Галлеръ, Боннетъ, Блюменбахъ, Меккель, допускали существованіе помѣсей между различными отрядами и даже между различными классами; другіе напротивъ полагали, что помѣси возможны только между видами того-же рода, или даже, какъ думалъ Мортонъ, только между видами одного отдѣла того-же рода. Факты, собранные или доказанные Исидоромъ Жоффруа Сентъ-Илеромъ, удалили его и отъ чрезвычайнаго легковѣрія первыхъ и отъ чрезвычайнаго скептицизма послѣднихъ. Въ наукѣ нѣтъ ни одного достаточно доказаннаго примѣра помѣси между животными различныхъ клас-

(*) Comptes rendus. 1860, T. L. p. 224.

(**) Comptes rendus. 1860, T. L. p. 131.

(***) Сочиненіе это выходитъ у насъ въ переводѣ А. Богданова, подъ заглавіемъ: *Біологія*. Вышелъ одинъ томъ.

совъ или отрядовъ, даже между животными различныхъ семействъ, если только семейства естественны; но существуютъ несомнительные случаи помѣсей между разными родами. Въ-особенности тѣ, которыя встрѣчаются въ классѣ птицъ, не подвержены никакому сомнѣнію.

Что касается до ублюдковъ между видами того-же рода, ублюдковъ, которыхъ нѣкоторые писатели считаютъ очень рѣдкими, то въ дѣйствительности они очень обыкновенны. Въ-особенности они извѣстны у млекопитающихъ, птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ.

Между млекопитающими получили однажды въ Англіи и также въ звѣринцѣ музея въ Парижѣ, такъ-называемую двойную помѣсь, т.-е. помѣсь между ублюдкомъ двухъ видовъ и недѣлимымъ чистой крови третьяго вида.

Ублюдки происходятъ не только въ домашнемъ состояніи, но также естественно въ дикомъ состояніи. Этотъ фактъ не только былъ опровергаемъ, но было даже мнѣніе (уже опровергнутое Фредерикомъ Кювье и Флурансомъ), что ублюдки могутъ произойти только между видами, изъ которыхъ по-крайней-мѣрѣ одинъ домашній.

Чтобы разрѣшить важный вопросъ о способности ублюдковъ размножаться, Исидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ дѣлалъ многочисленные опыты: съ 1847 года онъ получилъ въ звѣринцѣ, кромѣ метисовъ собаки и волка, собаки и шакала, еще шесть другихъ плодородныхъ сочетаній ублюдковъ. Вообще, есть много ублюдковъ безплодныхъ и также ублюдковъ, весьма несовершенно плодородныхъ. Но есть также ублюдки, имѣющіе полную способность размножаться, или вмѣстѣ съ производящими ихъ видами, или между собою. Противоположное мнѣніе, приписываемое Бюффону, но высказанное Плиніемъ и сперва принятое, но потомъ три раза осужденное Бюффономъ, какъ пустой предразсудокъ, должно наконецъ исчезнуть изъ науки, какъ и другія положенія, составляющія для приверженцевъ постоянства вида классическое ученіе объ ублюдкахъ. При этомъ впрочемъ нельзя утверждать прямо на оборотъ, что всѣ ублюдки способны плодиться.

Что касается до метисовъ расъ или разновидностей того-же вида, то они оказываются всегда плодородными, хотя нѣкоторые агрономы и утверждали, что помѣси между слишкомъ различными расами неплодородны; ту-же неплодородность думали найти между

мужчинами нашей расы и женщинами нѣкоторыхъ сильно-измѣненныхъ расъ.

Уже въ 1826 году Исидоръ Жоффруа говорилъ: «ублюдки представляютъ довольно постоянные признаки, отчасти признаки матери, отчасти отца. Они могутъ походить *болѣе* на одного изъ родителей, но не могутъ быть сходны исключительно съ однимъ изъ нихъ. Не всегда это бываетъ въ случаяхъ скрещиванія двухъ разновидностей того-же вида; чаще всего помѣсь бываетъ совершенно сходна съ однимъ изъ животныхъ, которыя его произвели». То-есть, ублюдки представляютъ всегда *смѣшеніе* признаковъ; помѣси между породами также могутъ представлять это смѣшеніе, но могутъ и не представлять его. Эти два положенія Вильямъ Эдвардсъ въ 1829 г. распространилъ на антропологію и считалъ ихъ «основными и плодовитыми началами».

Лекокъ недавно распространилъ эти положенія на растительное царство. Вообще, о помѣсяхъ растеній можно сказать то-же самое, что о помѣсяхъ животныхъ.

Искусственное самосъѣданіе (*). — Извѣстно изъ опытовъ, сдѣланныхъ надъ животными, что если лишить ихъ пищи, то жизнь ихъ поддерживается нѣкоторое время на счетъ органовъ, причемъ вѣсъ животнаго постепенно уменьшается. Такимъ образомъ, питаніе здѣсь происходитъ на счетъ тѣла самого питающагося животнаго. Г. Анзельмье (Anselmier), сдѣлалъ опыты искусственнаго самосъѣданія; т.-е. животному, лишенному пищи, онъ дѣлалъ ежедневно небольшія кровопусканія и кормилъ его выпущенною изъ него кровью.

Онъ бралъ пару животныхъ, по возможности одинаковыхъ, напримѣръ по возрасту, полнотѣ, вѣсу и по обыкновенно употребляемой ими пищи; одно изъ нихъ было подвергаемо совершенному голоданью, другое питаемо собственною его кровью, извлекаемою изъ венъ. Результаты оказались слѣдующіе:

1) Совершенное лишеніе пищи уменьшаетъ у теплокровныхъ животныхъ произведеніе теплоты; такое уменьшеніе, почти ровное въ-теченіе трехъ четвертей всего времени до смерти, составляетъ около 0°,2 въ сутки. Въ-теченіе послѣдней четверти температура

(*) Comptes rendus. 1859, T. XLIX, p. 936.

понижается очень быстро и смерть наступаетъ при 23,24 градусахъ.

2) При неполномъ лишеніи пищи температура уменьшается не столь быстро, тѣмъ медленнѣе, чѣмъ болѣе количество пищи.

3) У всѣхъ теплокровныхъ животныхъ, если температура крови опускается ниже 26 градусовъ, то животное неизбѣжно умираетъ.

4) Голодная смерть есть результатъ остановки питанія, производимой послѣдовательнымъ пониженіемъ температуры, такъ-какъ произведеніе и накопленіе извѣстнаго количества теплоты есть одно изъ условій питанія животныхъ этого рода.

5) Голодная смерть не есть результатъ истощенія всѣхъ матеріаловъ, какіе могъ-бы доставить организмъ, если-бы только остановилось охлажденіе; на самомъ дѣлѣ, у животныхъ, умирающихъ вслѣдствіе совершеннаго лишенія пищи, истощеніе доходовъ среднимъ числомъ до $^4/_{10}$ всего вѣса животнаго; при неполномъ лишеніи пищи оно можетъ дойти до $^6/_{10}$ этого вѣса.

6) Уменьшеніе теплоты происходитъ отъ бездѣйствія системы желудочнаго и кишечнаго всасыванія; температура животнаго увеличивается или уменьшается, смотря по степени дѣятельности этого отправленія, и обратно всасываніе измѣняется отъ температуры, при которой оно происходитъ.

7) Если кормить животныхъ ихъ собственной кровью, то вмѣстѣ съ желудочно-кишечнею работою продолжается развитіе теплоты, ежедневное пониженіе температуры менѣе значительно, истощеніе болѣе полно и можетъ достигнуть до $^6/_{10}$ начальнаго вѣса.

8) Кровопусканіе и количество крови, идущей на пищу, должны быть тѣмъ слабѣе, чѣмъ дальше отъ начала опыта; тѣмъ скорѣе вмѣстѣ происходитъ и пищевареніе.

Если кровопусканія дѣлать чаще, то весь организмъ истощается, является нервное раздраженіе, уменьшеніе желудочно-кишечныхъ отдѣленій, необходимыхъ для пищеваренія, пониженіе температуры, наконецъ гніеніе крови, которое не допускаетъ продолженія такого рода питанія.

9) Желудочно-кишечная дѣятельность обнаруживается возвращеніемъ изверженій, возвышеніемъ и распространеніемъ теплоты и пульса, возрастаніемъ мускульной силы, уменьшеніемъ нервныхъ явленій, ощущеній голода и жажды.

10) Температура тѣла понижается среднимъ числомъ только на 0°,1 въ сутки.

11) Искусственное самосъѣданіе допускаетъ самое крайнее истощеніе, т.-е. на $^{6}/_{10}$ всего вѣса для зрѣлыхъ субъектовъ, на $^{5}/_{10}$ для среднихъ и на $^{4}/_{10}$ для молодыхъ; между-тѣмъ-какъ полное лишеніе пищи, по опытамъ Шосса́ и также Анзельмье, не допускаетъ болѣе $^{5}/_{10}$ для взрослыхъ животныхъ, $^{4}/_{10}$ для среднихъ и $^{2}/_{10}$ для молодыхъ.

12) Искусственное самосъѣданіе значительно продолжаетъ жизнь; среднимъ числомъ это продолженіе составляетъ $^{4}/_{10}$ жизни безъ всякой пищи, т.-е. почти половину.

Опыты надъ произвольнымъ зарожденіемъ (*). Пастёръ сдѣлалъ новые опыты касательно появленія организмовъ въ жидкостяхъ съ органическими веществами, опыты, отличающіеся большою точностію.

Сперва онъ старался изучить микроскопически воздухъ. Посредствомъ воднаго аспиратора онъ заставлялъ воздухъ проходить черезъ трубку, гдѣ находился клочекъ хлопчато-бумажнаго пороха, растворимаго въ смѣси алкоголя и эѳира. Эта хлопчатая бумага останавливаетъ часть твердыхъ тѣлъ, заключающихся въ воздухѣ. Растворивъ ее потомъ въ маленькой трубкѣ въ смѣси алкоголя и эѳира, и оставивъ растворъ въ покоѣ на цѣлыя сутки, можно собрать всю пыль на днѣ трубки и промыть ее безъ малѣйшей потери, если только между промывками дать ей отстаиваться отъ 12 до 20 часовъ. Тогда собранную пыль можно перемѣстить на часовое стекло; остатки жидкости быстро испаряются. Такимъ образомъ можно легко изслѣдовать въ микроскопъ собранную пыль и подвергать ее различнымъ реактивамъ.

Оказывается, что въ обыкновенномъ воздухѣ всегда существуютъ въ различныхъ количествахъ тѣла, которыя по формѣ и по строенію явно принадлежатъ къ органическимъ тѣламъ. Эти крупинки, подобны тѣмъ, которыя найдены въ пыли, отлагающейся на поверхности предметовъ. Совершенно справедливо, какъ это нашелъ и Пуше въ обыкновенной пыли, что между этими крупинками встрѣчаются крупинки крахмала, но сравнительно число ихъ весьма незначительно. Это легко доказать, промывая въ сгущенной сѣрной кислотѣ пыль, собранную указаннымъ способомъ. Крупинки крахмала растворяются въ нѣсколько мгновеній и большая часть другихъ крупинокъ нисколько не измѣняется въ сво-

(*) Comptes rendus. 1860, T. L. p. 303.

ихъ формахъ и въ объемѣ. Многія даже въ-теченіе нѣсколькихъ дней не подвергаются дѣйствію сгущенной сѣрной кислоты. Вѣроятно, это споры изъ отдѣла Mucedineae. На самомъ дѣлѣ ту-же нерастворимость нашелъ Пастёръ въ этихъ спорахъ, развившихся обыкновеннымъ образомъ.

Итакъ, воздухъ во всѣ времена года заключаетъ въ себѣ организованныя частицы. Суть-ли эти частицы плодородные зачатки растеній, или инфузоріи? Вотъ вопросъ, который должно было разрѣшить.

Пастёръ употребилъ для этого весьма точную методу. Въ балонъ, имѣющій около 300 кубическихъ сантиметровъ объема, онъ ввелъ отъ 100 до 150 сантиметровъ воднаго раствора сахару и бѣлковинныхъ веществъ, такъ-что на сто частей воды приходилось 10 частей сахару и 0,2—0,7 бѣлковинныхъ и минеральныхъ веществъ, извлеченныхъ изъ пивныхъ дрожжей.

Вытянутое отверстіе балона сообщалось съ платиновою трубочкою, накаленною до красна. Жидкость кипятили впродолженіе двухъ или трехъ минутъ, за тѣмъ ей давали вполнѣ охладиться. Такимъ образомъ балонъ наполнялся прожженнымъ воздухомъ при обыкновенномъ давленіи. За тѣмъ его запаивали.

Балонъ оставался потомъ въ ваннѣ при постоянной температурѣ отъ 28 до 32 градусовъ и оказалось, что въ немъ не происходитъ ни малѣйшаго измѣненія. Спустя мѣсяцъ или полтора, Пастёръ, не открывая балона, прилаживалъ его къ слѣдующему прибору: 1) широкая стеклянная трубка, въ которой свободно лежала маленькая, открытая съ концовъ трубка, наполненная клоками хлопчатой бумаги съ атмосферною пылью; 2) трубка въ видѣ буквы Т съ тремя кранами: одинъ сообщается съ воздушнымъ насосомъ, другой съ платиновой трубкой, нагрѣтой до красна, третій съ широкою трубкою, о которой сказано выше. Закрывши кранъ, сообщающійся съ платиновой трубкой, выкачиваютъ воздухъ. Потомъ этотъ кранъ открывается и въ трубку постепенно входитъ прокаленный воздухъ. Выкачиваніе и наполненіе продолжаются попеременно отъ десяти до двѣнадцати разъ. Такимъ образомъ маленькая трубка съ хлопчатою бумагою наполняется прокаленнымъ воздухомъ до малѣйшихъ промежутковъ бумаги и вмѣстѣ сохраняетъ свою пыль. Тогда запаянный конецъ балона отламывается черезъ каучукъ и маленькая подвижная трубка передвигается, такъ-что падаетъ въ балонъ. Тогда балонъ снова запаи-

вается и становится въ ванну. И постоянно вслѣдъ за тѣмъ въ балонѣ являются организмы. Вотъ обстоятельства опытовъ, наиболѣе замѣчательныя:

1) Органическія произведенія появляются всегда спустя сутки или тридцать шесть часовъ. То-же самое время необходимо для того, чтобы они развились въ той-же жидкости при свободномъ доступѣ воздуха.

2) Чаще всего плѣсень развивается въ маленькой трубкѣ и наполняетъ собою ея концы.

3) Развиваются тѣ-же организмы, какъ и при обыкновенномъ воздухѣ. Изъ инфузорій — bacterium, изъ Mucedineae Penicilium, ascophora, aspergillus и многіе другіе роды.

4) Точно также какъ и при обыкновенномъ воздухѣ является то одинъ, то другой родъ, такъ и при этихъ опытахъ развиваются различныя плѣсени.

Такимъ образомъ доказано, что въ пыли воздуха всегда встрѣчаются организованныя тѣла и что если привести эту пыль въ прикосновеніе съ надлежащею жидкостію, то, при атмосферѣ совершенно бездѣйственной, происходятъ различные организмы, тѣ самые, которые развились-бы при свободномъ доступѣ обыкновеннаго воздуха.

Но не участвуетъ-ли здѣсь хлопчатая бумага, какъ вещество тоже органическое? И что было-бы, если-бы тотъ-же опытъ повторить не вводя воздушной пыли?

Пастёръ замѣнялъ хлопчатую бумагу горнымъ льномъ и получилъ тѣ-же результаты; но если не было воздушной пыли, то въ жидкости ничего не образовывалось.

Слѣдующіе опыты подтверждаютъ и расширяютъ предъидущіе результаты.

Въ нѣсколько балоновъ наливается та-же, способная къ броженію жидкость въ одинаковомъ количествѣ. Шейки балоновъ вытягиваются и загибаются различнымъ образомъ, но всѣ балоны оставляются открытыми, такъ-что отверстіе составляетъ одинъ или два квадратныхъ миллиметра. Большую часть балоновъ Пастёръ нагрѣвалъ до кипяченія въ-теченіе нѣсколькихъ минутъ. Только три или четыре оставались не кипяченными. Потомъ всѣ они оставлялись въ тихомъ мѣстѣ.

Спустя одни или двои сутки, смотря по температурѣ, жидкость балоновъ, не кипяченная въ нихъ (но при своемъ приготовленіи

нагрѣтая до 100°) мутится и мало-по-малу покрывается различною плѣсенью. Въ другихъ балонахъ жидкость остается прозрачною не только нѣсколько дней, но впродолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Всѣ балоны однакожь открыты; безъ всякаго сомнѣнія, изгибы и завороты ихъ шеекъ препятствуютъ паденію органическихъ зачатковъ. Правда, сначала воздухъ быстро вошелъ въ эти балоны; но въ это время жидкость, слишкомъ горячая и не вдругъ охлаждающаяся, разрушала зачатки, приносимые воздухомъ; а потомъ, когда жидкость охладѣла и развитіе ихъ стало возможно, воздухъ входилъ медленно и пылинки падали при отверстіи или приставали къ внутреннимъ стѣнкамъ изгибовъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, если обрѣзать шейку одного изъ такихъ балоновъ и поставить отверстіемъ прямо къ верху, то черезъ день или черезъ два жидкость производитъ плѣсень или наполняется бактеріями.

Шеврёль уже дѣлалъ нѣкогда подобные опыты.

Пріемы, употребляемые Пастёромъ, не позволяютъ сомнѣваться въ истинѣ выводовъ. Изъ нихъ видно также, что кромѣ своей пыли воздухъ не содержитъ никакого другаго условія организаціи. Кислородъ служитъ только для поддержанія жизни уже существующихъ зачатковъ. Газы, жидкости, электричество, магнетизмъ, озонъ, извѣстные или неизвѣстные дѣятели, заключающіеся въ воздухѣ, все это недостаточно для образованія организмовъ безъ зародышей.

Пастёръ предполагаетъ подобнымъ образомъ изучить другія жидкости, и появленіе другихъ растеній и инфузорій.

Различіе въ эквивалентѣ теплоты (*). — Баумгартнеръ представилъ Вѣнской академіи наукъ мемуаръ о видимомъ различіи эквивалентовъ теплоты, наблюдаемомъ въ газахъ различнаго состава.

Изъ всѣхъ физическихъ открытій нашего времени, говоритъ онъ, важнѣйшее по важности своихъ слѣдствій, безъ сомнѣнія, есть открытіе начала пропорціональности между теплотою и ея полезнымъ дѣйствіемъ. Поэтому чрезвычайно важно доказать этотъ законъ при всѣхъ частныхъ случаяхъ. Его можно выразить такъ: *Если полезное дѣйствіе переходитъ въ теплоту или на оборотъ, то какъ-бы ни совершался переходъ, то-же количество полез-*

(*) L'Institut. 1860, p. 24.

наго дѣйствія всегда будетъ равно одинаковому количеству теплоты. Это начало должно пасть само-собою, какъ скоро окажется, что количество теплоты можетъ измѣняться, смотря по способу перехода. Опытъ далъ столь различныя величины эквивалента теплоты при различныхъ способахъ перехода, что уже нельзя приписывать ихъ неизбѣжнымъ ошибкамъ наблюденія; поэтому многіе ученые возстаютъ противъ начала, указаннаго выше.

Опыты надъ *газообразными веществами,* по-видимому, должны были доставить самые согласные результаты, такъ-какъ даже безъ новыхъ опытовъ, нужно въ этомъ случаѣ только надлежащимъ образомъ сочетать величины физическихъ свойствъ, уже извѣстныя для многихъ изъ этихъ веществъ. Однакожь здѣсь встрѣчаются разницы еще болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыя находятъ при опытахъ надъ жидкими и твердыми тѣлами. Эквивалентъ полезнаго дѣйствія единицы теплоты для воздуха есть 424; для сѣрнистой кислоты тотъ-же эквивалентъ есть 155. Тѣмъ не менѣе можно доказать, что эти разницы существуютъ только потому, что вещество, будучи въ газообразномъ состояніи, употребляетъ нѣкоторое количество теплоты для того, чтобы уничтожить дѣйствіе *молекулярныхъ силъ*, т.-е. чтобы произвести полѣзное дѣйствіе, и что вообще, вмѣсто того, чтобы принять въ разсчетъ это потребленіе, экспериментаторы дѣйствуютъ въ томъ предположеніи, что вся теплота, передаваемая газу, употребляется на внѣшнюю работу. *Эквивалентъ теплоты для газовъ* будетъ поэтому *въ обратномъ отношеніи къ ихъ способности переходить въ жидкое состояніе* подъ вліяніемъ давленія или охлажденія и вообще будетъ меньше для *сгущаемыхъ* газовъ, нежели для тѣхъ, которые не превращаются въ жидкость ни при какихъ условіяхъ. Эквивалентъ теплоты для воздуха есть 424, для водорода—426,5, для окиси углерода—420, для закиси азота, переходящей въ жидкость при давленіи 36,5 атмосферъ и при температурѣ — 88° С., онъ 404; наконецъ для сѣрнистой кислоты, сгущаемой при давленіи 1,5 атмосферы и при температурѣ — 10°, 6 С, онъ составляетъ 155. Кромѣ-того, указатель удѣльной кислоты при постоянномъ давленіи и постоянной температурѣ, больше для постоянныхъ газовъ, чѣмъ для газовъ сгущаемыхъ, и уменьшается въ прямомъ отношеніи къ ихъ способности переходить въ жидкое состояніе. Опыты Жуля и Томсона доказываютъ, что небольшое количество силы остается дѣятельнымъ даже въ промежуткахъ между частицами

водорода, который, вѣроятно, изъ всѣхъ газовъ самый постоянный, что эта между-частичная сила нѣсколько болѣе значительна для атмосфернаго воздуха и еще значительнѣе для углекислоты.

Баумгартнеръ заключаетъ изъ этого, что даже эквивалентъ теплоты водорода (426,5) нѣсколько ниже дѣйствительнаго эквивалента, также какъ и эквивалентъ атмосфернаго воздуха (424), разсматриваемый въ настоящее время, какъ эквивалентъ теплоты всѣхъ газообразныхъ веществъ вообще. Итакъ, всѣ численныя разницы эквивалента теплоты для разныхъ газовъ не могутъ подвергнуть сомнѣнію самое начало, потому-что эти разницы не существовали-бы, если-бы полезное дѣйствіе какого-нибудь газа, производимое извѣстнымъ количествомъ теплоты, разсматривали не какъ эквивалентъ всего этого количества теплоты, а только какъ эквивалентъ части этого количества, различной, смотря по различію самыхъ газообразныхъ веществъ, подвергаемыхъ опытамъ.

Пурпуръ древнихъ (*). — Немногіе предметы были поводомъ къ столькимъ изысканіямъ, какъ пурпуръ. Но въ разныхъ мемуарахъ, посвященныхъ этому изслѣдованію, во-первыхъ нѣтъ точнаго опредѣленія органа, доставляющаго красящее вещество; далѣе являются слишкомъ рѣшительныя мнѣнія химиковъ о его составѣ; наконецъ живописцы остаются все-таки въ неизвѣстности, когда имъ нужно въ исторической картинѣ сохранить всѣ оттѣнки пурпурныхъ одеждъ.

Съ цѣлью устранить эти недостатки, Лаказъ-Дютье дѣлалъ опыты надъ многими видами — Purpura haemastoma, P. lapillus, Murex brandaris, M. trunculus, M. erinaceus.

Безъ сомнѣнія, слишкомъ рѣшительныя мнѣнія химиковъ, судившихъ о составѣ пурпура по аналогіи съ цвѣтомъ аллоксана или мурексида, были слѣдствіемъ недостаточной точности зоологовъ въ опредѣленіи органа, производящаго пурпуръ.

Внимательная анатомія пурпуроносныхъ моллюсковъ показываетъ, что вещество, образующее пурпуръ, первоначально представляетъ безцвѣтное вещество, производимое довольно ограниченною частью эпанчи.

Эта часть занимаетъ почти все пространство между жабрами

(*) Comptes rendus. 1860, T. L. p. 463.

и прямою кишкою. Она не образуетъ мѣшка, или резервуара, какъ иногда говорили, и просто распространяется на поверхности эпанчи.

Большія удлиненныя клѣточки, расположенныя одна возлѣ другой перпендикулярно на поверхности эпанчи — вотъ въ чемъ состоитъ этотъ органъ. Клѣточки составляютъ два или три слоя и самый наружный слой, покрытый мерцательными волосками, представляетъ клѣточки наиболѣе развитыя. Подъ нимъ находится густая волосная сѣть сосудовъ, несущая кровь изъ Боянусова тѣла и сосѣднихъ частей эпанчи въ жабры.

Созрѣвшія клѣточки падаютъ въ полость эпанчи, раздуваются вслѣдствіе жидкости, лопаются и смѣшиваютъ свое содержимое съ другими слизистыми частями, какія тамъ уже есть. Это отпаденіе отдѣльныхъ элементовъ—и составляетъ отдѣленіе пурпурнаго вещества, которое, слѣдовательно не происходитъ въ сложной железѣ или вообще въ железѣ, но въ органѣ железистаго свойства, расположенномъ на поверхности.

Содержимое клѣточекъ, зернистое, но растворимое обладаетъ замѣчательными свойствами и производитъ пурпурную краску. Слой этихъ клѣточекъ не составляетъ въ анатомическомъ отношеніи особенности родовъ Murex и Purpura и это важно въ морфологическомъ отношеніи; большая часть брюхоногихъ производятъ также въ мѣстѣ, почти соотвѣтствующемъ, вещество подобное пурпуру въ гистологическомъ отношеніи, но отличное отъ него по своимъ свойствамъ. У аплизій и улитокъ, оно обыкновенно окрашено, а у маленькихъ раковинъ (Trochus cinereus, Turbo littoralis) оно безцвѣтно и не подвергается вліянію солнца, хотя анатомически совершенно тожественно съ веществомъ Purpura и Murex.

Итакъ, по своему строенію и положенію, часть, производящая пурпурную матерію, совершенно отлична отъ Боянусова тѣла, которое теперь считаютъ почкою. И слѣдовательно, съ анатомической точки зрѣнія нельзя сказать, что пурпуръ есть моча моллюсковъ.

Какой первоначальный, неизмѣненный пурпуръ древнихъ? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, нужно сперва обратить вниманіе на любопытныя свойства этого вещества. Для большей части читателей, слово *пурпурный* есть синонимъ яркого краснаго; это видно даже по историческимъ картинамъ. Между-тѣмъ, у живаго животнаго пурпуръ безцвѣтенъ, бѣлъ, или слегка желтоватъ. Подъ

вліяніемъ солнечныхъ лучей, при сырости онъ становится прекраснаго фіолетоваго цвѣта.

При дѣйствіи свѣта развиваются три простыхъ цвѣта въ слѣдующемъ порядкѣ: желтый, синій и красный, между которыми зеленый и фіолетовый являются, какъ переходные. Если дѣлать опыты при разсѣянномъ свѣтѣ, слѣдовательно медленно, то очень ясно можно видѣть послѣдовательность цвѣтовъ. Но, между-тѣмъ-какъ желтый цвѣтъ исчезаетъ, когда дѣйствіе свѣта продолжается, синій цвѣтъ всегда остается въ значительномъ количествѣ, такъ что никогда красный цвѣтъ не встрѣчается отдѣльно и потому пурпуръ всегда болѣе или менѣе имѣетъ фіолетовый оттѣнокъ.

Такія свойства даютъ возможность дѣлать фотографіи на тканяхъ, на шелку, на батистѣ, и результаты хотя не имѣютъ правильности обыкновенныхъ фотографій, представляютъ однако весьма живые цвѣта.

Нужно замѣтить, что цвѣтъ пурпура вызывается только солнцемъ и слѣдовательно древніе знали это свойство. При развитіи цвѣта изъ всѣхъ видовъ мягкотѣлыхъ, является одинъ изъ самыхъ зловонныхъ запаховъ, подобный запаху чеснока. Плиній говоритъ и объ измѣненіи цвѣта и о запахѣ и слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія, что произведеніе пурпура у древнихъ совершалось этимъ способомъ.

Въ опытахъ всегда являлся фіолетовый цвѣтъ, никогда не было чистаго краснаго; слѣдовательно естественный, неизмѣненный цвѣтъ пурпура у древнихъ былъ фіолетовый. Открывшій пурпуръ долженъ былъ, какъ это обыкновенно разсказываютъ, раздавить раковину и свою мокрую ткань высушивать на солнцѣ.

Впрочемъ Плиній приводитъ Корнелія Непота, говорящаго положительно, что сперва былъ цѣнимъ фіолетовый пурпуръ. Нѣкоторыя мѣста Аристотеля и Платона, сближенныя съ предыдущими опытами, приводятъ къ тому-же заключенію.

Тѣмъ не менѣе, нѣтъ сомнѣнія, что если первоначально пурпуръ былъ фіолетовый, то впослѣдствіи его цвѣта и оттѣнки измѣнялись вмѣстѣ съ требованіями моды и вкуса; такимъ образомъ окрашивали ту-же ткань два раза и получали цвѣтъ болѣе яркій: это составляло purpura dibapha. Смѣшеніе видовъ также способствовало измѣненію цвѣта. Посредствомъ Murex trunculus получался одинъ синій цвѣтъ безъ примѣси краснаго или фіолетоваго. До-тѣхъ-поръ, пока употребляли животное вещество моллюсковъ,

пурпуръ, конечно, былъ болѣе или менѣе фіолетоваго цвѣта, болѣе впрочемъ приближающагося къ красному, чѣмъ къ синему; но, когда это вещество было замѣнено веществами минеральными, то, сохраняя для тканей названіе пурпурныхъ или багряницъ, имъ давали оттѣнки болѣе яркаго краснаго цвѣта и мало-по-малу дошли до цвѣтовъ, которые теперь приходятъ намъ на мысль при словахъ о кардинальскомъ пурпурѣ. Поэтому живописцы необходимо должны принимать въ разсчетъ эпоху, при которой жили изображаемыя ими лица.

Наконецъ, совершенно ясно, по какой причинѣ эта краска такъ цѣнилась въ самомъ началѣ. Развивается дѣйствіемъ свѣта она не должна была выцвѣтать, какъ наша кошениль; она сохраняла свою яркость даже подъ свѣтлымъ и ослѣпительнымъ небомъ Италія и Востока.

Н. СТРАХОВЪ.

СТАТЬИ XI ТОМА ANNALES DES SCIENCES NATURELLES. *Опытъ монографіи видовъ и разновидностей рода Cucumis. Статья Нодена* (стр. 1—87). — Въ этомъ мемуарѣ *Ноденъ* исправляетъ нѣкоторыя невѣрности въ характеристикѣ видовъ, описываетъ болѣе точнымъ образомъ дурно опредѣленные виды и доказываетъ, что отъ извѣстныхъ видовыхъ типовъ происходятъ породы или полувиды, которые иногда отличаются другъ отъ друга болѣе, нежели самые виды, и которые одарены замѣчательною стойкостью, т.-е. сохраняютъ свои отличительные признаки впродолженіе многихъ поколѣній и, несмотря на неблагопріятныя усломія, не выраждаются.

Настоящими видами *Ноденъ* считаетъ тѣ, которые не оплодотворяются перекрестнымъ образомъ, или которые хотя и оплодотворяются, но даютъ безплодныя помѣси, или наконецъ такіе, которыхъ помѣси плодородны, но отличаются значительными уклоненіями въ образѣ возрастанія или въ нисходящемъ ряду поколѣній возвращаются къ одному или къ обоимъ изъ первоначальныхъ типовъ. Понятно, что для опредѣленія, будетъ-ли извѣстная форма разновидность или самостоятельный видъ, *Ноденъ* долженъ былъ дѣлать перекрестныя оплодотворенія и наблюдать ихъ результаты, а также потомство помѣсей; поэтому трудъ его продолжался нѣсколько лѣтъ, именно съ 1854 г., и онъ наблюдалъ не менѣе 2,000 формъ, воспитанныхъ въ музеѣ.

Не смотря на многочисленныя изслѣдованія о семействѣ тык-

венныхъ, оно до-сихъ-поръ еще очень мало обработано и вѣроятно еще далеко не всѣ формы его извѣстны. Остается множество формъ въ гербаріяхъ, которыя еще не описаны и которыя должно классифицировать; многія страны, какъ напр. экваторіальная Африка, Земля Кафровъ, Борнео, Новая Гвинея, сѣверная Австралія и пр., гдѣ во множествѣ растутъ тыквенныя, изслѣдованы еще весьма поверхностно. Поэтому *Ноденъ* представляетъ монографію не всѣхъ тыквенныхъ, а только рода Cucumis.

Большею частію тыквенныя, имѣющія 3-гнѣздный яичникъ съ гнѣздышками многосѣменными, такъ сходны между собою, что могутъ быть причислены къ одному роду, который составляетъ болѣе естественную группу, нежели многіе Линнеевскіе роды, до-сихъ-поръ еще не разбитыя на болѣе мелкіе и болѣе естественные роды, какъ напр. молочай (Euphorbia). Не смотря на то, эта группа тыквенныхъ раздѣлена на нѣсколько родовъ, которые составляютъ очень естественныя отдѣленія, но весьма мало отличающіяся другъ отъ друга. Къ такимъ мелкимъ отдѣленіямъ принадлежитъ и родъ Cucumis, изслѣдованный *Ноденомъ*.

Ноденъ характеризуетъ его признаками, которые встрѣчаются и у другихъ родовъ; но совокупность ихъ принадлежитъ только этому роду. Самый характерный признакъ есть продолженіе связника поверхъ пыльниковъ, имѣющее видъ бородавчатаго прибавка; усики также довольно характерны: они всегда простые, часто мало-развитые сравнительно съ длиною плетей. Положеніе листьевъ, не смотря на ихъ разнообразіе, очень постоянно и привычный глазъ сейчасъ отличитъ по этому положенію родъ Cucumis.

Виды, сюда относящіеся, еще не всѣ извѣстны; образцы нѣкоторыхъ изъ нидъ такъ не полны, что по нимъ нельзя съ точностію описать виды. *Ноденъ* раздѣляетъ всѣ виды на двѣ группы: 1) съ плодами, покрытыми иглами или бугорками и 2) съ плодами волосистыми или гладкими.

Къ первой группѣ относятся: 1) Cucumis metuliferus изъ южной Африки. 2) C. Anguria съ Антилльскихъ острово«ъ и изъ тропической Америки (исключеніе, ибо весь родъ Cucumis принадлежитъ Африкѣ и Азіи, и только этотъ видъ Америкѣ). 3) C. Prophetarum въ Египтѣ, по берегамъ Краснаго моря, въ Аравіи и въ центральной Африкѣ. 4) C. Figarei въ Нубіи, Абиссиніи и Аравіи; въ этомъ видѣ *Ноденъ* соединилъ прежніе пять видовъ, именно: C. ficifolius, microphyllus, cyrtopodus, echinophorus и dissectus. 5) S. Africanus въ

южной Африкѣ. 6) C. myriocarpus въ южной Африкѣ, но можетъ быть также въ Аравіи и сѣверной Африкѣ. 7) Cucumis dissectifolius въ южной Африкѣ. 8) C. heptadactylus въ южной Африкѣ. 9) C. dipsaceus въ восточной и центральной Африкѣ. 10) C. Sativus, полагаютъ, что изъ южной Азіи, но откуда именно—не извѣстно. *Ноденъ* принимаетъ 4 разновидности огурца: 1) *Русскій*, по мнѣнію *Нодена*, очень маленькій, величиною съ куриное яйцо, въ чемъ онъ, конечно, ошибается: наши обыкновенные огурцы бываютъ величиною часто до ¼ аршина, только осенніе мелки, потому-что не успѣваютъ вырости, гладкій и оранжеваго цвѣта въ зрѣлости; 2) *длинный огурецъ* (по *Нодену* обыкновенный), длинною иногда до ¾ аршина, цилиндрическій или трехгранный, въ зрѣлости тускло оранжеваго цвѣта, скорѣе результатъ воздѣлованія, нежели настоящая разновидность; 3) *бѣлый огурецъ*, разводимый въ большомъ количествѣ въ Парижѣ, бѣлаго цвѣта, толще и короче предыдущаго. 4) *Сиккимскій огурецъ* замѣчателенъ величиною стеблей и плодовъ. Листья большіе, часто съ 7 и 9 лопастями; плоды величиною съ дыню Кавальона, яйцевидно овальной формы, обыкновенно съ 5 послѣдами, мясо у нихъ толстое, бѣлаго цвѣта, кожа тонкая бѣлая съ желтоватыми и красноватыми пятнами; воздѣлывается въ Индіи.

Ко второй группѣ рода Cucumis съ гладкими или волосистыми плодами принадлежатъ:

11) C. Hardwickici въ сѣверной Индіи на горахъ. 12) C. trigonus во всей Индіи, въ Персіи и въ Месопотаміи, представляетъ множество разновидностей, изъ коихъ нѣкоторыя были принимаемы за самостоятельные виды, какъ напр. C. pyriformis, pseudo Colocynthis; maderaspatanus, pubescens и turbinatus, 12) C. Melo въ южной Азіи, именно во многихъ мѣстахъ Индіи растетъ дико. Какъ ни разнообразны породы дынь, и какъ ни постоянны онѣ при перемѣнѣ климата и мѣстности, при перекрестномъ оплодотвореніи онѣ производятъ однакожь всегда плодородныя помѣси, чтò доказываетъ ихъ происхожденіе отъ одного вида. Вотъ какимъ образомъ, по мнѣнію *Нодена*, можно объяснить себѣ происхожденіе видовъ: каждый видъ по своему устройству представляетъ множество аналогій съ другими видами и образуетъ вмѣстѣ съ ними полуроды, роды и семейства; множество видовъ одного рода или семейства обыкновенно занимаетъ извѣстный участокъ на земномъ шарѣ; эти два факта указываютъ на происхожденіе видовъ

одного рода или семейства отъ одного первоначальнаго типа, подобно тому, какъ нѣсколько сходныхъ языковъ имѣютъ одинъ первоначальный корень, отличный отъ каждаго изъ языковъ, происшедшихъ отъ него. Хотя породы дыни весьма постоянны и когда онѣ чисты, то рѣзко отличаются другъ отъ друга, такъ-что могутъ составить виды, но въ настоящее время ихъ весьма много, онѣ представляютъ множество переходныхъ формъ и потому классифицировать ихъ весьма трудна. *Ноденъ* принимаетъ 10 группъ дынныхъ породъ.

Первая группа — *дыни канталупки*, имѣетъ стебель сильный, листья большіе, часто лопастные и яркаго зеленагоцвѣта; женскіе цвѣты часто съ тычинками, вполнѣ образованными, что способствуетъ сохраненію типа въ всей чистотѣ; плоды большіе формы различной: отъ сплюснуто-шарообразной до продолговато-овальной, съ задней стороны нѣсколько утонченные, съ болѣе или менѣе ясными ребрами, раздѣленными узкими бороздками; кожа гладкая или бородавчатая, непокрытая сѣткою; мясо толстое, сладкое, сочное, очень вкусное, оранжеваго цвѣта; запахъ дыни во время зрѣлости сильный и пріятный; сюда принадлежатъ: 1) канталупка Прескоттъ, 2) обыкновенная канталупка, 3) москателло, самая вкусная изъ всѣхъ дынь, 4) Архангельская дыня, 5) черная канталупка (Le Cantaloup noir des Carmes), 6) двадцати-осьмидневная канталупка (созрѣваетъ въ 35 дней отъ оплодотворенія). Сюда причисляютъ еще: малую канталупку скороспѣлку, Англійскую канталупку скороспѣлку, оранжевую канталупку, зеленыя канталупки; но *Ноденъ* считаетъ за видоизмѣненія канталупки Прескоттъ.

Вторая группа—*узорчатыя дыни* (Melons brodés), не такъ рѣзко характеризуется, какъ предыдущая; кожа плодовъ покрыта сѣткою или узоромъ, отчего кажется сѣроватою. Сюда относятся: 1) продажная дыня, 2) Куломміерская дыня, 3) Бухарская длинная Гунтерова, 4) Каролинская свѣтло-зеленая, 5) дыня Георга IV, 6) Кипрская дыня, 7) золотая или Дорадо. *Ноденъ* причисляетъ сюда еще: 1) дыню Христіаніи, 2) желтую Кабульскую, 3) зеленую Японскую, 4) Персидскую Рожерса, 5) черную Монпельескую.

Третья группа—*сахарныя дыни*, главнымъ образомъ отличается бѣлымъ мясомъ. Съ одной стороны эта группа переходитъ въ предыдущую, съ которой и была соединена *Жаккенемъ*, а съ другой—въ слѣдующую. Сюда относятся: 1) мелкосѣменная сахарка, 2)

собственно сахарка, которая раздѣляется еще на нѣсколько сортовъ: бѣлая жесткая, ананасная свѣтлозеленая, ананасная бѣлая, Груммонтская и пр. Сюда же можно причислить: 1) Персидскую выродочную, 2) Victory of Bath, 3) Египетскую зеленую, или Emperor's green fleshed или Chinese silore netted Melon, 4) Sifton scarlet fleshed или Masulaptam Melon.

Четвертая группа—*зимнія дыни* или *дыни безъ запаха*, очень обширна и весьма не естественна, отличается главнымъ образомъ слабымъ запахомъ или совершеннымъ отсутствіемъ аромата. Сюда причисляются: 1) Провансальская зимняя дыня, или дыня Кавальонъ, 2) Персидская дыня, 3) Мускусная дыня Соединенныхъ Штатовъ, 4) Мальтійская дыня 5) Индо-Персидская дыня, 6) безвкусныя Африканскія дыни.

Пятая группа—*змѣевидныя дыни*, имѣетъ очень длинные плоды, длиною часто около $1\frac{1}{2}$ аршина, а толщиною не болѣе руки дитяти, иногда-же не толще большаго пальца и болѣе или менѣе извилисты; плоды эти очень похожи на плоды Trichomanthes anguina, во время зрѣлости они желтѣютъ и издаютъ запахъ дыни, мясо ихъ мягко, даже похоже на тѣсто, когда перезрѣетъ; цвѣта красноватаго или блѣдно-розоваго, вкусомъ похоже на огурецъ.

Шестая группа — *Индѣйскія огуречныя дыни*, имѣетъ плоды, очень похожіе на огурцы какъ наружнымъ видомъ, такъ и вкусомъ.

Седьмая группа—*дыни хито*, родомъ изъ Индіи, воздѣлывается въ Америкѣ, имѣетъ плоды величиною съ абрикосъ, въ зрѣлости желтаго цвѣта, сладкаго запаха, мясо толстое, довольно сладкое.

Восьмая группа—*Дудаймскія дыни*, имѣетъ плоды шарообразные, нѣсколько сжатые спереди къ зади, въ зрѣлости цвѣта желто-оранжеваго съ красными пятнышками или полосками, величиною отъ абрикоса до апельсина; мясо не имѣетъ значительной толщины, цвѣта желтовато-бѣлаго или слегка-розоваго, вкуса довольно сладкаго; но весьма непріятнаго, особенно послѣ ѣды этого плода. Запахъ плодовъ очень сильный.

Девятая группа—*дыни красныя Персидскія*, имѣетъ плоды почти шарообразныя, величиною съ маленькій апельсинъ, совершенно безъ реберъ, черно-зеленаго цвѣта въ молодости и темно-пурпуроваго въ зрѣлости, почти безъ запаха, мясо бѣлое съ едва замѣтною сладостью.

Десятая группа — *дикія дыни*, вмѣщаетъ въ себѣ всѣ мелкія дыни, которыя растутъ въ Индіи и Африкѣ. Далѣе слѣдуютъ спи-

ски малоизвѣстныхъ, сомнительныхъ и причисленныхъ другими авторами къ роду Cucumis видовъ.

Описаніе новаго рода флоридовыхъ съ береговъ Франціи. Статья Берне. (Стр. 87—93).—Многіе старые вай Udotea Desfontainu бываютъ окаймлены красною бахрамою, шириною около миллиметра; бахрама эта составлена изъ растеній новаго рода флоридовыхъ, названнаго *Борне Lejolizia*; при разсматриваніи невооруженнымъ глазомъ, водоросль эта похожа на Callithamnion Daviesii, secundatum и пр. въ микроскопѣ-же видно, что она состоитъ изъ нитей двухъ родовъ: однѣ изъ нихъ имѣютъ лежачее положеніе, неправильно вѣтвятся и прикрѣплены къ Udotea присосками, похожими на присоски ползучихъ Polysiphonia; другія прямостоячіе, выходятъ съ верхней стороны лежачихъ нитей и не вѣтвятся, только иногда изъ нижной клѣточки развиваются двѣ противоположныя вѣтви. Органы размноженія находятся при основаніи прямостоячихъ вѣтвей на короткихъ супротивныхъ вѣткахъ, выходящихъ изъ нижней клѣточки нити. Тетраспоры овальной формы и по устройству похожи на церамиды родомелейныхъ: массы ихъ споръ (т.-е. ядра) заключены въ оболочкѣ изъ членистыхъ нитей, прикрѣпленныхъ къ ножкѣ и соединенныхъ толстой студенистой перепонкой. Вначалѣ эти нити на вершинѣ сомкнуты, но потомъ расходятся; споры приросли къ маленькому коническоку сосочку на вершинѣ ножки; онѣ не срослись другъ съ другомъ и каждая изъ нихъ одѣта прозрачной оболочкой, которая остается на спорѣ и послѣ ея выхода. Пловыя сумочки, также кавъ и тетраспоры, сидятъ на короткихъ ножкахъ, выходящихъ прямо изъ горизонтальныхъ нитей, чаще всего при основаніи прямостоячихъ вѣтвей. Въ то время, какъ конечная ккѣточка раздувается и раздѣляется перегородками для образованія плодовой сумочки, почти на вершинѣ ея появляется длинный прозрачный одноклѣтчатый волосокъ, который, по мѣрѣ развитія сумочки, отодвигается все болѣе и болѣе въ сторону и въ зрѣлости бываетъ прикрѣпленъ къ ея нижней трети. Антеридіи выходятъ изъ тѣхъ-же нитей, какъ и сумочки. Ножка ихъ состоитъ изъ двухъ клѣточекъ, изъ которыхъ нижняя часто приноситъ сумочку. Они устроены также, какъ антеридіи другихъ флоридовыхъ; каждое гнѣздышко ихъ заключаетъ по одному живчику. *Борне* предлагаетъ установить для рода Lejoliqia особый отрядъ, который долженъ помѣщаться между врангелевыми и родомелейными.

Мемуаръ о семействѣ бегонійныхъ Альф. Декандоля. (Стр. 93—150).—Всѣ бегонійныя чрезвычайно однообразны, такъ-что весьма трудно подмѣтить различіе между ними. *Линдлей* первый обратилъ вниманіе на различіе послѣда (Introduction to Botany, edit. 2. 1836 и Vegetable Kengdom, 1846); *Клотцшъ* открылъ еще болѣе значительныя и неожиданныя различія между этими растеніями (Begontiaceen Gattungen nnd Arten. vol. in-4° съ 12 табл. Берлинъ, 1855). Его трудъ основанъ на изученіи 194 видовъ, большую часть которыхъ онъ наблюдалъ въ живомъ состояніи; но онъ не имѣлъ возможности видѣть многихъ видовъ Азіи и Африки, а также и тѣхъ изъ Американскихъ, которые не разводятся въ садахъ; *Декандоль*-же получилъ гербаріи изъ всѣхъ почти ученыхъ городовъ и наблюдалъ 371 видъ, слѣд. почти вдвое болѣе *Клотцша.*

Бегонійныя, по мнѣнію *Декандоля*, занимаютъ то-же мѣсто между двусѣменодольными, какое орхидные между односѣменодольными. Представители того и другаго семейства попадаются почти во всѣхъ жаркихъ и сырыхъ странахъ; но каждый видъ и родъ занимаетъ только очень небольшой участокъ; то и другое семейство распространено болѣе въ Америкѣ и Азіи, нежели въ Африкѣ. Въ томъ и другомъ семействѣ завязь нижняя, лепестки свободные, сѣмена мелкіе и многочисленные, прикрѣпленные къ послѣдамъ, которые идутъ вдоль стѣнокъ, у орхидныхъ постоянно, у бегонійныхъ рѣдко.

Только три вида бегонійныхъ (Begonia scandens, laciniata и Meziereu salaciensis) распространены довольно обширно; всѣ-же остальные суть чисто мѣстныя растенія, до того мѣстныя, что ихъ рѣдко можно найдти въ двухъ смежныхъ провинціяхъ Бразиліи или въ Перу и въ Боливіи и пр. Почти каждый изъ острововъ Антилльскихъ и Индійскаго Архипелага обладаетъ своимъ собственнымъ видомъ. Виды Мексики, Бразиліи, Индіи и Явы почти всѣ извѣстны; но острова: Борнео, Тиморъ, Суматра, полуостровъ Малакка, страна Бирмановъ, нѣкоторыя части Бразиліи, цѣпь Андовъ, Мадагаскаръ, центральная Африка еще очень мало изслѣдованы и дадутъ, вѣроятно, много новыхъ бегоній.

Большая часть извѣстныхъ видовъ встрѣчается въ трехъ странахъ: 1) въ странѣ, идущей отъ Гималая до Явы и Филиппинскихъ острововъ, 2) въ южной Мексикѣ и въ Штатахъ центральной Америки, 3) въ Бразиліи. Въ западной Африкѣ также встрѣчаются бегоніи; но странно, что ихъ нѣтъ на Сандвичевыхъ

и Галапагосскихъ островахъ, ни на мелкихъ островахъ на сѣверъ отъ Новой-Голландіи.

Далѣе всего отъ экватора удаляется Begonia sinensis, встрѣчающаяся въ гористой странѣ около Пекина.

Листья бегонійныхъ расположены въ два ряда, одна сторона пластинки всегда развита болѣе, нежели другая, въ одномъ ряду бóльшая половина обращена вправо, въ другомъ — влѣво.

Цвѣточныя ножки выходятъ всегда изъ пазухи листьевъ; на нихъ никогда нѣтъ настоящихъ листьевъ, а только прицвѣтники и цвѣты. У отдѣла Bracteibegonia (куда принадлежитъ Beg. lepida Bl.) ножки повидимому противоположны листьямъ; но здѣсь онѣ представляютъ продолженіе главной оси; на нихъ всегда есть листъ съ пластинкою, а мѣсто главной оси занимаетъ весьма развитая пазушная вѣтвь.

Образованіе луковичекъ въ пазухахъ листьевъ или прицвѣтниковъ весьма обыкновенно у бегоній, особенно часто оно встрѣчается въ отдѣли Knesebeckia. У Begonia (Paroibegonia) sinuata почки развиваются на вершинѣ черешка или при основаніи пластинки, у Begonia (Monophyllon) prolifera (новый видъ изъ Сингапура) такія почки сопровождаются одною или двумя меньшими и развиваются въ цвѣточную ножку.

Цвѣторасположеніе у бегоній есть всегда пазушный *полузонтикъ* (cyma), иногда сведенный на одинъ конечный цвѣтокъ. Первыя раздѣленія полузонтика дихотомическія; центральный цвѣтокъ, какъ во всѣхъ полузонтикахъ, распускается первый. Первые цвѣты у всѣхъ бегоній всегда мужескіе, послѣ двухъ или трехъ развѣтвленій показываются женскіе цвѣты, часто имѣющіе при основаніи два маленькіе прицвѣтничка. Послѣднія развѣтвленія полузонтика обыкновенно бываютъ не такъ правильны, какъ первыя. Въ группахъ Wageneria, Plurilobaria и Trendelenborgia каждый полузонтикъ приноситъ или мужескіе или женскіе цвѣты почти у однѣхъ бегоній, имѣющихъ перемѣнные листья, встрѣчается такой правильный полузонтикъ. Продолжительное цвѣтеніе есть результатъ такой странной организаціи. Парные прицвѣтники двухъ слѣдующихъ цвѣтовъ стоятъ накрестъ другъ къ другу. Два листочка чашечки мужескихъ цвѣтовъ также стоятъ накрестъ со своими прицвѣтниками. Лепестки, когда бываютъ, перемѣнны съ листочками чашечки. Женскіе цвѣты имѣютъ отъ

двухъ до пяти лопастей. Разница между мужскими и женскими цвѣтами весьма разительна.

Какимъ частямъ листа соотвѣтствуютъ прицвѣтники и лопасти цвѣтка? *Агардъ* утверждаетъ, но безъ всякихъ доказательствъ, что и тѣ и другія суть прилистники. *Декандоль* относительно первыхъ положительно говоритъ, что это прилистники, потому-что они не могутъ быть пластинками листа, ибо послѣднія весьма неправильны, часто зубчаты или лопастны, а прицвѣтники правильны и цѣльнокрайны; не могутъ быть и черешками, потому-что черешки къ вершинѣ растенія постепенно уменьшаются, такъ-что верхніе листья почти сидячіе; слѣдовательно, это прилистники, что доказывается еще чрезвычайнымъ сходствомъ этихъ органовъ по формѣ, консистенціи, волосистости и продолжительности жизни; во многихъ видахъ можно описать одними и тѣми-же терминами и прилистники и прицвѣтники; сходство особенно разительно у видовъ съ короткими полузонтиками, какъ напр. у Knesebeckia и Bracteibegonia; наконецъ прицвѣтники часто на концѣ двузубчаты или двулопастны, какъ у Begonia (Begoniastrum) ottonis, semperflorens, nitida, hirtella, Tovarensis (Pilderia) lantanaefolia, buddleiaefolia, (Solananthera) populnea; Casparya ferruginea); это также доказываетъ, что каждый изъ нихъ состоитъ изъ двухъ сросшихся прилистниковъ. Быть можетъ, прибавляетъ *Декандоль*, органогенія докажетъ это; однакожь не должно забывать, что сросшаяся часть можетъ образоваться первою, и потому только уродливость этой части можетъ разрѣшить сомнѣніе. Относительно лопастей цвѣтка *Декандоль* допускаетъ очень большую вѣроятность, что онѣ суть прилистники; но между ними существуетъ слишкомъ большое различіе въ почкосложеніи, поэтому и здѣсь только уродливость можетъ рѣшить вопросъ, а не органогенія, заключенія и аналогіи.

Семейство бегонійныхъ поднимаетъ вопросъ, касающійся началъ естественной классификаціи. До послѣдняго времени всѣ виды этого семейства причислялись къ одному роду: Begonia. Въ 1836 г. *Линдлей* предложилъ отдѣлить нѣкоторые виды съ 4-лопастнымъ цвѣткомъ подъ названіемъ Eupetalum; въ 1846 (Veget. Kingd.) онъ пошелъ далѣе и отдѣлилъ подъ названіемъ Diploclinium группу изъ очень многихъ видовъ, имѣющихъ послѣдъ двураздѣльный, между-тѣмъ-какъ у видовъ Begonia послѣдъ цѣльный. Но эти роды не были естественны. *Годишо* (Voyage de la Bonite

XXXII) установилъ прекрасный родъ Meziera, имѣющій послѣдъ на стѣнкахъ, но только въ 1855 г. глубокое изученіе *Клотцша* обнаружило все разнообразіе бегонійныхъ: онъ предложилъ, къ великому изумленію ботаниковъ, вмѣсто одного, сорокъ одинъ родъ въ этомъ семействѣ. Мнѣнія ботаниковъ тотчасъ раздѣлились: однимъ жаль было такого естественнаго рода, что при видѣ одного листа дитя могъ назвать его; другіе напротивъ того увидѣли такое глубокое различіе въ строеніи цвѣтовъ и плодовъ, что въ большей части другихъ семействъ оно достаточно для установленія родовъ. Если приложить сюда старинное правило Линнея: Character non fecit genus, то большая часть родовъ, предложенныхъ *Клотцшемъ*, должна пасть; если напротивъ того основываться на различномъ строеніи самыхъ важныхъ органовъ и извѣстными теоретическими правилами о важности и значеніи признаковъ, то роды *Клотцша* должны быть приняты.

Таково было положеніе дѣла, когда неизбѣжный ходъ трудовъ по «*Продрому*» заставилъ *Декандоля* взяться за это семейство. *Декандоль* долго не рѣшался пристать къ той или другой сторонѣ ботаниковъ; наконецъ онъ принялъ три рода: Beegonia, Casparega и Mezierea и въ родѣ Begonia сорокъ девять полуродовъ, въ Casparya—восемь и въ Mezierea—два. Главное дѣло въ систематикѣ, по мнѣнію *Декандоля*, состоитъ не въ названіи группы, родомъ, полуродомъ или отрядомъ, а въ томъ, чтобы эта группа была естественна, т.-е. чтобы она заключала въ себѣ дѣйствительно-сходныя формы.

Однакожь для того, чтобы показать основанія, на которыхъ *Декандоль* принялъ группы *Клотцша* за полуроды, а не за роды, онъ разсматриваетъ значеніе признаковъ, служащихъ для отличія, и начинаетъ съ самыхъ незначительныхъ, именно съ числа лопастей въ цвѣткѣ. Если дѣло идетъ о мужескихъ цвѣткахъ, то, очевидно, присутствіе и отсутствіе лопастей не имѣетъ никакого значенія, потому-что и то и другое встрѣчается у весьма многихъ видовъ, и даже на одномъ и томъ-же растеніи, какъ напр. у Beg. humilis, hirtella, manicata и у мн. др. Въ женскихъ цвѣтахъ число лопастей постояннѣе; но у B. Evansiana иногда встрѣчается 3, иногда 2 лопасти, у B. (Loeuchet) verticillata иногда 4, иногда 5; у B. (Olatycentrnm) xanthina иногда 5, иногда 6; наконецъ у видовъ Eupetalum, Begoniella, Hudsia число ихъ еще измѣнчивѣе.

По другой причинѣ нельзя приписать большаго значенія сро-

станію нитей тычинокъ при основаніи и ихъ прикрѣпленію къ болѣе или менѣе раздутому тору, похожему на сросшіяся нити тычинокъ. Эти признаки постоянны въ каждомъ видѣ; но степень ихъ весьма различна: есть группа бегоніиныхъ совершенно однобратственныхъ (Barya, Knesebeckia и пр.) и есть всѣ переходы отъ цилиндрической трубки до возвышенія сомнительнаго происхожденія, т.-е. происходящаго или отъ сростанія нитей или отъ раздутія тора. Длина тычинокъ относительно нитей, длина частей сросшихся и свободныхъ въ столбикахъ, относительные размѣры крылышекъ коробочекъ также довольно постоянные признаки, но они слишкомъ общи и недостаточны (одни) для отличія не только родовъ, но и отдѣленій.

Форма и растрескиваніе пыльниковъ имѣютъ болѣе значенія: потому-что постояннѣе и нѣтъ такихъ нечувствительныхъ переходныхъ формъ, но ихъ отличіе трудно выразить словами.

Число 2, 3, рѣже 4 и 5 гнѣздышекъ и столбиковъ довольно постоянно и связано съ другими признаками коробочки; но нерѣдко можно встрѣтить два гнѣздышка въ видѣ съ 3-мя гнѣздышками и обратно.

По мнѣнію *Клотцша*, у однихъ видовъ столбики постоянно опадающіе, у другихъ — остающіеся; по мнѣнію-же *Декандоля*, этотъ признакъ совершенно не постояненъ.

Клотцшъ первый описалъ различія столбиковъ и бородавочекъ на рыльцахъ, которыя дѣйствительно замѣчательны и постоянны у каждаго вида; но должно, чтобы каждая группа имѣла одинаковую форму столбиковъ и рыльцевъ, — а этого-то и нѣтъ.

Различіе послѣдовъ на цѣльные и двураздѣльные весьма важно, не говоря уже о послѣдахъ осевыхъ и идущихъ по стѣнкамъ; рѣдко однакожь встрѣчаются среднія формы; кромѣ-того *Линдлей* замѣчаетъ, что по теоріи этотъ признакъ не имѣетъ первой важности, потому-что послѣды состоятъ изъ краевъ двухъ согнутыхъ листочковъ, и что крѣпость сростанія органовъ не можетъ быть хорошимъ признакомъ; конечно, противъ этого можно возразить, что въ новѣйшее время послѣдъ принимается за стеблевой органъ.

Наконецъ способъ растрескиванія коробочекъ весьма замѣчателенъ и по *Декандолю* весьма важенъ, хотя *Клотцшъ* и не обращаетъ на этотъ признакъ надлежащаго вниманія.

Изъ этого обзора признаковъ очевидно, что изъ нихъ нѣтъ ни

одного, который-бы можно было принять за родовой, потому что одни изъ нихъ не постоянны, другіе-же хотя и постоянны, но представляютъ постепенные переходы. Самый абсолютный изъ нихъ способъ растрескиванія плодовъ, которое бываетъ всегда гнѣздоразрывное, но двумя различными способами: или на спинкѣ каждаго гнѣздышка или по сторонамъ близъ спиннаго крылышка; только у Polyschisma встрѣчается растрескиваніе по перегородкамъ, и то послѣ того, какъ плоды треснули по спинкѣ гнѣздышекъ.

Конечно, *Клотцшъ* характеризовалъ роды не однимъ признакомъ, а ихъ совокупностью, какъ это дѣлается въ естественной классификаціи; группы его весьма естественны, и встрѣчаются только или въ Америкѣ, или въ Азіи, или въ Африкѣ, что также говоритъ въ пользу его мнѣнія.

Но съ другой стороны признаки, общіе всѣмъ бегоніямъ, такъ многочисленны, и образъ возрастанія такъ однообразенъ, что невозможно съ перваго взгляда рѣшить, какой видъ относится къ какому роду. Вотъ почему *Декандоль* роды *Клотцша* считаетъ отдѣленіями одного рода.

Далѣе слѣдуютъ отличительные признаки 132 новыхъ видовъ этого семейства и наконецъ нумера, подъ которыми находятся описанныя растенія въ гербаріяхъ Парижа, Лондона, Петербурга, Берлина, Женевы и другихъ городовъ,—что весьма облегчитъ послѣдующихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ.

Myxomycetes. Замѣтка Тюлана и мемуары Бари и Гоффмана (стр. 150—183).—Вотъ замѣтка *Тюлана:* Въ настоящее время произвольное движеніе и ощущеніе не составляютъ рѣзкихъ границъ между животными и растеніями. Ощущеніе и раздражительность замѣчаются у высшихъ растеній, между-тѣмъ-какъ произвольное движеніе свойственно только низшимъ растеніямъ. Въ послѣднихъ водоросли и грибы представляютъ звѣнья, связывающія самымъ тѣснымъ образомъ животныя и растенія. Между водорослями особенно группы діатомъ и осциллярій по всѣмъ правамъ можно отнести къ животнымъ. До-сихъ-поръ не было извѣстно ни одного грибка, не исключая и Hormiscium, составляющаго переходъ къ животнымъ. Но *Бари* открылъ и у грибовъ цѣлый отдѣлъ Myxomycetes или Myxogastri, который можно перенести въ животное царство. На-самомъ-дѣлѣ въ мягкой и пульпозной (по выраженію *Левелье*) грибницѣ нѣтъ неправильныхъ и мясистыхъ клѣточекъ, какъ предполагалъ этотъ авторъ (Ann. d. s. nat. 1843 стр. 245 —

247), и кромѣ нитей со спиралями (у нѣкоторыхъ Trichiaceae), обыкновенно округленныхъ или веретенообразныхъ, о которыхъ *Бари* не упоминаетъ, весь Capillitium состоитъ изъ плоскихъ нитей или узкихъ связочекъ, которыя, равно-какъ и ихъ оболочки, образованы изъ слизи, различнымъ образомъ вытянутой и высохшей. Эта слизь или саркода, какъ называетъ ее *Бари*, довольно похожа на слизь, которую оставляютъ на своихъ слѣдахъ улитки, и содержитъ въ себѣ или выдѣляетъ изъ себя известковую соль бѣлаго цвѣта, которая отчасти растворяется въ водѣ съ шипѣніемъ и потомъ осаждается въ видѣ игольчатыхъ кристалловъ. Spumaria alba, Beticularia, Diachea elegans, многіе Diderma, Physarum, Didymium снаружи одѣты какъ-будто гашеною известью, которая при малѣйшемъ дуновеніи или прикосновеніи распадается въ порошокъ. Удивительно, что *Бари* ничего не говоритъ о такомъ важномъ элементѣ организаціи Myxomycetes.

Что касается до размноженія этихъ грибовъ, то *Тюланъ* и его братъ давно убѣдились, что Myxomycetes неправильно помѣщены возлѣ дождевиковъ (Anu. d. sc. nat. 1848 стр. 139). Наблюденія *Беркелея* ближе къ тому, что они видѣли (Transact. of the Linn. Soc. of Lon. томъ XXI, 1852 стр. 451—454). Дѣйствительно, споры Mycomycetes образуются обыкновенно изъ пластической массы, распредѣленной часто неравномѣрно, и каждый отдѣлъ ея обращается въ одну или нѣсколько споръ; иногда такія споры, происшедшія вмѣстѣ, и впослѣдствіи бываютъ одѣты одною общею чрезвычайно-тонкою оболочкою. *Беркелей* и *Брумъ* (Broome) въ Enerthenema elegans видѣли, что эта оболочка образуетъ настоящую клѣточку, прикрѣпленную къ capillitium короткою ножкою (Ann. and Mag. of nat. hist. 1850 стр. 366). *Корда* наблюдалъ въ Psychogaster albus и Reticularina maxima и argentea (Icon Fung. t. II стр. 24 и t. VI стр. 14), что споры ихъ образуются группами и безъ оболочки; *Беркелей* въ послѣднихъ изслѣдованіяхъ склоняется къ мнѣнію *Левеллье* и *Корды;* но *Тюланы* никогда не могли замѣтить подобныхъ отношеній, *Бари* также не подтвердилъ ихъ. Споры Myxomycetes, посѣянныя въ водѣ, всегда даютъ трахелій или амёбъ, какъ это наблюдели *Бари* и *Гоффманъ*; но послѣднихъ бываетъ всегда болѣе, нежели споръ, что объясняется фактами, подмѣченными этими наблюдателями.

Мемуаръ Бари. До-сихъ-поръ исторія Mycomycetes (Mycogastres Fr.) подвинулась не далѣе того, что наблюдалъ *Фрисъ* въ 1829 го-

ду (Systema mycologicum. Часть III стр. 67—199). Вообще принимаютъ, что Mycomycetes въ молодости состоятъ изъ аморфной массы слизистой или пѣнистой; это вещество расположено неопредѣленными массами или покрываетъ тѣло, на которомъ растетъ сѣтью анастомозирующихся нитей; потомъ оно производитъ одно или нѣсколько peridia, которыхъ строеніе измѣняется, смотря по родамъ, но которыя въ зрѣлости заключаютъ въ себѣ множество споръ, часто перемѣшанныхъ съ нитями, образующими capillitium. Что касается до происхожденія этихъ споръ и до ихъ органическихъ отношеній съ capillitium, то объ этомъ мнѣнія натуралистовъ расходятся.

Наружное сходство многихъ Myxomycetes съ дождевиками заставило соединить ихъ вмѣстѣ подъ названіемъ Gasteromycetes. Но въ настоящее время, когда изучены дождевики, такое соединеніе кажется неестественнымъ.

Когда, по выраженію кожевниковъ, кучи толщи (дубовой коры) начинаютъ цвѣсть, т.-е. Aethalium Septicum Fr. развивается на ея поверхности, то это растеніе является въ видѣ блестящей желтой массы. Если ея не трогать, то поверхность ея покрывается множествомъ мелкихъ тупыхъ лопастей, расположенныхъ группами, кистями, прямостоячихъ или переплетающихся, и сливающихся къ центру массы. Толщина лопастей не болѣе лошадинаго волоса, но діаметръ ихъ иногда около миллиметра; они имѣютъ продолговато-цилиндрическую форму или похожи на короткія бородавки; въ первомъ случаѣ вся масса Aethalium сходна съ Clavaria flava или съ вѣтвистымъ коралломъ. При малѣйшемъ давленіи пѣнистый видъ исчезаетъ и она принимаетъ видъ кашки. Въ алькоголѣ она твердѣетъ и ее можно разрѣзать на довольно тонкія пластинки. Такіе разрѣзы показываютъ, что вся масса состоитъ изъ плотно-переплетенныхъ нитей, концы которыхъ образуютъ бородавки на поверхности. Такія-же нити идутъ отъ видимой части Aethalium внутри коры глубиною дюйма на два и дюймовъ на шесть въ ширину.

Если взять кусочекъ такой нити и положить его въ часовое стекло съ водою или въ каплю воды на объективное стекло микроскопа, то черезъ нѣсколько часовъ уже можно замѣтить измѣненія въ этомъ кусочкѣ. Первоначальныя вѣтви исчезли, вмѣсто нихъ явились другія и вся ихъ поверхность покрылась бородавочками или прибавками, изъ которыхъ многія удлиняются, обраща-

ются въ нити, ползутъ по остаткамъ коры или по стеклу и сами производятъ бородавочки, а прежнія нити исчезаютъ. Такимъ образомъ вся масса оставляетъ прежнее мѣсто и стремится къ опредѣленной точкѣ.

Концы нитей нѣсколько утолщены и состоятъ изъ однообразнаго, полужидкаго вещества, окрашивающагося іодомъ въ бурый цвѣтъ и находящагося постоянно въ движеніи, однимъ словомъ изъ вещества, которое *Дюжардень* назвалъ *саркодою*. Въ этомъ веществѣ множество крупинокъ: однѣ изъ нихъ больше съ бурыми краями жирнаго блеска и окрашены въ желтый цвѣтъ пигментомъ, равномѣрно распредѣленнымъ во всѣхъ нитяхъ и растворимомъ въ алькоголѣ и эѳирѣ; другія крупинки кажутся безцвѣтными точками, даже при употребленіи самыхъ сильныхъ увеличеній. Иногда крупинки распредѣлены равномѣрно во всемъ веществѣ саркоды, такъ-что вся нить кажется темною, только узкія края ея остаются прозрачными; иногда-же край безъ крупинокъ бываетъ широкій, блестящій и рѣзко ограниченный.

Всѣ явленія, наблюдаемыя въ саркодѣ амёбъ, Polythalamia и проч., *Бари* видѣлъ и въ саркодѣ нитей Aethalium. Такъ часто можно замѣтить, что прозрачная часть скопляется въ какомъ-нибудь мѣстѣ и образуетъ сначала маленькую выпуклость, къ которой начинаютъ стремиться крупинки; выпуклость быстро растетъ и обращается въ вѣтвь, между-тѣмъ-какъ въ сосѣдствѣ гдѣ-нибудь вѣтвь втягивается и исчезаетъ вслѣдствіе тока крупинокъ въ обратномъ направленіи. Иногда двѣ вѣтви сталкиваются между собою и анастомозируются. Быстрота такихъ движеній весьма различна: иногда она такъ велика, что невозможно отличить нить отъ амёбы; иногда-же движенія весьма медленны и нужно нѣсколько минутъ, чтобы замѣтить измѣненіе въ положеніи нити. Возрастъ нитей и окружающая температута имѣютъ большое вліяніе на быстроту движеній.

Кромѣ большихъ отростковъ, о которыхъ шла рѣчь, у Aethalium есть еще другія микроскопическія, которыя совершенно сходны съ отростками амёбъ.

Нити одѣты студенистою оболочкою, столь мягкою, что она раздѣляетъ всѣ движенія саркоды; иногда, впрочемъ, она остается на своемъ мѣстѣ, а саркода ползетъ далѣе и выдѣляетъ изъ себя новую оболочку.

Нити, растущія на корѣ, имѣютъ совершенно тѣ-же свойства, что взрощенныя въ водѣ.

Нѣсколько нитей сходятся, сливаются вмѣстѣ и образуютъ плодоносную массу, которая вначалѣ мала, похожа на пылинку желтаго цвѣта, но, по-мѣрѣ присоединенія новыхъ нитей, она растетъ и составляется родъ подушечки. Во время роста такой подушечки кора вокругъ нея по всѣмъ направленіямъ пронизана саркодическими нитями; но когда подушечка совершенно образовалась, то нити исчезаютъ, оставивъ тамъ и сямъ слѣды отъ себя, а она имѣетъ видъ пылистой глыбы, имѣющей въ діаметрѣ ½ дюйма, дюймъ и даже футъ. Она устроена также изъ нитей. Во время развитія споръ лопасти и отростки на поверхности подушечки исчезаютъ; здѣсь остается только сѣть нитей, переплетенныхъ неправильно. Такимъ образомъ вся масса раздѣляется на два слоя, одинъ наружный, образующій общую оболочку, называемую у другихъ грибовъ hypothallus и peridium. Нити, лежащія подъ оболочкою сильно раздуты, петли, образуемыя ими, дѣлаются меньше и меньше и почти исчезаютъ. Въ срединѣ каждой нити скопляется бѣлая масса, оттѣсняющая желтыя крупинки къ окружности. Эта бѣлая масса подъ микроскопомъ оказывается мелко-зернистою протоплазмою и окрашивается іодомъ въ буро-желтый цвѣтъ. Въ ней образуется множество ядеръ шарообразныхъ, прозрачныхъ и содержащихъ въ себѣ по ядрышку. Около каждаго ядра скопляется плазма, границы которой, въ началѣ не опредѣленные, потомъ рѣзко очерчиваются и одѣваются прозрачною перепонкою, которая быстро твердѣетъ и получаетъ темно-фіолетовый цвѣтъ. Такимъ образомъ развиваются тысячи споръ Aethalium; небольшая часть плазмы въ то-же время образуетъ capillitium. Все развитіе при высокой температурѣ требуетъ около 15 часовъ.

Подобнымъ образомъ, какъ Aethalium, развиваются и другіе Myxomycetes. *Бари* различаетъ ихъ двѣ группы. У одной группы плодоносная масса происходитъ изъ саркодическихъ нитей совершенно также, какъ у Aethalium. У другой саркода имѣетъ видъ сѣти; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она сокращается, скопляется и образуетъ одинъ или нѣсколько простыхъ плодовъ, состоящихъ изъ покрова, котораго строеніе неопредѣлено или слоисто.

Если посѣять споры въ воду или въ гнилыя листья дерева,

кору, то черезъ нѣсколько часовъ твердая фіолетовая оболочка лопается въ томъ мѣстѣ, гдѣ она тоньше, и пластическое содержаніе, безцвѣтное и зернистое, выходитъ наружу въ видѣ шарообразной липкой массы, совершенно такимъ-же образомъ, какъ зооспоры водорослей. На этомъ шарикѣ нѣтъ оболочки и онъ тотчасъ начинаетъ измѣняться въ своемъ видѣ. Его поверхность находится въ безпрерывномъ волненіи, въ то-же время изъ него выставляются острые отростки и черезъ минуту опять втягиваются. Впродолженіе этого все тѣло вытягивается и принимаетъ окончательно форму Euglena. Передній конецъ его заостренъ и съ длинной извивающейся рѣсницею. Задняя часть расширена и округлена и у многихъ видовъ имѣетъ двѣ полости, которыя поочередно сокращаются и расширяются. Эти тѣла *Бари* называетъ *живчиками* или *сперматозоидами*. Когда ихъ рѣсница совершенно разовьется, они начинаютъ быстро двигаться скачками вправо и влѣво, и въ то-же время вращаются около своей продольной оси. Во время такихъ движеній живчики сохраняютъ удлиненную форму, но не пріобрѣтаютъ твердости, а сгибаются и сокращаются весьма разнообразно, какъ черви. Такое состояніе живчиковъ продолжается нѣсколько дней. Въ это время они размножаются дѣленіемъ. Увеличившись немного, они начинаютъ двигаться нѣсколько медленнѣе, потомъ останавливаются; посреди ихъ тѣла образуется поперечный перехватъ, который увеличивается и они раздѣляются. Каждая изъ половинъ растетъ, получаетъ форму цѣльнаго живчика и начинаетъ его движенія. Иногда на живчикахъ появляются такіе-же отростки, какъ на амебахъ, и они начинаютъ двигаться, какъ послѣдніе; рѣсничка ихъ тогда втягивается, а потомъ вновь образуется, и тогда они снова начинаютъ скакать. Въ первые дни по выходѣ изъ споры амебообразныхъ живчиковъ мало; но чѣмъ болѣе пройдетъ времени отъ выхода, тѣмъ ихъ болѣе, и величина ихъ увеличивается. Изъ этого *Бари* заключилъ, что живчики обращаются въ саркодическія нити, изъ которыхъ состоятъ растенія Myxomycetes и ихъ плоды. Это заключеніе подтвердилось и на опытѣ: живчики Aetholium septicum черезъ 8 недѣль образовали нити. Иногда живчиковъ нельзя отличить отъ Amoeba radiosa Ehr. и Duj.

Хотя нельзя допустить, что амебы Myxomycetes ѣдятъ, однакожь въ ихъ полужидкомъ тѣлѣ иногда видны кусочки твердыхъ

частей, совершенно какъ въ амебахъ зоологовъ; эти частицы выбрасываются, когда амеба начинаетъ дѣлиться.

Такимъ образомъ *Бари* изъ чрезвычайнаго сходства живчиковъ съ амебами заключаетъ, что Myxomycetes суть животныя и предлагаетъ назвать ихъ Mycetozoa.

Мемуаръ Гоффмана касается проростанія всѣхъ грибовъ; но здѣсь извлечено изъ него только то, что относится до Myxomycetes. Авторъ описываетъ сначала различныя формы споръ этого отдѣла, а потомъ и самое проростаніе. Если положить споры всѣхъ Myxomycetes въ воду или на воду, то онѣ открываются въ опредѣленномъ мѣстѣ; черезъ день или два ихъ содержаніе выходитъ наружу, какъ это наблюдалъ *Бари*, который сравниваетъ Myxomycetes съ Rhizopoda и, по мнѣнію *Гоффмана*, несправедливо относитъ первыхъ къ животнымъ. Послѣ разрыва споры, ея содержаніе выходитъ въ видѣ шарика, который одѣтъ эндоспорой, которая видна иногда уже подъ эписпорою, какъ въ крупинкахъ другихъ грибовъ; если этотъ шарикъ высохнетъ, то на немъ очень ясно видна оболочка съ двумя контурами, что дѣлаетъ весьма сомнительнымъ мнѣніе, будто эндоспора есть первичный мѣшечекъ. Шарики тяжелѣе воды и тотчасъ падаютъ на дно возлѣ споры. Время растрескиванія споры зависитъ отъ температуры; чѣмъ выше послѣдняя, тѣмъ скорѣе происходитъ растрескиваніе. Вышедшее содержаніе имѣетъ видъ вначалѣ гладкаго, безцвѣтнаго и прозрачнаго шарика, а потомъ онъ вытягивается и принимаетъ продолговатую форму. Иногда, при выходѣ, онъ обладаетъ подвижностью и носитъ на себѣ перепонку эписпоры, какъ улитка свою раковину. Черезъ часъ послѣ того на переднемъ тонкомъ концѣ его появляется длинная рѣсница, которая волнуется съ быстротою; онъ плаваетъ, качается и прыгаетъ, какъ живчикъ или какъ животное, обладающее настоящею сократимостію; его движенія, прерывающіяся иногда, продолжаются нѣсколько дней. Живчики всѣхъ Myxomycetes имѣютъ сходную форму. Если испаряется мало-по-малу вода, въ которой они живутъ, то они постепенно высыхаютъ, втягиваютъ свою рѣсницу и превращаются опять въ шарикъ. Если ихъ смочить снова, то они не принимаютъ уже форму живчиковъ, но дѣлаются амебами и на нихъ иногда снова появляется рѣсничка. Такія амебы ползаютъ медленно, ихъ тѣло какъ-будто расплывается, въ нихъ образуются полости, похожія на такъ-называемыя глаза инфузорій; черезъ нѣсколько дней

движенія ихъ дѣлаются медленнѣе и медленнѣе, потомъ прекращаются и амебы погибаютъ. Если засушенныхъ живчиковъ смочить минутъ черезъ 10, то они не оживаютъ. Живчики погибаютъ также отъ слишкомъ частаго смачиванія; въ такомъ случаѣ не замедляетъ появиться Bacterium. Въ алькоголѣ и растворѣ іода они также умираютъ; въ водѣ, отъ тающаго льда или снѣга, т.-е. имѣющей 0°, они сжимаются въ шарикъ, но черезъ нѣсколько времени снова принимаютъ свою форму и движеніе. Однимъ словомъ, обнаруживаютъ такія-же явленія, какъ настоящая инфузорія; въ амміакальной окиси мѣди они не растворяются и не окрашиваются въ розовый цвѣтъ сахаромъ съ сѣрною кислотою.

Такимъ образомъ изъ этихъ наблюденій мы имѣемъ новое доказательство, что нѣтъ рѣзкихъ границъ между нисшими животными и растеніями. Но Myxomycetes нельзя отнести къ животнымъ, потому-что подобныя образованія встрѣчаются и у другихъ грибовъ. *Гоффманъ* наблюдалъ напр. у Ustilago urceolorum Dc. (Uredo Carices Pers.). Животность Myxomycetes *Бари* находитъ еще въ саркодическомъ свойствѣ ихъ нитей; но подобныя признаки указаны *Шмитцомъ* уже въ 1842 г. и у другихъ грибовъ; *Гоффманъ* ежегодно показываетъ своимъ ученикамъ подобное устройство у Agaricus muscaricus и у другихъ пеленастыхъ грибовъ. Большія амебы *Гоффманъ* также наблюдалъ; но онъ считаетъ ихъ за тѣла, постороннія грибамъ. Кюстированія и дѣленія живчиковъ, которыя наблюдалъ *Бари*, *Гоффманъ* не видѣлъ.

Донесеніе Броньяра академіи наукъ объ опытахъ изъ растительной органогеніи. Гете (Hetet), аптекарь и преподаватель ботаники въ Тулонѣ, сдѣлалъ нѣсколько опытовъ, чтобы увѣриться въ справедливости теоріи *Дю-Пети-Туара* и *Годишо* и пришелъ къ результатамъ, опровергающимъ эту теорію. Такъ-какъ ему не были извѣстны труды, которые были сдѣланы прежде него, и онъ производилъ свои опыты совершенно самостоятельно, то коммиссія, назначенная Парижской академіей наукъ для разсмотрѣнія его изслѣдованій, нашла нужнымъ поощрить его труды.

О размноженіи Oedogonium setegerum. Вопеля (стр. 192—205). Въ этой статьѣ подтверждаются наблюденія *Прингсгейма* объ оплодотвореніи Oedogonium.

Lichenes in regionibus exoticis quibusdam vigentes exponit synopticis enumerationibus Will. Nylander (стр. 205—265). Здѣсь перечислены ягели Перу и Боливіи, числомъ 257 видовъ, Австраліи 140 видовъ

гипсометрическія измѣренія; какъ напримѣръ, огромное озеро Иссыкъ-Куль, лежащее между Тянь-Шанемъ и Заилійскимъ Алатау, имѣетъ около 5000 футъ абсолютной высоты; между-тѣмъ, сѣвернѣе только на 80 верстъ, находится Русское укрѣпленіе Вѣрное, ниже озера на 2700 футъ. Въ концѣ засѣданія, дѣйствительный членъ П. И. *Небольсинъ*, вслѣдствіе вызова и приглашенія его къ тому со-стороны г. вице-предсѣдателя Общества, въ изустномъ изложеніи предложилъ собранію нѣсколько любопытныхъ сближеній, касающихся значенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Указавъ, прежде всего, на особенную важность Москвы, какъ торгово-промышленаго центра, въ скоромъ времени долженствующаго послужить основнымъ узломъ, который свяжетъ сходящіяся къ нему со всѣхъ сторонъ линіи желѣзныхъ путей, съ сѣвера и юга, съ востока и запада, П. И. Небольсинъ передалъ нѣсколько интересныхъ фактовъ объ эксплоатаціи Николаевской дороги въ 1859 году, фактовъ, добытыхъ имъ изъ книгъ и вѣдомостей, радушно и обязательно предложенныхъ его разборкѣ коммерческимъ агентомъ Николаевской желѣзной дороги Н. А. *Харичковымъ*. Изъ этихъ данныхъ, касающихся умственныхъ и жизненныхъ сторонъ соприкосновеній Москвы съ Петербургомъ, центральной Россіи съ первенствующимъ ея сѣвернымъ портомъ, П. И. Небольсинъ обратилъ вниманіе присутствующихъ на слѣдующіе конечные результаты: Всѣхъ пассажировъ въ 1859 г. перевезено по Николаевской желѣзной дорогѣ около 1,083,000 человѣкъ. Въ этомъ общемъ числѣ пассажировъ разныхъ разрядовъ, однихъ лицъ рабочаго и вообще недостаточнаго классовъ, которымъ подъ-силу заплатить за свыше-шестисотверстный, спокойный и удобный переѣздъ только четыре цѣлковыхъ, было болѣе 905½ тысячъ человѣкъ. Главными пунктами прилива и отлива пассажировъ этого рода П. И. Небольсинъ поименовалъ 15-ть мѣстностей, и въ числѣ ихъ, на первомъ планѣ — Санктпетербургъ, Москву, Тверь, Вышній-Волочокъ и другіе. Указавъ на причины, вслѣдствіе которыхъ такое множество рабочихъ рукъ привлекается именно въ эти 15 мѣстностей, а отъ нихъ, такъ-сказать, отхлыниваетъ, П. И. Небольсинъ характеристическими комбинаціями стоимости потратъ, потребныхъ на перевозку такой массы народа изъ пунктовъ въ пунктъ обыкновенными способами переѣздовъ, выяснилъ, что переѣздъ по Николаевской желѣзной дорогѣ, въ-сравненіи съ обыкновен-

ными способами передвиженія рабочаго народа, артелями, на подводахъ, троичныхъ или одиночныхъ, сохраняетъ и сберегаетъ для ихъ дѣятельности и наживы трудовой копейки отъ шести до десяти мильйоновъ рабочихъ поденьщинъ. «Еслибы даже наши бѣдные труженики-крестьяне»—присовокупилъ г. Небольсинъ—«вслѣдствіе дурно-понятой экономіи и узкости взглядовъ на крупныя цифры, повидимому, непосильныхъ тратъ, порѣшили между собою переходъ тѣхъ огромныхъ пространствъ, которыя теперь, такъ легко и удобно для нихъ, перелетаются ими въ полсутки, въ сутки и полтора сутокъ, совершать по образу пѣшаго хожденія, то и въ этомъ случаѣ они напрасно проѣлись-бы въ пути, протоптали-бы лаптей и износили-бы одежды на цѣлые 4,000,000 р. с. Но этого мало: я прошу васъ, мм. гг., вникнуть и обсудить то, что такого рода пѣшеходное странствованіе лишило-бы нашу промышленость болѣе десяти мильйоновъ рабочихъ поденьщинъ—или двѣсти рабочихъ дней для сильнаго, свѣжаго и здороваго населенія въ 50,000 человѣкъ. Эти десять мильйоновъ поденьщинъ, сберегаемыхъ нынѣ народомъ, такъ-сказать, въ карманѣ, на свою пользу, на новый трудъ и на новый заработокъ, мало-по-малу раскрываютъ ему глаза на многое: первое и самое важное — они научаютъ его узнавать и давать цѣну времени, узнавать и давать цѣну наукѣ, знанію, такъ-сказать, очью видѣть, руками осязать всѣ блага прогресса, цивилизаціи, и, волею-неволею, развиваютъ въ немъ самосознаніе и, вникните въ это — самоуваженіе. Другая сторона та, что теперь народъ уже не съ прежнимъ безуміемъ и необдуманностью спускаетъ съ рукъ трудовую копейку въ кабакахъ и въ другихъ небогоугодныхъ заведеніяхъ; онъ смекаетъ дѣломъ и разсчетливо спѣшитъ, боясь запоздать на чугунку, чтобы заработать новую копейку и сохранно донести ее до дому, къ женѣ и дѣтямъ». Къ этимъ словамъ П. И. Небольсина присовокупилъ свой голосъ и вице-предсѣдатель Общества, генералъ-адъютантъ Ѳ. П. Литке, разсказавъ про нѣкоторые неисключительные и, къ-счастью, весьма уже нерѣдкіе случаи воздержности рабочаго народа. По наблюденіямъ очевидцевъ, легкость, удобство и быстрота паровыхъ сообщеній между С. Петербургомъ и Ригой и возможность спѣшнаго и вѣрнаго достиженія рабочими родныхъ избъ и полей сдерживаетъ цѣлыя ихъ массы отъ пьянства и охраняетъ ихъ отъ безпутныхъ потратъ на берегу тяжелымъ трудомъ нажи-

тыхъ денегъ. Общій итогъ однихъ несомнѣнныхъ матеріальныхъ сбереженій въ народной экономіи, отъ переѣзда по Николаевской желѣзной дорогѣ лишь однихъ пассажировъ низшаго разряда, по вычисленіямъ П. И. Небольсина, простирается за одинъ 1859 г. свыше десяти мильйоновъ руб. сер. Затѣмъ П. И. Небольсинъ перешелъ къ подобнымъ-же выводамъ о передвиженіи товаровъ, которыхъ въ томъ-же 1859 г. по Николаевской желѣзной дорогѣ перевезено 27 мильйоновъ пудовъ, и на перевозку которыхъ сухопутьемъ, обыкновенными способами, потребовалось-бы: троечныхъ подводъ 190,000, съ 190,000 человѣкъ извощиковъ и съ 570,000 лошадей, или: одиночныхъ подводъ 460,000, съ 135,000 человѣкъ извощиковъ и 460,000 лошадей. Сдѣлавъ любопытныя указанія на роды и виды товаровъ и на экономическое значеніе ихъ въ жизни народа, и указавъ на необходимые расходы, а также и на сбереженія громадныхъ массъ овса и сѣна для лошадей и необходимыхъ потратъ на многодневное пропитаніе самихъ извощиковъ, а главное, на время, котораго Николаевская желѣзная дорога сберегаетъ въ этомъ случаѣ, для народа, отъ 2 до 2½ мильйоновъ рабочихъ поденьщинъ, П. И. Небольсинъ привелъ слушателей своихъ къ ясному убѣжденію въ томъ, что паровое передвиженіе массъ товаровъ и пассажировъ недостаточнаго класса по Николаевской желѣзной дорогѣ, въ-теченіе одного 1859 года, сберегло въ народной экономіи болѣе 30,000,000 руб. сер., не входя въ счетъ сбереженій моральныхъ и нравственныхъ, укрѣпленій въ народѣ чувствъ добра и правды. П. И. Небольсинъ рѣчь свою заключилъ объявленіемъ, что его трудъ разборки богатыхъ данныхъ, заключающихся въ сообщенныхъ ему Н. А. Харичковымъ документахъ, еще неконченъ, и что, быть-можетъ, мѣсяца черезъ два, результатъ этихъ трудовъ будетъ напечатанъ, но не въ «Запискахъ» Общества, а вслѣдствіе особенныхъ причинъ, въ одномъ изъ частныхъ періодическихъ изданій.

Засѣданіе отдѣленія Славянской и Русской археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. — 17 марта 1860 г. происходило засѣданіе отдѣленія Славянской и Русской археологіи Императорскаго археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ И. И. *Срезневскаго*, въ присутствіи гг. членовъ: А. И. *Артемьева*,

М. И. *Броссе*, В. В. *Вельяминова-Зернова*, В. В. *Григорьева*, Г. С. *Дестуниса*, В. И. *Ламанскаго*, П. П. *Пекарскаго*, Д. В. *Полѣнова* и Ѳ. Г. *Солнцева*. Предсѣдательствующій въ отдѣленіи, И. И. *Срезневскій*, представилъ приготовленный имъ, вышедшій изъ печати 1-й выпускъ «Сказаній о св. Борисѣ и Глѣбѣ», издаваемыхъ археологическимъ Обществомъ. Здѣсь заключается текстъ сказаній по древнему списку XIV вѣка изъ Сильвестровскаго сборника. Въ введеніи представлено описаніе всѣхъ памятниковъ, здѣсь помѣщенныхъ, съ выписками, и приложеніе къ издаваемому тексту — отрывокъ изъ списка сказанія XII вѣка. Затѣмъ слѣдуетъ чтеніе сказаній, въ которомъ испорченныя мѣста Сильвестровскаго списка, по-возможности, исправлены. Вторую половину выпуска занимаетъ полный литографированный снимокъ Сильвестровскаго списка. Упомянутый сборникъ имѣетъ важное значеніе, какъ остатокъ письма и рисовки первой половины XIV вѣка, гдѣ древній изводъ переданъ безъ болѣе позднихъ измѣненій и подновленій; въ немъ сохранился древнѣйшій изъ донынѣ извѣстныхъ списковъ сказаній о названныхъ князьяхъ; другіе-же памятники, находящіеся въ сборникѣ, замѣчательны по содержанію и даже по взаимному сопоставленію: здѣсь есть часть Палеи, нѣсколько подробныхъ жизнеописаній святыхъ и съ тѣмъ вмѣстѣ любопытныя апокрифическія книги. Можно надѣяться, что изданіемъ въ свѣтъ сихъ сказаній археологическое Общество заслужитъ благодарность не только археологовъ, но и всѣхъ занимающихся древнею Русскою литературою.—М. И. Броссе прочиталъ описаніе древней серебряной чары, найденной въ пещерѣ г. Кунгура, Пермской губерніи, и представленной на разсмотрѣніе отдѣленія, въ одно изъ прошлыхъ засѣданій, г. Смышляевымъ, издателемъ «Пермскаго сборника». По нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ на оборотѣ ручки чары буквамъ, а также по тяжелому стилю вырѣзанныхъ на ней изображеній, ее можно, какъ полагаютъ гг. Броссе и Стефани, отнести, по-крайней-мѣрѣ, къ VI вѣку. Какъ древность чаши, такъ и въ-особенности мѣсто находки ея въ отдаленномъ Кунгурѣ, дѣлаютъ ее предметомъ въ высшей степени любопытнымъ. Начальство Императорскаго эрмитажа поспѣшило пріобрѣсти эту чару, а потому археологическое Общество лишилось, къ-сожалѣнію, возможности представить снимокъ съ нея для своихъ изданій.—Шуйскій купеческій сынъ, П. И. *Гундобинъ*, занимающійся собираніемъ

древнихъ монетъ и вещей, доставилъ въ археологическое Общество кувшинъ финифтяный, съ серебряными по немъ цвѣтами, и 27 серебряныхъ старинныхъ монетъ, изъ которыхъ 20 — Русскихъ, найдены однимъ крестьяниномъ, въ числѣ 423, въ Углицкомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, въ кувшинѣ, при пахаціи земли. Въ заключеніе, секретарь отдѣленія, П. П. *Пекарскій*, прочиталъ записку о статьяхъ, которыя, въ разныя времена, препровождались въ Общество отъ иногородныхъ сотрудниковъ и оставались донынѣ, по различнымъ причинамъ, непомѣщенными въ изданіяхъ его. Приведеніе въ извѣстность такихъ статей, вмѣстѣ съ краткою оцѣнкою ихъ, доставитъ возможность обратить вниманіе на нѣкоторыя любопытныя указанія и извѣстія. Въ доказательство тому, П. П. Пекарскій сослался на нѣкоторыя статьи Г. С. Громова. Тамъ, въ описаніи собора въ Звенигородѣ, помѣщено извѣстіе о серебряныхъ сосудѣ и дискосѣ, съ обозначеніемъ 6749 (1241?) года и двухъ буквъ М. П. Въ другой статьѣ: «Нѣсколько уцѣлѣвшихъ грамотъ, рукописей и древнихъ книгъ въ Звенигородскомъ Саввино-Сторожевскомъ монастырѣ» (нѣкоторыя изъ нихъ XV и XVI столѣтій) находится свѣдѣніе, что въ настоящее время монастырь этотъ сохранилъ уже немного подобныхъ памятниковъ, которые утрачиваются тамъ всего болѣе отъ небреженія. Въ монастырскій архивъ допускались, подъ благовиднымъ предлогомъ приводить въ порядокъ рукописи, такія изъ принадлежавшихъ къ монастырю лицъ, которыя нисколько не сознавали важности сохраненія остатковъ старины и древности—почему старинныя рукописи шли иногда на обклейку комнатъ, или-же просто промѣнивались кипами мелочнымъ торговцамъ. Такимъ образомъ утратились, наконецъ, и самыя описи письменныхъ памятниковъ монастыря. Подобные примѣры непростительной небрежности къ нашей старинѣ, къ сожалѣнію, весьма нерѣдки и стоютъ того, чтобы ихъ огласить во всеобщую извѣстность. Отдѣленіе Русской и Славянской археологіи постановило входить, по мѣрѣ разсмотрѣнія матеріаловъ прежнихъ лѣтъ, въ сношеніе съ своими иногородными сотрудниками, о доставленіи точнѣйшихъ свѣдѣній касательно тѣхъ предметовъ, на которые есть указанія въ помянутыхъ матеріалахъ, и которые заслуживаютъ вниманія въ научномъ отношеніи.

Задачи ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ. — Ученый комитетъ министерства, зная, что счетоводство въ большей части имѣній находится въ пренебреженіи и что многіе хозяева остаются даже въ убѣжденіи, что правильное счетоводство есть только трата времени и труда,—что̀, конечно, имѣетъ тѣсную связь съ барщинской работой, трудно подчиняемой правильному учету и оцѣнкѣ, и зная, что съ предстоящимъ улучшеніемъ быта помѣщичьихъ крестьянъ измѣнится значеніе обязательнаго труда и потребуется необходимость въ водвореніи правильной отчетности, предлагаетъ написать *Общепонятное наставленіе о сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ*.

Въ этомъ наставленіи слѣдуетъ изложить:

1) Значеніе и цѣль сельско-хозяйственнаго счетоводства; необходимость, кромѣ веденія общаго прихода и расхода, учитывать отдѣльныя отрасли хозяйства.

2) Системы счетоводства (простое, двойное, Англійское); сущность каждой.

3) Удобства и неудобства каждой изъ нихъ въ примѣненіи къ дѣлу сельскаго хозяйства вообще и къ нашимъ хозяйствамъ въ особенности.

4) Изложеніе удобнѣйшихъ системъ счетоводства для нашихъ хозяйствъ. При этомъ слѣдуетъ различить большія хозяйства отъ малыхъ, а также хозяйства, основанныя на обязательномъ трудѣ крестьянъ, отъ хозяйствъ, въ которыхъ работы отправляются по вольному найму. Правила эти должны быть пояснены примѣрами и формами книгъ, счетовъ, журналовъ и вѣдомостей.

За сочиненіе, которое будетъ найдено вполнѣ удовлетворительнымъ, назначается премія—600 руб. Труды, которые наиболѣе приблизятся къ требованіямъ программы, будутъ награждены золотыми медалями въ 150 руб. Наконецъ сочиненія, не соотвѣтствующія предложеннымъ условіямъ, но признанныя почему-либо замѣчательными, будутъ удостоены серебряныхъ медалей или почетныхъ отзывовъ. Срокъ для присылки сочиненій назначается не позже 1 сентября 1861 года.

Отчетъ о состояніи Новостроенской воскресной школы. — Заимствуемъ изъ Кіевск. телегр. этотъ любопытный отчетъ, составленный г. *Проценко*, завѣдующимъ Новостроенскою воскресною школою.

Желательно, чтобы подобные отчеты и о других существующих нынѣ у насъ воскресныхъ школахъ были также публикуемы: ознакомленіе съ устройствомъ воскресныхъ школъ и гласность объ успѣшномъ ихъ развитіи будетъ способствовать ихъ полезному разиноженію.

«Было-бы совершенно излишнимъ распространяться о пользѣ и необходимости грамотности для низшаго класса нашего общества. Всякій знаетъ, что грамотность для народа составляетъ теперь первѣйшую потребность времени. Воскресныя школы, хотя нѣсколько, удовлетворяютъ этой потребности, и слѣдовательно, по справедливости, могутъ считаться утѣшительнымъ явленіемъ.

«Открытіе Новостроенской школы 25 октября 1859 года сопровождалось молебствіемъ въ присутствіи моемъ, гг. студентовъ, частныхъ лицъ и учениковъ, — и доброе дѣло было начато благословеніемъ свыше. Сочувствіе, которое это новое учрежденіе встрѣтило въ народѣ, превзошло наши ожиданія. Мы съ радостію увидѣли, что надежды наши не обмануты, что настала пора нравственнаго пробужденія въ нашемъ добромъ крестьянинѣ. По какому-то свѣтлому инстинкту, онъ, хотя еще смутно, начинаетъ сознавать, что настала пора и ему учиться и въ этомъ провидитъ радостную сторону жизни въ своемъ будущемъ. Въ настоящее время уже опредѣлился въ извѣстной степени составъ учащихся, направленіе преподаванія и даже отчасти самые результаты обученія. Это даетъ возможность представить относительно подробный отчетъ о состояніи Новостроенской школы.

«Въ день открытія школы, 25 октября, поступило до 34 человѣкъ. Количество это возрастало съ каждымъ днемъ, когда производились занятія, такъ-что теперь число записавшихся простирается до 148. Цифра эта подвергалась безпрестаннымъ колебаніямъ. Число дѣйствительно посѣщающихъ школу не превышаетъ 60; предлагаемая здѣсь таблица покажетъ распредѣленіе числа записанныхъ въ пріемную книгу по вѣроисповѣданіямъ, націямъ, сословіямъ, занятіямъ и годамъ.

По вѣроисповѣд.	Число.	По націямъ.	Число.	По сословіямъ.	Число.	По занятіямъ.	Число.	По годамъ.	Число.
Православнаго	142	Малороссовъ..	121	крестьянъ......	72	столяровъ......	35	отъ 8 — 15	56
Католическаго	5	Великороссовъ	21	мѣщанъ........	25	портныхъ......	31	— 15 — 20	63
Лютеранскаго.	1	Поляковъ.....	5	кантонистовъ...	25	кузнецовъ......	10	— 20 — 30	29
		Нѣмцевъ.....	1	каз. крестьянъ..	20	сапожниковъ...	6		
				дворянъ.......	5	рѣзчиковъ.....	9		
				купцовъ.......	1	каретниковъ....	3		
						переплетчиковъ.	7		
						обойщиковъ....	4		
						золотыхъ дѣлъ.	2		
						ламповщиковъ..	3		
						мѣховщиковъ...	2		
						лакеевъ........	22		
						неимѣющихъ занятія........	14		
Итого...	148	—	148	—	148	—	148	—	148

«Въ Новостроенской школѣ преобладающее число остается за жителями Малороссійскихъ губерній, и справедливо можно замѣтить, что мѣстный элементъ главный въ школѣ. Нельзя не замѣтить громадной разницы между цифрами, показывающими число крестьянъ въ нашей и Подольской школѣ. Тамъ преобладающее число мѣщанъ (33 мѣщ., 29 крест.), а здѣсь наоборотъ: количество крестьянъ почти въ два съ половиною раза больше количества мѣщанъ (кр. 72, мѣщ. 25). Крѣпостные крестьяне большею частью мастеровые, отданные помѣщиками въ выучку въ разныя мастерскія. Ихъ здѣсь больше, чѣмъ на Подолѣ, потому-что новое строеніе и Крещатикъ по-преимуществу тѣ части Кіева, гдѣ помѣщаются мастерскія. Изъ таблицы, въ которой приблизительно опредѣлены годы учащихся, можно замѣтить, что всего охотнѣе посѣщаютъ школу отъ 8 — 15 лѣтъ и отъ 15 — 20 лѣтъ, — возрастъ, когда силы еще свѣжи и бодры, когда способности не успѣли еще притупиться. Пріемъ въ школу и теперь продолжается. Тутъ, кромѣ простой записки въ книгу и экзаменировки по чтенію, письму и ариѳметикѣ, формальностей никакихъ нѣтъ.

«Основное число посѣщающихъ школу и вновь поступающихъ дѣлится на грамотныхъ и неграмотныхъ въ разной степени. Слѣдствіемъ этого было необходимое раздѣленіе школы на 2 главные класса: низшій и высшій. Первый, сверхъ-того, раздѣляется на 2 отдѣленія, изъ которыхъ въ одно поступаютъ совершенно неграмотные, а въ другое (это отдѣленіе здѣсь носитъ названіе средняго класса)—кое-какъ разбирающіе буквы и усвоивающіе отчасти механизмъ чтенія. Въ высшій классъ принимаются учащіеся, которые уже относительно бѣгло читаютъ. Здѣсь они раздѣлены на нѣсколько группъ, соотвѣтственно числу учащихъ, и система обученія отлична отъ той, которая принята въ низшемъ. Ученіе происходитъ отъ 10 до 2 часовъ по полудни, всякій праздничный и воскресный день. Одинъ часъ изъ этого времени посвящается закону Божію, для чего низшій и высшій классъ сводятся. Два остальные часа въ высшемъ и среднемъ классѣ посвящаются обученію, чтенію, письму и ариѳметикѣ, а въ низшемъ исключительно грамотѣ.

«Законоучитель Кіевскаго уѣзднаго училища успѣлъ объяснить ученикамъ воскресной школы члены символа вѣры и разсказать, изъ священной исторіи Ветхаго завѣта, о сотвореніи міра и т. д. до потопа. Способъ преподаванія его былъ чрезвычайно простъ и

доступенъ ученикамъ. Кромѣ закона Божія, въ низшемъ классѣ исключительно занимаются обученіемъ чтенію. Весь классъ, состоящій изъ 12 учениковъ на дѣлѣ (*) (по списку изъ 30), дѣлился между двумя преподавателями. Система обученія принята была классная, а методъ Золотова. Пріемъ употребляемый такой: ознакомляютъ учениковъ сперва съ гласными буквами, а послѣ прикладываютъ буквы согласныя и посредствомъ различныхъ комбинацій доводятъ ученика до сознанія, что одни значки (буквы) съ голосомъ, а другіе безъ голоса. Ознакомившись съ буквами алфавита и пріучившись составлять слоги, они начинаютъ читать по таблицамъ Золотова, сначала двусложныя слова, потомъ многосложныя и т. д. Таблицы ученикамъ выдаются на домъ. Подучившись читать по таблицамъ, они переходятъ въ средній классъ. Со дня открытія школы до настоящаго времени изъ низшаго класса перешло въ средній 18 человѣкъ. Теперь они уже очень порядочно читаютъ.

«Въ среднемъ классѣ ученики раздѣлены по группамъ—отъ 2 до 3 человѣкъ. Ихъ здѣсь упражняютъ въ чтеніи по книгамъ Золотова, ариѳметикѣ (нумерація до 1.000,000, придерживаясь метода Груббе) и письму (азбука на доскѣ и бумагѣ). Самое большее число учениковъ приходится на средній классъ, по счету 70, ходитъ-же обыкновенно не болѣе 30 человѣкъ. Средній классъ служитъ приготовительнымъ для высшаго класса. Для поступленія въ высшій классъ ученикъ долженъ умѣть правильно и плавно читать, знать нумерацію до милліона и писать азбуку и слова на доскѣ и бумагѣ. Изъ средняго класса переведено въ высшій 8 человѣкъ.

«Въ высшемъ классѣ среднимъ числомъ бываетъ отъ 20 до 25 человѣкъ. Система обученія принята по группамъ. Каждому учителю (а ихъ 7 человѣкъ) дается отъ 4 до 6 человѣкъ, болѣе или менѣе одинаковаго уровня въ познаніяхъ. Онъ обязанъ упражнять ихъ въ чтеніи и письмѣ по диктовкѣ на аспидныхъ доскахъ и письмѣ на бумагѣ (каллиграфія), усиливая всегда тотъ предметъ въ которомъ группа окажется несостоятельна. Чтеніе въ высшемъ

(*) Нужно замѣтить, что эти ученики не ходятъ постоянно. Они чередуются, такъ-что въ одно воскресенье является до 10 человѣкъ такихъ учениковъ, которые въ прошлое воскресенье не были, но были въ позапрошлое и наоборотъ.

классѣ состоитъ главнымъ образомъ въ сообщеніи бѣглости и вообще механическаго навыка. Слова и мѣста непонятныя ученикамъ объясняются. Въ высшемъ классѣ были прочитаны книги Золотова, 6 книгъ народнаго чтенія за прошлый годъ,—а теперь читаютъ сельское чтеніе для дѣтей; письмо по диктовкѣ составляетъ одинъ изъ главныхъ элементовъ обученія. Мы сообщимъ результаты обученія письму: письмо на бумагѣ (каллиграфія) заключается въ перепискѣ прописей. По ариѳметикѣ предполагалось сообщить учащимся болѣе практическаго навыка въ производствѣ первыхъ четырехъ дѣйствій надъ цѣлыми, именованными и, если возможно, дробными числами. Предполагалось также ознакомить учениковъ съ исчисленіемъ на счетахъ. Слѣдующая таблица покажетъ результаты обученія ариѳметикѣ и письму по диктовкѣ.

№	При поступленіи въ школу.	Число.	Знаютъ теперь.	Число.	При поступленіи въ школу.	Число.	Умѣютъ теперь писать.	Число.
1	Неумѣвшие писать цифры...	9	1, 2 и 3 дѣйствія	9	Ничего.....	7	Слова......	3
							Порядочно.	4
2	Писавшие цифры..........	13	1, 2, 3 и 4 д...	5	Азбуку......	5	Порядочно..	5
			1, 2 и 3.......	4			Хорошо....	4
			1 и 2 дѣйств..	4	Слова.......	13	Отлично...	9
3	1-е дѣйствіе...	2	1, 2 и 3 дѣйств..	2				
4	1, 2 и 3 дѣйствія	1	1, 2, 3 и 4 д....	1				
	Итого.......	25	—	25	—	25	—	25

«Сравнивая предлагаемый отчетъ съ отчетомъ объ успѣхахъ Подольской школы, нельзя не замѣтить нѣкоторой разницы; на Подолѣ ученики, знающіе 1, 2—4 дѣйствія, знакомы уже съ именованными числами; между-тѣмъ-какъ здѣсь они ограничились только четырьмя дѣйствіями ариѳметики. Сколько я могъ замѣтить, студенты кажется придерживаются правила:

Non multa sed multum.

«Дѣло въ томъ, что они все вниманіе свое сосредоточили на практическихъ задачахъ. Матеріалы для нихъ черпаются изъ народнаго быта.

«Имѣя передъ глазами настоящій отчетъ, и принимая во вниманіе, что ученіе происходило 20 дней и что между каждымъ днемъ былъ недѣльный промежутокъ, всякій можетъ судить о пользѣ воскресныхъ школъ.

«Учащіеся были снабжаемы въ школѣ всѣми необходимыми пособіями, т.-е. книгами, бумагой, аспидными досками, перьями и т. п. Расходы покрываются изъ общихъ для всѣхъ трехъ школъ складочныхъ суммъ.

«Нельзя пройти молчаніемъ и о тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ родиться отъ энергической учебной дѣятельности гг. преподавателей воскресной школы, и если эта дѣятельность есть единственное лишь стремленіе къ одной цѣли—къ исполненію великихъ надеждъ нашего общаго Отца-Монарха, чтобъ видѣть народъ свой на высшей степени нравственнаго образованія, то должно ожидать много и много хорошаго. Надо удивляться, съ какимъ постоянствомъ, съ какою усидчивостію и самоотверженіемъ студенты, впродолженіе трехъ-четырехъ часовъ сряду, занимаются обученіемъ дѣтей, а кому неизвѣстно, что для каждаго студента нужно много и времени, и труда для его собственныхъ выгодъ, для его будущности.

«Въ воскресной школѣ можно видѣть, какъ молодой наставникъ, нерѣдко, съ запасомъ большихъ свѣдѣній по многимъ отраслямъ наукъ, окруженный дѣтьми, ничего незнающими, долженъ низойти до ихъ недостатковъ; для ихъ пользы въ обращеніи поставить себя въ уровень съ ними, безпрестанно преодолѣвать всѣ трудности въ наученіи съ невозмутимымъ душевнымъ спокойствіемъ и терпѣніемъ, а изъ этого къ основательнымъ познаніямъ юнаго педагога присоединится великая способность преподавать съ характеромъ разсудительнымъ, твердымъ и снисходительнымъ къ дѣтскому пониманію вещей, требующему частаго повторенія одного и того-же и разнообразнаго приспособленія методы ученія къ многимъ субъектамъ отдѣльно, относительно ихъ развитія и характера. Такое знаніе дѣла вырабатывается только на практикѣ, но никогда по теоріи, и можно ожидать, что изъ этихъ преподавателей будутъ впослѣдствіи примѣрные и опытные дѣятели на поприщѣ учебномъ.

«Будемъ надѣяться, прибавлю въ-заключеніе, что этотъ первый удачный шагъ къ народному образованію пробудитъ полное со-

чувствіе во всѣхъ слояхъ общества — тогда явятся средства, а съ ними возникнетъ и большее число народныхъ школъ, такъ необходимыхъ для бѣднаго рабочаго класса».

Классы для приготовленія практическихъ землемѣровъ, открытые въ Могилевѣ. — По сообщеннымъ вѣстямъ изъ Могилева, по приглашенію начальника Могилевской губерніи, нѣкоторые изъ помѣщиковъ изъявили желаніе отдать изъ своихъ имѣній крестьянскихъ мальчиковъ, для обученія ихъ практическому простому землемѣрію, и г. начальникъ губерніи нашелъ возможнымъ открыть въ Могилевѣ, при губернской чертежной, классы, для приготовленія практическихъ землемѣровъ, на что получено и разрѣшеніе. Эти классы открыты 6 декабря 1859 г. Крестьянскихъ мальчиковъ изъ помѣщичьихъ имѣній разныхъ уѣздовъ собрано въ настоящее время 12. Всѣ они помѣщаются въ квартирѣ, нанятой въ зданіи дѣтскаго пріюта.

Условія пріема крестьянскихъ мальчиковъ слѣдующія:

1) Мальчики принимаются сколько-нибудь грамотные, т.-е. умѣющіе читать и писать. 2) Возрастъ ихъ долженъ быть отъ 12 до 15 лѣтъ. 3) Помѣщикъ, желающій опредѣлить крестьянскаго мальчика изъ своего имѣнія въ классы для приготовленія практическихъ землемѣровъ, обязывается снабдить его однажды на все время обученія тремя перемѣнами бѣлья, одною парою простаго лѣтняго платья, парою сапоговъ и фуражкою и потомъ на содержаніе каждаго мальчика ежегодно вносить по 75 руб. сер., изъ каковой суммы будетъ отдѣляема часть и на пріобрѣтеніе необходимыхъ для упражненія въ землемѣріи матеріаловъ и инструментовъ. 4) Мальчики остаются въ классахъ отъ 3 до 4 лѣтъ. Въ зимнее время имъ будутъ преподаваться необходимые для практическихъ землемѣровъ предметы, а на лѣто они будутъ размѣщаемы въ межевыя партіи къ уѣзднымъ землемѣрамъ, для практическаго упражненія.

Программа предметовъ, назначенныхъ для преподаванія въ этихъ классахъ въ зимнее время, слѣдующая:

1) *Законъ Божій:* краткая священная исторія и краткій катихизисъ. 2) *Русскій языкъ:* краткая грамматика; письмо подъ диктовку, для изученія правописанія. 3) *Математика:* ариѳметика и необходимыя правила изъ лонгиметріи и планиметріи, съ чер-

ченіемъ геометрическихъ фигуръ, въ-особенности превращеніе площадей, необходимое для исчисленія плановъ. 4) *Геодезія:* выписки объ устройствѣ межевыхъ орудій и инструментовъ; способы ихъ употребленія и повѣрки; практическія упражненія накладки плановъ и исчисленія ихъ. 5) *Черченіе:* копировка плановъ, черченіе ситуаціи, отдѣлка плановъ красками по условнымъ знакамъ. 6) *Чистописаніе* первоначально по прописямъ, а послѣ разными шрифтами, для приспособленія къ разнымъ на планахъ надписямъ. 7) *Географія:* краткія понятія изъ всеобщей географіи; замѣчательнѣйшіе города и государства Европы; границы Россіи, расположеніе и наименованіе губерній. 8) *Исторія:* краткая исторія Россіи.

Главное наблюденіе за воспитанниками и хозяйственная часть возложена на губернскаго землемѣра, который обязанъ во всемъ давать отчетъ начальнику губерніи.

По ходатайству г. начальника губерніи, кромѣ крестьянскихъ мальчиковъ изъ помѣщичьихъ имѣній, которые въ зимнее время постоянно будутъ жить въ нанятой для нихъ квартирѣ, разрѣшено принимать въ классы для практическихъ землемѣровъ и вольноприходящихъ мальчиковъ всѣхъ сословій. Эти мальчики допускаются къ слушанію уроковъ безплатно, а только обязаны имѣть собственныя книги, матеріалы и инструменты, необходимые для обучающихся въ классахъ. Вольноприходящіе въ лѣтнее время будутъ заниматься практикою на земляхъ, лежащихъ вблизи города Могилева и преимущественно на городскихъ.

Публичныя лекціи въ Казани. — Въ С. Петерб. вѣд. напечатано: «Изъ Казани пишутъ намъ слѣдующее: утѣшительное явленіе въ нашей общественной жизни представляютъ *публичныя лекціи*, читаемыя, съ благотворительною цѣлью, профессорами университета. Посѣтителей на этихъ лекціяхъ постоянно бывало отъ 200 до 300 человѣкъ — фактъ, знаменательный для нашего города, доказывающій, что любовь къ просвѣщенію и у насъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Всего прочитано было 4 лекціи, а именно: 21 января, профессоръ химіи Бутлеровъ читалъ *О пособіяхъ воспламененія.* Лекція преимущественно состояла изъ опытовъ, съ необходимыми при этомъ поясненіями. Профессоръ старался изложить эти объясненія какъ можно популярнѣе, и лекція заслу-

жила всеобщее одобреніе. Но намъ кажется, напрасно г. Бутлеровъ старался избѣгать нѣкоторыхъ научныхъ терминовъ, извѣстныхъ каждому образованному человѣку, какъ напримѣръ, названія газовъ, кислорода, водорода и т. п. Правда, въ числѣ слушателей и слушательницъ были и такіе, которые, можетъ-быть, въ первый разъ услыхали-бы эти названія, но все-таки большинство-то было уже и прежде знакомо съ этими названіями.—24 января, исправляющій должность адъюнкта Варенцовъ прочиталъ прекрасную лекцію *О Тредьяковскомъ и характерѣ нашей общественной жизни въ первой половинѣ XVIII вѣка.* Не утомляя слушателей, а особенно слушательницъ, излишними подробностями, г. Варенцовъ ъумѣлъ выбрать самыя характеристическія черты времени и въ увлекательной картинѣ изобразилъ то, чѣмъ интересовались наши предки первой половины XVIII вѣка, что̀ и какъ они переняли у запада и что̀ оставалось еще своего роднаго, стариннаго; съ чѣмъ тяжело было имъ разстаться, хотя это и отжило уже свой вѣкъ. — 27 января, исправляющій должность адъюнкта Поповъ прочиталъ *Историческій очеркъ общественнаго положенія женщины предъ реформой Петра Великаго и послѣ нея.* Предметъ выбранъ очень удачно: положеніе, назначеніе, призваніе женщины въ современной жизни—вопросы самые насущные, но едва-ли ихъ можно разрѣшить безъ исторіи Русской женщины. Такое значеніе предмета придало лекціи особенный интересъ. — Наконецъ, 31 января, ординарный профессоръ Котельниковъ читалъ лекцію: *О примѣненіи электричества къ движенію машинъ и объ устройствѣ электрическихъ телеграфовъ.*—Лекція эта, по своему простому, популярному, но въ то-же время поэтическому изложенію, обратила на себя особенное вниманіе. Чтеніе г. Котельникова показало, что и сухіе, повидимому, предметы можно облекать въ самыя привлекательныя, въ самыя роскошныя формы. Лучшею похвалою читавшимъ лекціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ похвалою и обществу, можетъ служить то, что послѣ послѣдней лекціи общество изъявило непритворное желаніе послушать еще публичныхъ лекцій».

Открытіе публичной библіотеки въ Арзамасѣ.—Новый годъ подарилъ насъ, Арзамасцевъ, истинно-полезнымъ учрежденіемъ. 9 января, въ залѣ Арзамасскаго уѣзднаго училища, послѣдовало торжественное открытіе публичной библіотеки, учрежденной нынѣ при уѣзд-

номъ училищѣ съ цѣлью распространенія образованія и просвѣщенія между жителями Арзамаса, при возможно легкихъ средствахъ для нихъ (годовая цѣна за пользованіе библіотекой — отъ 3 до 5 р. сер.). Библіотека была открыта почетнымъ смотрителемъ училища, въ присутствіи архимандрита здѣшняго Спасскаго монастыря, уѣзднаго предводителя дворянства, городскаго головы и другихъ почетныхъ лицъ изъ сословій духовенства, дворянства и купечества. Штатный смотритель училища прочиталъ положеніе о публичной библіотекѣ; при этомъ въ живыхъ, энергическихъ выраженіяхъ, онъ старался вызвать общество, въ лицѣ посѣтителей, на возможно-большее сочувствіе къ начатому, прекрасному дѣлу. Предводитель дворянства на горячее слово штатнаго смотрителя поспѣшилъ отвѣчать торжественной благодарностью за содѣйствіе послѣдняго къ успѣхамъ мѣстнаго образованія. Благодарность эта послужила лучшимъ выраженіемъ того вниманія, какое наше уѣздное общество оказываетъ къ дѣламъ общеполезнымъ. Послѣ этого, одинъ изъ учителей уѣзднаго училища произнесъ рѣчь о важности учрежденія публичной библіотеки въ общемъ и частномъ ея значеніи. За тѣмъ объявлены были книги собственно училищной библіотеки, которая, по проекту, вошла въ составъ публичной, журналы, газеты, выписываемые библіотекой. Въ-заключеніе торжества, посѣтители были приглашены почетнымъ смотрителемъ на тостъ — въ честь Государя Императора, отеческимъ заботамъ котораго Россія обязана настоящимъ прогрессомъ своимъ. Въ стѣнахъ училища раздалось единодушное ура Русскому Царю, во имя просвѣщенія! Мысль учредить публичную библіотеку въ городѣ Арзамасѣ принадлежитъ директору училищъ Нижегородской губерніи. Почетный смотритель здѣшняго училища, принявъ предложеніе объ этомъ директора, съ полной готовностью споспѣшествовать дѣлу, пожертвовалъ библіотекѣ ежегодной выпиской до конца настоящей службы своей три лучшіе журнала, чѣмъ и положилъ первое основаніе учрежденію. Въ дальнѣйшемъ-же своемъ ходѣ, своей обстановкой, библіотека обязана просвѣщенному и неусыпному рвенію штатнаго смотрителя, бывшаго также библіотекаремъ. Въ настоящее время, библіотека имѣетъ у себя до 40 подписчиковъ: цифра для уѣзднаго города весьма значительная! Да, слава Богу! Арзамасъ, богатый благолѣпными церквами, будетъ богатъ, современемъ, и просвѣ-

щеніемъ! Положеніе дѣлъ такъ хорошо, что приготовились средства къ выпискѣ самыхъ лучшихъ журналовъ и притомъ въ такомъ количествѣ, что больше нельзя, кажется, и требовать, особенно въ началѣ. Надѣемся, что съ увеличеніемъ средствъ матеріальныхъ, первоначальный кругъ чтенія приметъ, впослѣдствіи, болѣе обширные размѣры чрезъ пріобрѣтеніе новыхъ журналовъ, а также отдѣльныхъ, особенно замѣчательныхъ сочиненій.

(*Моск. вѣд.*).

СОДЕРЖАНІЕ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

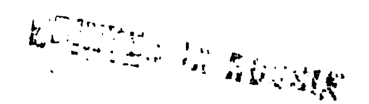
ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

1860.

МАЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

СЪ ІЮЛЯ 1860 ГОДА.

Въ составъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія входятъ:

1) Теоретическія разсужденія и практическія замѣтки по различнымъ вопросамъ изъ области педагогики и дидактики.

2) Критическія описанія разнаго рода воспитательныхъ и учебныхъ учрежденій, какъ Русскихъ, такъ и иностранныхъ, въ ихъ современномъ состояніи и историческомъ развитіи.

3) Біографіи и автобіографіи, въ которыхъ выражается вліяніе воспитанія на характеръ и жизнь человѣка.

4) Критическіе разборы педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и дѣтскихъ книгъ.

5) Критическіе разборы Русскихъ и иностранныхъ ученыхъ сочиненій по всѣмъ отдѣламъ науки, если они по содержанію своему могутъ имѣть вліяніе на педагогическую дѣятельность.

6) Критическіе разборы чисто-литературныхъ произведеній въ такомъ только случаѣ, если разбирающій находитъ въ нихъ отраженіе умственнаго и нравственнаго развитія общества или указываетъ на вліяніе, которое они могутъ имѣть на это развитіе.

7) Статьи физіологическія, если въ нихъ рѣшается, хотя косвеннымъ образомъ, тотъ или другой вопросъ физическаго воспитанія.

8) Статьи психологическія.

9) Изъ области исторіи только такія статьи, въ которыхъ раскрывается ходъ народнаго образованія въ томъ или другомъ народѣ, въ тотъ или другой періодъ времени.

10) Статьи философскія, если онѣ прямо или косвенно могутъ содѣйствовать къ опредѣленію и уясненію цѣли и задачи народнаго просвѣщенія.

11) Перечни и обозрѣнія статей, появляющихся въ Русскихъ повременныхъ изданіяхъ, но за исключеніемъ статей чисто-беллетристическаго содержанія.

Всѣ вышеупомянутыя статьи составятъ въ Журналѣ три отдѣла, а именно:

I. Науки.

II. Критика и библіографія.

III. Смѣсь.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА МАРТЪ 1860 ГОДА.

7. (1 марта) *О принятіи Казанскаго женскаго училища подъ Августѣйшее покровительство Государыни Императрицы Маріи Александровны.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе состоящаго въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія Казанскаго женскаго училища подъ Августѣйшее покровительство Государыни Императрицы Маріи Александровны и на дарованіе сему заведенію именованія *Маріинскаго* училища, въ честь Августѣйшаго Имени Ея Величества.

8. (1 марта) *О дозволеніи студентамъ бывшаго главнаго педагогическаго института поступать на службу въ учебныя заведенія человѣколюбиваго Общества.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, вслѣдствіе представленія совѣта Императорскаго человѣколюбиваго Общества, Высочайше повелѣть соизволилъ: дозволить студентовъ бывшаго главнаго педагогическаго института, при неимѣніи для нихъ учительскихъ вакансій въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, опредѣлять, по сношенію съ симъ министерствомъ, или переводить, при неимѣніи со стороны онаго препятствія, на службу въ учебныя заведенія человѣколюбиваго Общества, съ сохраненіемъ обя-

занности относительно восьмилѣтней выслуги, опредѣленной уставомъ института за казенное воспитаніе.

9. (4 марта) *О предоставленіи Халибовскому Армянскому училищу, въ г. Ѳеодосіи, нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ.*

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, согласно представленію г. министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Дозволить Халибовскому Армянскому училищу въ г. Ѳеодосіи имѣть свою собственную печать съ изображеніемъ государственнаго герба.

2) Освободить училище отъ употребленія гербовой бумаги и отъ платежа крѣпостныхъ и другихъ пошлинъ, по совершаемымъ отъ имени его актамъ и вообще по всѣмъ касающимся до него дѣламъ.

3) Дозволить сему училищу, по примѣру другихъ учебныхъ заведеній, получать изъ-за границы, безъ платежа пошлинъ, все то, что училищемъ будетъ выписано для своего употребленія по учебной части; при чемъ обязать училище о всякой выпискѣ имъ книгъ и другихъ предметовъ по учебной части предварять министерство финансовъ; при выпускѣ-же училищу таковыхъ предметовъ должны быть соблюдаемы, изложенныя въ 1273 и послѣдующихъ статьяхъ таможеннаго устава (изд. 1857 г.), правила для прочихъ учебныхъ заведеній.

4) Освободить зданія училища отъ поземельнаго и другихъ въ пользу г. Ѳеодосіи сборовъ, съ тѣмъ, чтобы въ-случаѣ отдачи сихъ зданій въ наемъ и извлеченіе чрезъ то дохода, они были обложены городскими сборами.

При семъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія рисунокъ форменной одежды воспитанниковъ означеннаго училища.

10. (18 марта) *Объ открытіи при уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ дополнительныхъ классовъ землемѣрія и таксаціи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу

управляющаго межевымъ корпусомъ, въ 28 день октября 1859 года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Въ губернскихъ городахъ, по соглашенiи министра государственныхъ имуществъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, относительно мѣстной потребности въ частныхъ межевщикахъ, открыть при уѣздныхъ училищахъ или гимназіяхъ, смотря по удобству, дополнительные классы землемѣрія и таксаціи, распредѣливъ въ нихъ курсъ ученія на 2 года.

2) Предоставить управляющему межевымъ корпусомъ назначеніе по-возможности преподавателей по спеціальнымъ предметамъ и снабженіе ихъ конспектами и программами, примѣняясь къ курсу наукъ, установленному для классовъ частныхъ землемѣровъ и таксаторовъ при институтахъ: Константиновскомъ межевомъ и Горыгорецкомъ земледѣльческомъ.

3) Принимая въ соображеніе бѣдность тѣхъ слоевъ общества, изъ которыхъ могутъ поступать въ дополнительные классы землемѣрія, а также и въ видахъ поощренія, назначить для воспитанниковъ старшаго курса вышеозначенныхъ классовъ стипендіи отъ 5 до 8 руб. въ мѣсяцъ на каждаго. Впрочемъ, предоставить, сообразуясь со средствами и дѣйствительною необходимостію, оказывать пособіе въ томъ-же размѣрѣ и воспитанникамъ младшаго дополнительнаго курса.

4) Права и преимущества окончившимъ курсъ ученія въ дополнительныхъ классахъ землемѣрія установить, примѣняясь къ правамъ и преимуществамъ, дарованнымъ частнымъ землемѣрамъ и таксаторамъ, выпускаемымъ изъ классовъ для образованія сихъ лицъ при институтахъ: Константиновскомъ межевомъ и Горыгорецкомъ земледѣльческомъ. Подробное положеніе по этому предмету предоставить министру государственныхъ имуществъ, по соглашеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, внести въ свое время въ государственный совѣтъ, для разсмотрѣнія и утвержденія его законодательнымъ порядкомъ.

5) Число учениковъ въ обоихъ курсахъ дополнительныхъ

классовъ землемѣрія, на первый разъ, ограничить 40 или 50 человѣками, смотря по обширности губерніи.

6) Потребные расходы на учителей, учебныя пособія, стипендіи, помѣщеніе и тому подобное, приблизительно исчисленные ежегодно до 5000 руб. на каждую губернію, гдѣ будутъ открыты дополнительные классы, отнести на губернскія земскія повинности, въ томъ уваженіи, что образованіе частныхъ межевщиковъ равно необходимо для всѣхъ землевладѣльцевъ. Расходъ этотъ, впредь до внесенія въ смѣты губернскихъ земскихъ повинностей, отнести на остатки отъ таковыхъ по каждой губерніи.

7) Устройство дополнительныхъ классовъ землемѣрія примѣнить къ тѣмъ основаніямъ, которыя, по соглашеніи съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, уже были въ 1843 г. и послѣдующихъ годахъ приведены въ исполненіе. Открытіе-же классовъ землемѣрія предоставить министру государственныхъ имуществъ, по совокупномъ съ министромъ народнаго просвѣщенія разсмотрѣніи составленныхъ для нихъ правилъ.

и 8) Дозволить имъ сосредоточивать при гимназіяхъ дополнительные классы изъ нѣсколькихъ уѣздныхъ училищъ. Ежели-бы оказались нужными для усиленія преподаванія еще добавочныя денежныя средства, то, по соглашеніи министра государственныхъ имуществъ съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, отнести ихъ на тѣ-же источники.

11. (20 марта) *О порядкѣ пріобрѣтенія уроженцами Царства Польскаго въ С. Петербургскомъ университетѣ степеней магистра и доктора законовѣдѣнія.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: въ дополненіе къ положенію о производствѣ въ ученыя степени, Высочайше утвержденному 6 апрѣля 1844 года, постановить:

1) Кандидаты изъ уроженцевъ Царства Польскаго, же-

лающіе пріобрѣсти степень магистра законовѣдѣнія, обязаны выдержать испытаніе:

А. *По разряду гражданскаго права:* изъ гражданскихъ законовъ и гражданскаго судопроизводства Царства Польскаго, вмѣсто гражданскихъ законовъ Россійской Имперіи.

Б. *По разряду уголовнаго права:* изъ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ и уголовнаго судопроизводства, съ тѣми измѣненіями, которыя отличаютъ уголовное законодательство Царства Польскаго отъ имперіи.

В. *По разряду государственнаго права:* изъ государственнаго права Россійской Имперіи и изъ административныхъ и финансовыхъ законовъ Царства Польскаго.

Сверхъ-сего, ищущіе степени магистра должны выдержать испытаніе изъ показанныхъ въ приложенной къ положенію 1844 г. таблицѣ подъ лит. В *вторыхъ* по каждому разряду предметовъ и представить требуемую § 36 положенія диссертацію, на двухъ языкахъ — Русскомъ и Польскомъ.

2) Желающіе пріобрѣсть степень доктора юридическихъ наукъ, обязаны представить диссертацію также на Русскомъ и Польскомъ языкахъ и выдержать испытаніе изъ опредѣленныхъ въ таблицѣ подъ лит. Г предметовъ, замѣняя только гражданскіе и уголовные законы Имперіи законодательствомъ Царства Польскаго.

12. (20 марта) *Объ учрежденіи педагогическихъ курсовъ при Императорскихъ университетахъ: С. Петербургскомъ, Московскомъ, Кіевскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Учредить педагогическіе курсы, на основаніи особаго положенія о сихъ курсахъ, съ начала будущаго учебнаго года при университетахъ: С. Петербургскомъ, Московскомъ, Кіевскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ упразд-

нить педагогическіе институты, состоящіе при четырехъ последнихъ университетахъ, по выбытіи всѣхъ студентовъ, нынѣ находящихся въ означенныхъ институтахъ.

2) Совѣты, состоящіе при попечителяхъ учебныхъ округовъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 25 іюня 1835 года положенія объ учебныхъ округахъ, преобразовать согласно съ новымъ положеніемъ о попечительскихъ совѣтахъ.

3) Для практическаго образованія молодыхъ педагоговъ назначить всѣ гимназіи, находящіяся въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Казани, предоставивъ равномѣрное распредѣленіе кандидатовъ по гимназіямъ педагогическому комитету попечительскаго совѣта.

4) На содержаніе педагогическихъ курсовъ назначить 69,350 рублей серебромъ.

5) Въ счетъ сей суммы обратить 60,235 руб., отпускавшіеся изъ государственнаго казначейства на содержаніе главнаго педагогическаго института, за упраздненіемъ онаго, предназначенные для вновь учреждаемыхъ педагогическихъ курсовъ, и сверхъ-того 2,857 р., опредѣленные штатомъ университета св. Владиміра на содержаніе 20-ти студентовъ юридическаго института сего университета, всего 63,092 р., и

6) Недостающіе затѣмъ 6,258 р. пополнять изъ назначеннаго штатами университетовъ: Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго и св. Владиміра, содержанія казеннокоштныхъ студентовъ педагогическихъ институтовъ сихъ университетовъ съ тѣмъ, чтобы перечисленіе оныхъ въ суммы педагогическихъ курсовъ производилось постепенно, по мѣрѣ выбытія изъ университетовъ сихъ студентовъ въ соотвѣтствующемъ числѣ.

О семъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, г. управляющій министерствомъ юстиціи предлагаетъ правительствующему сенату, прилагая два Высочайше утвержденныхъ положенія: 1) о педагогическихъ курсахъ и 2) о совѣтахъ при попечителяхъ учебныхъ округовъ.

13. (20 марта).

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Быть по сему».

Марта 20-го дня 1860 года. Въ С. Петербургѣ.

ПОЛОЖЕНІЕ

о педагогическихъ курсахъ.

§ 1. Для доставленія посвящающимъ себя учебному поприщу и дѣлу воспитанія возможности пріобрѣсть педагогическое образованіе, учреждаются въ тѣхъ городахъ, гдѣ находятся университеты, педагогическіе курсы.

§ 2. Ближайшая цѣль педагогическихъ курсовъ состоитъ въ приготовленіи достойныхъ учителей и воспитателей собственно для среднихъ учебныхъ заведеній какъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и другихъ министерствъ и управленій.

§ 3. Въ педагогическихъ курсахъ приготовляются кандидаты-педагоги не только для округовъ, гдѣ сіи курсы будутъ учреждены, но и для тѣхъ, гдѣ нѣтъ университетовъ, а именно: въ С. Петербургѣ — для учебныхъ округовъ: Виленскаго и Варшавскаго, въ Москвѣ — для Виленскаго, въ Кіевѣ — для Одесскаго, въ Харьковѣ — для Закавказскаго и въ Казани— для Сибири.

§ 4. Наиболѣе способнымъ и достойнымъ кандидатамъ назначаются, по избранію попечительскихъ совѣтовъ, стипендіи на счетъ государственнаго казначейства. Число казенныхъ стипендій полагается ежегодно для учебныхъ округовъ: С. Петербургскаго—12, Виленскаго—14, Московскаго—10, Кіевскаго — 8, Казанскаго и Одесскаго —по 7, Харьковскаго — 6 и для Сибири — 3.

Примѣчаніе. Стипендіаты Варшавскаго и Закавказскаго округовъ содержатся на счетъ мѣстныхъ способовъ. Опредѣленіе ихъ числа предоставляется усмотрѣнію намѣстниковъ Царства Польскаго и Закавказскаго края.

§ 5. Стипендіаты получаютъ отъ казны, въ С. Петербургѣ и Москвѣ по 350 р., а въ Кіевѣ, Харьковѣ и Казани — по 300 р. ежегодно. Сверхъ-того, какъ стипендіатамъ, такъ и своекоштнымъ кандидатамъ, зачисляется въ дѣйствительную службу время пребыванія ихъ въ педагогическихъ курсахъ, но послѣднимъ только тогда, когда, по окончаніи своего въ нихъ образованія, они дѣйствительно пробудутъ въ званіи учителя или воспитателя не менѣе четырехъ лѣтъ.

§ 6. Пользовавшійся казенною стипендіею обязанъ прослужить, по назначенію начальства, три года за каждый годъ стипендіатства; но возвращеніе суммы, на содержаніе стипендіата издержанной, освобождаетъ его отъ обязательной службы по учебному вѣдомству.

§ 7. Сверхъ стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія, могутъ приготовляться въ педагогическихъ курсахъ стипендіаты и отъ другихъ вѣдомствъ и управленій, а также стипендіаты, содержимые на счетъ общественныхъ и частныхъ пожертвованій. За сихъ послѣднихъ вносится, сверхъ опредѣленной въ § 5 суммы, единовременно по 50 р. въ пользу педагогическихъ курсовъ.

§ 8. Въ педагогическіе курсы принимаются удостоенные университетами степени кандидата, или званія дѣйствительнаго студента по историко-филологическому и физико-математическому факультетамъ безъ испытанія. Получившіе-же степень кандидата, или званіе дѣйствительнаго студента по другимъ университетскимъ факультетамъ, а равно воспитанники лицеевъ, выпущенные съ правами на чинъ XII-го класса, принимаются не иначе, какъ по выдержаніи дополнительнаго экзамена въ тѣхъ избираемыхъ ими, для спеціальнаго изученія, предметахъ, которыхъ они не слушали въ факультетскомъ объемѣ, или въ которыхъ не подвергались испытанію. Въ свидѣтельствахъ университетскаго начальства о такомъ дополнительномъ экзаменѣ должно быть присовокупляемо, что лица,

получившіе сіи свидѣтельства, признаются способными для педагогической дѣятельности.

Примѣчаніе. Отъ всѣхъ, поступающихъ въ педагогическіе курсы, требуется знаніе одного изъ языковъ Французскаго или Нѣмецкаго на столько, чтобы они могли понимать сочиненія на сихъ языкахъ по предметамъ спеціальнаго ихъ курса.

§ 9. Желающіе посвятить себя преподаванію однихъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ: Нѣмецкаго, Французскаго, или исполненію обязанности воспитателя (нынѣ надзирателя) въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ училищахъ и пансіонахъ, принимаются въ педагогическіе курсы и по свидѣтельствамъ о спеціальномъ испытаніи ихъ, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ приложеніи къ ст. 365 Св. Зак. Т. III. *Уст. о служ. по опред. отъ правит.*

Примѣчаніе. Иностранцы, до времени, могутъ быть опредѣляемы въ должности учителей новѣйшихъ языковъ на прежнемъ основаніи и безъ принятія ими присяги на Русское подданство.

§ 10. Независимо отъ условій пріема въ педагогическіе курсы по образованію, требуется еще, чтобы поступающіе въ сіи курсы были безукоризненной нравственности и одобрительнаго образа жизни.

§ 11. Пріемъ въ педагогическіе курсы бываетъ однажды въ годъ въ началѣ августа мѣсяца.

§ 12. Прошенія о пріемѣ въ курсы подаются попечителямъ учебныхъ округовъ съ 1 іюля по 1 августа съ приложеніемъ:

а) Установленныхъ дипломовъ и аттестатовъ и особыхъ свидѣтельствъ университетскаго, или лицейскаго начальства о поведеніи.

б) Свидѣтельствъ о выдержаніи спеціальнаго испытанія на должность учителя новѣйшихъ языковъ въ гимназіяхъ, или домашняго учителя, если просители не проходили, или не кончили университетскаго или лицейскаго курса, или не подвергались въ университетѣ испытанію на степень кандидата.

в) Свидѣтельствъ о поведеніи и нравственности отъ мѣстныхъ начальствъ, въ вѣдомствѣ коихъ просители проживаютъ,

или проживали. Отъ предъявленія таковыхъ свидѣтельствъ освобождаются бывшіе студенты университетовъ или лицеевъ, если отъ выпуска ихъ изъ сихъ заведеній до времени подачи ими просьбы о пріемѣ въ педагогическіе курсы прошло менѣе года.

г) Документовъ о принадлежности къ сословію, если проситель не изъ числа кончившихъ курсъ въ университетѣ или лицеѣ, или не изъ домашнихъ учителей. Лица податныхъ сословій въ такомъ случаѣ представляютъ увольнительныя свидѣтельства отъ обществъ, къ коимъ они приписаны.

§ 13. Прошенія съ документами передаются попечителемъ въ попечительскій совѣтъ, который, по разсмотрѣніи ихъ, разрѣшаетъ принятіе просителя, если найдетъ документы достаточными. За тѣмъ принятый причисляется немедленно къ одной изъ гимназій университетскаго города.

§ 14. Поступившіе въ педагогическіе курсы кандидаты подчиняются начальствамъ гимназій, къ коимъ причислены, наравнѣ съ преподавателями. Начальства сихъ гимназій ведутъ, по установленной формѣ, подробные списки поступившихъ кандидатовъ.

§ 15. Срокъ приготовленія въ педагогическихъ курсахъ казенныхъ стипендіатовъ полагается два года; но отъ усмотрѣнія попечительскаго совѣта зависитъ сокращать сей срокъ, смотря по способностямъ и успѣхамъ кандидатовъ. Долѣе-же двухъ лѣтъ стипендіаты могутъ быть оставляемы въ курсахъ только съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, по особо уважительнымъ причинамъ.

§ 16. Своекоштнымъ кандидатамъ предоставляется оставаться въ педагогическихъ курсахъ, сколько они пожелаютъ; но аттестаты на званіе учителя они могутъ пріобрѣтать лишь установленнымъ испытаніемъ (§§ 32—37).

§ 17. Такъ-какъ могутъ быть случаи, что стипендіатъ рѣшится вступить на педагогическое поприще по необдуманному увлеченію, или по какимъ-либо разсчетамъ, не сообразясь съ

своими наклонностями; то, въ предупрежденіе вредныхъ отъ того послѣдствій, дозволяется ему, до истеченія трехъ мѣсяцевъ по зачисленіи въ курсы, предъявить о неспособности къ педагогическому дѣлу попечительскому совѣту, который, войдя въ подробное разсмотрѣніе подлежащихъ обстоятельствъ и удостовѣряясь въ дѣйствительности факта, можетъ уволить такого стипендіата изъ курсовъ, безъ возврата употребленныхъ на содержаніе его денегъ. Стипендіаты-же, оказавшіеся неспособными къ педагогической дѣятельности, немедленно увольняются изъ курсовъ.

§ 18. Предметы педагогическихъ курсовъ раздѣляются на слѣдующіе отдѣлы:

Къ 1 отдѣлу принадлежатъ: Русская словесность съ Славянскимъ языкомъ и Русская исторія; ко 2-му — Латинскій или Греческій языкъ съ Римскими или Греческими древностями; къ 3-му — всеобщая и Русская исторія и политическая географія; къ 4-му — математика и физика; къ 5-му — естественная исторія и географія физическая и математическая, и къ 6-му — новѣйшіе языки: Нѣмецкій и Французскій.

§ 19. Поступающіе въ педагогическіе курсы избираютъ, для спеціальнаго своего изученія, который-либо изъ отдѣловъ, исчисленныхъ въ § 18, въ чемъ берутся отъ нихъ немедленно, по подачѣ прошеній, подписки, которыя и докладываются совѣту вмѣстѣ съ прошеніями.

Примѣчаніе 1-е. Сверхъ избраннаго отдѣла, желающіе могутъ упражняться въ преподаваніи какого-либо предмета изъ другаго отдѣла.

Примѣчаніе 2-е. Избирающіе послѣдній изъ прописанныхъ въ § 18 отдѣловъ могутъ ограничиться изученіемъ только одного изъ новѣйшихъ языковъ—Нѣмецкаго, или Французскаго, по желанію.

§ 20. Сверхъ вышеисчисленныхъ предметовъ, для всѣхъ кандидатовъ одинаково обязана педагогика и дидактика.

§ 21. При распредѣленіи стипендій по числу отдѣловъ педагогическихъ курсовъ, принимаются въ соображеніе всѣ об-

стоятельства, отъ которыхъ зависятъ ближайшая потребность въ большемъ или меньшемъ числѣ преподавателей, по каждому предмету.

§ 22. Занятія кандидатовъ въ педагогическихъ курсахъ раздѣляются на теоретическія и практическія.

§ 23. Теоретическія занятія заключаются;

1) *Для предназначающихъ себя къ должностямъ учителей предметовъ и древнихъ языковъ:*

а) Въ самостоятельномъ изученіи предметовъ избраннаго ими отдѣла, со стороны научной и педагогической, подъ руководствомъ профессоровъ, преподающихъ эти предметы. Для пособія въ семъ отношеніи, предоставляется кандидатамъ доступъ въ библіотеки, кабинеты, обсерваторіи и лабараторіи университетовъ и гимназій.

б) Въ слушаніи лекцій педагогики и дидактики въ университетѣ.

2) *Для готовящихся быть учителями новѣйшихъ иностранныхъ языковъ и воспитателями* :

а) Въ изученіи Нѣмецкаго или Французскаго и Русскаго языковъ.

б) Въ слушаніи лекцій педагогики и дидактики.

§ 24. Профессоры, принявшіе на себя обязанность руководить кандидатовъ посредствомъ указаній, совѣтовъ и наблюденій за успѣхами научныхъ ихъ занятій, доносятъ о результатахъ, по истеченіи каждыхъ шести мѣсяцевъ, попечительскому совѣту. Независимо отъ научныхъ занятій избранными предметами, подъ руководствомъ профессоровъ, кандидаты могутъ посѣщать и университетскія лекціи, особенно по тѣмъ предметамъ, которыхъ изученіе требуетъ наглядности и опытовъ. Приготовляющіе себя къ поступленію въ учители новѣйшихъ языковъ получаютъ дальнѣйшее въ нихъ образованіе подъ руководствомъ лекторовъ университета, а Русскимъ языкомъ занимаются подъ наблюденіемъ опытныхъ преподавателей гимна-

зій, къ коимъ причислены. Педагогика и дидактика преподаются профессоромъ университета по этой каѳедрѣ.

§ 25. За труды по обязанностямъ, исчисленнымъ выше, профессоры, лекторы и учители получаютъ денежное вознагражденіе по опредѣленію попечительскаго совѣта, изъ общей суммы. особо на этотъ предметъ назначенной.

§ 26. Одновременно съ теоретическими занятіями, происходятъ и практическія упражненія кандидатовъ въ искусствѣ преподаванія, съ соблюденіемъ должной постепенности.

§ 27. Во всемъ, что относится до практическихъ занятій, кандидаты состоятъ въ вѣдѣніи педагогическаго комитета, составленнаго изъ членовъ попечительскаго совѣта: профессора педагогики, директоровъ гимназій, и, если нужно, еще одного, или двухъ лицъ опытныхъ въ педагогики. Комитетъ завѣдываетъ въ общей совокупности дѣломъ педагогическаго образованія кандидатовъ и назначаетъ имъ въ непосредственные руководители опытнѣйшихъ учителей гимназій, къ которымъ кандидаты причислены. Учители-руководители участвуютъ въ засѣданіяхъ комитета съ правомъ голоса, каждый по своему предмету, и получаютъ за труды свои особое вознагражденіе изъ общей суммы, особо на сей предметъ опредѣленной, по назначенію попечительскаго совѣта.

§ 28. Такъ-какъ практическія занятія имѣютъ главнѣйшею цѣлью способствовать развитію педагогическихъ способностей кандидатовъ, то, до приступленія къ самому преподаванію они должны нѣкоторое время присутствовать при урокахъ учителей гимназіи, къ коей причислены, а равно посѣщать, по указанію гимназическаго совѣта, другія учебныя заведенія, для ознакомленія съ методами и практическими пріемами лучшихъ преподавателей.

§ 29. По истеченіи нѣкотораго времени, проведеннаго кандидатами въ слушаніи уроковъ, продолжительность котораго опредѣляется комитетомъ, по индивидуальнымъ способностямъ

каждаго, они упражняются нѣсколько времени въ чтеніи, въ видѣ опыта, классныхъ лекцій, подъ руководствомъ назначенныхъ преподавателей и наблюденіемъ членовъ педагогическаго комитета; послѣ чего уже имъ поручается самостоятельное преподаваніе избранныхъ ими предметовъ въ гимназіяхъ и даже частныхъ училищахъ, подъ наблюденіемъ однако руководствующихъ ихъ учителей, или членовъ педагогическаго комитета.

§ 30. Такая-же постепенность наблюдается относительно занятій кандидатовъ по нравственному образованію воспитанниковъ. Въ началѣ кандидаты, присутствуя при рекреаціяхъ и занятіяхъ воспитанниковъ гимназическихъ пансіоновъ, наблюдаютъ за ними и занимаются повтореніемъ съ ними пройденнаго въ классахъ, подъ наблюденіемъ инспектора; впослѣдствіи-же, на нихъ самихъ возлагается отвѣтственный надзоръ за воспитанниками и самостоятельное приготовленіе ихъ къ классамъ.

§ 31. За симъ право на полученіе должности преподавателя, или воспитателя въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, окончательно пріобрѣтается надлежащимъ испытаніемъ кандидатовъ.

§ 32. Вышеозначенное испытаніе заключается: а) въ сочиненіяхъ или диссертаціяхъ на заданныя темы и словесномъ защищеніи оныхъ и б) въ пробной лекціи.

§ 33. Каждый кандидатъ обязанъ представить въ попечительскій совѣтъ не менѣе двухъ сочиненій по предметамъ избраннаго имъ отдѣла: одно—чисто-научнаго, а другое—педагогическаго содержанія. Сочиненія сіи представляются кандидатами въ попечительскій совѣтъ въ сроки, какіе каждому изъ нихъ будутъ назначаемы педагогическимъ комитетомъ.

§ 34. Совѣтъ назначаетъ въ полномъ своемъ присутствіи бесѣду, или диспутъ съ цѣлью удостовѣриться точнѣйшимъ образомъ, что представленное сочиненіе есть собственный и вполнѣ самостоятельный трудъ кандидата и въ какой мѣрѣ онъ дѣйствительно владѣетъ наукой и педагогическими свѣдѣніями.

§ 35. По содержанію сочиненій, по результатамъ диспута, который направляютъ профессоры педагогики и по соображеніи отзывовъ совѣта гимназіи, къ которой кандидатъ причисленъ, попечительскій совѣтъ составляетъ заключеніе одобрительное, или неодобрительное о познаніяхъ кандидата и объ умѣньи его излагать свои мысли ясно и отчетливо.

Примѣчаніе. Въ случаѣ не совсѣмъ одобрительнаго заключенія попечительскаго совѣта о стипендіатѣ, онъ можетъ быть оставленъ въ курсахъ, по уважительнымъ причинамъ еще на третій годъ, но неиначе, какъ съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія.

§ 36. Если-же о кандидатѣ послѣдуетъ вообще одобрительное заключеніе попечительнаго совѣта, то онъ подвергается послѣднему испытанію, состоящему въ чтеніи пробнаго урока по каждому предмету избраннаго отдѣла, въ полномъ присутствіи совѣта, который назначаетъ кандидату предметъ лекцій.

§ 37. По исполненіи удовлетворительно и этой послѣдней обязанности, кандидаты педагогическихъ курсовъ оканчиваютъ практическія свои занятія и поступаютъ въ дѣйствительную службу.

§ 38. Кандидаты, окончившіе такимъ образомъ свое практическое образованіе, сообразно степени научныхъ познаній и педагогическаго ихъ достоинства, раздѣляются на два разряда. Къ первому причисляются кандидаты, оказавшіе равно удовлетворительные успѣхи какъ по практическимъ занятіямъ, согласно удостовѣренію педагогическаго комитета, такъ и по результатамъ испытаній. Таковые кандидаты поступаютъ прямо въ преподаватели, или воспитатели среднихъ учебныхъ заведеній. Во второй разрядъ входятъ кандидаты, оказавшіе не вполнѣ удовлетворительные успѣхи въ преподаваніи избранныхъ ими предметовъ. Кандидаты этого разряда опредѣляются на мѣста учителей уѣздныхъ училищъ, съ правомъ однакожь занять впослѣдствіи должность преподавателя въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, если по конкурсу окажутся того достойными.

§ 39. Распредѣленіе кандидатовъ по разрядамъ производится въ полномъ присутствіи попечительскаго совѣта, по большинству голосовъ. Въ-случаѣ какого-либо сомнѣнія, вопросъ представляется на окончательное разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія.

§ 40. Окончившимъ курсъ кандидатамъ выдаются аттестаты за подписью присутствующихъ въ попечительскомъ совѣтѣ, съ опредѣлительнымъ обозначеніемъ въ сихъ аттестатахъ, дается-ли кандидату одно право преподаванія, или вмѣстѣ и право на воспитаніе, или наконецъ одно послѣднее. При опредѣленіи этихъ различій, попечительскій совѣтъ принимаетъ въ соображеніе свѣдѣнія, доставленныя педагогическимъ комитетомъ относительно нравственныхъ свойствъ и физическаго сложенія кандидатовъ.

§ 41. Кандидатамъ, получившимъ одобрительные аттестаты, но оказавшимся съ физическими недостатками, какъ-то: слабостью голоса, поврежденіемъ грудныхъ органовъ и т. п., лишающими ихъ возможности публично преподавать, предоставляется право ученія и воспитанія въ частныхъ домахъ и въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 42. Удостоенные аттестатовъ немедленно вносятся въ общій списокъ дѣйствительныхъ кандидатовъ на мѣста преподавателей или воспитателей.

§ 43. Въ округахъ, гдѣ находятся педагогическіе курсы, попечительные совѣты постоянно собираютъ точныя свѣдѣнія объ открывающихся и ожидаемыхъ, въ-теченіе года, вакансіяхъ на мѣста учителей и воспитателей какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ дворянскихъ институтахъ и училищахъ, и, на основаніи сихъ свѣдѣній, замѣщаютъ означенныя должности по старшинству зачисленія молодыхъ педаговъ въ дѣйствительные кандидаты, не дѣлая различія между казенными и частными стипендіатами, или своекоштными кандидатами. На сей конецъ, попечители Одесскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ обязаны своевременно сообщать надлежащія свѣдѣнія о ва-

кантныхъ мѣстахъ въ ихъ округахъ начальствамъ округовъ С. Петербургскаго, Московскаго и Кіевскаго по принадлежности; послѣдніе-же, отдѣляя потребное число кандидатовъ для помянутыхъ двухъ округовъ, немедленно отсылаютъ ихъ въ Одессу или Вильно въ распоряженіе тамошнихъ попечителей, или-же прямо въ мѣста назначенія, если оно уже послѣдовало, по предварительному сношенію между собою попечителей.

Примѣчаніе. Министерство народнаго просвѣщенія, по истребованіи нужныхъ свѣдѣній, опредѣляетъ ежегодно впередъ, какое число кандидатовъ на мѣста учителей и воспитателей будетъ потребно для Одесскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ и сколько въ то число имѣетъ быть отдѣлено для Одесскаго округа изъ Кіевскихъ, для Виленскаго округа изъ Московскихъ, а для Сибирскихъ губерній изъ Казанскихъ педагогическихъ курсовъ.

§ 44. Стипендіаты округовъ: Закавказскаго и Варшавскаго отсылаются немедленно къ мѣстнымъ своимъ начальствамъ, которыя назначаютъ ихъ къ должностямъ по своему усмотрѣнію.

§ 45. Попечительскіе совѣты представляютъ, чрезъ попечителей, министру народнаго просвѣщенія по третямъ года свѣдѣнія: о числѣ посѣщающихъ педагогическіе курсы и оканчивающихъ въ нихъ свое образованіе и объ имѣющихся въ виду вакансіяхъ учителей и воспитателей. Если по какому-либо округу, за распредѣленіемъ кандидатовъ на вышеизложенныхъ основаніяхъ, будетъ предстоять излишекъ въ кандидатахъ; то министерство заблаговременно дѣлаетъ распоряженіе о замѣщеніи сими излишними кандидатами вакантныхъ мѣстъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ можетъ встрѣтиться недостатокъ въ кандидатахъ.

§ 46. Если и за сдѣланнымъ министерствомъ распоряженіемъ останутся кандидаты безъ назначенія, въ такомъ случаѣ начальства округовъ, въ распоряженіи коихъ они состоятъ, могутъ ихъ опредѣлять, но только временно, до открытія вакансій, сверхштатными учителями въ гимназіи, дворянскія и уѣздныя училища, съ соотвѣтственнымъ содержаніемъ изъ сво-

бодныхъ училищныхъ суммъ; но въ уѣздныя училища не иначе, какъ съ собственнаго на то согласія кандидатовъ. Равнымъ образомъ дозволяется такимъ кандидатамъ переходить на службу въ другіе округи министерства народнаго просвѣщенія и даже въ другія вѣдомства по учебной части, гдѣ только можетъ имъ открыться возможность получить соотвѣтственное ихъ образованію мѣсто.

§ 47. Отличнѣйшимъ изъ кандидатовъ педагогическихъ курсовъ дается преимущество на занятіе мѣстъ адъюнктовъ и доцентовъ въ университетѣ, съ соблюденіемъ установленныхъ для того правилъ. Они могутъ также быть посылаемы на счетъ правительства за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ и педагогикѣ.

§ 48. Кандидаты педагогическихъ курсовъ, занимающіеся воспитаніемъ и преподаваніемъ въ частныхъ домахъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя-бы не имѣли званія дѣйствительнаго студента, или диплома на ученую степень, пользуются, если не состоятъ въ дѣйствительной службѣ, всѣми правами и преимуществами, присвоенными существующими постановленіями домашнимъ наставникамъ.

Подписали: Евграфъ *Ковалевскій*, Николай *Мухановъ*, Павелъ *Игнатьевъ*, Дмитрій *Левшинъ*, Павелъ *Гаевскій*, Иванъ *Деляновъ*, Николай *Ребиндеръ*, князь Николай *Цертелевъ*.

---

14. (20 марта).

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*Быть по сему*».

Марта 20 дня 1860 года. Въ С. Петербургѣ.

ПОЛОЖЕНІЕ

О СОВѢТАХЪ ПРИ ПОПЕЧИТЕЛЯХЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГОВЪ.

§ 1. По-случаю учрежденія въ учебныхъ округахъ педагогическихъ курсовъ для приготовленія преподавателей и воспи-

тателей въ среднія учебныя заведенія, распространяется составъ и кругъ дѣйствія совѣтовъ, существующихъ при попечителяхъ, на основаніи положенія объ учебныхъ округахъ 25 іюня 1835 года.

§ 2. Попечительскій совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ попечителя, изъ слѣдующихъ постоянныхъ членовъ: помощника попечителя, ректора университета, а въ Одессѣ — директора лицея, инспектора казенныхъ училищъ и директоровъ гимназій и дворянскихъ институтовъ. Въ городахъ-же университетскихъ засѣдаютъ въ совѣтѣ, также въ качествѣ членовъ, по дѣламъ, касающимся собственно до учебной части: деканы историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ и шесть профессоровъ по предметамъ: а) Русскаго языка и словесности, б) древнихъ языковъ, в) исторіи, г) математики, д) естественной исторіи и е) педагогіи.

Примѣчаніе. Профессоры первыхъ пяти предметовъ выбираются въ члены попечительскаго совѣта совѣтомъ университета, на двухлѣтній срокъ.

§ 3. Сверхъ-того, приглашаются въ совѣтъ учители гимназій, когда по ихъ предметамъ производятся испытанія кандидатовъ-педагоговъ, порученныхъ непосредственному ихъ руководству, или когда, по возбужденнымъ педагогическимъ вопросамъ, совѣтъ найдетъ нужнымъ ихъ присутствіе для обсужденія вопросовъ, съ практической стороны.

§ 4. Разсмотрѣнію и рѣшенію попечительскихъ совѣтовъ подлежатъ дѣла административныя и относящіяся собственно до учебной части.

§ 5. Дѣла административныя поступаютъ въ совѣтъ неиначе, какъ по назначенію самихъ попечителей; сюда относятся дѣла:

а) По слѣдствіямъ объ упущеніяхъ и злоупотребленіяхъ училищныхъ чиновниковъ и учителей.

б) Объ ущербѣ училищнаго имущества и взысканіяхъ по этимъ дѣламъ.

в) О претензіяхъ частныхъ лицъ на училищное вѣдомство.

г) О покупкѣ, постройкѣ и наймѣ домовъ по училищному вѣдомству.

д) О продажѣ училищныхъ зданій и имущества учебныхъ заведеній.

е) О пріобрѣтеніи для училищъ, на счетъ экономическихъ суммъ ихъ, разныхъ потребностей, свыше 300 рублей серебромъ.

ж) Объ утвержденіи контрактовъ на подряды и поставки по штатнымъ и другимъ опредѣленнымъ расходамъ, свыше 3000 рублей серебромъ.

§ 6. По дѣламъ, относящимся собственно до учебной части, попечители учебныхъ округовъ приступаютъ къ распоряженіямъ не прежде, какъ по обсужденіи ихъ предварительно въ совѣтѣ.

Къ дѣламъ сего рода принадлежатъ:

а) Открытіе новыхъ и закрытіе существующихъ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній.

б) Принятіе мѣръ и обсужденіе предположеній, относящихся до улучшенія учебной части, исправленія вкравшихся недостатковъ и предупрежденія ихъ на будущее время.

в) Разсмотрѣніе и оцѣнка достоинства учебныхъ руководствъ и опредѣленіе, какія изъ нихъ съ большею пользою могутъ быть употребляемы въ учебныхъ заведеніяхъ.

г) Удостоеніе къ пріему въ педагогическіе курсы кандидатовъ, назначеніе имъ стипендій, распредѣленіе ихъ по училищамъ и наблюденіе за успѣхами ихъ.

д) Производство испытанія кандидатамъ, утвержденіе окончательно за ними права на учительскія, или воспитательскія мѣста и выдача имъ въ томъ аттестатовъ.

е) Годовые и полугодовые отчеты и послѣдствія обозрѣній учебныхъ заведеній.

ж) Собираніе матеріаловъ для статистики учебной части округовъ.

§ 7. Для производства дѣлъ при совѣтѣ состоитъ секретарь, назначаемый попечителемъ изъ числа лицъ, служащихъ въ округѣ; ему производится содержаніе до 400 рублей серебромъ въ годъ изъ общихъ остатковъ суммъ по округу, сверхъ жалованья по настоящей его должности.

§ 8. Попечительскій совѣтъ собирается во всякое время, по-мѣрѣ надобности, за исключеніемъ праздничныхъ дней и времени лѣтнихъ и зимнихъ вакацій, опредѣленныхъ университетскимъ уставомъ.

§ 9. Рѣшенія совѣта, въ формѣ протоколовъ, подписываются всѣми наличными членами и исполняются по большинству голосовъ. Попечителю, какъ предсѣдателю совѣта, принадлежатъ два голоса. Въ случаѣ несогласія его съ мнѣніемъ большинства, никакое дѣло не можетъ получить окончательнаго рѣшенія, безъ утвержденія министра народнаго просвѣщенія.

§ 10. Попечительскій совѣтъ ни съ кѣмъ не имѣетъ письменныхъ сношеній. Исполненія по его рѣшеніямъ проиводятся попечителемъ. Справки и предварительныя свѣдѣнія собираются секретаремъ совѣта, который, для сокращенія переписки, можетъ обращаться самъ съ требованіями о доставленіи оныхъ къ мѣстамъ и лицамъ, завѣдывающимъ отдѣльными частями въ округѣ. Если-же встрѣтится надобность въ сношеніи съ мѣстами и лицами другаго округа, или посторонняго вѣдомства, то переписка производится отъ имени начальства округа, за подписью помощника попечителя, а въ случаѣ его отсутствія, старшаго по немъ члена совѣта.

§ 11. Краткія меморіи изъ протоколовъ совѣта по дѣламъ, имъ слушаннымъ, кромѣ обыкновенныхъ текущихъ, представляются попечителемъ министру народнаго просвѣщенія по третямъ года.

Подписали: Евграфъ *Ковалевскій*, Николай *Мухановъ*, Павелъ *Игнатьевъ*, Дмитрій *Левшинъ*, Павелъ *Гаевскій*, Иванъ *Деляновъ*, Николай *Ребиндеръ*, князь Николай *Цертелевъ*.

15. (24 марта) *О принятіи Кашинскаго и Симбирскаго женскихъ училищъ подъ Августѣйшее покровительство Государыни Императрицы Маріи Александровны.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе вновь открытыхъ въ гг. Симбирскѣ и Кашинѣ женскихъ училищъ подъ Августѣйшее покровительство Государыни Императрицы Маріи Александровны и на дарованіе симъ новымъ учрежденіямъ именованія «Маріинскихъ», въ честь Августѣйшаго Имени Ея Величества.

НАГРАЖДЕНЫ:

а) *Орденами.*

Св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною: заслуженные профессоры Императорскихъ университетовъ, дѣйствительные статскіе совѣтники: Московскаго — деканъ *Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ*, св. Владиміра — *Фонбергъ;* ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вагнеръ;* статскіе совѣтники: директоръ Виленской астрономической обсерваторіи *Саблеръ*, директоръ первой Казанской гимназіи *Сахаровъ*, деканъ и ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета *Куртцъ*, совѣтникъ правленія Императорскаго Московскаго университета и управляющій хозяйственною и полицейскою частями факультетской клиники *Назимовъ;* почетный попечитель Виленскаго дворянскаго института и Виленской губернской гимназіи, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, коллежскій ассессоръ графъ *Платеръ* (4 марта).

Св. Анны 2-й степени: статскіе совѣтники: почетный попечитель Воронежской гимназіи *Корсунъ*, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ *Стефани;* деканы: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Казанскаго — *Осокинъ* и Харьковскаго — *Черной;* ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Казанскаго — *Поповъ* и *Блосфельдъ;*

Харьковскаго — *Демонси* и *Рындовскій*, Московскаго — *Орнатскій* (4 марта).

Св. Станислава 2-й степени съ Императорскою короною: статскіе совѣтники: директоры училищъ губерній: Екатеринославской — *Граховъ* и Кіевской — *Гренковъ;* младшій цензоръ комитета цензуры иностранной *Воловскій;* инспекторъ казенныхъ училищъ Виленскаго учебнаго округа *Траутфеттеръ;* правитель дѣлъ главнаго правленія цензуры, коллежскій совѣтникъ *Янкевичъ* (4 марта).

Св. Станислава 2-й степени: статскіе совѣтники: бывшій директоръ Житомирскаго раввинскаго училища *Ковалевскій;* директоръ училищъ С. Петербургской губерніи *Власовъ;* директоры гимназій: 2-й Одесской — *Шершеневичъ* и Слуцкой — *Лубкинъ;* предсѣдательствующій цензоръ Рижскаго цензурнаго комитета *Кроль;* ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Дерптскаго — *Кемтцъ* и *Миндингъ*, Казанскаго — *Струве*, Харьковскаго — *Лукьяновичъ;* экстраординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета *Чебышевъ;* коллежскіе совѣтники: директоръ училищъ Полтавской губерніи *Данилевскій*, исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго С. Петербургскаго университета *Васильевъ*, профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго училища *Пороховъ*, экстраординарные профессоры Императорскаго С. Петербургскаго университета: *Ценковскій* и *Стасюлевичъ*, инспекторъ Тверской гимназіи *Менщиковъ*, лекторъ Императорскаго Дерптскаго университета *Пезе-де-Корваль*, старшій учитель Ларинской гимназіи *Фусъ;* почетный попечитель Симбирской гимназіи, отставной гвардіи штабсъ-капитанъ *Ермоловъ;* надворные совѣтники: исправляющій должность инспектора Ришельевскаго лицея *Богдановскій*, инспекторъ главнаго Нѣмецкаго училища при Евангелическо-Лютеранской церкви св. Петра въ С. Петербургѣ *Витте*, почетный попечитель Купянскаго уѣзднаго училища *Стребковъ;* почетный попечитель Оренбургской гимназіи, Двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкеръ, коллежскій ассессоръ *Осокинъ* (4 марта).

Св. Владиміра 4-й степени: начальникъ отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Гиртъ* (6 марта).

Св. Анны 3-й степени: коллежскіе совѣтники: инспекторы

гимназій: Вологодской — *Игнатьевъ*, Минской — *Страшинскій* и 2-й Одесской—*Минаковъ;* старшіе учители гимназій: Псковской—*Реде*, Витебской — *Кузьминъ*, Могилевской — *Червяковскій* и *Запольскій-Довнаръ*, Ревельской—*Панишъ*, 2-й Московской—*Мининъ* и *Роберъ*, Калужской — *Муромцевъ*, старшій учитель Виленскаго дворянскаго института *Здановичъ;* коллежскіе ассессоры: столоначальникъ департамента народнаго просвѣщенія *Шенкъ*, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С. Петербургскаго университета *Андреевскій*, секретарь комитета правленія Императорской академіи наукъ *Михайловскій*, секретарь Виленскаго цензурнаго комитета *Романкевичъ*, смотритель и главный учитель Дерптской семинаріи для образованія начальныхъ учителей *Бергъ;* предсѣдатель Ревельской училищной коллегіи, бургомистръ г. Ревеля *фонъ-Глой;* исправляющій должность адъюнкта Императорскаго Московскаго университета, состоящій въ VIII классѣ *Мильгаузенъ* (4 марта).

Св. Станислава 3-й степени: коллежскіе совѣтники: старшіе учители гимназій: Калужской — *Шереметевскій*, Пермской — *Всеволодовъ*, Ковенской — *Ѳедоровскій*, Слуцкой — *Богушевскій;* надворные совѣтники: прозекторъ Императорскаго Московскаго университета *Никитинъ*, врачъ при пансіонѣ 1-й Московской гимназіи *Шнейдеръ*, штатный смотритель Рязанскихъ училищъ *Ивановъ;* старшіе учители гимназій: 3-й С. Петербургской—*Кедровъ*, Костромской — *Пермяковъ*, 2-й Харьковской — *Рубенко*, Нѣжинской — *Мошинскій*, Виленской — *Квятковскій;* младшіе учители гимназій: Псковской — *Целлинскій*, 1-й Московской — *Сиверсъ;* коллежскіе ассессоры: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С. Петербургскаго университета *Хвольсонъ*, синдикъ Императорскаго Казанскаго университета *Траубенбергъ*, секретарь совѣта и правленія Ришельевскаго лицея *Логиновъ;* старшіе учители гимназій: Смоленской — *Нилендеръ*, Курской — *Неслуховскій*, Симферопольской — *Хамарито;* врачъ 4-й Московской гимназіи *Беркутъ*, столоначальникъ канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа *Судзиловскій;* смотритель и учитель Гапсальскаго уѣзднаго училища *Русвурмъ;* штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Крестецкаго — *Пардолоцкій*, Можайскаго — *Поповъ*, Вяземскаго — *Рогачевскій*, Задонскаго — *Вознесенскій*, 2-го Кишиневскаго — *Тарапановъ*, Алешковскаго — *Дуброва*, Ростовскаго — *Кривоносъ;* титулярные со-

вѣтники: помощникъ цензора Одесскаго цензурнаго комитета *Михневичъ*, казначей Императорскаго С. Петербургскаго университета *Агафоновъ*, нотаріусъ Дерптскаго университетскаго суда *Вульфіусъ* (4 марта).

б) *Брилліантовымъ перстнемъ, съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго Имени.*

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Свиридовъ* (4 марта).

в) *Медалями съ надписью «за усердіе», для ношенія на шеѣ:*

Золотыми: Керчинскій 1-й гильдіи купецъ Василій *Гущинъ* — на Андреевской лентѣ; Звенигородскій 1-й гильдіи купецъ, потомственный почетный гражданинъ Василій *Смолинъ* — на Александровской лентѣ; потомственный почетный гражданинъ, Московскій временный 2-й гильдіи купецъ Павелъ *Молошниковъ* — на Владимірской лентѣ; почетный блюститель С. Петербургскихъ приходскихъ училищъ, потомственный почетный гражданинъ, Царскосельскій 1-й гильдіи купецъ Степанъ *Лыткинъ*, и почетный блюститель Московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ, Московскій 1-й гильдіи купецъ Василій *Сытовъ* — на Станиславской лентѣ (8 марта).

Серебряными на Станиславской лентѣ: почетный блюститель Московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ, Московскій 3-й гильдіи купецъ Дмитрій *Рогаткинъ;* членъ Россіенской Еврейской училищной коммиссіи, присяжный казенный раввинъ города Россіенъ Зельманъ *Бендетъ;* почетный блюститель Могилевскаго (Подольской губерніи) казеннаго Еврейскаго училища 1-го разряда, Могилевскій 3-й гильдіи купецъ Моисей *Корнфельдъ;* учитель Херсонскаго казеннаго Еврейскаго училища 2-го разряда Давидъ *Брунъ;* учитель Митавскаго казеннаго Еврейскаго училища 1-го разряда и Курляндскій губернскій переводчикъ Еврейскаго языка Рубенъ Іосифъ *Вундербаръ;* почетный блюститель Таганрогскаго казеннаго Еврейскаго училища 1-го разряда, купецъ 3-й гильдіи Григорій *Бродскій* (8 марта).

г) *Обыкновенными подарками.*

По канцеляріи министра народнаго просвѣщенія.

Директоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кисловской* (8 марта).

По канцеляріи главнаго управленія цензуры.

Секретарь, титулярный совѣтникъ *Брадке* (8 марта).

По департаменту народнаго просвѣщенія.

Вице-директоръ, статскій совѣтникъ *Вороновъ* (8 марта).

По учебнымъ округамъ.

Кіевскому: Инспекторъ лицея князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Морачевскій;* надворные совѣтники: правитель канцеляріи попечителя округа *Губеръ*, исправляющій должность профессора лицея князя Безбородко *Бѣлобровъ*, врачъ благороднаго пансіона 1-й Кіевской гимназіи *Зевеке;* коллежскіе ассессоры: лекторъ лицея князя Безбородко и надзиратель пансіона сего лицея *Ганнотъ*, казначей Императорскаго университета св. Владиміра *Княжинскій*, врачъ Теофильпольскаго уѣзднаго дворянскаго училища *фонъ-Гартманъ* (8 марта).

Казанскому: коллежскіе ассессоры: старшій учитель Нижегородскаго Александровскаго дворянскаго института *Розингъ;* штатные смотрители уѣздныхъ училищъ; Нижнеломовскаго — *Козьминъ*, Соликамскаго — *Анисимовъ;* старшій учитель 2-й Казанской гимназіи, титулярный совѣтникъ *Горскій;* коллежскіе секретари: смотритель клиническихъ институтовъ Императорскаго Казанскаго университета *Соколовскій* и комнатный надзиратель 1-й Казанской гимназіи *Поповъ* (8 марта).

Одесскому: Коллежскіе совѣтники: инспекторъ Кишиневской гимназіи *Яновскій* и старшій учитель Таганрогской гимназіи *Якобъ;* младшій учитель 2-й Одесской гимназіи, надворный совѣтникъ *Топоровъ;* учитель Севастопольскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Соколовъ;* старшій учитель Херсонской гимназіи, состоящій въ IX классѣ *Смирновъ;* старшій учитель гимназіи Ришельевскаго лицея, коллежскій секретарь *Миницкій* (8 марта).

д) *Возведены въ почетное гражданство:*

Инспекторъ Финляндскаго училища при Шведской церкви св. Екатерины въ С. Петербургѣ, домашній учитель Фридрихъ *Штюрмеръ* — потомственное; надзиратель Таганрогскаго приходскаго училища, 3-й гильдіи купецъ Никита *Солодовъ* и Московскій 3-й гильдіи купецъ Иванъ *Чикинъ* — личное (8 марта).

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

ВЪ ПРИСУТСТВІИ СВОЕМЪ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

СОИЗВОЛИЛЪ ОТДАТЬ

ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЛѢДУЮЩІЕ

ПРИКАЗЫ:

№ 7. 1 марта 1860 года.

КОМАНДИРУЮТСЯ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛІЮ:

Профессоры Императорскаго университета св. Владиміра: ординарный — статскій совѣтникъ *Кесслеръ* и экстраординарный — надворный совѣтникъ *Эргардтъ*, первый — на четыре съ половиною мѣсяца, а послѣдній — на полгода.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Старшій помощникъ столоначальника департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Алимпіевъ* — по болѣзни, на шесть мѣсяцевъ.

Почетный смотритель училищъ Волковыскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ графъ *Чапскій* — по болѣзни, на четыре мѣсяца.

Старшій учитель Орловской гимназіи, титулярный совѣтникъ *Рашевскій* — на три мѣсяца, съ іюня по сентябрь 1860 года.

Учитель Французскаго языка Рижской гимназіи, титулярный совѣтникъ *Фоссаръ*—съ 11 апрѣля 1860 года до истеченія вакаціоннаго времени.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ КОМАНДИРОВКИ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛІЮ:

Помощнику прозектора анатоміи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, лекарю *Бакону Шарбе* — до 15 сентября текущаго года.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА ЗА ГРАНИЦЕЮ, ПО БОЛѢЗНИ:

Экстраординарному профессору Императорскаго С. Петербургскаго университета, коллежскому совѣтнику *Ценковскому* — на четыре мѣсяца, и сверхштатному младшему учителю и комнатному надзирателю Ларинской гимназіи *Ширмахеру* — на два мѣсяца.

№ 8. 3 марта 1860 года.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Почетными попечителями гимназій: Тверской — действительный статскій совѣтникъ *Глинка*, Ярославской—штабсъ-капитанъ *Гарякиновъ* и Рязанской—нынѣ состоящій въ этой должности, дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ званіи камергера Высочайшаго Двора *Рюминъ*, по выборамъ, на трехлѣтіе.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Исправляющій должность помощника попечителя Казанскаго учебнаго округа, состоящій по арміи полковникъ *Весе-*

лаго — на шесть мѣсяцевъ, для пользованія минеральными водами.

№ 9. 8 марта 1860 года.

ПРОИЗВОДЯТСЯ ЗА ОТЛИЧІЕ:

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: деканы, ординарные профессоры университетовъ: Харьковскаго — Ѳедоръ *Албрехтъ*, св. Владиміра — Иванъ *Нейкирхъ*, Николай *Иванишевъ;* ординарные профессоры университетовъ: Дерптскаго — Георгъ *Адельманъ*, Харьковскаго — Василій *Лапшинъ* и старшій ценсоръ комитета ценсуры иностранной Левъ *Роде.*

Въ коллежскіе совѣтники: инспекторъ казенныхъ училищъ Дерптскаго учебнаго округа, надворный совѣтникъ Александръ *Серно-Соловьевичъ*, со старшинствомъ съ 17 января 1859 года.

Въ надворные совѣтники: коллежскіе ассессоры: директоръ училищъ Эстляндской губерніи Леопольдъ *Гальнбекъ*, почетный попечитель Черниговской гимназіи Григорій *Галаганъ*, старшій учитель Костромской гимназіи Павелъ *Шульгинъ* и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія Александръ *Тучковъ*, со старшинствомъ: Шульгинъ—съ 1 августа, Тучковъ—съ 10 октября и Гальнбекъ—съ 20 декабря 1859 года.

Въ коллежскіе ассессоры: почетный смотритель Нахичеванскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ Артемъ *Халибовъ*, со старшинствомъ съ 9 декабря 1858 года; почетный попечитель Харьковскихъ гимназій, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, губернскій секретарь князь Ѳедоръ *Голицынъ* и почетный смотритель Черноостровскаго уѣзднаго дворянскаго училища, коллежскій регистраторъ Фортунатъ *Сѣйковскій.*

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Отставной коллежскій ассессоръ *Чижевичъ* — почетнымъ попечителемъ Херсонской гимназіи, по выборамъ, на трехлѣтіе.

№ 10. 24 марта 1860 года.

КОМАНДИРУЮТСЯ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛІЮ:

Ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Савичъ* — на четыре мѣсяца.

Императорской академіи наукъ: ординарный академикъ, ординарный профессоръ С. Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Срезневскій* — съ 1 іюня по 1 сентября 1860 г.; экстраординарный академикъ, статскій совѣтникъ *Шифнеръ* — на четыре мѣсяца, и адъюнктъ, надворный совѣтникъ *Вельяминовъ-Зерновъ* — по 1 сентября 1860 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, надворный совѣтникъ *Рейснеръ* — на двадцать девять дней сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Ординарные профессоры Императорскаго Казанскаго университета: коллежскій совѣтникъ *Ковальскій* и надворный совѣтникъ *Овсянниковъ*, первый — на четырнадцать мѣсяцевъ, съ 1 іюля 1860 по 1 сентября 1861 г., а послѣдній — на шесть мѣсяцевъ сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Адъюнктъ Императорскаго Московскаго университета *Николаевъ* — на восемь мѣсяцевъ, съ 1 мая 1860 по 1 января 1861 года.

Почетный смотритель Екатеринославскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Алексѣевъ* — на полтора года.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Ординарные профессоры Императорскаго Дерптскаго университета: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бунге* — съ

ученою цѣлію и надворный совѣтникъ *фонъ-Энгельгардтъ* — по болѣзни, оба на четыре мѣсяца со включеніемъ вакацій.

Статскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета *Мухлинскій* и директоръ училищъ Харьковской губерніи *Верниковскій* — оба по болѣзни, на двадцать восемь дней сверхъ вакаціоннаго времени.

Ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ, статскіе совѣтники: С. Петербургскаго — *Сомовъ*, по болѣзни, Дерптскаго — *Кемцъ*, исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго С. Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Березинъ* и экстраординарный профессоръ того-же университета, коллежскій совѣтникъ *Стасюлевичъ* — всѣ четверо на двадцать девять дней сверхъ вакаціоннаго времени.

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета *Капустинъ* — на двадцать восемь дней сверхъ вакаціоннаго времени.

Адъюнктъ того-же университета *Пикулинъ* — на четыре мѣсяца, съ мая по сентябрь 1860 года.

Предсѣдатель Виленской археологической коммиссіи и музеума древностей графъ *Тышкевичъ*, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Бѣльцкаго — коллежскій ассессоръ *Руссо*, Бендерскаго — губернскій секретарь *Инглези* и 1-го Кишиневскаго — губернскій секретарь *Коссо*, всѣ четверо, по болѣзни, на четыре мѣсяца.

Коллежскіе секретари, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Ливенскаго — *Горбовъ*, на четыре мѣсяца и С. Петербургскаго Андреевскаго — *Звѣрковъ*, по болѣзни, на три съ половиною мѣсяца.

Лекторы Императорскаго Дерптскаго университета: коллежскій ассессоръ *Рименшнейдеръ* и титулярный совѣтникъ *фонъ-Киль* — сверхъ вакаціоннаго времени, первый на двадцать девять дней, а второй на три мѣсяца.

Старшіе учители гимназій: Могилевской — *Арнольдъ* и

Симферопольской — *Бобровскій* — оба по болѣзни, первый на двадцать девять дней, а второй на три мѣсяца сверхъ вакаціоннаго времени.

Младшіе учители гимназій: Херсонской — коллежскій ассессоръ *Вернеръ* — по болѣзни, и второй Казанской — *Кутузовъ* — оба на двадцать восемь дней сверхъ вакаціоннаго времени.

Учитель Теофильпольскаго дворянскаго уѣзднаго училища, губернскій секретарь *Сильманъ* — на два мѣсяца.

№ 11. 25 марта 1860 года.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Почетными попечителями гимназій: Казанской — коллежскій ассессоръ, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества *Осокинъ*, Новгородской — отставной маіоръ *Унковскій* и Костромской — артиллеріи подпоручикъ *Григоровъ*, по выборамъ, на трехлѣтіе.

Коллежскій ассессоръ князь *Салтыковъ* — почетнымъ попечителемъ Курской гимназіи, по выборамъ, на остальное текущаго трехлѣтія время, съ оставленіемъ въ званіи предводителя дворянства Бѣлгородскаго уѣзда и съ увольненіемъ отъ должности почетнаго смотрителя Бѣлгородскаго уѣзднаго училища.

КОМАНДИРУЕТСЯ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛІЮ:

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Медлеръ* — на двадцать девять дней, сверхъ лѣтнихъ вакацій.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ:

Членъ главнаго управленія цензуры, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, заслуженный профессоръ С. Петербургскаго университета, дѣйствительный стат-

скій совѣтникъ *Никитенко* — по болѣзни, на четыре мѣсяца за границу.

Почетный смотритель Валковскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ князь *Гагаринъ* — на шесть мѣсяцевъ въ Нижегородскую губернію.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНІЮ:

Почетный попечитель Курской гимназіи, отставной маіоръ *Деменковъ.*

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА МАРТЪ 1860 ГОДА.

3. (15 марта) *Объ учрежденіи въ Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ каѳедры Византійскихъ древностей и литературы и введеніи преподаванія Ново-Греческаго языка.*

Согласно представленію попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ учредить при Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ каѳедру Византійскихъ древностей и литературы и введеніе въ ономъ преподаванія ново-Греческаго языка, съ порученіемъ чтенія сихъ предметовъ служащему въ Азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, надворному совѣтнику *Дестунису* безвозмездно.

4. (15 марта) *Объ учрежденіи въ Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ каѳедры всеобщей исторіи литературы.*

По уваженіямъ, изложеннымъ въ представленіи попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ учредить въ Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ, по историко-филологическому факультету, каѳедру всеобщей исторіи литературы, съ допущеніемъ къ слушанію сего предмета студентовъ всѣхъ курсовъ и факультетовъ, по желанію.

ПРИКАЗЫ

МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:

№ 6. 9 марта 1860 года.

ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:

Преподаватель Геттингенскаго университета, докторъ *Ваксмутъ* — въ Императорскій Дерптскій университетъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ терапіи и клиники.

Изъ отставныхъ, коллежскій ассессоръ докторъ естественныхъ наукъ *Вагнеръ* — въ Императорскій Казанскій университетъ адъюнктомъ при физико-математическомъ факультетѣ, для преподаванія сравнительной анатоміи и физіологіи животныхъ.

Изъ отставныхъ, титулярные совѣтники: *Полонскій* и *Миллеръ-Красовскій:* первый — секретаремъ, а второй — младшимъ помощникомъ цензора въ комитетъ цензуры иностранной.

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Инспекторъ классовъ въ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, надворный совѣтникъ *Ушинскій* — редакторомъ журнала министерства народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ настоящей должности (съ 1 марта 1860 г.).

Инспекторъ Новочеркасской гимназіи, надворный совѣтникъ *Робушъ*—исправляющимъ должность директора училищъ Войска Донскаго.

Комитета цензуры иностранной: исправляющій должность секретаря, титулярный совѣтникъ *Любовниковъ* и помощники старшихъ цензоровъ: надворный совѣтникъ *Владиміровъ* и

титулярный совѣтникъ *Кохъ* — старшими помощниками цензоровъ того-же комитета.

Канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Пѣвницкій* — младшимъ помощникомъ цензора въ комитетъ цензуры иностранной.

Канцелярскій чиновникъ комитета цензуры иностранной, губернскій секретарь *Дукшта-Дукшинскій* — младшимъ помощникомъ цензора того-же комитета.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Адъюнктъ Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскій ассессоръ *Масловскій* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ зоологіи, для преподаванія сравнительной анатоміи и физіологіи.

Кандидатъ Императорскаго Московскаго университета *Борзенковъ* — исправляющимъ должность адъюнкта сего университета по каѳедрѣ сравнительной анатоміи и физіологіи.

ПЕРЕВОДЯТСЯ:

Исправляющій должность профессора при Демидовскомъ лицеѣ, кандидатъ юридическихъ наукъ *Чебышевъ-Дмитріевъ* — въ Императорскій Казанскій университетъ преподавателемъ по каѳедрѣ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ.

Служащій въ общей канцеляріи министра финансовъ, коллежскій секретарь *Кобылинъ* — въ канцелярію министра народнаго просвѣщенія, помощникомъ секретаря.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ:

Директоръ училищъ Тверской губерніи, статскій совѣтникъ *Ржевскій* — въ разныя губерніи, на четыре мѣсяца.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ОТЪ ДОЛЖНОСТИ ПО ПРОШЕНІЮ:

Заслуженный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета и директоръ С. Петербургской Ларинской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фишеръ* — отъ должности профессора, съ оставленіемъ въ должности директора гимназіи.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНІЯМЪ:

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Андрієвскій-Александровичъ* — съ мундиромъ, должности присвоеннымъ; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Варнекъ*, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Подольскаго (Московской губерніи) — коллежскій ассессоръ князь *Оболенскій*, титулярные совѣтники: Епифанскаго — князь *Черкасскій*, Малмыжскаго — *Юшковъ* и Спасскаго (Казанской губерніи) — коллежскій секретарь *Колбецкій*.

ИСКЛЮЧАЕТСЯ ИЗЪ СПИСКОВЪ:

Умершій старшій чиновникъ особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры, надворный совѣтникъ баронъ *Розенъ*.

№ 7. 23 марта 1860 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Изъ отставныхъ — коллежскій секретарь *Оскерко*.

ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:

Магистръ Русской словесности *Пыпинъ* — въ Императорскій С. Петербургскій университетъ исправляющимъ дол-

жность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ всеобщей исторіи литературы, съ 15 сего марта.

Окончившій курсъ въ Ришельевскомъ лицеѣ, съ правомъ на чинъ XII класса, *Коссо* — почетнымъ смотрителемъ Кишиневскаго 2-го уѣзднаго училища.

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Исправляющій должность адъюнкта Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Варенцовъ* — исправляющимъ должность директора училищъ Самарской губерніи.

Лаишевскій уѣздный врачъ, титулярный совѣтникъ *Игумновъ*—врачемъ при Лаишевскомъ уѣздномъ училищѣ, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Исправляющій должность директора Немировской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Пристюкъ*—въ настоящей должности.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета по каѳедрѣ чистой математики, статскій совѣтникъ *Чебышевъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по той-же каѳедрѣ, съ 22 февраля 1860 г.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета по каѳедрѣ хирургической госпитальной клиники, статскій совѣтникъ *Поповъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по той-же каѳедрѣ.

Адъюнктъ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Сутковскій*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ хирургіи.

Исправляющій должность адъюнкта по каѳедрѣ Калмыцкаго языка при Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ, титулярный совѣтникъ *Галстунскій*—исправляющимъ

должность экстраординарнаго профессора сего университета по каѳедрѣ Монгольскаго и Калмыцкаго языковъ, съ 22 февраля 1860 г.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:

Почетному смотрителю С. Петербургскаго Вознесенскаго уѣзднаго училища, губернскому секретарю *Мясникову*—за пожертвованіе имъ 500 руб. въ пользу С. Петербургскихъ училищъ.

ЗА ОТЛИЧНО-УСЕРДНУЮ И РЕВНОСТНУЮ СЛУЖБУ:

Причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярному совѣтнику *Капнисту*.

Состоящимъ въ учебныхъ округахъ:

Харьковскомъ: Ординарному профессору Императорскаго Харьковскаго университета, надворному совѣтнику *Пахману*; исправляющему должность экстраординарнаго профессора въ томъ-же университетѣ, коллежскому совѣтнику *Бейеру*; директору училищъ Воронежской губерніи, статскому совѣтнику *Карпинскому*; инспектору Орловской гимназіи, надворному совѣтнику *Гриценкову*; почетнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Трубчевскаго — коллежскому совѣтнику *Подлиневу*, коллежскимъ секретарямъ: Ливенскаго — *Горбову*, Сумскаго (бывшему)—*Линтвареву* и Лебяденскаго—корнету *Воронцову-Вельяминову*; старшимъ учителямъ гимназій, коллежскимъ совѣтникамъ: Курской — *Назарову*, Орловской — *Ковалевскому*, 2-й Харьковской — *Михайлову:* титулярнымъ совѣтникамъ: 1-й Харьковской — *Шейду*, 2-й Харьковской — *Зиберу* и Орловской — *Рашевскому;* младшимъ учителямъ гим-

назій: Орловской — титулярному совѣтнику *Регону* и Воронежской, состоящему въ X классѣ *Ремеру;* штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ, коллежскимъ ассессорамъ: Кромскаго — *Богославскому*, Брянскаго — *Знаменскому* и Валуйскаго — *Родіонову;* учителямъ уѣздныхъ училищъ: Дмитріево-Свапскаго—коллежскому ассессору *Кривенко*; титулярнымъ совѣтникамъ: Обоянскаго—*Владиміpову*, Рыльскаго—*Окуневу* и Курскаго — коллежскому регистратору *Лаврову*; врачу Путивльскаго уѣзднаго училища, надворному совѣтнику *Космицкому-Филиповичу*; учителямъ приходскихъ училищъ, губернскимъ секретарямъ: Обоянскаго — *Машкину* и Острогожскаго — *Мацевицкому*, и почетному блюстителю Елецкаго приходскаго училища *Калабину*.

Одесскомъ: Учителямъ второй Одесской гимназіи: надворнымъ совѣтникамъ—*Балену-де-Баллю* и *Холецкому* и коллежскимъ ассессорамъ—*Косенко* и *Шугурову;* почетному смотрителю Бахмутскаго уѣзднаго училища, коллежскому секретарю *Депрерадовичу*; учителю Маріупольскаго приходскаго училища, губернскому секретарю *Гордонову* и почетнымъ блюстителямъ казенныхъ Еврейскихъ училищъ: Херсонскаго 2 разряда — купцу *Кранцфельду* и Хотинскаго 1-го разряда — купцу *Добришу*.

Казанскомъ: Врачамъ, состоящимъ: при 2 Казанской гимназіи — коллежскому совѣтнику *Николаи*, при Екатеринбургскихъ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ — надворному совѣтнику *Устинову* и при Нижегородскомъ Александровскомъ дворянскомъ институтѣ — *фонъ-Путерену*.

Виленскомъ: Коллежскимъ совѣтникамъ: штатному смотрителю Виленскаго уѣзднаго дворянскаго училища *Шевелеву*; старшимъ учителямъ гимназій: Минской — *Васильеву*, Виленской — *Саковичу*, Минской — надворному совѣтнику *Баршевскому*; коллежскимъ ассессорамъ, старшимъ учителямъ: Виленскаго дворянскаго института — *Курковскому*, Шавельской гимназіи — *Тарвиду*; титулярнымъ совѣтникамъ: старшимъ

учителямъ: Минской гимназіи — *Мрайскому*, Виленскаго дворянскаго института—*Садокову* и состоящему въ IX классѣ *Фреге*; коллежскимъ секретарямъ: младшему учителю Минскаго уѣзднаго дворянскаго училища *Перловскому*, учителю рисованія, черченія и чистописанія Ковенской гимназіи *Веберу* и смотрителю Шавельскаго казеннаго Еврейскаго училища 1 разряда, губернскому секретарю *Загорскому*.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ:

Почетный смотритель Хоперскаго окружнаго училища, отставной штабсъ-ротмистръ *Красновъ* — въ г. Пятигорскъ, съ 1 мая по 1 сентября 1860 г., для леченія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА:

Почетному смотрителю Смоленскаго уѣзднаго училища, коллежскому секретарю *Глуховскому* — на три мѣсяца, по 15 іюня 1860 г.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНІЮ:

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фонбергъ* — съ мундиромъ, присвоеннымъ должности.

Директоръ училищъ Самарской губерніи, статскій совѣтникъ *Ангерманъ*— по болѣзни; почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Лужскаго — титулярный совѣтникъ *Нарышкинъ*, по болѣзни, и Рославльскаго — коллежскій секретарь *Лайкевичъ*.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Почетный смотритель Кишиневскаго 2 уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Кохановскій*—за неисполненіе даннаго

имъ обязательства ежегоднаго пожертвованія въ пользу училища.

ИСКЛЮЧАЮТСЯ ИЗЪ СПИСКОВЪ:

Умершіе: профессоръ Ришельевскаго лицея, статскій совѣтникъ *Лукьяновъ*, и старшій помощникъ столоначальника департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Алимпіевъ*.

Указомъ правительствующаго сената 3 марта 1860 года, за № 44, произведены, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ:

Въ статскіе совѣтники: коллежскіе совѣтники: состоявшій причисленнымъ къ министерству народнаго просвѣщенія Константинъ *Андріевскій-Александровичъ* — съ 3 сентября; директоръ Ровенской гимназіи Александръ *Тумановъ* — съ 28 августа, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Яковъ *Калиновскій* — съ 5 мая, исправляющіе должности экстраординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго — Николай *Варнекъ* — съ 6 и Харьковскаго — Евгеній *Бейеръ* — съ 27 іюля 1859 года.

Въ коллежскіе совѣтники: надворные совѣтники: директоръ училищъ Оренбургской губерніи Валеріанъ *Толвинскій* — съ 12 октября, чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ Александръ *Чумиковъ* — съ 17 іюня 1859 и младшій цензоръ комитета цензуры иностранной Викентій *Ржепецкій* — съ 3 мая 1858 года.

Въ надворные совѣтники: коллежскіе ассессоры: почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Зарайскаго — въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества Леонидъ *Муромцевъ* — съ 15 мая, Богодуховскаго — Степанъ

Анненковъ—съ 1 января и Верхнеудинскаго — Егоръ *Поротовъ*—съ 25 апрѣля; адъюнкты Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго — Николай *Бекетовъ* — съ 20 іюля и св. Владиміра — Людвигъ *Горецкій* — съ 6 іюня 1859 года.

Въ коллежскіе ассессоры: титулярные совѣтники: почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Вологодскаго — Алексѣй *Поповъ*—съ 15 апрѣля 1859 г., Новгородсѣверскаго—графъ Карлъ *Шуленбургъ*—съ 20 ноября 1858 г., Суражскаго—Николай *Есимонтовскій* — съ 5 іюня и Калязинскаго — Иванъ *Давыдовъ* — съ 27 іюля; состоявшій причисленнымъ къ министерству народнаго просвѣщенія, а нынѣ журналистъ и архиваріусъ канцеляріи главнаго управленія цензуры Василій *Пемеллеръ* — съ 31 іюля, исправляющій должность смотрителя за Щукинымъ дворомъ департамента народнаго просвѣщенія Василій *Рахинскій* — съ 27 сентября 1859 г. и помощникъ старшаго цензора комитета цензуры иностранной Эдуардъ *Кохъ* — съ 20 іюля 1858 года.

Въ титулярные совѣтники: коллежскіе секретари: почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Жиздринскаго — Николай *Головинъ* — съ 15 марта 1859 г., Сумскаго — Михаилъ *Линтваревъ* — съ 10 октября 1858 и Славяносербскаго — Иванъ *Карповъ* — съ 11 января 1859 года.

Въ коллежскіе секретари: губернскіе секретари: почетный смотритель Погарскаго уѣзднаго училища Николай *Капцевичъ* — съ 7 октября 1856 г. и канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія Викторъ *Купинскій* — съ 16 октября 1859 года.

Въ губернскіе секретари: коллежскіе регистраторы, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Козелецкаго — Владиміръ *Троцына* — съ 1 іюня 1859 г. и Семеновскаго — Христіанъ *Мейенъ* — съ 24 августа 1858 года.

Въ коллежскіе регистраторы: канцелярскій служитель департамента народнаго просвѣщенія Георгій *Матвѣенко* — съ 20 октября 1859 года.

По сему предписывается сдѣлать распоряженіе согласно 584 и слѣд. ст. III тома *Св. Зак. уст. о службѣ по опред. отъ прав.* (изд. 1857 г.).

№ 8. 30 марта 1860 года.

ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:

Оставшійся за штатомъ, по случаю упраздненія главнаго педагогическаго института, бывшій адъюнктъ онаго, статскій совѣтникъ *Смирновъ* — младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры.

Изъ отставныхъ, титулярный совѣтникъ Валеріанъ *Малиновскій* — почетнымъ смотрителемъ училищъ Слуцкаго уѣзда.

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Младшій чиновникъ особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры, надворный совѣтникъ *Ведровъ* — старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при семъ управленіи.

Правитель канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа, коллежскій ассессоръ *Поповъ* — отдѣльнымъ цензоромъ въ Казань, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Адъюнкты Императорскаго Казанскаго университета, надворный совѣтникъ *Соколовъ* и коллежскій ассессоръ *Вицынъ* — исправляющими должности экстраординарныхъ профессоровъ сего университета, первый — по каѳедрѣ Римскаго

права, а послѣдній — по каѳедрѣ гражданскихъ законовъ и гражданскаго судопроизводства.

Адъюнктъ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій ассессоръ *Чугуновъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета, по каѳедрѣ технологіи.

Увольняется отъ службы:

Почетный смотритель училищъ Слуцкаго уѣзда, титулярный совѣтникъ Станиславъ *Малиновскій* — за неисполненіе даннаго имъ обязательства ежегодно жертвовать опредѣленную сумму въ пользу означенныхъ училищъ.

Объявляется особенная благодарность министерства народнаго просвѣщенія:

Штатному смотрителю Уржумскаго уѣзднаго училища, коллежскому ассессору *Некрасову*—за усердіе и отлично-распорядительныя мѣры къ сохраненію училищнаго зданія и имущества отъ угрожавшаго опасностію бывшаго въ сосѣдствѣ пожара.

Указомъ правительствующаго сената 11 марта 1860 года № 2010.

Почетный смотритель Обоянскаго уѣзднаго училища, князь *Ширинскій-Шихматовъ* утвержденъ, по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго Харьковскаго университета, въ чинѣ губернскаго секретаря, со старшинствомъ съ 3 сентября 1859 года, т.-е. со дня поступленія его на службу.

По сему предписывается сдѣлать распоряженіе согласно 584 и слѣд. ст. III тома Св. Зак. Уст. о служб. по опред. отъ прав. (изд. 1857 г.).

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

УТВЕРЖДЕНЫ:

Директоры обсерваторій: Парижской — *Леверрье*, Берлинской — *Энке*, Гриничской — *Эри*, Зеебергской — *Ганзенъ* и Альтонской — *Петерсъ* — почетными членами Императорскаго Казанскаго университета (16 марта).

Императорскаго Московскаго университета: ординарный профессоръ, коллежскій совѣтникъ *Давидовъ* и исправляющій должность экстраординарнаго профессора, коллежскій совѣтникъ *Ляссковскій* — инспекторами частныхъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ на 1860 годъ (21 марта).

УЧЕБНИКИ

ПО ТЕОРІИ ПРОЗАИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ.

(*Окончаніе*).

18. «*Начертаніе курса изящной словесности* для употребленія въ высшихъ классахъ общества благородныхъ дѣвицъ и училища ордена св. Екатерины. Соч. М. *Тимаева*. С. Пб. 1832».

Назначеніе учебника и цѣль — были причиною его краткости. Авторъ хотѣлъ «беречь время своихъ слушательницъ» и предложилъ собственно не *учебникъ*, а начертаніе, «программу» для словесности. Современная критика (*) и мы должны смотрѣть на начертаніе, какъ на программу. Какъ программа, начертаніе важно: ибо планъ теоріи измѣненъ. У автора находимъ прежнія части: изобрѣтеніе, расположеніе и выраженіе; и то, что подъ сими рамами излагается, похоже, большею частію, на старые предметы. Въ изобрѣтеніи излагается ученіе объ описаніи, повѣствованіи, поученіи, съ раздѣленіемъ послѣдняго на истины теоретическія и практическія; въ расположеніи указывается на начало, средину и конецъ сочиненія; въ выраженіи разсматриваются внѣшнія и внутреннія свойства слога: къ внѣшнимъ относятся — чистота, правильность, ясность, краткость, благозвучіе съ противоположными свойствами; къ внутреннимъ: благородство и живость, гдѣ говорится и о фигуральныхъ оборотахъ, какъ свойствѣ живости. Внѣшними качествами названы тѣ, кои состоятъ въ соединеніи частей

(*) «Русскій инвалидъ» 1832, стр. 1071.

по законамъ языка, чѣмъ достигается вразумительность; внутренними тѣ, кои, занимая выраженіе и чувствованіе, приводятъ душу въ пріятную дѣятельность (стр. 61).

Планъ втораго отдѣленія измѣненъ; на три отдѣла раздѣлены предметы: описательные, повѣствовательные и поучительные. Въ послѣднемъ родѣ поставлены: разговоры, письма и рѣчи, какъ отличающіеся отъ прочихъ не *предметомъ*, а *формою* (стр. 86).

Къ числу старыхъ понятій автора причислимъ раздѣленіе фигуръ. Смотря по тому, на какія способности фигуры дѣйствуютъ, авторъ раздѣлилъ ихъ на три рода: фигуры ума, фигуры воображенія и фигуры чувствованій.

И такъ начертаніе представило новыя точки зрѣнія на родъ поучительной прозы и на дѣленіе слога.

19. «*Программа* общей риторики. Составлена А. *Медвѣдевымъ*. С. Пб. 1832».

Въ «P. S.» сочинитель пишетъ: «я думаю, что краткость правилъ, изложенныхъ въ сей книжкѣ, никто не вмѣнитъ мнѣ въ важный недостатокъ; это программа, а не самоучитель и печатается только въ *пользу воспитанниковъ*, *мною руководимыхъ* (стр. 55)».

Такое искреннее признаніе избавляетъ насъ отъ необходимости подробно разсматривать программу. Замѣтимъ, что авторъ—человѣкъ новыхъ убѣжденій, что видно изъ отсутствія въ риторикѣ *періодовъ*, относимыхъ имъ къ словесности, и *общихъ мѣстъ*, изобрѣтеніе по коимъ онъ назвалъ способомъ «неудобнымъ (стр. 56)».

Планъ слагается изъ трехъ частей: 1) риторики *предварительной*, объясняющей свойства души и законы ихъ, 2) *положительной*, показывающей примѣненіе законовъ сихъ къ употребленію слова, и 3) *прикладной*, научающей пользоваться опытностію другихъ (стр. 5). *Въ первой* части излагаются, по обычаю, понятія логическія и психологическія. *Во второй*—изобрѣ-

теніе, расположеніе и выраженіе: а такъ-какъ проза раздѣлена на описательную, повѣствовательную, дидактическую и убѣдительную, то отдѣльно и говорится объ изобрѣтеніи и расположеніи всѣхъ родовъ прозы. Изложеніе здѣсь сходно съ изложеніемъ Кошанскаго. Въ выраженіи разбирается слогъ — полнота, ясность, правильность, приличіе и красота—и риторическія украшенія: тропы, фигуры чувствованія, воображенія и ума. Здѣсь-же и объ острыхъ мысляхъ. *Въ третьей* совѣтуется читать писателей, переводить съ иностраннаго языка, самому заниматься сочиненіями и совѣтоваться съ другими. Ко всей программѣ сдѣлано два прибавленія: о прозѣ канцелярской и письменной. О сей послѣдней авторъ замѣчаетъ: «понятіе о прозѣ письменной и канцелярской прибавлено къ общей риторикѣ въ сообразность съ устройствомъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній (стр. 48)».

Послѣднее замѣчаніе поставляетъ программу Медвѣдева выше частной риторики Греча, Галича, Кошанскаго и Плаксина, гдѣ въ *самый планъ* введено ученіе о дѣловыхъ бумагахъ....

Наука, объясняющая законы прозы, называется риторикою, а объясняющая законы поэзіи—піитикою (стр. 4).

20. Вопросы изъ Россійской словесности. М. 1832.

21. Система Россійской словесности, профессора Ивана *Давыдова*. М. 1832.

Такъ-какъ «Вопросы» заключаютъ на себя отвѣты въ «Системѣ», а сама система есть программа «Чтеній о словесности» того-же автора, явившихся въ 1837 году, то мы здѣсь и не разбираемъ ни вопросовъ, ни системы; при разсмотрѣніи самихъ чтеній скажемъ о нихъ.

22. Опытъ теоріи словесныхъ наукъ, почерпнутыхъ изъ лучшихъ ея источниковъ. М. 1832.

Авторъ — человѣкъ духовный. Въ этомъ учебникѣ очень

много дѣльныхъ мыслей; это собственно «не опытъ теоріи словесныхъ наукъ», а опытъ теоріи *эстетики*. Главные и почти исключительные предметы разсужденій автора суть: вкусъ, критика, геній, изящное и высокое. Занимаясь обсужденіемъ названнаго матеріала, неизвѣстный авторъ иногда является представителемъ ложно-классическаго начала, а иногда здраво и основательно судитъ. Онъ ложно-классикъ, когда говоритъ о *законѣ* вкуса: закономъ вкуса, по его понятію, должно быть *подражаніе природѣ*, при семъ авторъ присовокупляетъ: «впрочемъ, геній и вкусъ не должны подражать природѣ такой, каковою она надъ ними случится. Сіе подражаніе должно быть благоразумное, не списывающее ее рабски, но такое, которое, собирая предметы и черты, представляетъ ихъ со всѣмъ совершенствомъ, съ каковымъ онѣ могутъ быть.... Геній и вкусъ должны украшать природу и исправлять чувству представляющіеся ея недостатки (стр. 97)».

Если такъ ложно понятіе о подражаніи природѣ, то весьма здравы и справедливы мысли автора о критикѣ, о геніи и объ изящномъ. «Критика, пишетъ авторъ, не должна бояться авторитетовъ; она не умаляетъ числа писателей, а напротивъ производитъ соревнованіе въ писателяхъ (стр. 83)». О геніи: «въ геніи должно быть все новое, новое въ изобрѣтеніи, новое въ расположеніи, въ мысляхъ, въ чувствахъ, въ слогѣ, въ словахъ, и даже въ погрѣшностяхъ. Онъ творитъ, не сообразуясь ни съ правилами, ни съ вѣкомъ, ни съ образцами, вообще ни съ чѣмъ, творитъ самостоятельно, оригинально. Онъ непосредственно такъ-сказать изъ сокровищъ природы похищаетъ тайны, которыя она никому не повѣряетъ». Подобныя мысли, свѣтлыя и несокрушаемыя, весьма напоминаютъ разсужденія о томъ-же предметѣ Бѣлинскаго (см. От. зап. 1841 г. о критикѣ, по-поводу рѣчи г. Никитенко и о геніи въ біографіи Кольцова).

Такимъ образомъ авторъ излагаетъ всю теорію эстетики; о словесности онъ говоритъ лишь въ началѣ и говоритъ умно:

прежде о значеніи ея, а потомъ объ источникахъ для изученія. Указаніе источниковъ—новое явленіе въ исторіи учебниковъ по словесности и автору принадлежитъ честь первовводителя этой статьи въ курсъ. Источники указаны древніе и новѣйшіе; изъ древнихъ—Платонъ, Аристотель, Димитрій Фалерійскій, Діонисій Галикарнасскій, Цицеронъ, Квинтиліанъ и Лонгинъ; изъ новѣйшихъ: Воссій, Эрнести, Сульцеръ, Батте, Блеръ, Камбель, Пристлей, Мармонтель, Лагарпъ, Маасъ, Филленборъ, Эшенбургъ, Левисакъ, Ролленъ, Мейеръ, Мейнерсъ, Жераръ, Шторхъ, Шоттъ, Бутервекъ, Кантъ и пр. и пр. (стр. 93).

И языкъ «Опыта» весьма ясный, понятный....

23. «*Умозрительныя и опытныя* основанія словесности въ IV частяхъ, сочиненіе А. *Глаголева*. С. Пб. 1834».

Сочиненіе Глаголева распадается главнымъ образомъ на три части: на филологическую, историческую и собственно относящуюся къ теоріи прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій. Авторъ добросовѣстно воспользовался бывшими до него отдѣльными розысканіями ученыхъ о предметахъ, которые онъ разсматриваетъ въ своихъ четырехъ частяхъ. Академія наукъ, академія Россійская и Московскій университетъ съ похвалою отозвались о трудѣ Глаголева. Разсматривая курсъ Глаголева, прямо видишь широкій планъ его. *Филологическая* сторона, по количеству матеріаловъ, достойна вниманія; здѣсь дано понятіе подробное о философской грамматикѣ и разобрана система Русскаго языка. Въ-*первомъ* отношеніи излагаются слѣдующіе предметы: устроеніе органовъ человѣческаго слова, отношеніе органовъ слова къ звуку и къ вещамъ, постепенное распространеніе языка и раздѣленіе общей грамматики по предметамъ (этимологіи, синтаксиса и пр.). Во *второмъ* отношеніи, не въ примѣръ бывшимъ учебникамъ, изслѣдываются: отношенія Русскаго языка къ Азіатскимъ и Европейскимъ, сходство ихъ, средства и способы отыскать древній языкъ Славянскій, письменное искусство Славянъ, вліяніе Греческаго языка на Сла-

вянскій, отношеніе Русскаго языка къ церковно-Славянскому, вліяніе языковъ иноплеменныхъ на Русскій, отличительныя черты Русскаго языка. Вѣрность понятій автора объ указанныхъ предметахъ оцѣнитъ филологъ, слѣдящій за успѣхами Русской филологіи. Къ сторонѣ *исторической* должны быть отнесены: исторія Русской грамматики, Русской лексикографіи, синонимики, памятники языка Великороссійскаго, исторія риторикъ нашихъ и характеристика Русскихъ поэтовъ. Оцѣнить и эти предметы предоставляемъ историку нашей письменности.

Намъ должно познакомиться только съ теоріею прозаическихъ сочиненій, изложенною въ семи главахъ третьей части (отъ X до XVI) и во введеніи къ первой части. Вся теорія автора только излагаетъ сущность *ораторскаго искусства*. Малъ кругъ, но онъ отчетливо описанъ. Изъ теоріи Глаголева понятно основаніе ораторскаго искусства, естественное происхожденіе трехъ родовъ искусства соотвѣтственно тремъ цѣлямъ его: учить, плѣнять и трогать, разумнымъ становится трактатъ объ изобрѣтеніи и расположеніи по формѣ повѣствовательной и драматической, въ формахъ періодовъ и хрій, — трактатъ, которымъ исключительно занимаются древніе курсы Греческіе и Римскіе.

Глаголевъ, на основаніи Аристотеля и Цицерона, полагаетъ, что краснорѣчіе у древнихъ основывалось на силѣ *убѣжденія*, т.-е. умѣ. Главная форма убѣжденія—силлогизмъ; ораторъ напередъ обдумывалъ свой предметъ и дѣлалъ посылки, имѣя въ виду одно — возведеніе частныхъ вопросовъ къ общимъ. Въ силлогизмѣ три посылки: большое предложеніе заключаетъ истины общія, назначенныя для назиданія ума; въ меньшей посылкѣ ораторъ занимается извѣстнымъ лицемъ, описывая его чертами рѣзкими и живыми; изъ чертъ слагаются картины, дѣйствующія на волю и страсти—заключеніе. И такъ учить, плѣнить и трогать—вотъ цѣль оратора; отсюда—родъ краснорѣчія совѣщательный, описательный и судебный, изъ ко-

торыхъ въ первомъ были разбираемы дѣла общія, касающіяся цѣлаго государства; во второмъ описывали хорошія или худыя качества какого-нибудь лица; послѣдній состоялъ изъ двухъ первыхъ. Подлежащее и сказуемое суть два главные предѣла, въ которыхъ заключается ораторская рѣчь; отношеніе ихъ узнавалось тогда, когда находилось среднее понятіе, объединявшее ихъ. И чѣмъ обширнѣе значеніе сказуемаго, тѣмъ болѣе потребно среднихъ терминовъ: *изобрѣтеніе* и помогало находить эти среднія понятія. Такъ-какъ въ умозаключеніи душа сначала разсуждаетъ сама съ собою, а потомъ созерцаетъ внѣшніе предметы, отселѣ и самый способъ выраженія былъ или повѣствовательный, или драматическій. Ораторъ или излагалъ обстоятельства дѣлъ, сообщая свое мнѣніе, или вводилъ дѣйствіе, заставляя говорить лица мертвыя и отсутствующія, даже неодушевленные предметы. Тутъ-то и необходимо ему было пользоваться фигурами и тропами, изъ которыхъ однѣ имѣли цѣлію убѣдить разумъ (противоположеніе, сравненіе, раздѣленіе), другія—воображеніе (одушевленіе, изображеніе, обращеніе), наконецъ (тѣ, въ которыхъ говорящій повѣствуетъ и дѣйствуетъ) усилить выраженіе оратора (восклицаніе, сомнѣніе, занятіе, повтореніе). Періоды и хріи въ рѣчахъ ораторскихъ составляли различныя формы силлогизмовъ.

Такое объясненіе состава ораторской рѣчи тѣмъ болѣе замѣчательно, что Глаголевъ первый его представилъ и на примѣрѣ основалъ всѣ свои положенія—на рѣчи Цицерона за Росція и Милона.

Если мы отдаемъ полную справедливость такому логическому раскрытію устройства ораторской рѣчи, то ничуть не соглашаемся съ мнѣніемъ автора объ отношеніи древняго краснорѣчія къ нашему. Наши дѣловыя бумаги, учитъ авторъ, совершенно похожи на учебное краснорѣчіе со всѣми его видами (стр. XI, часть I): судебнымъ, совѣщательнымъ и описательнымъ. Никакъ нельзя допустить въ нашей дѣловой бумагѣ, какъ-бы она ни была щеголевато и мастерски написана, при-

сутствія того краснорѣчія, которымъ славился Цицеронъ, Димосѳенъ.... Въ отчетѣ министра, въ уголовной запискѣ—гдѣ вы найдете изобрѣтеніе, расположеніе, хріи, тропы и фигуры? гдѣ тутъ дѣйствіе на умъ, воображеніе и волю, о чемъ недавно толковалъ самъ авторъ?....

Къ шаткости взгляда относится и введеніе понятій психологическихъ и эстетическихъ; какъ напр. о способностяхъ души, о началѣ искусствъ, изящныхъ искусствахъ вообще и пр. Это введеніе тѣмъ болѣе неизвинительно въ умномъ курсѣ Глаголева, что въ 1832 г., за два года до изданія «Основаній словесности», еще разъ было рѣшительно высказано о неумѣстности психологіи и эстетики въ теоріи о словесности. Я разумѣю «Систему Россійской словесности профессора Давыдова. 1832 г.»

Къ достоинствамъ риторики Глаголева относится историческое обозрѣніе курсовъ Греко-Римскихъ, бывшихъ долго нашими руководствами, хотя и здѣсь невѣрно высказана та мысль, что будто «до половины XVIII вѣка почти всѣ и новыя руководства были сочиняемы на Латинскомъ языкѣ (стр. 37, част. IV)». Послѣдняя мысль не подтверждена *фактами* у автора, а съ другой стороны—невѣрна: ибо у насъ съ XI вѣка, есть руководство по риторикѣ; въ XVII много уже списковъ другихъ риторикъ, писанныхъ на Русскомъ или Славянскомъ языкѣ.

Такимъ образомъ «Основанія словесности» Глаголева, будучи весьма важны въ филологическомъ отношеніи, сдѣлали для теоріи прозаическихъ сочиненій хотя малую, по количеству, но огромную, по качеству, услугу, объяснивъ разумно и логически все *устройство* ораторской рѣчи. О другихъ родахъ прозаическихъ произведеній Глаголевъ не говоритъ въ теоріи; а изъ обозрѣнія характеристики Русскихъ прозаиковъ (стр. 50 идр. час. IV) видно, что онъ допускаетъ и ученыя разсужденія, и біографію, и характеры, и статистику, и мысли, и письма и пр....

Примѣра для ораторской рѣчи не представлено изъ Русскаго писателя.

Достойно почтенія направленіе автора съ той стороны, что онъ излагалъ источники и пособія, которыми руководился въ филологическомъ, историческомъ и словесныхъ замѣчаніяхъ своихъ.

24. *Руководство* къ изученію Русской словесности, составленное Петромъ *Георгіевскимъ*. С. Пб. 1836.

Планъ руководства показываетъ въ авторѣ представителя того взгляда на теорію словесности, которому слѣдовали Мерзляковъ, Гречъ, Кошанскій и Плаксинъ. И Георгіевскій дѣлитъ *краснорѣчіе*, называвшееся прежде прозою, на повѣствовательное, учебное и ораторское, причисляя къ этимъ тремъ «единственно-возможнымъ родамъ прозы (?)», разговоры, письма и дѣловыя бумаги; и Георгіевскій насчитываетъ много видовъ въ каждомъ родѣ краснорѣчія; такъ въ *историческихъ* сочиненіяхъ находятся: характеры, лѣтописи, прагматическая исторія и пр., вымышленныя повѣствованія: романы, повѣсти, сказки; въ *дидактическихъ*: разсужденія, учебныя книги и т. д.... Различается взглядъ его на планъ отъ указанныхъ составителей учебниковъ слѣдующимъ: во-первыхъ, Георгіевскій не считаетъ письма и разговоры особыми родами прозы: «они суть, говоритъ онъ, не что иное, какъ формы, установляемыя самымъ существомъ предмета (стр. 23, часть II)»; во-вторыхъ, онъ исключилъ понятія логическія, психологическія и даже теорію слова, о которыхъ говорилъ Талызинъ и Плаксинъ; за то, цѣлая часть занимается разсмотрѣніемъ «основныхъ началъ изящныхъ искуствъ». Но первое нововведеніе принадлежитъ не ему, а Медвѣдеву, который не причислилъ *впервые* разговора и письма къ особому роду прозаическихъ сочиненій; вторая статья, по мысли, тоже не принадлежитъ Георгіевскому, а по выполненію — созданіе его.

Почему-же авторъ выключилъ логику и грамматику изъ

своего руководства? Почему подробно и ученымъ образомъ развилъ только понятіе объ изящномъ? Отвѣтъ находимъ на стр. 17, час. I: «языкъ человѣческій самъ по себѣ не принадлежитъ къ изящному; и потому не *все то, что говоритъ и пишетъ* человѣкъ, относится къ изящному. Изящное беретъ у грамматики и логики языкъ уже готовый, и слово человѣческое только тогда входитъ въ область науки изящнаго, когда оно выражаетъ изящное — слѣдовательно и наука словесности, т.-е. *изящнаго выраженія словомъ*, должна начинаться не съ слова, но съ *идеи изящнаго*». Мысль новая и совершенно справедливая. Но выполнилъ-ли авторъ ее въ своемъ изложеніи? Нѣтъ.... Авторъ сказалъ, что не все сказанное и написанное человѣкомъ входитъ въ область науки словесности, — что она занимается только тѣми произведеніями, гдѣ выражено словомъ *изящное*; а между-тѣмъ въ самомъ руководствѣ помѣстилъ исторію торговли, ремеслъ и медицины, дѣловыя бумаги съ ихъ регистратурою, экстрактами, журналами повседневными и записками, учебныя книги и разсужденія. Выраженія изящнаго, какъ его понимаетъ авторъ и какъ мы понимаемъ, въ указанныхъ сочиненіяхъ быть не можетъ. По опредѣленію автора, изящное «состоитъ въ согласномъ отношеніи разнообразія къ единству (стр. 24)», т.-е. разнообразія въ образахъ, формахъ и фигурахъ къ ихъ единству; далѣе — краснорѣчіе, по словамъ автора, какъ видъ изящнаго, есть «даръ потрясать души, переливать въ нихъ свои страсти и сообщать имъ свой образъ понятій (стр. 2, час. II)»; всѣ указанныя черты никакъ не могутъ быть совмѣстимы въ дѣловой бумагѣ, въ исторіи ремеслъ и торговли; гдѣ здѣсь «потрясеніе души», гдѣ здѣсь переливъ «страстей», которыя, по мнѣнію автора, составляютъ «основаніе краснорѣчія (стр. 1, час. II)»?.... Скажемъ болѣе — подъ опредѣленіе краснорѣчія (т.-е. прозы), сдѣланное Георгіевскимъ, не подходитъ большая часть его руководства. Всѣ историческія и критическія сочиненія не имѣютъ въ основаніи своемъ «страстей», въ тѣхъ и другихъ преобладаетъ строгое об-

сужденіе предмета; тогда-какъ авторъ считаетъ эти сочиненія за одинъ изъ родовъ повѣствовательнаго краснорѣчія; слѣдовательно, должны будутъ остаться, и то не безъ ограниченія, однѣ ораторскія рѣчи.... Вся запутанность произошла оттого, что авторъ хотѣлъ подъ эстетическіе свои взгляды, напередъ изложенные, подвести старую частную риторику: письма, разговоры, историческія сочиненія, учебныя книги, — подъ идею краснорѣчія, въ основаніе котораго поставилъ «страсти, сильное чувствованіе, живое воображеніе», а потомъ уже, чрезъ страницу «и разсудокъ», — подъ эту идею желалъ пріютить всѣ роды и виды прозы.... У Плаксина планъ совершенно соотвѣтствуетъ идеѣ; подъ прозою Плаксинъ разумѣлъ сочиненія, имѣющія въ виду «пользу»; и весьма естественно ему было говорить о дѣловыхъ бумагахъ, учебникахъ, книгахъ, письмахъ и пр.... Георгіевскій указалъ, что «не все сказанное и написанное» есть предметъ науки словесности и однако въ планѣ помѣстилъ все и сказанное и писанное—отъ ораторской рѣчи до анекдота, отъ исторіи Тацита до регистратуры....

Въ самомъ изложеніи родовъ и видовъ краснорѣчія господствуетъ краткость понятія и историческое направленіе. У автора теорія не велика; но указаніе этой теоріи въ образцахъ приняло большіе размѣры; онъ указываетъ не только важнѣйшихъ писателей, но и менѣе значительныхъ. Русскіе писатели менѣе занимаютъ автора; о рѣдкомъ онъ даетъ свое мнѣніе; чаще только вычисляетъ; напр. Русскихъ историковъ послѣ Карамзина только называетъ по имени съ ихъ сочиненіями; такъ-же поступаетъ съ историками просвѣщенія, съ нѣкоторыми изъ романистовъ и др. Отдѣлъ Русскихъ писателей у Георгіевскаго обработанъ гораздо хуже Плаксина; за то стороны обще-Европейская и древне-классическая изображены отчетливо; за одно это можно смѣло одобрить руководство къ употребленію. Весьма хорошо сдѣлалъ авторъ, что въ теоріи эстетики изобразилъ историческій ходъ ея отъ Сократа до Пулья (théorie des sentiments agréables) и періоды развитія изящнаго

отъ Аристотеля до Канта (стр. 19—22 и 3—5, гл. I), — въ теоріи краснорѣчія — исторію ея отъ Пизистрата до Петра Пустынника (стр. 7—14, час. II), а также исчисляетъ сочиненія о краснорѣчіи: Димосоена, Лонгина (?), Цицерона и Квинтиліана (стр. 15—17), хотя послѣдняя статья (о сочиненіяхъ) ниже изслѣдованія о томъ-же предметѣ, представленнаго Глаголевымъ: ибо Георгіевскій не далъ оцѣнки сочиненіямъ Аристотеля, Цицерона и Квинтиліана, какъ то сдѣлалъ Глаголевъ....

Наконецъ языкъ автора, во многихъ мѣстахъ, или возвышенъ, или не въ духѣ Русскомъ изложенъ; напр. «исторія есть средина *между* эпическаго стихотворства и исторіи»; «онъ не походитъ на антузіаста, *ниже* на панегириста»; «времена рыцарскія суть *магазинъ* для романовъ»; «нравственность проповѣдывалъ сошедшій въ Іудею *вселенныя Богъ*»; «самое мѣсто, *на немъже* стоятъ (стр. 30, 47, 49, 73)».

Такъ руководство Георгіевскаго, будучи: 1) хорошимъ пособіемъ, какъ ученымъ образомъ составленный учебникъ, по своему плану нисколько не различается отъ Мерзлякова и другихъ, дѣлившихъ прозу на повѣствовательную, дидактическую и ораторскую. Слѣдовательно, теорія прозы, или краснорѣчія какъ назвалъ ее Георгіевскій, осталась тою-же, какою и была до него. Авторъ не выполнилъ своего взгляда на науку словесности и изложилъ въ самомъ учебникѣ все то, что полагалъ необходимымъ отбросить.

2) Историческая сторона развита подробно, но односторонне, т.-е. болѣе обращено вниманіе на представителей извѣстнаго рода краснорѣчія у Грековъ и Римлянъ, нежели у Русскихъ.

3) Взглядъ на основанія краснорѣчія, состоящія изъ страстей, воображенія и живаго чувства, не вѣренъ. Аристотель, а за нимъ и Цицеронъ полагали все основаніе краснорѣчія въ силѣ убѣжденія, т.-е. въ доводахъ, происходящихъ отъ ума.

Возбудить страсть было необходимымъ слѣдствіемъ рѣчи, а не основаніемъ ея.

25. «*Чтенія* о словесности, профессора Ивана *Давыдова*. Москва. 1837».

По *взгляду* на предметъ словесности и по *плану*, «Чтенія» принадлежатъ къ замѣчательному въ исторіи учебниковъ 1832 году, когда авторъ, въ двухъ брошюркахъ, издалъ: «Вопросы изъ Россійской словесности» и «Систему Россійской словесности». Оба сочиненія обнимаютъ не только теорію прозаическихъ сочиненій и стихотворныхъ, но и исторію нашей словесности. Въ «Чтеніяхъ» предложена только теорія прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій. Мы должны разобрать первыя двѣ книги, гдѣ излагается теорія прозы, или «краснорѣчія», какъ выражается авторъ.

Замѣчанія наши коснутся *взгляда* на *предметъ* словесности и на *планъ*, сравнительно съ *бывшимъ* у насъ понятіемъ о томъ-же. Разборомъ частнаго изложенія заключимъ наше разсмотрѣніе.

Авторъ смотритъ на науку о словесности, какъ «на постиженіе изящнаго въ словѣ». Словесность, какъ наука, ограничивается, по словамъ его, «постиженіемъ законовъ, при которыхъ возможно творческое произведеніе духа въ словѣ (стр. XVII, изд. II)». Весь курсъ словесности раздѣленъ на двѣ части: «философское изученіе словесности и историческое», куда присоединена и критика, «вѣнчающая, по выраженію автора, литературныя занятія». Введеніе логики, психологіи и эстетики авторъ призналъ неумѣстнымъ въ изученіи «философіи словесности», а «предшествующимъ оному (стр. XXVII)», грамматикѣ и риторикѣ указалъ «принадлежащее имъ завѣдованіе въ философіи словесности (стр. XXVI)». Слѣдовательно, теорія слова есть исходная точка изслѣдованія автора.

Нельзя сказать, не погрѣша противъ истины, чтобы взглядъ автора былъ совершенно новый въ исторіи нашихъ учебниковъ, по своему *содержанію*, т.-е. по тѣмъ понятіямъ, которыя раз-

виты въ немъ. Основать науку словесности на *словѣ*, на философіи слова, было присуще составителямъ нашихъ учебниковъ, — скажемъ яснѣе и ближе къ дѣлу: въ наши учебники входили изслѣдованія объ языкѣ вообще, о происхожденіи частей рѣчи, о словостроеніи и другихъ видахъ философіи словесности. Начиная съ Рижскаго, идетъ рядъ учебниковъ съ подобнымъ направленіемъ. Рижскій въ своемъ «Введеніи» разсуждалъ уже объ изящныхъ наукахъ и отношеніи ихъ къ слову, указывалъ связь между мыслію и словомъ, происхожденіе слова и развитіе его согласно съ законами мысли, размышлялъ о стихіяхъ слова — частяхъ рѣчи, сравнивалъ языкъ Русскій съ другими, говорилъ объ умопредставленіи народа, имѣющемъ вліяніе на языкъ, о богатствѣ и силѣ языковъ, говорилъ даже о философской грамматикѣ (о сей послѣдней есть у Ломоносова). Но онъ не связалъ своихъ мыслей съ своимъ «Опытомъ риторики»; онъ прежде издалъ опытъ, а потомъ чрезъ двѣнадцать лѣтъ—«Введеніе въ курсъ словесныхъ наукъ», гдѣ и высказалъ отмѣченныя нами мысли. *Толмачевъ* (1818), на основаніи устройства мысли, выводилъ необходимость частей рѣчи, значеніе чиселъ, падежей, степеней сравненія и родовъ; онъ первый указалъ на свободу словорасположенія въ Русскомъ языкѣ; *Могилевскій* (1817) — разсуждалъ о томъ-же; *Солнцевъ* (1831) умно взглянулъ на слова, какъ звуки и какъ знаки понятій, гдѣ указывалъ на отношеніе словъ къ самымъ свойствамъ предметовъ, на происхожденіе частей рѣчи, на слововыраженіе и на словопостроеніе. *Глаголевъ* (въ 1831) изложилъ систему Русскаго языка и конспектъ курса словесности, заключавшій и общую грамматику. Дѣльно объяснилъ и *Плаксинъ* логическое происхожденіе частей рѣчи въ своемъ курсѣ (1832).... Такимъ образомъ, самая мысль о философской теоріи слова не новость у насъ, по своему содержанію,—но по примѣненію ея къ дѣлу, по указанію прежде всего говорить о словѣ, на немъ основать ученіе о краснорѣчіи — эта мысль принадлежитъ автору «Чтеній». Никто до него не выставлялъ теорію

слова въ учебникѣ на первый планъ, она входила, какъ необходимая, но не главная часть; авторъ указалъ ей первое мѣсто въ учебникѣ и, по изслѣдованіи *языка*, *рѣчи* и *слога* — «объективной философіи словесности», перешелъ къ изложенію видовъ краснорѣчія — «субъективной части философіи словесности»....

Не новость у насъ—подтверждать теоретическія изслѣдованія историческими: *Мерзляковъ* первый представитель этого направленія. На необходимость критики, какъ на способъ усовершенствованія слога, указывали Рижскій, Кошанскій и другіе. Неумѣстность логики въ курсѣ словесности доказывали Мерзляковъ, Талызинъ. Значитъ, взглядъ автора, по содержанію своему, не есть явленіе новое; но по выраженію своему—новость въ исторіи учебниковъ. Авторъ первый опредѣлилъ задачу словесности, какъ науки, слѣдующимъ образомъ: «Словесность, какъ и всякая наука, ограничивается постиженіемъ законовъ, при которыхъ возможно творческое произведеніе духа въ словѣ (стр. XVII)». Опредѣленіе — самое удачное и намъ современное; въ 1853 году, въ одной изъ дѣльныхъ статей, было дано точно такое-же опредѣленіе теоріи словесности. Авторъ ея, г. Введенскій, такъ выражается: «Какими законами руководствуется геній человѣка на поприщѣ творческой мысли и чувства? Отвѣты на этотъ вопросъ, изложенные въ системѣ, составляютъ теорію словесности (Отеч. зап. 1853, XII—34 критика)».

Планъ автора въ «объективной» части философіи словесности, называвшейся прежде общею риторикою, принадлежитъ *почти* исключительно ему. Говоримъ *почти* на томъ основаніи, что весьма похожее на этотъ планъ находимъ у Свѣденцева. Свѣденцевъ, послѣ понятій объ изящномъ, излагаетъ ученіе о слововыраженіи, о словопостроеніи и наконецъ о слогѣ; и нашъ авторъ прежде говоритъ объ языкѣ, потомъ объ изящной рѣчи, происходящей отъ словопостроенія и движенія въ слово-теченіи, а наконецъ о слогѣ.... Но по выполненію ученіе автора обширнѣе и ученѣе.

Планъ второй части—«субъективной», а по прежнему, частной риторики, созданъ исключительно авторомъ. Авторъ призналъ три рода краснорѣчія: исторію, философію и ораторскую рѣчь (стр. 16, курсъ II); прежде ихъ признавали четыре: описательный, повѣствовательный, дидактическій, убѣдительный, прибавляя къ сему особыя главы о письмахъ, разговорахъ и дѣловыхъ бумагахъ. Что-же касается до развитія плана, то оно касается почти всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые излагались и прежде. Въ рѣчахъ авторъ разсматриваетъ совѣщательный, судебный и духовный виды, — что и прежде было, но только не предлагалось въ такой объединенной формѣ. Также излагалось понятіе о приступѣ, предложеніи, раздѣленіи и повѣствованіи. Въ сочиненіяхъ философскихъ авторъ разсматриваетъ ихъ форму: монологическую, діалогическую и эпистолярную.... О монологахъ говорилъ Галичъ, о разговорахъ и письмахъ говорилось въ каждомъ учебникѣ. Но только всѣ эти роды не группировались около философскихъ сочиненій, а стояли отдѣльными, одинокими главами....Въ ученіи объ исторіи и прежде указывали на исторію всеобщую и частную, на описанія и повѣствованія, на исторію религіозную, политическую и ученую, на характеры и біографіи. Все нововведеніе автора состоитъ въ томъ, что онъ выключилъ изъ ученія объ исторіи *романъ*, который прежде относили къ историческимъ сочиненіямъ, и *критику*, какъ особый видъ ученаго сочиненія. Наконецъ должно сказать, что самые термины автора: «ораторское краснорѣчіе, историческое и философское» не новые; у Греча мы находимъ эти три термина, но Гречъ не подвелъ всѣ виды краснорѣчія подъ нихъ.

Теперь перейдемъ къ частному разсмотрѣнію. Теорія слова раскрыта весьма подробно. Но она вышла-бы еще совершеннѣе, еслибы авторъ воспользовался розысканіями, хотя не глубокими и не громкими, но дѣльными, высказанными въ прежнихъ учебникахъ. Отмѣтимъ нѣкоторые предметы, которые прежде были, но здѣсь опущены. Напримѣръ, ученіе о гласныхъ и соглас-

ныхъ звукахъ (стр. 21, курсъ I). Авторъ не опредѣлилъ, чтò такое гласный звукъ и чтò такое согласный? Онъ только описалъ нѣкоторыя свойства ихъ, сказавъ, что «гласныя выражаютъ изліяніе душевныхъ движеній, а согласныя — внѣшнее впечатлѣніе; что безъ гласныхъ невозможно произношеніе, а безъ согласныхъ не было-бы опредѣленности звука и пр.» У Глаголева указано происхожденіе гласныхъ и согласныхъ то-же самое, какое отмѣчено у Павскаго. «Гласный звукъ, по словамъ Глаголева, есть количество воздуха, исходящее изъ груди и производящее звукъ согласный, смотря по тому, къ какому органу онъ прикасается: къ губамъ, гортани, зубамъ и пр.» (стр. 8—10, часть I). Происхожденіе частей рѣчи тоже могло быть лучше объяснено. Авторъ за основныя части рѣчи полагаетъ *имя* и *глаголъ*, а потомъ уже признаетъ необходимыми и *прилагательныя* (стр. 51). У Глаголева послѣ *имени* поставлено *прилагательное*; даже сказано, что «прилагательныя, какъ выражающія качество чувственное, внѣшнее, поражающее насъ прежде, нежели самое существо предмета,—что они предшествовали прочимъ частямъ рѣчи». *Глаголъ-же*, какъ такая часть рѣчи, гдѣ соединяются два понятія, т.-е. предметъ и его существованіе, имѣетъ уже позднѣйшее происхожденіе (стр. 202)». У нашего автора причастія признаются за особую часть рѣчи и отнесены къ прилагательнымъ (стр. 52—53). Свѣденцевъ указывалъ на отличіе ихъ отъ причастій и говорилъ, что причастія имѣютъ назначеніемъ своимъ опредѣлять качество предмета во времени и, сверхъ-того, они управляютъ падежами.... То-же послѣ высказалъ И. И. Мартыновъ въ своемъ разборѣ грамматикъ Востокова и Греча (1832). Сверхъ-того, у Свѣденцева подробнѣе и толковѣе объяснены причастіе, дѣепричастіе, нарѣчіе, союзъ, предлогъ,—ибо приведены новые примѣры. Наконецъ Могилевскій поэтически угадалъ существо глагола въ языкѣ, назвавъ его «душею рѣчи»... Нѣтъ у автора ученія о корняхъ словъ, которое такъ прекрасно изложено у *Рижскаго* (Введеніе, стр. 28—34). Пре-

красныя и основательныя страницы объ отличительныхъ свойствахъ Русскаго языка (чтеніе шестое), гдѣ разсужденіе о словорасположеніи есть первая новость у насъ въ этомъ родѣ, сдѣлались-бы еще основательнѣе, еслибы авторъ воспользовался замѣчаніями Глаголева о томъ-же предметѣ. Такъ, говоря объ отличіи нашихъ глаголовъ, авторъ только упомянулъ о родахъ лицъ въ прошедшихъ временахъ (стр. 93), но не объяснилъ, что̀ значатъ эти роды. Глаголевъ объяснилъ такъ, какъ нынѣ проф. Срезневскій; во временахъ прошедшихъ Глаголевъ видитъ причастія сокращенныя прошедшаго времени, склонявшіяся прежде съ глаголомъ вспомогательнымъ *быть* (стр. 138, часть II). Не уяснилъ также авторъ всего значенія у насъ предлоговъ, приставляемыхъ къ глаголу, что такъ ясно и отчетливо изложено у Глаголева, что предлоги выражаютъ всѣ постепенности и оттѣнки одного и того-же дѣйствія, т.-е. начало, продолженіе, конецъ, учащеніе и разныя другія измѣненія; напр. поигрываю, наигрываю, заигрываю, разыгрываю, доигрываю, подыгрываю (стр. 140, час. II, глаголы).... Съ знаніемъ дѣла, глубоко-обдуманно изложено ученіе о благозвучіи рѣчи (чтеніе девятое); но авторъ представилъ-бы его еще лучше и согласнѣе съ истиною, еслибы обратилъ вниманіе на небольшое сочиненіе, тоже учебное, явившееся 1816, подъ названіемъ «Ораторъ». Авторъ «Чтеній» безусловно допускаетъ, что звуками словъ можно выразить предметы звучащіе, медленное, или быстрое движеніе и даже страсти. Неизвѣстный сочинитель Оратора замѣчаетъ: «думаютъ, что литера *R* приличествуетъ къ матеріи печальной и страстной: почему такія слова, какъ напр. «terreo, horror» почитаютъ въ таковой матеріи наилучшими.... Но кто сіе дерзнетъ утвердить? Есть и другія слова, имѣющія *R*, въ коихъ впрочемъ ничего страшнаго нѣтъ, напр. carmen, ergo, formosus, dormio. Я думаю, что вся важность въ идеяхъ, а не въ звукѣ словъ.... Многіе говорятъ, что Виргилій въ семъ стихѣ: illi inter sese magna vi bracchia tollunt (Georg. IV—174), захотѣлъ изъяс-

нить медленность Циклоповъ и трудную ихъ работу. Онъ-же, говорятъ, въ стихѣ 596, VIII Eneid.: «quadrupedante putrem sonitu quatit ungula campum» старался изъяснить нѣкоторую скорость. Ежели-бы Виргилій самъ о себѣ это сказалъ, то-бы можно было повѣрить; но сколько извѣстенъ Виргилій, кажется онъ всю силу полагалъ въ важности идеи, а не въ пустомъ звукѣ словъ. Много есть стиховъ у Виргилія, гдѣ при скорой, или веселой матеріи *спондеи*, а при медленной и печальной *дактили*.... Ежели-бы кто долго помышлялъ о выборѣ литеръ и слоговъ, то не потерялъ-бы всѣ свои идеи?» (стр. 154—157)....

Вѣрна мысль автора, что въ примѣры на каждый родъ краснорѣчія должно приводить самобытныхъ писателей (стр. VII курсъ первый); она замѣчательна тѣмъ болѣе, что впервые имъ высказана и несогласуется съ прежними учебниками, гдѣ высчитывались всѣ писатели самобытные и несамобытные, большіе и малые, даже едва извѣстные (Кошанскій, Плаксинъ, Мерзляковъ). Но и здѣсь авторъ поступилъ *односторонне*. Онъ «преимущественно указывалъ на образцы древнихъ», коихъ «витійство считалъ идеаломъ (стр. 49 втораго курса)». Въ огромномъ трактатѣ своемъ о рѣчахъ совѣщательныхъ и судебныхъ онъ привелъ только небольшіе два отрывка изъ Карамзина Ломоносова, тогда-какъ подобно разобраны рѣчи Димосѳена и Цицерона; для Русскихъ читателей полезнѣе было-бы представить наоборотъ, какъ и сдѣлалъ Кошанскій, приведшій рѣчь Карамзина о словесности и похвальное слово Екатеринѣ, два слова Ломоносова Петру и Елисаветѣ... Изъ произведеній нашей словесности, которыя приводитъ Кошанскій, нѣтъ ни одного. Примѣра Русскаго на разговоры не представлено, а прежде наши авторы брали для сего разговоры въ «Царствѣ Мертвыхъ» Муравьева, «Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ» Филарета... Украшеніе курса втораго есть разборъ Исторіи Государства Россійскаго, котораго мы не встрѣчали въ нашихъ учебникахъ.

О достоинствахъ «Чтеній» мы не будемъ говорить; они видны почти на каждой страницѣ.

Разборъ свой мы заключимъ слѣдующими выводами: 1) Чтенія о словесности внесли новый свѣтъ въ наши учебники своимъ взглядомъ. Авторъ на первомъ мѣстѣ поставилъ «слово» и первый развилъ теорію его въ понятіяхъ объ языкѣ, изящной рѣчи и слогѣ. То, что прежде относилось не къ главному предмету, сдѣлано самымъ главнымъ. Въ этомъ отношеніи авторъ по справедливости называется основателемъ *теоріи* словесности на *теоріи слова*.

2) Заслуга автора еще въ томъ, что онъ *первый* собралъ разрозненные члены нашей теоріи словесности воедино, раздѣливъ краснорѣчіе на три вида: *историческое*, *философское* и *ораторское*, гдѣ совмѣстилъ всѣ необходимые, по его взгляду, виды прозаическихъ сочиненій. Слѣдовательно, Мерзляковъ далъ содержаніе теоріи словесности (письма, разговоры, ученыя сочиненія и пр.), а нашъ авторъ далъ *систему* этому содержанію.

3) Авторъ не пользовался прежними учебниками; потому въ трудѣ его нѣтъ ни недостатковъ ихъ (ученія о дѣловыхъ бумагахъ, изобрѣтенія, расположенія описаній и повѣствованій, критики, какъ особаго вида прозы), ни ихъ *нѣкоторыхъ* достоинствъ, состоящихъ или въ болѣе подробномъ развитіи теоріи, или въ обиліи Русскихъ примѣровъ.

Языкъ не есть языкъ учебника, а публичныхъ чтеній; краснорѣчивъ до увлекательности и излишества, напр.: Донъ-Жуанъ есть вылетѣвшій изъ груди восторгъ въ очаровательныхъ звукахъ (стр. XVI курсъ I); Русская рѣчь вылетала изъ груди Русской пѣснію, или пословицею (стр. 83); въ Русскомъ языкѣ мимоходомъ заброшено нѣсколько реченій разгульными Монголами, положившими головы свои на нашихъ обширныхъ поляхъ и степяхъ (стр. 88) и пр.

Источники и пособія указаны въ изобиліи на всѣхъ извѣстнѣйшихъ языкахъ.

«Чтенія о словесности» помѣщены были по частямъ въ *Ученыхъ запискахъ* Московскаго университета.

26. «*Руководство* къ изученію Русской словесности, приспособленное къ прозаическимъ сочиненіямъ, составленное Алексѣемъ А. *Данскимъ*. М. 1843».

По обыкновенію, «Руководство» раздѣлено на двѣ части: общую риторику и частную. Въ первую «вошли уроки о понятіяхъ, предложеніяхъ, періодахъ, хріяхъ, силлогизмахъ и объ общей формѣ составленія рѣчей; во второй говорится о различныхъ родахъ прозаическихъ сочиненій, способахъ ораторскаго изложенія и объ ораторскомъ произношеніи». Изъ самого перечисленія предметовъ видно, что ораторская *рѣчь*, разсмотрѣнію которой посвящено до семидесяти слишкомъ страницъ, обращала на себя главное вниманіе автора.

По взгляду на предметъ словесности, авторъ принадлежитъ совсѣмъ не къ тому времени, когда явилось его руководство. Подъ словесностію онъ разумѣетъ «искусство говорить хорошо, красиво, *обильно* и благоразумно» и пр... (стр. 1) (*). Такъ училъ еще Ломоносовъ—и ему было извинительно, потому-что онъ писалъ руководство къ *краснорѣчію* и подобнымъ образомъ опредѣлялъ «краснорѣчіе», а не «словесность»... Данскій не воспользовался прежними опредѣленіями краснорѣчія, какія напр. были у Мерзлякова и Давыдова. Изъ всего руководства понятно, что авторъ имѣлъ подъ руками одинъ учебникъ Кошанскаго; потому и толкуетъ, не сказавъ почему, «о распространеніи логическаго предложенія синонимами, эпитетами и противными мыслями; даже самый примѣръ: «провидѣніе руководствуетъ человѣка» взятъ у Кошанскаго-же; ученіе о періодахъ—сколокъ съ подобнаго-же ученія Кошанскаго; примѣры часто тѣ-же: хріи и силлогизмы—то-же самое. Во всей первой части введено новаго только о понятіяхъ, предложеніяхъ, знакахъ препинанія и о составленіи ораторской рѣчи: всѣхъ этихъ

(*) На стр. 90, въ выноскѣ, также опредѣлена и риторика.

предметовъ у Кошанскаго нѣтъ. Но вопросъ, какъ изложены они? заставляетъ насъ сказать многое не въ пользу автора. Ученіе о понятіяхъ изложено на одной страницѣ, ученіе о предложеніяхъ на двухъ листкахъ, ученіе о знакахъ—тоже на двухъ: какое-же значеніе имѣетъ такое съуженное ученіе въ руководствѣ? Почему оно (это ученіе) необходимо—не сказалъ авторъ. Признавая неосновательнымъ это введеніе противъ риторики Кошанскаго, мы не можемъ того-же сказать о главѣ V первой части руководства Данскаго. Здѣсь излагается *образъ* составленія ораторской рѣчи; какъ «образъ» составленія рѣчи, а не самое внутреннее устройство ея, разумное, чего «образъ» служитъ только оболочкою; эта глава, какъ изъясняющая этотъ образъ, не лишена дѣльныхъ замѣчаній, ибо подробно уясняетъ части рѣчи: приступъ, повѣствованіе и пр. Замѣчательно здѣсь то, что авторъ вездѣ приводитъ примѣры изъ проповѣдниковъ духовныхъ.

Вторая часть обличаетъ въ авторѣ поверхностнаго педагога. Онъ говоритъ о прозаическихъ сочиненіяхъ. Какъ-же онъ располагаетъ планъ свой? совершенно вопреки естественному развитію пониманія юноши. *Прежде* авторъ толкуетъ объ ораторскихъ рѣчахъ, далѣе объ ученыхъ сочиненіяхъ, а *потомъ* объ историческихъ сочиненіяхъ, и наконецъ уже о разговорахъ и письмахъ, заключивъ все отдѣленіемъ объ описаніяхъ. Спрашивается: что̀ понятнѣе для несозрѣвшей головы—*описаніе*-ли прогулки, или рѣчь Карамзина о чистотѣ языка? разговоры-ли въ царствѣ мертвыхъ Муравьева или ученое разсужденіе Филарета о неимовѣрныхъ успѣхахъ нашихъ? Безъ сомнѣнія, описанія, письма, разговоры доступнѣе дѣтскому пониманію, нежели ораторскія рѣчи и ученыя сочиненія; слѣдовательно *прежде* и должно говорить въ руководствѣ о первыхъ видахъ прозы, а потомъ о послѣднихъ. Исторія оправдываетъ такой ходъ человѣческаго пониманія и развитія. Разсказы, сказки, описанія существуютъ прежде всякой другой формы рѣчи; ученое сочиненіе и ораторская рѣчь замыкаютъ

развитіе человѣческой рѣчи. У Грековъ Димосѳенъ явился, когда уже Греція подпала власти Филиппа и развила всѣ другія формы слова. У насъ то-же самое.

Еще авторъ во второй части, послѣ обозрѣнія видовъ прозы, говоритъ объ ораторскомъ изложеніи и дѣйствованіи: «это сдѣлано потому, говоритъ онъ, что тропы и фигуры, и вообще *слоги* только *разнообразятъ*, *украшаютъ* и *уясняютъ* рѣчь нашу, или, иначе, *ладятъ* образъ нашего изложенія, но не составляютъ *особыхъ* формъ (?), въ кои-бы могъ учащійся облекать мысли и сужденія свои (стр. III)». Мысль невѣрная. Во-первыхъ, *слоги* не имѣютъ назначеніемъ только разнообразить, украшать, уяснять и ладить рѣчь нашу; нигдѣ такого мнѣнія не было высказано потому, что всякій смотрѣлъ на слогъ, какъ на необходимый образъ, необходимый способъ выражать свои мысли, способъ пользованія языкомъ своимъ; безъ слога нѣтъ и предложенія, и періода и хріи, потому-что вездѣ требуется выразить свою мысль. Разнообразіе, украшеніе и ладъ рѣчи происходятъ не отъ слога, а отъ построенія предложеній, теченія періодовъ, какъ и было объяснено въ «Чтеніяхъ о словесности» Давыдова. А какъ періоды и хріи изложены у Данскаго въ первой части, то тамъ-же, по весьма разумному основанію, мѣсто ученію и «о слогахъ». Во-вторыхъ, совсѣмъ несправедливо разумѣя подъ «слогами» тропы и фигуры, не объяснить въ самомъ изложеніи, какимъ-же образомъ они разнообразятъ и украшаютъ слогъ; на стр. 472 читаемъ: «когда сочинитель найдетъ матерію для своей рѣчи, тогда долженъ заботиться о томъ, чтобы не токмо каждое слово, но и цѣлое сочиненіе было выражено, приличнымъ и соотвѣтствующимъ смыслу рѣчи, тономъ, такъ чтобы образъ выраженія вполнѣ соотвѣтствовалъ избранному предмету. Отсюда (откуда?) происходятъ слѣдующія четыре отдѣленія уроковъ объ образѣ ораторскаго израженія: 1) о тропахъ, 2) о фигурахъ, 3) о *слогахъ* и 4) о свойствахъ слоговъ». Далѣе идутъ опредѣленія видовъ тропа и фигуръ: слѣдовательно «умъ воспитанника» все-таки

останется «въ туманѣ», ибо онъ не получаетъ того, что обѣщали въ «предисловіи». Этотъ умъ еще болѣе отуманится, когда сообразитъ: какъ-же это мой учитель, изложивши уроки объ ораторскихъ рѣчахъ, исторіяхъ, ученыхъ сочиненіяхъ, даетъ слѣдующее предложеніе: «когда сочинитель *найдетъ матерію* для своей рѣчи, тогда онъ долженъ заботиться» и пр.: неужели въ ораторскихъ рѣчахъ нѣтъ матеріи, въ историческихъ и ученыхъ сочиненіяхъ нѣтъ? Ужъ коли я узналъ о расположеніи ихъ, тѣмъ болѣе я познакомился, то вездѣ, въ каждой даже мысли есть матерія... И умъ воспитанника остается въ страшномъ туманѣ. Далѣе, говоря о рѣчахъ, ученыхъ сочиненіяхъ и исторіи, авторъ разсматривалъ и то, на какомъ *слогѣ* пишутся произведенія: какъ-же понять воспитаннику, что̀ такое слогъ, когда ученія о немъ вы еще не предложили? Кошанскій, Плаксинъ и всѣ другіе въ изложеніи предметовъ частной риторики говорили о слогѣ каждаго сочиненія и это было понятно, ибо тамъ ученіе о слогѣ было предложено въ общей риторикѣ: въ вашемъ-же руководствѣ главы о слогахъ помѣщены послѣ родовъ прозаическихъ сочиненій. Неумѣстно также помѣщеніе ученія объ ораторскомъ произношеніи послѣ всего курса; вѣдь произношеніе и дѣйствованіе главнымъ образомъ дѣло проповѣдника; мѣсто этому ученію послѣ главы объ ораторскихъ рѣчахъ. Такъ было у Цицерона и Квинтиліана; такъ было у Галича, Давыдова и въ предшедшихъ имъ учебникахъ. Данской не пользовался ими.

О частномъ изложеніи тоже можно было-бы сдѣлать весьма много замѣчаній; но цѣль нашего сочиненія не позволяетъ этого исполнить, посему ограничимся немногими. На стр. 5-й авторъ пишетъ: «Первая часть словесности должна показать намъ *общія формы*, въ кои могутъ облекаться мысли, чувствованія и сужденія начинающаго учиться словесности». Опредѣленіе, ничего не опредѣляющее. Не сказано «общія формы» *чего* должна показать первая часть словесности? ибо есть формы для законовъ мышленія и есть формы для слова; мысли, чувство-

ванія, *сужденія* могутъ облекаться и въ форму понятій, и въ форму предложеній, и въ форму вымысла: вездѣ эта форма будетъ общая. Потомъ, въ самомъ ученіи о понятіяхъ и умозаключеніяхъ не сказано, что понятію въ мірѣ слова соотвѣтствуетъ отдѣльное слово, одно реченіе, а умозаключенію періодъ, что уже давно съ 1831 года внесено въ наши учебники. Вотъ какъ Данскій опредѣляетъ періодъ: «періодъ есть полное, гармоническое соединеніе приличныхъ словъ, выраженій и краткихъ обстоятельствъ въ одномъ логическомъ предложеніи (стр. 15)». Опредѣленіе Кошанскаго Данскій не понялъ, что можно соединить въ одномъ логическомъ предложеніи *приличныя* слова, *краткія обстоятельства* и все-таки періода не будетъ, если не выйдетъ въ немъ умозаключенія. Да и что значитъ соединять приличныя слова, краткія обстоятельства? Что значитъ соединять ихъ *полно* и *гармонически*? притомъ подобное опредѣленіе періода не отличаетъ его отъ предложенія, которое тоже бываетъ съ краткими словами и обстоятельствами, т.-е. значительно по объему.

Во второй части въ указаніи слога, приличествующаго родахъ прозы, весьма много общихъ мѣстъ; такъ рѣчи похвальныя должны писаться слогомъ *сильнымъ*, цвѣтущимъ и блистательнымъ (стр. 149); слогъ рѣчей привѣтственныхъ долженъ быть *силенъ, цвѣтущъ и блистателенъ* (стр. 151); рѣчи совѣщательныя должны быть писаны слогомъ твердымъ, убѣдительнымъ, основательнымъ (стр. 153); рѣчи воинскія, по слогу, должны быть кратки, *сильны* и *убѣдительны* (стр. 155); слогъ «учебныхъ книгъ долженъ быть простъ, естественъ, чистъ и точенъ»: гдѣ-же не требуется этихъ свойствъ? въ изложеніи событій должны быть наблюдаемы *ясность*, краткость, *опредѣленность* (стр. 165).

Въ самомъ ученіи о слогѣ, авторъ прежде изложилъ частныя свойства слога, а потомъ уже выставилъ «отдѣленіе о свойствахъ слога вообще (стр. 221)».

По разсмотрѣніи «Руководства» Данскаго, мы приходимъ къ

слѣдующимъ положеніямъ: 1) По взгляду на предметъ словесности, авторъ относится къ разряду схоластическихъ составителей учебниковъ и отсталъ отъ времени почти на цѣлое полстолѣтіе. Послѣ Глаголева и Давыдова, «Руководство» Данскаго не отрадное явленіе. У автора нѣтъ разумнаго объясненія, почему онъ говоритъ такъ, а не иначе. Авторъ въ изложеніи родовъ прозы совершенно опускаетъ историческую сторону каждаго рода, какъ она была у древнихъ и новыхъ.

2) По плану «Руководство» противорѣчитъ самому себѣ, помѣстивъ ученіе о тропахъ, слогѣ и ораторскія произношенія послѣ главъ о родахъ краснорѣчія.

3) Примѣры самая почтенная сторона учебника. Преимущественно обращено вниманіе на духовныхъ писателей и встрѣчаются, кромѣ Филарета, митрополита Московскаго, и Иннокентія, имена Филарета Кіевскаго, Елпидифора. Въ этомъ отношеніи учебникъ совершенно соотвѣтствуетъ своему назначенію,— и въ семинаріяхъ, гдѣ онъ принятъ въ руководство, можетъ быть полезнѣе риторики Кошанскаго. Данской помѣстилъ два слова къ поселянамъ: это подарокъ и вообще для учебника, а для ученика семинаріи настоящій кладъ.

4) Вообще, «Руководство» это есть болѣе домашнее, кабинетное дѣло, нежели учебникъ общій; авторъ имѣлъ въ виду «облегчить труды и сберечь время своихъ воспитанниковъ (стр. I)».

27. «*Теорія словесности*. Тетрадь 1. М. 1844».

Послѣ руководства Данскаго «Теорія словесности» неизвѣстнаго автора отрадное явленіе, по своему *взгляду* и только взгляду, выполненія котораго, къ-сожалѣнію, авторъ не представилъ. Издано всего три тетради, изъ которыхъ въ первой, послѣ «общихъ понятій о словесности», изложена теорія прозы, въ двухъ остальныхъ—половина теоріи поэзіи; тетради о теоріи краснорѣчія не выдано. И намъ надобно только очертить взглядъ автора на *теорію* словесности и на теорію *прозы*.

Три рода словесныхъ произведеній признаетъ неизвѣстный

авторъ: прозу, поэзію и краснорѣчіе. Цѣль прозы—удовлетворить нуждамъ физическаго существованія, цѣль поэзіи—удовлетворить потребностямъ бытія духовнаго и цѣль краснорѣчія—удовлетворить требованіямъ бытія вмѣстѣ и физическаго и духовнаго (стр. 6—7). За симъ, основательно опровергнувъ «дѣленіе родовъ словесности по внѣшней формѣ, по цѣли и по преобладанію силъ духа человѣческаго (стр. 8—9)», авторъ опредѣляетъ существо каждаго указаннаго рода словесности: проза есть *простое* словесное искусство, изображающее жизнь, какъ она *есть* въ самой дѣйствительности; поэзія — искусство словесное *изящное*, которое изображаетъ жизнь, какъ она *можетъ* быть; краснорѣчіе—искусство словесное *полуизящное*, которое изображаетъ жизнь, какъ она *должна* быть (стр. 9). Такого раздѣленія мы не встрѣчали и не имѣемъ права ни принять его, ни отвергнуть, потому-что нѣтъ самой науки у автора: мы не знаемъ, какія-же сочиненія авторъ разумѣетъ подъ прозаическими? онъ только (на стр. 10) поименовалъ производителей прозы: писцовъ, писарей, канцеляристовъ, письмоводителей и пр.; изъ этого можно-бы заключить, что подъ прозою авторъ понимаетъ дѣловыя бумаги; но на стр. 21 онъ выражается слишкомъ обще объ этомъ предметѣ, сказавъ, что «теорія прозы излагаетъ правила прозаическія произведеній, объясняя ихъ содержаніе, расположеніе и выраженіе», и мы все-таки не понимаемъ, какія-же это правила прозаическихъ сочиненій? Въ самой теоріи прозы видимъ, что авторъ говоритъ о содержаніи прозаическихъ сочиненій, изложеніи ихъ и выраженіи. Содержаніемъ прозы бываютъ «потребности бытія человѣческаго»; изложеніе *дѣла* должно быть полно, ясно, достовѣрно, выраженіе точно, чисто, ясно и прилично (стр. 31—40). Объясненіе указанныхъ положеній заключаетъ весь курсъ. Примѣра нѣтъ нигдѣ.

Не зная, какія сочиненія авторъ относитъ къ прозаическимъ, мы не можемъ дать отзыва объ учебникѣ его; а взглядъ автора на поэзію Аристотелевскій.

28. «*Курсъ теоріи* словесности. М. *Чистякова.* Въ двухъ частяхъ С. Пб. 1847».

По взгляду на *составъ* теоріи словесности авторъ есть продолжатель стариннаго убѣжденія, которое началъ Толмачевъ; и Чистяковъ цѣлую часть посвятилъ разбору «психологическихъ и эстетическихъ понятій». Толмачеву и другимъ былъ простителенъ такой взглядъ; потому-что тогда не высказано еще было, что психологія, логика и эстетика должны быть исключены изъ теоріи словесности; а главное—схоластицизмъ навелъ на мысль построить теорію на началахъ логики. Теперь-же, при изданіи курса Чистяковымъ, уже въ учебникахъ доказываемо было, что неумѣстны «такъ называемыя предварительныя понятія» въ словесности; вотъ напр. неизвѣстный авторъ «теоріи словесности 1844» прямо говорилъ (стр. 26 часть I): «нѣкоторые въ кругъ словесныхъ наукъ включаютъ еще логику и эстетику...; но если словесныя науки должны объяснять слово человѣческое, то ни логика, ни эстетика не должны входить въ кругъ словесныхъ наукъ. Въ логикѣ объясняются дѣйствія силы мыслительной, а не слова; эстетика-же есть теорія изящнаго, а не слова...»

Теперь разберемъ: 1) содержаніе, 2) выполненіе его и 3) нѣкоторыя частныя замѣчанія автора.

1) Чистяковъ не дѣлитъ своего курса на части, такъ чтобы въ одной были теорія прозы, а въ другой теорія поэзіи; у него есть только параграфы. Нашему разбору подлежатъ 40 параграфовъ. Въ нихъ авторъ говоритъ о содержаніи, развитіи и выраженіи *сочиненія* (1), а потомъ о видахъ прозаическихъ сочиненій (2).

Въ-отношеніи къ *содержанію*, авторъ требуетъ отъ сочиненія: a) единства, b) истины и c) занимательности основной

(1) §§ 1—31.
(2) §§ 31—40.

мысли (стр. 2). Излагая ученіе о *развитіи* мысли, онъ разсматриваетъ непрерывность, полноту въ развитіи мысли, строгую соразмѣрность между частями сочиненія, рѣчь, происхожденіе словъ, слова звукоподражательныя, собственныя и переносныя, тропы и фигуры, идіотизмы и выраженія техническія; наконецъ, *выраженіе* авторъ разбираетъ съ трехъ сторонъ: выраженіе, какъ *знакъ* понятія, какъ образъ или *картину* и какъ *звукъ* (стр. 68). Выраженіе, какъ знакъ понятія, должно быть *точно* (стр. 68—85); какъ образъ, оно должно быть *живописно* (стр. 86) и какъ *звукъ*, оно должно быть *музыкально* (стр. 134). Къ выраженію-же относится и ученіе о стилѣ.

Видовъ прозаическихъ сочиненій онъ признаетъ три: описательно-повѣствовательныя, или опытныя, дидактическія аналитическія и дидактическія умозрительныя (стр. 162).

2) Содержаніе курса не новое; выполненіе его не представляетъ почти ничего новаго и имѣетъ довольно невѣрнаго. Во-первыхъ, авторъ не размѣстилъ должнымъ образомъ понятій своихъ о переносныхъ выраженіяхъ и живописности рѣчи; поэтому въ двухъ мѣстахъ (стр. 50 — 52 и 92 — 98) говоритъ о значеніи троповъ: метафоры, олицетворенія и символа, слѣдовательно дважды излагаетъ теорію «живописности рѣчи». Читатель запутывается, слѣдя за ходомъ развитія мысли автора. Такая неурядица произошла оттого, что авторъ излагаетъ теорію троповъ тамъ, гдѣ говоритъ о развитіи «сочиненія», а не тамъ, гдѣ учитъ о выраженіи. Тропы и фигуры, какъ говоритъ самъ авторъ, суть «выраженія» (стр. 53 § 14) въ языкѣ: какое-же психологическое основаніе для помѣщенія ихъ въ той части, гдѣ говорится о развитіи сочиненія? Прочитайте стр. 86—94; вы увидите, что авторъ здѣсь даетъ правила для олицетворенія; на стр. 98 для метафоры, или сравненія. Зачѣмъ-же прежде говорить о метафорѣ, олицетвореніи и другихъ фигуральныхъ выраженіяхъ? За исключеніемъ безпорядочности, указанной нами, неумѣнья размѣстить, по законамъ логики, свой планъ, вся остальная сторона перваго отдѣленія

достойна полнаго вниманія и, при разумномъ выборѣ, весьма пригодна для учениковъ.

Вторая половина курса, гдѣ говорится о видахъ прозаическихъ произведеній, далеко уступаетъ бывшей прежде у насъ частной риторикѣ. Чистяковъ только умно и основательно уяснилъ задачу исторіи, отмѣтивъ, что въ ней главное—внутреннія причины явленій, а не политическая сторона, не оружіе, а народность, обычаи, суевѣрія, сказки и пр. (стр. 171 — 172); остальныя двѣ и даже три статьи о дидактическихъ сочиненіяхъ весьма общи и отвлеченны. На нихъ даже нѣтъ ровно ни одного примѣра. Мы даже не поняли различія между сочиненіями дидактически-аналитическими и дидактически-теоретическими; къ первымъ авторъ относитъ тѣ сочиненія, гдѣ анализируются дѣйствительные предметы, а ко вторымъ—гдѣ излагается ихъ теорія (стр. 178 § 37). Спрашиваемъ: можетъ-ли быть составлена теорія безъ анализа и анализъ безъ теоріи? Одно идетъ сподручно съ другимъ. Не понимаемъ также опредѣленія ораторской рѣчи; авторъ говоритъ: «отличительный характеръ ея состоитъ только въ случайныхъ ея условіяхъ, въ томъ, что въ ней передается идея извѣстному обществу и для опредѣленной практической цѣли (стр. 184)». Въ водевилѣ также передается идея извѣстному обществу и для опредѣленной практической цѣли; неужели рѣчь Филарета, сказанная Императору Николаю I въ 1831 г., имѣетъ практическую цѣль? Нѣтъ, вы опредѣлите рѣчь въ самомъ ея составѣ, безъ отношенія къ обществу и цѣли. Въ дальнѣйшемъ развитіи понятія о рѣчи почти все одни только общія мнѣнія, напр. что языкъ ея долженъ быть языкомъ современнаго общества, что въ ней должны быть идеи, современныя обществу (§ 40—41). Спрашивается, въ какомъже сочиненіи не должно быть современнаго языка и современныхъ обществу идей? Скажемъ болѣе: ораторская рѣчь, напр. проповѣдь, имѣетъ полное право не слушаться совѣта автора. Вообще, вторая половина курса — весьма слаба. Тутъ не разобрано ни одной образцовой рѣчи ни древняго, ни новаго

оратора; приведена рѣчь В. А. Жуковскаго, по случаю юбилея въ честь И. А. Крылова. Но развѣ можно брать Жуковскаго «въ образецъ» ораторскихъ рѣчей?...

3) Теперь перейдемъ къ частностямъ, гдѣ видимъ отчетливость и критическій тактъ автора. Ученіе автора о словахъ не собственныхъ, взятая сама-по-себѣ, заслуживаетъ полной похвалы. Тропы у него выведены изъ началъ психологическихъ и указано на разумное, необходимое существованіе первыхъ въ языкѣ. Переносныя слова, говоритъ авторъ, основаны по *близости* ихъ между собою (стр. 30); онъ нѣсколько разъ повторяетъ, что обороты переносные живутъ въ языкѣ «не по бѣдности языка» и не «для красоты его», а потому, что «иначе и говорить нельзя (стр. 33, 35, 53 и 54)». Въ ученіи о тропахъ то достойно еще замѣчанія, что примѣры берутся, большею частію, изъ Пушкина. Дорогими для каждаго преподавателя должны быть и тѣ страницы (57 — 68), гдѣ авторъ такъ наглядно обрисовалъ переносныя выраженія, заимствуемыя отъ свойства человѣка, зависимость фигуральныхъ выраженій отъ мѣстности и народнаго быта, идіотизмы языка и выраженія техническія, а равно § 24, гдѣ говорится о неумѣстности въ нашихъ сочиненіяхъ миѳологіи Греческой: Зевесъ, Афродита и пр.: «для Грека и Римлянина, пишетъ авторъ, это были живыя лица, напоминавшія изящные храмы, изваянія, картины, пѣсни, празднества, кипарисныя рощи.... а для насъ эти нѣкогда священныя имена холодныя и часто запутанныя, даже смѣшныя аллегоріи».

Свой взглядъ у автора и на «стиль». Подъ стилемъ разумѣетъ авторъ «все то, чѣмъ отличается сочиненіе извѣстное отъ всѣхъ другихъ», т.-е. каждый долженъ писать по-своему, по своему личному воззрѣнію на предметъ (стр. 143). Авторъ отличаетъ стиль отъ языка, отъ грамматическихъ формъ рѣчи, которыхъ «не долженъ нарушать самый геніальный писатель (стр. 144)»; отъ музыкальнаго теченія рѣчи, которое есть только внѣшняя сторона стиля (стр. 145). Такъ-какъ стиль за-

висить отъ «характера» писателя, то очевидно, что «нельзя отъ писателя требовать извѣстнаго стиля, потому-что нельзя никого заставить думать, чувствовать и воображать такъ, а не иначе (стр. 146). Слѣдовательно «рушится понятіе о единствѣ тона рѣчи, о единствѣ образа выраженія, особенно если сочиненіе обширно: для каждой идеи — своя словесная форма (стр. 147). Поелику характеръ зависитъ иногда отъ ума, воображенія и чувства, то и стиль бываетъ трехъ родовъ: стиль ума, и пр. (стр. 148—150). Такого взгляда еще не было въ учебникахъ. У Толмачева (111 — 194) тоже слогъ происходитъ отъ разсудка, воображенія и страсти; но тамъ этому дѣлу данъ иной видъ, именно: отъ разсудка происходила простота въ слогѣ, отъ воображенія — краткость, отъ страстей — приличіе. Чистяковъ понимаетъ дѣло иначе и въ стилѣ ума онъ видитъ «логическую стройность, строгую постепенность, очевидность въ выводахъ (стр. 148); въ стилѣ воображенія—картины, образы; въ стилѣ чувства—общее впечатлѣніе, отсутствіе опредѣленности и пр.» (стр. 149—150). Взглядъ, съ которымъ можно согласиться.

Не упустимъ и промаховъ автора. На стр. 84 авторъ пишетъ: «есть предметы выше всякаго человѣческаго понятія, не доступные ни уму, ни фантазіи: говорить о нихъ значитъ употреблять слова безъ значенія; напр.

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты къ вѣчности воззвалъ и пр.

Здѣсь видно напрасное усиліе объяснить непостижимую тайну созданія міра и существа Божія». Такъ-ли это? И разумъ и вѣра внушаютъ человѣку домышляться до истинъ непостижимыхъ; никто не въ-состояніи объяснить ихъ ясно, наглядно; но каждый долженъ имѣть о нихъ понятіе и опредѣлять для себя и говорить о нихъ такъ, какъ Державинъ сказалъ въ одѣ, не значитъ «употреблять слова безъ значенія»; усиліе—не бѣда,

но бѣда—извращеніе истины, потому только, что она непостижима.

На стр. 118. «Часто писатели хотя съ намѣреніемъ, но понапрасну употребляютъ много разъ сряду однѣ и тѣ-же грамматическія формы, напр. «писателю не избѣжать отъ современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда.... Ибо не признаетъ современный судъ.... и пр. Гоголь». На стр. 123 читаемъ: «употребленіе повторительныхъ плеоназмовъ бываетъ естественною и необходимою формою рѣчи, когда говорящій сильно пораженъ предметомъ» и пр. Послѣднимъ замѣчаніемъ авторъ подорвалъ прежнее свое положеніе; Гоголь повторительными словами именно хотѣлъ остановить вниманіе читателя на поразившемъ его самого предметѣ, что̀ видно изъ связи всей рѣчи Гоголя.

На стр. 122 § 26: «Подобныя выраженія: тьма-тмущая, одинъ одинехонекъ, родной отецъ—раждаются у младенчествующаго народа, когда онъ еще не любитъ разлагать впечатлѣнія на составныя части и пр.». На стр. 131: «въ народныхъ сказкахъ безпрерывно повторяются однѣ и тѣ-же картины.... Такія повторенія показываютъ еще младенческое состояніе искусства». Соглашаясь съ послѣднимъ, мы отнюдь не видимъ истины въ первомъ положеніи. Указанныя выраженія не суть языкъ младенчествующаго, неразвитаго народа; онѣ неразлучны съ человѣкомъ на самой высшей степени образованности и составляютъ особенную изобразительность въ языкѣ, а иногда единственное обозначеніе того или другаго впечатлѣнія. Одинъ-одинешенекъ: на что ярче этой краски для показанія безпріютства человѣка? Это — кладъ нашего языка.

Невѣрно разграниченіе поэта и философа; авторъ учитъ: «поэтъ отъ идеи переходитъ къ явленію, мыслитель — отъ явленія къ идеѣ (стр. 161)». По этому разграниченію можно доказать, что срубившій избу плотникъ—поэтъ, а Пушкинъ—мыслитель. Плотникъ, прежде нежели началъ свое дѣло, имѣлъ

идею въ головѣ; свою идею онъ воплотилъ, перевелъ въ явленіе: слѣдовательно, плотникъ—поэтъ-Пушкинъ читалъ исторію Карамзина и задумалъ написать Бориса Годунова; Пушкинъ отъ явленія перешелъ къ идеѣ: слѣдовательно онъ философъ. Не въ этомъ различіе поэта отъ философа, а въ чемъ-либо другомъ.

Невѣрно и то (стр. 174—175) замѣчаніе, что будто историкъ не смѣетъ толковать факта и будто читателю только нужны «самые факты, а не мнѣніе автора о фактахъ». Слѣдовательно требуется, чтобы всѣмъ давали лѣтописи только; зачѣмъ-же тогда излагать цѣль прагматической исторіи? Нѣтъ, пусть авторъ толкуетъ фактъ (ибо ему яснѣе дѣло), но толкуетъ согласно истинѣ, а не по своему предзанятому убѣжденію.

1) Курсъ г. Чистякова, своими психологическими и эстетическими понятіями, представляя продолженіе прежняго направленія, указалъ новый *пріемъ* въ теоріи словесности. Авторъ смотрѣлъ на теорію словесности не какъ на сборъ понятій грамматическихъ и филологическихъ, и потому не разсматривалъ предложеній, періодовъ, сродства языковъ: онъ взялъ цѣлое сочиненіе и съ этого слова началъ свою теорію. Пріемъ—самый разумный: ибо теорія словесности есть высшая степень познанія слова; тутъ періодамъ и сродству языковъ нѣтъ мѣста; она беретъ цѣлое произведеніе, созданное изъ періодовъ и указываетъ, что̀ требуется отъ него.

2) Почти всѣ мысли первой половины могутъ быть приняты въ руководство. Въ одномъ не успѣлъ авторъ — въ приведеніи отдѣльныхъ частей къ единству, и потому ученіе о переносныхъ выраженіяхъ повторилъ дважды на два разные тона.

3) Вторая половина, гдѣ излагаются виды прозаическихъ сочиненій, по плану, показываетъ въ авторѣ психолога. Онъ началъ съ болѣе легкаго и покончилъ труднѣйшимъ, т.-е. прежде сказалъ объ опытныхъ сочиненіяхъ, потомъ дидактиче-

скихъ и затѣмъ уже ораторскихъ. По изложенію, кромѣ понятія о задачѣ прагматической исторіи, она — слаба, какъ заключающая общія мѣста, показавшая неправильное раздѣленіе дидактическихъ сочиненій и не представившая всей теоріи въ историческомъ ходѣ, тогда-какъ самъ авторъ говоритъ, что «истина проста только въ приложеніи къ опыту (стр. 182)».

4) Примѣры, по содержанію, весьма скудны. Тутъ только есть Козловъ, Марлинскій, Баратынскій, Карамзинъ, Дмитріевъ, Ѳ. Глинка, Жуковскій, Лермонтовъ, Тепляковъ, М. Муравьевъ, Державинъ, Бенедиктовъ, Батюшковъ, Ломоносовъ, Богдановичъ, Полевой, Бекетовъ, Рахманъ, Гоголь, Хмѣльницкій, Веневитиновъ, Омиръ, Шекспиръ, Шиллеръ и преимущественно Пушкинъ. Изъ писателей духовныхъ не только древней Руси, но и нынѣшней, нѣтъ ни одного отрывка. Изъ древняго классическаго міра то-же почти ни одного. Но пріемъ въ приведеніи авторовъ—самый разумный; авторъ критически разбираетъ взятый отрывокъ и безпристрастно цѣнитъ не только Марлинскаго, но и Гоголя и даже Пушкина, на томъ основаніи, что «и въ геніальныхъ писателяхъ не все хорошо (стр. 146)». Критическая сторона такъ хороша, что скорѣе видишь въ авторѣ не составителя учебника, а *критика*....

Въ 1848 г. началось новое столѣтіе нашихъ печатныхъ учебниковъ. На рубежѣ между двумя столѣтіями стоятъ два руководства—Зеленецкаго и Охотина.

29. «Курсъ Русской (?) словесности для учащихся. *Общая* риторика и *частная* риторика. Сочиненіе Константина *Зеленецкаго*. Одесса, 1849».

Общая риторика Зеленецкаго, въ самой большей части, имѣетъ цѣлію подвести подъ законы мышленія прежнія схоластическія формы нашихъ риторикъ: это — любимая мысль ав-

тора, которую онъ развилъ еще въ 1846, въ своемъ «Изслѣдованія о риторикѣ» (стр. 88 — 89). Потому общая риторика, заисключеніемъ третьяго отдѣленія, разсматриваетъ только механическую сторону словесныхъ произведеній, или «рѣчи». Раскрываемъ ученіе о риторическомъ образованіи рѣчи (отдѣленіе второе): что-же тутъ видимъ? Авторъ учитъ, что «въ основѣ каждаго сочиненія заключается одна главная мысль, что развитіе основной мысли должно быть опредѣлительно, раздѣльно и основательно (стр. 48—49), что рѣчь имѣетъ вступленіе, изложеніе, заключеніе,—способъ изложенія бываетъ монологическій, діалогическій и эпистолярный; рѣчь бываетъ отрывистая, періодическая и соразмѣрная....» Чтò все это значитъ, какъ не указаніе наружной оболочки сочиненій? Авторъ забылъ сказать, что главная мысль въ сочиненіи должна быть *истинная*, тогда-какъ у г. Чистякова объ этомъ сказано,—что развитіе ея должно совершаться въ образахъ общедоступныхъ и взятыхъ изъ жизни, что все сочиненіе должно быть согласно съ законами природы дѣйствительной. Сочиненіе можетъ быть, по мысли, и опредѣлительно, и раздѣльно, и основательно; но все будетъ безполезно, если въ основаніи его нѣтъ истины; можно изложить свои мысли и въ формѣ монологической и діалогической рѣчію, соразмѣренною, но все останется безполезно, если въ этихъ формахъ не заключится содержаніе изъ дѣйствительной жизни; короче: Зеленецкій указалъ *формы* сочиненій, а не *законы*. По содержанію, риторика его есть *схоластическій* учебникъ, гдѣ мы найдемъ ученіе о періодахъ (гл. V), общихъ свойствахъ рѣчи: опредѣлительности, раздѣльности, основательности, вступленіяхъ, изложеніяхъ и заключеніи, о слогѣ: простомъ, среднемъ и высокомъ, о фигурахъ реченій и предложеній (гл. I, II, III, IV), о различіи между прозою и *стихами* (гл. VI отдѣл. II); по всему этому—общая риторика—схоластическое произведеніе, только подведенное подъ начала мышленія. Съ этой стороны надобно отдать честь Зеленец-

кому, что логика у него есть; авторъ сначала предлагаетъ ученіе о логическихъ основахъ мышленія, потомъ о риторическомъ образованіи рѣчи и наконецъ о лингвистическихъ условіяхъ рѣчи въ приложеніи къ языку Русскому. Все первое отдѣленіе имѣетъ цѣлію показать, что понятію соотвѣтствуютъ въ языкѣ реченія (стр. 3), сужденіямъ—предложенія (стр. 16), умозаключеніямъ—періоды (стр. 24). Не понимаемъ только, на какомъ основаніи авторъ въ ученіи объ умозаключеніяхъ говоритъ о тропахъ (стр. 37 и д.). Какъ ни натягивайте, но въ метафорѣ, метониміи, синекдохѣ, ироніи и гиперболѣ нѣтъ условій, необходимыхъ въ силлогизмѣ, ни большей, ни меньшей посылки, ни заключенія. У автора поставлена «аналогія, какъ основаніе понятій переносныхъ» (гл. VII отд. I); но чтобы выразумѣть такой взглядъ, для этого потребны не страницы учебника; если въ основаніи троповъ лежитъ аналогія, то почему-же авторъ и фигуръ не отнесъ туда-же? О фигурахъ говорится у него въ ученіи о слогѣ (гл. V отд. II): почему? Отвѣта нѣтъ. На стр. 88 читаемъ: «есть еще, такъ-называемый, фигуральный слогъ». Въ учебникѣ, гдѣ все основано на логикѣ, должно быть основаніе на такое положеніе. А его нѣтъ. Кромѣ такой безосновательности въ отдѣленіи троповъ отъ фигуръ, у автора недостаетъ *цѣлостности* въ изложеніи. Такъ о періодахъ онъ говоритъ въ двухъ разныхъ мѣстахъ; въ первомъ — объ образованіи разныхъ видовъ періода (стр. 24—32), во второмъ—объ употребленіи риторическихъ періодовъ (стр. 66—67); также въ двухъ мѣстахъ излагаетъ ученіе объ условіяхъ рѣчи и о тропахъ; въ первомъ (гл. I отд. I и гл. VII) —указано ихъ логическое значеніе, во-второмъ — риторическое (отд. I гл. V стр. 83, 92). Такой образъ изложенія не имѣетъ цѣлости, запутываетъ мысль читателя и не согласенъ съ логикою. Что-же за логика? въ одномъ мѣстѣ я узнаю о происхожденіи явленія, а въ другомъ — о его значеніи, въ третьемъ — о судьбѣ; согласнѣе съ законами разума такъ рас-

предѣлить ученіе, чтобы въ одномъ мѣстѣ видѣть происхожденіе и развитіе и судьбу; тогда будетъ одно цѣлое впечатлѣніе, одно понятіе и составится полное знаніе.

Не можетъ быть руководствомъ общая риторика и потому, что слишкомъ отвлеченно изложена и крайне-бѣдна примѣрами. Все первое отдѣленіе съ трудомъ понимается даже въ зрѣломъ возрастѣ; мы особенно напрягали вниманіе, дабы выразумѣть всѣ понятія, которыя тамъ сообщаются. Спрашивается: возможно-ли мальчику въ 15 лѣтъ выразумѣть такой умозрительный курсъ? Чтò пойметъ гимназистъ пятаго класса, если вдругъ ему начать говорить: «Первое дѣйствіе разума нашего состоитъ въ сознаніи.... Основною силою мышленія служитъ разумъ.... Разумъ дѣйствуетъ при помощи памяти и воображенія и пр. (стр. 5)». Гимназистъ, начинающій учиться словесности, не знаетъ еще, что такое разумъ, память, воображеніе; такимъ образомъ начинаются курсы философіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Авторъ самъ сказалъ, что «въ изложеніи сочиненія должно согласоваться съ степенью образованности тѣхъ лицъ, для коихъ пишемъ (стр. 49)».

Отсутствіе примѣровъ—сущая бѣда курса. Во всей общей риторикѣ только шесть стиховъ приведено въ примѣръ, да небольшіе отрывки изъ Карамзина, Плетнева, Давыдова, Филарета, Иннокентія. Потому всѣ правила Зеленецкаго могутъ быть только *заучены* учениками, а не *поняты*. Но есть одна страница (69 — 71), которая яснѣе, нежели всѣ толки логическіе, излагаетъ понятіе о періодахъ; тутъ авторъ выставилъ примѣръ и въ немъ отмѣтилъ, гдѣ какой видъ періода. Такой образъ изложенія самый разумный. Третье отдѣленіе, заключающее въ себѣ на примѣрахъ основывающееся ученіе, должно быть подъ рукою у каждаго преподавателя теоріи нашего Русскаго языка: здѣсь объяснены толково его идіотизмы, его отличительные черты, его сродство съ другими языками, и каждая мысль подкрѣплена десятками примѣровъ.

Стр. 74 — 75 почти слово-въ-слово взяты изъ риторики Кошанскаго, гдѣ говорится объ условіяхъ изящной прозы, передѣланной Зеленецкимъ въ «соразмѣренную».

Примѣч. Проза есть спокойное и отчетливое воззрѣніе на міръ, стихи — взволнованное изящнымъ чувствомъ и безотчетное произрожденіе мыслей изъ самого себя (стр. 93)».... Такое понятіе невѣрно (*).

А. Филоновъ.

(*) Объ учебникѣ Охотина и другихъ позднѣйшихъ мы приготовляемъ особую статью.

ПОСЛѢДНЯЯ ЛЕКЦІЯ АНАТОМІИ (*).

(Посвящается А. К. Струве).

Мм. Гг.! Въ началѣ настоящаго академическаго года, открывая курсъ анатомическихъ лекцій, я имѣлъ случай высказать передъ вами, что только въ первый разъ приступаю къ чтенію съ каѳедры университетской; теперь, въ концѣ того-же академическаго года, я долженъ объявить, что читаю въ послѣдній разъ. Радость моя и благодарность начальству за довѣріе ко мнѣ, выраженное дозволеніемъ заступить мѣсто отсутствующаго профессора анатоміи, были тогда велики, и я не скрылъ ихъ предъ вами; не скрою тяготной грусти своей и теперь, при мысли, что приходится покинуть этотъ высокій постъ, къ которому съ юности привыкъ я питать глубокое уваженіе. Избравъ медицинскій факультетъ по расположенію, по свободному выбору, по призванію, вы не могли не интересоваться въ то время лекціями анатоміи, не могли и не радоваться имъ, сознавая, хотя еще и не вполнѣ отчетливо, скорѣе гадательно, всю важность ихъ для медицины; теперь это чувство радости должно усилиться въ васъ, при ожиданіи услышать преподаваніе анатоміи въ будущемъ году изъ устъ своего профессора, готоваго возвратиться съ новыми силами, съ новыми воззрѣніями и усовершенствованными способами преподаванія. Желая разстаться съ вами тамъ-же, гдѣ въ первые встрѣти-

(*) Читана въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, 23 апрѣля 1859 года, прозекторомъ, докторомъ Ипполитомъ *Вилкомирскимъ*.

лись мы, я просилъ васъ явиться ко мнѣ въ послѣдній разъ въ мѣсто бывшихъ вашихъ занятій, ubi mors gaudet succurrere vitae, явиться съ тою цѣлію, чтобы выслушать отъ меня слово благодарности за внимательное посѣщеніе вами моихъ лекцій и нѣсколько заключительныхъ мыслей вообще о наукѣ анатоміи.

Я далекъ отъ мысли, чтобы отъ моего изложенія курса анатоміи вы могли всецѣло усвоить эту науку; но не забывайте, что лишь въ первый разъ, и то на короткое время, я имѣлъ счастіе выступить въ качествѣ преподавателя. Легко могло случиться, что неоднажды срывалось съ вашего языка и слово недовольства на мое чтеніе; сообразивъ, однакожь, неуспѣвшую еще укрѣпиться опытность мою, вслѣдствіе недовѣрчивости къ силамъ своимъ, вы значительно ослабите свое право смотрѣть на меня слишкомъ строго. Не даромъ-же я и высказалъ откровенно въ первой лекціи своей, при воспоминаніи того времени, когда я самъ былъ еще студентомъ, желаніе и надежду, что своимъ вниманіемъ, усиліями и горячимъ сочувствіемъ къ предмету вы вознаградите тѣ невольные мои недостатки, о которыхъ я только что упомянулъ. Съ своей стороны, отдавая совѣсти своей отчетъ въ оконченномъ преподаваніи, я смѣло могу объявить, что совѣстливо выполнилъ задачу, предложенную мною въ началѣ лекцій. Имѣя въ виду существенную цѣль, я шелъ за достиженіемъ ея неуклонно, не устраняясь отъ столь непріятнаго, обыкновенно, повторенія одного и того-же, для полнаго уясненія передъ вами предметовъ трудныхъ. Въ доказательство, напомню изученіе нами анатомическаго словаря, одной изъ труднѣйшихъ, обширныхъ и важнѣйшихъ задачъ нашей науки, при рѣшеніи которой у насъ постоянно было предъ глазами мертвое тѣло, трупъ,—этотъ микрокозмъ, готовый разложиться въ макрокозмъ. Чрезъ нѣсколько дней наступятъ часы и для васъ отдать столь-же открыто отчетъ въ вашихъ занятіяхъ и, надѣюсь, почти увѣренъ оправдать тѣ надежды на ваши успѣхи, которыя я высказалъ въ первой лекціи. Увѣренность моя въ послѣднемъ тѣмъ

полнѣе, чѣмъ отчетливѣе припоминаю я напряженныя вниманіемъ лица многихъ изъ васъ во время лекцій. Такое оправданіе надеждъ моихъ, повторяю еще разъ, будетъ самою лучшею и дѣйствительнѣйшею для меня наградою.

Цѣль моя въ собраніи васъ сюда сегодня, какъ я сейчасъ замѣтилъ за нѣсколько минутъ, состоитъ въ желаніи раскрыть вамъ, въ общихъ и главныхъ чертахъ, пользу отъ анатоміи, чтобы содѣйствовать тѣмъ возведенію разрозненныхъ вашихъ свѣдѣній по предмету анатоміи въ общую идею. И такъ, начнемъ съ общей анатоміи, недоступной невооруженному глазу анатома.

Вамъ уже извѣстно, что всѣ ткани нашего тѣла мы раздѣляемъ на три рода: на ткани, состоящія изъ клѣточекъ, соприкасающихся другъ съ другомъ; на ткани, въ которыхъ клѣточки раздѣлены междуклѣточнымъ веществомъ, и наконецъ, на ткани, гдѣ клѣточки совершенно видоизмѣнились.

Къ первому роду принадлежатъ клѣточныя ткани, какъ эпителій и кожица съ Мальпигіевою сѣтью. Эпителій представляетъ одинъ слой клѣточекъ, между-тѣмъ-какъ кожица съ Мальпигіевою сѣтью состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ клѣточекъ, лежащихъ другъ надъ другомъ. Когда въ клѣточкахъ Мальпигіевой сѣти ядро исчезнетъ, то она, сдѣлавшись площе, образуетъ кожицу, отпадающую съ поверхности нашего тѣла въ видѣ шелухи. Ноготь также есть кожица, какъ это мы видѣли на лекціяхъ.

Ко второму роду принадлежатъ, по принятому нами раздѣленію, соединительныя ткани въ обширномъ смыслѣ этого слова. Клѣтчатка, названная Миллеромъ соединительною тканью, состоитъ изъ волоконцевъ, развивающихся, по мнѣнію Швана, расщепленіемъ веретенообразныхъ клѣточекъ, безъ измѣненія ихъ ядеръ, а по мнѣнію Генле—расщепленіемъ безформенныхъ массъ пластическаго вещества (blastema cytoblastema) и соединеніемъ образующихся отъ того волоконцевъ съ удлиняющимися ядрами (Kernfasern), которыя одни въ немъ и находятся. Но Рейхертъ сдѣлалъ великую услугу, доказавъ, что и въ са-

комъ началѣ развитія клѣтчатки находятся клѣточки въ большомъ количествѣ: по его мнѣнію, клѣтчатка развивается чрезъ отложеніе между клѣточками вещества, которое, сливаясь съ оболочкою клѣточекъ, а иногда и съ ихъ ядрами, впослѣдствіи составляетъ однородную массу съ большею наклонностію къ образованію складокъ, представляющихся подъ микроскопомъ какъ-бы волоконцами. Впрочемъ, Вирховъ доказалъ, что клѣточки не расщепляются и ихъ ядра не уничтожаются, а что клѣтчатка какъ въ началѣ развитія, такъ и послѣ, состоитъ изъ клѣточекъ разнообразной формы, называемыхъ тѣльцами, и находящихся, послѣ развитія, въ параллельныхъ, локонообразныхъ волоконцахъ. Одинаковы съ нею также жировая и упругая ткани, только клѣточки въ первой наполнены жиромъ, а въ послѣдней, по мнѣнію Дондерса, уплотнены такъ, что на нихъ не дѣйствуютъ ни ѣдкія щелочи, ни концентрированныя кислоты.

Наконецъ, къ третьему роду относятся: мускулы, нервная ткань и кровеносные сосуды. Мускулы состоятъ изъ пучковъ. Если подвергнуть первичный пучекъ мускуловъ дѣйствію уксусной кислоты, то покажутся ядра; а поэтому во всякомъ первичномъ пучкѣ нужно отличать оболочку (sarcolemma), ядра и содержимое. Мускулы, на первичномъ пучкѣ которыхъ подъ микроскопомъ видны и поперечныя и продольныя полоски, называются поперечно-полосатыми, для отличія отъ гладкихъ, въ волокновидныхъ клѣточкахъ которыхъ нѣтъ поперечныхъ полосокъ, какъ вы имѣли случай видѣть это на маленькихъ пучкахъ мускуловъ, находящихся на волокнистой оболочкѣ мошонки (dartos). Къ такимъ-же мускуламъ относятся мускулы, идущіе отъ основанія волоснаго мѣшечка къ кожѣ, и другіе. Нервная ткань состоитъ изъ бѣлаго и сѣраго вещества; объ этомъ послѣднемъ, состоящемъ изъ клѣточекъ, скальпель нашъ даетъ мало свѣдѣній. Равно и относительно бѣлаго вещества, состоящаго изъ волоконцевъ, наши анатомическія свѣдѣнія касаются лишь только собственно нервовъ. Каждый

нервъ состоитъ, подобно мускуламъ, изъ пучковъ, связанныхъ между собою оболочкою (neurilemma), дающею внутрь пучковъ отростки, а каждый пучекъ имѣетъ особую оболочку (perineurium), въ которой уксусная кислота открываетъ ядра и заключаетъ въ себѣ волоконца, одѣтыя также особою оболочкою. Внутри оболочки волоконца находится содержимое, состоящее изъ нервнаго мозжечка и тонкой нити, называемой Ремакомъ первичною тесьмою, а Пуркинье—осевымъ цилиндромъ. Послѣдній, окруженный нервнымъ мозжечкомъ въ видѣ оболочки, называемой поэтому еще мозжечковою, составляетъ исключительную принадлежность нерва, между-тѣмъ-какъ нервный мозжечекъ находится и въ другихъ мѣстахъ нашего тѣла въ мелко-раздѣленномъ видѣ.

То, что мы на лекціяхъ видѣли, при перерѣзаніи, или разрывѣ нерва, выступаетъ въ видѣ полосъ, и отъ продолжительнаго вліянія воды выдвигается въ видѣ змѣеобразныхъ фигуръ, есть именно этотъ нервный мозжечекъ. Отъ присутствія его зависитъ бѣлый цвѣтъ нервовъ; нервы-же, не содержащіе нервнаго мозжечка, являются намъ сѣрыми, студенистыми, просвѣчивающими. Всѣ бѣлые нервы, во-время своего развитія, не имѣютъ нервнаго мозжечка, а потому они бываютъ сѣрыми, студенистыми, просвѣчивающими. Когда питаніе какого-нибудь нерва разстроивается, то этотъ нервный мозжечекъ исчезаетъ и бѣлый нервъ возвращается въ то состояніе, въ которомъ былъ при развитіи, то есть дѣлается сѣрымъ, студенистымъ, просвѣчивающимъ. Въ этомъ-то, какъ впослѣдствіи услышите, и заключается сѣрая атрофія, или студенистое перерожденіе. И наоборотъ, сѣрый нервъ можетъ перейти въ бѣлый, какъ Вирховъ имѣлъ случай наблюдать въ глазахъ одного субъекта; въ нихъ были замѣчены имъ бѣловатыя лучеобразно-расположенныя волоконца въ окружности бугорка (colliculus) зрительнаго нерва, гдѣ обыкновенно видна только равномѣрно просвѣчивающая сѣтчатая оболочка глаза. Нервныя волоконца бываютъ широкія и тонкія, какъ въ бѣлыхъ, такъ и

въ сѣрыхъ, студенистыхъ, просвѣчивающихъ нервахъ. Но въ нервной ткани, какъ мы замѣтили, есть еще различной величины и формы клѣточки, которыя бываютъ не исключительно сѣраго цвѣта, а также и чернаго и бураго отъ содержащагося въ нихъ пигмента. Эти клѣточки, называемыя узловыми, имѣютъ какъ въ сочувственномъ нервѣ, такъ и въ головномъ и спинномъ мозгѣ, въ разныхъ направленіяхъ, большею частію два или нѣсколько отростковъ (двухполярныя и мультиполярныя) съ развѣтвленіями, идущими то къ самымъ клѣточкамъ, то переходящими въ нервныя волоконца, похожими при своемъ началѣ на тонкія нити. Профессоръ Якубовичъ, воспитанникъ нашего университета, первый показалъ, что клѣточки сочувственнаго нерва не отличаются отъ клѣточекъ головнаго и спиннаго мозга, и что величина и форма первыхъ бываютъ совершенно сходны съ величиною и формою послѣднихъ. Онъ различаетъ три рода клѣточекъ: движущія, чувствующія и сочувственныя. Движущія клѣточки бываютъ довольно большія съ множествомъ развѣтвленій; онѣ находятся въ тѣхъ мѣстахъ мозга, откуда начинаются движущіе нервы; клѣточки, соотвѣтствующія чувствующимъ нервамъ, гораздо меньше предидущихъ и имѣютъ меньше развѣтвленій; сочувственныя-же клѣточки, болѣе округленныя, немного больше чувствующихъ, но даютъ еще менѣе развѣтвленій. Нѣтъ сомнѣнія, что анатомическое приготовленіе подобныхъ клѣточекъ принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ анатомическихъ занятій, и удается весьма рѣдко по-причинѣ ихъ нѣжности. Кромѣ такой специфической дѣятельности клѣточекъ, специфическая дѣятельность нервовъ въ органахъ чувствъ зависитъ и отъ устройства снарядовъ, находящихся на ихъ периферіи. Что-же касается до периферическихъ окончаній нервовъ, то я замѣчу только, что уксусная кислота открываетъ ядра въ Пачиневыхъ или Фатеровыхъ тѣльцахъ, образуемыхъ главнымъ образомъ концентрическимъ развитіемъ оболочки нервнаго волоконца, и въ осязательныхъ тѣльцахъ, находящихся въ сосочкахъ кожи, лишенныхъ сосу-

довъ. — Кровеносные сосуды артеріи и вены, изъ которыхъ послѣднія снабжены большею частію заслоночками (valvulae), состоятъ изъ трехъ оболочекъ и эпителія. Наружная (adventitia) и третья (serosa) оболочки, какъ артерій, такъ и венъ, образуются клѣтчаткою, а вторая, въ венахъ и большихъ артеріяхъ, преимущественно состоитъ изъ упругой ткани, въ среднихъ-же и малыхъ артеріяхъ—изъ мышечной. Устройство волосныхъ сосудовъ, связывающихъ мельчайшія вѣточки артерій съ мельчайшими вѣточками венъ, гораздо проще: они имѣютъ вездѣ свои собственныя стѣнки, состоящія изъ одной однородной оболочки съ ядрами. Они образуютъ сѣти весьма разнообразной формы (retia capillaria), которыми многія мѣста нашего тѣла такъ богаты, что, будучи налиты, представляются состоящими какъ-бы изъ однихъ волосныхъ сосудовъ, а другія, напротивъ, бѣдны и даже вовсе лишены оныхъ, потому-что посредствомъ наливанія никакъ нельзя анатомически доказать ихъ существованіе. Въ послѣднихъ волосные сосуды только воображаются и извѣстны подъ именемъ серозныхъ (vasa serosa). Изъ физіологіи вы узнаете, что волосные сосуды весьма важны, пототу-что отправленіемъ ихъ эндосмозомъ и экзосмозомъ объясняется процессъ питанія.

Въ мѣстахъ нашего тѣла, богатыхъ волосными сосудами, процессъ питанія можетъ быть объясняемъ стѣнками волосныхъ сосудовъ; но для объясненія процесса питанія въ мѣстахъ бѣдныхъ и даже вовсе лишенныхъ волосныхъ сосудовъ, мы должны, безъ сомнѣнія, прибѣгнуть уже не къ воображаемымъ серознымъ сосудамъ, а къ клѣточкамъ, анастомозирующимся своими полыми отростками между собою и съ волосными сосудами.

Особенно бѣдны сосудами: сухожильныя части мускуловъ, кости, зубы, хрящи и пуповина съ Вартоновою студенью. — Вокругъ периферіи какой-нибудь сухой жилы находится клѣтчатка, въ видѣ влагалища, снабженная сосудами; отъ нея идутъ внутрь отростки, соединяющіе между собою и разграничиваю-

щіе пучки. Клѣтчатка между пучками не имѣетъ вовсе сосудовъ, а только мелкую сѣть веретенообразныхъ клѣточекъ, проникающихъ во внутренность пучковъ и называемыхъ тѣльцами.— Въ костяхъ, возлѣ Гаверсовыхъ каналовъ, находятся костныя клѣточки, названныя Миллеромъ тѣльцами (corpuscula chalcophora). Эти костныя клѣточки имѣютъ свои собственныя стѣнки съ полыми капальцами, въ видѣ отростковъ, снаружи, придающими имъ звѣздообразный видъ; эти послѣднія соединяются между собою своими канальцами, проходящими также и въ Гаверсовы каналы. Такія костныя клѣточки находятся также въ цементѣ зубовъ (substantia ostoidea), съ которыми сообщается зубная кость, состоящая изъ трубочекъ (substantia propria s. eburnea), сообщающихся съ зубною полостью.—Хрящи въ разрѣзѣ представляютъ клѣточки, называемыя тѣльцами; къ хрящамъ, по химическому составу, принадлежитъ прозрачная роговая оболочка глаза, которая имѣетъ только въ окружности, на нѣсколько линій отъ края, сосуды, между-тѣмъ-какъ въ центрѣ ихъ вовсе нѣтъ.—Вирховъ первый обратилъ вниманіе на питаніе Вартоновой студени въ пуповинѣ, не имѣющей также вовсе сосудовъ. Двѣ артеріи и одна вена не даютъ волосныхъ сосудовъ ни въ Вартоновую студень, ни въ стѣнки пуповины, за исключеніемъ той небольшой части, которая послѣ называется пупкомъ. Вартонова студень, будучи подвергнута дѣйствію уксусной кислоты и Глицерина, уничтожающихъ находящуюся въ ней слизь, представляетъ сѣть звѣздообразныхъ клѣточекъ.

Изъ этого обозрѣнія можно понять, что всѣ ткани образованы изъ клѣточекъ; изъ нихъ-же, какъ самыхъ существенныхъ микроскопическихъ элементовъ, составлены и наши органы—железы. Совершенно другой взглядъ имѣли прежде на устройство нашего тѣла: такъ Галлеръ полагалъ, что наше тѣло составлено изъ волоконъ (fibra), другіе предполагали, что и самое волокно составлено изъ шариковъ, между-тѣмъ-какъ

напр. Рюйшъ былъ приведенъ своими инъекціями къ заключенію, что почти все тѣло состоитъ изъ сосудовъ.

Всѣ ткани и органы желѣзы нашего тѣла развиваются не изъ безформенныхъ массъ пластическаго вещества, по теоріи свободнаго образованія клѣточекъ, принятой отъ Шлейдена Шваномъ, а изъ клѣточекъ, вслѣдствіе ихъ размноженія посредствомъ дѣленія, начинающагося съ ядра, открытаго Брауномъ, и какъ центра клѣточки, по мнѣнію Гоодзира.

Хотя клѣточки тканей и органовъ—желѣзъ, послѣ своего развитія изъ клѣтчатки, вездѣ въ нашемъ тѣлѣ представляютъ различіе, какъ по величинѣ, такъ и по формѣ, однакожь онѣ вездѣ одинаковы по своимъ существеннымъ частямъ. Эти существенныя части клѣточекъ суть: оболочки, содержимое и ядра, открываемыя уксусною кислотою. Отъ послѣднихъ зависитъ, что клѣточки не уничтожаются, между-тѣмъ-какъ отъ содержимаго зависитъ характеръ ихъ дѣятельности. Такъ напр. свойство мышечной ткани, при извѣстныхъ условіяхъ, сокращаться, зависитъ отъ содержимаго ея клѣточекъ. Равнымъ образомъ нельзя также допустить, чтобы разнообразная дѣятельность органовъ—желѣзъ (secretio et excretio) зависѣла отъ волосныхъ сосудовъ, по-причинѣ особеннаго ихъ распоженія въ каждомъ изъ нихъ: извѣстно, что расположеніе волосныхъ сосудовъ во многихъ желѣзахъ бываетъ одинаково. Въ органахъ—желѣзахъ промежутки между волосными сосудами наполняютъ клѣточки, которыя, извлекая изъ крови чрезъ стѣнки волосныхъ сосудовъ необходимыя имъ вещества, вырабатываютъ отдѣленія и изверженія, характеризующія дѣятельность желѣзъ. Такъ напр. способность печени, вырабатывать желчь и сахаръ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, исключительно ея клѣточкамъ, потому-что ни желчь, ни сахаръ не находятся готовыми въ крови воротной вены. Въ нѣкоторыхъ желѣзахъ клѣточки, по выработываніи ими отдѣленія, хотя и пропадаютъ, однако въ то-же время онѣ, какъ существенные ихъ элементы, замѣняются новыми. Такъ напр. въ грудной желѣзѣ эпителій,

пропадающій по отдѣленіи ею молока, немедленно замѣняется новымъ.

Вообще клѣточки, какъ отдѣльныя существа, имѣютъ свою специфичность и индивидуальность, а отъ совокупности ихъ въ ткани и органѣ зависитъ специфичность и индивидуальность самой ткани и самаго органа. Такъ-какъ онѣ общею своею совокупностію во всѣхъ органахъ образуютъ животный организмъ, то весьма правдоподобно, что единство жизни животнаго организма обусловливается не совокупностію клѣточекъ въ отдѣльной одной нервной ткани, какъ обыкновенно полагаютъ, а упомянутою общею совокупностію, подобно тому, какъ единство жизни растительнаго организма обусловливается общею совокупностію его клѣточекъ. На этомъ основаніи Вирховъ справедливо сказалъ: «jedes Thier erscheint als eine Summe vitaler Einheiten», разумѣя подъ словомъ *Einheiten* клѣточки.

Но, къ несчастію, весьма часто случается, что такое единство жизни нашего организма нарушается тѣми-же клѣточками, вслѣдствіе напр. наполненія клѣточекъ клѣтчатки на большомъ пространствѣ тѣла жиромъ, отчего происходитъ ожирѣніе (polysarcia).

Впослѣдствіи, въ историческомъ обзорѣ усилій объяснить различными теоріями патологическіе процессы, представится вамъ длинный рядъ занимательныхъ и поучительныхъ свѣдѣній. Вы отдадите полную и справедливую дань удивленія глубокомыслію и остроумію всѣхъ основателей теорій, съ начала медицины до послѣдней эпохи ея развитія, ознаменовавшейся борьбою между двумя школами, изъ которыхъ одна объясняла патологическіе процессы волосными сосудами съ ихъ содержимымъ, а другая—нервною тканью. Не входя въ разборъ этихъ двухъ школъ, болѣе или менѣе слитыхъ въ настоящее время въ одну, я замѣчу, что большая часть великихъ практиковъ принадлежитъ къ первой, какъ болѣе фактической, основанной на вскрытіи труповъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ мѣстахъ, богатыхъ волосными со-

судами, патологическіе процессы могутъ быть объясняемы послѣдними; но относительно мѣстъ, бѣдныхъ сосудами и даже вовсе не имѣющихъ ихъ, мы должны прибѣгнуть для объясненія патологическихъ процессовъ не къ воображаемымъ серознымъ, или, какъ полагаютъ, вновь развившимся сосудамъ, а, какъ въ процессѣ питанія, къ клѣточкамъ, которыя наполняются внутри эксудатомъ, вслѣдствіе ихъ раздраженія или даже воспаленія, происходящаго въ клѣточкахъ или чрезъ посредство волосныхъ сосудовъ, анастомизирующихся съ ихъ полыми отростками, или даже безъ посредства волосныхъ сосудовъ. Такъ напр. клѣточки въ центрѣ прозрачной роговой оболочки глаза часто помрачаются вслѣдствіе эксудата, подобно тому, какъ клѣточки нѣкоторыхъ породъ дубовъ, отъ укола насѣкомаго (Cynips gallae turcicae) наполняясь большимъ количествомъ дубильной кислоты, образуютъ патологическій продуктъ — чернильный орѣшекъ.

Патологическія ткани, какъ и физіологическія, развиваются въ нашемъ тѣлѣ изъ клѣточки и размножаются также большею частію дѣленіемъ ея, начинающимся съ ядра. Клѣтчатка, изъ которой наше тѣло образовалось, большею частію также служитъ источникомъ развитія патологическихъ тканей. Такъ-какъ клѣтчатка вездѣ находится въ нашемъ тѣлѣ и между другими тканями, и органами для соединенія ихъ, такъ-что, по мнѣнію Рейхерта, въ нее какъ-бы вставлены всѣ другія ткани и органы, то понятно, почему одна и та-же патологическая ткань можетъ образоваться въ различныхъ мѣстахъ нашего тѣла. Въ примѣръ приведу жировую ткань, которая въ клѣтчаткѣ развивается въ болѣзни ожирѣнія (polysarcia), даже между первичными мышечными пучками сердца. Но и клѣточки другихъ тканей и органовъ также служатъ, хотя и рѣже, источникомъ развитія патологическихъ тканей: извѣстно, что въ мышечной ткани сердца первичные пучки, вслѣдствіе жироваго перерожденія, размягчаются (cardiomalacia) и уничтожаются (atrophia cordis); то-же происходитъ и съ узловыми клѣточками

мозга при такъ-называемомъ желтомъ размягченіи мозга. Въ этихъ случаяхъ развившаяся патологическая ткань совершенно инородна съ тканью, въ которой она образовалась, но бываютъ случаи, что развивающаяся патологическая ткань однородна съ тканями, въ томъ мѣстѣ находящимися, какъ напр. фиброзный наростъ матки (tumor fibrosus).

Но подробное объясненіе патологическихъ процессовъ въ тканяхъ и органахъ нашего тѣла будетъ изложено вамъ въ патологической анатоміи, а здѣсь, для указанія важности и пользы точнаго знанія физіологическихъ тканей, я приведу слѣдующія слова Вирхова: «auch die heterologen Gewebe haben physiologische Typen».

Представивъ, такимъ образомъ, бѣглый очеркъ клѣточекъ, образующихъ твердое тѣло, я намѣренъ также бѣгло обозрѣть предъ вами клѣточки жидкаго тѣла—крови, такъ-называемые безцвѣтные и красные шарики, чтобы и здѣсь указать вамъ ту пользу, которую вы извлечете отъ изученія безцвѣтныхъ шариковъ, лимфатическихъ и другихъ желѣзъ, для опредѣленія вліянія послѣднихъ на первые. Наконецъ, коснувшись лишь поверхностно частной анатоміи, доступной невооруженному глазу анатома, я окончу эту послѣднюю лекцію краткимъ обозрѣніемъ трупа и жизни органическихъ существъ вообще.

Въ нашей крови находятся безцвѣтные и красные шарики; число первыхъ къ числу послѣднихъ въ здоровомъ состояніи отсится, какъ 1 къ 300. Отъ прибавленія воды, или уксусной кислоты къ каплѣ крови, безцвѣтные шарики разбухаютъ, и тогда въ нихъ замѣчается или одно ядро, или нѣсколько ядеръ съ дѣленіями. Эти шарики шарообразны, клейки, легче красныхъ. Красные-же шарики представляютъ плоскіе кружки, углубленные по срединѣ съ обѣихъ сторонъ. Они не имѣютъ ядра, а содержимое въ нихъ окрашивающее вещество очень сложно. Если ихъ подвергнуть дѣйствію концентрированнаго воднаго раствора какой-нибудь соли, то на поверхности ихъ покажутся морщины, вслѣдствіе экзосмоза заключающейся

въ нихъ воды; при этомъ они уменьшаются въ объемѣ и форма ихъ дѣлается зубчатою, звѣздообразною. Наоборотъ, если подвергнуть эти измѣненные шарики дѣйствію какого-нибудь разведеннаго раствора, или воды, то они будутъ увеличиваться въ объемѣ отъ эндосмоза воды, теряя однако при этомъ содержимое окрашивающее вещество. Изъ содержимаго красныхъ шариковъ мы можемъ получить три вида кристалловъ, изъ которыхъ упомянемъ только о кристаллахъ Гематоидина, такъ-какъ они образуются иногда въ нашемъ тѣлѣ. Гематоидинъ отлагается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ накопляется большое количество крови: такъ цвѣтъ рубцовъ, находимыхъ въ мозгу послѣ удара, зависитъ отъ кристалловъ Гематоидина; равнымъ образомъ это-же вещество выдѣляется изъ свернувшейся крови въ яичникѣ послѣ каждаго мѣсячнаго очищенія у женщинъ.

Что-же касается до размноженія красныхъ шариковъ посредствомъ дѣленія, то такое размноженіе замѣчено только у зародыша въ первоначальномъ его развитіи, когда они имѣютъ еще ядра. Впослѣдствіи-же, съ исчезаніемъ ядеръ, прекращается дѣленіе шариковъ.

На количество безцвѣтныхъ шариковъ въ крови имѣютъ большое вліяніе лимфатическія и другія, сходныя съ ними по устройству, железы. Чтобы показать причину этого вліянія, я считаю нужнымъ напомнить вамъ вкратцѣ строеніе первыхъ и нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ.

Самую существенную часть лимфатическихъ железъ составляетъ корковое вещество (substantia corticalis). Въ немъ находятся мѣшечки (folliculi), которые отдѣляются клѣтчаткою, происходящею отъ оболочки железы; внутри мѣшечковъ находятся клѣточки. Лимфатическіе сосуды, какъ приносящіе, такъ и относящіе, проходятъ въ вырѣзкѣ (hilus), и мельчайшія ихъ вѣточки распространены по поверхности мѣшечковъ и между мѣшечками; при этомъ, однако, замѣтимъ, что вѣточки приносящихъ сосудовъ не переходятъ непосредственно въ вѣточки относящія, какъ это первый высказалъ Келликеръ.

Таково вообще строеніе лимфатическихъ желѣзъ. — Но желѣзы, состоящія изъ такихъ-же мѣшечковъ, какъ и лимфатическія, суть: напр. селезенка, солитарныя и Пейеровы желѣзки въ кишечномъ каналѣ (glandulae solitariae et Peyerianae), миндалевидныя (tonsillae) и зобная (thymus) желѣзы. — Мальпигіевы тѣльца въ селезенкѣ, находящіяся въ мякоти ея между перекладинами, происходящими отъ собственной оболочки селезенки, совершенно сходны по устройству съ мѣшечками лимфатическихъ желѣзъ. — Солитарныя желѣзки представляютъ отдѣльные мѣшечки лимфатическихъ желѣзъ; желѣзки Пейеровы состоятъ изъ группъ подобныхъ мѣшечковъ, расположенныхъ въ одинъ слой, а въ миндалевидныхъ желѣзахъ мѣшечки расположены около складокъ или углубленій оболочки. — Въ зобной желѣзѣ скопленіе мѣшечковъ еще больше, чѣмъ въ лимфатическихъ желѣзахъ; эта желѣза, вполнѣ развитая у зародыша, начинаетъ исчезать, какъ вамъ извѣстно, съ конца втораго года послѣ рожденія, и часто совершенно не находится въ трупахъ людей, достигшихъ возмужалости.

Такъ-какъ въ лимфатичискихъ желѣзахъ нѣтъ прямаго сообщенія между вѣточками приносящихъ и относящихъ сосудовъ, то понятно, что лимфа неиначе можетъ попасть въ послѣднія, какъ пройдя между клѣточками, наполняющими мѣшечки. Это очищеніе лимфы процѣживаніемъ Вирховъ сравниваетъ съ фильтрованіемъ воды чрезъ уголь. Клѣточки, находящіяся въ мѣшечкахъ лимфатическихъ желѣзъ, переходя въ кровь, составляютъ безцвѣтные шарики, и съ увеличеніемъ числа первыхъ въ желѣзахъ, должно увеличиваться число послѣднихъ въ крови; слѣдовательно, съ усиленіемъ образовательнаго процесса въ лимфатическихъ желѣзахъ, вслѣдствіе какого-нибудь физіологическаго или патологическаго раздраженія, количество безцвѣтныхъ шариковъ въ крови должно болѣе или менѣе возрасти. Такимъ образомъ, какъ при физіологическомъ раздраженіи, напр. брыжечныхъ желѣзъ послѣ принятія пищи, паховыхъ и поясничныхъ въ беременности,

такъ и при патологическомъ раздраженіи, напр. въ золотухѣ, образовательный процессъ клѣточекъ въ желѣзахъ усиливается, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и число безцвѣтныхъ шариковъ въ крови. Подобное-же вліяніе производятъ и вышеупомянутыя желѣзы, какъ напр. селезенка въ тифѣ и перемежающейся лихохарадкѣ.

Изъ этого видно, что въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ количество этихъ шариковъ въ крови можетъ быть весьма значительно, но такъ-какъ они совершенно похожи на гнойные шарики, то находимые иногда въ большомъ количествѣ въ крови безцвѣтные шарики прежде принимаемы были за гнойные. Допустить-же присутствіе гнойныхъ шариковъ въ крови нельзя по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ потому, что частицы болѣе мелкія, чѣмъ гнойные шарики, будучи всосаны лимфатическими сосудами, какъ напр. частицы пороха, употребляемыя при татуированіи, не проходятъ чрезъ желѣзы, какъ показало трупосѣченіе, и во-вторыхъ потому, что чуждыя лимфѣ вещества, какъ напр. ядъ сифилитическій, дѣйствуя враждебнымъ образомъ на желѣзы, прежде всего увеличиваютъ въ нихъ образовательный процессъ клѣточекъ, переходящихъ въ кровь и составляющихъ безцвѣтные кровяные шарики. Подобнымъ образомъ дѣйствовалъ-бы и гной, еслибы онъ могъ пройти въ лимфатическія желѣзы; но вы услышите впослѣдствіи, что онъ неиначе можетъ всосаться лимфатическими сосудами, какъ по метаморфозѣ въ эмульсивную массу; если-же гной не подвергнется такой метаморфозѣ, то шарики его, по всосаніи гноевой сыворотки лимфатическими сосудами, образуютъ особое ломкое вещество, которое часто случалось намъ находить въ трупахъ, напр. въ плеврѣ.

Этого достаточно, чтобы вы могли понять, сколько пользы вамъ можетъ принести въ будущемъ знаніе общей анатоміи. Твердое знаніе послѣдней вполнѣ ручается за будущій вашъ успѣхъ въ изученіи патологической анатоміи, слитой въ настоящее время въ одну науку съ первою и состовляющей проб-

ный камень раціональнаго терапевта. Уже миновало то время, когда для каждаго страданія опредѣлялся отдѣльный рецептъ и обременялись больные лекарствами безъ толку. Раціональный терапевтъ, какъ физіологъ-анатомъ, анализируетъ каждую болѣзнь, и старается открыть ея причину въ организаціи, какъ напр. въ болѣзни почки (morbus Brigthii) важно опредѣлять, произошло-ли амилоидное перерожденіе маленькихъ артеріальныхъ вѣточекъ въ Мальпигіевыхъ тѣльцахъ, или жировое перерожденіе эпителія мочевыхъ канальцевъ, или-же перерожденію подверглась клѣтчатка.

Не безъ цѣли избралъ я порядокъ чтенія, начинающагося съ общей анатоміи, и переходящаго къ частной, которой я коснусь лишь вскользъ. Въ настоящее время всѣ новыя открытія происходятъ въ первой, а мы сказали въ первой лекціи, что *«анатомія есть то средоточіе медицинскихъ свѣдѣній, откуда вытекаетъ прочность и основательность ихъ и гдѣ существенно заключенъ залогъ той пользы, какую имѣетъ право ожидать человѣчество отъ каждаго врача»*. Развитіе медицины шло вслѣдъ за открытіями по анатоміи. Галенъ подготовилъ свою систему на анатомическихъ открытіяхъ Александрійской школы. Везаль, положившій основаніе анатоміи, сдѣлалъ преобразованіе въ медицинѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время геніальный Вирховъ, создатель целлулярной патологіи, утвердитъ новыя и ясныя воззрѣнія на болѣзни.

Переходя къ частной анатоміи, я слишкомъ утомилъ-бы ваше вниманіе, еслибы коснулся ея пользы. Польза частной (макроскопической) анатоміи ясна изъ пользы общей (микроскопической), такъ-какъ точнѣйшее и основательнѣйшее знаніе первой основано на послѣдней. Для того, чтобы оцѣнить премудрость устройства всего Макрокозма, нужно узнать устройство отдѣльныхъ микрокозмовъ—клѣточекъ, входящихъ въ образованіе перваго. Ссылаясь на первую мою лекцію, въ которой я показалъ пользу для васъ на будущее время отъ изученія макроскопической анатоміи, здѣсь позволяю себѣ сказать

только то, что въ дальнѣйшихъ курсахъ, при послѣдующемъ изученіи наукъ медицинскихъ, вы вездѣ будете сталкиваться съ анатоміей; всюду, на избранномъ вами трудномъ поприщѣ практики, она будетъ являться руководительницею, подобно полярной звѣздѣ, выводящей на открытую дорогу путника, заблудившагося ночью въ степи, или въ дремучемъ лѣсу.

И такъ, надъ трупами, при содѣйствіи разсѣченія, мы изучили на лекціяхъ составныя части человѣческаго тѣла вмѣстѣ съ развитіемъ его органовъ (частная анатомія); при описаніи-же каждой ткани въ частности (общая анатомія) не упускали мы изъ виду и ихъ развитія и химическаго состава. Теперь-же скажемъ только, что наше тѣло состоитъ изъ разнообразныхъ соединеній четырнадцати элементовъ: углерода, водорода, кислорода, сѣры, азота, фосфора, хлора, фтора, кремнія, калія, натрія, кальція, магнія и желѣза. Изъ нихъ, во время жизни, образуются сложныя химическія соединенія, которыми обусловливается составная форма тканей и органовъ нашего тѣла, мѣняющагося и въ твердыхъ и въ жидкихъ частяхъ, какъ сказалъ еще Овидій, пѣвецъ временъ Августа:

Corpora vertuntur; nec quod fuimusve sumusve
Cras erimus...

По смерти, до наступленія гніенія, внѣшняя форма трупа еще удерживается; но съ наступленіемъ гніенія она уничтожается и вещества возвращаются къ первоначальному источнику—въ землю: *«земля еси и въ землю отыдеши»*. Какъ-бы ни были велики наши усилія удалить извѣстныя условія, содѣйствующія гніенію, мы не въ-состояніи, однакожъ, воспрепятствовать трупу ранѣе или позже перейти въ новыя формы жизни: склепъ и могила не удержатъ въ себѣ ввѣренныхъ имъ веществъ. Правда, тѣла людей, или помѣщенныя въ прохладныхъ сухихъ склепахъ, или набальзамированныя, иногда высыхаютъ, не успѣвъ разложиться; но придетъ время, когда и муміи обратятся въ прахъ и смѣшаются съ матерью-землею.

Встрѣчая на кладбищѣ животное, весело рвущее траву, вы смѣло можете утверждать, что вещества послѣдней принадлежали нѣкогда нашимъ собратіямъ. Поэтому, теперь съ большимъ правомъ можемъ мы повторить сказанное въ первой лекціи, что *«смерть органическаго тѣла не должна приниматься за послѣдній, конечный процессъ его бытія: изъ кажущагося ничтожества трупа или праха, оно возвращается къ новой жизни»*. Отсюда понятенъ взглядъ философа-врача на всѣ тѣ почести, которыя отдаются людьми трупу или праху.

Но земная жизнь органическихъ существъ, поддерживающихъ взаимно свое существованіе и переходящихъ отъ самаго низшаго звѣна къ высшему и обратно, можетъ быть остановлена разомъ такъ точно, какъ посредствомъ поворота маленькаго винта останавливается цѣлая машина. Мы можемъ легко убѣдиться въ этомъ, взглянувъ на взаимное отношеніе органическихъ существъ, особенно растеній къ человѣку, какъ слуги къ господину. Еслибы Всемогущему Творцу угодно было, говоритъ Джонсонъ, мгновенно удалить изъ атмосферы все малое количество угольной кислоты, то не прошло-бы и часа, какъ растенія начали-бы вянуть, а по истеченіи недѣли, вѣроятно, не встрѣтили-бы мы на всей поверхности твердой земли ни одного растенія. Чувство человѣка при такомъ переворотѣ, въ первыя минуты, не замѣтило-бы никакой перемѣны въ составѣ атмосферы: человѣчество удивлялось-бы только столь мгновенной и ужасной гибели царства растительнаго, но потомъ, за кратковременнымъ удивленіемъ, рѣшительно должно-бы было погибнуть и оно, подобно растительности, отъ недостатка жизненныхъ средствъ. Механическое-же движеніе земнаго шара и небесныхъ тѣлъ, продолжаетъ Джонсонъ, не можетъ ни прекратиться, ни измѣниться, и земной шаръ продолжалъ-бы вращаться по своему пути въ солнечной системѣ; вѣрный его спутникъ, луна, не оставила-бы земли въ-теченіе безчисленныхъ столѣтій, и не было-бы измѣненія даже въ самыхъ незначительныхъ явленіяхъ на звѣздномъ небѣ. Такимъ обра-

зомъ, уничтоженіе земной нашей жизни, вслѣдствіе измѣненной атмосферы, не имѣетъ ни малѣйшаго непосредственнаго вліянія на общую систему міровъ.

Земля составляетъ ничтожный уголокъ въ неизмѣримомъ Божественномъ твореніи. Божеству угодно было, чтобы этотъ болѣе извѣстный намъ уголокъ сдѣлался поприщемъ развитія жизни духовныхъ, одаренныхъ разумомъ существъ, покоряющихся Всемогуществу Его и стремящихся изслѣдовать и почтить чудеса созданія не только всей вселенной—макрокозма, но и всѣхъ органическихъ существъ — микрокозмовъ, устройствомъ высшаго звѣна которыхъ, т.-е. человѣка, мы ежедневно занимались надъ трупами въ-теченіе года. Въ этомъ могла заключаться и ежедневная хвала Всемогущему Творцу по словамъ Галена: «*sacrum sermonem, quem ego Conditoris nostri verum hymnum compono, existimoque in hoc veram esse pietatem, non si taurorum hecatombas ei plurimas sacrificaverim, et casias aliaque sexcenta odoramenta ac unguenta suffumigaverim, sed si noverim ipse primus, deinde et aliis exposuerim quaenam sit ipsius sapientia, quae bonitas quae virtus*». Этими знаменательными словами окончили мы первую лекцію. Считаемъ вполнѣ приличнымъ заключить ими и послѣднюю, въ увѣренности, что тайны премудрости, скрывающіяся въ микрокозмѣ человѣческомъ, остались вамъ не чуждыми.

ИППОЛИТЪ ВИЛКОМИРСКІЙ.

ГЕГЕЛЬ И ЕГО ВРЕМЯ.

(Соч. Гайма).

(*Продолженіе*).

ЛЕКЦІЯ ШЕСТАЯ.

Взглядъ на ходъ Нѣмецкой философіи до Гегеля.

Въ жизни каждаго ученаго и писателя, переходъ отъ неизвѣстности частныхъ занятій къ публичной дѣятельности наставника и писателя, составляетъ знаменательный шагъ. Такимъ былъ этотъ переходъ, въ два и три раза болѣе, для Гегеля. Дѣйствительно, въ литературно-ученомъ отношеніи не было мѣста, на которое-бы устремлено было такое вниманіе, можно сказать, цѣлаго міра, какъ на маленькій университетскій городъ на берегахъ Саллы. Но, съ другой стороны, можетъ быть, никогда такая веселая, наукообразная мысль не созрѣвала въ такой скромной простотѣ, какъ это должно сказать о системѣ Гегеля.

Это было въ пору самаго блестящаго развитія духовной жизни Германіи, въ концѣ прошедшаго столѣтія. Воспоминаніе объ этой блестящей порѣ, равно-какъ и обо всѣхъ особенностяхъ соприкосновенныхъ съ нею явленій Германской жизни, живо рисуется передъ нами въ имени того университета, въ поддержаніи и возвеличеніи котораго принимали участіе многіе изъ небольшихъ Германскихъ государей. Университеты были теперь для протестантской Германіи тѣмъ-же, чѣмъ въ средніе вѣка были монастыри—тихими пріютами для науки и учености. Однимъ изъ отдаленнѣйшихъ и наиболѣе похожихъ на монастырь былъ Іенскій университетъ; конечно, онъ менѣе всѣхъ другихъ могъ принимать близкое участіе въ великой всемірной и государственной жизни, не менѣе, однакожь, славился передъ всѣми остальными университетами блестящимъ развитіемъ духовныхъ интересовъ. Онъ былъ истиннымъ центромъ Нѣмецкой литературы и философіи. Здѣсь Шиллеръ на-

шелъ убѣжище и, отдаваясь поэтической дѣятельности, занимался нѣсколько времени преподаваніемъ исторіи и эстетики. Наряду съ нимъ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ занимался собраніемъ и разработкою тѣхъ мыслей, которыя впослѣдствіи времени сообщили такой блескъ и такую прочность его практической и ученой дѣятельности. Іена была какъ-бы вторымъ мѣстопребываніемъ Гёте, куда онъ обыкновенно переселялся всякой разъ, когда окончаніе какого-нибудь поэтическаго произведенія требовало отъ него глубокаго спокойствія души и болѣе свободнаго времени. Здѣсь *Рейнгольдъ* сдѣлалъ первый шагъ къ пріисканію болѣе систематическаго и проникнутаго единствомъ основанія для сущности Кантовой философіи. Наконецъ, для занятія должности преемника *Рейнгольда*, былъ призванъ *Іоганнъ Готлибъ Фихте;* здѣсь онъ велъ борьбу съ помощію несокрушимаго оружія своего духа и характера противъ непониманія, пошлости и поверхностнаго взгляда; здѣсь онъ и его система пережили ту катастрофу, которая обозначаетъ собою поворотную точку въ направленіи Нѣмецкой философіи. Здѣсь-же, при взаимномъ вліяніи Фихтева «Ученья о наукѣ» и Гёте—Шиллеровской поэзіи, братья *Шлегели* провозвѣстили, въ сообществѣ съ *Новалисомъ* и *Тикомъ*, о новомъ міросозерцаніи и новомъ родѣ поэзіи, пролагая въ то-же время путь вліянію романтическаго направленія на науку и искусство. Наконецъ, здѣсь-же и самъ Шеллингъ перешелъ незамѣтно съ точки зрѣнія Фихтева ученія къ воззрѣніямъ этого романтическаго кружка, и изложилъ теперь свое философское ученіе о природѣ, соединявшее въ себѣ всѣ поэтическія и наукообразныя стремленія современнаго вѣка въ возможно блестящей формѣ и чрезвычайно остроумныхъ комбинаціяхъ.

Таково было разнообразіе и движеніе духовной жизни въ Іенѣ впродолженіе послѣднихъ десятилѣтій XVIII столѣтія. Гегель имѣлъ полное основаніе страшиться этого Іенскаго «литературнаго пира», тѣмъ болѣе, что его собственное развитіе совершалось въ чисто противуположной сферѣ и по другому, самобытному пути. Конечно, ни одинъ изъ элементовъ, которые такъ живо сталкивались между собою и взаимно другъ друга проникали, не остался чуждъ образованію его собственнаго друга. Съ сочувствующей душой онъ занимался чтеніемъ произведеній нашихъ великихъ поэтовъ, и особенное находилъ удовольствіе въ чтеніи эстетическихъ писемъ Шиллера въ «Horen». О Фихте, «великанѣ» уже сообщилъ ему изъ

Іены—его другъ *Гёльдерлинъ*, и мы видимъ, что серьезныя занятія Фихтевымъ «Ученіемъ о наукѣ» остались не безъ вліянія на образованіе его собственной системы. Наконецъ, Шиллингъ былъ его искреннѣйшимъ товарищемъ въ молодости, и онъ никогда не терялъ его изъ вида; напротивъ, сочиненія Шиллинга, относящіяся до философіи природы, Гегель съ особеннымъ усердіемъ изучалъ въ періодъ своего пребыванія во Франкфуртѣ, наравнѣ съ сочиненіями *Платона* и *Секста Эмпирика*. Тѣмъ не менѣе, большая разница между знакомствомъ съ успѣхами литературы (допуская даже возможность извѣстной послѣдовательности), только посредствомъ сношеній и чтенія, и знакомствомъ, когда занимающійся стоитъ въ связи съ этимъ движеніемъ успѣховъ, среди живаго теченія духовныхъ стремленій.

Духъ, одаренный такою умственною силою и самостоятельностію, какъ духъ Гегеля, не такъ легко могъ быть увлеченъ на чужой путь силою вліянія, которое онъ испытывалъ издалека. Напротивъ, самостоятельныя способности его духа еще болѣе укрѣпились вслѣдствіе условной объединенности его положенія. На него гораздо большее вліяніе имѣлъ духъ древности, чѣмъ духъ современный. При всемъ знакомствѣ съ новѣйшими литературно-философскими явленіями онъ исключительно былъ проникнутъ геніемъ Эллинской древности. Происхожденіе и самая сущность его системы, какъ мы уже имѣли случай убѣдиться, ведутъ свое начало отъ корня древности; его система казалась какъ-бы совершенно чуждою и обособленною въ ряду тѣхъ созданій Германскаго духа, которыя, въ это время, были въ полномъ цвѣтѣ своего вліянія и составляли предметъ живого интереса современниковъ.

И дѣйствительно, переселеніе въ Іену должно было казаться Гегелю чѣмъ-то похожимъ на переселеніе въ страну чуждую, въ новый климатъ, въ среду людей, говорящихъ другимъ языкомъ. Но, съ другой стороны, только теперь (или никогда) могло выясниться то обстоятельство, было-ли въ Гегелевой природѣ тайное племенное родство съ духомъ времени и его умственными созданіями, принимая во вниманіе всю исключительность и самобытность его образа мыслей? Вопросъ состоялъ въ томъ, не пожелаетъ-ли самъ Гегель, вступивши въ Іенскій кружокъ и снова встрѣтившись съ Шеллингомъ, указать на это родство, не почувствуетъ-ли онъ самъ, что его система требуетъ какъ-бы перевода для

тѣхъ, которые до-сихъ-поръ изучали философію только по сочиненіямъ Канта, Фихте и Шеллинга. Конечно, отъ этого зависѣло, встрѣтить-ли Гегелево міровоззрѣніе полное признаніе и произведетъ-ли желанное дѣйствіе, или-же оно будетъ играть, въ-отношеніи классическихъ системъ, только ту роль, которую играютъ стихотворенія *Гельдерлина* и *Платена*, если ихъ поставить рядомъ съ произведеніями Гёте и Шиллера.

Такой пересмотръ и измѣненіе, о которыхъ мы намекнули выше, такое сближеніе и сравненіе съ господствовавшими системами, не замедлило совершиться. Но, чтобъ понять этотъ процессъ очищенія, эту эпоху въ исторіи Гегелева ученія, мы обязаны бросить взглядъ на эти господствовавшія системы и на ихъ исторію. Какъ вѣрные спутники Гегеля, мы находимся теперь въ томъ-же положеніи, въ какомъ онъ находился въ 1801 году, по прибытіи своемъ на мѣсто своего новаго назначенія. До-сихъ-поръ мы исключительно занимались только наблюденіемъ надъ индивидуальнымъ развитіемъ духа и воззрѣній Гегеля во всей имъ свойственной самобытности. Теперь, достигши до той точки, гдѣ, на уединенной высотѣ, беретъ свое начало рѣчка, съ трудомъ пробивающая себѣ путь чрезъ скалы и камни, и потомъ втекаетъ въ большую рѣку, которая вливается въ океанъ, мы не можемъ удержаться отъ желанія пройти нѣкоторое пространство по берегамъ этой рѣки съ намѣреніемъ узнать ея теченіе, измѣненія ея направленія и ея характеристическія особенности. Попытаемся вкратцѣ представить себѣ ходъ развитія, которому слѣдовала Нѣмецкая философія со временъ Канта, въ общихъ чертахъ и въ наиболѣе крупныхъ проявленіяхъ своей сущности.

Желая, прежде всего, обозначить нѣсколькими признаками рѣшительный переворотъ, который совершился, по милости Канта, въ области новаго умозрѣнія, мы скажемъ, что онъ заключался въ воспринятіи и болѣе глубокомъ изслѣдованіи того начала, которое поставлено *Декартомъ* (Картезіемъ) во главѣ всей новой философіи. Первая характеристическая черта совершеннаго Кантомъ переворота въ философіи можетъ быть выражена въ формальномъ смыслѣ такъ: онъ сокрушилъ догматизмъ и снова замѣнилъ его философскимъ критицизмомъ. Разрушивши многія изъ воздвигнутыхъ, до его появленія, блестящихъ и величественныхъ фантастическихъ зданій, многія изъ системъ, изобрѣтательной мечтательности, построенныхъ съ большей или меньшей послѣдователь-

ностью, хотя въ собственномъ смыслѣ слова только на воздухѣ,— онъ настоятельно требовалъ прежде всего добросовѣстнаго изысканія того основанія, на которомъ-бы размышляющій умъ могъ попытаться снова воздвигнуть себѣ или самое скромное жилище, или царскій дворецъ. Эта формальная услуга Кёнигсбергскаго старика неразрывно связана была съ его главнымъ и, такъ сказать, матеріальнымъ принципомъ. Чтобъ имѣть возможность подвергнуть критикѣ прежнія системы познаванія, онъ началъ эту критику съ самаго человѣческаго познаванія. Такъ-какъ онъ самъ не могъ отправиться отъ какой-нибудь системы, то онъ долженъ былъ найти точку зрѣнія въ глубинѣ и въ самомъ основаніи человѣческаго существа, какъ въ живомъ корнѣ всякой систематики. Онъ «уединилъ философію въ глубину человѣческаго сердца», и старался изъ этой незыблемой точки отправленія снова дать себѣ ясный отчетъ о внѣшнемъ мірѣ и его совокупности, равно-какъ и обо всѣхъ вопросахъ, наиболѣе интересующихъ человѣческій духъ. Онъ для умозрѣнія сдѣлалъ то-же, что̀ для религіи сдѣлала реформація. Онъ преобразовалъ отношеніе познающаго духа къ предметамъ познаванія, и возвелъ изслѣдованіе истины въ живое убѣжденіе. И это сдѣлалъ онъ, простерши анализъ человѣческаго духа до его послѣдняго, несокрушимаго предѣла, до его способности безусловнаго самоопредѣленія и *автономіи*. Здѣсь-то онъ находилъ высшую объективную опредѣленность, совпадающую съ субъективной свободой въ одно цѣлое. Въ раздающемся изъ груди человѣческой голосѣ долга онъ видѣлъ господствующее надъ цѣлымъ міромъ: «*должно*», тѣсно связанное съ безусловнымъ: «*хотѣть и имѣть возможность*» человѣка. Такъ для Канта, въ его критическихъ изслѣдованіяхъ, совѣсть сдѣлалась главнѣйшей и самой твердой точкой опоры. Такъ заставилъ онъ—второй Коперникъ въ области философіи — вращаться цѣлый міръ предметовъ (объектовъ) около субъекта (лица), сильно утвержденнаго въ понятіи о своей нравственной свободѣ, и сдѣлалъ этотъ субъектъ энергическимъ центромъ, въ которомъ предчувствіе царства идей встрѣчается съ законодательствомъ царства явленій. Предписывая физическому міру правила человѣческаго ума, онъ не представлялъ его непосредственно: онъ ставилъ міръ идей и исторіи прямо и непосредственно подъ схему морализма.

Это направленіе, сообщенное Кантомъ Германскому умозрѣнію, въ скоромъ времени было развито ученьемъ Фихте до его край-

нихъ и, по этому, односторонних выводовъ. Абсолютизмъ Фридриха Великаго, входившій въ разсчетъ народнаго благосостоянія, превратился въ ученьи Канта,—смягченномъ признаніемъ эмпирически-существующаго,—изъ безусловно-повелительнаго *императива* (повелѣнія) долга въ чисто-философское выраженіе. Крайне незастенчивый и безпощадный абсолютизмъ революціоннаго правленія Франціи встрѣтился съ Германскимъ противуположнымъ ему отображеніемъ въ ученіи Фихте о безусловномъ единовластіи самоопредѣляющагося *я*. Если Кантъ присвоивалъ человѣческому субъекту способность только къ опредѣленію, сообщенію извѣстныхъ формъ и порядка объективному міру, то Фихте в зводилъ этотъ субъектъ въ творческое начало соединеннаго міра мышленія и бытія. Если Кантъ, наряду съ дающимъ форму *я*, допускалъ присутствіе невѣдомаго *субстрата* предметовъ, какъ мат ріи, противуположной нашему *я*, то Фихте освободился отъ этого дуализма и доказалъ, что внѣшнее явленіе, столько же по формѣ, сколько и по своей сущности, есть не что иное, какъ созданіе человѣческаго духа. Онъ наполнялъ вселенную мыслью о свободѣ, дѣятельности и самодѣятельности. Недовольный первенствомъ человѣческаго самосознанія надъ предметами, онъ превратилъ это первенство во всемощную тиранію. «Нѣтъ бытія», сказалъ онъ, «есть только дѣйствіе. Взглядъ на предметы, какъ на явленія *сущія* и *данныя*, есть взглядъ, который проистекаетъ только изъ слабости, разсѣянности и отсутствія энергіи въ людяхъ. Именно потому, что люди еще не успѣли возвыситься до полнаго чувства своей свободы и безусловной самобытности, они находятъ сами себя только въ представленіи предметовъ, видятъ свой образъ только съ помощію предметовъ, играющихъ какъ-бы роль зеркала. Но кто сознаетъ свою самостоятельность и независимость отъ всего, что̀ находится внѣ его, тотъ не нуждается въ предметахъ для собственной своей опоры; онъ не можетъ употреблять ихъ себѣ въ пользу, потому-что они уничтожаютъ именно эту самостоятельность, превращая ее въ пустую призрачность. Въ приведенныхъ нами положеніяхъ вполнѣ выражается вся твердость характера Фихте, которая довела его до того, что онъ, въ противоположность общему мнѣнію, въ противурѣчіе простому и естественному человѣческому смыслу, самъ превращалъ предметы въ пустую призрачность, или, говоря точнѣе, въ чистое проявленіе изъ самого себя зрящаго, самого себя представляюща-

го и себя объективирующаго *я*. По этому, *я* въ своей законообразной дѣятельности, какъ живой субъектъ - объектъ, есть законодатель міра: *это я* есть *все во всемъ*. На оконечности постоянно наружу дѣйствующей и къ себѣ возвращающейся жизненности человѣческаго *я*, движится и проходитъ передъ нашимъ духомъ цѣлый міръ бытія. Но этотъ сущій и представляемый міръ есть только несовершенная форма нашего *я*. Онъ есть только тѣнь того, чѣмъ мы, дѣйствительно, должны признавать себя, а мы въ дѣйствительности тò, чѣмъ быть *должны*. Сущность явленія не есть самое это явленіе, но только тò, чтò по завѣту нравственности должно образоваться изъ этого явленія. Достоинство послѣдняго заключается именно въ томъ, что оно разсматривается, какъ матеріалъ нашего долга, и чрезъ это одно получаетъ реальное значеніе. Чистая форма нашего *я* осуществляется только въ безконечности времени, въ превращеніи чувственнаго міра въ нравственный, вслѣдствіе неотступнаго требованія со стороны нашего чистаго *я*. И такъ, моральный порядокъ міра заключается въ стремленіи исторіи не только содѣйствовавь этому превращенію все въ болѣе и болѣе короткіе періоды времени, но и въ неотмѣнимомъ, но неограниченномъ никакими предѣлами времени возстановленія абсолютнаго *я*. Таково было величественное и вмѣстѣ съ тѣмъ мучительно натянутое воззрѣніе, которымъ Фихте охватилъ и глубоко потрясъ умы современниковъ. Въ противуположность такому властительному *я*, пали съ высоты точки зрѣнія этого смѣлаго и безпощаднаго идеализма и превратились въ ничто все достоинство и вся красота чувственнаго міра.

Увлеченный столько-же величіемъ и возвышенностью, сколько и внутреннею послѣдовательностью этого способа мышленія, юный Шеллингъ сдѣлался преданнѣйшимъ послѣдователемъ ученія Фихте. Какъ-бы изъ чистой противуположности своему другу Гегелю, онъ совершилъ свои ученыя занятія «передъ глазами публики». Имѣя только двадцать лѣтъ, онъ выступилъ, какъ истолкователь «Ученія о наукѣ», велъ полемику противъ догматизма до-Кантовскаго умозрѣнія въ цѣломъ рядѣ статей, нашелъ нѣсколько новыхъ основаній для перехода изъ Кантова способа философствованія въ способъ Фихте, или громко и неоднократно высказывалъ убѣжденіе, что начала «Ученія о наукѣ» одни въ состояніи разрѣшить загадочныя тайны философіи.

Впрочемъ, кромѣ этихъ мотивовъ, съ такой энергіей изложен-

ныхъ въ сочиненіи Фихте, еще и другіе наукообразные мотивы таились во времени и въ сферѣ сообщеннаго Кантомъ философскаго движенія. Между-тѣмъ Кантъ, наряду съ законодательными формами человѣческаго духа, въ то-же время отвелъ извѣстное мѣсто въ своей системѣ и эмпирическому матеріалу мышленія, и чрезъ это сообщилъ новое побужденіе не только отвлеченному умозрѣнію, но и чисто-эмпирическимъ наукамъ, которыя теперь могли принести новую и богатую жатву. Въ своихъ размышленіяхъ объ устройствѣ звѣзднаго неба онъ заранѣе привелъ философію къ границамъ естественныхъ наукъ, основанныхъ на наблюденіи. Своимъ сочиненіемъ «о метафизическихъ начальныхъ основаніяхъ естественныхъ наукъ», онъ еще и гораздо позже возбудилъ сильное желаніе къ изученію естествовѣдѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ основной камень для истинно-наукообразнаго способа изученія природы. Итакъ, въ то время, когда съ одной стороны Фихте довелъ ученіе Канта до той утонченности созерцанія, вслѣдствіе которой наше *я* противупоставляло себя строго-деспотически, съ другой стороны, изъ той-же самой почвы едва замѣтно возникали новые интересы и новая дѣятельность въ области изслѣдованія природы. Новыя открытія вызывали новыя теоріи, а новыя гипотезы — новыя открытія. Съ послѣдними годами прошедшаго столѣтія для естественныхъ наукъ наступила эпоха, которая прославила столько блестящихъ именъ, и въ наше время она менѣе, чѣмъ когда нибудь, можетъ опасаться быть забытой. Но самая характеристическая черта упомянутыхъ эмпирическихъ начатковъ заключалась въ живомъ и плодотворномъ столкновеніи, въ которомъ они находились съ наукой умозрѣнія. Это состояніе вещей должно было естественно произвести вліяніе на такую воспріимчивую и легко-впечатлительную натуру, какъ Шеллингъ. Не смотря на увлеченіе идеями Фихте, онъ не менѣе ревностно отдался новому движенію, которое только-что возникло въ области физики, химіи, геологіи и физіологіи. Онъ видѣлъ себя въ необходимости соединить то и другое. Смѣлые парадоксы «Ученія о наукѣ» должны были произвести сильное впечатлѣніе на проницательный умъ Шеллинга и на юношескую воспріимчивость его чувства: его натура, полная поэзіи и чувственности, подобно натурѣ Гёте, не могла оставаться равнодушной къ отношеніямъ, въ которыя Фихте ставилъ себя къ видимой природѣ. Дѣйствительно, эти отношенія не только напоминали отно-

шенія начинки къ дѣтямъ, но даже заключали въ себѣ презрѣніе и насиліе. Сверхъ-того, юношеская любовь, возникшая еще гораздо прежде любви къ Фихте, привела его къ Спинозѣ,—самому догматическому и самому объективному изъ всѣхъ мыслителей. Уже въ своемъ первомъ, по объему довольно значительномъ сочиненіи, онъ пытался характеризировать (опредѣлить характеръ) Фихтева *я* на основаніи схемы Спинозовой субстанціи. И онъ рѣшилъ такъ: нисколько не отвергая абсолютности *я* въ Фихтевомъ ученіи, онъ нашелъ въ то-же время средства возвратить природѣ права, ей принадлежащія. Вмѣстѣ съ Фихте онъ говоритъ: «только человѣческій духъ созидаетъ природу и онъ-же ей предписываетъ законы;—все неизмѣримое цѣлое есть не что иное, какъ проявленіе насъ самихъ, какъ образъ нашего собственнаго ума, выдѣляющійся наружу изъ насъ-же самихъ; вслѣдствіе того именно, намъ позволительно, и даже мы обязаны, изучать въ самой природѣ сущность и исторію человѣческаго ума». Предпославши это убѣжденіе, онъ ринулся съ новымъ жаромъ, со всѣми силами своей плодотворной фантазіи, изъ своего наклоннаго къ сочетаніямъ ума, къ представленію природы, какъ чувственнаго и живаго воспроизведенія сущности ума. Онъ представилъ природу въ цѣломъ рядѣ *натурфилософскихъ* сочиненій, на различныхъ ступеняхъ ея развитія и ея произведеній, проводя постоянную параллель со ступенями и формами человѣческаго сознанія. Хотя онъ не отчаявался въ возможности основанія этой философіи природы на началахъ субъективнаго идеализма; хотя онъ все еще былъ убѣжденъ, что трудится вмѣстѣ съ Фихте надъ одной и той-же философской задачей, тѣмъ не менѣе, однакожь, природа, разсматриваемая сама въ себѣ, какъ такая, пріобрѣла въ его глазахъ значеніе самостоятельнаго предмета наряду съ нашимъ *я*. Онъ привыкалъ мало-по-малу отрѣшаться отъ субъекта, созидающаго природу; погружаясь въ глубокомысленныя наблюденія надъ природой, онъ какъ-бы забывалъ, что, по ученію Фихте, вся эта красота есть только «блѣдный отблескъ нашего собственнаго безконечно-развивающагося бытія». Прошло нѣсколько времени, и онъ заговорилъ о философіи природы, какъ о спинозизмѣ физики, признающемъ природу за самостоятельное цѣлое. Прошло еще нѣсколько времени—и философія природы сдѣлалась для него второю вѣтвью умозрѣнія, имѣющею одинаковыя права съ такъ-называемою чисто-трансцендентальною философіей. Эта трансценденталь-

ная философія имѣетъ задачей подчиненіе реальнаго идеальному; философія-же природы, наоборотъ, должна объяснить идеальное съ помощію реальнаго. Поэтому, обѣ науки составляютъ только одну науку и различаются между собой только противуположнымъ направленіемъ своихъ задачъ. Оба направленія не только одинаково возможны, но также одинаково необходимы, поэтому, въ системѣ знанія, они имѣютъ одинаковыя права.

Вотъ точка, до которой Шеллингъ отдѣлился отъ понятій Фихте въ ихъ строгой и чистой формѣ; вотъ точка, до которой онъ доскакалъ, такъ сказать, на одной ногѣ, вырвавшись изъ сферы критицизма и субъективизма своего наставника. Но въ это-же время, его способъ воззрѣнія былъ какъ-бы увлеченъ силой другого момента—силой движенія Германскаго духа—къ другой совершенно новой точкѣ зрѣнія. Нельзя сказать, чтобы этотъ моментъ не существовалъ для него уже и прежде. Онъ проглядываетъ уже въ его занятіяхъ, относящихся до философіи природы. Его «Мысли о философіи природы» и сочиненіе о «душѣ міра» проникнуты были тѣмъ поэтическимъ дыханіемъ, которое съ недавняго времени оживляло и освѣжало духовныя силы Германіи. Среди нашихъ бѣдственныхъ государственныхъ отношеній, бѣдности, разорванности и безцвѣтности нашей Нѣмецкой жизни, вдругъ блеснулъ свѣтлый лучъ изъ прошедшихъ временъ Эллинской жизни. Ученыя изслѣдованія филологовъ, преподаваніе въ школахъ науки древности принесли, наконецъ, желанный плодъ. Господствовавшій до-сихъ-поръ мучительный дуализмъ идеи и дѣйствительности, казалось, совершенно исчезъ въ царствѣ прекраснаго. Явились два могучіе поэта, носившіе въ своей впечатлительной и богато-одаренной душѣ тотъ міръ, который, по словамъ Фихте, долженъ постоянно *только возникать*, и это возможно единственно съ помощію разрушенія всего прекраснаго и живаго. Воспроизводя этотъ міръ, они желали доставить цѣлому поколѣнію чувство примиренія и внутренняго довольства. Въ самомъ дѣлѣ, эти благородныя и глубоко-трогательныя произведенія однажды навсегда доказали, что не въ противупоставленіи, но во взаимномъ проникновеніи духовнаго матеріальнымъ, въ тѣсномъ соединеніи субъективнаго и объективнаго, идеальнаго съ реальнымъ, можно достигнуть (уразумѣнія) постиженія *Высочайшаго*. Какимъ благороднымъ огнемъ загорались уже при чтеніи этихъ произведеній самой блистательной эпохи нашей литературы!

Въ тогдашнемъ поколѣніи пробудилась новая любовь къ прекраснымъ изображеніямъ, новый энтузіазмъ къ искусству и поэзіи, новое благоговѣніе къ природѣ, созерцаемой поэтическимъ взоромъ, новое почитаніе генія и фантазіи, таящей въ себѣ залоги прекраснаго. Увы! еслибъ только жизнь народа не до такой степени противурѣчила мечтамъ поэтовъ, еслибъ только Германская дѣйствительность была болѣе прекрасною, а прекрасное стихотвореніе заключало въ себѣ болѣе реальности; еслибъ самыя вѣрованія нашихъ поэтовъ, оторвавшись отъ боговъ Греціи, проникнулись духомъ своего отечества и современности. Одно только поколѣніе смертныхъ вкусило отъ яствъ безсмертныхъ боговъ. Восторженность превратилась въ вакхическое упоеніе и нескончаемую пирушку. Теперь-то искусство должно было сдѣлаться *всѣмъ во всемъ*. Теперь-то въ жизни, равно-какъ и въ наукѣ, не признавали другихъ законовъ, кромѣ законовъ поэтической фантазіи. Такъ непосредственно отъ самаго корня нашей классической поэзіи выросла новая поэзія, которая, не находя опоры ни въ нашей душѣ, ни въ нашей Германской дѣйствительности, вскорѣ превратилась въ отсутствіе изящныхъ образовъ и фантастику. Прошло весьма немного времени, и за періодомъ классическаго эстетицизма наступилъ періодъ романтики.

Подъ вліяніемъ эстетическаго наслажденія, которое доставляли древнія произведенія, и подъ вліяніемъ новаго романтическаго направленія, самая философія какъ-бы сдвинута была съ ея теперешней колеи. Единовластіе, котораго Фихте требовалъ для закона совѣсти, обращено было теперь въ первую потребность и для художественнаго генія. Въ очевидномъ смѣшеніи идей «Ученія о наукѣ» и новаго рода энтузіазма къ искусству, Фридрихъ Шлегель, въ своемъ «Атенеѣ» и «Луциндѣ», изложилъ новое ученіе: «абсолютная законность принадлежитъ только геніальному *я* въ противуположность всякой объективности». Въ то время, какъ Фихте провозгласилъ *я*, находящее свою точку тяготѣнія въ нравственномъ законѣ, властелиномъ всего сущаго, а Шиллеръ смѣло высказалъ, будто только поэтъ есть истинный человѣкъ, молодой «доктринеръ романтики» оба рода воззрѣнія слилъ безраздѣльно въ одно цѣлое и представилъ ихъ въ извращенномъ видѣ. Вмѣсто абсолютизма нравственности и абсолютизма прекрасной человѣческой натуры, онъ провозглашалъ абсолютизмъ геніальной индивидуальности: въ

романтическомъ опьяненіи онъ проповѣдывалъ ученіе «*ироніи*» и возвелъ произволъ и фантазію до абсолютнаго.

Подъ такимъ-же вліяніемъ эстетико-романтическаго настроенія вѣка, Шлейермахеръ написалъ свои письма о «Луциндѣ» и свои «Бесѣды о религіи». Онъ также исходной точкой своей избралъ Фихтево «Ученіе о наукѣ», но растворилъ Фихтево *я* тѣмъ-же эстетическимъ довольствомъ, которое обхватило все тогдашнѣе поколѣніе. Конечно, въ немъ это эстетическое настроеніе слилось въ одно съ чувствомъ благочестія, вслѣдствіе глубины его натуры и самобытности его образованія. Подъ именемъ религіи онъ разумѣлъ то «основное отношеніе человѣческаго бытія», въ которомъ наше *я* «чувствуетъ себя за-одно со вселенной», въ которомъ противуположность знанія и дѣйствія, *я* и *не я*, субъективнаго и объективнаго, совершенно исчезаетъ. Къ этому единству старался онъ возвратить идеализмъ Фихте, въ надеждѣ, что изъ него образуется новый реализмъ; этимъ онъ какъ-бы хотѣлъ почтить смертные останки отверженнаго Спинозы.

Тѣмъ не менѣе всѣ упомянутыя нами и многія другія попытки дать опредѣленное выраженіе эстетико-романтическому духу времени, оставаясь въ союзѣ съ Фихте, — были поставлены въ тѣнь талантомъ Шеллинга. Во всѣхъ ихъ обнаруживалось, въ болѣе или менѣе невинномъ смыслѣ, стремленіе — разсматривать міръ уже не просто, какъ матеріалъ *долга*, но обнимать его понятіемъ, давать ему извѣстную форму и измѣрять его, какъ противуположность цѣльности человѣческаго существа. Въ основаніи всѣхъ этихъ попытокъ лежала одна мысль: возвысить наслажденіе, которое доставляли поэтическія произведенія, до всеобщаго закона, до властительной схемы жизни и науки. Они всѣ стремились къ тому высшему предположенію, что міръ долженъ быть доступенъ для пониманія не на основаніи критики, анализа и размышленія, но только на основаніи производительности, живаго чувства и въ одно цѣлое соединяющаго созерцанія. Всѣ они хотѣли выйти изъ дуализма субъективнаго и объективнаго, идеальнаго и реальнаго. И то, къ чему всѣ они стрѣмились, совершилъ наукообразно плодотворнымъ путемъ, тó ясно высказалъ въ самой точной формулѣ и съ счастливой смѣлостью генія, человѣкъ, который, поэтому и названъ классическимъ философомъ романтики — именно, Шеллингъ, въ концѣ его «системы трансцѣндентальнаго идеализма».

Въ этомъ сочиненіи Шеллингъ еще одинъ разъ сталъ на

Фихтеву точку зрѣнія. Онъ пытался, какъ это мы видимъ и въ «Ученіи о наукѣ», представить въ немъ прагматическую исторію человѣческаго сознанія. Онъ ясно высказалъ, что здѣсь дѣло идетъ о сочиненіи, написанномъ въ соотвѣтствіе его-же сочиненіямъ о философіи природы; что онъ здѣсь принялъ ту точку зрѣнія, съ которой субъективное представляется въ смыслѣ объясняющаго prius (предшествующаго), и потому это Шеллингово ученіе въ особенности тѣмъ отличалось отъ Фихтева «Ученія о наукѣ», что оно постоянно имѣло въ виду сравненіе природы съ умомъ, и изображая эпохи человѣческаго сознанія, примѣшивало къ нимъ исторію постепеннаго развитія природы. Впрочемъ, на первыхъ пятидесяти пяти страницахъ мы ничего другаго не находимъ, кромѣ щегольскаго и понятнымъ языкомъ написаннаго изложенія воззрѣній. Изъ этого ученія мы узнаемъ, какъ наше *я*, которое само въ себѣ есть субъектъ-объектъ, стремится въ сферѣ познаванія и въ сферѣ дѣйствія къ тожеству субъективнаго и объективнаго, въ дѣйствительности-же *только* стремится къ нему цѣлую вѣчность. Оно показываетъ, какъ наше *я* никогда вполнѣ не достигаетъ своей чистой идеи ни въ природѣ, ни въ исторіи, ни въ смыслѣ теоретическаго, ни въ смыслѣ практическаго *я*. Природа, какъ въ немъ сказано, есть только несовершенное отраженіе сущаго въ нашемъ *я* идеальнаго міра; въ ней постоянно сохраняется остатокъ объективности, противуположности, камень преткновенія для свободной идеальности *я*. То-же должно сказать и въ другомъ отношеніи. Эта противуположность объективнаго никогда совершенно не уничтожается, даже въ самомъ дѣйствіи, не смотря на безпрестанно-повторяющееся напоминаніе о нравственной свободѣ; наша свобода, при переходѣ въ міръ явленій, подчиняется естественнымъ законамъ; ея чистая сущность, ея абсолютное тожество разбивается о твердую среду объективности. Скажемъ собственными словами Шеллинга: «послѣднее основаніе гармоніи между свободой и объективностью, какъ оно содержится идеально въ нашемъ *я*, никогда не можетъ вполнѣ сдѣлаться объективнымъ, если свобода должна существовать въ своемъ проявленіи; самая исторія есть только въ безконечность простирающееся раскрытіе абсолютнаго; оно открывается только постепенно. Вы видите: въ сущности это опять дуалистическое Канто-Фихтево міросозерцаніе, только въ другой формѣ. Правда, этотъ дуализмъ, какъ такой живѣе чувствуется творцомъ трансцендентальнаго идеа-

лизма. Опредѣленнѣе, чѣмъ у Канта, съ гораздо бóльшею настойчивостію, чѣмъ у Фихте, его умственный взоръ стремится къ перспективѣ гармоніи между духомъ и природой, между свободой и объективностью. Понятіе о той гармоніи, которая содержится въ чистой идеальности нашего *я*, образуетъ то шаткое основаніе, на которомъ утверждена цѣлая картина. Но для того, чтобъ достигнуть до этой гармоніи, надо снова возвратиться къ отвлеченному *я*. Она, къ-сожалѣнію, никогда не является, какъ нѣчто объективное и осуществленное; даже въ природѣ она является только въ постоянныхъ ограниченіяхъ, какъ-бы облеченной въ туманѣ: она является въ исторіи, какъ безконечно-возникающее.

Но не-уже-ли человѣческому уму суждено остановиться на этой точкѣ? Не-уже-ли только философъ долженъ быть лишенъ того наслажденія, того безконечнаго довольства, которое искусство и поэзія именно этой эпохи доставляли всякому воспріимчивому чувству? Не это-ли удовлетворенное и восторженное настроеніе современниковъ, не поэтическія-ли произведенія этой эпохи доказали, что есть въ человѣческой душѣ сила, есть состояніе человѣческой жизни, есть такого рода существованіе, въ которомъ чистое *я* является дѣйствительно объективнымъ и осуществленнымъ, и требованіе явной гармоніи субъективнаго и объективнаго, дѣйствительно, приведено въ исполненіе? Не приближалось-ли уже дуалистическое міросозерцаніе Канта къ единичному воззрѣнію въ то время, какъ онъ предавался изслѣдованію сущности прекраснаго (30)? Не бросилъ-ли уже Фихте нѣсколько знаменательныхъ намековъ на необходимость эстетическаго взгляда на вещи? Не показалъ-ли уже Шиллеръ въ своихъ «эстетическихъ письмахъ», какъ часто въ изящныхъ произведеніяхъ и въ созерцаніи прекраснаго совпадаютъ воедино противоположныя стороны человѣческой природы?

И такъ, въ этомъ не было ничего новаго, ничто менѣе не заслуживало названія открытія, сдѣланнаго будто-бы Шеллингомъ, если также и онъ, на послѣднихъ страницахъ своей системы трансцендентальнаго идеализма, провозгласилъ искусство святыней, въ которой, въ вѣчномъ и первобытномъ соединеніи, какъ-бы въ одномъ и томъ-же пламени горитъ все то, что̀ въ природѣ и исторіи находится въ раздѣльномъ видѣ, а въ жизни и дѣйствіяхъ, равно-какъ и въ мышленіи, должно какъ-бы избѣгать само отъ себя». Также ничего новаго не было и въ томъ, что художествен-

ная фантазія и геніальность считались теперь за ту творческую силу, сущность которой заключается въ томъ, чтобъ переводить въ художественное произведеніе чувственную дѣйствительность, никогда безъ того не обнаруживающуюся гармонію ни въ природѣ, ни въ исторіи. И та мысль не была новою, что только художественное произведеніе въ-состояніи отражать въ себѣ неуловимое ни для чего другаго,—именно, тò абсолютно-тожественное, которое для философскаго, такъ-называемаго интелектуальнаго созерцанія было доступно даже въ нашемъ я тольно въ раздвоеніи субъективнаго и объективнаго,—т.-е., что одно искусство владѣетъ способомъ представлять объективно и съ правомъ на всеобщее признаніе тò, чтò философъ представляетъ только въ субъективномъ смыслѣ.

Въ этомъ, какъ мы сказали, не было ничего новаго. Но рѣшительно новымъ должно считать методическую непрерывность, въ которой эти понятія представляются вытекающими изъ Фихтева начала. Новымъ можно считать,—сравнительно съ тѣмъ, чтò уже прежде высказали Кантъ, Фихте, Шиллеръ и Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, и чтó гораздо скорѣе напоминало способъ мышленія Шлегеля, Новалиса и Шлейермахера,—новымъ былъ тотъ пророческій восторженный тонъ, тó, въ мистику впадающее воодушевленіе, съ которымъ Шеллингъ повторялъ эту теорію искусства и провозглашалъ ее послѣднимъ заключительнымъ камнемъ идеализма.

И можно только радоваться, если, съ помощію этого методическаго способа, искусству будетъ навсегда упрочено его значеніе въ цѣлой системѣ знанія; если этотъ отдѣлъ, поставленный Кантомъ на самый отдаленный планъ, займетъ теперь одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ на ея переднемъ планѣ. Ничего лучше, какъ еслибъ искусство сдѣлалось «вѣчнымъ органомъ и доказательствомъ философіи», равно-какъ и «первообразомъ науки». Ничего лучше, какъ еслибъ въ искусствѣ говорилось объ очевидномъ согласіи идеальнаго и реальнаго, субъективнаго и объективнаго, какъ о провѣрителѣ дѣйствій и изслѣдованій, какъ о высшей регулятивной идеѣ, къ которой наука могла-бы постоянно обращаться за справками, а нравственная дѣятельность постоянно почерпать новыя силы и воодушевленіе для осуществленія безконечной своей задачи.

Но иначе поступаетъ творецъ «трансцендентальнаго идеа-

лизма». Такая скромность и такое вѣрное чувство истины не могли имѣть мѣста въ его романтическомъ настроеніи. Методическая мудрость названнаго нами сочиненія перешла въ нѣкотораго рода пророчество. Философія со всѣми прочими науками, — эти слова были только прямымъ слѣдствіемъ упомянутой исторіи искусства, —должна возвратиться во всеобщій океанъ поэзіи, изъ которой она первоначально вытекла». Назначеніе искусства должно заключаться не въ томъ, чтобъ оставаться единственною и высшею формой проявленія для взаимнаго отношенія субъективнаго къ объективному; но и самая наука должна быть отлита въ этой формѣ,—однимъ словомъ, *искусство должно служить абсолютной схемой для воззрѣнія на вселенную.*

Дѣйствительно, Шеллингъ былъ такимъ человѣкомъ, который не исключая съ помощію какихъ-бы ни было средствъ, даже самыхъ смѣлыхъ, могъ привести въ исполненіе свои пророческія предсказанія и требованія. Онъ первый способствовалъ философіи сдѣлать тотъ роковой шагъ, вслѣдствіе котораго она отказалась отъ строгой добросовѣстности истины, и изъ критицизма ринулась снова съ громкимъ шумомъ въ новый догматизмъ. Конецъ «трансцендентальнаго идеализма» отчетливо и ясно показываетъ границу этого перехода,—начало разносторонняго и почти всеобщаго отступничества отъ протестантизма наукообразнаго направленія. Между-тѣмъ-какъ Шиллеръ, въ самомъ чистомъ критическомъ смыслѣ, не давалъ прекраснону никакого другаго опредѣленія, кромѣ того, что оно составляетъ средоточіе жизни, вѣчный канонъ и образовательную школу для практичеокихъ дѣйствій; между-тѣмъ-какъ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ постоянно утверждалъ, что наукообразное изслѣдованіе никогда не должно отдѣлять отъ изученія физическаго міра отъ міра нравственнаго, но, должно постоянно стремиться къ открытію законовъ, господствующихъ въ обоихъ мірахъ и составляющихъ высшую точку соединенія явленія природы въ одно цѣлое (31); — въ то самое время философъ романтики однимъ отважнымъ скачкомъ перепрыгнулъ къ цѣли въ безконечность простирающагося пути изслѣдованія, и всю вселенную сразу подчинилъ эстетическому воззрѣнію. Слова его сбылись: философія сдѣлалась поэзіей. Эстетическое воззрѣніе на вещи перестало быть однимъ только воззрѣніемъ и возведено было во всеобщую, безусловную форму наукообразнаго изслѣдованія. Оно превратилось въ господ-

ствующую и законодательную идею изъ идеи руководственной. Она перестала быть указательною точкою зрѣнія и сдѣлалась *апріористическимъ* началомъ построенія. Прежняя любовь къ природѣ и прежній спинозизмъ Шеллинга вошли теперь въ самый тѣсный союзъ не только со вновь пріобрѣтеннымъ пониманіемъ прекраснаго, но и съ тѣмъ глубокимъ восторгомъ, который оно возбудило. Только съ помощію художественнаго произведенія, — какъ онъ это и доказалъ, — то «первоначальное основаніе всякой гармоніи субъективнаго съ объективнымъ», о которомъ было выше говорено,—вполнѣ можетъ отрѣшиться отъ субъективнаго, и сдѣлаться чисто-объективнымъ». Въ этомъ-то и заключается упомянутая тожественность: ее можно видѣть, слышать и осязать. Теперь-то, при этомъ чудномъ зрѣлищѣ, критика теряетъ все свое значеніе, а наукообразное изслѣдованіе дѣлается невозможнымъ. Все вообще, чтò существуетъ, — впрочемъ, Гегель сначала основывалъ эту мысль только на предположеніи и ничѣмъ не доказывалъ, — равномѣрно заключено въ такую сферу гармоніи и тожества. Природа и исторія не стремятся къ этому тожеству, но только представляютъ его сами фактически. Теперь точкою отправленія избрано не субъективное, или объективное съ цѣлью объяснить одно изъ другаго; теперь на трансцендентальную философію и философію природы нѣкогда одинаково равносильныя, — хотя, по направленію, противуположныя одна другой части философіи, — а потому и не могутъ «никогда перейти одна въ другую»,—теперь одно только абсолютное тожество субъективнаго и объективнаго Шеллингъ признаетъ въ знаменитомъ своемъ сочиненіи «Изложеніе моей системы», — за главную точку опоры; онъ эту систему обозначаетъ «впрочемъ» какъ такую, которую онъ уже имѣлъ въ виду и при отдѣльномъ изложеніи двухъ только-что названныхъ частей философіи (философіи субъективной и объективной). Другими словами: весь міръ состоитъ, подобно прекрасному, изъ одинаковаго содержанія и одинаковой сущности, имѣетъ одинаковую форму и ткань. Гармонія субъективнаго и объективнаго переработывается, подъ именемъ абсолютнаго, въ метафизическое понятіе, которое служитъ проводникомъ къ созерцанію и уразумѣнію всего остальнаго. Цѣлый міръ, — такъ категорически утверждаетъ Шеллингъ въ своемъ «Изложеніи», — есть только чистое единство идеальности и реальности. Высшій законъ для всякаго бытія есть

законъ тожества. Все въ совокупности взятое, что̀ существуетъ, есть, по существу своему, безусловное тожество. Такъ построена, въ объективномъ смыслѣ, формула Шеллинговой философіи. Субъективно-же она представлена въ слѣдующихъ словахъ: философъ философствуетъ въ то время, когда относится ко вселенной, какъ художникъ къ своему предмету, т.-е., когда онъ надѣляетъ свой понимающій умъ эстетическимъ зрѣніемъ и изъ точки размышленія переносится въ точку творчества. Его органъ заключается въ способности, свойственной поэту, провидѣть вездѣ только гармонію и тожество. Безусловное познаніе есть «интеллектуальное созерцаніе», т.-е. тотъ способъ созерцанія, который въ области науки имѣетъ такое-же значеніе, какое принадлежитъ художественному генію при созданіи художественнаго произведенія. Шеллингъ здѣсь прямо говоритъ, что истинное философствованіе, точно такъ, какъ и художественное творчество, есть свойство генія и, слѣдовательно, особеннаго рода даръ. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить его собственное «Изложеніе системы». Подъ видомъ строгаго математическаго метода Спинозы, это изложеніе есть не иное что, какъ философская фантазія, написанная на ту тему, что вселенная представляетъ собой цѣльный типъ тожества, т.-е. безусловно-художественнаго произведенія. Онъ не объясняетъ и не изслѣдуетъ міра, но построяетъ его изъ интеллектуальнаго созерцанія; голословныя увѣренія заступаютъ мѣсто твердыхъ доводовъ; мышленіе и сила доказательствъ опираются на костыли, сотканные изъ образовъ и фантастическихъ уподобленій.

ЛЕКЦІЯ СЕДЬМАЯ.

Гегель вступаетъ въ тѣсныя отношенія съ Шеллингомъ.

Таковъ былъ, въ цѣломъ и въ общихъ чертахъ, ходъ развитія Нѣмецкой философіи со временъ Канта. Такимъ путемъ она приведена къ послѣднему (по времени), измѣненію, о которомъ мы говорили въ прошедшую лекцію, и такова была точка зрѣнія, на которую поставилъ себя Шеллингъ, незадолго до прибытія Гегеля въ Іену. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1800 года, онъ окончилъ свою «Систему трансцендентальнаго идеализма». Онъ уже

успѣлъ повидаться съ своимъ стариннымъ другомъ юности, снова вошелъ съ нимъ въ живой обмѣнъ мыслей, и написалъ для Гегелева изданія, извѣстнаго подъ названіемъ: *Журналъ для умозрительной физики*, статью: «*Изложеніе моей системы*».

Но, въ свою очередь, и Гегель имѣлъ уже подъ рукой въ обширныхъ размѣрахъ разработанную систему, и потому присоединился къ Шеллингу. Намъ еще памятны, изъ нашего изложенія, основныя черты этой системы, ея способъ происхожденія и ея сущность, по-крайней-мѣрѣ, въ общихъ признакахъ. Разсмотримъ теперь, какъ относилась эта апокрифическая, возросшая въ тѣни уединенія философія къ философіи дня, въ-особенности, въ какомъ отношеніи она находилась къ тогдашней философіи Шеллинга?

Ужъ съ перваго взгляда можно замѣтить между ними не случайное, но существенное родство. Критическое направленіе философствованія, поставленное Кантомъ на первомъ планѣ, они оба промѣняли на догматическое. Они оба порвали нить, съ помощію которой еще Фихте всякую истину привязывалъ къ безконечной самодостовѣрности *я*. Они оба перестали считать человѣческую свободу за высшую форму и высшій законъ, которому даже познающее размышленіе должно подчинять цѣлую вселенную. Наконецъ, они оба уничтожили дуализмъ, который безпрерывно проглядываетъ во всѣхъ результатахъ Канто-Фихтевой философіи, и препятствуетъ ей ввести систему въ видимый міръ. Но тѣмъ крѣпче, тѣмъ положительнѣе, тѣмъ искреннѣе было ихъ взаимное согласіе. Въ противуположность Фихтевой методѣ размышленія и силлогизмовъ, они рѣшились развить въ описательномъ изображеніи всю сокровищницу своего міросозерцанія. Въ противуположность «субъективной» точкѣ зрѣнія, «превращающей въ ничто міръ явленій», они оба обратились къ видимой природѣ съ живѣйшимъ участіемъ, и изъ результатовъ и предположеній естественныхъ наукъ выработали философію природы. Въ чувственномъ мірѣ они оба видѣли не одно только отраженіе «свѣта, постоянно пребывающаго въ *я*», но осуществленіе и проявленіе третьяго начала, метафизическаго абсолютнаго, господствующаго столько-же надъ субъективнымъ, сколько и надъ объективнымъ міромъ. Сверхъ-того, философія того и другаго была системой, чего нельзя сказать ни о Кантовой, ни о Фихтевой. Наконецъ, и это важное отличіе, къ которому сводятся и изъ котораго объясняются всѣ остальныя, система обоихъ, въ послѣднемъ выводѣ,

утверждена была на одномъ общемъ основаніи, проникнута одною и то-же мыслью, выражавшейся въ ней съ большей, или меньшей ясностью: совокупность всего бытія можно уподобить художественному произведенію; это всецѣлое, т.-е., мышленіе и дѣятельность, природа и исторія, находится подъ началомъ эстетической красоты и носитъ на себѣ типъ безусловной гармоніи.

Но перевернемъ листокъ, усилимъ наше вниманіе и укрѣпимъ память. Мы увидимъ, что между системой Гегеля и Шеллинга существовала не менѣе очевидная, не менѣе рѣзкая *разница*.

Во-первыхъ, они различнымъ путемъ были приведены къ одинаковому міросозерцанію. Шеллингъ только постепенно освобождался отъ глубоко овладѣвшаго имъ вліянія Фихтева «ученія о наукѣ». Онъ постоянно стремился привести въ согласіе свою философію природы съ началами субъективнаго идеализма (32). Нѣсколько разъ онъ переходилъ изъ области природы въ область ума, и наоборотъ. Не малыхъ усилій стоило его умственной совѣсти нарушать высочайшее право свободы. Наконецъ, какъ-бы въ какомъ-то саду и подъ вліяніемъ совершенно безотчетной внезапности, Шеллингъ сталъ на точку «абсолютнаго тожества», но, даже и при этомъ случаѣ, даже въ предисловіи къ «изложенію» своей систеты онъ нисколько не сомнѣвался, что Фихте, впослѣдствіи времени, раздѣлитъ его главныя понятія (33).

Ничего подобнаго этой борьбѣ, этому исканію, этой колеблющейся нерѣшимости мы не находимъ въ возникновеніи Гегелевыхъ убѣжденій. Уже съ той минуты, когда онъ внесъ самостоятельный взглядъ въ науку, ему постоянно представлялся тотъ идеалъ созерцанія міра и жизни, который только впослѣдствіи получилъ значеніе предмета въ формѣ философской системы, но главный характеръ котораго ясными чертами былъ уже обозначенъ въ парафразахъ, написанныхъ Гегелемъ еще въ юношескихъ лѣтахъ на нѣкоторые тексты изъ евангельскаго повѣствованія и богословскихъ догматовъ. Неразрывно примкнувши къ этому идеалу душой и умомъ, онъ непоколебимымъ шагомъ, развиваетъ свою систему и не страшится авторитета ни «Критики разума», ни «Ученія о наукѣ»; онѣ уже не въ-состояніи ни привести его въ замѣшательство, или отклонить отъ принятаго намѣренія, ни поколебать его. Въ противуположность Шеллингу, который, прежде чѣмъ отважился принять начало тожества, описалъ длинную, измѣнявшуюся въ различныхъ направленіяхъ линію, не смѣлую и

нерѣдко эксцентрическую, Гегель шелъ путемъ вѣрнымъ, нигдѣ непрерывающимся, постоянно одинаковымъ, пока, наконецъ, его убѣжденія сложились въ прочную систему.

Вслѣдствіе чего-же такъ внезапно колеблющійся и романтическій характеръ философствованія Шеллинга могъ принять такой крутой поворотъ, и съ мгновенной быстротой перейти изъ критическаго и субъективнаго въ такъ-называемый абсолютный, снова догматическій идеализмъ? Конечно, нельзя съ достовѣрностью утверждать, но позволительно предполагать: не лежало-ли уже въ готовой, никому невѣдомой системѣ вліяніе друга, которое и сообщило съ такой легкостью воспринимавшему и всегда готовому на крайнюю рѣшимость духу Шеллинга этотъ послѣдній толчекъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ послужило причиной и новой комбинаціи уже таившихся въ немъ элементовъ? Нельзя не указать на ту странную поспѣшность, съ которой Шеллингъ, послѣ первыхъ-же свиданій съ новоприбывшимъ другомъ, рѣшился представить на судъ публики новую систему,—систему, которая совершенно уничтожала прежнюю въ ея главныхъ основаніяхъ, и даже не была отдѣлана во внѣшней своей формѣ; между-тѣмъ, громко возвѣщая о себѣ, какъ объ окончательномъ результатѣ всѣхъ предшествовавшихъ трудовъ, она показывала во всѣхъ своихъ частяхъ явные слѣды незрѣлости и непонятной поспѣшности.

Какъ-бы то ни было, на самомъ дѣлѣ, эта догадка вещь посторонняя, и не слѣдуетъ принимать толчекъ за мотивъ. Намъ уже извѣстно, вслѣдствіе чего возникъ истинный мотивъ переворота, происшедшаго въ Шеллинговомъ способѣ мышленія. Причина его заключается во всеобъемлющемъ вліяніи нашей классической эпохи поэзіи. Умами теперь овладѣлъ эстетическій энтузіазмъ, воздававшій какое-то безграничное, идолопоклонническое уваженіе прекрасному, и стремившійся возвысить законъ прекраснаго до единственнаго, до всеобщаго закона.

Совсѣмъ изъ другой сущности Гегель почерпнулъ свой идеалъ, и развилъ его въ систему. Сокровеннѣйшій мотивъ *его* убѣжденій заключался въ благоговѣйномъ почитаніи того прекраснаго, которое онъ находилъ въ созданіяхъ Софокла, Ѳукидида и Платона. Въ нихъ онъ удивлялся тому гармоническому образованію, той истинно-человѣческой нравственности, которую онъ постоянно находилъ въ государственной и исторической жизни Грековъ. Только съ этой точки зрѣнія, только во второй линіи онъ

могъ сочувствовать родственному духу, который — какъ самъ Гегель выразился о немъ во Франкфуртѣ,—даже и въ своихъ «изображеніяхъ природы и судьбы», чувствовалъ на себѣ постоянное вліяніе великихъ поэтовъ настоящей эпохи. То, что Шеллингъ получилъ уже изъ вторыхъ рукъ, Гегелю досталось изъ первыхъ. Эстетическое міросозерцаніе перваго было основано на новомъ, эстетическое міросозерцаніе послѣдняго—на Эллинскомъ классицизмѣ и гуманизмѣ. Вслѣдствіе этого, Шеллингова «философія тожества» въ самыхъ-же первыхъ своихъ основаніяхъ не возвышается надъ уровнемъ стихотвореній Новалисовъ и Тиковъ, надъ философскими капризами Шлегелей и Шлейермахеровъ: она опирается на плечи и какъ-бы составляетъ вторые роды Гёте-Шиллеровой поэзіи. Напротивъ-того, философія Гегеля, въ своей первобытной формѣ проявленія, есть самостоятельный плодъ филологическихъ занятій и чтенія древнихъ; она собой представляетъ pendant къ произведеніямъ Гёте и Шиллеровъ, какъ явленіе, возросшее на одинаковой съ ними почвѣ; ее можно назвать философскимъ *опытомъ* воспроизведенія античной науки, какъ стихотворенія Гёте и Шиллера составляютъ поэтическій опытъ этого воспроизведенія; говоря другими словами, Гегелева философія по-преимуществу *классическаго* происхожденія, Шеллингова—по-преимуществу *романтическаго*.

Насколько обѣ системы отличались одна отъ другой, условіями и мотивами происхожденія, на столько-же отличались онѣ и по своему характеру, по своей формѣ и по своему содержанію. Мы назовемъ здѣсь Шеллинга прежде Гегеля, потому-что онъ прожилъ цѣлый періодъ развитія новаго умозрѣнія послѣ Канта въ роли соучастника, ученика, послѣдователя и объяснителя; но и это развитіе Шеллингъ оставилъ за собой, отклонилъ его отъ себя, предалъ его *совершенному забвенію*. Съ той минуты, какъ онъ построилъ вселенную на основаніи точки зрѣнія «тожества», онъ уже не придавалъ ни Кантовой «критикѣ разума», ни принципу и методу «ученія о наукѣ», другаго значенія, кромѣ значенія *пережитыхъ* моментовъ. Въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ и впродолженіе нѣсколькихъ періодовъ своего жизненнаго поприща, онъ много разъ обнаруживалъ мысль, что считаетъ *свой* кантіанизмъ и фихтіанизмъ *вещью отпѣтой*. Въ эту эпоху своей дѣятельности онъ почти исключительно примкнулъ въ своей новой системѣ — къ первообразу Спинозова ученія

Иначе случилось съ Гегелемъ. Въ идеальномъ воззрѣніи, издавна присущемъ его душѣ, неизмѣнно отражалось вліяніе, которое онъ постепенно испытывалъ, изучая Канта, Фихте и, потомъ, также философію природы Шеллинга. Чистый и истинный критицизмъ до-Шеллинговскаго философствованія едва-ли имѣлъ, въ глазахъ Гегеля, бóльшую цѣну, чѣмъ какой заслуживаетъ простое *credo*; способъ воззрѣнія критической философіи почти мгновенно исчезъ отъ прикосновенія его идеала, съ которымъ вмѣстѣ онъ долженъ былъ образовать нѣчто новое. Можетъ быть, самъ того не сознавая, Гегель обратилъ ученіе Канта и Фихте въ моменты своей системы, а эти мудрецы мысли, при образованіи Гегелемъ новой науки, и сами заимствовали колоритъ свой отъ его-же идеала. Впервые только въ самой системѣ онъ сводитъ съ ними окончательные счеты. Заключая вселенную въ опредѣленную форму, система объемлетъ, приводитъ въ извѣстный порядокъ, и, перестраивая, опредѣляетъ настоящую цѣну мысленному матеріалу, лежащему въ Кантовыхъ критическихъ сочиненіяхъ и въ Фихтевомъ «ученіи о наукѣ».

Пойдемъ далѣе, на встрѣчу гораздо болѣе рѣзкимъ отличіямъ двухъ системъ. Оба мыслителя разсматриваютъ видимый міръ преимущественно съ эстетической точки зрѣнія. Но эстетическая точка у Шеллинга совсѣмъ другая, чѣмъ у Гегеля. И это различіе обѣихъ соотвѣтствуетъ основной точкѣ убѣжденій нашихъ философовъ. Одинъ идетъ путемъ античнаго способа пониманія, другой—путемъ новаго. У Шеллинга, главный интересъ сосредоточенъ на изслѣдованіи *субъективнаго источника* художественнаго произведенія. Въ послѣднемъ онъ видитъ по-преимуществу воплощеніе генія. Онъ понимаетъ художественное произведеніе, онъ придаетъ ему цѣну только тогда, когда въ-состояніи объективно представить себѣ его концепцію и совмѣстное дѣйствіе свободы и необходимости, сознанія и безсознательности. Это воззрѣніе непосредственно переноситъ онъ и на вселенную. Творческое построеніе ея онъ ставитъ на первомъ планѣ; осуществленіе-же цѣлаго, какъ объективно-прекраснаго, является у него на второй линіи. Онъ рисуетъ міръ нестолько по образцу самаго художественнаго произведенія и сообразно чувству, которое оно въ немъ возбуждаетъ, сколько соотвѣтственно отвлеченной характеристикѣ, заранѣе приготовленной для объясненія впервые сущности искусства. Онъ отдѣлилъ эту характеристику отъ одностороннягo появленія поэ-

тическаго созданія, оторваннаго отъ общей жизни народа: онъ рисуетъ міръ не столько по образцу полной жизни, сколько по образцу въ особенно-устроенной сферѣ выработанной, художнической дѣятельности прекраснаго, предназначеннаго къ проявленію. Совершенно иначе у Гегеля: онъ стремится къ возможно полному объективному уразумѣнію всемірнаго художественнаго произведенія. Имъ систематизированный идеалъ обозначается объективными чертами, съ помощію которыхъ прекрасное произведеніе является, *какъ такое*. Для него, міръ—прежде всего и болѣе всего—прекрасный, живой образъ. Его сущность заключается въ жизни и гармоніи, въ согласіи частей для образованія одного цѣлаго. Для Гегеля, міръ есть только пластическое явленіе, внутренняя сущность котораго составляетъ духъ, а внѣшнюю форму—правильная сообразность и симметрія. Гегель руководствуется *не* анализомъ сущности искусства, но непосредственнымъ чувствомъ, желаніемъ прекраснаго, эстетическимъ чувствомъ и эстетическимъ смысломъ. Чутье это онъ пріобрѣлъ въ постоянномъ сообществѣ съ поколѣніемъ, для котораго художественное произведеніе тѣсно было связано съ цѣлой жизнью народа. Онъ рисуетъ міръ не столько по отвлеченно-составленной для художественнаго произведенія формулѣ, сколько по живому пониманію прекрасной жизни. Отъ этого его эстетическое настроеніе, въ то-же время, есть и историческое; вообще говоря, настроеніе реальное. Произведеніе, родившееся изъ такихъ чистыхъ мотивовъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ доставляетъ своему творцу возможность лично высказаться. Не точка зрѣнія, а самое созданіе, не эскиссъ системы, но система въ ея готовомъ видѣ и ея до подробностей доведенная обработка, —вотъ что̀ составляетъ главную задачу, и единственно только сама собой она должна возбудить удивленіе и образовать убѣжденіе.

Но и для Шеллинга, и для Гегеля есть еще третье различіе; оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, и послѣднее. Именно потому, что Шеллингъ имѣетъ такой эстетическій взглядъ и, изъ школы непосредственно передъ нимъ господствовавшихъ системъ, перешелъ къ своей новой точкѣ зрѣнія, именно потому онъ имѣетъ передъ Гегелемъ то преимущество, что можетъ сильнѣе и съ большей рѣзкостью обозначить эту точку зрѣнія. Его система носитъ собственное свое названіе, и потому мы знаемъ опредѣлительно, къ чему она стремится. Она совершенно прозрачна и при своемъ возникновеніи изъ прежнихъ системъ, и по собствен-

ному своему основному началу. Эстетическое воззрѣніе Шеллинга на вселенную само для себя создаетъ формулу; это тѣмъ болѣе понятно будетъ для насъ, когда мы взглянемъ на предшествовавшія воззрѣнія. Система Шеллинга извѣстна подъ названіемъ, «Системы тожества». Краегольнымъ своимъ положеніемъ она признаетъ слѣдующее: «все заключено въ безотносительномъ безразличіи субъективнаго и объективнаго». Онъ называетъ это безразличіе разумомъ, или Абсолютомъ, и старается изъ этого Абсолюта вывести цѣлое зданіе духа и природы.

И система Гегеля, въ смыслѣ единства, опирается на опредѣленіе абсолютнаго, какъ «духа». И для развитія системы Гегеля руководительнымъ правиломъ служитъ необходимость *инобытія* и его возвращенія въ прежнее состояніе. Но цѣлое еще не носитъ названія по своему характеру. Діалектическое правило еще не обратилось въ твердую формулу. Главный характеръ системы ясно обозначается только въ срединѣ, а не въ началѣ. Нерѣдко это правило исчезаетъ въ массѣ другихъ измѣняющихся формулъ, и перемежается съ огромнымъ количествомъ другихъ мотивовъ. И то, и другое находится въ ближайшей связи съ недавно господствовавшими системами; но объ этой связи нигдѣ не упоминается, и ее самое вначалѣ едва можно подмѣтить. Когда мы впервые знакомимся съ системой Гегеля, съ ея совершенно для насъ непонятными названіями: *отношеніе*, *пропорція*, и т. п., мы чувствуемъ себя скорѣе смущенными, чѣмъ проникнутыми яснымъ пониманіемъ. Когда мы доходимъ до категорій: *качество*, *количество* и др., то сначала для насъ совершенно непонятно, откуда взялся этотъ потокъ начинающейся діалектики и куда онъ насъ приведетъ. Только съ помощію самаго неутомимаго анализа приходимъ къ уразумѣнію того, о чемъ идетъ дѣло; и, можетъ быть, даже такой анализъ не привелъ-бы насъ къ цѣли, еслибъ посторонніе и случайно встрѣченныя объясненія нашего систематика не открыли намъ общаго смысла его философскаго зданія, и не посвятили насъ въ его воззрѣніе на вселенную, какъ на «прекрасное цѣлое», какъ на истолкованіе духа самого себя — самому-же себѣ.

Чѣмъ значительнѣе и по своимъ послѣдствіямъ важнѣе было это различіе двухъ системъ, тѣмъ менѣе вѣроятно, чтобъ Гегель, уже въ самомъ началѣ, не замѣтилъ его. Въ-особенности не могъ онъ не замѣтить, — съ перваго взгляда, *недостатка* внутренняго *развитія* въ Шеллинговой системѣ тожества, — онъ, у котораго въ

письменномъ столѣ лежала уже готовая, выработанная система, родственная съ системой Шеллинга по общему направленію. Это-то родственное направленіе, эта-то общность основнаго воззрѣнія и составляла первое, что̀ должно было разрушиться. Въ противуположность критической философіи, дѣло скорѣе шло о томъ, чтобъ утвердить точку новаго воззрѣнія на міръ, нежели о проведеніи этого воззрѣнія, скорѣе о новомъ принципѣ, чѣмъ о системѣ. Гегель былъ еще новичкомъ, онъ нуждался въ точкѣ опоры, въ почвѣ, на которой-бы онъ могъ, въ первое время, основать свою дѣятельность. Даже болѣе этого: онъ не могъ не чувствовать важности имени, знака, формулы для лучшаго пониманія; онъ долженъ былъ чувствовать необходимость въ устроеніи нѣкотораго рода моста для того, чтобъ перевести человѣческія убѣжденія отъ Кантова и Фихтева ученія на сторону своей философіи. Самъ онъ до-сихъпоръ мало думалъ о такомъ формулированіи и устроеніи переводнаго моста. Но онъ нашелъ то и другое; онъ нашелъ и удобнаго экспонента для истолкованія своей системы — у самого-же Шеллинга. Какова-бы ни была степень его сознанія, достаточно сказать: онъ отрѣшился отъ всего, что̀ уже теперь могло раздѣлять его съ Шеллингомъ. Первый фактъ, который мы должны отмѣтить въ зачинающемся новомъ періодѣ развитія нашего философа, заключается въ томъ, что онъ *отожествилъ философію Шеллинга съ своей собственной*, и нисколько не усомнился выразить свои, самостоятельно выработанныя убѣжденія въ незатруднительныхъ, прозрачныхъ и простыхъ формулахъ Шеллинговой «Системы тожества». Но, во всемъ этомъ, онъ не вступалъ однакожь, въ отношенія ученика, или рабскаго поклонника своему молодому другу. Напротивъ-того, онъ крайне-энергически возражалъ, прочитавши въ «Штуттгардтской газетѣ», будто Шеллингъ, изъ своего отечества, вызвалъ въ Іену надежнаго защитника, и черезъ него сообщилъ публикѣ, что и Фихте въ своихъ воззрѣніяхъ далеко ниже его (34). Онъ возражалъ съ полнымъ правомъ и съ совершеннымъ сознаніемъ своей самостоятельности; но нельзя было удивляться и тѣмъ, которымъ подобное отношеніе казалось чѣмъ-то въ родѣ служебнаго рыцарства. Нельзя удивляться, если подобныя сужденія произносились даже по случаю выхода, въ рединѣ 1801 г., сочиненія, которымъ Гегель открылъ свое авторское поприще: «*О различіи системъ философіи Фихте и Шеллинга*» (35).

Въ этомъ сочиненіи, составляющемъ результатъ самостоятельнаго мышленія и выработаннаго убѣжденія, Гегель не даетъ даже намека на то, что уже приготовилъ собственную свою систему. Съ свойственной ему наклонностью къ познанію предметовъ и съ полнымъ, съ самымъ искреннимъ самоотверженіемъ онъ, въ сухихъ выраженіяхъ, признаётъ философію Шеллинга за истинную, за такую, которая, пополняя недостаточность Фихтевой точки зрѣнія, достигла до высочайшаго и единственно-правильнаго воззрѣнія. Ему и въ голову не приходитъ желаніе привязываться теперь къ точкѣ зрѣнія Шеллинга, или присоединить къ ней съ своей стороны какія-нибудь поправки. Въ названномъ нами сочиненіи, можно сказать, Гегель болѣе Шеллингіанецъ, чѣмъ самъ Шеллингъ: послѣдній по-крайней-мѣрѣ предполагаетъ возможность когда-нибудь опять сойтись съ Фихте, въ области философіи, между-тѣмъ-какъ Гегель ясно обнаруживаетъ различіе обѣихъ системъ и раздѣляющую ихъ бездну. По его мнѣнію, философія Шеллинга есть мѣра для сужденія о Фихте. Для него, представленіе истинной философской точки зрѣнія совпадаетъ съ представленіемъ Шеллинговой точки зрѣнія, которую онъ передаетъ собственными словами и собственнымъ тономъ ея творца. Путь, по которому шелъ въ своей философіи Шеллингъ, есть путь, какъ доказываетъ Гегель, которымъ должна-бы итти всякая философія вообще; изъ Шеллинговой системы старается онъ вывести доказательство того, *что̀* вообще должна-бы совершить философская наука. Истинная точка умозрѣнія, — такъ онъ объясняетъ далѣе, — заключается въ абсолютномъ тожествѣ субъективно-объективнаго. Чтобъ провести во всей полнотѣ эту точку зрѣнія, необходимо допустить въ абсолютномъ совмѣстное пребываніе субъекта, или разума, и объекта или природы—въ видѣ субъекта-объекта. Самъ-по-себѣ, каждый изъ нихъ способенъ сдѣлаться предметомъ особенной науки. Но различныя точки зрѣнія этихъ двухъ наукъ: *трансцендентальной* философіи и *философіи природы*, не даютъ повода заключить о ихъ внутреннемъ противурѣчіи, потому-что истинное тожество есть только тѐ, въ которомъ совмѣщаются субъектъ и объектъ. Въ обѣихъ системахъ совершается построеніе одного и того-же начала въ неизмѣнныхъ формахъ его бытія. Въ каждой изъ нихъ должны быть два полюса: полюсъ познанія и полюсъ бытія; поэтому, каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ и свою точку безразличія, только въ одной системѣ преобладаетъ

полюсъ идеальнаго, въ другой — полюсъ реальнаго. Такъ высказался Гегель въ разсмотрѣнномъ нами сочиненіи: «О различіи системъ философіи Фихте и Шеллинга». Самъ Шеллингъ не говорилъ-бы другимъ языкомъ. Дѣйствительно, Гегель своимъ изложеніемъ впервые представилъ въ видѣ полнаго цѣлаго разбросанныя безъ связи и колебавшіяся въ различныхъ направленіяхъ воззрѣнія Шеллинга, — и представилъ ихъ въ стройной и убѣдительно-доступной формѣ для пониманія всякаго. Онъ безъ всякой хитрости и часто совершенно буквально объяснялъ публикѣ философію своего друга, но съ такой ловкостью и съ такимъ успѣхомъ, что переводъ казался гораздо яснѣе, чѣмъ самый оригиналъ. Я не сомнѣваюсь ни мало въ томъ, что самъ творецъ вполнѣ уразумѣлъ настоящее значеніе и важность своихъ воззрѣній впервые изъ отличныхъ объясненій и перевода Гегеля (36).

При такой встрѣчѣ, когда Гегель въ Шеллинговой системѣ призналъ въ сущности лишь свою собственную, между ними естественно должно было возникнуть самое полное согласіе. Ихъ интересы, ихъ философствованіе, ихъ дѣятельность *какъ-бы срослись въ одно безраздѣльное.* Это было, въ настоящемъ смыслѣ слова, товарищеское дѣло, которое они предприняли вмѣстѣ, при чемъ каждый надѣялся получить свою выгоду. Старые друзья заключили между собой союзъ: младшій предложилъ свое имя, а новоприбывшій—огромный капиталъ мыслей и необычайную дѣятельность. Система «тожества», прозванная Гегелемъ «абсолютнымъ идеализмомъ» въ отличіе отъ «субъективнаго идеализма» Фихте, называлась также «нашей» философіей; все дѣло теперь заключалось въ томъ, чтобъ пріобрѣсть сколько можно болѣе обширную массу публики въ ея пользу и вступить, съ надеждой на успѣхъ, въ соперничество съ старѣйшими по времени и со многими только-что основанными системами. Это могло осуществиться съ помощію совокупной профессорской дѣятельности. На каѳедрѣ Шеллингъ производилъ неслыханное впечатлѣніе изяществомъ и величественной торжественностью своихъ лекцій. Гегель также приготовлялся къ этой словесной пропагандѣ. Онъ уже приготовилъ диссертацію *pro licentia docendi.* И въ ней онъ оказался приверженцемъ Шеллинговой философіи. Гегель, для этого сочиненія, взялъ одинъ изъ отдѣловъ философіи природы, онъ хотѣлъ *a priori* въ подробномъ развитіи изложить законы Кеплера *о видѣ планетнаго пути и скорости ихъ движенія.* Но эта попытка не со-

всѣмъ удалась. По-крайней-мѣрѣ, заключительное примѣчаніе въ *Dissertatio de orbitis planetarum*, въ которомъ Гегель выразилъ предположеніе о справедливости мнѣнія Платонова Тимея насчетъ ряда чиселъ и, какъ его слѣдствіе, онъ находилъ поводъ думать, что между четвертымъ и пятымъ мѣстомъ нѣтъ никакой необходимости предполагать еще одну планету,—это примѣчаніе было, къ сожалѣнію, опровергнуто открытіемъ Цереры въ то самое время, какъ Гегель впервые его высказалъ. Какъ-бы то ни было, одно несомнѣнно: даже тезисы, послѣ защищенія которыхъ (27 авг. 1801 г.) онъ получилъ право на званіе доцента, относятся, по-крайней-мѣрѣ отчасти, къ области философіи природы. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Іенѣ, по этому случаю, ходили слухи объ утвержденіи на каѳедрѣ одного изъ послѣдователей Шеллинга; но они вполнѣ оправдались, когда сдѣлались гласными отношенія двухъ друзей. Гегель объявилъ студентамъ о своемъ намѣреніи — открыть на зимній семестръ 1801—1802 г. философскія пренія communiter cum excellentissimo Schellingio.

Однакожь, не только изъ этихъ преній ничего не вышло, потому-что успѣху Гегеля на каѳедрѣ мѣшало отсутствіе плавности рѣчи при изустныхъ объясненіяхъ, но и самъ Шеллингъ гораздо болѣе приготовленъ былъ къ обширной литературной дѣятельности, чѣмъ къ словеснымъ спорамъ. Онъ уже напечаталъ нѣсколько книгъ одну за другой. Теперь онъ открылъ свои знаменитыя *чтенія о методѣ академическихъ занятій*, намѣреваясь издать ихъ впослѣдствіи отдѣльной книгой. Сверхъ-того, онъ уже цѣлый годъ принималъ участіе въ журнальной пропагандѣ, и старался распространять въ-особенности свои философскія понятія изъ области природы. Онъ издалъ два тома «Журнала для умозрительной физики», и, спустя короткое время, напечаталъ продолженіе его подъ названіемъ: «Новый журналъ для умозрительной физики». Дѣйствительно, журнальный путь былъ самый вѣрный для распространенія новаго направленія, которое, въ постоянной готовности къ борьбѣ, должно было просвѣщать непонимающихъ, опровергать противниковъ, поддерживать послѣдователей, и вообще. сколько можно болѣе, заставлять о себѣ говорить. Новая Шеллинго-Гегелева философія имѣла также необходимость въ собственномъ своемъ органѣ, и, послѣ взаимнаго соглашенія между собой, такимъ органомъ, вслѣдствіе совмѣстнаго сотрудничества Шеллинга и Гегеля и подъ ихъ именемъ явился, въ 1802 г., у Котты,

«Критическій философскій журналъ». Онъ служитъ явнымъ доказательствомъ *самаго полнаго единодушія* столько-же въ-отношеніи *занятій наукой*, сколько и въ личныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ мыслителей, которые впослѣдствіи, какъ увидимъ, такъ рѣзко отдѣлились одинъ отъ другаго. Это единодушіе ихъ было самое искреннее, и они старались выказать его передъ публикой при всякомъ удобномъ случаѣ. Издатели старались казаться, въ глазахъ публики, *одним* лицемъ. Подобно тому, какъ Гёте и Шиллеръ издавали свои «Ксеніи» безъ означенія, кому принадлежала та, или другая эпиграмма, возникшая изъ ихъ взаимнаго сотрудничества и образа мыслей; такъ теперь Шеллингъ и Гегель издавали свои Ксеніи безъ подписи имени подъ отдѣльными статьями. Дѣйствительно, это были Ксеніи, нерѣдко превосходившія своимъ желчнымъ и горькимъ тономъ даже поэтическія Ксеніи Гёте и Шиллера, и не менѣе ихъ блестящія по общности своего происхожденія. Онѣ подали поводъ къ самому причудливому спору о правѣ собственности. Здѣсь не мѣсто входить въ критическій разборъ этого спора, возбужденнаго преимущественно статьей, помѣщенной въ третьей книжкѣ перваго тома «Объ отношеніи философіи природы къ философіи вообще». Достаточно сказать, что возможность такого спора служитъ для насъ убѣдительнымъ доказательствомъ искренности духовнаго и личнаго союза двухъ философовъ впродолженіе 1801—1803 гг., и это доказательство нисколько не теряетъ своей силы отъ предположенія, Шеллингъ-ли ошибался, или, какъ несомнѣнно увѣрены, эта ошибочность должна быть отнесена прямо къ ученикамъ Гегеля, которые уже слишкомъ усердно защищпютъ славу своего наставника (37). Есть еще и другое, болѣе утѣшительное доказательство тогдашней дружбы, которая связывала двухъ соотечественниковъ узами науки. Въ это-же время мы видимъ еще двухъ мужей *софилософствующихъ* «ἀνδρων συμφιλοσοφουντων». Рейнгольдъ, предшественникъ Фихте въ Іенѣ, совершилъ странную философскую карьеру, если принять во вниманіе женскую слабость и впечатлительность его характера. Сначала онъ воспитывался въ іезуитской школѣ, потомъ вступилъ въ Барнабитскую школу, и наконецъ тайкомъ оставилъ отечество и орденъ, вслѣдствіе вліянія философіи. Прежде всего онъ присоединился къ Гердерову *Would-be* и къ уличной философіи, ратовавшей противъ Канта; потомъ онъ является, какъ толкователь «Критики чистаго разума» въ своихъ «Письмахъ о Кантовой фи-

лософіи». Онъ успѣлъ составить собственное сочиненіе: «Теорію способности человѣческихъ представленій» съ цѣлью утвердить Кантову философію на болѣе истинныхъ началахъ. Впослѣдствіи онъ былъ увлеченъ величественной силой Фихтева «Ученія о наукѣ»; но, спустя нѣкоторое время, разстался и съ этимъ убѣжденіемъ, и сдружившись съ какимъ-то философствовавшимъ субъектомъ, по имени *Бардили*, до такой степени подчинился его вліянію, что позволилъ себѣ провозвѣстить, въ сообществѣ съ названнымъ Бардили, «послѣдній, или даже самый послѣдній» переворотъ философіи. Къ-сожалѣнію, эта новѣйшая выкройка мнимой системы была не иное что̀, какъ неудачное подражаніе Фихте-Шеллингову идеализму, составленное изъ отрывковъ чужихъ мыслей, и порожденное непониманіемъ, духовной нищетой и мракомъ въ соединеніи съ жаждой оригинальности. Уже въ первомъ своемъ сочиненіи Гегель сильно раскритиковалъ жалкаго Рейнгольда, и нанесенными ему ударами безвозвратно погубилъ его произведеніе; также и Шеллингъ, въ длинномъ примѣчаніи къ предисловію сочиненія своего: «Изложеніе моей системы», подвергнулъ эту (какъ онъ выражался) «Рейнгольдщину» безпощадному разбору. Теперь стояли двое противъ двухъ. «Критическій журналъ философіи» открылъ свои первыя страницы разговоромъ между творцомъ системы «абсолютнаго тожества» и его пріятелемъ. Рейнгольдъ и Бардили служили предметомъ этого разговора, внесшаго собой въ область философской критики «божественную грубость», которую Фридрихъ Шлегель возвелъ въ своей «Луциндѣ» въ апотеозу. Разговоръ былъ написанъ Шеллингомъ, такъ-какъ онъ одинъ владѣлъ изумительной ловкостью въ брани, прикрытой блескомъ щегольской рѣчи и проникнутой тономъ и чувствомъ какой-то аристократической знатности. Этотъ разговоръ, обличавшій «примѣрную глупость этихъ пошлыхъ господъ», и рѣзко осмѣивавшій «тривіальный и отъ тривіальности уже изсохшій мозгъ» Бардили и Рейнгольда, былъ написанъ однимъ Шеллингомъ; но лица, которые вели его между собой, были Шеллингъ и Гегель. Въ-самомъ-дѣлѣ, этотъ разговоръ не выдумка: оба пріятеля находились между собой въ такихъ отношеніяхъ, что могли говорить подобнаго рода вещи. Однородность ихъ интересовъ, согласіе образа мыслей, весь тонъ ихъ философскаго разговора, все это живо рисуется передъ нашими глазами.

Но мы испытываемъ другаго рода впечатлѣніе, разсмотрѣв-

ши содержаніе всѣхъ статей философскаго журнала. Судя о немъ, какъ онъ есть, и принимая во вниманіе даже позднѣйшее развитіе каждаго изъ обоихъ друзей, мы представляемъ себѣ союзъ Гегеля съ Шеллингомъ не иначе, какъ подобнымъ тому, въ которомъ находился Цезарь съ Бибуломъ, или Наполеонъ съ Сіейсомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что три четверти журнала принадлежатъ второму редактору. Дѣйствительно, въ этихъ трехъ четвертыхъ журнала разсѣяны сокровища глубокомысленныхъ объясненій; послѣдняя четверть содержитъ въ себѣ повторенія прежнихъ Шеллинговыхъ понятій, отчасти болѣе или менѣе остроумныя выходки, полемическія схватки щегольской заносчивости и романтически-геніальной брани, — и, конечно, эта часть принадлежитъ первому редактору. Шеллингъ, въ эту пору, посвящалъ всю свою литературную дѣятельность своему «Новому журналу». Онъ избралъ для себя исключительно область философіи природы, предоставивши всѣ остальныя части философіи заботливой дѣятельности своего друга и соотечественника. Это раздѣленіе власти вскорѣ оказалось тѣмъ болѣе пагубнымъ, что и въ сферѣ умозрительной физики онъ началъ терять прежнюю энергію и, въ-особенности, прежнее равновѣсіе между фантазіей и силой мышленія. Его духъ, какъ-бы вспыхнувшій еще разъ отъ встрѣчи съ Гегелемъ, теперь видимо началъ упадать, между-тѣмъ-какъ духъ Гегеля находился въ состояніи постоянно-возраставшей энергіи.

Тѣмъ не менѣе, хотя по сущности труды Гегеля и первоначально уже съ 1802 г. значительно превосходили труды его друга, истина не въ этомъ заключается. Гегель до-сихъ-поръ еще ни въ чемъ не даетъ чувствовать свое первенство. Конечно, фактически, основаніемъ будущему первенству своему онъ положилъ тѣмъ, что̀ до-сихъ-поръ произвелъ; но господствовать онъ началъ только тогда, когда предался серьезному труду; а предавшись ему онъ былъ убѣжденъ, что трудится надъ однимъ и тѣмъ-же дѣломъ съ Шеллингомъ, т.-е.. содѣйствуетъ преуспѣянію задачи, которою занимался Шеллингъ и которая, вмѣстѣ съ его собственной, заключается въ единствѣ философіи и абсолютнаго идеализма. Онъ въ то-же время содѣйствовалъ и цѣлямъ Шеллинга, короче сказать, успѣхамъ философіи и абсолютнаго идеализма.

(*Продолженіе впредь*).

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

Труды коммиссіи, Высочайше учрежденной 10 іюля 1859 г., для устройства земскихъ банковъ. 2 тома. С. Петербургъ, 1860 г.

Въ послѣднее время особенное вниманіе правительства обращено на преобразованіе нашихъ банковыхъ установленій и между многими мѣрами, предпринятыми съ этою цѣлію, мы встрѣчаемъ въ прошломъ 1859 г. два Высочайшія повелѣнія, на основаніи которыхъ, производившіяся изъ государственныхъ кредитныхъ установленій ссуды, подъ залогъ разнаго рода недвижимыхъ имуществъ, были пріостановлены. Первымъ изъ упомянутыхъ нами Высочайшихъ повелѣній, послѣдовавшимъ 16 апрѣля, были прекращены выдачи ссудъ изъ государственнаго заемнаго банка, сохранныхъ казенъ опекунскихъ совѣтовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія подъ залогъ населенныхъ помѣщичьихъ имѣній, а 6-мъ пунктомъ указа правительствующему сенату отъ 1 сентября,—мѣра эта была распространена и на ссуды подъ залогъ всѣхъ прочихъ недвижимыхъ имуществъ. Побужденія, руководившія наше правительство въ изданіи какъ приведенныхъ нами Высочайшихъ повелѣній, такъ и другихъ, клонившихся къ преобразованію государственныхъ кредитныхъ установленій, вызваны были неудовлетворительностію устройства послѣднихъ и вообще несостоятельностію ихъ какъ въ-отношеніи современныхъ хозяйственныхъ и торговыхъ потребностей, такъ и въ зависимости отъ тѣхъ преобразованій, которыя готовятся въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ съ измѣненіемъ вѣковыхъ отношеній, существующихъ между помѣщиками и крестьянами. Ближайшимъ образомъ основанія, которыми руководилось правительство въ принятіи этихъ мѣръ, раскры-

ваются изъ всеподданнѣйшаго доклада г. министра финансовъ, обнародованнаго при упомянутомъ нами Высочайшемъ повелѣніи 1 сентября 1859 г., о государственныхъ пяти-процентныхъ билетахъ, предназначенныхъ для обмѣна на билеты государственныхъ кредитныхъ установленій.

Какъ на коренной недостатокъ нашей банковой системы, г. министръ финансовъ указываетъ въ своемъ докладѣ, между-прочимъ, на несоотвѣтственность между условіями вкладовъ и сроками ссудъ, при чемъ, не смотря на различіе между кратко-срочными ссудами и ссудами, производившимися на долгіе сроки, пріемъ вкладовъ допускался въ тѣхъ и другихъ банковыхъ установленіяхъ на одинаковыхъ основаніяхъ. Принятіе вкладовъ происходило во всѣхъ банкахъ безостановочно, по одному желанію вкладчиковъ, а возвратъ положенныхъ суммъ производился по первому востребованію послѣднихъ во всякое время; ссуды-же раздавались по одному коммерческому банку на короткіе сроки, не далѣе 10 мѣсяцевъ, а по всѣмъ прочимъ банкамъ—на болѣе или менѣе продолжительные, преимущественно на 28 и 33 года, съ постепеннымъ возвратомъ малыми долями (*). Условія такой несоотвѣтственности между пріемомъ вкладовъ и возвратомъ ссудъ, по замѣчанію г. министра финансовъ, стояли въ то-же время въ близкой связи съ другими условіями, въ силу которыхъ наши банки, съ одной стороны, были поставлены въ необходимость увеличивать свои обороты съ положенными въ нихъ вкладами для выручки процентовъ въ пользу вкладчиковъ, а съ другой—были принуждены постоянно имѣть въ запасѣ значительныя наличныя суммы для немедленнаго удовлетворенія тѣхъ-же вкладчиковъ въ-случаѣ внезапнаго требованія ими капиталовъ (**).

Поставленные такимъ образомъ въ невыгодныя для операцій своихъ условія, по самому устройству своему, банки наши, управляясь постоянно независимымъ отъ нихъ приливомъ и отливомъ капиталовъ, къ привлеченію послѣднихъ принуждены бывали прибѣгать иногда къ разнымъ искусственнымъ мѣрамъ. «При первоначальномъ учрежденіи банковыхъ установленій», — читаемъ мы во всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра финансовъ, — «слиш-

(*) См. всеподданнѣйшій докладъ г. министра финансовъ, приложенный при указѣ правительствующему сенату 1 сентября 1859 г., о государственныхъ пяти-процентныхъ банковыхъ билетахъ, предназначенныхъ для обмѣна на билеты государственныхъ кредитныхъ установленій.

(**) Тамъ-же.

комъ за сто лѣтъ передъ симъ, не было особеннаго неудобства отъ принятой системы; народное хозяйство, еще мало развитое, не вызывало ни скораго, ни значительнаго движенія капиталовъ; промышленыя учрежденія возникали рѣдко и въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ; частный кредитъ почти не существовалъ. Посему, съ одной стороны, капиталисты не находили помѣщенія для своихъ сбереженій, а съ другой, заемщики, нуждаясь въ деньгахъ, подвергались тяжкимъ и разорительнымъ требованіямъ. Для тѣхъ и другихъ открытіе банковъ на означенныхъ основаніяхъ было истиннымъ благодѣяніемъ. Широкія условія пріема вкладовъ были необходимы для привлеченія капиталистовъ, не имѣвшихъ еще привычки пускать свои деньги въ оборотъ; для заемщиковъ-же надлежало постановить, сколь возможно, облегчительныя условія относительно возврата ссудъ: въ противномъ случаѣ, цѣль учрежденія банковыхъ установленій не была-бы достигнута» (*).

Въ виду такихъ-то затруднительныхъ условій, лежавшихъ въ основаніи нашихъ банковыхъ установленій, правительство, желая вывести кредитныя операціи ихъ изъ того ложнаго круга, въ которомъ онѣ постоянно вращались, цѣлымъ рядомъ мѣръ, предпринятыхъ въ послѣднее время, приступило къ коренному преобразованію всей нашей банковой системы.

Но если изданіе двухъ приведенныхъ нами Высочайшихъ повелѣній, о пріостановленіи выдачи ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, съ одной стороны, находитъ себѣ объясненіе въ почувствованной правительствомъ необходимости преобразованія банковыхъ установленій, то, съ другой, нельзя не замѣтить, что поземельная наша собственность вмѣстѣ съ этимъ должна было также почувствовать на себѣ всю тягость мѣръ, закрывшихъ для нея пути къ кредиту, съ которымъ она такъ близко сжилась, который пользовался такимъ ея общимъ довѣріемъ, въ чемъ насъ несомнѣнно можетъ убѣдить самая цифра заложенныхъ помѣщичьихъ имѣній въ банковыхъ установленіяхъ, представляющая собою болѣе $^2/_2$ всѣхъ вообще населенныхъ у насъ имѣній (**). Стѣснительныя

(*) Тамъ-же.

(**) См. Труды коммиссіи для устройства земскихъ банковъ. Т. I, приложеніе II. Изъ свѣдѣнія, помѣщеннаго здѣсь о долгахъ, состоящихъ на помѣщичьихъ населенныхъ имѣніяхъ по всѣмъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ, видно, что изъ общаго числа 10,844,902 душъ крѣпост-

кредитныя обстоятельства, возникшія для поземельной собственности вслѣдъ за прекращеніемъ ссудъ изъ государственныхъ банковыхъ установленій, должны при этомъ еще болѣе возрасти при тѣхъ преобразованіяхъ, которыя готовятся въ нашемъ сельскомъ быту, когда съ видоизмѣненіемъ прежнихъ, какъ личныхъ, такъ и поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, съ явленіемъ вольнонаемнаго труда,—землевладѣльцы почувствуютъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, надобность въ наличныхъ капиталахъ:—для найма рабочихъ и на содержаніе ихъ, на пріобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій (мы не говоримъ уже о машинахъ), на покупку рогатаго скота и для другихъ надобностей, безъ которыхъ невозможно преобразованіе хозяйства на новыхъ началахъ. При отсутствіи собственныхъ запасныхъ капиталовъ, при невозможности сдѣлать необходимые займы въ кредитныхъ учрежденіяхъ подъ залогъ недвижимой собственности съ правильно-соразмѣренными за ссуду процентами, землевладѣльцы принуждены были-бы или оставить свои хозяйства впустѣ, или обратиться за займомъ къ частнымъ лицамъ, владѣющимъ капиталами, и, найдя у нихъ деньги лишь за высокіе проценты, терпѣть значительные убытки. Естественно, всѣ эти невыгодныя для поземельной собственности условія, возникшія современно съ закрытіемъ доступа къ кредиту изъ государственныхъ банковыхъ установленій, долженствующія обнаружиться въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ въ недалекомъ отъ насъ будущемъ, не могли остаться незамѣченными нашимъ правительствомъ. «При постепенномъ упраздненіи обязательнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ, сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра финансовъ, встрѣтится надобность въ оборотныхъ капиталахъ и слѣдовательно въ пособіи поземельнаго кредита. Нынѣ болѣе двухъ третей всѣхъ населенныхъ имѣній заложены уже въ государственныхъ банковыхъ установленіяхъ; но, по-мѣрѣ выкупа крестьянскихъ усадебъ и полевыхъ угодій, остальная часть заложенныхъ владѣльческихъ земель будетъ освобождаться отъ залога, и владѣльцы получатъ возможность закладывать ихъ вновь, дабы воспользоваться ссудами, необходимыми для устройства хозяйства на новыхъ началахъ. Наконецъ самый выкупъ крестьянскихъ угодій не можетъ совершиться безъ помощи кредита. Все это указываетъ на необ-

ныхъ людей, состоящихъ по губерніямъ, число душъ въ заложенныхъ имѣніяхъ простирается до 7,107,184.

ходимость образованія земскихъ банковъ, съ достаточными средствами и съ организаціею, приспособленною къ новымъ экономическимъ отношеніямъ» (*).

Въ этихъ видахъ, по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему по всеподданнѣйшему докладу г. министра финансовъ 10 іюля 1859 г., учреждена была «для начертанія проекта устройства земскихъ банковъ въ-замѣнъ нынѣшнихъ государственныхъ кредитныхъ установленій, коммиссія изъ лицъ, спеціально-знакомыхъ съ положеніемъ вопросовъ о поземельномъ кредитѣ, и съ нуждами разныхъ частей Имперіи, въ томъ числѣ изъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, бывшихъ въ столицѣ для крестьянскаго дѣла». Коммиссія, приступивъ къ занятіямъ своимъ 25 августа 1859 г., по окончаніи всѣхъ предстоявшихъ ей работъ, 30 января 1860 года закрыла свои засѣданія, и при этомъ, «имѣя въ виду, съ одной стороны, что для успѣха учрежденія у насъ земскихъ банковъ, на началахъ частнаго кредита, необходимо возможно бо́льшее и повсемѣстное распространеніе свѣдѣній объ этомъ предметѣ, совершенно новомъ у насъ, и съ другой стороны, что степень примѣнимости многихъ предположеній коммиссіи можетъ быть уяснена лишь обсужденіемъ ихъ въ ученой литературѣ», коммиссія признала ближайшимъ средствомъ къ достиженію этихъ цѣлей распубликованіе ея работъ до окончательнаго утвержденія ихъ въ законодательномъ порядкѣ. Г. министръ финансовъ, раздѣляя вполнѣ такое мнѣніе коммиссіи, всеподданнѣйше испрашивалъ на приведеніе онаго въ исполненіе Высочайшее разрѣшеніе, которое и послѣдовало 11 декабря 1859 г. (**).

Изданные коммиссіею «Труды» явились въ 2-хъ томахъ. І-й заключаетъ въ себѣ: *Объяснительную записку*, представляющую обзоръ всѣхъ сужденій коммиссіи и ея предположеній по всѣмъ частямъ предстоявшихъ ей работъ; *Проектъ положенія о земскихъ кредитныхъ обществахъ* или *земскихъ банкахъ* и *Приложенія* къ объяснительной запискѣ и къ проекту положенія. Во II т. собраны переведенные коммиссіею на Русскій языкъ уставы нѣкото-

---

(*) Всеподданнѣйшій докладъ г. министра финансовъ, приложенный при указѣ правительствующему сенату 1 сентября 1859 г., о государственныхъ пяти-процентныхъ банковыхъ билетахъ, предназначенныхъ для обмѣна на билеты государственныхъ кредитныхъ установленій.

(**) См. Труды коммиссіи для устройства земскихъ банковъ. Т. I, Объяснительная записка коммиссіи, стр. VII.

рыхъ ипотечныхъ кредитныхъ учрежденій въ Европѣ, положеніями которыхъ пользовалась коммиссія во время занятій своихъ, какъ-то: уставъ земскаго кредитнаго общества Царства Польскаго 1 (13) іюня 1825 г.; положеніе о производствѣ ссудъ новыми закладными листами земскаго кредитнаго общества 9 (21) апрѣля 1838 г.; положеніе о производствѣ ссудъ изъ кредитнаго земскаго общества закладными листами третьяго выпуска 8 (20) апрѣля 1853 г.; внутренняя организація главнаго и частныхъ правленій земскаго кредитнаго общества Царства Польскаго; инструкція частнымъ и главному правленіямъ земскаго кредитнаго общества Царства Польскаго, дополненія и измѣненія въ существующихъ инструкціяхъ, данныхъ главному и частнымъ правленіямъ; инструкція комитету земскаго кредитнаго общества Царства Польскаго; алфавитный указатель статей основнаго устава 1825 г., дополнительныхъ положеній 1838 и 1853 гг., инструкцій и постановленія о внутренней организаціи земскаго кредитнаго общества Царства Польскаго; уставы Курляндскаго кредитнаго общества; Датскій законъ 20 іюня 1850 г. объ устройствѣ ипотечныхъ кредитныхъ учрежденій; уставъ новаго Познаньскаго кредитнаго общества; уставъ Лифляндскаго крестьянскаго непрерывно-доходнаго банка, и положеніе о рентовыхъ или непрерывно-доходныхъ выкупныхъ банкахъ въ Пруссіи.

Желая познакомить читателей нашихъ съ «Трудами коммиссіи», мы обратимся къ «Объяснительной запискѣ», по содержанію которой ближе всего можно судить объ основаніяхъ, руководившихъ коммиссію въ редакціи проектированнаго ею положенія о земскихъ банкахъ.

Приступая къ своимъ занятіямъ, коммиссія прежде всего должна была уяснить себѣ общія основанія, на которыхъ должны явиться у насъ земскіе банки. Обратившись къ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ другихъ странъ и сравнивая систему ихъ устройства, оказавшую благодѣтельное вліяніе на мѣстное народное хозяйство, съ системою нашихъ государственныхъ банковыхъ установленій, признанною неудовлетворительною, коммиссія пришла къ заключенію, «что коренное ихъ различіе заключается прежде всего въ той государственной банковой монополіи, на которой была построена вся система нашихъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій и которая по необходимости обусловливала все послѣдующее развитіе и исторію нашихъ банковъ», тогда-какъ

земскіе банки другихъ странъ основаны на началахъ частныхъ товариществъ и частнаго кредита. Поэтому коммиссія «признала невозможнымъ приступить къ какимъ-либо существеннымъ преобразованіямъ въ операціяхъ нашихъ кредитныхъ установленій по поземельному кредиту *съ сохраненіемъ имъ характера казенныхъ учрежденій* и положила принять за основаніе и цѣль своихъ предположеній—систему *частныхъ банковъ*». Но, сознавая, что такой крутой переходъ отъ прежней строго-государственной и монопольной системы къ новой, основанной исключительно на частномъ кредитѣ, не можетъ совершиться вдругъ, коммиссія признала необходимымъ допустить «нѣкоторыя *переходныя мѣры* или мѣры содѣйствія со стороны правительства поземельному кредиту». Переходныя эти мѣры, по мнѣнію коммиссіи, должны выразиться въ открытіи при приказахъ общественнаго призрѣнія особыхъ, временныхъ земскихъ кредитныхъ отдѣленій. Остановившись разъ на системѣ частныхъ земскихъ банковъ, коммиссія вмѣстѣ съ тѣмъ признала полезнымъ устранить въ-отношеніи ихъ всякую *непосредственную* гарантію правительства (по платежу процентовъ и возврату капитала или размѣну ихъ кредитныхъ знаковъ), признавая главнымъ условіемъ, способствующимъ развитію операцій земскихъ банковъ, количество свободныхъ капиталовъ, расположенныхъ къ затратѣ въ ихъ кредитные знаки.

Но такъ-какъ свободные капиталы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть привлечены къ этому искусственнымъ образомъ, то помѣщеніе ихъ въ кредитные знаки земскихъ банковъ будетъ зависѣть исключительно отъ внутреннихъ условій обезпеченія ихъ цѣнности (недвижимая собственность, круговое ручательство всѣхъ заемщиковъ), отъ правильности управленія обществъ, выпускающихъ ихъ, и затѣмъ отъ довѣрія, которое они будутъ внушать капиталистамъ. Обезпеченіе-же отвѣтственностію казны обязательствъ земскихъ банковъ въ-отношеніи къ владѣльцамъ кредитныхъ знаковъ, представляя нѣкоторый рискъ для казны, въ то-же время можетъ обратиться отчасти ко вреду самихъ земскихъ банковъ, ослабивъ ту бдительность ихъ внутренняго управленія, которая, по мнѣнію коммиссіи, лучше всего можетъ обезпечить ихъ кредитъ и довѣріе къ нимъ частныхъ лицъ. Въ связи съ устраненіемъ непосредственной гарантіи со стороны правительства, коммиссія отнесла отвѣтственность по всѣмъ операціямъ земскихъ банковъ на ихъ членовъ, равно-какъ назначеніе должностныхъ

лицъ и управленіе дѣлами земскихъ банковъ предоставила самимъ обществамъ, усвоивъ правительству только надзоръ за обезпеченіемъ точнаго соблюденія земскими кредитными обществами уставовъ, безъ вмѣшательства агентовъ надзора въ распоряженія по операціямъ банковъ (*). И такъ-какъ одинъ этотъ надзоръ не можетъ оказаться достаточнымъ, то, по мнѣнію коммиссіи, охраненіе правильности дѣйствій исключительнаго управленія самихъ земскихъ банковъ должно выразиться въ совокупномъ дѣйствіи слѣдующихъ условій:

«1) Въ гласности всѣхъ операцій земскихъ банковъ и въ обязательной для управленія публикаціи свѣдѣній о ихъ дѣйствіяхъ (**).

2) Въ надзорѣ со-стороны членовъ земскаго кредитнаго общества.

3) Въ надзорѣ со-стороны владѣльцевъ закладныхъ листовъ и

4) Въ правительственномъ надзорѣ, который можетъ быть возложенъ на начальниковъ губерній, совокупно съ сословными представителями власти, каковы: предводители дворянства и градскіе головы» (***) (****).

Вслѣдъ за этимъ коммиссія обратилась къ разрѣшенію вопроса: въ какой формѣ частныхъ кредитныхъ учрежденій должны явиться новые земскіе банки, такъ-какъ всѣ ипотечныя кредитныя учрежденія, существующія въ Европѣ, бываютъ или въ формѣ компаніи заемщиковъ (*землевладѣльческія*), или въ формѣ компаніи капиталистовъ (*акціонерныя*). Каждая изъ этихъ формъ соединяетъ въ себѣ исключительныя условія и особенности, дѣйствующія болѣе или менѣе благодѣтельно на поземельную собственность въ государствѣ. Кредитныя учрежденія первой группы представляютъ собою товарищества землевладѣльцевъ, которые соединяются между собою для того, чтобы облегчить для членовъ, принадлежащихъ къ ихъ обществамъ, займы у капиталистовъ, представляя послѣднимъ обезпеченіе, состоящее во взаимномъ круговомъ ручательствѣ всѣхъ членовъ общества; поэтому и называются *компаніями заемщиковъ*.

(*) См. Труды коммиссіи для устройства земскихъ банковъ. Т. I, Проектъ положенія для земскихъ банковъ. Глава IV, срав. ст. 55, 56 и другія.

(**) Тамъ-же срав. ст. 87, 88, 89.

(***) Тамъ-же срав. ст. 90—92.

(****) См. Труды коммиссіи для устройства земскихъ банковъ. Т. I, Объяснительная записка, стр. XXX.

Такія компаніи заемщиковъ или землевладѣльческія производятъ свои ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ не деньгами, а посредствомъ выдачи закладчикамъ (заемщикамъ) кредитныхъ бумагъ (закладныхъ листовъ), которыя обезпечиваются не только специальною ипотекою имѣнія, подъ залогъ котораго выдается ссуда, но вообще совокупностію всѣхъ заложенныхъ имѣній въ кредитномъ обществѣ. Закладные листы, въ бо́льшей части кредитныхъ учрежденій подобнаго рода, выдаются въ руки заемщиковъ, и послѣдніе уже сами, чтобы получить для себя оборотный капиталъ, продаютъ (реализируютъ) выданные имъ листы. Только весьма немногія кредитныя учрежденія этого рода принимаютъ на себя распродажу и выпускъ въ обращеніе закладныхъ листовъ, выдавая изъ своихъ кассъ ссуды заемщикамъ чистыми деньгами. Владѣльцамъ закладныхъ листовъ общество въ извѣстные сроки выплачиваетъ проценты, и посредствомъ фонда, образующагося изъ взносовъ заемщиковъ, выкупаетъ по тиражу находящіеся въ обращеніи закладные листы. *Акціонерные* банки выдаютъ ссуды чистыми деньгами изъ своего складочнаго капитала, или деньгами, пріобрѣтаемыми посредствомъ особыхъ операцій, ими производимыхъ. Къ группѣ землевладѣльческихъ банковъ принадлежатъ: Прусскія земскія кредитныя учрежденія, Виртембергская кредитная коммиссія, Ганноверское учрежденіе поземельнаго кредита, Галиційскій ипотечный банкъ, дворянская кредитная компанія (въ Лейпцигѣ) для наслѣдственныхъ провинцій Саксоніи, сословный ипотечный банкъ въ Лужиціи (Бауценѣ), земская кредитная касса въ Гессенъ-Касселѣ, дворянское кредитное общество въ Мекленбургѣ, кредитныя компаніи въ Даніи, земское кредитное общество въ Царствѣ Польскомъ, дворянскіе банки въ Остзейскихъ губерніяхъ. Къ группѣ акціонерныхъ кредитныхъ учрежденій принадлежатъ: Баварскій ипотечный и учетный банкъ, поземельный кредитъ Франціи, ипотечное отдѣленіе Вѣнскаго національнаго банка, Кобургъ-Готское кредитное общество, Нассаускій банкъ, компанія для ипотечнаго кредита въ Бельгіи (*).

(*) Для желающихъ ближе ознакомиться какъ съ устройствомъ вообще частныхъ кредитныхъ учрежденій, занимающихся по поземельному кредиту, такъ и съ историческимъ развитіемъ подобнаго рода учрежденій въ различныхъ частяхъ Европы, мы можемъ указать на прекрасное сочиненіе г. В Безобразова: «Поземельный кредитъ и современная его организація въ Европѣ». С. Петербургъ, 1860.

Такъ-какъ всѣ особенности, заключающіяся въ каждой изъ этихъ формъ отдѣльно, имѣютъ непосредственное вліяніе на государственные и экономическіе интересы, то коммисія, разсмотрѣвъ внимательно всѣ удобства и неудобства, представляемыя каждою формою частныхъ банковъ отдѣльно, склонилась на сторону выгодъ, представляемыхъ *землевладѣльческими компаніями,* форму которыхъ и приняла себѣ въ основаніе при составленіи проекта положенія для нашихъ земскихъ банковъ. Вмѣстѣ съ этимъ, коммиссія, не желая вообще стѣснять частную предпріимчивость въ дѣлѣ кредита, допустила возможнымъ также учрежденіе земскихъ банковъ въ формѣ акціонерныхъ компаній, или-же наконецъ въ какой-нибудь другой, новой, приспособленной къ мѣстнымъ потребностямъ, формѣ, *безъ присвоенія,* во всякомъ случаѣ, образующимся компаніямъ *исключительныхъ привилегій* и *монополій.* Преимущество, оказанное въ пользу землевладѣльческихъ компаній, основано коммиссіей на слѣдующемъ:

1) «*Гарантіей кредита* и выпускаемыхъ на ссуды кредитныхъ знаковъ служитъ въ землевладѣльческихъ компаніяхъ круговое ручательство всѣхъ членовъ или заемщиковъ и ихъ заложенныхъ имѣній, а въ акціонерныхъ компаніяхъ — основной или складочный капиталъ. Перваго рода гарантія, при строгомъ взаимномъ надзорѣ со стороны членовъ компаніи, обходится для нихъ, т.-е. для заемщиковъ, безъ всякаго матеріальнаго пожертвованія и можетъ быть названа *даровою.* Гарантія втораго рода требуетъ извѣстнаго рода праздныхъ капиталовъ, находящихся въ кассѣ банка внѣ всякихъ коммерческихъ оборотовъ, или, по-крайней-мѣрѣ, затраченныхъ въ самыя благонадежныя цѣнности, и потому приносящихъ самый незначительный процентъ своимъ владѣльцамъ. Не говоря уже о томъ, что круговое ручательство всѣхъ заложенныхъ имѣній превосходитъ, прочностію своего обезпеченія, всякую гарантію посредствомъ капитала, въ чемъ достаточно свидѣтельствуетъ устойчивость курсовъ земскихъ закладныхъ листовъ въ Европѣ, оставившая далеко за собою даже курсы государственныхъ фондовъ, — характеръ гарантіи акціонерныхъ банковъ имѣетъ два особенно невыгодныя послѣдствія для правильнаго развитія ипотечнаго кредита: во-первыхъ, затрата капитала въ чрезвычайно-благонадежныя и маловыгодныя цѣнности, или храненіе его въ кассѣ, въ видѣ чистыхъ денегъ, необходимо должно вынуждать владѣльца капитала, или компанію, искать за такое

убыточное употребленіе капитала, вознагражденія посредствомъ процентовъ по ссудамъ.

Во-вторыхъ, если не существуетъ, вообще въ странѣ, достаточнаго количества свободныхъ капиталовъ, расположенныхъ къ затратѣ на продолжительные сроки въ ипотечныя ссуды, то эти опасенія должны возрасти при акціонерныхъ банкахъ; ибо, кромѣ капиталовъ, затраченныхъ здѣсь собственно по ипотечнымъ ссудамъ на покупку облигацій (точно такъ-же, какъ и въ землевладѣльческихъ банкахъ, выпускающихъ закладные листы), долженъ еще быть собранъ капиталъ для обезпеченія (capital de garantie), т.-е. по подпискѣ на акціи. Чтобы устранить затрудненія въ привлеченіи капиталовъ, акціонерные земскіе банки вынуждены прибѣгать къ разнымъ рискованнымъ кредитнымъ операціямъ, чуждымъ нормальному развитію поземельнаго кредита. Такое направленіе дѣйствительно и было принято Парижскою акціонерною компаніею поземельнаго кредита (Crédit foncier de France), которая для привлеченія капиталовъ и вознагражденія себя за умѣренные ипотечные проценты, должна была постоянно обращаться ко всякимъ кредитнымъ приманкамъ: лоттерейнымъ выигрышамъ, преміямъ и пр., и вошла въ опасный союзъ съ Парижскою биржевою спекуляціею и предпріятіями (Crédit mobilier); между-тѣмъ услуги, оказанныя компаніею собственно Французской поземельной собственности (въ-особенности внутри страны), почти ничтожны, а сосредоточились преимущественно около построекъ и украшеній Парижа. Баварскій ипотечный и учетный банкъ, не смотря на совершенно-исключительную привилегію выпуска циркуляціонныхъ (безпроцентныхъ) банковыхъ билетовъ, имѣющихъ насильственный (узаконенный) курсъ, постоянно жалуется въ своихъ отчетахъ на строгость закона, воспрещающаго ему выпускъ билетовъ внѣ извѣстной пропорціи, и къ основному, и неприкосновенному капиталамъ, и къ ипотечнымъ ссудамъ, и потому не позволяющаго ему дать болѣе обширное развитіе своимъ операціямъ.

Таковы примѣры двухъ важнѣйшихъ акціонерныхъ земскихъ банковъ въ Европѣ.

2) Даже въ случаѣ учрежденія совершенно твердыхъ акціонерныхъ компаній для поземельнаго кредита, внѣ всякихъ чуждыхъ послѣднему банковыхъ операцій и биржевой спекуляціи, — какъ-бы ни было это предположеніе мало вѣроятно,—самая сущность акціонернаго посредничества влечетъ за собою *условія ипо-*

течнаго кредита, гораздо менѣе выгодныя для поземельной собственности, чѣмъ товарищества самихъ землевладѣльцевъ. Послѣднія выдаютъ ссуды своимъ заемщикамъ за тотъ-же самый процентъ, по которому заключаютъ займы (въ закладныхъ листахъ), т.-е. продаютъ кредитъ по той-же самой цѣнѣ, по которой покупаютъ; надбавочные проценты, собираемые съ заемщиковъ, сверхъ процентовъ, уплачиваемыхъ по закладнымъ листамъ, идутъ исключительно на погашеніе ипотечныхъ долговъ и на расходы по управленію, которые сами по себѣ не только не превосходятъ такіе-же расходы въ акціонерныхъ банкахъ, но скорѣе ниже ихъ. Напротивъ, банки послѣдняго рода должны непремѣнно взимать съ своихъ заемщиковъ (кромѣ погашенія и расходовъ по управленію) надбавочный процентъ противъ процента, уплачиваемаго вкладчикомъ (т.-е. по облигаціямъ), для раздачи въ дивидендъ акціонерамъ, иначе для нихъ не было-бы никакого интереса и цѣли въ учрежденіи банка. Что касается до возможности учрежденія такой акціонерной компаніи для поземельнаго кредита, которая-бы хранила одну небольшую часть своего складочнаго капитала, въ видѣ резервнаго фонда, въ кассѣ, а другую раздавала-бы въ ссуду землевладѣльцамъ чистыми деньгами, и которая-бы за тѣмъ довольствовалась умѣренными процентами съ резервнаго капитала и по ссудамъ не выпускала-бы вовсе облигацій, то такая возможность совершенно не мыслима: ибо никакіе учредители акціонерной компаніи не захотятъ довольствоваться столь незначительнымъ процентомъ на свои капиталы, когда они могутъ, съ меньшимъ рискомъ и безъ всякаго труда и хлопотъ, получать на свои капиталы точно такой-же процентъ въ государственныхъ фондахъ или въ иныхъ благонадежныхъ бумагахъ. Вслѣдствіе всего этого, процентъ, по ипотечнымъ ссудамъ изъ акціонерныхъ банковъ, долженъ быть и обыкновенно бываетъ выше, чѣмъ въ землевладѣльческихъ. Дѣйствительно, всѣ существующіе землевладѣльческіе банки успѣли низвести процентъ по ссудамъ до самаго крайняго его размѣра, чего никогда не могли достигнуть акціонерные банки. Вообще, послѣдніе, по самой природѣ своей, должны заботиться преимущественно объ интересахъ капиталистовъ, тогда-какъ первые преслѣдуютъ по-преимуществу интересы заемщиковъ. Потому правительства, въ своихъ попеченіяхъ объ интересахъ землевладѣльцевъ и поземельной собственности, всегда привлекаются къ строгому надзору и контролю надъ акціонерными

ипотечными банками; тогда-какъ по землевладѣльческимъ банкамъ правительственный надзоръ, который вообще весьма неудобенъ, и для развитія частнаго кредита, и для самой казны, оказывается почти вовсе излишнимъ, даже съ точки зрѣнія правительственнаго покровительства землевладѣльческимъ интересамъ.

3) *Оцѣнка закладываемыхъ имуществъ*, наблюденіе за исправностію должниковъ, и самое взысканіе недоимокъ съ имѣній, всюду сопряженныя съ большими трудностями, менѣе доступны для способовъ акціонерныхъ компаній, чѣмъ землевладѣльческихъ, которыя заключаютъ въ себѣ лучшія условія для выполненія подобныхъ обязанностей. Строгость банка въ-отношеніи къ заемщикамъ, для охраненія себя отъ ущербовъ, можетъ обнаруживаться, въ землевладѣльческихъ компаніяхъ, постепенно и исподоволь, а не крупными мѣрами и стѣснительными распоряженіями, къ конмъ бо̀льшею частію вынуждены обращаться акціонерныя компаніи: ибо для послѣднихъ не такъ легко, какъ для первыхъ, безпрерывно слѣдить за производствомъ оцѣнокъ въ имѣніяхъ и за хозяйственнымъ положеніемъ и состоятельностію заемщиковъ. Здѣсь можно указать на уставъ Баварскаго ипотечнаго и учетнаго банка, заключающаго въ себѣ едва вѣроятныя, по своей строгости и стѣснительности, правила относительно неисправныхъ плательщиковъ, между-тѣмъ-какъ всѣ землевладѣльческія компаніи въ Германіи, далеко не вооруженныя такими правами въ-отношеніи къ своимъ должникамъ, производятъ свои операціи съ не мѐньшею благонадежностію; эти послѣднія учрежденія, при безпрерывномъ соприкосновеніи съ своими должниками, членами компаній, и взаимномъ, неослабномъ контролѣ, почти не знаютъ недоимокъ.

4) Чрезвычайно важное преимущество землевладѣльческихъ товариществъ, для всей совокупности народнаго хозяйства, заключается въ томъ, что въ этой формѣ поземельный кредитъ развивается *естественнымъ путемъ*, сообразно внутреннимъ потребностямъ въ кредитѣ самой поземельной собственности и сельскаго хозяйства. Въ той мѣрѣ и въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, въ какихъ дѣлается настоятельною, прежде въ ипотечныхъ займахъ, образуются земледѣльческія кредитныя товарищества; за тѣмъ дальнѣйшее возрастаніе ссудъ болѣе или менѣе согласно съ развитіемъ дѣйствительной потребности въ займахъ. Напротивъ, акціонерныя ипотечныя предпріятія, руководствуясь въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно видами на прибыли акціонеровъ, которыхъ

капиталы не должны оставаться праздными, могутъ производить *искусственное возбужденіе* къ ипотечнымъ займамъ и къ необдуманнымъ оборотамъ со стороны землевладѣльцевъ. Такого рода неблагопріятныя обстоятельства, безъ сомнѣнія, могутъ сопровождать всякое банковое учрежденіе, и правительство не можетъ оберечь отъ нихъ частное хозяйство, для котораго лучшею охраною служатъ его собственные интересы. Но это обстоятельство точно такъ-же, какъ и всѣ предыдущія соображенія, изложены здѣсь, дабы главнѣйшія особенности той или другой организаціи земскихъ банковъ были въ виду не только правительственныхъ лицъ, но и самихъ учредителей земскихъ банковъ и лицъ, затронутыхъ въ своихъ промышленыхъ интересахъ вопросомъ объ устройствѣ поземельнаго кредита.

5) Какъ уже упомянуто выше, гарантія кредита не можетъ дешево обойтись для акціонернаго земскаго банка, потому-что онъ принужденъ имѣть у себя въ кассѣ, безъ оборота, капиталъ обезпеченія, или передать его, въ видѣ залога, въ руки правительства. Расходы на такую гарантію банкъ вынужденъ вымѣстить для себя или на счетъ своихъ заемщиковъ, или, еслибы выдача ссудъ за высокій процентъ была совершенно не возможна, то вознаградить себя посредствомъ какихъ-либо *привилегій*, выпрошенныхъ у правительства, за согласіе брать умѣренный процентъ по своимъ ссудамъ; или-же наконецъ такой банкъ бываетъ вынужденъ искать пріобрѣтенія гарантіи своимъ кредитнымъ знакамъ, со стороны правительства. Вслѣдствіе всего этого, вопросъ о разрѣшеніи земскихъ банковъ въ формѣ акціонерной тѣсно связанъ съ вопросомъ: о предоставленіи въ пользу земскихъ банковъ, *правительственныхъ привилегій*, и о пользѣ или необходимости такихъ привилегій. Вопросъ этотъ можетъ сдѣлаться болѣе настоятельнымъ, когда та или другая форма земскихъ банковъ является одинаково новою для страны, когда, вслѣдствіе младенчества вообще частныхъ кредитныхъ учрежденій въ странѣ, еще не извѣстно, какая изъ двухъ формъ найдетъ болѣе благопріятныхъ для своего развитія условій, и когда наконецъ правительство должно (или-же вообще, вслѣдствіе какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ, расположено) оказать свое содѣйствіе первымъ попыткамъ образованія частныхъ земскихъ банковъ. Возникновеніе, подъ какимъ-либо покровительствомъ правительства, акціонерныхъ земскихъ банковъ, — которые не имѣли-бы достаточно спо-

собовъ дать собственными силами прочную гарантію своимъ кредитнымъ обязательствамъ, и которые, между-тѣмъ, затруднили-бы, на самыхъ первыхъ парахъ, возникновеніе землевладѣльческихъ товариществъ,—могли-бы впослѣдствіи вовлечь правительство въ поддержку такихъ акціонерныхъ банковъ силою исключительныхъ привилегій или правительственной гарантіи, и поземельный кредитъ могъ бы надолго остаться на этомъ опасномъ пути искусственнаго развитія. Примѣромъ этому можетъ служить исторія Французскаго поземельнаго кредита.

6) Наконецъ, выходя собственно изъ области народнаго хозяйства и кредита, нельзя не остановиться на одной особенности землевладѣльческихъ кредитныхъ товариществъ, которой нѣтъ у акціонерныхъ компаній, и которая соприкасается съ важными государственными интересами. Землевладѣльческіе банки, содѣйствуя развитію духа предпріимчивости между землевладѣльцами и побуждая ихъ къ самодѣятельности и попеченію о собственныхъ своихъ интересахъ, могутъ служить весьма полезною школою для общественной дѣятельности землевладѣльческаго класса. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой средѣ духъ товарищества столько-же благотворенъ для успѣховъ сельскаго хозяйства и народнаго благосостоянія, какъ пагубна для нихъ разрозненность интересовъ землевладѣльческаго класса и недвижимой собственности (*).

Уяснивъ себѣ, такимъ образомъ, главныя основанія для проектируемыхъ земскихъ банковъ, и прійдя къ заключенію, что устроенные *по системѣ частныхъ, совершенно самостоятельныхъ, въ формѣ товариществъ землевладѣльцевъ*,—наши земскіе банки ближе всего будутъ удовлетворять насущнымъ потребностямъ по поземельному кредиту, коммиссія перешла къ вопросамъ: 1) На какихъ пространствахъ земскіе банки будутъ дѣйствовать и въ какой взаимной связи и зависимости будутъ находиться между собою? и 2) Какого рода недвижимыя имущества будутъ приниматься въ нихъ подъ залогъ и при соблюденіи какихъ условій?

Обращаясь къ земскимъ кредитнымъ обществамъ, дѣйствующимъ у насъ: въ Остзейскихъ губерніяхъ и Царствѣ Польскомъ, а также къ обществамъ различныхъ Германскихъ государствъ,—мы ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣчаемъ централизаціи земскаго

(*) См. Труды коммиссіи для устройства земскихъ банковъ. Т. I. Объясн. записка, стр. XVI—XXIII.

кредита, т.-е. не встрѣчаемъ нигдѣ одного главнаго, центральнаго банка, въ-отношеніи къ которому всѣ-бы прочіе банки представляли только конторы или отдѣленія его; напротивъ, вездѣ въ названныхъ нами мѣстахъ, мы находимъ много *мѣстныхъ* земскихъ банковъ, независимо другъ отъ друга дѣйствующихъ.

Одна Франція представляетъ намъ въ этомъ случаѣ исключенія, хотя должно замѣтить, что и тутъ также первая мысль законодательства была въ пользу образованія многихъ независимыхъ земскихъ банковъ; но мысль эта, при вліяніи политическихъ событій и биржевыхъ спекуляцій, была извращена, и въ 1852 г. весь поземельный кредитъ Франціи перешелъ въ исключительную монополію Французской компаніи, принявшей названіе Crédit foncier de France.

Разсматривая выгоды, представляемыя системою учрежденія многихъ мѣстныхъ, независимо дѣйствующихъ земскихъ банковъ и одного главнаго, центральнаго, съ подчиненіемъ ему другихъ мѣстныхъ земскихъ банковъ,—мы найдемъ на сторонѣ послѣдняго только немногія преимущества, главнѣйшимъ образомъ выражающіяся въ нѣкоторыхъ удобствахъ, представляемыхъ имъ относительно легкости обращенія кредитныхъ его бумагъ, и того вліянія, которое онъ можетъ имѣть на биржевой успѣхъ послѣднихъ. Эти немногія выгоды, не говоря уже о томъ, что онѣ не представляютъ въ себѣ ничего прочнаго для правильнаго развитія поземельнаго кредита, не могутъ ни въ какомъ случаѣ выкупаться тѣми невыгодными послѣдствіями, которыя соединяются постоянно съ учрежденіемъ одного главнаго центральнаго банка,—съ одной стороны, неизбѣжное развитіе биржевыхъ спекуляцій и съ другой, въ случаѣ упадка курса кредитныхъ бумагъ главнаго центряльнаго банка, — парализація поземельнаго кредита во всей странѣ. Мѣстные-же земскіе банки, не соединяя въ себѣ вышеуказанныхъ нами невыгодъ, въ то-же время представляютъ между прочими удобствами, также исключительныя, болѣе выгодныя условія для оцѣнки и наблюденія за заложенными въ нихъ недвижимыми имуществами. Поэтому, въ разрѣшеніе перваго изъ приведенныхъ нами выше вопросовъ, коммиссія признала полезнымъ допустить у насъ учрежденіе многихъ мѣстныхъ, независимо другъ отъ друга дѣйствующихъ земскихъ банковъ. Въ связи съ этимъ, принимая во вниманіе, что въ извѣстной мѣстности можетъ явиться потребность въ залогѣ городскихъ и сельскихъ недвижи-

мыхъ имуществъ, коммиссія допустила возможнымъ учрежденіе въ одной мѣстности нѣсколькихъ земскихъ банковъ, не стѣсняясь даже тѣмъ, еслибы кредитныя ихъ операціи принадлежали къ одной категоріи имуществъ, тѣмъ более, что послѣднее обстоятельство, естественно, можетъ представлять одни только выгодныя условія конкурренціи.

Пространство-же дѣйствій каждаго земскаго банка, опредѣляемое мѣстностію, его извѣстный *географическій районъ*, по мнѣнію коммиссіи, необходимо должно быть опредѣляемо для каждаго банка отдѣльно, при представленіи на утвержденіе проекта устава, — на основаніи административныхъ дѣленій государства или по другимъ соображеніямъ.

Обращаюсь наконецъ къ послѣднему вопросу, указанному нами выше: какого рода недвижимыя имущества будутъ приниматься земскими банками подъ залогъ и при соблюденіи какихъ условій, коммиссія какъ выборъ недвижимыхъ имуществъ, такъ и самую оцѣнку ихъ поставила въ ближайшую зависимость отъ самихъ обществъ, признавъ обязательными условіями только, чтобы недвижимыя имущества, принимаемыя земскими банками подъ залогъ, имѣли «*постоянную цѣну* и приносили владѣльцу своему *постоянный доходъ*». Что-же касается до нормы оцѣночныхъ правилъ, то коммиссія ее не установила, признавая, что условія оцѣнки зависятъ вообще отъ разныхъ мѣстныхъ условій и опредѣленіе ихъ ближе всего можетъ зависѣть отъ соображеній учредителей кредитныхъ обществъ.

Поэтому въ проектѣ положенія мы находимъ только указанныя коммиссіею общія основанія, которыми должны руководиться учредители земскихъ кредитныхъ обществъ.

Независимо отъ сельскихъ недвижимыхъ имуществъ, помѣщичьихъ населенныхъ имѣній и земель, коммиссія признала полезнымъ допустить къ залогу въ земскихъ банкахъ еще слѣдующіе роды недвижимыхъ имуществъ: 1) дома, ограничивъ ихъ только городскими; 2) имущества казенныхъ и общественныхъ учрежденій, сословій и вообще юридическихъ лицъ, но не иначе, какъ только въ тѣхъ случаяхъ и подъ такія имущества, когда послѣднія могутъ подлежать условіямъ оцѣнки, заклада и взысканія съ нихъ долговъ, наравнѣ съ имуществами частныхъ лицъ; 3) во всѣхъ кредитныхъ операціяхъ земскихъ банковъ съ казною, должно быть совершенное равенство правъ и обязанностей въ-отношеніи

къ банкамъ, между казною и частными лицами, дабы, съ одной стороны, казенныя мѣста и учрежденія не были посредствомъ какихъ-либо льготъ вовлекаемы въ опасные для казеннаго интереса обороты, и, съ другой, чтобы самые банки не потерпѣли черезъ то потрясеній въ своихъ дѣлахъ (*).

Изъ числа названныхъ нами недвижимыхъ имуществъ, допускаемыхъ къ залогу въ земскихъ банкахъ, главную массу должны составить помѣщичьи населенныя имѣнія. До предположенныхъ правительствомъ реформъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, населенныя помѣщичьи имѣнія принимались къ залогу въ государственныя кредитныя установленія въ общей массѣ земель, состоявшихъ при имѣніи, въ совокупности съ крестьянами, находившимися во владѣніи помѣщика и поселенными на тѣхъ земляхъ. Самое опредѣленіе количества ссудъ, выдававшихся подъ залогъ, исчислялось по количеству душъ, состоявшихъ въ имѣніи. Всѣ губерніи наши были раздѣлены на 3 класса, и для губерній 1-го класса высшій размѣръ ссудъ на душу, съ землею не менѣе 5-ти десятинъ, производился по 80 р. с., для губерній 2-го класса, на душу, съ землею не менѣе 6 десятинъ, — по 70 р. с. и для губерній 3-го класса выдавалось въ ссуду на душу, съ землею не менѣе 7 десятинъ, по 60 р. с. Съ предпринимаемыми-же реформами, съ измѣненіемъ отношеній какъ личныхъ, такъ и поземельныхъ, между помѣщиками и крестьянами, — естественно и прежнія условія залога должны будутъ измѣниться. Въ Высочайшихъ рескриптахъ, послѣдовавшихъ на имя начальниковъ губерній, указано, между прочимъ, слѣдующее главное основаніе для улучшенія быта крестьянъ: «Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ-теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ-того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику (**). Согласно выше приведенному рескрипту, въ

(*) См. Труды коммиссіи для устройства земскихъ банковъ. Т. I. Объясн. записка. Стр. XXXVIII.

(**) Тамъ-же стр. XL.

нашихъ помѣщичьихъ населенныхъ имѣніяхъ должны явиться два разряда земель: одинъ будутъ составлять крестьянскія усадьбы и земельные участки, поступившие въ надѣлъ къ крестьянамъ съ обязанностію отбывать за это въ пользу помѣщика или денежную повинность (оброкъ), или натуральную (барщину); самые-же крестьяне, до полнаго ими выкупа земель, должны будутъ оставаться къ помѣщикамъ въ отношеніяхъ *срочно-обязанныхъ*; другой разрядъ земель составятъ земли, оставшіяся за выдѣломъ, собственно въ пользу помѣщика — господскія усадебныя земли и господскія и фольварочныя земли и угодья.

Хотя помѣщики, до полнаго выкупа крестьянами выдѣленной имъ земли, будутъ сохранять права полной собственности на весь вообще составъ земель, находящихся при имѣніи, но, естественно, — фактически для помѣщика полную цѣнность будетъ имѣть только та часть его земель, которая останется у него за выдѣломъ крестьянамъ, и въ случаѣ, напримѣръ, залога,—степень цѣнности той части земли, которая выдѣлена будетъ крестьянамъ, — должна будетъ измѣряться не собственною цѣнностію и доходностію, а цѣнностію, опредѣляемою денежными или натуральными повинностями, отбываемыми срочно-обязанными крестьянами въ пользу помѣщика.

Поэтому коммиссія, обращаясь къ вопросу: на какихъ условіяхъ должны будутъ поступать подъ залогъ въ земскіе банки помѣщичьи имѣнія, включая въ общую сложность земель и земли, имѣющія поступить къ крестьянамъ, должна была разсмотрѣть: будетъ-ли дозволено или запрещено земскимъ банкамъ принимать въ цѣнность залоговъ по ссудамъ, повинности, отбываемыя въ пользу помѣщика *срочно-обязанными* крестьянами.

Для разъясненія обстоятельствъ послѣдняго вопроса, коммиссія обратилась къ уставамъ нѣкоторыхъ Германскихъ земскихъ банковъ, которые руководствуются исключительными правилами относительно ссудъ подъ имѣнія, связанныя съ правомъ на разныя крестьянскія повинности, и изъ разсмотрѣнія ихъ вывела слѣдующія заключенія:

1) Германскіе банки различаютъ повинности регулированныя и не регулированныя правительствомъ и, кромѣ-того, въ первой категоріи различаютъ повинности, подлежащія выкупу (т.-е. такія, по коимъ выкупъ обязателенъ для одной изъ сторонъ по требованію другой), и не подлежащія выкупу (т.-е. такія, которыя вы-

купаются только по полюбовному соглашенію, безъ всякаго участія выкупныхъ учрежденій или правительства). Допущеніе банками къ залогу имѣній совокупно съ повинностями, количество выдаваемыхъ подъ такое имѣніе ссудъ, зависитъ оттого, къ какой категоріи принадлежатъ повинности, и потому условія оцѣнки повинностей различны для каждой категоріи.

2) Не регулированныя повинности, въ-особенности натуральныя, почти повсемѣстно вовсе не принимаются при оцѣнкѣ въ счетъ дохода по закладываемому имѣнію. Регулированныя повинности, въ-особенности подлежащія выкупу, нѣкоторыми банками также не принимаются въ оцѣнку, другими принимаются, но съ пониженіемъ представляемаго ими капитала на весьма значительную долю (отъ 25% до 50%) или съ отказомъ, со стороны помѣщика, въ пользу банка, права на полученіе выкупной суммы (какъ въ Померанскомъ банкѣ), когда повинности подлежатъ выкупу.

3) Что касается до земель (крестьянскихъ), обложенныхъ повинностями, то онѣ бо̀льшею частію не принимаются въ залогъ, и если повинности выкупныя, то безусловно не принимаются, если-же не выкупныя, то земли принимаются въ залогъ съ нѣкоторыми ограниченіями, какъ въ иныхъ банкахъ. Наконецъ должно замѣтить, что въ Германіи (кромѣ Мекленбургскихъ владѣній), крестьянскія земли вовсе не считались составными и неотъемлемыми частями всего помѣщичьего имѣнія, а таковыми признаются лишь права помѣщиковъ на повинности, коими обложены крестьянскія земли.

Въ дополненіе ко всему неизлишне привести постановленія Прусскаго законодательства относительно правъ третьихъ лицъ, въ томъ числѣ ипотечныхъ кредиторовъ дворянскаго имѣнія, при выкупѣ повинностей, принадлежащихъ къ доходамъ этого имѣнія (См. законъ о выкупѣ земельныхъ повинностей и регулированіи отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, 2 марта 1850 г.). (Законъ объ учрежденіи рентовыхъ (выкупныхъ) банковъ, 2 марта 1850 г.).

1) *Лицо, обязанное повинностію,—крестьянинъ*, принявъ на себя платежъ выкупной ренты (оброка) въ пользу выкупнаго банка, освобождается отъ всякой отвѣтственности, по всякому договору, который могъ быть заключенъ *лицомъ, имѣющимъ право на повинность*, т.-е. *помѣщикомъ* съ третьими лицами, относительно

этихъ повинностей, какъ напримѣръ, обезпеченіе этою повинностію кредитнато обязательства помѣщика.

2) Земскія кредитныя учрежденія не имѣютъ права, вслѣдствіе произведеннаго выкупными банками выкупа повинностей, по какому-либо имѣнію, требовать возврата капиталовъ по своимъ закладнымъ листамъ или ссудамъ, выданнымъ ими подъ то имѣніе. Но кредитныя учрежденія имѣютъ полное право требовать передачи имъ такого количества рентовыхъ листовъ (Rentenbriefe, выкупные листы, или облигаціи, выдаваемыя выкупными банками помѣщикамъ), изъ числа листовъ, слѣдующихъ помѣщику за выкупъ, на какое уменьшилось обезпеченіе ссуды, выданной ими подъ то имѣніе. Эти рентовые, выкупные листы сохраняются въ кассѣ земскаго кредитнаго общества до-тѣхъ-поръ, пока приходитъ очередь выкупа или размѣна ихъ на деньги выкупнымъ банкомъ.

Тогда земское кредитное учрежденіе обязано, получаемую отъ выкупа рентовыхъ листовъ, сумму употребить на выкупъ соотвѣтствующаго количества закладныхъ листовъ въ счетъ погашенія долга, лежащаго на томъ имѣніи. До-тѣхъ-поръ, оно получаетъ проценты изъ выкупнаго банка и зачитываетъ ихъ своему должнику.

Сверхъ этого, помѣщики выкупившихся крестьянъ не обязаны никакимъ вознагражденіемъ въ пользу ипотечныхъ банковъ и вообще всѣхъ кредиторовъ по имѣнію.

3) Какъ только крестьяне начали платить выкупную ренту, такъ всѣ ихъ обязанности, въ-отношеніи къ помѣщику и его кредиторамъ, прекращаются. До учрежденія выкупныхъ банковъ въ Пруссіи, этого правила не было; крестьяне оставались отвѣтственными предъ помѣщикомъ и его кредиторами, до окончательной уплаты всей выкупной суммы (*).

Обращаясь къ повинностямъ, которыя должны будутъ отбывать наши будущіе *срочно-обязанные* крестьяне, мы найдемъ также, что однѣ изъ нихъ представляютъ болѣе прочный элементъ для цѣнности имѣнія, какъ денежная и регулированная повинность (оброкъ), а другія менѣе надежный, какъ натуральная повинность (барщину). Поэтому коммиссія признала: 1) что при

(*) См. Труды коммиссіи для устройства земскихъ банковъ. Т. I. Объяснительная записка. Стр. XLVI—XLVIII.

залогѣ въ земскихъ банкахъ имѣній, населенныхъ срочно-обязанными крестьянами, можетъ быть принимаемъ въ счетъ общей цѣнности залога регулированный оброкъ крестьянъ съ извѣстными ограниченіями. 2) Что барщинская повинность не должна быть при этомъ принимаема въ цѣнность залога (*).

Въ связи съ общимъ вопросомъ объ имуществахъ, допускаемыхъ къ залогу въ земскихъ банкахъ, находится вопросъ о помѣщичьихъ населенныхъ имѣніяхъ, заложенныхъ уже въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ и не очиствишихъ еще своихъ обязательствъ въ-отношеніи къ послѣднимъ. Коммиссія, коснувшись его, но окончательно не разрѣшивъ, высказала отъ себя два направленія, которыя онъ можетъ принять въ случаѣ допущенія перезалога въ земскихъ банкахъ имѣній, уже заложенныхъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ:

«1) Посредствомъ выдачи ссудъ новыми банками, съ причисленіемъ новыхъ ссудъ ко второму разряду долговъ на заложенныхъ имѣніяхъ, подаѣ ссудъ изъ старыхъ банковъ, которые-бы пользовались преимуществомъ взысканія» и

«2) Перезалогъ могъ-бы также производиться съ обязательнымъ условіемъ для заемщиковъ очищенія долговъ предъ старыми кредитными установленіями».

Въ первомъ случаѣ, естественно, земскіе банки по долговымъ взысканіямъ были-бы поставлены въ совершенную зависимость отъ казны, такъ-какъ они пользовались-бы преимуществомъ взысканія. Во второмъ случаѣ, по мнѣнію коммиссіи, *обязательное* очищеніе долговъ предъ старыми банками могло-бы совершаться двумя способами: 1) выдачею старымъ кредитнымъ учрежденіямъ изъ новыхъ, кредитныхъ знаковъ на всю сумму, состоящихъ на перезакладываемыхъ имуществахъ, въ пользу первыхъ, долговъ и 2) переводомъ долговъ по счетамъ, безъ выдачи старымъ кредитнымъ учрежденіямъ кредитныхъ знаковъ. Такъ-какъ за ссудами въ новые земскіе банки, по всѣмъ вѣроятіямъ, главнѣйшія требованія должны будутъ послѣдовать со стороны помѣщичьихъ имѣній, уже заложенныхъ въ прежнихъ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, то при допущеніи перезалога на условіяхъ *обязательнаго* очищенія долговъ предъ старыми банками,

(*) См. тамъ-же, стр. LV. Ср. Проектъ положенія для земскихъ банковъ. Глава II, ст. 23.

естественно послѣдніе весьма скоро должны будутъ сдѣлаться главными кредиторами новыхъ земскихъ банковъ, потому-что въ нихъ сосредоточится главная масса кредитныхъ бумагъ новыхъ земскихъ кредитныхъ обществъ.

Обозрѣвъ общія основанія, принятыя коммиссіею для устройства земскихъ банковъ, намъ остается еще указать на тѣ формы, которыя коммиссія усвоила для земскихъ кредитныхъ отдѣленій, при приказахъ общественнаго призрѣнія, которыя, по мнѣнію ея, должны служить *переходными мѣрами* отъ прежней системы нашихъ государственныхъ банковыхъ установленій къ системѣ частныхъ банковъ.

При всемъ глубокомъ убѣжденіи коммиссіи, что одни лишь земскіе банки, устроенные на началахъ, проектированныхъ ею, могутъ вполнѣ удовлетворить всѣмъ насущнымъ потребностямъ нашей поземельной собственности въ кредитѣ, коммиссія въ то-же время не могла не признать, что возникновенію и дальнѣйшему развитію у насъ земскихъ банковъ отчасти могутъ препятствовать слѣдующія обстоятельства:

Съ одной стороны, недостатокъ предпріимчивости и товарищества между нашими землевладѣльцами и недостатокъ довѣрія, который новыя кредитныя бумаги (закладные листы) легко могутъ встрѣтить въ капиталахъ, расположенныхъ для затраты въ нихъ, а съ другой — отсутствіе нѣкоторыхъ условій, которыя вообще обезпечиваютъ правильное развитіе кредита въ каждой странѣ,— отсутствіе у насъ въ настоящее время ипотечныхъ книгъ для недвижимыхъ имуществъ, неудовлетворительность порядка взысканія долговъ по безспорнымъ дѣламъ вообще и по закладнымъ обязательствамъ въ-особенности и недостатокъ учетныхъ средствъ.

Исправленіе недостатковъ послѣдняго рода, относящихся исключительно къ области законодательныхъ формъ, не могло входить въ кругъ обязанностей, принятыхъ на себя коммиссіею по устройству земскихъ банковъ, тѣмъ болѣе, что правительствомъ нашимъ приняты уже къ тому съ своей стороны надлежащія мѣры. Такъ, составленный II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, проектъ положенія для ипотечной системы, разсматривается уже въ государственномъ совѣтѣ; съ предпринятыми-же преобразованіями коммерческаго банка, вопросъ объ увеличеніи учетныхъ средствъ, которыя отчасти также могли-бы облегчать ссуды подъ залогъ кредитныхъ

знаковъ, будущихъ земскихъ банковъ, также можетъ быть разрѣшенъ при окончательномъ устройствѣ коммерческаго банка и его конторъ.

Поэтому коммиссія предположила себѣ устройствомъ, которое она дала земскимъ кредитнымъ отдѣленіямъ при приказахъ общественнаго призрѣнія, удалить изъ числа приведенныхъ нами выше неблагопріятныхъ условій, которыя могутъ затруднять явленіе у насъ земскихъ банковъ, одни только тѣ условія, которыя могутъ явиться со-стороны собственно нашего общества. Въ зависимости отъ этого, для возбужденія, съ одной стороны, духа предпріимчивости между нашими землевладѣльцами, коммиссія предположила сгрупировать открытіе земскихъ кредитныхъ отдѣленій при приказахъ общественнаго призрѣнія; послѣднія, какъ учрежденія старыя уже, къ которымъ общество наше привыкло, могутъ служить на первое время центромъ сближенія для нашихъ землевладѣльцевъ; съ другой-же стороны, чтобы обезпечить, также на первое время, успѣшный курсъ кредитныхъ бумагъ земскихъ банковъ и расположить въ пользу ихъ затрату капиталовъ, коммиссія предположила усвоить закладнымъ листамъ проектированныхъ ею земскихъ кредитныхъ отдѣленій при приказахъ общественнаго призрѣнія—нѣкоторую гарантію со-стороны казны.

Въ общихъ чертахъ, по характеру устройства своего, земскія кредитныя отдѣленія при приказахъ общественнаго призрѣнія примѣняются къ общему характеру проектированныхъ коммиссіею земскихъ банковъ, съ допущеніемъ во внутреннемъ устройствѣ ихъ, слѣдующихъ, между прочимъ, особенностей:

1) Для открытія земскихъ кредитныхъ отдѣленій землевладѣльцы должны подписать требованій на ссуды не менѣе 300,000 р. сер., обезпеченныхъ надлежащими залогами, къ которымъ принадлежатъ всѣ недвижимыя имущества, принимавшіяся къ залогу въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ; въ нихъ допускаются также къ перезалогу имѣнія, не очистившія еще своихъ долговыхъ обязательствъ въ-отношеніи прежнихъ государственныхъ кредитныхъ установленій. Выдача новыхъ ссудъ можетъ возобновляться не иначе, какъ при требованіи, простирающемся каждый разъ по всей губерніи не менѣе, какъ на сумму до 50,000 р. сер. (*).

(*) См. Труды коммиссіи для устройства земскихъ банковъ, т. I., проектъ основаній для открытія при приказахъ общественнаго призрѣнія временныхъ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, статьи 4, 5, 11.

2) Размѣръ ссудъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ превышать размѣра ссудъ, выдававшихся подъ имѣнія въ прежнихъ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ. Правительство, посредствомъ ближайшаго наблюденія за операціями отдѣленія, обезпечиваетъ исправность операцій земскихъ кредитныхъ отдѣленій; въ-случаѣ неисправности послѣднихъ въ исполненіи принятыхъ ими обязательствъ, принимаетъ въ свое непосредственное завѣдываніе всѣ дѣла отдѣленія, съ устраненіемъ должностныхъ лицъ, избранныхъ заемщиками, и затѣмъ, по собственному своему распоряженію, производитъ взысканія долговъ и прекращаетъ выдачу новыхъ ссудъ (*).

3) Непремѣнный членъ приказа общественнаго призрѣнія состоитъ членомъ земскаго кредитнаго отдѣленія отъ правительства съ участіемъ въ управленіи по всѣмъ операціямъ отдѣленія (**).

4) Земское кредитное отдѣленіе, по желанію заемщиковъ всегда можетъ быть обращено въ земское кредитное общество и *обязательно* оно обращается въ таковое, когда общая сумма выданныхъ ссудъ простирается до 1 м. р. сер. (***).

Составленный коммиссіею на изложенныхъ нами началахъ проектъ положенія для земскихъ банковъ раздѣляется на шесть главъ: 1) общія основанія; 2) ссуды; 3) закладные листы, права и обязанности, съ ними связанныя, ихъ обозначеніе, выпускъ и обращеніе; 4) внутреннее управленіе земскихъ кредитныхъ обществъ и надзоръ за ними со-стороны правительства; 5) мѣры къ охраненію залоговъ отъ ущербовъ и ко взысканію съ нихъ долговъ, и 6) оцѣнка закладываемыхъ имуществъ. На самый проектъ положенія, во всей его цѣлости, отъ первой до послѣдней статьи, мы не должны смотрѣть со-стороны составленія коммиссіею проекта *обязательнаго* закона по устройству земскихъ банковъ, потому-что многія изъ его статей, по собственному замѣчанію коммиссіи, которое читаемъ въ примѣчаніи 4-мъ къ ст. 1, «Положенія» представляютъ собою лишь нормальныя правила, на которыхъ разрѣшается учрежденіе земскихъ банковъ и которыя подлежатъ весьма разнообразному примѣненію и развитію въ частныхъ уставахъ земскихъ

(*) См. тамъ-же статьи: 10, 6, 9.
(**) См. тамъ-же статью 8.
(***) См. тамъ-же статьи: 15 и 16.

кредитныхъ обществъ. Изложивъ общія начала, внесенныя коммиссіею въ составленный ею «Проектъ положенія для земскихъ банковъ», мы заключимъ наше обозрѣніе «Трудовъ» коммиссіи нѣсколькими общими замѣтками; замѣтки сіи сдѣлаемъ, не входя въ подробный разборъ отдѣльныхъ частей «проекта положенія», оцѣнка которыхъ требуетъ особаго спеціальнаго изученія. Раздѣляя убѣжденія коммиссіи, что кредитныя учрежденія, основанныя на началахъ системы частныхъ банковъ и въ тѣхъ формахъ, которыя усвоены имъ коммиссіею, представляютъ, можетъ быть, самую совершенную форму, въ которой могутъ явиться частныя кредитныя общества, мы не можемъ, отчасти, не допустить нѣкоторой возможности вѣроятія, что проектированные коммиссію земскіе банки встрѣтятъ, при самомъ возникновеніи своемъ, а также, можетъ быть, и въ дальнѣйшемъ развитіи, нѣкоторыя затрудненія какъ со стороны общества, такъ и вслѣдствіе недостатка капиталовъ, расположенныхъ къ затратѣ въ ихъ кредитныя бумаги.

Земскія кредитныя общества, для успѣшнаго развитія своего, какъ намъ кажется, независимо отъ условій, находящихся въ непосредственномъ ихъ распоряженіи, при полной отчетливости и исправности своихъ операцій, требуютъ еще — заранѣе приготовленнаго къ нимъ общества, такого общества, которое само сознавало-бы живо необходимость учрежденія ихъ и само, поэтому, способствовало-бы развитію ихъ; одно только *сознательное* довѣріе общества, при вліяніи другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, можетъ поддерживать правильные курсы кредитныхъ знаковъ, выпускаемыхъ земскими банками. Отсутствіе-же единства и нѣкоторая разрозненность, проявляющіяся въ настоящее время въ обществѣ нашихъ землевладѣльцевъ, наврядъ-ли могутъ служить вѣрнымъ ручательствомъ тому, чтобы, на первое время въ особенности, явилось къ кредитнымъ бумагамъ нашихъ будущихъ земскихъ банковъ то довѣріе, о которомъ мы говорили выше и которое для проявленія своего предполагаетъ непремѣнно извѣстную степень единства и согласія во взглядѣ и дѣйствіяхъ цѣлаго общества. Если условія, при которыхъ развивалось до-сихъ-поръ наше сельское хозяйство, отчасти, можетъ быть, и обусловливаютъ замкнутость и отсутствіе единства въ классѣ нашихъ землевладѣльцевъ, то, какъ намъ кажется, нельзя также надѣяться, чтобы съ удаленіемъ одной изъ причинъ, вызывавшихъ такое направле-

ніе общества, съ преобразованіями, готовящимися въ нашемъ сельскомъ быту, общество наше могло *разомъ* измѣниться; скорѣе, думаемъ мы, оно будетъ идти къ совершенствованію своему тѣмъ-же путемъ историческаго развитія, который прежде всего выражается въ строгой постепенности, а не въ быстрыхъ скачкахъ.

И такъ, если, отчасти, земскіе банки не могутъ найдти въ настоящее время въ средѣ самаго общества достаточно необходимыхъ для поддержки своей элементовъ, то, съ другой, какъ намъ кажется, они не могутъ также встрѣтить достаточно капиталовъ, расположенныхъ къ затратѣ въ ихъ кредитные знаки. Затрудненія, которыя могутъ явиться вслѣдствіе недостатка капиталовъ, обусловливаются тѣмъ, что земскіе банки, производя свои кредитныя операціи не наличными деньгами, а при посредствѣ лишь закладныхъ листовъ, естественно для обмѣна послѣднихъ требуютъ въ той-же мѣрѣ присутствія въ странѣ капиталовъ, въ какой мѣрѣ происходитъ самый выпускъ кредитныхъ бумагъ. Въ настоящее-же время бо́льшая часть нашихъ капиталовъ помѣщена уже, или въ акціи частныхъ обществъ, или въ государственные пяти-процентные банковые билеты, и между многими явленіями, указывающими на недостатокъ у насъ капиталовъ вообще, высокій ростъ, взымаемый постоянно при займахъ у отдѣльныхъ лицъ, отчасти, также можетъ служить тому доказательствомъ. Если до-сихъ-поръ заемъ у отдѣльныхъ лицъ, владѣющихъ капиталами, при несоразмѣрно высокомъ процентѣ, не менѣе 10%, который землевладѣльцамъ постоянно приходилось-бы платить и который ни въ какомъ случаѣ не могъ-бы покрываться гораздо меньшимъ процентомъ съ доходовъ, получаемыхъ ими съ земли, не могъ представлять для послѣднихъ никакихъ выгодъ, — то, какъ намъ кажется, потеря эта на высокихъ процентахъ, при заключеніи займовъ, при посредствѣ закладныхъ листовъ земскихъ банковъ, можетъ быть удалена только отчасти. Дѣйствительно, большее обезпеченіе, представляемое закладными листами, въ круговомъ ручательствѣ всѣхъ членовъ кредитнаго общества, должно будетъ понизить, при промѣнѣ закладныхъ листовъ на наличныя деньги, прежній, высокій процентъ, можетъ быть, даже на $1/_{3}$ его или болѣе, но въ сущности облегленіе это, какъ намъ кажется, будетъ почти незамѣтное, потому-что пониженіе процента, о которомъ мы сейчасъ говорили, поглотится, отчасти, тѣмъ процентомъ, который землевладѣльцы должны бу-

дутъ платить въ земскія кредитныя общества по прежде заключеннымъ ими долговымъ обязательствамъ при посредствѣ закладныхъ листовъ.

Правда, при недостаткѣ собственныхъ капиталовъ, могли-бы явиться къ намъ иностранные, но такое привлеченіе послѣднихъ извнѣ возможно только при употребленіи одной лишь звонкой монеты во всѣхъ расплатахъ, производимыхъ Банками, какъ по платежу процентовъ, такъ и по очищенію закладныхъ листовъ, выходящихъ по тиражу. Мы можемъ въ этомъ случаѣ указать на близкій примѣръ, который представляетъ намъ земское кредитное общество Царства Польскаго. По уставу этого общества, всѣ расплаты производятся имъ не иначе, какъ звонкою монетою, и не вслѣдствіе-ли этого операціи его не ограничиваются однимъ только обращеніемъ кредитныхъ его знаковъ внутри отечества, но имѣютъ постоянный курсъ и за границею (*).

И такъ, если, съ одной стороны, настоящее положеніе самаго нашего общества, а съ другой, недостатокъ капиталовъ внутри государства, не могутъ вполнѣ обѣщать быстраго развитія кредитныхъ операцій нашимъ земскимъ банкамъ, то стѣснительныя обстоятельства, возникшія для нашей поземельной собственности скоро вслѣдъ за прекращеніемъ ссудъ изъ нашихъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій, не могутъ-ли, отчасти, остаться и съ явленіемъ у насъ земскихъ банковъ. Эти затрудненія—послѣдствія недостатка кредита, должны возрости, какъ намъ кажется, еще въ большей мѣрѣ при ожидаемыхъ реформахъ въ нашемъ сельскомъ быту, когда не только для веденія, но и для первоначальнаго устройства хозяйства и его обзаведенія вообще на новыхъ началахъ, потребуются значительные наличные капиталы, которыхъ у нашихъ земладѣльцевъ нѣтъ, а при усиленномъ требованіи ихъ у

(*) *См.* Труды коммиссіи для устройства земскихъ банковъ. Т. II. Уставъ земскаго кредитнаго общества Царства Польскаго.

Ст. 7. Каждый членъ обязанъ уплачивать обществу, ежегодно, со всей полученной закладными листами ссуды, по 4% въ процентъ и по 2% въ погашеніе капитала; платежи эти должны быть производимы крупною, серебряною монетою, имѣющею курсъ въ государствѣ и пробу, постановленную указомъ отъ 19 ноября (1 декабря) 1815 года (чистаго серебра по 86$^{18}/_{25}$ злот. польск. въ одной чистой кельнской гривнѣ).

Ст. 20. Всѣ платежи, причитающіеся предъявителямъ закладныхъ листовъ и купоновъ, будутъ производимы ходячею въ государствѣ крупною, серебряною монетою, опредѣленною ст. 7.

отдѣльныхъ лицъ, естественно, существующій высокій процентъ долженъ будетъ подняться еще выше (*).

Поэтому, какъ намъ кажется, коммиссія, отчасти, могла-бы сохранить болѣе *переходнаго характера* тѣмъ земскимъ кредитнымъ отдѣленіямъ при приказахъ общественнаго призрѣнія, которыя проектированы ею съ цѣлію, чтобы облегчить вообще крутой переходъ отъ строгой государственной и монопольной системы къ системѣ частныхъ банковъ. Между-тѣмъ земскія кредитныя отдѣленія, по внутреннему своему устройству, представляютъ тѣ-же земскія кредитныя общества, потому-что нельзя-же, какъ намъ кажется, считать существеннымъ обезпеченіемъ со-стороны казны присутствіе въ нихъ непремѣннаго члена приказа общественнаго призрѣнія съ правомъ вмѣшательства въ дѣла отдѣленія, или, хотя-бы, и другое исключеніе, допущенное въ пользу ихъ, что въ-случаѣ неисправностей, происшедшихъ въ дѣлахъ земскихъ кредитныхъ отдѣленій, правительство принимаетъ ихъ въ непосредственное свое завѣдываніе и производитъ взысканія долговъ (**). Намъ казалось-бы, что можно было-бы, отчасти, болѣе сохранить для этихъ отдѣленій обезпечивающихъ условій со-стороны казны въ пользу владѣльцевъ закладныхъ листовъ,—требованіе, которое весьма легко, на первое время, какъ намъ кажется, можетъ явиться со-стороны общества.

Но, независимо отъ всего, выгоды, представляемыя частными кредитными учрежденіями, имѣютъ столько на своей сторонѣ преимуществъ предъ другимъ родомъ кредитныхъ-же установленовленій, что намъ остается только пожелать, чтобы въ примѣненіи своемъ къ нашему обществу они принесли ту существенную пользу, которую ожидаетъ наша поземельная собственность. Отъ возникновенія у насъ учрежденій, помощію которыхъ дѣлаемые землевладѣльцами займы по-возможности были-бы облегчены. Эта

(*) Величина-же процента, необходимо долженствующая входить въ соображенія землевладѣльцевъ, представляла для послѣднихъ одни только стѣснительныя условія, вслѣдствіе несоотвѣтсвенности отношеній между расходами, необходимыми на осуществленіе предпріятій по поземельной собственности и ожидаемыми выгодами съ доходовъ, получаемыхъ съ земли,— несомнѣнно должна будетъ дѣйствовать неблагопріятно на процвѣтаніе земледѣлія вообще.

(**) См. Труды коммиссіи для устройства земскихъ банковъ, т. I., Проектъ основаній для открытія при приказахъ общественнаго призрѣнія временныхъ ссудъ, подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, статьи 8 и 9.

настоятельная необходимость, ощущаемая поземельною собственностію въ кредитѣ въ настоящее время, какъ мы уже имѣли случай нѣсколько разъ замѣчать, должна пробудиться въ гораздо большихъ размѣрахъ впереди (*).

Обращаясь къ самой редакціи «Трудовъ», мы приносимъ искреннюю благодарность коммиссіи за тѣ богатые матеріалы и свѣдѣнія, которыя она собрала и изданіемъ въ свѣтъ которыхъ принесла несомнѣнную пользу обществу, познакомивъ послѣднее съ совершенно новымъ для него предметомъ.

Мы убѣждены, что общество наше, ближе ознакомившись съ «Трудами» коммиссіи, поспѣшитъ примѣнить къ дѣлу тѣ богатыя средства, для развитія поземельнаго кредита въ области частной дѣятельности, которыя представляетъ ему составленный коммиссіею «Проектъ положенія для земскихъ банковъ».

С. Д.

(*) Вспомнимъ, что независимо отъ тѣхъ выгодъ, которыя могутъ быть оказаны поземельнымъ кредитомъ въ новыхъ формахъ его для развитія и успѣховъ вообще сельскаго хозяйства, онъ долженъ будетъ принять также участіе въ успѣхѣ дѣла по выкупу крестьянами въ собственность земли, при готовящихся у насъ преобразованіяхъ въ сельскомъ быту.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ПОСЛѢДНЮЮ ТРЕТЬ 1859 ГОДА.

XIII. Математическія науки.

Въ Журналѣ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій (кн. 5) напечатаны: *Уставъ Московско-Ярославской желѣзной дороги*; *Описаніе работъ по возведенію верхней части колокольни Петропавловскаго собора*, Журавскаго; *О Балтійскомъ портѣ и учрежденіи тамъ военной гавани*, барона Розена; *Замѣтки о бѣломъ желѣзѣ и объ употребленіи его для покрытія кровлей*, Арнольда; *Теорія и устройство электромагнитныхъ телеграфовъ*, М. Паррота; *Пороги рѣки Волхова*, Погожева; *Отчетъ о работахъ по Московскимъ водопроводамъ, за* 1858 *годъ*; *Замѣтки объ улучшеніи рѣчнаго судоходства; Буксирные пароходы новой конструкціи; Мостъ чрезъ рѣку Вай*; *Смѣшанный паръ*; *Машинная и ручная выдѣлка Деменскаго болота*; *О пользѣ устройства на крышахъ домовъ отверстій для облегченія тушенія пожаровъ; Извлеченіе изъ отчета правленія IX округа путей сообщенія за* 1858 *г.*; *Обзоръ движенія и сборовъ по Николаевской желѣзной дорогѣ за* 1857 *г.*; *Новые участки шоссе въ Россіи въ* 1859 *г.*; *Конкурсъ на сочиненіе проекта клинической больницы при Императорской С. Петербургской медико-хирургической академіи*; *Телеграфы въ Россіи*; *Свѣдѣнія о судоходствѣ по Невѣ съ* 1 *августа по* 1 *октября* 1859 *г.*; *Движеніе товаровъ и грузовъ по Николаевской желѣзной дорогѣ въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ* 1859 *года*; *Перечень пароходамъ, плававшимъ по рѣкамъ и озерамъ въ имперіи въ* 1858 *году*.

— «Описаніе работъ по возведенію верхней части колокольни

Петропавловскаго собора». — «Соборъ во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла заложенъ былъ Петромъ Великимъ вслѣдъ за основаніемъ Петербургской крѣпости. Первоначально соборъ, окрашенный подъ камень, былъ выстроенъ деревянный, съ тремя шпицами, на одномъ изъ которыхъ, служившемъ колокольнею, днемъ и ночью били часы. Въ 1714 году, на мѣстѣ деревяннаго собора Петръ Великій положилъ основаніе каменному, поручивъ постройку его, подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ, архитектору Трезино. Строеніе было окончено въ 1722 году, послѣ чего приступлено было къ внутренней его отдѣлкѣ; совершенно окончень и освященъ былъ соборъ въ 1733 году въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Высокій съ металлическою кровлею шпицъ колокольни, не снабженный громоотводомъ, неоднократно привлекалъ на себя громовые удары; самый гибельный изъ нихъ былъ въ 1756 году, ночью 30 апрѣля; отъ этого удара шпицъ загорѣлся, и горящія бревна при паденіи своемъ разрушили колокольню и мраморный портикъ, украшавшій западный входъ въ соборъ. По свидѣтельству современниковъ (Рубана), колокола, висѣвшіе въ колокольнѣ, отъ жара расплавились. Пожаръ не проникъ внутрь собора, гдѣ все ограничилось нѣкоторыми незначительными поврежденіями, исправленными въ скоромъ времени по повелѣнію императрицы Елисаветы Петровны. Въ 1757 году приступлено было къ постройкѣ вновь колокольни на мѣстѣ разрушенной пожаромъ. Архитектору фонъ-Баллесу, занимавшемуся въ то время постройками въ Александро-Невской лаврѣ, поручено было составить проектъ и смѣту на постройку колокольни. По смѣтѣ его отпущено было около 92 тысячъ рублей и для исполненія работъ велѣно было въ 1761 году оберъ-архитектору Растрелли откомандировать одного изъ своихъ помощниковъ. Строителемъ колокольни назначенъ былъ молодой Русскій архитекторъ Дьяковъ, который и окончилъ каменную часть колокольни подъ наблюденіемъ фонъ-Баллеса въ 1770 году. Въ этомъ году фонъ-Баллесъ умеръ и наблюденіе за окончаніемъ колокольни поручено было Брауеру, архитектору при Петергофскомъ дворцѣ. Брауеру принадлежитъ проектъ и постройка высокаго смѣлаго шпица, существовавшаго почти безъ всякихъ поправокъ до 1857 года. Деревянный остовъ этого шпица срубленъ былъ на землѣ плотникомъ Антономъ Еремѣевымъ и поставленъ на мѣсто въ теченіе трехъ мѣсяцевъ плотниками Михайломъ Воиновымъ и Гавріиломъ

Петровымъ при помощи весьма товарищей. Въ-теченіе 1773 и 1774 годовъ шпицъ одѣтъ мѣдными позолоченными листами; на позолоту этихъ листовъ употреблено было 2814 червонцевъ. Шпицъ оканчивался къ верху шаромъ, за которомъ утверждены были крестъ и ангелъ; вскорѣ сильною бурею повредило ангела, который прикрѣпленъ былъ къ кресту неподвижно, вслѣдствіе чего его устроили такъ, чтобы онъ могъ отъ дѣйствія вѣтра вращаться около креста. На колокольнѣ поставлены были большіе часы съ курантами, заказанные императрицею Елисаветою Петровною Голландскому мастеру Оортъ-Крассу еще въ 1756 году. Въ 1828 году, въ основаніи шпица были замѣчены и исправлены нѣкоторыя незначительныя поврежденія. Въ слѣдующемъ 1829 году крестъ вмѣстѣ съ ангеломъ, отъ дѣйствія вѣтровъ, наклонился и угрожалъ паденіемъ, такъ-что нужно было немедленно принять противъ этого мѣры. Въ это время совершилъ Телушкинъ свой извѣстный подвигъ молодечества, поднявшись на крестъ шпица при помощи одной только веревки и произведя тамъ нужныя исправленія. Это были всѣ поправки въ шпицѣ съ самаго начала его существованія до 1854 года, когда снова покривился крестъ на шпицѣ и самый шпицъ началъ примѣтно качаться отъ вѣтра. Инженерный департаментъ военнаго министерства объявилъ конкурсъ на составленіе проекта лѣсовъ для снятія съ вершины шпица креста и ангела и для осмотра шпица по всей высотѣ его. Осмотръ этотъ имѣлъ цѣлію рѣшить, можно-ли ограничиться одними исправленіями и укрѣпленіями стараго шпица, и если можно, то какими именно, или-же нужно разобрать старый шпицъ и устроить новый. На конкурсѣ избранъ былъ проектъ лѣсовъ, составленный инженеръ-капитаномъ Г. Е. Паукеромъ (нынѣ полковникъ), и лѣса были имъ построены во время лѣта 1855 года. Для осмотра стараго шпица назначаемо было въ разное время нѣсколько коммиссій. Вслѣдствіе осмотра, рѣшено было перестроить вновь шпицъ на колокольнѣ Петропавловскаго собора. Составлено было нѣсколько проектовъ для постройки остова шпица изъ желѣза и чугуна и изъ кирпича. По тщательномъ осмотрѣ зданія самаго собора, оказалось и въ немъ множество поврежденій и вообще, по недостаточности надзора и ремонта, все зданіе собора было въ большомъ запущеніи. Поэтому, въ одно время съ построеніемъ новаго шпица, произведены были въ соборѣ слѣдующія исправленія: 1) Каменный фонарикъ на куполѣ церкви, оказавшійся

весь въ трещинахъ, былъ разобранъ и на мѣсто его выстроенъ новый изъ кирпича съ облицовкою доломитовымъ камнемъ; надъ нимъ сдѣланы новыя стропила для маковки, вмѣсто старыхъ, сдѣланныхъ небрежно, дурно укрѣпленныхъ въ каменной кладкѣ и сильно поврежденныхъ ржавчиною; мѣдная позолоченная обшивка маковки выправлена по новымъ стропиламъ, и какъ она, такъ и мѣдныя золоченныя украшенія на куполѣ собора перезолочены. 2) Плоская кровля собора покрыта новымъ бѣлымъ желѣзомъ. Стропила этой кровли исправлены и укрѣплены добавленіемъ значительнаго числа новыхъ стропилинъ и рѣшетинъ. 3) Въ колокольнѣ, въ барабанѣ купола и въ куполѣ собора вставлены новыя желѣзныя оконныя рамы, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ. 4) Исправлена и частію отдѣлана заново штукатурка собора и поставлены новыя лѣпныя украшенія снаружи изъ Портландскаго цемента, вмѣсто прежнихъ гипсовыхъ, сильно попорченныхъ непогодами. 5) Отдѣлана заново вся внутренность церкви, какъ-то: задѣланы образовавшіяся отъ осадки грузной колокольни трещины въ сводахъ, покрывающихъ церковь; подновлена стѣнная и иконная живопись; подновлена позолота иконостаса, сѣни и всѣхъ вообще позолоченныхъ частей; позолота постамента сдѣлана вновь; сдѣланъ въ алтарѣ и передъ алтаремъ по новымъ балкамъ паркетный полъ вмѣсто прежняго досчатаго; отдѣланы заново окна и двери, со вставленіемъ новыхъ, двухлегерныхъ стеколъ; сдѣланы новыя лѣпныя гипсовыя украшенія надъ входными дверями; позолочены и частію отдѣланы заново люстры, паникадилы, свѣчники, кіоты, раки, дверные и оконные приборы; сдѣлана вновь вся церковная мебель алтаря и прочее. Всѣ эти работы окончены въ-теченіе полутора года, и соборъ освященъ 30 ноября 1858 года».

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ наукамъ математическимъ относятся слѣдующія статьи: *Русскій механикъ Скоткинъ и его изобрѣтеніе* (Русск. инв. № 257); *Новоизобрѣтенный воздушный корабль* (Кіевск. тел. № 22).

XIV. Военныя науки.

Въ Военномъ сборникѣ помѣщены слѣдующія статьи: *Предположенія объ эмеритальной пенсіонной кассѣ военно-сухопутнаго вѣдомства* (№ 9); *Статистическое обозрѣніе расходовъ на военныя*

потребности (съ 1711 по 1825 годъ), Д. П. Журавскаго (ibid. № 10—12); *Курсъ о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи, составленный по лекціямъ, читаннымъ въ стрѣлковой офицерской школѣ, въ* 1858 и 1859 *г.*, капитана Островерхова и поручика Ларіонова (№ 9); *Шамиль и Чечня* (ibid.); *Олдершотскій лагерь* (Письма изъ Лондона), А. де-р (ibid.); *Нѣсколько словъ о тѣлесномъ въ Русскихъ войскахъ наказаніи, по правиламъ военной дисциплины*, А. Клугена (ibid.); *Человѣкъ съ честными намѣреніями*, А. Слесарева (ibid. и № 10); *Англія и ея военно-сухопутное устройство*, А. де-р (№ 10 и 11); *Нѣсколько мыслей по поводу статьи: «Калибры полевой артиллеріи»*, А. Б. (№ 10); *Нѣсколько словъ о драгунахъ*, К. Детлова (ibid.); *Объ офицерахъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, по поводу статьи: «Степень образованія офицеровъ въ арміи»*, С.В—скаго (ibid.); *Обзоръ послѣднихъ событій на Кавказѣ* (съ картою нагорнаго Дагестана и планомъ Гунибъ-Дага), А. Д. Г. (ibid.); *Объясненія, вызванныя статьею г. артиллериста, подъ названіемъ: «Нѣсколько словъ по поводу статьи: Замѣчанія инженера о причинахъ взятія Малахова кургана»*, А. Орды (№ 11); *Джонъ Рарей, укротитель лошадей*, Аркадія Панаева (ibid.); *Нѣсколько словъ по поводу статьи: «Курсъ о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи»*, Дубровина (ibid.); *Замѣтка на статью: «Нѣсколько мыслей объ организаціи пѣхоты»*, Загороднаго стрѣлка (ibid.); *Бивуакъ при аулѣ Хурунхавлѣ.* Изъ дневника Кавказца, 25 января 1852 г., Петра Андреевича (ibid.); *Знакомство съ Шамилемъ*, И. Руновскаго (ibid.); *Любо или не любо—атаманы-молодцы?* Есаула (№ 12); *Замѣтки по поводу статьи г. Викульскаго: «Нѣсколько словъ о конно-артиллерійской бригадѣ Кавказскаго казачьяго линейнаго войска»*, Ильи Сафонова (ibid.); *Нѣсколько словъ о современномъ состояніи и полевой фортификаціи г. Лаера* (ibid.); *Замѣтка по поводу статьи: «О снабженіи войскъ лошадьми»*, ремонтера армейскаго полка (ibid.); *О направленіи настоящаго образованія армейской кавалеріи*, А. Гечевича (ibid.); *Письма изъ форта Перовскій* (Акъ-мечеть), А. Грена (ibid.); *Записки кавалериста*, Безъименнаго (ibid.); *Нѣкоторыя біографическія подробности о Шамилѣ*, Д. Б. (ibid.); *Военное обозрѣніе*, Глиноецкаго (№ 9—12).

— «Нѣсколько словъ о тѣлесномъ въ Русскихъ войскахъ наказаніи». — Эта статья написана по поводу новаго воинскаго устава о наказаніяхъ. «Правительство наше, въ постоянной заботливости объ улучшеніи военнаго быта, всегда обращало особенное

вниманіе на усовершенствованіе военно-уголовнаго законодательства. Такъ и теперь, когда опытъ и время обнаружили недостатки и несовершенства нынѣ дѣйствующаго военно-уголовнаго устава, повелѣно было, для устраненія возникающихъ затрудненій въ примѣненіи на практикѣ этихъ законовъ, подвергнуть уставъ тщательному и систематическому пересмотру. При чемъ вмѣнено было въ обязанность руководствоваться тѣми-же началами, которымъ слѣдовали при составленіи въ 1845 году общаго уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, заимствуя изъ него все, что будетъ признано удобнымъ, но отнюдь не ослабляя строгости военныхъ законовъ. Ближайшая-же цѣль систематическаго исправленія военно-уголовнаго устава указана была въ слѣдующихъ выраженіяхъ всеподданнѣйшаго по сему предмету доклада: «Новый военно-уголовный уставъ долженъ быть собраніемъ очищенныхъ, приведенныхъ въ порядокъ и ясность, дополненныхъ и исправленныхъ, но однакожь не измѣненныхъ въ общемъ составѣ и сущности своей, прежнихъ нашихъ военно-уголовныхъ законовъ». Столь важный и обширный трудъ нынѣ оконченъ въ видѣ проекта новаго воинскаго устава о наказаніяхъ. При составленіи этого проекта, какъ видно изъ приложенныхъ къ нему объяснительныхъ записокъ, приняты были въ соображеніе не только источники, представляемые отечественнымъ законодательствомъ, но чтобы воспользоваться опытомъ и другихъ образованныхъ народовъ на этомъ поприщѣ, и лучшіе иностранные военно-уголовные законы, преимущественно-же Французскіе, Австрійскіе, Прусскіе, Сардинскіе и Ганноверскіе—однимъ словомъ, при составленіи новаго устава не упущено было изъ виду ни одного пособія, которое доставляетъ въ этомъ дѣлѣ наука и опытъ, что̀, конечно, можетъ служить полнымъ ручательствомъ въ совершенномъ, по-возможности, исполненіи этого многосложнаго и долголѣтняго труда. Новый воинскій уставъ дѣйствительно отличается не только строгою, ясною системою изложенія, устраняющею всякій поводъ къ недоразумѣнію, неопредѣлительности, сбивчивости, которыя составляли одинъ изъ главныхъ недостатковъ прежняго устава, но и болѣе правильнымъ опредѣленіемъ видовъ преступленій, представляющимъ возможность ввести справедливую соразмѣрность въ назначеніи мѣры наказанія съ дѣйствительною важностью преступленія. Вступая въ новую эпоху усовершенствованій, военно-уголовные законы наши вводятъ смягченіе тѣлесныхъ

наказаній, и тѣмъ ясно указываютъ на стремленіе правительства возвысить нравственное чувство солдатъ, такъ-какъ уменьшеніе тѣлесныхъ наказаній лучше всего способствуетъ достиженію этой цѣли. Не смотря, однакожь, на всѣ данныя въ пользу успѣшнаго выполненія этого важнаго труда, для доставленія возможности рѣшить съ большею основательностью возникшіе вопросы, сомнѣнія и противоположныя мнѣнія, при обсужденіи постановленій, вновь вводимыхъ въ существующую систему наказаній, Государь Императоръ повелѣть соизволилъ: проектъ новаго воинскаго устава о наказаніяхъ, съ слѣдующими къ нему объяснительными записками, внести на разсмотрѣніе генералъ-аудиторіата и въ немъ присутствовать сенатору, тайному совѣтнику Капгеру, на котораго возложено было составленіе проекта; независимо-же отъ сего препроводить проектъ къ воинскимъ начальникамъ до полковаго командира включительно, для предварительнаго обсужденія во всѣхъ подробностяхъ и доставленія по оному своихъ соображеній и замѣчаній. Цѣль настоящей статьи ограничивается разсмотрѣніемъ только одной изъ многихъ частей новаго устава, именно той, которая объемлетъ тѣлесныя наказанія, опредѣляемыя за проступки нижнихъ чиновъ, по правиламъ военной дисциплины».

Въ Артиллерійскомъ журналѣ (кн. V) напечатаны: *Отчетъ о занятіяхъ артиллерійскаго отдѣленія военно-ученаго комитета въ* 1858 *г. IV: Перечень занятій въ засѣданіяхъ временнаго артиллерійскаго комитета, за іюнь и іюль* 1859 *г.; О стрѣльбѣ*, Маіевскаго; *Объ отмѣнѣ* $^1/_4$*-пудоваго единорога*; *Описаніе электробаллистическаго маятника Навé*, Я. Луневскаго; *Обзоръ свѣдѣній, полученныхъ съ театра войны изъ Италіи*, Крыжановскаго; *Нѣсколько словъ о гарнизонной артиллеріи*, П. Суркова; *Замѣчанія на статью Глиноецкаго: «Очеркъ военныхъ дѣйствій на берегахъ Днѣпровско-Бугскаго лимана въ* 1855 *году*, Н. В.; *Замѣтка о національной защитѣ посредствомъ вооруженныхъ волонтеровъ*, Н. Карташевскаго; *Замѣтки на статьи: «Объ однообразіи приготовленія пороха. Вліяніе ручной работы на взрывы. Прессованіе»*, А. Греве 2-го.

— «Замѣтка о національной защитѣ посредствомъ вооруженныхъ волонтеровъ». — «Подполковникъ Гордонъ, основываясь на мнѣніи, изложенномъ въ парламентѣ сэромъ Непиромъ, касательно пользы милиціи въ случаѣ десанта, обращаетъ вниманіе военнаго

министерства на выгоды, кои могли-бы произойти для Англіи отъ бо̀льшаго развитія въ народѣ, въ-теченіе мирнаго времени, охоты упражняться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Подполковникъ Гордонъ, имѣя въ виду, что во многихъ мѣстахъ королевства ежегодно собираются митинги для состязанія въ стрѣльбѣ изъ луковъ и арбалетовъ, полагаетъ, что пуля, при содѣйствіи правительства, непремѣнно вытѣснитъ въ этихъ собраніяхъ употребленіе стрѣлъ, а назначеніе отъ короны, въ каждомъ графствѣ, особыхъ призовъ за стрѣльбу, подобно тому, какъ это учреждено уже для скачекъ, возбудитъ такое соревнованіе между молодыми людьми, что въ искусствѣ владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ Англія будетъ современемъ соперничать со Швейцаріею. Ожиданія свои авторъ основываетъ на повсемѣстной между жителями Англіи страсти къ охотѣ и на существованіи тамъ, въ-теченіе цѣлыхъ столѣтій, публичныхъ стрѣльбищъ. Принимая во вниманіе ту огромную пользу, которую Америка, Швейцарія и Тироль извлекли изъ умѣнья своихъ гражданъ обращаться съ оружіемъ, Гордонъ излагаетъ свое убѣжденіе въ томъ, что и въ Англіи,—гдѣ мѣстность по большей части пересѣченная,—партизанскія партіи, хорошо вооруженныя, могутъ дѣйствовать съ огромнымъ успѣхомъ. Переходя къ организаціи клубовъ, подполковникъ Гордонъ признаетъ необходимымъ требовать отъ каждаго изъ членовъ извѣстной платы въ годъ, хотя самой незначительной, съ тѣмъ, чтобы въ занятіяхъ клуба могли участвовать лишь тѣ, кои имѣютъ интересъ въ сохраненіи общественнаго порядка, а между-тѣмъ удовольствіе стрѣльбы было-бы доступно большинству гражданъ. Устанавливая означенные клубы и требуя, чтобы стрѣльба въ цѣль производилась не иначе, какъ изъ ружей установленнаго калибра, правительство имѣло-бы постоянно точнѣйшія свѣдѣнія о количествѣ частнаго оружія, на которое можно разсчитывать въ-случаѣ надобности, и при томъ такого оружія, для коего были-бы годны патроны военныхъ запасовъ. Для наблюденія за ходомъ занятій въ клубахъ, подполковникъ Гордонъ предполагаетъ въ каждомъ графствѣ имѣть довѣренное и свѣдущее лицо, изъ числа тамошнихъ землевладѣльцевъ, которое въ-теченіе мирнаго времени могло-бы хорошо познакомиться съ мѣстностію края и въ минуту опасности принять на себя командованіе надъ милиціонерами. Послѣ этого Гордонъ входитъ въ разсмотрѣніе способа дѣйствій партизанскихъ партій въ-случаѣ непріятельскаго десанта, наконецъ,

упоминая о наилучшемъ вооруженіи волонтеровъ, онъ выражается слѣдующимъ образомъ: Еще недавно Британская армія была вооружена почти исключительно гладкоствольными ружьями, но нынѣ вводится въ общее употребленіе Инфильдское нарѣзное ружье, могущее дѣйствовать на 800 ярдахъ дистанціи. Этотъ-то новый образецъ и слѣдуетъ принять для вооруженія волонтеровъ и сдѣлать его обязательнымъ при состязаніяхъ въ клубахъ. Съ перваго раза, многимъ можетъ показаться совершенно излишнимъ давать милиціи оружіе лучше того, которое доселѣ было совершенно удовлетворительно для регулярной арміи; но не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ вида, что солдатъ встрѣчаетъ непріятеля совершенно при другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ милиціонеръ. Первый привыкъ сходиться съ противникомъ на близкія дистанціи, и хотя ружье не приносило ему большой пользы на разстояніи далѣе 250 и 300 ярдовъ, но онъ вѣровалъ въ способности начальника и былъ убѣжденъ, что, при хорошемъ выборѣ позиціи и искусномъ маневрированіи, онъ не будетъ, безъ нужды, подверженъ дальнему огню непріятеля. Совершенно въ другихъ обстоятельствахъ находится милиціонеръ, который конечно будетъ стрѣлять спокойнѣе, имѣя возможности, находясь внѣ опасности, поражать непріятеля на разстояніи 600 и 800 ярдовъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда ему необходимо подойти на 200 или 300 ярдовъ и быть подъ выстрѣлами противника, тѣмъ болѣе, что со времени перваго завоеванія ни одинъ изъ жителей Англіи не видалъ еще на берегахъ своихъ иностраннаго солдата, и потому трудно сказать напередъ, какое впечатлѣніе, при всей неотъемлемой личной храбрости волонтера, произведутъ на него войска непріятеля. Главное преимущество новаго нарѣзнаго ружья состоитъ въ томъ, что оно бьетъ далеко, и если нынѣ оно оказывается нужнымъ для войскъ, привыкшихъ сходиться грудь съ грудью съ противникомъ, то еще по большей причинѣ оно необходимо для того, кто долженъ себя держать въ отдаленіи отъ непріятеля и дѣйствовать самостоятельно. Другая причина, по коей для милиціи необходимо оружіе лучшаго образца, состоитъ въ томъ, что, для вполнѣ успѣшнаго дѣйствія, волонтеръ долженъ быть вполнѣ увѣренъ въ своихъ средствахъ; это довѣріе къ своему оружію можетъ быть достигнуто только долгими упражненіями, а чтобы эти упражненія могли быть привлекательными, необходимо, чтобы самое оружіе дѣйствовало хорошо. Инфильдское ружье, въ одно и то-же время, удовлетворяетъ требованіямъ воен-

наго дѣла и удобно для охоты, ибо мнѣ самому случилось на 150 ярдахъ подстрѣлить изъ него дикую утку».

Въ Инженерномъ журналѣ (№ 4) явились статьи: *Нѣсколько словъ объ особенностяхъ въ производствѣ строительныхъ работъ на Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ*, В. Ушакова; *Нѣсколько словъ по поводу статьи: «Краткое описаніе способа, употреблявшагося въ Севастополѣ, для отрыванія каменистаго грунта при возведеніи оборонительныхъ построекъ»*, М. Борескова; *Организація Бельгійскаго инженернаго корпуса*, А. Квиста; *Различныя методы изображенія горъ на планахъ*, А. Лево; *Замѣтки о производствѣ нѣкоторыхъ строительныхъ работъ въ иностранныхъ государствахъ*, Де-Струве; *Опроверженіе замѣчаній г. Жвирждовскаго, помѣщенныхъ въ № 1 Инженернаго журнала* 1859 *г.* М. Фролова; *Очаги съ нагрѣвательными трубами, употребляемые жителями Приамурскаго края*, И. Волгунова; *Замѣчанія на статью Корозно въ № 3 Инженернаго журнала* 1859 *г.*, М. Ф.; *Усовершенствованія въ способѣ раскружаливанія посредствомъ песку, по системѣ Бодемулена; Новый способъ обжиганія кирпича*; *Косой сводъ особеннаго устройства; О постройкахъ изъ цемента и желѣза; О Саксонскихъ піонерахъ*, А. Квиста; *Подводная лампа*, Гигарде; *Новая продолжительно-дѣйствующая и постоянная гальваническая батарея*; *Подводные телеграфическіе тросы, изолированные каучукомъ безъ содѣйствія огня*; *Желѣзо и его соединенія въ отношеніи къ магнитизму; Способъ соединенія между собою концовъ громоотвода и телеграфныхъ тросовъ; Причина неудачи атлантическаго телеграфнаго каната; Каучуковый клей.*

Въ Русскомъ инвалидѣ напечатаны статьи: *О продовольственныхъ способахъ*, Ѳедора Затлера (№ 187—190); *Замѣтки на статью гг. Островерхова и Ларіонова «О пороховомъ производствѣ»* (ibid. № 200); *Гимнастика и современный способъ веденія войны* (№ 201); *О порчѣ и потеряхъ, происходящихъ въ военное время въ продовольственныхъ припасахъ* (№ 211, 213 и 214); *Военная академія въ Уэстъ-Пойндѣ* (№ 215); *Нарѣзныя пушки и современная тактика* (№ 216, 221 и 225); *Горная война въ Кабиліи* (№ 234); *Замѣтки артиллериста* (№ 242); *Сраженіе при Палестро* (№ 248); *Сраженіе при Маджентѣ* (№ 250 и 251); *О механизмѣ продовольственной части войскъ и о печеніи хлѣба въ военное время* (№ 265—267); *Нѣсколько дней въ полковомъ штабѣ* (№ 277); *О стоимости провіантскихъ перевозокъ на Крымскомъ полуостровѣ*

во время последней войны (№ 280); *Испанія и Марокко* (№ 282).

Въ Журналѣ военно-учебныхъ заведеній: *Взятіе Веденя* (№ 556).

Въ Чтеніи для солдатъ: *О глазомѣрномъ опредѣленіи разстояній* (кн. 5); *О цѣльной стрѣльбѣ* (ibid.); *О томъ, какъ ротный командиръ училъ свою роту цифирной мудрости*, Л. Ш. (ibid. и кн. 6); *Подробный разсказъ о взятіи Шамиля въ плѣнъ* (кн. 6).

Въ общихъ періодическихъ изданіяхъ къ военнымъ наукамъ относятся статьи: *Очеркъ военныхъ дѣйствій на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи*, А. И. Зиссермана (Совр. № 11); *О значеніи нашихъ послѣднихъ подвиговъ на Кавказѣ* (ibid.); *Шатоевское и Евдокимовское укрѣпленія зимою 1858 и 1859 годовъ* (Кавк. № 69 и 71); *Замѣтка о солдатскомъ бытѣ въ эскадронѣ*, И. Ѳ. Щербатскаго (Русск. вѣстн. № 20).

XV. Науки, относящіяся къ мореплаванію.

Въ Морскомъ сборникѣ напечатаны статьи: *Уральскіе очерки*, Мих. Михайлова (№ 9); *О вооруженномъ морскомъ нейтралитетѣ* (ibid. и № 10, 11); *О разныхъ топливахъ для паровыхъ котловъ*, перев. съ Франц. П. Ѳ. (№ 9); *Джемсъ Тревенинъ*, В. В. (ibid. и № 10); *О качествахъ корветовъ и клиперовъ 1-го Амурскаго отряда*, Кузнецова (№ 9); *Морскія учрежденія Даніи*, кн. Лобанова-Ростовскаго (ibid.); *Между дѣломъ*, Excelsior (ibid.); *Нѣсколько словъ относительно употребленія шерстяныхъ фуфаекъ во флотѣ* (ibid.); *Перевозка войскъ при посредствѣ пароходныхъ компаній*, кн. Мещерскаго (№ 10); *Занятіе о-ва Сахалина и зимовка въ императорской гавани*, Н. Бошняка (ibid.); *Сравненіе Общества пароходства и торговли, Французской компаніи «Service Maritime des Messageries Impériales» и «Австрійскаго Ллойда»*, Н. Новосельскаго (ibid.); *Объ управленіи паровыми машинами во Французскомъ флотѣ* (ibid.); *Капитанъ-лейтенантъ Э. В. Гроте*, А. В. (ibid.); *Корабль «Ретвизанъ»*, Д. Григоровича (№ 11 и 12); *Поѣздка по устьямъ Днѣпра*, Аѳанасьева-Чужбинскаго (№ 11); *Соображенія объ устройствѣ морскаго воспитанія въ Россіи на новыхъ началахъ*, А. С. (ibid. и № 12); *Морское судопроизводство во Франціи*, Глѣбова (ibid.); *Отвѣтъ г. Перозіо на его «Замѣтки на отчетъ Русскаго общества пароходства и торговли за* 1858 *г.*, А. Е—а (№ 11); *О возможности соединенія Каспійскаго моря съ Азовскимъ*, Берг-

штрессера (ibid.); *Система водъ рѣки Кумо*, Егершельда (ibid.); *Очеркъ исторіи судовъ Русскаго флота*, Зейделя (ibid.); *Отвѣтъ на замѣчанія Шестакова на проекты судной отчетности*, В. Хитрово (№ 12); *Обзоръ дѣятельности С. Петербургскаго Общества морскихъ врачей въ-теченіе* 1858—1859 *года* (ibid.); *Нѣкоторыя замѣтки о кораблях Suffren и Excellent*, Римскаго-Корсакова (ibid.); *О крюйтъ-камерахъ*, А. (ibid.). Сверхъ-того въ смѣси помѣщено сорокъ шесть статей, въ отдѣлѣ библіографіи разсмотрѣно двадцать изданій на Русскомъ и иностранныхъ языкахъ и въ приложеніи (№ 9—12) напечатаны *Лоцманскія замѣтки*.

— «О морскомъ вооруженномъ нейтралитетѣ». — Эта замѣчательная статья о блистательномъ подвигѣ Екатерины II составлена съ Высочайшаго соизволенія по документамъ главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Побудительныя причины къ составленію проекта о вооруженномъ нейтралитетѣ, какъ объяснено въ настоящей статьѣ, были слѣдующія: «Съ давняго времени Европейскіе кабинеты сознавали необходимость и пользу оградить нейтральный флагъ и грузъ отъ всѣхъ насильственныхъ захватываній, въ-случаѣ непріязненныхъ дѣйствій между какими-либо морскими державами. Торговые трактаты, опредѣлявшіе, что̀ должно считать контробандою, слабо обезпечивали права нейтральныхъ судовъ, потому-что по большей части сами подвергались произвольнымъ толкованіямъ, и не будучи поддерживаемы вооруженною силою, нарушались при первыхъ благопріятныхъ для того обстоятельствахъ. Не только военные снаряды, но и хлѣбъ, и всякіе другіе товары разсматривались, какъ такой грузъ, который можетъ послужить во вредъ или въ пользу одной изъ воюющихъ державъ. Оттого между-народная торговля, а вмѣстѣ съ тѣмъ благосостояніе народовъ и доходы правительствъ много страдали при всякой возникавшей войнѣ. Особенно гибельнымъ оказалось вліяніе такого порядка вещей въ эпоху Сѣверо-Американской войны, въ которой принимали непосредственное участіе главнѣйшія морскія державы Европы: Англія, Испанія и Франція. Каперы ихъ являлись на всѣхъ моряхъ, съ ненасытною страстію корыстолюбія охотились за плавающими купеческими судами и ихъ грузомъ, подъ самыми несправедливыми предлогами забирали нейтральные корабли и объявляли ихъ своими призами. Съ цѣлію охраненія морской торговли отъ такого пагубнаго и все болѣе и болѣе распространяющагося насилія Россійскій дворъ со-

ставилъ знаменитый проектъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ *Вооруженнаго нейтралитета*,— проектъ, которымъ призывались къ союзу для защиты нейтральнаго флага всѣ Европейскія державы, не принимавшія участія въ долговременной борьбѣ Англіи съ ея колоніями. Большая часть историковъ и дипломатовъ приписываютъ этотъ проектъ графу Никитѣ Ивановичу Панину; нѣкоторые-же—самой государынѣ. По свидѣтельству документовъ, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, впервые мысль о вооруженномъ нейтралитетѣ возникла въ семидесятыхъ годахъ. Еще прежде самовольнаго взятія двухъ нашихъ кораблей Испанскими каперами, бывали случаи подобнаго-же захватыванія иностранныхъ торговыхъ судовъ, направлявшихся къ нашимъ портамъ. Въ 1778 году появились въ Сѣверномъ океанѣ Американскіе корсары и этотъ наѣздъ много повредилъ торговлѣ, производимой иноземными купцами съ городомъ Архангельскомъ; посему государыня тогда-же вознамѣрилась озаботиться о надлежащемъ прикрытіи на будущее лѣто торговаго кораблеплаванія къ Архангельскому порту и рѣшилась войти по сему вопросу въ сношенія съ королями Датскимъ и Шведскимъ, для принятія вмѣстѣ съ ними общихъ охранительныхъ мѣръ. Такія намѣренія императрицы и ради нихъ начатыя сношенія съ сосѣдственными морскими державами, побудили графа Панина представить государынѣ свое мнѣніе, которое и апробовано ею 22 декабря 1778 года. Графъ Панинъ находилъ, что съ одной стороны сколько для насъ нужно и полезно оградить производимую съ Архангельскомъ иностранную торговлю, столько-же, напротивъ-того, собственнымъ нашимъ интересамъ въ политикѣ и коммерціи можетъ быть предосудительно всякое излишество въ принимаемыхъ для сего предмета общихъ съ другими дворами мѣрахъ. Свойство нашей торговли таково, что для нея вредно только перехватываніе кораблей, идущихъ къ пристани для забранія нашихъ товаровъ, а отнюдь не тѣхъ, кои возвращаются изъ Россіи съ грузомъ, ибо оные уже доставили Россіи дѣйствительную прибыль покупкою здѣшнихъ произведеній, а затѣмъ для насъ все равно—кто ими будетъ пользоваться: Американецъ или Англичанинъ. Совсѣмъ другое должно сказать въ-отношеніи судовъ, идущихъ къ нашимъ пристанямъ: чего изъ товаровъ они забрали, то цѣлый годъ должно напрасно у насъ лежать и обращаться въ убытокъ продавцу. Для избѣжанія такого неудобства, по мнѣнію

графа Панина, ничто не можетъ быть полезнѣе и дѣйствительнѣе, какъ намѣреніе принятое государынею — выслать будущею весною въ Сѣверное море три или четыре коробля и фрегата для прикрытія торговли и кораблеплаванія иностранныхъ народовъ къ Архангельску, безъ всякаго между ними различія. Командиру высылаемой эскадры должно предписать, дабы онъ во время своего крейсированія встрѣчающихся Англійскихъ, Французскихъ и Американскихъ корсаровъ отнюдь не озлоблялъ; но совѣтовалъ-бы имъ удаляться въ другія воды, по той причинѣ, что имъ въ сосѣдствѣ береговъ нашихъ не можетъ быть и не будетъ дозволено произведеніе ихъ ремесла, даже съ употребленіемъ противъ нихъ дѣйствительной силы при всякомъ ихъ покушеніи на какое-либо плывущее мимо судно, хотя-бы оно и непріятельское было. Вмѣстѣ съ этимъ графъ Панинъ признавалъ необходимымъ снестись по означенному предмету съ дворами Датскимъ и Шведскимъ, дабы они, подражая примѣру Русской государыни, также выслали свои эскадры въ открытое море и тѣмъ явили себя спутниками ея дѣла. Для общей пользы достаточно будетъ, если командиры этихъ эскадръ, учреждая свое частное крейсированіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ которой (въ интересахъ ея двора) нужнѣе, станутъ подавать одинъ другому руку помощи, и составятъ чрезъ то между собою надежную цѣпь, и если всѣ три сѣверныя державы единовременно учинятъ въ Лондонѣ и Парижѣ согласныя деклараціи о причинахъ высылки своихъ эскадръ въ Сѣверное море».

XVI. Естественныя науки.

Въ Вѣстникѣ естественныхъ наукъ напечатаны слѣдующія статьи: ***Горныя куропатки и тетерева-березовки на Альпахъ***, Чуди (№ 9); ***Аэростаты и возможность примѣненія ихъ къ практическимъ цѣлямъ***, Н. И. Тихѣева (ibid.); ***Электрическая машина***, Фигье (ibid. и № 10); ***Исполинская Веллингтонія***, Бертольда Земана (№ 9); ***Мамонтъ***, Негерата (ibid.); ***Естественно-историческія извѣстія*** (ibid. и № 10—12); ***Альпійскіе сурки***, Чуди (№ 10); ***Внѣшнія чувства, ихъ органы и отправленія***, Вебера (ibid. и № 12); ***Бамбукъ***, Грубе (№ 10); ***Въ воспоминаніе о Гумбольдтѣ***, рѣчь проф. В. И. Лапшина (ibid.); ***О нѣкоторыхъ процессахъ образованія въ природѣ*** (ibid.); ***О проявленіи постоянныхъ законовъ въ безчисленныхъ формахъ животнаго міра***, Оскара Шмидта (№ 11); ***Про-***

происхожденіе и свойство жемчуга, Р. Мебіуса (ibid.); *Карлъ Риттеръ*, Г. Траутшольда (ibid.); *О вліяніи сухости воздуха въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ на домашнюю жизнь, ремесленныя производства, тѣлосложеніе и духовныя способности жителей*, Е. Дезора (ibid.); *Система растеній и ея значеніе*, Зальцведеля (ibid.); *Собака*, Н. И. Орлова (ibid.); *О нравахъ Мадагаскарскаго ай - ая*, М. Сандвича (ibid.); *Ракъ-отшельникъ*, Льюза (ibid.); *Стрихнинъ* (ibid.); *Нѣчто о животной психологіи*, Д. Ф. Вейнланда (ibid.); *Ворона и галка альбиноски*, А. А....скаго (№ 12); *Животныя первобытнаго міра*, О. Шмидта (ibid.); *Матеріализмъ съ точки зрѣнія зоолога*, К. Гибеля (ibid.); *Матеріалы для естественной исторіи Британскихъ осъ*, Э. Ормерода, съ замѣчаніями Н. В. (ibid.); *Корнія*, А. С. Тарачкова (ibid.); *Водяной овесъ* (ibid.).

— «Карлъ Риттеръ». — Это—краткая, но замѣчательно-вѣрная характеристика ученыхъ заслугъ знаменитаго географа. Вотъ что, между-прочимъ, говорится объ этихъ заслугахъ: «Риттера должно почитать настоящимъ основателемъ новѣйшаго землевѣдѣнія; онъ былъ Эратосѳеномъ нашего времени, онъ первый началъ обработывать географію научнымъ образомъ, внесъ въ нее новый, но прямо относящійся къ ней матеріалъ и далъ ей совершенно новый видъ. Въ послѣднее время неоднократно выражено было мнѣніе, что разрѣшеніе труда, которое признано безусловно необходимымъ въ ремесленномъ производствѣ, должно быть введено и въ науку, потому-что силы и жизни одного человѣка недостаточно для того, чтобы обнять цѣлую науку во всѣхъ ея подробностяхъ. Матеріалъ каждой науки накопляется въ такихъ ужасныхъ размѣрахъ, что даже человѣку, одаренному самою энергическою дѣятельностью, и занимающемуся съ восторженнымъ увлеченіемъ, почти нѣтъ никакой возможности вполнѣ ознакомиться со всѣми ея отраслями и усвоить ее настолько, чтобы совершенно овладѣть ею. Тѣмъ не менѣе, однакожь, по временамъ, появляются не только такіе ученые, которые съ блестящимъ успѣхомъ подвизаются въ нѣсколькихъ наукахъ вдругъ, какъ напр. Гумбольдтъ, Араго и др., но и такіе, которые, подобно Риттеру, не довольствуясь тѣсными предѣлами своей науки, расширяютъ и распространяютъ ихъ включеніемъ въ область ея нѣсколькихъ вспомогательныхъ наукъ. Великій землевѣдъ нашъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ нѣжно любящій отецъ: чтобы лучше воспитать своего сына, онъ усыновилъ еще нѣсколько пріемышей. По-

литическій и орографическій элементъ землеописанія оттѣсняется на задній планъ изобиліемъ матеріала, который онъ заимствуетъ изъ глубокихъ историческихъ изслѣдованій, археологіи, сравнительной филологіи, физики, климатологіи и естествовѣдѣнія вообще, озаряя весь этотъ матеріалъ новымъ свѣтомъ. Горные хребты и возвышенности онъ описываетъ, какъ геологъ, растительность, какъ ботаникъ, животное царство, какъ геологъ, людей, какъ антропологъ-философъ. Все, что представлялось его взору на необъятномъ пространствѣ земнаго шара, нашло мѣсто въ его описаніи. Ничего не оставилъ онъ безъ вниманія, что могло послужить къ характеристикѣ извѣстной страны. Отъ зоркаго глаза его не укрылись ни исчезающія въ облакахъ вершины горъ, ни кишащія жизнію пучины морскія. Онъ старался начертать полнѣйшую картину всего, существующаго на землѣ, какъ созданнаго Богомъ, такъ и сдѣланнаго человѣкомъ. Все, что происходило на землѣ, все, что написано съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго дня, собрано имъ съ примѣрною добросовѣстностью. Онъ былъ естествоиспытателемъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова, онъ первый сдѣлалъ географію какъ-бы отраслію естественныхъ наукъ и первый указалъ человѣку и произведеніямъ человѣческимъ настоящее мѣсто въ системѣ землеописанія. Съ замѣчательнымъ искусствомъ описываетъ Риттеръ взаимныя отношенія и народовъ, восходя до глубочайшей древности. Въ изслѣдованіяхъ своихъ онъ постоянно придерживается сравнительнаго метода и съ невозмутимымъ спокойствіемъ и терпѣніемъ разсматриваетъ каждый предметъ со всѣхъ сторонъ; выводы его всегда ясны и остроумны, сужденія свободны отъ всякаго предубѣжденія и безпристрастны, критика неутомима. При анализѣ фактовъ онъ идетъ твердымъ и спокойнымъ шагомъ и всегда находитъ выходъ изъ мрака запутанныхъ преданій, всегда умѣетъ прочистить себѣ тропинку въ непроходимомъ лѣсу древнѣйшихъ документовъ и выбраться на открытую поляну, гдѣ-бы можно было отдохнуть и оріентироваться. Когда возьмешь въ руки томъ Риттерова «Землеописанія», то скоро убѣждаешься, что это не какая-нибудь энциклопедія путешествій, какъ можно-бы было подумать съ перваго взгляда, но рядъ монографій, составляющихъ, каждая сама по себѣ, самостоятельное цѣлое, обработанныхъ съ изумительною роскошью учености, развивающихся одна изъ другой съ совершенно естественною, логическою послѣдовательностью и соединяющихся такимъ образомъ въ

одну длинную, непрерывную цѣпь. При этомъ Риттеръ съ необыкновенною легкостью овладѣваетъ подавляющею массою своего матеріала, и безъ всякаго затрудненія проводитъ читателя по всѣмъ подробностямъ, требующимъ глубокой учености. Способъ изложенія его всегда пластиченъ, слогъ всегда плавенъ, увлекателенъ, съ самаго начала возбуждаетъ интересъ и поддерживаетъ его до конца».

Въ Химическомъ журналѣ помѣщены слѣдующія статьи: *О дѣйствіи безводной сѣрной кислоты на нѣкоторыя органическія соединенія*, А. Энгельгардта (кн. 7); *О молочной кислотѣ*, Н. Соколова (ibid.); *О нѣкоторыхъ явленіяхъ возстановленія*, Н. Бекетова (ibid.); *О соединеніи сѣры съ хлоромъ и дѣйствіи ихъ на метилевый алкоголь* (ibid.); *Объ оустонѣ* (ibid.); *О нѣсколькихъ новыхъ производныхъ оустона* (ibid.); *О дѣйствіи хлора на оустонъ и метилевый спиртъ* (ibid.); *О хинной кислотѣ* (ibid.); *О такъ-называемомъ ціаноформѣ* (ibid.); *Объ атамонтинѣ* (ibid.); *Объ ассимиляціи изоморфныхъ веществъ* (ibid.); *Превращеніе аустона въ альдегидъ* (ibid.); *О гликоляхъ или двухъатомныхъ алкоголяхъ*, Вюртца (кн. 3); *О нѣкоторыхъ производныхъ метилена*, А. Бутлерова (ibid.); *Дѣйствіе нѣкоторыхъ двухъосновныхъ галоидныхъ соединеній на щавелокислое серебро*, Н. Головкинскаго (ibid.); *Объ отдѣленіи малыхъ количествъ извести отъ магнезіи* (ibid.); *О дѣйствіи нѣкоторыхъ органическихъ веществъ на каліумамидъ* (ibid.); *О соланинѣ* (ibid.); *Объ искусственномъ образованіи виннокаменной кислоты* (ibid.); *Къ вопросу объ опредѣленіи понятія—кислота* (ibid.); *Наблюденія надъ образованіемъ марганцовистой кислоты*, Н. Бекетова (кн. 4); *О гліоксилевой кислотѣ и нѣкоторыхъ ея соляхъ* (ibid.); *Объ окисленіи этилэнгликоля* (ibid.); *О дѣйствіи сѣтильнаго и другихъ газовъ на соляные растворы* (ibid.); *Опредѣленіе удѣльнаго вѣса паровъ при высокихъ температурахъ* (ibid.); *О хромѣ и его соединеніяхъ* (idid.); *Опредѣленіе ртути титрованіемъ* (ibid.); *Объ этильгамаціи и золоченіи глинія* (ibid.); *Объ изоморфозѣ оловянной, кремневой и цирконовой кислоты* (ibid.); *О хлоровой водѣ, какъ фотометрическомъ средствѣ* (ibid); *О дѣйствіи безводной сѣрной кислоты на сѣрнистые металлы* (ibid.); *Объ особенномъ сродствѣ фосфорной кислоты съ окислами формулы* $Mt_4\ O_8$ (ibid.); *Объ извлеченіи фосфорной кислоты* (ibid.); *Новый способъ полученія хлористоватой кислоты* (ibid.); *О вліяніи сѣвернаго сіянія на количество озона въ воздухѣ* (ibid.); *Отдѣленіе магнезіи отъ щелочей* (ibid.); *О*

диморфизмѣ цинка (ibid); *О превращеніи хлористыхъ углеродовъ, C^2C_{16} и C^2Cl^4 въ щавельную кислоту* (ibid.); *Объ осажденіи металлическихъ окисловъ окисью ртути* (ibid.); *О гомологіи вообще и о физическихъ свойствахъ гомологовъ* (ibid.); *О іодоуксусной кислотѣ* (ibid.); *О дѣйствіи калія и натрія на іодистый этиль* (ibid.); *О пробковой кислотѣ* (ibid.); *Объ оустонѣ* (ibid.); *О соединеніяхъ виннокаменной кислоты съ глицериномъ* (ibid); *О дѣйствіи окиси углерода на алькоголятъ натрія* (ibid.); *Синтезисъ уксусной кислоты* (ibid.); *О дѣйствіи хлористаго оустона на сѣрнистый калій* (ibid.); *О дѣйствіи ѣдкихъ щелочей на азотнокислые эѳиры* (ibid.); *О сахарѣ печени* (ibid.); *О дѣйствіи озона на органическія соединенія* (ibid.); *Объ азотистокисломъ амилѣ* (ibid.); *О дѣйствіи азотной кислоты и смѣси сѣрной кислоты съ перекисью марганца на нѣкоторыя органическія основанія* (ibid.); *О хиноиинѣ* (ibid.); *О гликоголѣ* (ibid.); *О приготовленіи альдегида уксусной кислоты* (ibid.); *Опредѣленіе паевъ простыхъ тѣлъ* (кн. 5); *О паяхъ простыхъ тѣлъ* (ibid.); *Опредѣленіе пая бора* (ibid.); *Опредѣленіе пая марганца* (ibid.); *Опредѣленіе пая никкеля* (ibid.); *О соединеніяхъ кислотъ съ холестериномъ, этиленомъ, каморолемъ и менжиномъ* (ibid.); *О дѣйствіи пятихлористаго фосфора на сѣрнистые металлы* (ibid.); *О приготовленіи ангидрида сѣрной кислоты* (ibid.); *О растворимости мѣди въ мѣдномъ купоросѣ* (ibid.); *О растворенін желѣзныхъ рудъ при анализѣ ихъ* (ibid.); *О возстановленіи полуторохлористаго желѣза сѣрнистою кислотою* (ibid.); *Опредѣленіе свободной борной кислоты и ея летучесть* (ibid.); *Опредѣленіе серебра, свинца, ртути, висмута и кадмія въ видѣ сѣрнистыхъ соединеній* (ibid.); *Отдѣленіе сѣрнокислаго свинца отъ сѣрнокислаго барита* (ibid.); *Отдѣленіе отъ мѣди посредствомъ аммiака* (ibid.); *О соединеніяхъ муравьиной кислоты со щелочами и щелочными землями* (ibid.); *О янтарно-этилевой кислотѣ* (ibid.); *Объ аксалантинѣ* (ibid.); *О присутствіи мочевины въ молокѣ и насосѣ* (ibid.).

Въ общихъ періодическихъ изданіяхъ къ естественнымъ наукамъ принадлежатъ слѣдующія статьи: *О нѣкоторыхъ современныхъ явленіяхъ микроскопической анатоміи и нервной физіологіи*, Я. А. Розенблата (От. зап. № 10); *О современныхъ задачахъ физіологіи растеній*, С. А. Рачинскаго (Русск. вѣстн. № 17); *Рѣчь принца Альберта въ Британскомъ Обществѣ споспѣшествованія наукамъ* (ibid. № 18); *Гумбольдтова премія для путешествій и изслѣдованія природы* (ibid. № 19); *Поѣздка на пріискъ лазореваго*

камня въ окрестностяхъ Байкала, Д. И. Романова (ibid. № 22); *Отчетъ о путешествіи за границу* проф. Бутлерова (Учен. зап. Казан. унив. кн. III); *Нѣсколько словъ о геологіи въ Россіи*, Барботъ де-Марни (С.Пб. вѣд. № 189); *Новая группа планетъ между Меркуріемъ и солнцемъ* (Русск. инв. № 218); *Химія и сельское хозяйство*. Изъ новыхъ писемъ Либиха о химіи (Москов. вѣд. № 228, 239); *О Куяльникскомъ лиманѣ и объ обращеніи его въ самосадочное соляное озеро*, В. Рожкова (Одесск. вѣстн. № 124); *Нѣчто о небесномъ явленіи, видѣнномъ въ августѣ* (Кавк. № 74).

XVII. Медицинскія науки.

Въ Военно-медицинскомъ журналѣ помѣщены: По практической медицинѣ: *Краткій отчетъ о научной дѣятельности адъюнктъ-профессора Николая Якубовича за истекшій* $18^{59}/_{60}$ *академическій годъ въ Парижѣ* (№ 9); *Пенгаваръ-Джамби, волокна цибоція* (paleae cibotii), Е. Финке (ibid.); *О двойныхъ операціяхъ, совершаемыхъ одновременно или непосредственно одна за другою*, Гейфельдера (ibid.); *Ампутація 3-й и 4-й пястныхъ костей по способу Шимановскаго*, Сонгайло (ibid.); *Врачебныя вещества изъ ряда ртути*, Финке (ibid. и № 10); *О гальванокаустикѣ или примѣненіи электрической теплоты къ производству хирургическихъ операцій*, Платонова (№ 10); *Операція пузырно-влагалищнаго свища, по Американскому способу*, его-же (ibid.); *Флюоресценція прозрачныхъ средъ глазъ у человѣка и нѣкоторыхъ млекопитающихъ животныхъ*, И. Сѣченова (ibid.); *О леченіи искривленій матки*, Красовскаго (ibid.); *О предохранительномъ способѣ леченія промежности во время акта родовъ*, его-же (ibid.); *Взглядъ на излечимость бугорчатости легкихъ вообще и такъ-называемые цѣлебные процессы легочныхъ бугорковъ*, Варенухи (№ 11); *Микроскопическія изслѣдованія кишечныхъ испражненій*, Вильгельма Ламбля (ibid. и № 12); *Объ отказѣ сумасшедшихъ отъ принятія пищи*, Фрезе (№ 12); *Haematocele retro-uterina*, Платонова (ibid.); *Леченіе анкилозовъ по способу Бонне*, его-же (ibid.); *Новыя химическія и гистологическія изслѣдованія мочи умалишенныхъ*, Лаудера Линдсея (ibid.). По Гигіенѣ: *О публичныхъ и медицинскихъ садахъ*, акад. Э. Эйхвальда (№ 9); *Система походныхъ госпиталей Французской и Англійской армій*, М. Будена (№ 10); *Нѣсколько словъ о пчелахъ, пчеловодствѣ, медѣ, его поддѣлываніи и о воскѣ*, Трей-

фельда (№ 12); *О вредѣ отъ излишняго куренія табаку*, И. Буяльскаго (ibid.). — По судебной медицинѣ: *Отчетъ судебно-медицинскихъ изслѣдованій*, Іосифа Машка (№ 11). — По ветеринарнымъ наукамъ: *Общій историческій взглядъ на ветеринарную часть въ Россіи*, Прозорова (ibid. и № 12). — Въ смѣси: *Подкожная ирригація при тяжкомъ поврежденіи колѣна*, Свердзіе (№ 9); *Серозное выпотѣніе въ синовіальныхъ влагалищахъ сухожилій*, Ребинина (ibid.); *Вылущеніе заушной железы*, Берковскаго (ibid.); *Angina pectoris въ клиникѣ проф. Оппольцера, въ Вѣнѣ* (ibid.); *Новѣйшіе опыты леченія атропиномъ, Мана Мореша и Ф. Шольца, въ Вѣнѣ* (ibid.); *Употребленіе свинцоваго сахара въ видѣ порошка, прикладываемаго къ внутренней поверхности нижняго и верхняго вѣка при гноеточивомъ, катарральномъ и перелойномъ воспаленіи соединительной оболочки глаза* (ibid.); *Дѣйствіе baccarum myrtillorum при перелоѣ мочеиспускательнаго канала* (ibid.); *Аневризмы подколѣнной артеріи и леченіе ихъ посредствомъ сжатія* (ibid); *Распознаваніе кровяныхъ пятенъ* (ibid.); *Измѣненіе conii maculati при высушиваніи и причины слабаго дѣйствія extr. conii alcoholici et per expressionem* (ibid.); *Проба Перуанскаго бальзама на жирныя масла и копайскій бальзамъ* (ibid.); *Отличіе aq. laurocerasi отъ aq. amygdalarum amarar* (ibid.); *Средство, отнимающее у трескoваго жира свойственный ему непріятный запахъ и вкусъ* (ibid.); *Нарывная помада изъ кротоноваго масла*, Д. А. Фанъ-Бастелера (ibid.); *Дѣйствіе озона въ атмосферномъ воздухѣ* (ibid.); *Резекція костей пястья и запястья*, Вильковскаго (№ 10); *Случаи излеченія бѣлой опухоли колѣна*, Н. Жуковскаго (ibid.); *О присутствіи воды въ мозгу во время тифа*, Буля, въ Мюнхенѣ (ibid.); *Матеріалы для физіологіи пищеварительныхъ органовъ*, Е. Буша (ibid.); *Эскулинъ, какъ средство противъ перемежающихся болѣзней (antiperiodicum)* (ibid.); *Таннинъ въ большихъ пріемахъ противъ подкожной водянки при Брайтовой болѣзни* (ibid.); *Замѣчательный случай аневризмы грудной аорты*, Джона Пекера (№ 11); *Нѣсколько замѣчаній касательно леченія различныхъ формъ перелоя*, проф. Зигмунда въ Вѣнѣ (ibid.); *Осложненіе сифилитической болѣзни осепенною сыпью*, проф. Бамбергера (ibid.); *Методическое леченіе бѣлой опухоли*, проф. Гоппе (ibid.); *Случай значительнаго улучшенія врожденной глухонѣмости при помощи электричества*, Дюшеня (ibid.); *Переходъ лекарствъ изъ крови матери въ молоко, околоплодную жидкость и плодъ* (ibid.); *Впрыскиванія наркотическихъ жидкостей въ*

клѣтчатку при невралгіяхъ и другихъ болѣзняхъ, С. Гунтера (ibid.); *Pommade au perchlorure de fer, противъ вростанія костей въ мясо* (onyxis); *Хлористое кали противъ рака* (ibid.); *Чрезмѣрная смертность въ военной службѣ; сущность и причина эндемической чахотки у солдатъ; средство къ уменьшенію смертности въ арміяхъ въ мирное и военное время* (№ 12); *Леченіе аневризмы посредствомъ впрыскиванія раствора двутрехлористаго желѣза* (ibid.); *Употребленіе хлорновато-кислаго кали, какъ предохранительнаго и терапевтическаго средства противъ stomatitis mercurialis*, Лаборда (ibid.); *Значеніе хлорновато-кислаго кали при леченіи хроническаго воспаленія десенъ, сопровождаемаго или несопровождаемаго гноеточеніемъ изъ зубныхъ луночекъ*, его-же (ibid.); *Употребленіе брома въ ложно-перепончатыхъ болѣзняхъ* (ibid.); *Брюшная водянка, излеченная посредствомъ впрыскиванія іода* (ibid.); *Электричество, какъ средство, способствующее отдѣленію молока* (ibid.); *Нѣкоторыя неудобства при изслѣдованіи глаза посредствомъ глазнаго зеркала*, Демарра (ibid.); *Наблюденіе надъ потомъ околоушной желѣзы* (ibid.); *Осенное воспаленіе яичка* (ibid.); *Зондированіе посредствомъ трубки* (ibid.).

Изъ статей, помѣщенныхъ въ Другѣ здравія, замѣчательны слѣдующія: *Болѣзни, доступныя гидрическому леченію*, Гржимало (№ 36, 41, 46 и 48); *Ракъ рта у курильщиковъ табаку* (№ 36, 39, 40, 41, 42, 43); *Золотушное пораженіе* (№ 38); *Замѣчательной величины маточный полипъ*, Жижиленко (№ 40); *Леченіе коклюша кофейнымъ сиропомъ* (№ 41); *Отравленіе фосфоромъ* (№ 42); *Употребленіе хлороформа противъ чесотки* (№ *Новое средство сокращать продолжительность родовъ* (№ 44); *Разрывъ промежности*. Операція Т. Севрука (№ 45); *Отдѣленіе молока въ грудяхъ, могущее ввести въ заблужденіе, какъ признакъ беременности* (ibid.); *Микстура въ приступахъ удушья* (№ 46); *О натуральномъ и искусственномъ кормленіи грудныхъ дѣтей*, W. Henry Cumming (№ 47); *О признакахъ наслѣдственнаго сифилиса у взрослыхъ* (ibid.); *Излечимость и леченіе легочной чахотки* (№ 48).

Въ Московской медицинской газетѣ, въ числѣ прочихъ статей, напечатаны слѣдующія: *Объ употребленіи Либихова мяснаго экстракта (бульона) для грудныхъ дѣтей* (№ 36); *Туземная медицина въ Индіи* (ibid.); *Леченіе Сибирской язвы у людей*, Мединцова (№ 38); *Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на общественное здо-*

ровье (ibid. и № 39); *О рожѣ новорожденныхъ и о леченіи ея іодомъ*, В. Голицинскаго (№ 39, 40); *О болѣзняхъ спиннаго мозга и его оболочекъ вообще*, Оппольцера (№ 40, 42); *Отношеніе врача къ больнымъ и мнимоумершимъ*, Н. Сковскаго (№ 40 и 41); *О лихорадкѣ*, Клода Бернара (№ 41 и 42); *Эротическія повѣрья и евнухи древняго Рима*, Я. Ф—ра (№ 42 и 43); *Общій характеръ болѣзней въ первой трети настоящаго года и обстоятельства, ему сопутствовавшія* (ibid.); *Вскрытіе дыхательнаго горла*, Новицкаго (№ 44); *Новый способъ леченія грудныхъ болѣзней вдыханіемъ лекарствъ въ мелкораздробленномъ видѣ*, Саль-Жирона. Беркута (Ibid.); *Наука и практика*, Н. Кулькова (ibid. и № 45); *Случай казавшагося врожденнаго органическаго порока въ груди*, С. С. Каминскаго (№ 45); *Нѣкоторыя медико-статистическія замѣчанія, относящіяся къ условіямъ народонаселенія въ Россіи*, А. И. Блументаля (№ 46); *Объ отношеніи брачнаго и безбрачнаго состоянія къ долговѣчности* (ibid.); *Возстановленіе совершенно сросшагося маточнаго рукава*, К. Соколова (№ 47); *Удобоваримость пищи* (ibid.); *О леченіи вторичной сифилитической болѣзни помощію сифилизаціи*, Скиро (№ 48 и 49); *Взглядъ врача на женское воспитаніе*, А. Тыранова (№ 48); *Есть-ли школы и стремленія въ Русской медицинѣ?* С. Смирнова (ibid. и № 49); *Современное состояніе вопроса о сифилизаціи* (№ 49); *Эпидемическая конституція болѣзней за вторую треть* 1859 *г.*, Фе (№ 51); *Начало и распространеніе сифилитической болѣзни и надежнѣйшія мѣры для охраненія отъ нея народнаго здравія*, Забѣлина (ibid. и № 52); *Нѣкоторыя статистическіе выводы относительно общей смертности по городу Москвѣ въ* 1858 *г.* (№ 52).

Въ Гигеѣ: *Объ условіяхъ, способствующихъ сокращенію жизни*, А. Ильинскаго (кн. 5); *Гигіена старости*, Новишина (ibid. и № 6, 7, 8, 9); *Частная физіологія*, А. Ильинскаго (ibid. и № 6, 7, 8); *Совѣты, какъ долго жить*, Людвига Корнаро. Перев. съ Французскаго Иваномъ Ильинскимъ (ibid.); *Мысли Joseph-Jean Gurney, объ общихъ началахъ воспитанія* (№ 5); *Письма старика къ своимъ дѣтямъ*, И. Ильинскаго (ibid. и № 7, 8 и 9); *О тѣлодвиженіяхъ въ гигіеническомъ отношеніи*, Л. Зиссермана (№ 7); *Гигіена души*, соч. барона Фейстерслебена. Перев. И. Ильинскаго (№ 7, 8 и 9); *Практическія замѣтки о климатахъ* (№ 7 и 8); *О воспитаніи дѣтей въ первые годы жизни*, А. Ильинскаго (№ 8); *Островъ Мадера*, И. К. (№ 9).

— «Взглядъ врача на женское воспитаніе». — Вотъ что говоритъ авторъ объ этомъ важномъ предметѣ со спеціально-медицинской точки зрѣнія: «Всѣ согласны, что цѣль воспитанія женщины, — кромѣ возможно-широкаго развитія общаго образованія, — есть *образованіе будущей матери*. Прослѣдя внимательно программу нашего воспитанія женщинъ, нельзя не замѣтить въ ней важнаго недостатка, относительно достиженія послѣдней цѣли. Всякій медикъ со мной согласится, да притомъ кому изъ врачей и не приходилось встрѣчать женщинъ достаточно образованныхъ, кончившихъ курсъ въ лучшихъ нашихъ институтахъ, которыя, выйдя за-мужъ и сдѣлавшись беременными, не знали самыхъ простыхъ предосторожностей, необходимыхъ въ этомъ положеніи, а также во время и послѣ родовъ. Дѣтей многія изъ нихъ и не видывали; мнѣ случалось встрѣчать такихъ, вообще довольно образованныхъ, матерей, которыя не умѣли узнать здоровъ ихъ дитя или боленъ и только случайно, по счастію, не вредили имъ. Слѣдствіемъ такого незнанія очень часто бываютъ различнаго рода болѣзни женщинъ и дѣтей. Да и кто въ самомъ дѣлѣ научитъ ихъ всѣмъ этимъ, столь необходимымъ для здоровья ихъ и ихъ дѣтей знаніямъ? Мнѣ скажутъ: «мать, родственницы»; но что-же, если у нѣкоторыхъ очень часто нѣтъ матери, нѣтъ родственницы? Да при томъ гдѣ-же прежнія матери могли почерпнуть всѣ знанія? Эти знанія онѣ пріобрѣтаютъ или горькимъ опытомъ, или отъ повивальныхъ бабокъ, повитухъ; чаще-же всего въ каждомъ классѣ общества господствуютъ преданія и предразсудки, рѣдко дѣльные, обыкновенно смѣшные и вредные для здоровья и матери и новорожденныхъ. На это могутъ возразить, что всякая мать должна и можетъ обращаться къ медикамъ или читать книги въ родѣ: «Другъ матерей». «Совѣтъ матерямъ». На это я скажу: такъ-какъ во время ея дѣвства все отъ нея скрывается, считается, что неприлично, стыдно ей знать; то мудрено-ли, что, въ первое время по выходѣ за-мужъ, женщина стыдится совѣтоваться не только съ медикомъ, но даже и съ близкими ей женщинами; да притомъ ей и въ голову не приходитъ необходимость знаній и предосторожностей. Что же касается до книгъ, о которыхъ я упомянулъ выше, то онѣ у насъ не такъ распространены, чтобы всякая новобрачная могла ихъ имѣть и читать. Вотъ еслибы священникъ выдавалъ ее вмѣстѣ съ библіей всякой новобрачной и совѣтывалъ ей прочитывать, то

можно-бы было отчасти ожидать отъ нихъ пользы. Но такъ-какъ этого у насъ нѣтъ, совѣтъ съ медиками тоже не для всѣхъ доступенъ и не всегда желателенъ, то не лучше-ли, я думаю, было-бы въ послѣднихъ классахъ женскихъ гимназій сообщать вкратцѣ свѣдѣнія о томъ, какъ беречь себя женщинѣ въ то время, когда она готовится быть матерью, становится ею и послѣ, а также и о первоначальномъ воспитаніи новорожденныхъ? Если нѣкоторые найдутъ это неприличнымъ, то скажемъ, что вѣдь всѣмъ извѣстно, что дѣвицы интересуются знать все касающееся брачной жизни и узнаютъ различными путями, только не то, что нужно и полезно, а напротивъ часто то, что совершенно не нужно и вредно. Такъ не лучше-ли имъ знать все это научнымъ путемъ отъ опытной женщины, нежели подкарауливать закулисный, соблазнительный вздоръ? Или дожидаться печальныхъ опытовъ для пріобрѣтенія поздно приходящихъ свѣдѣній?»

Въ общихъ періодическихъ изданіяхъ къ медицинскимъ наукамъ относятся слѣдующія статьи: *О распространеніи чумы рогатаго скота въ 1858 году* (Журн. мин. вн. дѣлъ № 10); *Сочиненіе доктора Блосфельда: «О правахъ утробныхъ и новорожденныхъ недоношенныхъ младенцевъ»* (Архивъ истор. и практ. свѣд. о Россіи кн. IV); *Собраніе открытій и наблюденій по предмету фармакологіи, сдѣланныхъ съ* 1856 *по* 1859 *г.*, проф. Соколовскаго (Учен. зап. Казан. унив. кн. III); *Сѣрнистый Александровскій источникъ въ Пятигорскѣ* (СПб. вѣд. № 196); *Нѣсколько словъ по поводу статей о сельскихъ лечебницахъ и священникахъ-врачахъ*, Собольщикова (ibid. № 224); *Важное гигиеническое предостереженіе насчетъ тренія нашей кожи мочалкою въ Русской банѣ* (Русск. инв. № 263); *Новый способъ леченія заиканія посредствомъ гимнастики* (Сѣв. пч. № 189); *О дыханіи* (Кіевск. телегр. № 47).

XVIII. Промышленость, технологія и сельское хозяйство.

По разнымъ отраслямъ промышлености, технологіи и сельскаго хозяйства, а также по части благоустройства сельскаго быта, въ специальныхъ повременныхъ изданіяхъ между-прочимъ помѣщены слѣдующія статьи: въ Журн. сельск. хоз.: *Агрономическая поѣздка по Россіи*, А. Журдье (№ 9 и 10); *О всенародномъ распространеніи грамотности на религіозно-христіански-нравственномъ основаніи*, С. Маслова (№ 10); *Леченіе рога-*

таго скота паромъ отъ повальной болѣзни чумы, А. Авксентьева (№ 10); въ Зап. Имп. Каз. экон. общ.: *Хозяйственное описаніе мѣстностей сѣвернаго Верховажскаго края, Слободскаго округа*, И Кабардина (№ 9, 10); *Чуваши Бугурусланскаго уѣзда Самарской губерніи* (матеріальный и нравственный ихъ бытъ), А. Глинскаго (№ 9); *Замѣтки на вопросы о скотоводствѣ юго-восточной полосы Россіи* (№ 10); *Свѣдѣнія о состояніи скотоводства въ сѣверо-восточномъ краѣ Россіи* (№ 11); *О падежѣ рогатаго скота* (№ 10, 12); *Практическое руководство къ золоченію*, И. Благовѣщенскаго (ibid.); *Опыты разведенія хлѣбовъ въ Березовскомъ краѣ*, свящ. І. Тверитина (№ 12); *Проектъ товарищества застрахованія скота*, Чек—ова (ibid.); *Промышленость жителей Печерскаго края*, свящ. Г. Терентьева (ibid.); въ Журн. мануф. и торг.: *Варранты и продажи оптомъ съ аукціона въ Англіи и Франціи*, В. Татаринова (№ 9); *Корея и ея будущность*, Леона де Рони (ibid.); *Краткій обзоръ главнѣйшихъ торговыхъ операцій на Нижегородской ярмаркѣ* 1859 *г.* (ibid.); *О публичномъ преподаваніи техническихъ наукъ въ* 1858—59 *академическомъ году* (№ 10); *Селеніе Россъ*, В. Потѣхина (ibid.); *Торговля Англіи въ* 1857 *и* 1858 *г.* (ibid.); *Краткій обзоръ технической литературы за вторую половину* 1858 *года* (№ 10 и 12); *Фотогеновое производство въ Германіи*, В. Шмидта (№ 11); *Изслѣдованіе объ Амурѣ и торговлѣ Восточной Сибири*, К. Эйма (ibid.); *Новѣйшія улучшенія въ обработкѣ торфа* (№ 12); *Нижегородская ярмарка* 1859 *года* (ibid.); въ Зап. Имп. общ. сельск. хоз. Южн. Рос.: *О Бордосскомъ винодѣліи*, Д. Струкова (№ 9); *Краткое описаніе Таврической губерніи* (№ 10 и 11); *О воздѣлываніи винограда* (№ 10); *Бороны*, И. Палимпсестова (№ 10, 11, 12); въ Журн. охоты: *Аллигаторъ* (№ 9); *Какіе бываютъ охотники*, Е. Прокудина-Газскаго (№ 8, 9); *Псовая охота*, его-же (№ 11); *Револьверы* ((ibid.); *Охотничьи письма изъ прошлаго вѣка* (№ 12).

— «О преподаваніи техническихъ наукъ въ 1858—59 академическомъ году».—Въ этой статьѣ, редакція журн. ман. и торг. сообщаетъ полученныя ею въ послѣднее время свѣдѣнія о ходѣ публичнаго преподаванія техническихъ наукъ въ отечественныхъ университетахъ, гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, которое производится на счетъ суммъ министерства финансовъ. Въ-теченіе 1858—1859 учебнаго года, какъ и въ предшествовавшіе годы, лекціи техническихъ наукъ были читаны: въ университетахъ —

Дерптскомъ, Харьковскомъ, св. Владиміра и Казанскомъ; въ реальныхъ отдѣленіяхъ при гимназіяхъ — Курской, Виленской, Бѣлостокской, Тульской и третьей Московской и при второмъ Рижскомъ уѣздномъ училищѣ.

Въ *Дерптскомъ университетѣ* публичныя лекціи были читаны профессорами Кемтцомъ, Шмидтомъ и Петцольдомъ. Первый читалъ 40 лекцій объ электричествѣ и магнитизмѣ, въ-особенности въ-примѣненіи къ мануфактурамъ, ремесламъ и практической жизни. Второй имѣлъ 44 лекціи, предметомъ которыхъ были — процессъ питанія, съѣстные припасы, химическій ихъ составъ, подмѣшиваніе въ нихъ разныхъ постороннихъ веществъ. Третій читалъ 38 лекцій, по предмету технологіи, о добываніи и обработкѣ металловъ. Слушателей было—у Кемтца 72, у Шмидта 80 и у Петцольда 58 человѣкъ. — Подробныхъ программъ означенныхъ курсовъ изъ министерства народнаго просвѣщенія сообщено не было.

Въ *Харьковскомъ университетѣ* публичныя лекціи техническихъ наукъ читали: 1) ординарный профессоръ Соколовъ — прикладной механики; лекцій по этому предмету было 20, каждая по два часа, а слушателями были студенты разряда математическихъ наукъ, гимназисты и нѣсколько изъ частныхъ лицъ. 2) Ординарный профессоръ Коссовъ читалъ технологію; лекцій по этому предмету было 16, каждая по два часа; число слушателей доходило до 150. 3) За отсутствіемъ адъюнкта Бекетова, тотъ-же профессоръ Коссовъ преподавалъ техническую химію; лекцій было 18, по два часа каждая, а билетовъ на слушаніе было роздано до 300. По предмету *механики*, послѣ краткаго обзора главнѣйшихъ началъ науки, по желанію слушателей, съ особенною подробностію объяснено было устройство паровыхъ машинъ.—По *технологіи* прочитаны были слѣдующія статьи: приготовленіе крахмала и превращеніе его въ декстринъ и сахаръ, сахарвареніе и раффинированіе сахара, пивовареніе, винокуреніе, приготовленіе уксуса, выжиманіе масла изъ сѣмянъ, салотопленіе, мыловареніе и приготовленіе разнаго рода свѣчъ, обработка кожъ и клееваренie и приготовленіе пряжи и тканей. — По *химіи*, послѣ краткаго введенія, прочитано о воздухѣ, кислородѣ, водѣ, угольной кислотѣ, углѣ, горѣніи, объ окисленныхъ соединеніяхъ азота, объ амміакѣ, о сѣрѣ, сѣрнистоводородной, сѣрнистой, сѣрной и подсѣрной кислотахъ, о фосфорѣ и приготовленіи спичекъ, о соединеніяхъ фосфора, о хлорѣ, соляной кислотѣ, подхлорнистой кислотѣ и ея соляхъ,

о бѣленіи тканей, о бромѣ, іодѣ и фторѣ, о борной кислотѣ и бурѣ, кремлевой кислотѣ и стеклѣ, о глинѣ и разныхъ глиняныхъ издѣліяхъ, о добываніи употребительнѣйшихъ металловъ и важнѣйшихъ солей.

Въ *университетѣ св. Владиміра:* 1) заслуженнымъ профессоромъ Фонбергомъ читано 48 часовыхъ лекцій *прикладной* (*технической*) *химіи*, на которыхъ слушателей разныхъ сословій было отъ 20 до 100 человѣкъ. Предваривъ слушателей общими свѣдѣніями о причинѣ химическаго видоизмѣненія матеріи, изъ котораго проистекаетъ предметъ прикладной (технической) химіи, профессоръ Фонбергъ изложилъ разныя статьи оной сообразно съ порядкомъ, принятымъ въ химіи теоретической. Въ первой, т.-е. неорганической части науки, начавъ съ важнѣйшихъ металлоидовъ: водорода, кислорода и азота, которые входятъ въ составъ воды и атмосфернаго воздуха, профессоръ Фонбергъ въ послѣдующихъ статьяхъ изложилъ свойства причинъ неметаллическихъ началъ, какъ-то: хлора, сѣры, фосфора, углерода, бора и кремнія, вмѣстѣ съ соединеніями ихъ, служащими предметомъ или важнымъ пособіемъ для разныхъ техническихъ производствъ. За тѣмъ слѣдовали статьи, относящіяся къ металламъ, при которыхъ объясняемы были и разныя смѣси ихъ съ металлоидами, такъ-называемые сплавы, и свѣдѣнія о составахъ 2-й и 3-й степеней, извѣстныхъ въ химіи подъ именемъ простыхъ и двойныхъ солей. Во второй, т.-е. органической части химіи, указавъ на отличіе матеріи, входящей въ составъ растеній и животныхъ, отъ матеріи неорганической, г. Фонбергъ всѣ статьи оной раздѣлилъ на статьи касающіяся: а) безъазотныхъ органическихъ составовъ и б) составовъ азотныхъ. Въ числѣ первыхъ описаны были: постоянныя масла, жиръ, воскъ, эѳирныя масла, смолы, разные виды камеди, пектинъ, крахмалы, сахары, древесина, каучукъ и гутта-перча, разные пигменты, вяжущее начало, а также кислоты: щавелевая, лимонная, винная и уксусная, вмѣстѣ съ употребительнѣйшими солями. Въ отдѣленіи-же азотныхъ составовъ изложены были статьи о клеберѣ, фибринѣ, бѣлковинѣ, казеинѣ, студени и животномъ экстрактѣ. Обзоръ теоріи разложенія органическихъ тѣлъ доставилъ статьи, на которыхъ основаны многія техническія производства, именно: сидка смолы и дегтя, добываніе пиродревеснаго уксуса, нашатыря, желѣзисто-синероднаго калія, берлинской лазури, вина, водокъ, спирта, уксуса и др. Словесныя объясненія, при из-

ложенія вышеозначенныхъ статей, сопровождаемы были опытами. Нѣкоторыя химико-техническія производства дѣлаемы были на лекціяхъ въ маломъ видѣ, и вниманіе слушателей, главнымъ образомъ, было обращаемо на предметы, находящіеся въ связи съ отраслями промышлености, которыхъ заведеніе или распространеніе въ нашемъ государствѣ болѣе полезны. Съ возможною-же подробностію изложены были статьи, имѣющія мѣстную важность. Лекціи прикладной (технической) химіи были читаны профессоромъ Фонбергомъ въ химической лабораторіи университета, по два часа въ недѣлю и по слѣдующимъ руководствамъ: *Dumas*, Traité de chimie appliquée aux arts и *Schubarth'*, Handbuch der technischen Chemie.

2) Публичныя лекціи *технологіи* читаны были тѣмъ-же профессоромъ Фонбергомъ, для лицъ всѣхъ состояній, и заключали въ себѣ слѣдующія статьи: о разныхъ способахъ освѣщенія; объ отливкѣ свѣчъ, устройствѣ кенкетовъ и ламиъ, а также снаряда для газоваго освѣщенія; о сгараніи вообще; о жженіи угля и добываніи разныхъ продуктовъ сухой перегонки; о способахъ, употребляемыхъ для топки жилищъ. О добываніи и техническомъ употребленіи сѣры, а также сѣрнистой и сѣрной кислотъ. О приготовленіи поташа и селитры; о селитряной кислотѣ. Объ устройствѣ градировъ и варницъ для приготовленія поваренной соли; о добываніи глауберовой соли и соды; о соляной кислотѣ и бѣлильныхъ составахъ. Объ амміакѣ и о разныхъ способахъ приготовленія нашатыря. О дѣланіи стекла, хрусталя и эмали. О мыловареніи. О сжатіи извести; объ известкѣ обыкновенной и гидравлической; о цементахъ и гипсѣ. О добываніи и употребленіи квасцовъ. О глиноземѣ и глинахъ; о приготовленіи глиняныхъ издѣлій: фарфоровыхъ, каменныхъ, фаянсовыхъ и въ-особенности гончарныхъ; объ обжиганіи кирпича. Докимазія и металлургія желѣза. Докимазія и металлургія мѣди, олова и свинца. Металлургія ртути, серебра, золота и платины. О льнѣ, пенькѣ и хлопчатой бумагѣ; о фабрикаціи писчей бумаги. О шелкѣ и шерсти. О приготовленіи крахмала и крахмальнаго сахара. О добываніи сахара обыкновеннаго, какъ сырца, такъ и раффинада. О броженіи вообще и въ-особенности о пивовареніи. О винокуріи. О хлѣбопеченіи. О фабрикаціи уксуса. О гніеніи и тлѣніи вообще, и о разныхъ способахъ сохраненія органическихъ матерій отъ порчи. О кожевенномъ ремеслѣ. О красильномъ и набойномъ искусствахъ.—Публичныя лекціи технологіи были читаны въ технологической лабораторіи университета

по руководству Рудольфа Вагнера, по два часа въ недѣлю. Впродолженіе всего курса прочитано 48 часовыхъ лекцій, на которыхъ слушателей разныхъ сословій было, среднимъ числомъ, до 40 человѣкъ.

Въ *Казанскомъ университетѣ* читаны были, по 2 часа въ недѣлю, лекціи профессорами: Бутлеровымъ—технической химіи, Котельниковымъ—практической механики, и Чугуновымъ—технологіи. По первой изъ этихъ наукъ предметомъ чтенія были явленія горѣнія въ обширномъ смыслѣ. Посредствомъ опытовъ, слушатели ознакомлены были сначала съ внѣшней стороной химическихъ явленій, и потомъ изъ фактовъ, данныхъ опытами, выведены были общія заключенія о законахъ, выработанныхъ наукой, и объясняющихъ эти факты. Вмѣстѣ съ тѣмъ указано было и на предметъ занятій химіи чистой и технической. Далѣе вниманіе слушателей остановлено было преимущественно на тѣхъ случаяхъ соединенія различныхъ тѣлъ съ кислородомъ, которые сопровождаются отдѣленіемъ теплоты и свѣта. Пространно говорено было о приложеніи явленій горѣнія, и указано на тѣ теоретическія условія, къ достиженію которыхъ стремится въ этомъ случаѣ практика. За тѣмъ, указавъ на невозможность рѣзкаго разграниченія между явленіями настоящаго горѣнія въ кислородѣ и другими видами химическаго соединенія, профессоръ упомянулъ о горѣніи въ парахъ сѣры, въ хлорѣ и проч. и о случаяхъ окисленія, въ которыхъ нѣтъ замѣтнаго отдѣленія свѣта и теплоты. Наконецъ, описаны были важнѣйшія изъ кислыхъ и щелочныхъ продуктовъ окисленія и указаны техническія приложенія ихъ. Преподаватель постоянно стремился къ тому, чтобы сдѣлать изложеніе вполнѣ удобопонятнымъ для каждаго. Всѣ чтенія сопровождались многочисленными опытами. Ежегодное увеличеніе числа слушателей, съ того времени, какъ начались публичныя чтенія, особенно замѣтно было въ зиму 1858—59 г. Обстоятельство это, замѣчаетъ г. Бутлеровъ, служитъ отраднымъ доказательствомъ возрастающаго въ публикѣ сочувствія къ наукѣ.

Публичныя лекціи *практической механики* были читаны, какъ сказано выше, по два раза въ недѣлю, при чемъ были преподаны слѣдующія статьи: О силахъ, движеніи и равновѣсіи; законы равновѣсія простыхъ машинъ; общія понятія о составѣ сложныхъ машинъ; объ измѣреніи силъ помощію динамометра; понятіе о вычисленіи работъ машинъ. О свойствахъ различныхъ двигателей

съ нѣкоторою подробностію была изложена статья о примѣненіи электромагнитизма къ движенію машинъ и объ устройствѣ электрическихъ телеграфовъ, при чемъ производимы были опыты надъ моделями электро-двигательныхъ машинъ и надъ циферблатнымъ телеграфомъ. О приводахъ для передачи и преобразованія движенія: блокахъ, шкивахъ, барабанахъ, веревкахъ, цѣпяхъ, шнурахъ, зубчатыхъ колесахъ различныхъ формъ, эксцентрикахъ, кривошипахъ, шатунахъ, коромыслахъ и проч. Затѣмъ приступлено было къ спеціальному изученію паровыхъ и гидравлическихъ машинъ. Изложены были необходимыя свѣдѣнія о физическихъ свойствахъ водянаго пара и во всей подробности были разсмотрѣны различныя части, составляющія паровую машину въ полномъ ея составѣ, при чемъ устройство фабричныхъ машинъ было объясняемо на моделяхъ, а устройство локомотивныхъ машинъ на подобныхъ чертежахъ. Изложены были необходимыя свѣдѣнія изъ гидродинамики и во всей подробности разсмотрѣно было устройство гидравлическихъ колесъ, какъ вертикальныхъ (на моделяхъ), такъ и горизонтальныхъ (на чертежахъ), и также устройство водостолбовыхъ машинъ. Преподаватель не упускалъ изъ виду излагать, по-возможности общедоступнымъ языкомъ, теоретическія начала, которыми должно руководствоваться при построеніи всѣхъ вышеозначенныхъ машинъ. Нѣсколько лекцій, оставшихся до заключенія курса, было посвящено разсмотрѣнію машинъ, служащихъ для переноски грузовъ по вертикальному и горизонтальному направленіямъ, а именно: были разсмотрѣны домкраты, полиспасты, гидравлическіе прессы, гаспели, подъемы (Aufzüge), журавли или краны, кабестаны, двухколесныя и четырехколесныя телѣги и проч., при чемъ обращаемо было вниманіе слушателей на сопротивленіе движенію, зависящее отъ качества дороги.

Лекціи *технологіи* въ Казанскомъ университетѣ начались 2 октября 1858 года и окончены 30 марта 1859 года. Въ-теченіе этого времени было изложено: 1) подробное описаніе производствъ, основанныхъ на обработкѣ и примѣненіи глины, а именно: а) приготовленіе фарфоровыхъ издѣлій, b) приготовленіе фаянсовыхъ издѣлій, c) приготовленіе обыкновенной глиняной посуды, d) кирпичное и черепичное производства. 2) Затѣмъ изложены были производства, основанныя на примѣненіи различныхъ матеріаловъ для освѣщенія, а именно: а) приготовленіе газа для освѣщенія: каменноугольнаго, древеснаго, маслянаго и смолянаго, b) производ-

ство салотопенное, c) производство свѣчносальное, d) производство стеариновое. 3) Въ связи съ вышеизложенными отдѣлами заводской промышлености, послѣ описанія ихъ, было разсмотрѣно въ подробности производство мыловаренное. 4) Въ-заключеніе, по изложеніи общей теоріи кожевеннаго дѣла, сдѣланъ былъ очеркъ всѣхъ отраслей кожевеннаго производства. При чтеніи лекцій обращалось вниманіе сколько на техническую, столько-же и на экономическую сторону производствъ, преимущественно въ-отношеніи къ сѣверо-восточной полосѣ Россіи. По-возможности сопровождались лекціи указаніемъ техническихъ пріемовъ и операціи на опытѣ.

Вслѣдствіе опубликованія дирекціею училищъ Курской губерніи въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и объявленія ученикамъ Курскаго уѣзднаго училища, въ *реальные классы при Курской гимназіи* поступило 18 постоянныхъ слушателей, въ числѣ коихъ было 15 изъ учениковъ высшихъ классовъ Курскаго уѣзднаго училища и 3 изъ лицъ постороннихъ. Слушатели принадлежали большею частію къ сословію купцовъ и мѣщанъ. Чтенія начаты были 2 октября 1858 г. и продолжались, въ назначенные дни и часы, непрерывно по 1 апрѣля 1859 года, исключая праздничныхъ и вообще неучебныхъ дней. Всѣхъ уроковъ дано: по практической механикѣ и торговому счетоводству—старшимъ учителемъ гимназіи Вѣржинскимъ—40; по технической химіи и практической технологіи—старшимъ учителемъ Островскимъ — 32 и по черченію и рисованію въ примѣненіи къ искусствамъ и ремесламъ —учителемъ рисованія, черченія и чистописанія при гимназіи, Лебедевымъ 37 уроковъ. 24 апрѣля 1859 года произведено было, въ засѣданіи педагогическаго совѣта гимназіи, полугодичное испытаніе лицамъ, посѣщавшимъ реальные классы. Къ этому испытанію явились 4 слушателя, изъ которыхъ 3 подвергались оному уже во второй разъ и одинъ лишь за одно послѣднее полугодіе; изъ первыхъ 2 слушателя, выдержавшіе въ оба раза удовлетворительное испытаніе по всѣмъ предметамъ реальнаго курса, удостоены педагогическимъ совѣтомъ выдачи аттестата, съ распространеніемъ на нихъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ положеніемъ о реальныхъ классахъ.

Въ *реальномъ отдѣленіи при Виленской гимназіи* состояли въ 1858—59 учебномъ году преподаватели: старшіе учители гимназіи: Квятковскій и Тамулевичъ и учитель Виленскаго казеннаго

Еврейскаго реальнаго училища Веригo, преподававшіе: Квятковскій—механику, Тамулевичъ—химію и технологію и Вериго—геометрическое черченіе. Съ 1 октября 1858 по 30 апрѣля 1859 года въ реальномъ отдѣленіи обучалось 28 учениковъ; къ экзамену-же явилось только 7. Изъ нихъ 2 ученика высшихъ классовъ гимназіи и 5 вольныхъ слушателей, въ томъ числѣ дворянъ 2 и мѣщанъ 5.

Въ преподаваніи предметовъ въ Виленскомъ реальномъ отдѣленіи слѣдовали, безъ измѣненія, направленію, указанному начальствомъ. Уроки химіи были преподаваемы по руководству *Штекгардта*, механики — по курсамъ механики *Ястржембскаго* и *Писаревскаго*, технологическія свѣдѣнія сообщаемы были по курсу технологіи *Ильенкова*, а геометрическое черченіе—по сочиненію *де-Біалья*. Учебныя пособія Виленскаго реальнаго отдѣленія состоятъ: 1) въ сочиненіяхъ, соотвѣтствующихъ преподаваемымъ предметамъ, въ числѣ 101 названія, составляющихъ 355 томовъ, въ 54 моделяхъ для практической механики и въ разныхъ химическихъ препаратахъ. Окончательный экзаменъ ученикамъ реальнаго класса былъ произведенъ 27 и 30 апрѣля. Къ экзамену явилось 7 учениковъ; изъ нихъ оказали успѣхи: отличные 5 и хорошіе 2. Всѣ они представили къ испытанію собственной работы химическіе препараты и тетради геометрическаго черченія. Виленское реальное отдѣленіе помѣщается въ зданіи гимназіи.

Бѣлостокское реальное отдѣленіе считаетъ 17-й годъ своего существованія; къ 1 апрѣля 1859 года кончилось 2-е полугодіе восьмаго курса реальныхъ наукъ, опредѣленнаго въ два зимнія полугодія. При реальномъ отдѣленіи въ-теченіе 2-го полугодія 1858—59 находились: учитель техническихъ наукъ 1 и учитель геометрическаго черченія 1, оба изъ учителей гимназіи. Къ слушанію 2-го курса явилось 28 человѣкъ изъ учениковъ трехъ высшихъ классовъ гимназіи. Изъ нихъ: дворянъ 24, оберъ-офицерскихъ дѣтей 1, купеческихъ 1 и мѣщанъ 2. Бѣлостокское реальное отдѣленіе въ преподаваніи предметовъ слѣдовало, какъ и прежде, началамъ и указаніямъ министерства народнаго просвѣщенія. Уроки *химіи*, *технологіи* и *механики* были читаны по запискамъ преподавателя, составленнымъ сообразно съ цѣлью и понятіями слушателей. Въ преподаваніи химіи учитель держался преимущественно учебниковъ химіи *Шмидта*, *Щеглова* и *Штекгардта*, а въ органической —*Либиха*. Механика преподаваема была по запискамъ преподава-

теля, составленнымъ вообще по плану механика *Ястржембскаго*. Уроки технологіи, какъ и прежде, производились по запискамъ преподавателя, соображаясь съ изданною для руководства технологіею *Понне*. Учебныя пособія Бѣлостокскаго реальнаго отдѣленія для химіи, технологіи, механики и геометрическаго черченія составляли 86 томовъ, изъ нихъ: на Русскомъ 67, на Французскомъ 17 и Нѣмецкомъ 2. Для геометрическаго черченія имѣется 7 руководствъ, изъ нихъ: 3 на Русскомъ и 4 на Французскомъ языкахъ. Для механики реальное отдѣленіе имѣетъ собраніе моделей самыхъ важнѣйшихъ машинъ, для химіи — лабораторію съ необходимѣйшими препаратами. По технологіи особыхъ пособій, въ моделяхъ и образцахъ состоящихъ, не имѣется. Испытаніе произведено было 3 и 4 апрѣля; къ испытанію явилось 19 человѣкъ; изъ нихъ: дворянъ 15, оберъ-офицерскихъ дѣтей 1, купеческихъ сыновей 1 и мѣщанъ 2. Изъ явившихся къ испытанію: 2 оказали отличные успѣхи, 12 хорошіе, 4 достаточные и 1 средственные. Реальное отдѣленіе помѣщается въ особомъ каменномъ зданіи, нанимаемомъ вблизи гимназіи.

Въ *реальныхъ классахъ при Тульской гимназіи* преподавали: старшій учитель математики гимназіи Михаловскій и учитель рисованія Видовъ. Учащихся и посѣщавшихъ реальные классы было, кромѣ воспитанниковъ VI и VII класеовъ гимназіи, 10 человѣкъ; изъ сего числа было: воспитанниковъ семинарій 6, воспитанниковъ школы оружейнаго завода 4. Въ реальныхъ классахъ преподаваемы были: техническая химія, механика, технологія и черченіе. Успѣхи учащихся были слѣдующіе: очень хорошихъ 4, хорошихъ 8 и посредственныхъ 3. Реальное отдѣленіе Тульской гимназіи весьма бѣдно учебными пособіями, такъ-что, кромѣ нѣсколькихъ машинъ и реактивовъ, присланныхъ С. Петербургскимъ технологическимъ институтомъ, никакихъ другихъ учебныхъ пособій не имѣетъ и пріобрѣсти въ настоящее время не можетъ по причинѣ тѣснаго помѣщенія. Преподаваніе техническихъ наукъ происходитъ въ одной изъ аудиторій зданія, занимаемаго Тульскою гимназіею.

Въ *реальномъ отдѣленіи Московской 3-й гимназіи*, въ 1858—59 г., товаровѣдѣніе, химію и технологію преподавалъ старшій учитель, окончившій курсъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ И. Бордюговъ. Учениковъ, слушавшихъ реальныя науки въ классахъ IV, V, VI и VII, было всего 33 человѣка.

Для изученія товаровъ служитъ кабинетъ товаровѣдѣнія. Пособіемъ для преподаванія химіи служитъ химическая лабораторія, снабженная достаточнымъ количествомъ снарядовъ и посуды платиновой, мѣдной, желѣзной, стеклянной и фарфоровой; также собраніе препаратовъ, присланное отъ технологическаго института и въ-теченіе 15 лѣтъ увеличиваемое работами учениковъ. Для технологіи имѣется только собраніе предметовъ и машинъ, относящихся къ шелководству. По предмету товаровѣдѣнія, химіи и технологіи изъ 16 слушавшихъ въ-теченіе 1858—59 года оказали успѣхи весьма хорошіе 9 и посредственные 7 человѣкъ. Для преподаванія назначенъ особый классъ съ находящеюся при немъ лабораторіею, кабинеты товарный и предметовъ шелководства помѣщаются въ особой залѣ. *Практическую механику, начертательную и аналитическую геометрію* преподавалъ старшій учитель, окончившій курсъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ, Б. Трусовъ. Руководствомъ для преподаванія служилъ курсъ механики *Писаревскаго*. Пособіемъ при преподаваніи служили: собраніе моделей, паровыя машины, динамометръ, гидравлическія колеса и различные виды механизмовъ для передачи движенія. Въ-теченіе 1858—59 учебнаго года изъ числа 6 человѣкъ, слушавшихъ высшую математику и механику, оказали успѣхи весьма хорошіе 4 и хорошіе 2 человѣка. Кабинетъ модельный помѣщается въ двухъ особыхъ залахъ. *Бухгалтерію*, по 1 уроку въ недѣлю, преподавалъ старшій учитель гимназіи А. Морозовъ. Руководствомъ служило: счетоводство *Мудрова* во всѣхъ родахъ торговли съ дополненіями изъ сочиненій *Schiebe*, *Odermann'a*, и *Deplanque'a* и изъ подлинныхъ конторскихъ документовъ. Въ-теченіе 1858—59 года слушали бухгалтерію 6 учениковъ, изъ нихъ: оказали успѣхи весьма хорошіе 5 и посредственные 1 человѣкъ.

Преподаваніемъ *техническаго черченія* занимался свободный художникъ, имѣющій аттестатъ изъ технологическаго института, Александръ Заруцкій. Занимающихся черченіемъ учениковъ реальнаго отдѣленія состояло 33 человѣка, изъ нихъ: въ IV классѣ 17 человѣкъ, въ V—10, въ VI—4 и въ VII классѣ 2 человѣка. Учебными пособіями служили модели машинъ, находящіяся при гимназіи, и нѣсколько атласовъ, относящихся къ техническимъ сочиненіямъ. Оказавшихъ успѣхи очень хорошіе было 9 человѣкъ, хорошіе 14 и посредственные 10 человѣкъ. Техническое черченіе преподается въ особо-устроенномъ классѣ.

Въ *реальномъ классѣ 2-го Рижскаго уѣзднаго училища*, въ-теченіе курса, продолжавшагося съ октября 1858 по 31 число марта 1859 г., были преподаваемы слѣдующіе предметы: старшій учитель Вернеръ, въ 40 уроковъ, преподавалъ о законахъ движенія и дѣйствія силъ вообще, о простыхъ и сложныхъ машинахъ, а въ-особенности о паровыхъ машинахъ, локомотивѣ, мельницахъ и лѣсопильняхъ. Домашній наставникъ, аптекарь Зеценъ, въ 64 урока, изложилъ органическую химію и руководилъ упражненіями учениковъ; онъ-же, по предмету технологіи, въ 21 урокъ, проходилъ о пережиганіи извести, сушеніи гипса и о кирпичномъ производствѣ; и учитель рисованія, Розенбергъ, въ 38 уроковъ, обучалъ геометрическому, архитектурному и машинному черченію. Всѣ эти уроки были посѣщаемы 24 учениками; изъ нихъ два вольные слушатели, а остальные 22 ученика 2-го уѣзднаго училища. Установленный курсъ ученія оконченъ 7 учениками. Ученіе продолжалось всего 163 часа, науки преподавались въ дни будничные, а черченіе по воскресеньямъ.—2 апрѣля 1859 г. произведено было, въ присутствіи директора Рижскихъ училищъ и особо-приглашенныхъ лицъ, публичное испытаніе, на которомъ слушатели оказали успѣхи удовлетворительные.

— «Варранты и продажи оптомъ съ аукціона въ Англіи и Франціи». — Въ ряду установленій, способствующихъ оживленію торговыхъ оборотовъ, весьма важное мѣсто занимаютъ варранты и продажи оптомъ съ аукціона. Они съ весьма давняго времени существуютъ въ Англіи, потомъ введены были въ Голландіи и частію въ Ганзейскихъ городахъ, но особенно развились въ первой странѣ, такъ-что вошли тамъ въ число установившихся и укрѣпившихся торговыхъ обычаевъ. Введеные во Францію въ смутную эпоху 1848 года, варранты однако, по многимъ причинамъ, не могли укрѣпиться тамъ какъ слѣдуетъ; равномѣрно и аукціонныя продажи, начавшіяся съ того-же времени, имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Управленіе Англійскихъ доковъ, которые, какъ извѣстно, суть огромные магазины, предназначенные для склада туземныхъ и иностранныхъ произведеній, выдаетъ лицу, складывающему товары, два вида. Одинъ изъ нихъ называется варрантомъ (видъ или удостовѣреніе о складѣ товара), и содержитъ въ себѣ удостовѣреніе, что товаръ дѣйствительно сложенъ, и описаніе товара; другой, въ которомъ показывается вѣсъ товара называется Weigh-note (вѣсовой видъ или удостовѣреніе вѣса товара).

Если товаросkладыватель желаетъ продать свой товаръ и находитъ покупателя на наличныя деньги, то онъ передаетъ ему оба документа, сдѣлавъ на нихъ передаточную надпись на предъявителя. Такимъ образомъ право собственности на товары переходитъ отъ одного лица къ другому, между-тѣмъ-какъ самые товары не перемѣняютъ мѣста. Впрочемъ, такой случай встрѣчается рѣдко. Обыкновенно-же товаросkладыватель занимаетъ подъ товаръ деньги, или продаетъ его въ кредитъ. Въ такомъ случаѣ собственникъ или продавецъ обращается къ одному изъ маклеровъ, которые въ Англіи занимаются и банкирскими дѣлами, и получаетъ отъ него подъ залогъ передаваемаго варранта или складочнаго вида ссуду, простирающуюся до трехъ четвертей цѣнности товара. Затѣмъ у товаросkладывателя остается еще вѣсовой видъ (Weigh-note); онъ удерживаетъ его у себя, если не имѣетъ намѣренія продать товаръ, въ противномъ-же случаѣ, т.-е. если найдетъ выгоднѣйшимъ товаръ продать, передаетъ этотъ видъ покупателю. Получивши вѣсовой видъ, покупщикъ обращается къ маклеру, уплачиваетъ ему наличными деньгами четвертую или пятую часть занятой суммы, и самъ дѣлается собственникомъ сложеннаго товара. Для уплаты остальной части занятыхъ денегъ, маклеръ назначаетъ ему извѣстный срокъ, и этотъ срокъ, равно-какъ уплаченную и слѣдующую еще къ уплатѣ сумму, обозначаетъ надписью на вѣсовомъ видѣ. Если по истеченіи срока, или и до наступленія его, должникъ (будетъ-ли это самъ складыватель или покупщикъ), уплатитъ сдѣланную ссуду, то получаетъ обратно складочный видъ (варрантъ), и потомъ, предъявивъ и возвративъ оба документа, т.-е. складочный и вѣсовой видъ, можетъ получить свой товаръ со склада. Если-же срокъ истекъ, и уплаты не послѣдовало, то залогъ продается съ аукціона немедленно и безъ всякихъ судебныхъ издержекъ, съ отнесеніемъ всѣхъ потерь и уплатъ на счетъ должника. Такимъ образомъ переходитъ въ Англіи товаръ изъ рукъ въ руки, безъ всякихъ издержекъ на складъ при этой перемѣнѣ, съ помощію двухъ лоскутковъ бумаги, которые представляютъ товаръ почти точно такъ-же, какъ банковые билеты представляютъ хранящіеся въ подвалахъ запасы золота и серебра и находящіеся въ портфелѣ банка векселя. Если мы къ этому прибавимъ, что въ Англіи всякій, безъ испрошенія особаго дозволенія и безъ надзора со-стороны правительства, можетъ устроивать общественныя складочныя мѣста, и выдавать виды на

сложенные въ нихъ товары, — то затѣмъ исчерпаемъ всѣ существенные признаки Англійской системы. Французское законодательство 1848 г. по этому предмету далеко уступаетъ Англійскому въ сообразности съ цѣлью и въ простотѣ механизма. Между Англійскою и Французскою системами, между-прочимъ, то различіе, что послѣдняя принимаетъ складочныя мѣста, какъ правительственныя учрежденія, тогда-какъ въ Англіи предоставлено частнымъ лицамъ основывать подобнаго рода учрежденія. Другой законъ, который былъ изданъ въ связи съ распоряженіемъ о варрантахъ, касается продажи оптомъ съ публичныхъ аукціоновъ. Польза, которую приноситъ подобный образъ сбыта, продавцамъ и покупателямъ, а слѣдовательно и публикѣ, давно доказана. Постоянство рынка привлекаетъ болѣе покупателя и доставляетъ торговцу возможность взять выгодную цѣну за товаръ; покупатели въ свою очередь, вступая въ непосредственныя сношенія съ производителемъ, или оптовымъ привозителемъ товара, избавляются отъ всѣхъ побочныхъ издержекъ, связанныхъ съ посредничествомъ въ торговлѣ. Дешевле купленные товары перейдутъ на такую-же сумму дешевѣйшими и въ руки потребителей. Дешевыя цѣны Англійскихъ мануфактурныхъ товаровъ, не смотря на высокую, сравнительно, заработную плату въ Англіи, происходятъ отчасти отъ этихъ оптовыхъ продажъ. Сверхъ-того это учрежденіе привлекаетъ въ Англію торговцевъ со всего свѣта, способствуетъ развитію купеческаго флота и увеличенію привозныхъ пошлинъ. Во Франціи до сего времени такихъ продажъ, за исключеніемъ развѣ продажи хлѣба въ halle au blé, не было. У насъ не введена система доковъ и варрантовъ, также какъ и оптовыхъ аукціонныхъ продажъ. Нельзя объ этомъ не пожалѣть, потому-что трудно думать, чтобы кто-нибудь, съ убѣжденіемъ въ своей справедливости, сталъ отрицать пользу того и другаго установленія. Чтò въ самомъ дѣлѣ можно сказать противъ введенія ихъ у насъ? Одно, что они не согласны съ нашими понятіями и привычками, что слишкомъ рано еще думать объ нихъ, что они не будутъ имѣть успѣха, и что самая почва для нихъ не приготовлена. Но могутъ-ли эти предположенія служить дѣйствительнымъ возраженіемъ. Торговля и вообще промышленость, болѣе чѣмъ что-либо, имѣютъ космополитическій характеръ и не связываются національностью и историческими условіями. Истекая изъ однихъ началъ—удовлетворенія нуждъ и личной выгоды — онѣ дѣйству-

ютъ на однихъ основаніяхъ, употребляютъ почти одни и тѣ-же средства во всѣхъ странахъ, и если есть различія, то они зависятъ отъ степени гражданскаго развитія, и по-крайней-мѣрѣ у Европейскихъ народовъ почти не имѣютъ значенія. Поэтому, если какое-нибудь установленіе согласно вообще съ духомъ торговли, то оно можетъ быть примѣнено и введено вездѣ; будутъ, конечно, особенности въ примѣненіи, въ подробностяхъ, но сущность останется одна и та-же. Очень можетъ случиться, что въ разныхъ странахъ одно установленіе будетъ имѣть не равный успѣхъ, но успѣхъ будетъ, а при этомъ условіи нѣтъ основанія отвергать его только потому, что оно вдругъ не принесетъ такихъ послѣдствій, какъ напр. гдѣ-нибудь въ Англіи и въ Америкѣ. Это совершенно примѣняется и къ докамъ. Не получатъ они у насъ вдругъ такого значенія, какъ въ Англіи, но пользу принести должны, и слѣдовательно можно-бы было подумать объ ихъ введеніи. Говорятъ — мы не привыкли къ нимъ; но спрашивается, можно-ли привыкнуть къ тому, чего нѣтъ. Нельзя привыкнуть къ холоду тому, кто живетъ подъ тропиками. Введите какое-нибудь установленіе и тогда уже говорите, что къ нему не привыкаютъ: тогда это возраженіе будетъ имѣть силу, а теперь, напротивъ, однимъ основаніемъ болѣе ко введенію его. Варрантами у насъ, говорятъ, не станутъ пользоваться — едва-ли такъ: полезное всегда будетъ имѣть успѣхъ; но во всякомъ случаѣ дайте средства, а тамъ пусть всякій пользуется ими, какъ хочетъ. Вредно принужденіе, нужно очень обдумавши сдѣлать что-нибудь обязательнымъ, но совсѣмъ другое, если, дѣлая какое-нибудь учрежденіе, вы предоставляете каждому свободу пользоваться имъ или нѣтъ. Что хорошо, тѣмъ воспользуются, а если будетъ неуспѣхъ, то это значитъ вовсе не то, что установленіе лишнее, а только, что есть что-либо мѣшающее ему, которое и нужно устранить. Но дать средства, открыть дорогу—должно. Особенно это будетъ справедливо по примѣненію къ намъ. Въ нѣкоторыхъ Европейскихъ странахъ можно сказать (и совершенно правильно): предоставьте все частнымъ людямъ и частной предпріимчивости; промышленость создастъ себѣ такія установленія, которыя ей нужны, и создастъ ихъ лучше, нежели это можно сдѣлать какимъ-нибудь законоположеніемъ. Но совсѣмъ другое при существующей системѣ регламентаціи торговыхъ отношеній: тогда нельзя ожидать инициативы въ этомъ дѣлѣ отъ торговаго сословія. Тутъ нужно дѣйствовать, предугадывая по-

требности: а дѣйствовать здѣсь можно совершенно спокойно, потому-что даже и ошибка не можетъ имѣть въ этомъ случаѣ вредныхъ послѣдствій. Что касается до того, что варранты могутъ подать поводъ къ нѣкоторымъ злоупотребленіямъ, то о чемъ нельзя сказать того-же, какой законъ не былъ извращаемъ злонамѣренностію: нельзя-же отказываться отъ благодѣтельныхъ послѣдствій учрежденія потому только, что кто-нибудь можетъ имъ злоупотребить. Притомъ не слишкомъ-ли преувеличено подобное опасеніе; извѣстная степень публичности въ дѣйствіяхъ и внимательный надзоръ могутъ пособить въ этомъ случаѣ. За симъ авторъ входитъ въ болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса о примѣненіи къ нашей промышлености варрантовъ и оптовыхъ аукціонныхъ продажъ, и заключаетъ статью слѣдующими словами: «Мы изложили наше мнѣніе. Мы не представляемъ проекта, но считали полезнымъ высказать нашу мысль о пользѣ введенія у насъ такого учрежденія, которое, по всей вѣроятности, могло-бы принести благодѣтельные результаты и способствовать оживленію нашей торговли. Пусть люди спеціальные, ближе насъ знакомые съ дѣломъ, рѣшатъ, можно или нѣтъ ввести у насъ варранты, и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, составятъ и самый планъ; мы только хотѣли обратить вниманіе на это дѣло. Въ-заключеніе только повторимъ еще: не должно ничего навязывать, но слѣдуетъ заботиться о введеніи учрежденій, польза которыхъ доказана опытомъ, и непривычка къ такимъ учрежденіямъ не есть основаніе къ пренебреженію ими. Хорошее всегда оцѣнится и будетъ имѣть успѣхъ, если не въ началѣ, то впослѣдствіи; собственная выгода заставитъ имъ воспользоваться: нужно только позаботиться, чтобы было чѣмъ пользоваться».

— «Чуваши Бугурусланскаго уѣзда, Самарской губерніи». — Священникъ Глинскій, составившій это описаніе матеріальнаго и нравственнаго быта Чувашей, въ началѣ статьи замѣчаетъ, что онъ имѣлъ въ виду не все населеніе ихъ, разбросанное по разнымъ мѣстностямъ уѣзда, но только тѣхъ, въ кругу которыхъ ему приходилось или жить, или съ которыми приходилось имѣть, по обстоятельствамъ, какое-либо столкновеніе, — именно Чувашъ, въ полосѣ между рѣчками Кинелемъ и Сургутомъ съ одной стороны, и Сокомъ, съ другой, до Сергіевскихъ минеральныхъ водъ. Говоря о разныхъ празднествахъ Чувашей, сопровождаемыхъ пирушками, авторъ говоритъ слѣдующее: «Изъ всѣхъ празд-

нествъ въ-особенности поминки рѣзко характеризуютъ Чувашъ со стороны ихъ древнихъ языческихъ вѣрованій, которыя столь-же грубы, сколько нелѣпы. Поминокъ у нихъ три рода: малыя — тотчасъ по погребеніи покойника, общія — предъ Дмитріевою субботою, и годовыя — въ семикъ предъ Троицею. Въ первыхъ двухъ случаяхъ они отправляются на дому, а въ послѣднемъ Чуваши выѣзжаютъ на кладбище, гдѣ совершаютъ тризну со скрипкою и плясками. Тотчасъ по погребеніи покойника, — по обыкновенію въ шапкахъ мужчинъ и женщинъ, съ трубкою и прочими къ ней принадлежностями, если курилъ покойникъ, — приготовляютъ пиво, какъ необходимую принадлежность обряда, рѣжутъ, смотря по достатку, корову, теленка, или овцу, а иные даже лошадь; пекутъ блины и приготовляютъ прочую пищу. Потомъ, созвавъ родственниковъ, которые обязываются принести каждый по восковой свѣчѣ, пододвигаютъ столъ къ двери, и, поставивъ на него пиво, мясо, блины, зажигаютъ свѣчи, прилѣпивъ ихъ къ бревну у driернаго косяка, иногда въ числѣ двадцати и болѣе; по-одиночкѣ подходятъ къ столу, рѣжутъ кусочками мясо и блины при каждомъ имени покойниковъ и откладываютъ ихъ въ нарочно приготовленную чашу, приговаривая: «чиберь усрà»; а также наливаютъ въ чашку пива и, выпивъ немного, остатки выливаютъ въ ту-же чашку, гдѣ куски. Исполнивъ, такимъ-образомъ, всѣ до одного, обрядъ, части покойниковъ, отложенныя въ въ чашку, выбрасываютъ на дворъ собакамъ. Въ томъ случаѣ, если умершій былъ безродный, то обрядъ поминовенія различается только тѣмъ, что похоронившіе его прилѣпляютъ одну свѣчу не къ двери, а къ печному косяку, что и означаетъ его круглое сиротство. Этотъ обрядъ одинаковъ при частномъ поминовеніи и при поминовеніи предъ Дмитріевскою субботою, но въ послѣднемъ случаѣ отправляютъ его всѣ поголовно въ деревнѣ. При отправленіи годовыхъ поминокъ на кладбищахъ, съ пивомъ, мясомъ и блинами поступаютъ такъ-же, какъ дома; тамъ, вмѣсто стола, постилаютъ кошму на могилу, а свѣчу прилѣпляютъ къ столбику, который ставятъ вмѣсто креста. Окончивши обрядъ, часть покойника бросаютъ собакамъ; если послѣднія при этомъ крѣпко подерутся, это означаетъ, что умершему на томъ свѣтѣ жить хорошо, а потому, съ этой радости, оставивъ слезы, начинаютъ пѣть пѣсни и плясать вокругъ могилы подъ игру скрипача, ударяя въ ладони въ тактъ музыки. Къ числу грубыхъ и нелѣпыхъ вѣрованій Чу-

вашъ еще относится мольбище въ киреметяхъ, называемое «моляномъ». Оно бываетъ одинъ разъ въ году, вскорѣ послѣ Троицы, въ ночь, начинается съ солнечнаго заката и продолжается до восхода. По указанію ворожеи, покупаютъ одношерстныхъ быка и телку на собранныя по раскладкѣ со всей деревни деньги, а барановъ, гусей и селезней, сколько ихъ нужно, приносятъ отъ десятка или болѣе душъ по одному. Собравъ такимъ-образомъ нужное количество животныхъ для жертвоприношенія, вмѣстѣ съ ними отправляются въ лѣсъ къ тому мѣсту, которое посвящено божеству, и потому содержится въ возможной чистотѣ, а нерѣдко выстилается даже камнемъ, — и близъ него заколовъ животныхъ, кожи вѣшаютъ на деревья, а мясо, раскрошивъ на кусочки, по числу дворовъ, варятъ въ котлахъ. Тѣмъ временемъ, какъ варится мясо, подъ надзоромъ нѣкоторыхъ изъ женщинъ, весь собравшійся народъ (мужчины, женщины и дѣти обоего пола), обратившись лицемъ къ востоку, прямо противъ того мѣста, гдѣ воображаютъ присутствіе божества, встаютъ на колѣна, а одинъ изъ среды ихъ, исполняющій должность жреца, впереди всѣхъ стоя на ногахъ, читаетъ молитвы, сопровождая ихъ поклонами, безъ изображенія на себѣ крестнаго знаменія; примѣру его слѣдуютъ всѣ прочіе, стоящіе на колѣнахъ, приговаривая вслухъ: «сарлахъ!» Эта молитва продолжается очень долго, со всевозможною тишиною, развѣ только слышенъ трескъ огня да глухое клокотаніе котловъ. Но вотъ сдѣлался большой шумъ отъ вспѣнившихся котловъ и упавшей на огонь пѣны, и вдругъ весь народъ, какъ-будто по сигналу, бросивъ молиться, встаетъ на ноги и идетъ къ котламъ; тутъ вынимаютъ мясо, ѣдятъ его и откладываютъ части для домашнихъ, которые почему-либо не могли быть при этомъ моленіи. Потомъ кладутъ въ оставшійся отъ говядины отваръ крупу и варятъ въ немъ кашу. Тѣмъ временемъ какъ варится каша, опять встаютъ на молитву и продолжаютъ до той поры, какъ поспѣетъ каша. Тогда, ставъ съ мѣстъ, дѣлятъ и кашу между собою. Такъ поступаютъ съ баранами, гусями и селезнями, а ноги животныхъ жгутъ тутъ-же на кострахъ; и окончивъ такимъ образомъ моленіе, на разсвѣтѣ расходятся по домамъ. Этотъ обрядъ общественнаго богослуженія, основанный на вѣрѣ въ доброе и злое начала, какъ религіозный остатокъ идолопоклонства глубокой древности, неопустительно отправляется каждогодно, въ свое время, въ каждой Чувашской деревнѣ, съ приношеніемъ

въ жертву киремети домашнихъ животныхъ, очень часто лошадей и птицъ. И по всѣмъ признакамъ, при помощи ворожей — какъ древнихъ кудесниковъ — это служитъ главнымъ препятствіемъ для Чувашъ въ усвоеніи ими истинъ христіанской религіи, поддерживается страхомъ несчастій, разоренія, болѣзней и даже смерти за неисполненіе языческихъ обрядовъ этому божеству, какъ виновнику добра и зла, что и выражается у нихъ въ прошеніяхъ во время общественнаго богослуженія, опытными старками, нарочно для сего избираемыми, по усмотрѣнію общества. Есть еще много въ жизни Чувашъ обычаевъ, какъ-то: при рожденіи младенцевъ, бракахъ, болѣзняхъ и другихъ случаяхъ, обрисовывающихъ ихъ моральную сторону; но въ нихъ во всѣхъ болѣе или менѣе проглядываетъ одна главная идея — вѣра въ доброе и злое начала. Проходя ихъ молчаніемъ, я думаю, что для уразумѣнія быта Чувашъ въ моральномъ отношеніи, достаточно и приведенныхъ обстоятельствъ изъ ихъ жизни. А потому, остановившись на этомъ, я заключаю статью сердечнымъ желаніемъ, чтобы лучи цивилизаціи какъ можно скорѣе проникли въ темные уголки Чувашскаго населенія нашего края и своимъ яркимъ свѣтомъ освѣтили темный горизонтъ языческаго суевѣрія».

I.

НОВОСТИ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

Общій законъ образованія русла рѣкъ (*). — Академикъ *Бэръ* продолжаетъ свои статьи, подъ заглавіемъ «Каспійскіе этюды». Въ 8-й статьѣ онъ излагаетъ изысканія объ образованіи русла рѣкъ; мы приведемъ здѣсь въ извлеченіи эти любопытныя изысканія.

Уже Палласъ сдѣлалъ замѣчаніе, что рѣки въ Россіи обыкновенно представляютъ высокій правый и низкій лѣвый берегъ. Онъ выражаетъ свое удивленіе такому явленію, но, кажется, не отдалъ себѣ отчета въ его причинѣ; поэтому на его наблюденія не обратили общаго вниманія, хотя наблюдательные путешественники, напр. Мурчисонъ, подтвердили и расширили ихъ. Послѣ того, какъ академикъ Бэръ въ 1853 спустился по нѣкоторой части Волги, и послѣ наблюденія нѣкоторыхъ меньшихъ рѣкъ на подвижной почвѣ средней Россій, онъ пришелъ къ убѣжденію, что общая причина этого явленія есть обращеніе земли около своей оси.

Текущая вода, движась отъ экватора къ полюсу, сохраняетъ бо́льшую скорость обращенія, чѣмъ какая соотвѣтствуетъ высшей широтѣ, и слѣдовательно вода напираетъ на восточный берегъ, такъ-какъ движеніе и избытокъ скорости обращены къ востоку. Наоборотъ, текущая вода, движущаяся отъ полюсовъ къ экватору, сохраняетъ меньшую скорость обращенія, и потому производитъ напоръ въ западный берегъ. Въ сѣверномъ полушаріи для рѣкъ, текущихъ на сѣверъ, восточный берегъ будетъ правымъ, а для рѣкъ, текущихъ къ югу, западный. Слѣдовательно, въ сѣверномъ

(*) Bulletin de l'Acad. des Sc. de St. Pétersburg. 1860, T. II. № 1.

полушаріи для рѣкъ, которыхъ направленіе сколько-нибудь приближается къ меридіану, правый берегъ будетъ подверженъ напору, будетъ круче и выше, а лѣвый будетъ представлять мѣсто, съ котораго сошла вода и слѣдовательно будетъ плоскій. Крутизна и низменность будутъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ближе теченіе рѣки къ меридіану, такъ-что у рѣкъ, текущихъ почти по меридіану, мало замѣтно вліяніе другихъ обстоятельствъ, нарушающихъ общій законъ, у рѣкъ-же, образующихъ значительный уголъ съ меридіаномъ, это вліяніе выступаетъ яснѣе. Дѣйствительно, такому закону весьма ясно подчиняются Русскія рѣки. Если-же объясненіе его вѣрно, то на южномъ полушаріи рѣки должны имѣть, на-оборотъ, лѣвый берегъ круче, а правый низменнѣе.

«Мое объясненіе, говоритъ К. Бэръ, казалось мнѣ столь простымъ и легкимъ, что я думалъ, оно давно уже найдено, что господствующая форма русла рѣкъ уже извѣстна и только случайно не встрѣтилась мнѣ въ учебникахъ физической географіи. Но когда въ 1853 и 1854 г. я сообщилъ знакомымъ лицамъ свои соображенія, то не получилъ никакого указанія на то, чтобы они были уже высказаны».

Съ того времени г. Бэръ излагалъ найденный имъ законъ въ статьяхъ, которыя были напечатаны въ «Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ» (1854), въ «Астраханскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» (августъ 1856) и въ «Морскомъ сборникѣ» (1857 и 1858 г.). Но чтобы достигнуть наконецъ всеобщаго принятія своихъ выводовъ, въ статьѣ, изъ которой мы предлагаемъ извлеченіе, онъ излагаетъ ихъ вполнѣ и со всѣми новыми свѣдѣніями, какія собралъ съ-тѣхъ-поръ.

Уже давно извѣстно, что правый берегъ Волги крутъ, а лѣвый низменъ. Явленіе это бросается въ глаза отъ мѣста соединенія Оки съ Волгою до самаго устья; поэтому правый берегъ у насъ называется *горнымъ*, а лѣвой *луговымъ*, такъ-какъ онъ покрывается водою и представляетъ роскошную траву. Но то-же самое явленіе идетъ и гораздо выше по Волгѣ. Отъ впаденія Мологи, при которомъ Волга достигаетъ самой сѣверной точки, и до моря, на протяженіи 2800 верстъ, правый берегъ круче лѣваго. Сообразно съ этимъ, на лѣвомъ берегу находятся только три значительные города: Кострома и Самара на крутыхъ поворотахъ рѣки, гдѣ берегъ всегда подмытъ, и Астрахань, построенная пер-

первоначально на 7 холмахъ или буграхъ острова, можетъ быть потому, что древняя Астрахань, лежавшая на правомъ или горномъ берегу, была подмыта рѣкою. Постепенно однакожъ городъ распространился до самой Волги и ея рукавовъ; но эту низменную часть города нужно стало защищать стѣнами отъ ежегоднаго наводненія; и если полая вода бываетъ больше обыкновеннаго, то и стѣны не помогаютъ, такъ-что значительная часть города затопляется, напр. въ 1853 и 1856 г.

Казань, *Ставрополь* и *Спаскъ* лежатъ также на лѣвомъ берегу, но такъ далеко отъ рѣки, что ихъ нельзя причислять къ береговымъ городамъ. *Макарьевъ*, недавно сдѣланный городомъ, лежитъ также на лѣвомъ берегу; но г. *Боде* сообщаетъ, что къ востоку отъ него есть явные знаки русла рѣки, принимаемаго народомъ за старое русло Волги, такъ-что Макарьевъ сперва лежалъ на островѣ, или, если рѣка не раздѣлялась, на правомъ берегу. На правомъ-же берегу, начиная отъ Мологи, расположены 21 городъ, не считая села *Дубовки* и колоніи *Сарепты*, которыя значительнѣе многихъ городовъ. Если сравнивать деревни, то окажется то-же самое, хотя рыбаки, гдѣ только возможно, селятся на лѣвомъ берегу, чтобы не взбираться на крутой берегъ и имѣть свои лодки вблизи. Даже на верхней части Волги, отъ Твери до Мологи, гдѣ рѣка имѣетъ сѣверо-восточное направленіе, гораздо больше находится поселеній на правомъ, чѣмъ на лѣвомъ берегу.

Мы сказали, что нѣкоторые города, какъ Казань, лежатъ на лѣвомъ берегу, но что ихъ нельзя уже причислять къ береговымъ городамъ. Но они нѣкогда были береговыми. Черезъ Казань тянется значительная терасса, которая къ востоку сливается съ равниною, а къ западу быстро спускается къ рѣкѣ и идетъ по городу и загородомъ отъ сѣвера къ югу. Вѣроятно, это былъ прежде лѣвый берегъ Волги. Такъ-какъ Казань стоитъ при рѣкѣ Казани, то она и не тянулась вслѣдъ за отступающею Волгою и теперь при обыкновенной водѣ городъ на три версты удаленъ Волги. При полой водѣ наводненіе достигаетъ до самаго города, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже заливаетъ нижнюю его часть; но до верхней никогда не достигаетъ и подымается только до половины вышины террасы, такъ-какъ Волга съ-теченіемъ времени не только подалась на западъ, но и глубже врылась въ почву. *Болгары*, которыя еще древнѣе, чѣмъ Казань, и отъ которыхъ теперь остались однѣ развалины, лежали также на возвышеніи лѣваго

берега. Въ настоящее время они отдѣлены отъ Волги широкими лугами и полосою лѣса. Во времена Ибнъ-Фоцлана, почти 1000 лѣтъ назадъ, вѣроятно рѣка была ближе, потому-что по его показанію она была удалена менѣе, чѣмъ на часъ пути. Проѣзжая дорога къ Волгѣ въ настоящее время составляетъ 14 верстъ. Какъ далеко прямое растояніе ближайшей точки по прямому пути, неизвѣстно, но вѣроятно не менѣе 6 верстъ. Такимъ образомъ рѣка оставляетъ поселенія на лѣвомъ берегу, если они расположены на высокомъ мѣстѣ, и затопляетъ ихъ, если они спускаются къ ней. На правомъ-же берегу она подмываетъ ихъ. Приведемъ нѣкоторые примѣры. Нижній-Новгородъ лежитъ на высокомъ мысѣ, постепенно подмываемомъ съ сѣвера Окою и съ востока Волгою Почва вообще здѣсь очень рыхла и прорѣзана оврагами. Поэтому она была-бы совершенно разрушена водою, еслибы подъ самымъ мысомъ не находился въ глубинѣ очень твердый мергель. Этотъ камень все-таки размывается полою водою, но очень медленно. Въ двухъ верстахъ къ югу отъ города лежалъ монастырь на живописномъ обрывѣ праваго берега; здѣсь не видно мергеля и подмывка гораздо сильнѣе. Задолго уже можно было видѣть, что монастырю грозитъ разрушеніе; поэтому его оставили и выстроили новый, на мѣстѣ, которое считали безопаснымъ. Но когда въ 1853 году г. Бэръ былъ въ Нижнемъ, онъ нашелъ, что и этому монастырю грозитъ тоже опасность, и говорили, что собираются перенести монастырь опять на новое мѣсто. Еще хуже случилось съ Чернымъ-Яромъ, уѣзднымъ городомъ Астраханской губерніи. Первоначально онъ былъ выстроенъ, какъ острогъ, чтобы обуздать разбойничество, водившееся тогда на Волгѣ, и былъ расположенъ на крутомъ высокомъ берегу. Скоро оказалось, что берегъ подмывается и уже черезъ 9 лѣтъ, по свидѣтельству Олеарія, перенесли его на теперешнее мѣсто, также на крутой берегъ, вышиною въ нѣсколько сотъ футовъ. По рисунку Олеарія, между острогомъ и рѣкою было значительное разстояніе. Впослѣдствіи обвалилось не только все мѣсто между окопомъ и рѣкою, но и самый валъ окопа, шедшій параллельно рѣкѣ. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго постепенно обрушился и первый рядъ домовъ, между-тѣмъ-какъ дома другой стороны улицы еще остаются цѣлыми.

Значительному городу Симбирску грозитъ та-же самая участь. Берегъ, на которомъ онъ стоитъ, очень высокъ — около 300 или

400 футовъ. Но берегъ здѣсь не такъ крутъ, какъ у Чернаго-Яра; въ южной части онъ образуетъ небольшіе уступы, на которыхъ построены дома и кіоски, образующіе прекрасный видъ. Но къ сѣверу высота круче и именно здѣсь, вѣроятно ради величаваго вида, устроены многія казенныя зданія. Эта сѣверная часть всего болѣе подвержена подмывкѣ, потому-что образуетъ выступающее въ рѣку колѣно и со-временемъ непремѣнно обрушится. Въ Сарептѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, берегъ былъ сильно подмытъ и погибла мельница и часть полей. Недалеко отъ Астрахани, еще въ нынѣшнее столѣтіе принуждены были перенести станицу казаковъ, потому-что берегъ былъ сильно подмываемъ. Остатки ея еще видны. Нынѣшній городъ Астрахань, кажется, построенъ уже послѣ завоеванія Ивана Васильевича; прежняя-же Астрахань лежала на правой сторонѣ главнаго русла Волги и выше нынѣшняго города. Іенкинсонъ видѣлъ здѣсь, какъ онъ выражается, кастель (Castell). Теперь тамъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ какого-нибудь большаго зданія и вѣроятно самая почва города поглощена Волгою, такъ-какъ вообще незамѣтно его слѣдовъ. Рѣка размываетъ свой правый берегъ и постепенно передвигается на западъ, между-тѣмъ-какъ на востокѣ, на лѣвомъ берегу растетъ суша. По показаніямъ *Гмелина*, бывшаго здѣсь 90 лѣтъ назадъ — существовала пристань, съ трехъ сторонъ окруженная водою и въ значительномъ разстояніи отъ нея островъ. По планамъ 1801 и 1820 года видно, какъ эти отношенія постепенно измѣнялись. Островъ постепенно превратился въ полуостровъ, болѣе и болѣе удлиннявшійся; пристань сперва обмелѣла съ двухъ сторонъ, такъ-что третья только узкимъ каналомъ соединялась съ Волгою, а потомъ и верхняя часть канала также высохла, и слѣды построекъ старой пристани г. Бэръ встрѣтилъ среди улицы. Нынѣ устроена новая пристань.

Впрочемъ, быстрое нарастаніе почвы у пристани имѣетъ особенную причину. Здѣсь какъ можно ближе къ берегу располагаются на якорѣ множество судовъ и замедляютъ теченіе воды. Поэтому между берегомъ и кораблями осадокъ наносныхъ частицъ очень значителенъ.

Размываніе праваго берега также неравномѣрно и весьма различно. Обыкновенно обрывы простираются фута на два, рѣдко на 30—80 футовъ и только изрѣдка обрушивается берегъ на 200 или 300 футовъ. О такихъ обрывахъ очевидцы разсказываютъ, какъ

объ явленіи, приводящемъ въ ужасъ. Олеарій разсказываетъ, что за мѣсяцъ до его пріѣзда подобный обрывъ высокаго берега Волги поглотилъ вмѣстѣ съ экипажемъ цѣлое судно, искавшее подъ берегомъ защиты.

Причина такихъ обрывовъ заключается всегда въ полой водѣ и въ ускореніи теченія въ это время, хотя самые обрывы часто случаются уже послѣ пониженія воды. Выше Астрахани, между Царицынымъ и Саратовымъ, вода подымается очень значительно, до 4 саженей. Естественно, что вмѣстѣ съ тѣмъ ускоряется и теченіе. Близъ Сарепты въ 1854 году скорость составляла около 10 футовъ въ секунду; въ Астрахани, сильное теченіе 1856 года, сильнѣйшее, какое только тамъ было наблюдаемо, имѣло скорость 6 футовъ; но въ Астрахани вода не подымается выше $1\frac{1}{2}$ саженей. Правый берегъ, за немногими исключеніями, состоитъ изъ очень подвижныхъ массъ, именно — или изъ степной глины, которая довольно тверда, когда высохнетъ, но очень легко расплывается въ водѣ, или-же изъ простого песку. Слой песку особенно толстъ ниже Царицына до Астрахани. Верхній слой его проникнутъ глубокими корнями степныхъ растеній, и потому крѣпче другихъ. При повышеніи воды не только ускоряется теченіе, но измѣняется и линія сильнѣйшаго тока. Эта линія и при низкой водѣ всегда ближе къ правому берегу, но она приближается къ нему тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе теченіе. Обстоятельство это извѣстно всѣмъ рыбакамъ и перевозчикамъ и замѣтно даже просто на взглядъ. Теченіе подмываетъ песчаные и отчасти глинистые пласты, особенно тамъ, гдѣ правый берегъ образуетъ выступы. Когда вода понижается, то прекращается только непосредственное ея дѣйствіе, но слѣдствія его продолжаются. Песчаные пласты круто, почти вертикально обмытые водою, высыхаютъ и не могутъ держаться въ этомъ положеніи; пласты песку, засыхая одинъ за другимъ, скатываются и это продолжается во все теченіе сухаго лѣта. Такимъ образомъ происходитъ откосъ, имѣющій около 45° наклоненія, и нижняя часть его, состоящая изъ ссыпавшагося песку, увлекается слѣдующею затѣмъ полою водою. Глинистые пласты могутъ держаться и при вертикальномъ обрывѣ; но они трескаются при высыханіи и падаютъ кусками, которые также распускаетъ полая вода. Отъ этого происходитъ, что полая вода окрашивается красновато-желтымъ цвѣтомъ и мало прозрачна. Верхній слой земли, проникнутый корнями и содержащій въ себѣ

нѣсколько гумуса, держится долѣе другихъ; до него никогда не достигаетъ вода и онъ падаетъ, лишаясь подпоры нижнихъ слоевъ. Онъ образуетъ поэтому выдающіяся висящія массы, которыя постепенно растрескиваются и падаютъ. Маленькіе выступы такого рода очень обыкновенны; но бываютъ изрѣдка выступы, простирающіеся на 200, 300 футовъ и они часто висятъ неизмѣнно многіе годы.

Такимъ образомъ Волга размываетъ свой правый берегъ и вмѣстѣ съ тѣмъ образуетъ наносъ на лѣвомъ берегу. Тамъ, гдѣ почва рыхлѣе, лѣвый берегъ кажется совершенно плоскимъ, потому-что для глаза незамѣтно постепенное поднятіе.

Если мы спросимъ себя, отчего происходитъ такой напоръ рѣки къ западу, то на первый взглядъ покажется, что, вслѣдствіе различія самыхъ береговъ, крутой правый необходимо долженъ быть подмываемъ, а плоскій лѣвый не можетъ быть подмываемъ. Такъ-что, если Волга, вслѣдствіе какого-бы то ни было обстоятельства, получила крутой правый, а лѣвый плоскій берегъ, то подобное расположеніе непремѣнно должно сохраняться и впередъ. Но весьма невѣроятно, чтобы на столь большомъ протяженіи правый берегъ былъ круче лѣваго только случайно, безъ общаго физическаго основанія.

Г. Бэру еще въ 1853 были предлагаемы два объясненія. По одному вода гонится къ правому берегу Волги болѣе господствующими вѣтрами; по другому причина заключается въ геологическихъ обстоятельствахъ. Первое мнѣніе очень распространено на самой Волгѣ и дѣйствительно представляетъ нѣкоторую вѣроятность, но только предположивши уже различіе береговъ. Очевидно волны, возбуждаемыя восточными вѣтрами, должны сильно удариться въ правый берегъ, тогда-какъ волны отъ западныхъ вѣтровъ, не встрѣчая никакого сопротивленія, должны безъ дѣйствія ослабѣвать на лѣвомъ берегу. Поэтому, правый берегъ *подмывается*, а лѣвый *намывается*. Что касается до геологическихъ причинъ, то замѣчательно, что Волга нерѣдко течетъ по краю какой-нибудь геологической формаціи; часто она поворачиваетъ перпендикулярно, слѣдовательно по направленію паденія пласта, потомъ достигаетъ самой глубокой точки, поворачиваетъ опять перпендикулярно, такъ-что продолжаетъ течь параллельно прежнему. Все это показываетъ, что русло Волги, какъ и другихъ рѣкъ, зависитъ отъ геологическихъ формацій; но причины крутизны праваго бе-

рега здѣсь все еще нѣтъ. Г. Бэръ приходилъ даже къ предположенію, нѣтъ-ли медленнаго подъема почвы къ востоку отъ Казани. Но всѣ эти предположенія разрушаются тѣмъ фактомъ, что притоки Волги, идутъ-ли они съ юга или съ сѣвера, представляютъ совершенно такое-же отношеніе береговъ, какъ сама Волга. Кама, Вятка, Ветлуга и Унжа, текущія съ юга, по показаніямъ профессора Боде, имѣютъ высокій правый берегъ. Но то-же самое представляетъ и Ока, текущая съ юго-запада. Отъ этого происходитъ, какъ указано выше, что Нижній-Новгородъ подмывается съ двухъ сторонъ. Сура и Свяга идутъ также съ юга. Свяга течетъ почти параллельно Волгѣ, но въ противоположномъ направленіи. Съ высоты Симбирска можно разомъ видѣть и Волгу и Свягу; и у той и другой правый берегъ высокій и слѣдовательно нельзя предполагать ни дѣйствія вѣтровъ, ни дѣйствія поднятія Урала. *Бѣлая*, еще ближе къ Уралу, имѣетъ на сторонѣ Урала низкій берегъ.

Въ устьяхъ Волги точно также можно замѣтить напоръ. Вахтеміръ, самый западный изъ большихъ рукавовъ Волги, имѣетъ самое быстрое теченіе. Между-тѣмъ онъ, безъ сомнѣнія, позднѣйшаго происхожденія. До Кемпфера (1683) объ немъ не упоминаютъ въ описаніяхъ Волги. Только въ первой четверти нынѣшняго столѣтія онъ сталъ судоходнымъ. До-тѣхъ-поръ ѣздили по восточному рукаву, по *старой Волгѣ* черезъ Ярковное устье. Но въ концѣ прошлаго вѣка это устье обмелѣло. Гольштинское посольство въ Персію въ 1635 году плыло по рукаву еще болѣе восточному (Иванчугъ). Іеннинсонъ въ 1558 году, вѣроятно, ѣхалъ по *Кутуму*, который теперь совершенно обмелѣлъ.

По нѣкоторымъ указаніямъ можно предполагать еще большія перемѣны. *Сарай*, столица хановъ Золотой орды, лежалъ на Ахтубѣ, нынѣ весьма незначительномъ рукавѣ Волги; между-тѣмъ восточные писатели среднихъ вѣковъ говорили, что Сарай лежитъ на большой рѣкѣ. Остатковъ *Итиля* изъ временъ Хазаровъ, вѣроятно, также должно искать на Ахтубѣ, а по показаніямъ Ибнъ-Фоцлана Итиль лежалъ на большой рѣкѣ. Ахтуба, вѣроятно, была прежде главнымъ притокомъ Волги.

Съ измѣненіями устья совершенно согласны явленія въ рукавахъ Волги при ея раздѣленіяхъ на срединѣ теченія. Обыкновенно самый правый рукавъ есть самый быстрый и сильный.

Если у другихъ Русскихъ рѣкъ различіе между правымъ и

лѣвымъ берегомъ не столь значительно, какъ у Волги, то все-таки у большихъ рѣкъ, въ тѣхъ частяхъ, которыя расположены на равнинахъ, оно господствуетъ столь ясно, что обнаруживается вся всеобщность условій, отъ которыхъ оно происходитъ.

Донъ, *Хоперъ*, *Ворона*, *Медвѣдица*, *Донецъ* имѣютъ крутой правый и плоскій лѣвый берегъ. Въ нижнемъ теченіи Дона разница, кажется, еще значительнѣе, чѣмъ у Волги, потому-что всѣ станицы лежатъ на правомъ берегу, а на лѣвомъ, какъ на затопляемомъ, почти вовсе нѣтъ поселеній. Только у самаго моря, гдѣ наводненія не значительны, или вовсе не бываютъ, появляются и поселенія. Такая-же разница береговъ замѣчаются на Днѣпрѣ и Бугѣ. У Днѣпра, вѣроятно, было два главныя устья, но восточное, лѣвое давно уже изсохло; такъ по-крайней-мѣрѣ можно судить по описанію Геродота. По показаніямъ Палласа, Уралъ также имѣетъ крутой правый берегъ; изъ его устьевъ самое правое или западное всего значительнѣе.

И такъ всѣ Русскія рѣки, имѣющія господствующее направленіе отъ сѣвера къ югу, имѣютъ крутой западный и плоскій восточный берегъ, какъ-скоро они при значительномъ обиліи воды текутъ по равнинѣ.

Если теперь обратимъ вниманіе на Русскія рѣки, текущія къ сѣверу, то мы найдемъ вообще напоръ воды на восточную сторону и слѣдовательно крутой восточный, т.-е. правый, и плоскій западный берегъ. Кромѣ-того такія рѣки, если не мѣшаютъ имъ какія-нибудь возвышенности, часто поворачиваютъ на востокъ, какъ текущія къ югу такъ-же на западъ. Это замѣтно напримѣръ на Двинѣ. Только Енисей течетъ на сѣверо-западъ, но это зависитъ отъ расположенія горъ. Сообразно съ этимъ располагаются города и селенія. Архангельскъ почти весь лежитъ на правомъ берегу; только ради близости къ гавани построено на лѣвомъ берегу предмѣстье Соломбала, ежегодно отчасти затопляемое. *Онега*, *Мезень*, *Пустозерскъ*, *Обдорскъ*, *Устьянскъ*, всѣ лежатъ на правыхъ берегахъ. Тобольскъ расположенъ на правомъ берегу Иртыша и каждый разъ при полой водѣ теряетъ часть почвы, на которой держится. По Штукенбергу Обь на всемъ теченіи отъ впаденія Иртыша представляетъ высокій правый берегъ. Напротивъ, Якутскъ лежитъ на лѣвой сторонѣ Лены; его можно было безопасно построить здѣсь, потому-что Лена въ своемъ среднемъ теченіи глубоко врѣзывается въ почву и уже цѣлыя тысячелѣтія не достигаетъ вышины

своихъ береговъ. Но и Якутскъ, кажется, подвергается вліянію общаго закона. Двѣсти лѣтъ назадъ, когда построили его на лѣвомъ берегу большой рѣки, конечно, не думали, чтобы когда-нибудь городъ нуждался въ водѣ. Между-тѣмъ рукавъ, протекающій близъ города, постепенно убываетъ и усиливается другой, текущій въ двухъ верстахъ отъ Якутска.

Не многія рѣки представляютъ такое явное преобладаніе правыхъ рукавовъ дельты, какъ Двина; самое глубокое устье, расположенное правѣе другихъ, есть *Березовское;* только къ нему ходятъ большіе корабли; слѣдующее за тѣмъ *Мурманское* служитъ для малыхъ судовъ, именно для рыболовныхъ; а расположенныя еще лѣвѣе *Пудошерское* и *Никольское* еще мельче и по нимъ могутъ плавать только лодки.

Вообще нельзя не видѣть, что Россія особенно удобна для того, чтобы обнаружить законы, которымъ слѣдуютъ рѣки въ образованіи своего русла, потому-что главное дѣло здѣсь составляетъ рыхлая, подающаяся почва. На югѣ, за исключеніемъ южнаго берега Крыма, господствуетъ степная почва; на сѣверѣ намъ представляется мягкая почва тундры, лѣтомъ проникнутая водою. Между этими двумя окраинами твердыя каменныя породы глубоко покрыты наносною землею. Весь южный край Сибири представляетъ гористую мѣстность; вмѣстѣ съ тѣмъ и образованіе береговъ здѣсь менѣе зависитъ отъ теченія. Наконецъ большая часть Русскихъ рѣкъ течетъ или къ сѣверу или къ югу; въ рѣкахъ-же, текущихъ къ сѣверу, полая вода сопровождается льдомъ, который еще сильнѣе дѣйствуетъ на берегъ, подверженный напору. Высокая сѣверная широта также не остается безъ вліянія, потому-что чѣмъ ближе къ полюсу, тѣмъ быстрѣе измѣняется скорость обращенія.

Есть у насъ, впрочемъ, и рѣки, текущія по направленію параллельныхъ круговъ. Такъ Терекъ и Кура текутъ съ запада на востокъ; наблюденія надъ этими двумя рѣками заставляютъ г. Бэра сомнѣваться въ положеніи, выраженномъ Бабине въ Парижской академіи, что рѣки, текущія совершенно по параллельнымъ кругамъ, также имѣютъ правый крутой и лѣвый плоскій берегъ.

Куру г. Бэръ наблюдалъ только отъ Тифлиса. Здѣсь наиболѣе крутой берегъ—лѣвый; въ немъ случаются каменные обрывы почти вертикальные и изъ домовъ, на нихъ стоящихъ, почти прямо можно опускать ведро въ воду. Въ девяти верстахъ за Тифлисомъ

Кура выступаетъ изъ горной мѣстности и течетъ по глинистой степной почвѣ, а въ Мангичаурѣ оставляетъ послѣднія предгорья Кавказа. Здѣсь-то особенно ясно, что высота береговъ измѣняется только сообразно съ поворотами рѣки; на ея выпуклой сторонѣ берегъ крутъ, на вогнутой низменъ. Слѣдовательно ни правый, ни лѣвый берегъ не имѣютъ особеннаго отличія.

Терекъ сперва течетъ къ сѣверу; потомъ, поворотивъ на востокъ, протекаетъ такъ близко возлѣ горъ, что правый берегъ его необходимо долженъ быть выше лѣваго, степного. Но лѣвый берегъ все-таки нельзя назвать намывнымъ. Въ нижнемъ теченіи Терека, когда онъ принимаетъ направленіе къ сѣверо-востоку, разница береговъ яснѣе и лѣвый берегъ подвергается затопленію.

Такъ точно у Амура, который течетъ отчасти къ сѣверо-востоку, отчасти къ юго-востоку, правый берегъ замѣтны выше лѣваго. Даже Нева представляетъ рѣшительное господство праваго берега.

Поэтому Сена представляетъ очень неидущій примѣръ, если на ней желаютъ видѣть вліяніе воды, текущей съ востока на западъ (*). Тотчасъ за Парижемъ на значительныхъ протяженіяхъ она идетъ къ сѣверу и къ югу, отъ Руана она скорѣе направляется по меридіану, чѣмъ по параллели.

Если для подтвержденія указаннаго общаго закона собирать свѣдѣнія о берегахъ каждой рѣчки, то подобное занятіе можно продолжать безъ конца. Поэтому нужно ограничиться немногими указаніями. *Нилъ*, по показаніямъ *Минуноли*, передвигается на всей своей длинѣ — къ востоку и разрушаетъ остатки городовъ и памятниковъ, большею частію находящіеся на правомъ его берегу. Въ дельтѣ напоръ еще сильнѣе и налѣво находятъ ложбину, такъ-называемую *сухую рѣку*, вѣроятно прежде бывшее ложе Нила. *Индъ*, по Риттеру, въ своемъ нижнемъ теченіи уже больше, чѣмъ на 15 морскихъ миль, подвинулся къ западу. *Рейнъ* между Базелемъ и Гермерсгеймомъ вѣроятно подался вправо, потому-что налѣво находится множество слабыхъ побочныхъ рукавовъ. При устьѣ настоящимъ продолженіемъ рѣки должно считать самый правый рукавъ *Иссель*. Что этотъ рукавъ причинялъ сильныя наводненія, видно изъ того, что въ XIII столѣтіи послѣдовало соединеніе океана съ бывшимъ озеромъ Флево. Постепенно Иссель уси-

(*) Comptes rendus. T. 49, № 19.

лился и западные рукава, судоходные во время Римлянъ, теперь совершенно обмелѣли. У *Вислы* правый рукавъ *Ногатъ* значительнѣе, чѣмъ лѣвый, удерживающій названіе Вислы. Во Франціи большая часть рѣкъ направлены къ западу; *Гаронна*, обращаясь къ сѣверу, болѣе другихъ приближается къ меридіану. По свидѣтельству *Асмери* (*), правый берегъ ея круче и подмывается. Замѣчательно, что то-же самое оказывается и у Сены.

Тамъ, гдѣ нѣтъ прямыхъ указаній о различіи береговъ рѣки, можно съ вѣрностію заключить о подобномъ различіи по поселеніямъ на берегахъ. Такъ на *Торнео*, на *Тана-Эльфѣ* поселенія расположены преимущественно на правой сторонѣ. На *Эльбѣ*, *Дунаѣ*, на *Тахо*, *Гвадіанѣ*, *Гвадалквивирѣ*, въ нижнихъ частяхъ, гдѣ нѣтъ горъ, является то-же самое обстоятельство.

Перейдемъ теперь къ Новому Свѣту. О Мепензіевомъ потокѣ самъ открывшій его говоритъ, что правый берегъ высокъ, а лѣвый низменъ. На *Ріо-Гранде-дель-Норте* большая часть селеній лежатъ на правомъ берегу. О Миссисипи недавно сообщилъ подробныя свѣдѣнія Ольсгаузенъ. Рѣки всей области Миссисипи отличаются тѣмъ, что ихъ русло глубоко врыто въ почвѣ, такъ-что берега съ обѣихъ сторонъ отрывисты; но между этими обрывами и самою рѣкою остаются часто большія низменныя пространства. Такимъ образомъ отъ впаденія Миссури, Миссисипи держится близъ обрывовъ праваго берега, а на лѣвомъ идетъ низменность на протяженіи 100 Англійскихъ миль и шириною среднимъ числомъ въ 5 миль. Но противъ устья Огіо и на правомъ берегу образуется глубокое болотистое мѣсто. Затѣмъ рѣка опять приближается къ правому берегу и течетъ близъ обрывовъ на разстояніи 130 миль. Послѣ этихъ 130 миль начинается болотистая почва, и обрывы или лежатъ далеко отъ рѣки или вовсе исчезаютъ. Но вся эта сторона къ западу отъ Миссисипи еще въ нынѣшнемъ столѣтіи замѣтно опустилась вслѣдствіе землетрясенія; слѣдовательно тутъ дѣйствовали посороннія причины. Замѣчательно, что при устьѣ многочисленные и самые широкіе рукава Миссисипи лежатъ налѣво и идутъ къ юго-востоку, вопреки общему правилу. Это зависитъ вѣроятно отъ того, что здѣсь вливается Красная рѣка, текущая съ сѣверо-запада, а также, по справедливому замѣчанію Бабине, отъ притока морской воды къ сѣверному берегу Мексиканскаго зали-

(*) Comptes rendus, T. 49, № 21.

ва. Такимъ образомъ Миссисипи въ нижнемъ теченіи представляетъ уклоненіе отъ общаго закона.

Нѣкоторыя историческія данныя, собранныя въ сочиненіи Гоффа: Geschichte der durch Ueberlieferungen nachgewiesenen Veränderungen der Erdoberfläche (Bd. III, S. 102—123), говорятъ также въ пользу общаго правила. Рѣка *Серхіо* во времена Плинія впадала въ *Арно;* теперь она имѣетъ отдѣльное устье къ сѣверу отъ устья Арно. *Коза*, сѣверный притокъ Ганга, величиною съ Рейнъ, прежде протекала близъ Пурнаго; теперь она впадаетъ въ Гангъ десятью Итальянскими милями выше. Гоуръ, древняя столица Бенгала, лежалъ прежде на Гангѣ; теперь его развалины отдѣлены отъ Ганга на цѣлую милю и слѣдовательно рѣка подвинулась вправо. Близъ Бенареса, въ 660 футахъ отъ Ганга, находятъ старое его русло, 90 футовъ глубины. Сыръ-Дарья и Аму-Дарья оставили свои лѣвыя устья и проложили себѣ новыя правыя. Ориноко близъ Майпури передвинула свое русло на востокъ, слѣдовательно направо.

Встрѣчаются, хотя очень рѣдко, исключенія, зависящія вѣроятно отъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Такъ Евфратъ, недалеко отъ Алексіо, въ XIII столѣтіи передвинулъ свое русло отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, слѣдовательно налѣво. Г. Бэръ самъ показалъ, что Аранъ перешелъ изъ праваго рукава въ лѣвый.

Самое твердое доказательство того, что крутизна праваго берега Русскихъ рѣкъ зависитъ отъ обращенія земли около оси, получилось-бы въ томъ случаѣ, еслибы было дознано, что рѣки южнаго полушарія представляютъ, наоборотъ, правый берегъ низменный, а лѣвый высокій.

Величайшая рѣчная система южнаго полушарія, система Лаплаты, вполнѣ подтверждаетъ такой взглядъ. Въ послѣднее время объ этой системѣ получены весьма подробныя свѣдѣнія. Система Лаплаты состоитъ изъ Урагвая и изъ большой Параны, которая въ свою очередь образуется верхнею Параною и Урагваемъ. *Парагвай* вытекаетъ изъ горной страны, потомъ обращается къ югу и до 21 ю. ш. представляетъ на правой сторонѣ попремѣнно болота и холмы, а потомъ выходитъ на совершенную равнину. Послѣднее жилье на правомъ берегу есть *Бурбонъ*, подъ 21°; затѣмъ правый берегъ совершенно плоскій и при полой водѣ затопляется необозримо далеко, такъ-что видъ его сравниваютъ съ видомъ моря. На лѣвой-же сторонѣ берегъ умѣренно высокъ, живописенъ

и покрытъ обильно поселеніями. Отъ *Ассунціона* до устья Парагвая, на 30 географическихъ миляхъ однихъ городовъ лежитъ четыре на лѣвомъ берегу, на правомъ-же нѣтъ никакого человѣческаго жилища. На картѣ Нейманнова журнала (Zeitschrift für Allgemeine Erdkunde) показано на правой сторонѣ послѣднее населенное мѣсто подъ 21°, 40′, потомъ слѣдующее при впаденіи въ Парану подъ 27°20′, слѣдовательно на 6 градусахъ совершенно пусто, тогда-какъ на лѣвомъ берегу находятся 86 поселеній и между ними 7 городовъ.

Парана точно также выходитъ изъ гористой страны, течетъ на юго-юго-западъ, на лѣвой сторонѣ представляетъ немногія поселенія, на правой совершенно пуста, потомъ поворачиваетъ прямо на западъ къ Парагваю и здѣсь имѣетъ поселенія и на правомъ берегу. По соединеніи обѣихъ рѣкъ, общій потокъ удерживаетъ названіе Парана, хотя по направленію болѣе слѣдуетъ Парагваю. Правый берегъ и въ этомъ продолженіи остается плоскимъ и безъ поселеній, потому-что онъ подвергается широкимъ затопленіямъ до 32° ю. ш.; на протяженіи многихъ сотень морскихъ миль онъ совершенно пустъ. На лѣвомъ-же берегу есть поселенія и только мѣсто ниже соединенія съ Парагваемъ показано на картѣ Петермана болотистымъ. Общій потокъ поворачиваетъ наконецъ налѣво, слѣдовательно совершенно согласно съ общимъ правиломъ. Между-тѣмъ съ 32°, 38′ ю. ш. являются поселенія уже на правомъ берегу, который и рисуется обрывистымъ. Здѣсь, должно быть, подымается почва и рѣка течетъ къ морю сообразно съ геологическими обстоятельствами.

Уругвай въ своемъ нижнемъ теченіи представляетъ совершенно тотъ-же характеръ. Онъ далеко затопляетъ правый необитаемый берегъ.

Южное полушаріе представляетъ мало рѣкъ, текущихъ къ сѣверу. Южные притоки Амазонской рѣки — самыя значительныя рѣки такого рода. Объ нихъ нѣтъ точныхъ указаній, но по картамъ видно, что какъ-скоро они вступаютъ въ совершенную равнину, поселенія на нихъ главнѣйше расположены на западной сторонѣ, т.-е. на лѣвомъ берегу.

На старыя карты трудно полагаться, потому-что онѣ нерѣдко ставятъ поселенія на рѣкахъ, по произволу, на той или на другой сторонѣ. Поэтому г. Бэръ обратился къ новымъ и надежнѣйшимъ картамъ южнаго полушарія, въ Журналѣ королевскаго географи-

ческаго общества. Оказалось (Vol. XIII, part. 2), что на нижнемъ теченіи Clarence River въ юго-восточной Австраліи, всѣ населенныя мѣста лежатъ на лѣвомъ берегу; точно также (Vol. XVIII, 2) на Webbe Genadeh въ юго-западной Африкѣ. На Webbe Shebeyli той-же страны населенныя мѣста лежатъ по обѣ стороны, но лежащія на правой сторонѣ отстоятъ дальше отъ рѣкъ. Въ Новой Зеландіи (Vol. XXI) на маленькой рѣкѣ Metaura поселенія лежатъ на лѣвой сторонѣ.

Къ-сожалѣнію все это маленькія рѣки и поселеній на нихъ не много, такъ-что многое можно приписать случаю и доказательство не представляетъ большой силы.

На все сказанное безъ сомнѣнія достаточно подтверждаетъ общее положеніе, что въ сѣверномъ полушаріи правый берегъ рѣки бываетъ круче, а въ южномъ, наоборотъ, лѣвый.

Н. Страховъ.

Настоящее состояніе микологіи. *Замѣтка Тюлана* (*). — Въ настоящее время микологія находится въ переходномъ состояніи; многія весьма обширныя части ея настоятельно требуютъ пересмотра; наблюдатели, которые займутся этимъ, должны съ одной стороны воспользоваться фактами, недавно открытыми наукою, повѣрить ихъ и увеличить ихъ число тщательными изслѣдованіями, а съ другой стороны — быть крайне осмотрительными и выводить изъ извѣстныхъ фактовъ только тѣ заключенія, которыя дѣйствительно можно изъ нихъ вывести, остерегаясь придти къ преждевременнымъ слѣдствіямъ изъ несовершенныхъ наблюденій или изъ обстоятельствъ, которыя можно объяснить различнымъ образомъ. Такая осмотрительность тѣмъ болѣе необходима, что новый путь, на который вступило ученіе о грибахъ, часто подвергаетъ наблюдателя важнымъ ошибкамъ. На самомъ дѣлѣ, ежедневно подтверждается у одного и того-же вида грибовъ присутствіе различныхъ родовъ споръ и различныхъ органовъ размноженія, изъ чего слѣдуетъ, что исторія грибовъ гораздо сложнѣе, нежели предполагали наши предшественники, и открытія послѣдняго времени показали, какъ далеки мы были отъ точнаго понятія объ этихъ растеніяхъ. Другими словами, для микологіи наступила очередь, которой подвергаются всѣ науки, имѣющія цѣлію познаніе

(*) Comptes rendus. 1860 № 1.

твореній Божіихъ. Непозволительно сожалѣть объ ея успѣхахъ на томъ основаніи, что съ этихъ поръ наша задача становится труднѣе, или безъ всякаго изслѣдованія отрицать и отвергать дознанные факты съ цѣлію устранить новыя докучныя трудности, потому-что нельзя закрывать глаза при свѣтѣ истиннаго знанія, какъ посягать на удивительную экономію, управляющую всѣми живыми существами, воображая ихъ скроенными по узкой мѣркѣ нашего ума. Такія размышленія, быть можетъ, слишкомъ возвышенны для нашего предмета, но они связываются съ нимъ естественно; во всякомъ случаѣ важность общихъ интересовъ и началъ, которыя они защищаютъ, нисколько не уменьшается отъ обыкновенной малости произведеній, которыя дали поводъ къ такимъ соображеніямъ. Дѣйствительно, если вспомнимъ несмѣтное множество грибовъ, живущихъ на поверхности земной, и страшную роль, къ которой они призваны, то согласимся безъ труда съ *Эренбергомъ*, что грибы суть одни изъ самыхъ важныхъ обитателей земнаго шара (orbis cognoscendi graves incolae). Такое заключеніе не можетъ отвратить истиннаго натуралиста, потому-что многіе общіе вопросы, относящіеся до организованныхъ тѣлъ, должны быть изучаемы по преимуществу, т.-е. съ большею пользою, на менѣе совершенныхъ изъ такихъ тѣлъ, гдѣ простѣйшее строеніе позволяетъ лучше понять явленія жизни, не смотря на метафизическую темноту, которая окружаетъ эти вопросы. Менѣе причинъ достаточно, чтобы дать грибамъ право на всеобщій интересъ.

Профессоръ *Ант. Бари* раздѣляетъ это мнѣніе; онъ сдѣлалъ множество изслѣдованій не только надъ водорослями, но и надъ грибами, и особенно уяснилъ загадочную группу Myxomycetes, составляющую посредствующее звѣно между животными и растеніями; но его наблюденія надъ Nyctalis возбуждаютъ сомнѣнія въ *Тюланѣ*.

Какъ ни просты нѣкоторыя изъ чужеядныхъ животныхъ, напр. личинки или зачатки глистъ,—зоологъ всегда отличитъ ихъ отъ тканей, въ которыхъ они живутъ. Совсѣмъ другое иногда съ паразитами-растеніями. Само собою разумѣется, что нельзя смѣшать Viscum Loranthus или Misodendron съ деревьями, на которыхъ они растутъ; заразиху и повилицу также легко отличить отъ растеній, которыя они истощаютъ; но многія изъ Rhizantheae, каковы напр. Pilostyles и гигантъ — Rafflesia, которая вся какъ-

будто состоитъ изъ одного огромнаго цвѣтка, не разъ были принимаемы за цвѣты тѣхъ растеній, на счетъ которыхъ они живутъ. Такое смѣшеніе особенно легко сдѣлать относительно грибовъ, которыхъ жизнь была такъ долго неизвѣстна или объясняема страннымъ образомъ. По поводу осъ или мухъ—растеній Караибовъ или растеній — червей Китайцевъ, т.-е. любопытныхъ примѣровъ паразитизма нѣкоторыхъ грибовъ на животныхъ, *Нидгамъ* и другіе натуралисты смѣшивали грибъ съ его жертвой и думали, что нашли существа двойничныя, переходящія поочередно изъ животной жизни въ растительную. Унгеръ принимаетъ головни за болѣзненныя и экзантематическія произведенія, такъ-что органы этихъ грибовъ, по его мнѣнію, суть ни что иное, какъ болѣе или менѣе измѣненныя части различныхъ тканей растеній, на которыхъ они живутъ. Даже самъ *Фрисъ* отказываетъ многимъ изъ растущихъ внутри растеній грибовъ самостоятельность и свойства настоящихъ растеній. Но труднѣе всего отличить изъ всѣхъ грибовъ-паразитовъ тѣ, которые растутъ на счетъ другихъ грибовъ. *Бари* встрѣтилъ паразитовъ такого рода, занимаясь родомъ Nyctalis.

Типъ рода Nyctalis Фриса есть Agaricus parasiticus *Бюлльяра;* этотъ грибъ содержитъ въ своей мякоти часто другой чужеядный грибъ, именно Asterophora agaricifolia Cord. (Asterotrichum Ditmari Bonord). Его видъ тогда такъ измѣняется, что его нельзя узнать, почему Бюлльяръ и принялъ его за другой грибъ и назвалъ Agaricus lycoperdoides. Эта ошибка возобновлена *Дитмаромъ* и увеличена *Фрисомъ*, который нашелъ въ Agaricus lycoperdoides нѣсколько видовъ. Но позже *Виттадини*, *Корда*, *Клотцшъ*, *Беркелей* и другіе микологи, въ томъ числѣ и *Тюланъ*, нашли въ въ Agaricus lycoperdoides Bull. два растенія. *Бари* напротивъ-того возвращается къ мнѣнію *Бюлльяра* и думаетъ, что Asterophora или Asterotrichum Bonord. есть вовсе не чуждое этому грибу произведеніе, а его органы размноженія другаго вида. Онъ основываетъ свое мнѣніе на томъ, что у Agaricus parasiticus Bull. есть подобный приборъ, что какъ у того, такъ и у другаго Agaricus этотъ прибавочный снарядъ размноженія очень постояненъ и расположенъ одинаково. Но *Бари* признаетъ, что этотъ снарядъ исключаетъ нормальный очень часто у Ag. lycoperdoides Bull. и всегда у Ag. parasiticus Bull.; онъ признаетъ также, что приборъ этотъ развиваетъ споры, весьма похожія на споры нѣкоторыхъ

паразитовъ, живущихъ внутри грибовъ, какъ Sepedonium, котораго нельзя не признать за паразитъ. Въ этомъ случаѣ *Бари* не отрицаетъ, что весьма трудно рѣшить, даже помощію самыхъ тщательныхъ микроскопическихъ изслѣдованій, что̀ принадлежитъ паразиту и что̀ питающему его растенію. Эта неизвѣстность и множество аналогій съ другими паразитами заставляютъ *Тюлана* принять Asterophora за отдѣльный организмъ, а не за органъ того растенія, на которомъ онъ живетъ. Что онъ выростаетъ всегда на одномъ мѣстѣ и въ одно и то-же время, также не доказательство, потому-что это свойственно многимъ паразитамъ, такъ напр. Sphaeria laetiritia Fr. растетъ только на hymenium рыжика.

Изслѣдованія Катрфажа о болѣзни шелковичныхъ червей (*). — *Катрфажъ* издалъ свои изслѣдованія за 1858 годъ и при представленіи ихъ Французской академіи наукъ читалъ слѣдующее:

«Этотъ трудъ заключаетъ въ себѣ двѣ различныя части:

«Первая заключаетъ въ себѣ наблюденія болѣзни такъ, какъ она представлялась въ питомникахъ. Я разсматриваю сначала монографически три долины, именно Вигана, Вальрога и Сентъ-Андре-де-Вальборнь. Такое сравненіе обнаруживаетъ, что̀ въ болѣзни постоянно, что̀ случайно, смотря по времени и мѣсту. Я знакомлю потомъ съ мѣстностями, которыя были не тронуты до моего путешествія. На основаніи совокупности фактовъ, собранныхъ въ ста шести питомникахъ, помѣщенныхъ въ самыя различныя условія, отъ низменностей Севеннъ до возвышенностей Лозеры, равно-какъ на основаніи сравнительныхъ опытовъ, я стараюсь опредѣлить природу болѣзни и ея дѣйствія. Потомъ я перехожу къ изслѣдованію тѣхъ причинъ, которыя могли произвести болѣзнь, потомъ тѣхъ, которыя благопріятствовали ея распространенію или продолженію. Наконецъ я излагаю и разсматриваю, все-таки опираясь на факты и на опыты, терапевтическія и гигіеническія средства, по моему мнѣнію, самыя вѣрныя для прекращенія болѣзни. Многочисленны замѣчанія и оправдательные документы, приложенные къ мемуару, относятся по большей части къ этому отдѣлу. Вопросы, разрѣшенные такимъ путемъ, помогаютъ читателямъ обсуживать самимъ дѣло.

«Вторая часть труда посвящена изслѣдованію *пебрины*, бо-

(*) Comptes rendus 1860. 9 Janvier.

лѣзни не новой, но смѣшиваемой еще до-сихъ-поръ съ *мускардиной*, на которую она похожа только тѣмъ, что черви по смерти высыхаютъ, превращаются въ муміи.

«Изъ названныхъ трехъ долинъ, долины Валльрога и Сент-Андре представляютъ почти одинаковыя общія условія. Долина Вигона отличается отъ нихъ и геологическимъ строеніемъ и орографическимъ расположеніемъ. Три маленькіе городка, отъ которыхъ эти долины получили свое названіе, находятся надъ уровнемъ моря, Виганъ на 224 метрахъ, Валльрогъ на 356 и Сент-Андре на 422. Появленіе зла было одновременное и все происходило совершенно одинаковымъ образомъ во всѣхъ трехъ долинахъ. Въ 1848 году сборъ былъ необыкновенно хорошъ, въ 1849 г. зло обнаружилось повсюду съ ужасною и одинаковою жестокостью. Въ трехъ долинахъ нѣкоторыя мѣста были сначала пощажены, но въ слѣдующіе годы и они были поражены послѣдовательно. Эти недолгія исключенія нельзя объяснить ни лучшими естественными гигіеническими условіями, ни болѣе раціональнымъ воспитаніемъ.

«Въ этомъ ясно обнаруживается эпидемическій характеръ болѣзни. Что касается до наслѣдственности ея, то извѣстно, что теперь она признана всѣми.

«Монографическое изученіе трехъ долинъ открыло мнѣ фактъ очень важный какъ съ научной, такъ и съ практической точки зрѣнія.

«Сравнивая съ одной стороны свидѣтельства того, что было въ трехъ мѣстностяхъ со времени появленія зла, а съ другой стороны то, что я наблюдалъ въ-теченіе 1858 года, мы можемъ придти къ заключенію, что болѣзнь, сохраняя эпидемическій и наслѣдственный характеръ, видоизмѣнялась разительнымъ образомъ въ самыхъ ясныхъ признакахъ. Исторія болѣзни, разсказанная тремя равно точными наблюдателями, была-бы совершенно различна, и я самъ видѣлъ, что въ Виганѣ камеры опустошались отъ совершенно другихъ болѣзней, чѣмъ въ Валльрогѣ и въ Сент-Андре, въ которыхъ болѣзни также были различны.

«Слѣдовательно, болѣзнь представляла явленія двухъ родовъ: одни постоянныя, другія перемѣнныя. Можно-ли ихъ было отнести къ единственной причинѣ? Очевидно, нѣтъ.

«Причину перемѣнныхъ явленій легко опредѣлить Въ камерахъ, которыя я посѣщалъ, у больныхъ червей, которые посто-

янно наполняли мой кабинетъ, я находилъ всѣ болѣзни, описанныя *Корналіей*. Вся разница только въ томъ, что обыкновенно очень немного червей заболѣвали этими болѣзнями, которыя теперь такъ сильно развивались, что цѣлыя камеры были разрушены въ-теченіе нѣсколькихъ дней.

«Но всѣ эти черви, какою-бы болѣзнію они ни были поражены. представляли всегда особенность, чуждую этой болѣзни, хотя съ перваго взгляда и казалось, что они больны только одною болѣзнію. Ихъ кожа была покрыта черными пятнами. Съ другой стороны я видѣлъ, что черви погибаютъ, не имѣя другихъ симптомовъ, кромѣ пятенъ и постепеннаго ослабленія. Наконецъ я находилъ эти самыя пятна у червей, по-видимому самыхъ здоровыхъ. Разсѣченіе мнѣ показало, что такія пятна могутъ встрѣчаться во всѣхъ органахъ, во всѣхъ тканяхъ, во всѣхъ возрастахъ червей. Повсюду эти пятна состоятъ изъ такого поврежденія ткани, въ которомъ исчезаетъ всякій слѣдъ организаціи. Невозможно не видѣть въ этихъ пятнахъ самаго характеристическаго симптома глубокаго поврежденія, которое поражаетъ весь организмъ.

«Когда я наблюдалъ въ лупу червей, готовыхъ всходить, то какъ-бы они ни были хороши на видъ простому глазу, *не было ни одного* безъ этихъ поврежденій.

«И такъ у меня передъ глазами была, вмѣстѣ съ *перемѣнными и мѣстными болѣзнями*, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, *постоянная и всеобщая болѣзнь*.

«Очевидно, я долженъ былъ спеціально заняться изученіемъ этой болѣзни. Я открылъ:

«1) Что она существуетъ, независимо отъ всѣхъ другихъ, между-тѣмъ-какъ другія всегда *сопровождаются* ею.

«2) Что довольно ея одной, чтобы погубить червей.

«3) Что она убиваетъ ихъ весьма медленно и такъ-сказать мало-по-малу, такъ-что большее число червей, пораженныхъ ею, можетъ свивать коконъ, но погибаетъ потомъ или въ видѣ куколокъ или въ видѣ бабочекъ.

«4) Что червь, имѣющій эту болѣзнь, и ослабленный ею, дѣлается гораздо воспріимчивѣе къ другимъ болѣзнямъ, такъ-что камера, готовая дать превосходный сборъ, можетъ быть уничтожена въ два, три дня сопровождающею болѣзнію.

«5) Что развитіе сопровождающей болѣзни всегда зависитъ отъ несоблюденія какого-нибудь правила гигіены.

«6) Что сила и свойства сопровождающей болѣзни зависятъ отъ причинъ, которыя произвели ее или благопріятствовали ея развитію.

«Теперь ясно, какимъ образомъ я былъ приведенъ къ тому, чтобы зло, причиняющее столько опустошеній, считать за *совокупность болѣзней, а не за одну болѣзнь*, какъ это дѣлали досихъ-поръ.

«Ясно также, что въ этой совокупности *пебрина* играетъ роль неизмѣннаго и постояннаго элемента. Очевидно, что этой-же болѣзни должны быть приписаны симптомы, имѣющіе тотъ-же характеръ постоянства и неизмѣнности. Для меня совершенно доказано, что только одна пебрина есть эпидемія и притомъ наслѣдственная. Факты, изложенные въ этомъ трудѣ и въ томъ, который печатается, не оставятъ, я надѣюсь, ни малѣйшаго сомнѣнія на этотъ счетъ.

«Такой взглядъ на зло, которое мы изучаемъ, объясняетъ множество фактовъ, которыхъ нельзя было-бы объяснить съ другой точки зрѣнія. При небольшомъ размышленіи дѣлается ясно, отчего болѣзнь измѣняется въ самыхъ рѣзкихъ явленіяхъ, смотря по времени и мѣсту: общія или мѣстныя условія были неодинаковы, и потому и сопровождающія болѣзни были различны; далѣе, отчего камера, превосходная въ промышленомъ отношеніи, даетъ весьма мало бабочекъ, которыя кладутъ зараженныя въ высшей степени яйца: отсутствіе сопровождающей болѣзни дозволило червямъ свить коконы; но пебрина, которою они были поражены, убила куколокъ и заставила бабочекъ передать ее яйцамъ и пр.

«Но результаты, которые я изложилъ, имѣютъ въ практическомъ отношеніи весьма дѣйствительную важность, на которую я прошу позволеніе обратить вниманіе.

«I. Прежде всего, такъ-какъ одна пебрина въ огромномъ большинствѣ случаевъ дозволяетъ червямъ свивать коконъ, то воспитатели не должны ничѣмъ пренебрегать, чтобы защитить камеры отъ сопровождающихъ болѣзней, которыя усложняютъ первоначальное зло и почти всегда составляютъ непосредственную причину опустошеній.

«Для достиженія этой цѣли, необходимо, чтобы шелководы были убѣждены, что *всѣ ихъ черви больны* или *готовы заболѣть.* Они поймутъ тогда, что предосторожности, по-видимому преувеличенныя въ обыкновенное время, едва достаточны подъ вліяніемъ

настоящихъ условій. Они будутъ ходить за червями, какъ ходятъ за чахоточнымъ, существованіе котораго хотятъ продлить; малѣйшая неосторожность, которая не можетъ нанести ни малѣйшаго вреда здоровому человѣку, губитъ чахоточнаго отъ случайной болѣзни гораздо раньше того времени, когда умеръ-бы больной отъ одной чахотки.

«II. Пебрина, существенная причина зла, наслѣдственна, поэтому весьма важно не употреблять сѣменъ отъ зараженныхъ червей. Осмотръ червей при всходѣ, а также куколокъ и бабочекъ, можетъ показать состояніе здоровья производителей; поэтому собиратели сѣменъ могутъ имѣть вѣрное указаніе, въ какихъ камерахъ собирать сѣмена.

Здѣсь представляется вопросъ: въ какой степени пораженныхъ червей можно допускать до кладки яицъ. Что пятна, даже весьма слабыя и весьма рѣдкія, суть признаки дѣйствительнаго пораженія, въ томъ, я думаю, согласятся всѣ, читавшіе мои мемуары; что отъ количества и качества пятенъ зависитъ и доброта сѣменъ, также очевидно изъ фактовъ, собранныхъ мною, въ двѣ экспедиціи; но что *червь* или *бабочка съ весьма слабыми пятнами* не можетъ дать *никогда* хорошихъ сѣменъ, этого я не осмѣлюсь утверждать. На основаніи нѣсколькихъ фактовъ, кажется, можно допустить, что *впродолженіе одного покольнія* сѣмя, полученное отъ слабо-пораженныхъ родителей, можетъ дать удовлетворительные результаты.

«Независимо отъ такихъ дурно опредѣленныхъ случаевъ, гдѣ еще неизбѣжна неточность, изъ совокупности моихъ наблюденій я могу вывести слѣдующія заключенія:

«1) У шелковичныхъ червей въ состояніи гусеницы присутствіе пятенъ, видимыхъ въ лупу, но многочисленныхъ, или пятенъ, гораздо болѣе рѣдкихъ, но видимыхъ простымъ глазомъ, всегда обозначаетъ дурное сѣмя.

«2) При одинакихъ условіяхъ, у куколокъ пятенъ болѣе, нежели у гусеницъ. Самое незначительное получаетъ у послѣднихъ весьма важное значеніе. Слѣдовательно, вся камера, въ которой куколки вообще будутъ съ пятнами, даже съ легкими, не можетъ дать здоровыхъ сѣменъ.

«3) У бабочекъ можно изслѣдовать хорошо только крылья. Малѣйшее пятно должно считать признакомъ, что животное не способно произвести хорошія сѣмена.

«III. И разсужденія показывали и опытъ доказалъ, что *весьма малые питомники* противостоятъ настоящей эпидеміи. Строго соображаясь съ правилами гигіены при воспитаніи въ особенныхъ камерахъ, очищая по предыдущему произведенія, полученныя изъ нихъ, я убѣжденъ, что можно на мѣстѣ получить хорошія сѣмена, можетъ быть неопредѣленно, но непремѣнно впродолженіе извѣстнаго числа поколѣній.

«Сравнивая настоящія мои слова съ мемуаромъ, котораго они служатъ выводомъ, найдутъ, что здѣсь я выражаюсь гораздо утвердительнѣе, нежели въ самомъ трудѣ. Эта разница происходитъ отъ того, что мемуаръ былъ оконченъ и отпечатанъ прежде новыхъ наблюденій, которыя я собралъ въ нынѣшнемъ году. Въ прошломъ году я могъ только предполагать многое и наблюдать факты, значеніе которыхъ могло объясниться только впослѣдствіи. Мои личныя убѣжденія, правда, сложились уже давно; но до-тѣхъ-поръ, пока мнѣ представлялось нѣсколькс сомнѣній, я долженъ былъ быть чрезвычайно осторожнымъ, и по причинѣ важности интересовъ и по роли, возложенной на меня академіей. Эта осторожность сообщитъ, я надѣюсь, болѣе вѣса моимъ настоящимъ утвержденіямъ, которыя впрочемъ будутъ оправданы трудомъ, печатающимся теперь.

«По сущности зла, академія должна признать, что для его устраненія я полагаюсь болѣе всего на гигіену. Ей извѣстно также, что я не пренебрегалъ и терапевтической точкой зрѣнія. Въ моемъ трудѣ, я надѣюсь, найдутъ почти полное изложеніе того, что сдѣлано въ этомъ направленіи. Между прочимъ я помѣстилъ подробности моихъ опытовъ о дѣйствіи сахара и журналъ, который я велъ ежедневно испытаніямъ этого вещества въ чисто-промышленыхъ условіяхъ. Я ограничусь здѣсь напоминаніемъ, что полученъ, хотя и относительно, самый ободрительный результатъ. Остатки камеры были раздѣлены пополамъ; одну половину кормили простыми листьями, другую — обсыпанными сахаромъ. Количество коконовъ изъ той и другой половины было весьма незначительно, какъ этого и слѣдовало ожидать; но послѣдняя дала вдвое болѣе коконовъ и лучшаго качества, чѣмъ первая. Кромѣ того сахаръ ускорялъ свиваніе коконовъ, — что, какъ легко понять, во многихъ случаяхъ доставляетъ огромную пользу.

«Чтобы не злоупотреблять временемъ академіи, я прибавлю только нѣсколько словъ о второй части моего труда.

«Убѣдившись въ сложности болѣзни, я долженъ былъ заняться спеціально изслѣдованіемъ того элемента, который мнѣ казался существеннымъ. Для этой цѣли я отдѣлилъ и наблюдалъ весьма внимательно червей, больныхъ одною пебриною. Я обозначилъ симптомы, которые они мнѣ представляли, и которыхъ я открылъ очень много, и опредѣлилъ, какъ мнѣ кажется, довольно подробно свойство поврежденій организма. Во всякомъ случаѣ, относительно двухъ послѣднихъ состояній шелковичнаго червя я долженъ сдѣлать замѣчаніе.

«Хотя еще многаго можно желать въ описаніи различныхъ болѣзней гусеницъ шелковичнаго червя, однакожь общіе симптомы большей части изъ нихъ достаточно извѣстны, такъ-что всегда можно отличить червей, больныхъ одною пебриною или безъ сопровожденія значительныхъ болѣзней. Но въ куколкахъ и бабочкахъ это не такъ. Не было извѣстно, какое вліяніе въ этихъ двухъ состояніяхъ на насѣкомое имѣетъ ожиреніе, негрона, атрофія и пр. Не заботились о новыхъ болѣзняхъ, которыя могли развиться тогда. Отсюда слѣдуетъ, что при изученіи бабочекъ, даже наиболѣе пораженныхъ пятнами, нельзя быть увѣрену, что къ пебринѣ не примѣшена какая-нибудь другая болѣзнь, и что при исчисленіи симптомовъ первой не припишешь ей какую-нибудь особенность, принадлежащую другой болѣзни. Я долженъ былъ нѣсколько разъ изучать одинъ и тотъ-же симптомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мнѣ удавалось убѣдиться, что симптомъ принадлежитъ пебринѣ, но во многихъ другихъ я долженъ былъ выразить сомнѣніе и удержаться отъ окончательнаго мнѣнія.

«Да будетъ мнѣ позволено еще сказать нѣсколько словъ о рисункахъ, которые приложены къ моему труду и которые такъ замедлили его выходъ. Большая часть изъ нихъ представляетъ поврежденія, причиненныя пятнами въ различныхъ органахъ гусеницы, куколки и бабочки. Всѣ они были рисованы мною при безпрерывномъ контролѣ шелководовъ, т.-е. людей, болѣе всего заинтересованныхъ въ точности моего труда. Въ этомъ, если не ошибаюсь, можно найти гарантію вѣрности, съ которою представлены предметы. Послѣдняя таблица представляетъ измѣненія крови на воздухѣ и при засыханіи. Она доказываетъ, надѣюсь, самымъ положительнымъ образомъ, что слишкомъ обобщали результаты нѣкоторыхъ отдѣльныхъ наблюденій. Что касается до точности оттѣнковъ, то въ нихъ нельзя сомнѣваться, потому-что граверъ и

колористъ имѣлъ образцемъ пятна, сдѣланныя кровью, которую я высушилъ въ слояхъ неравной толщины на картонахъ»

Монографія рода Cynomorium Ведделя (*). — Cynomorium coccineum составляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ типовъ семейства Balanophoreae; оно, одно изъ этого семейства, растетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Европы и прежде было извѣстно подъ именемъ Fungus melitensis.

Главные отличительные признаки его были описаны Л. К. *Ришаромъ* въ мемуарѣ о Balanophoreae; но, не смотря на то и на новѣйшіе труды другихъ ботаниковъ, остается разрѣшить еще много вопросовъ относительно его организаціи.

«*Веддель* изслѣдовалъ уже нѣсколько экзотическихъ родовъ этого семейства во время своего путешествія въ Америкѣ; теперь онъ провелъ въ Оранѣ столько времени, сколько было необходимо, чтобы изучить это странное растеніе въ живомъ состояніи. Оно обыкновенно въ этой части Алжира, встрѣчается на солончакахъ какъ на берегу моря, такъ и во внутренности страны, и растетъ паразитомъ на весьма различныхъ растеніяхъ. Такъ напр. оно попадается на злакахъ и другихъ односѣменодольныхъ, на древесныхъ и травянистыхъ двусѣменодольныхъ, каковы Leguminosae, Tamarix, Chenopodicae, Statice и пр. Его прикрѣпленіе помощію корешковъ ко всѣмъ этимъ растеніямъ описано съ подробностію, равно-какъ анатомическое строеніе его корневища и цвѣточныхъ стеблей, которые занимаютъ средину между двумя сѣменодольными и односѣменодольными.

Початки имѣютъ форму булавы и покрыты большимъ числомъ мелкихъ цвѣтовъ, расположенныхъ мелкими двураздѣльными полузонтиками, составленными изъ мужскихъ и женскихъ цвѣтовъ, рѣдко изъ двуполовыхъ.

Но самые важные факты, заключающіеся въ этомъ мемуарѣ, относятся до строенія яичка и сѣмени: яичко виситъ въ полости яичника, имѣетъ организацію обыкновенныхъ яичекъ, и вовсе не удаляется отъ ихъ строенія, какъ думали нѣкоторые писатели. Въ яичкахъ есть и оболочка и ядро, рубчикъ и зародышево отверстіе. Сѣмя заключаетъ въ себѣ мясистый бѣлокъ и клѣтчатый

(*) Comptes rendus. 9 Janvier 1860.

зародышъ чечевицеобразной формы, безъ сѣменныхъ долей, лежащій въ бѣлкѣ близъ зародышева отверстія.

Проростаніе этихъ мелкихъ сѣменъ представило Ведделю неожиданный фактъ, именно: корешокъ вмѣсто того, чтобы опускаться въ почву, поднимается вертикально, принимаетъ то-же направленіе, если измѣнить его положеніе, и потомъ пристаетъ къ корешкамъ молодыхъ растеній, съ которыми его посѣяли. Это исключеніе изъ общихъ законовъ проростанія есть фактъ весьма замѣчательный и долженъ обратить вниманіе ботаниковъ на проростаніе чужеядныхъ растеній.

О составѣ и происхожденіи камеди въ растеніяхъ. *Изслѣдованія Фреми* (*). — Химическія свойства камедей едва извѣстны: отношенія, существующія между растворимыми и нерастворимыми отдѣлами почти всѣхъ камедей, не опредѣлены точнымъ образомъ. Физіологическія обстоятельства, опредѣляющія отдѣленіе камеди, также неизвѣстны. Интересныя наблюденія *Декеня* доказываютъ, что ненормальное образованіе камеди въ нѣкоторыхъ деревьяхъ совпадаетъ со временемъ развитія древесныхъ частей, и что она образуется на-счетъ послѣднихъ. Но намъ неизвѣстно было соединеніе, которое, видоизмѣняясь, производитъ въ деревьяхъ камеди. Теперь *Фреми* дѣлалъ изслѣдованія надъ камедями и пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ:

1) Аравійская камедь есть соединеніе извести съ весьма слабою кислотою, растворимою въ водѣ и названною Фреми *камедевою кислотою.*

2) Эта кислота можетъ отъ дѣйствія жара или сильной сѣрной кислоты измѣниться изомерно и сдѣлаться нерастворимою. Фреми назвалъ это видоизмѣненіе *метакамедевою кислотою.*

3) Основанія и особенно известь превращаютъ нерастворимую кислоту въ камедекислую известь, которая имѣетъ всѣ свойства Аравійской камеди.

4) Это соединеніе съ известью, растворимое въ водѣ и образующее обыкновенную камедь, отъ дѣйствія жара можетъ, какъ доказалъ *Жели*, претерпѣть изомерное видоизмѣненіе и превратиться въ нерастворимое соединеніе, которое есть метакамедекислая известь: это нерастворимое соединеніе дѣлается опять рас-

(*) Comptes rendus № 3. 1860.

творимымъ отъ кипятка или въ растительномъ организмѣ. Оно существуетъ въ растеніяхъ и составляетъ студенистую часть нѣкоторыхъ камедей, какъ напр. вишневаго клея; оно находится въ древесинѣ и въ мясистыхъ плодахъ, его изомерное видоизмѣненіе можетъ объяснить происхожденіе растворимыхъ камедей.

5) Въ растительномъ организмѣ существуютъ многія нерастворимыя студенистыя тѣла, которыя своими преобразованіями производятъ различныя камеди: такимъ образомъ нерастворимая часть бассорина, измѣненная дѣйствіемъ щелочей, даетъ камедь, которая рѣзко отличается отъ Аравійской.

6) Можно надѣяться, что промышленость воспользуется свойствомъ камедей съ чрезвычайною легкостью превращаться въ нерастворимыя соединенія для того, чтобы окрашивать предметы, какъ это дѣлается съ бѣлковиною.

О температурѣ растеній. *Изслѣдованія Беккереля* (*). — Вотъ результаты многихъ мемуаровъ Беккереля о температурѣ растеній:

1) Средняя годичная температура растеній одинакова съ температурою воздуха; кривыя линіи, изображающія графически эти температуры, очень сходны между собою, хотя при наложеніи и не совмѣщаются, потому-что дневныя измѣненія температуры воздуха оказываютъ вліяніе на температуру растеній пропорціонально ихъ діаметру. И такъ главный источникъ температуры растеній есть температура воздуха.

2) Maximum температуры воздуха бываетъ зимою въ 2 часа по полудни, а лѣтомъ въ 3; въ растеніяхъ maximum температуры случается тѣмъ позже, чѣмъ они толще; въ растеніяхъ, имѣющихъ отъ 8 до 12 лин. въ діаметрѣ, maximum температуры бываетъ зимою въ 9 часовъ вечера, а лѣтомъ около полуночи.

3) Когда температура воздуха упадаетъ ниже нуля, то растенія нѣкоторое время сопротивляются охлажденію, равно-какъ и назрѣванію, которое слѣдуетъ за оттепелью, и этого нельзя приписать дурной теплородности дерева. Если холодъ продолжается нѣсколько мѣсяцевъ, какъ это случается на сѣверѣ Европы, то температура дерева понижается постепенно; но никогда на столько, на сколько воздухъ: дерево всегда бываетъ теплѣе на $1/2°$ или на 1°.

(*) Comptes rendus 1860. № 7.

4) Температура растеній почти вся заимствована изъ воздуха, только незначительная теплота получается вслѣдствіе химическихъ процессовъ, совершающихся въ тканяхъ, а также изъ почвы, гдѣ корни всасываютъ жидкости; но неизвѣстно, какимъ образомъ зимою, когда прекращается восхожденіе соковъ, температура нижнихъ частей почвы может уменьшить охлажденіе, когда внѣшняя температура ниже нуля.

Всасываютъ-ли растенія зелеными частями дождевую воду (*). — *Дюшартръ* для рѣшенія этого вопроса выставлялъ на дождь растенія Fuchsia globosa, Veronica Lindleyana, Phlox decussata и Римскую ромашку, закрывъ герметически землю, въ которой находились ихъ корни. Иногда эти растенія омывались дождемъ впродолженіе 18 часовъ; по окончаніи опыта, Дюшартръ взвѣшивалъ ихъ и находилъ, что они нисколько не увеличивались въ вѣсѣ, а слѣдовательно и не вбирали своими зелеными частями дождевой воды. Впрочемъ, самъ Дюшартръ не считаетъ своихъ опытовъ окончательными, а будетъ ихъ продолжать и въ нынѣшнемъ году.

Средства улучшать культурою свойства цѣлебныхъ растеній (**). — Мысль улучшать воздѣлываніемъ врачебныя свойства растеній не нова. *Катонъ* предлагалъ сообщить винограду слабительныя свойства, обсыпая корни его слоемъ порошка чернаго морозника (Helleborus niger); въ 1579 г. врачъ *Мизо* составилъ цѣлую книгу о средствахъ увеличивать врачебныя свойства растеній, питая ихъ врачебными средствами.

Всѣмъ извѣстно, что земляника, виноградъ и бѣлое вино въ различной степени увеличиваютъ отдѣленіе мочи; различныя соли, особенно азотнокислое и уксуснокислое кали, еще болѣе способствуютъ этому. Эти соли входятъ въ составъ нѣкоторыхъ растеній; но культурою можно увеличить или уменьшить ихъ количество въ растеніи, какъ въ томъ убѣдился *Шампулльонъ*. Онъ вырылъ нѣсколько экземпляровъ клубники породы Эльтона съ зрѣлыми плодами и корни ихъ погрузилъ въ дождевую воду, въ которой была растворена селитра, именно на литръ воды 5 граммовъ селитры. Черезъ 8 дней послѣ того селитра находилась въ

(*) Comptes rendus 1860. № 7.
(**) Ibid. № 9.

значительномъ количествѣ во всѣхъ частяхъ растенія. Другіе экземпляры клубники той-же породы Эльтонъ, въ цвѣту были посажены въ горшки и ихъ поливали водою съ 1% углекислаго кали, они продолжали расти; но ягоды на нихъ были мелки, тверды, безвкусны, едва-едва окрашены. Если поливать такимъ растворомъ клубнику съ зрѣлыми ягодами, то ягоды остаются красными, сладкими, ароматными, безъ кислаго вкуса; яблочно-кислое кали, образовавшееся въ нихъ, увеличиваетъ ихъ мочегонную силу.

Тѣ-же результаты получаются, если поступать по предыдущему съ бѣлымъ виноградомъ: была вырыта лоза съ зеленымъ виноградомъ; одинъ изъ главныхъ корней ея былъ погруженъ въ бутыль съ растворомъ поташа, который приливался по мѣрѣ его всасыванія. Во время сбора винограда, ягоды на этой лозѣ были зелены и кислы, какъ незрѣлыя. Если заставить всасывать растворъ поташа лозу съ зрѣлыми ягодами, то цвѣтъ и ароматъ послѣднихъ не измѣняется; но вкусъ ихъ представляетъ смѣсь горечи со сладостью, потому-что ихъ свободныя виннокаменная, яблочная, виноградная и уксусная кислоты соединяются съ кали.

Шампульонъ приводитъ два случая излеченія такими плодами отъ водяной и говоритъ, что они дѣйствуютъ гораздо сильнѣе, нежели вещества, приготовленныя въ аптекахъ.

Д. Михайловъ.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ ОТЕЧЕСТВЕННАГО МУЗЕЯ И ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ. — Сельское хозяйство, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова, составляетъ, на основаніи государственныхъ учрежденій, одинъ изъ предметовъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ. Но какъ развитіе сельскаго хозяйства не можетъ быть прямымъ результатомъ правительственныхъ мѣръ, то посему министерство государственныхъ имуществъ во всѣхъ дѣйствіяхъ относительно сельскаго хозяйства ограничивается лишь косвеннымъ вліяніемъ на эту отрасль народной промышленности. Таковы мѣры, служащія къ отклоненію препятствій, задерживающихъ развитіе сельскаго хозяйства; таковы всѣ матеріальныя пособія и поощренія, имѣющія цѣлью поддержаніе частной предпріимчивости или возбужденіе частныхъ лицъ къ полезнымъ знаніямъ; таковы, наконецъ, всѣ мѣры, клонящія къ ознакомленію производителей съ предметами, которые, по обстоятельствамъ времени и мѣстъ, съ выгодою могутъ быть или распространены или улучшены, или вообще заслуживаютъ вниманія и изученія. Наглядное знакомство съ предметами улучшенной обработки или съ произведеніями какой-либо мѣстности, иногда весьма отдаленной, нерѣдко можетъ внушить производителямъ мысль о введеніи и у себя тѣхъ-же улучшеній или о приспособленіи къ своимъ мѣстнымъ условіямъ того, что съ успѣхомъ существуетъ въ другомъ отдаленномъ краѣ и оставалось неизвѣстнымъ для всѣхъ незнакомыхъ съ этимъ краемъ. Въ этихъ послѣднихъ видахъ доставленія хозяевамъ возможности наглядно знакомиться съ произведеніями и орудіями производства разнообразныхъ странъ нашего отечества, г. министръ государственныхъ имуществъ 23 ноября минувшаго года имѣлъ счастіе всеподданнѣйше испросить у Государя Императора Высочайшее соизволеніе на устройство въ домѣ министра Государственныхъ имуществъ отечественнаго сельско-хозяйственнаго музеума.

До сего времени въ Россіи не было подобнаго учрежденія, между-тѣмъ-какъ существованіе музеума сельскихъ произведеній въ столь обширномъ и изобилующемъ разнообразными произведеніями государствѣ не менѣе важно, какъ и составленіе ботаническихъ, зоологическихъ и другихъ коллекцій по части естественныхъ наукъ. Въ составъ учреждаемаго музеума должны войти съ распредѣленіемъ на систематическіе отдѣлы:

1) Земледѣльческія произведенія по всѣмъ отраслямъ хозяйства въ сыромъ, необработанномъ видѣ.

2) Обработанные продукты сельской промышлености.

3) Земледѣльческія орудія, машины и постройки, въ видѣ моделей.

4) Относящіяся къ сельскому хозяйству произведенія царства ископаемаго и растительнаго; при семъ домашнія животныя въ видѣ фотографическихъ снимковъ или въ тѣхъ формахъ, въ какихъ изготовляются для зоологическихъ кабинетовъ.

Но дабы такое учрежденіе, какъ публичный музеумъ сельскихъ произведеній, могло приносить существенную пользу, необходимо, чтобы любознательность осматривающихъ предметы, выставленные въ музеумѣ, могла быть вполнѣ удовлетворена. Для сего при музеумѣ будутъ состоять свѣдущіе консерваторы и всѣмъ выставленнымъ предметамъ будутъ составлены подробные систематическіе объяснительные каталоги и описанія. Между-тѣмъ большая часть сельско-хозяйственныхъ произведеній должна подвергнуться физико-химическому анализу до помѣщенія въ витрины публичныхъ залъ, ибо только при этомъ возможно составить обстоятельные каталоги выставленныхъ предметовъ и давать посѣтителямъ музеума вѣрныя объясненія. Съ сею цѣлью, по всеподданнѣйшему докладу г. министра государственныхъ имуществъ 29 минувшаго февраля, Государь Императоръ разрѣшилъ устройство при музеумѣ особой химической лабораторіи.

Учрежденіе лабораторіи вызвано было не однѣми потребностями предстоящаго музеума. При современномъ сближеніи науки сельскаго хозяйства съ химіею, химическое изслѣдованіе разнаго рода почвъ, земледѣльческихъ произведеній, удобреній, продуктовъ сельско-фабричной промышлености и проч. составляетъ весьма важное условіе при разрѣшеніи многихъ практическихъ хозяйственныхъ вопросовъ и неудоумѣній, а тѣмъ болѣе научныхъ. Хотя необходимость этого рода изслѣдованій и устройства для

нихъ особыхъ заведеній признана въ Западной Европѣ только въ послѣднее время, ибо первая химическая станція Германіи была устроена въ Меккёрнѣ (близъ Лейпцига) въ 1851 г., однакоже быстрое размноженіе сельско-хозяйственныхъ лабораторій всего убѣдительнѣе говоритъ въ пользу подобнаго рода учрежденій. Въ 1859 г. число химическихъ станцій въ Германіи простиралось до 40, въ томъ числѣ въ Пруссіи до 15. Однѣ изъ этихъ станцій содержатся на счетъ правительства, другія устроены обществами и получаютъ пособіе отъ правительства. Въ Царствѣ Польскомъ химическая лабораторія устроена, въ минувшемъ году, Варшавскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства.

Въ Россіи, особенно въ Петербургѣ, есть въ настоящее время немалое число лабораторій, но большая часть изъ нихъ принадлежитъ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ и онѣ устроены съ цѣлью учебною, или чисто-ученою. Исключеніе изъ этого составляетъ лабораторія департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, кругъ дѣятельности которой весьма, впрочемъ, ограниченъ и не можетъ удовлетворять потребностямъ сельской промышлености.

Назначеніе устраиваемой нынѣ при министерствѣ государственныхъ имуществъ химической лабораторіи есть слѣдующее: 1) Производство самостоятельныхъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью разрѣшеніе сельско-хозяйственныхъ вопросовъ. 2) Производство испытаній предметовъ, поступающихъ въ музеумъ. И 3) изслѣдованіе предметовъ, присылаемыхъ съ этою цѣлью изъ министерства, его учебныхъ заведеній и отъ частныхъ лицъ, — отъ послѣднихъ за извѣстную плату. Въ лабораторіи могутъ заниматься изслѣдованіями чиновники министерства и постороннія лица, подъ руководствомъ управляющаго лабораторіею или сами собою, за опредѣленную плату.

Какъ для устройства музеума сельско-хозяйственныхъ произведеній необходимо лицо, спеціально изучившее это дѣло, столь новое не только у насъ, но и за границею, то министерство отправило въ настояще время, съ Высочайшаго соизволенія, за границу дѣлопроизводителя ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, коллежскаго ассесора *Черняева*, для подробнаго ознакомленія съ устройствомъ сельско-хозяйственныхъ техническихъ и торговыхъ техническихъ и торговыхъ музеумовъ въ Берлинѣ, Брюсселѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Штутгардѣ, Страсбургѣ, Парижѣ, Лондонѣ и другихъ городахъ, а посѣщенія высшихъ зе-

миледѣльческихъ училищъ, при которыхъ имѣются наиболѣе замѣчательныя собранія сельско-хозяйственныхъ предметовъ, какъ напримѣръ: Landwirthschaftliche Lehranstalten in Proskau,-Eldena—въ Пруссіи, Grignon—во Франціи, Ruysselede—въ Бельгіи, Tharand—въ Саксоніи, Hohenheim—въ Виртембергѣ.

Для собранія предметовъ, долженствующихъ войти въ музеумъ, министерство предписало гг. управляющимъ палатами государственныхъ имуществъ, г. инспектору сельскаго хозяйства южной Россіи и гг. управляющимъ фермами, приступить къ составленію для музеума коллекцій предметовъ, которые или составляютъ отличительный характеръ, или служатъ главнымъ промысломъ и предметомъ обширнаго сбыта въ извѣстной мѣстности. Кромѣ того министерство обратилось съ просьбою къ гг. начальникамъ губерній, къ сельско-хозяйственнымъ обществамъ и къ членамъ-корреспондентамъ ученаго комитета министерства содѣйствовать по мѣрѣ возможности составленію такихъ коллекцій. Полный успѣхъ настоящаго дѣла можетъ зависѣть только отъ степени сочувствія и участія, которыя встрѣтитъ учреждение музеума между частными лицами.

Вслѣдъ за симъ въ Журн. мин. гос. им. напечатаны правила для собиранія предметовъ для музеума сельско-хозяйственныхъ произведеній Россіи.

Собранія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. — 13 апрѣля Императорское Русское географическое Общество имѣло общее собраніе, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ г. помощника предсѣдателя, Е. П. *Ковалевскаго*, присутствовало 85 дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и постороннихъ посѣтителей. Въ началѣ засѣданія секретарь Общества доложилъ собранію о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи члена Хорассанской экспедіи, титулярнаго совѣтника *Ленца*, кавалеромъ ордена св. Анны 3-й степени, въ награду за неутомимую и полезную дѣятельность его во-время означенной экспедиціи; представилъ препровожденную изъ топографическаго депо отчетную карту о ходѣ работъ по гравированію издаваемой Обществомъ карты Европейской Россіи и довелъ до свѣдѣнія собранія объ избраніи г. вице-предсѣдателя, Ө. П. *Литке*, почетнымъ членомъ Женевскаго географическаго Общества. Затѣмъ дѣйствительный членъ В. Я. *Фуксъ* прочиталъ извлеченіе изъ статьи дѣйствительнаго чле-

на Галкина — о Туркменахъ восточнаго прибрежья Каспійскаго моря, содержащее свѣдѣнія объ ихъ религіи, внутреннемъ управленіи и устройствѣ, ихъ юридическихъ понятіяхъ, промыслахъ, торговлѣ и о добываніи соли, нефти и нефтагиля. Въ-заключеніе, г. помощникъ предсѣдателя, Е. П. *Ковалевскій*, сообщилъ собранію весьма интересныя извѣстія о Русскомъ путешественникѣ *Валихановѣ*, только-что возвратившемся изъ Кашгара. Кромѣ Шлагинтвейта, никто изъ Европейцевъ не проникалъ въ эту страну. Сынъ Киргизскаго султана, хорошо знакомый съ мѣстными нарѣчіями, г. Валихановъ удачно совершилъ путешествіе въ тотъ-же самый Кашгаръ, въ которомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до его прибытія, погибъ Шлагинтвейтъ. Въ-теченіе этого промежутка въ Кашгарѣ произошелъ политическій переворотъ, который немало способствовалъ счастливому исходу предпріятія г. Валиханова. Кашгаръ, страна подвластная Китаю, находилась, во-время пріѣзда Шлагинтвейта, въ возстаніи противъ Китая и подъ управленіемъ Хаджи. Этотъ человѣкъ, извѣстный въ Средней Азіи своею звѣрскою жестокостью и своими пороками, велѣлъ казнить Шлагинтвейта. Между-тѣмъ, когда прибылъ г. Валихановъ, то Хаджи былъ уже изгнанъ изъ Кашгара, и страна поступила опять подъ управленіе Китая. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Кашгарѣ, г. Валихановъ счастливо возвратился въ Россію. Е. П. Ковалевскій прибавилъ, что г. Валихановъ, находящійся въ настоящее время въ Петербургѣ, намѣревается сообщить лично Географическому Обществу болѣе-подобное описаніе своего интереснаго путешествія. Въ-заключеніе, заявлено общему собранію о предстоящей баллотировкѣ, въ будущее собраніе, въ дѣйствительные члены гг. С. А. *Мордвинова*, І. Н. *Шилля*, Ѳ. А. *Подгурскаго*, Х. П. *Эрдели*, А. А. *Пекера*, Г. Д. *Думшина* и г. *Мясковскаго*, и сообщены результаты баллотировки кандидатовъ, заявленныхъ въ прошлое собраніе, на основаніи коей оказались избранными: гг. князь А. В. *Мещерскій*, А. И. *Борисовъ*, Г. Г. *фон-Эркертъ*, *Голубевъ*, П. М. *Смысловъ*, Т. И. *Жираръ*, А. А. *Мордвиновъ* и Д. М. *Сольскій*.

— Императорское Русское географическое Общество 2 марта имѣло третье общее собраніе, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ г. вице-предсѣдателя Общества, Ѳ. П. *Литке*, присутствовало 85 дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и постороннихъ посѣтителей. Въ началѣ засѣданія секретарь Общества сообщилъ краткія свѣдѣнія о дѣятельности

совѣта со времени послѣдняго засѣданія, а также о пожертвованіи 6,000 руб. сер., сдѣланномъ въ пользу Общества, на изданіе географическаго словаря, почетнымъ гражданиномъ А. Н. *Торубаевымъ*, избраннымъ, вслѣдствіе того, членомъ-соревнователемъ Общества. В. И. *Ламанскій* сообщилъ изустно нѣсколько новыхъ данныхъ о старинномъ Русскомъ землевѣдѣніи, заимствованныхъ имъ изъ государственнаго архива, мѣста его служенія, и изъ Московскаго главнаго архива. Г. Ламанскій предварительно прочелъ небольшое вступленіе, изложивъ вкратцѣ свой взглядъ на значеніе исторической географіи вообще и Русской въ-особенности. Исторической географіи придавали большое значеніе Гумбольдтъ и Риттеръ,—эти великіе основатели современнаго землевѣдѣнія. Превосходныя изслѣдованія извѣстнаго Французскаго арабиста Рено о землевѣдѣніи у Арабовъ, и почтеннаго нашего соплеменника Лелевеля о землевѣдѣніи въ средніе вѣка вообще, наглядно показываютъ всю важность и пользу такого рода изысканій. Переходя къ состоянію землевѣдѣнія въ древней Россіи, г. Ламанскій сказалъ, что «успѣхи въ этомъ отношеніи не могли не быть медленны, при всей простотѣ и несложности тогдашней Русской жизни, зачавшейся на почвѣ нетронутой, дѣвственной, удаленной отъ центровъ высшей образованности, всегда создающейся исподволь, рядомъ долгихъ трудовъ, ошибокъ и испытаній. Но въ исторіи человѣческаго знанія надо обращать вниманіе нетолько на то, какъ, въ ту или другую эпоху, приближалось оно къ истинѣ, но также и на то, чтò извѣстное общество предпринимало, съ зависящими отъ него средствами, для узнанія доступной ему тогда истины. Съ этой точки зрѣнія и на труды нашихъ старыхъ предковъ въ области землевѣдѣнія нельзя, кажется, глядѣть безъ уваженія, даже и въ настоящее время, когда еще такъ мало сдѣлано для старинной Русской географіи». Затѣмъ г. Ламанскій сдѣлалъ краткій, бѣглый обзоръ источниковъ и памятниковъ географическихъ познаній древней Россіи: 1) Сочиненія иностранныя, Византійскія и Латинскія, въ подлинникахъ и въ Болгарскихъ, Сербскихъ и Польскихъ переводахъ; показанія иностранцевъ-пришельцевъ объ извѣстныхъ имъ странахъ. При этомъ г. Ламанскій указалъ вкратцѣ на извѣстную Византійскую поэму о мірозданіи, Георгія Писида, переведенную въ Россіи, въ 1384 г., Димитріемъ Зографомъ; на Книгу Правилъ, писанную собственною рукою св. Кирилла, игумена Бѣлозерскаго (+ 1427 г.), гдѣ помѣщены выписки изъ Галена о происхожденіи

грома и молніи, падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ. И наконецъ остановился нѣсколько на характеристикѣ космографіи. 2) *Хожденія Русскихъ людей*—перечень важнѣйшихъ описаній путешествій; при семъ г. Ламанскій особенно остановился: на сочиненіи Симеона, іеромонаха суздальскаго, сопровождавшаго, въ 1437 г., митрополита Исидора въ Италію, на Флорентійскій соборъ; на путешествіяхъ: Афанасія Никитина въ Индію, 1468—1472 г., Родіона Котова въ Персію, 1623 года, Ивана Петлина въ Китай, 1620 г. Затѣмъ указалъ на статейные списки нашихъ пословъ, отмѣтилъ занимательность статейнаго списка стольника Толстаго, отправленнаго въ Италію и на островъ Мальту въ 1697—98 г., и научную важность статейныхъ списковъ нашихъ пословъ въ Турцію. 3) *Русскіе труды по изученію Россіи.* Землевѣдѣніе Россіи сдѣлало особенный шагъ впередъ съ образованіемъ и устройствомъ Московскаго государства, когда для правительства, въ видахъ чисто-административныхъ, нужно было собирать точныя и вѣрныя извѣстія. Важность «Писцовыхъ книгъ». Конечно, при современномъ состояніи межеваго дѣла, опредѣленія «Писцовыхъ книгъ» могутъ казаться ничтожными; но прилагать современную точку зрѣнія къ сужденіямъ объ явленіяхъ жизни, отдаленной отъ насъ на два, на три столѣтія, болѣе чѣмъ неумѣстно; «Писцовыя книги наши весьма много говорятъ въ пользу живой практической мудрости Московскаго правительства, и его нельзя упрекать за небрежное невѣдѣніе страны, которою оно было призвано управлять. *Чертежи.* Изложилъ извѣстія о чертежномъ дѣлѣ въ древней Россіи, которое началось не позже, какъ въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго. Подробнѣе разсмотрѣлъ ходъ росписей чертежныхъ работъ въ Сибири, съ посылки казаковъ-атамановъ Ивана Петрова да Бурнама Ялычева въ 1567 г., до прекрасныхъ для своего времени работъ Семена Ремезова въ 1701 году. «Одинъ уже этотъ бѣглый и весьма-поверхностный обзоръ источниковъ и памятниковъ землевѣдѣнія древней Россіи позволяетъ выразить мысль, что точное и подробное ихъ обслѣдованіе должно обогатить многими новыми данными историческое землевѣдѣніе Европы и Азіи. Въ-заключеніе, нельзя не отмѣтить, что, въ свое время, древняя Россія имѣла вліяніе на географическія познанія западныхъ Европейцевъ. Такъ первое, нѣсколько подробное извѣстіе о Татарахъ вошло въ лѣтопись Матвѣя Парижскаго,

подъ 1244 г., и было записано со словъ Галицкаго епископа Петра. Павелъ Іовій, авторъ перваго довольно-обстоятельнаго сочиненія о Московіи, написалъ его со словъ Русскаго гонца Дмитрія Герасимова, уму и образованію котораго воздаетъ Іовій большія похвалы. Поляки Мѣховецкій, Стрыйковскій, Словенецъ Герберштейнъ, знакомые съ языкомъ Русскимъ, сообщили, въ своихъ сочиненіяхъ, много извѣстій, заимствованныхъ ими нетолько изъ ихъ личныхъ наблюденій, но и изъ памятниковъ Русской письменности и устныхъ разсказовъ бывалыхъ Русскихъ людей, и тѣмъ весьмамного содѣйствовали распространенію на западѣ болѣе-отчетливыхъ свѣдѣній о Россіи и вообще о востокѣ Европы. То-же самое надо сказать и о Голландцахъ. Гессель Герардъ издалъ Русскую карту; славная карта Витсена, 1692 года, составлена по матеріаламъ, имѣвшимся въ Сибирскомъ приказѣ; извѣстное сочиненіе того-же Витсена содержитъ въ себѣ множество любопытныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ единственно изъ Русскихъ источниковъ». Затѣмъ вкратцѣ сообщилъ Обществу нѣсколько новыхъ данныхъ и записокъ, а именно:

1) Переводъ съ Греческаго письма, чтò подалъ Антіохійскаго патріарха Макарія сынъ, архидіаконъ Павелъ, въ 1667 г. Эта рукопись содержитъ нѣсколько очень-любопытныхъ подробностей о Кавказѣ. Авторъ извѣстенъ уже своимъ путешествіемъ, переведеннымъ на Англійскій языкъ Бельфоромъ.

2) Описаніе, чего ради невозможно отъ Архангельскаго города моремъ проходити въ Китайское государство и оттоль къ Восточной Индіи.

Писано въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка. Здѣсь упоминается объ извѣстной Голландской экспедиціи Баренца и Рипа. При семъ В. И. Ламанскій обратилъ вниманіе на переписку Тобольскихъ воеводъ съ Москвою (1616—1624 г.), въ которой содержатся замѣчательныя подробности о судоходствѣ по Ледовитому океану, о плаваніи Руссскихъ промышлениковъ изъ Архангельска въ Мангазею и обратно.

3) Роспись куды путь конной отъ каменнаго города до Индѣйскихъ земель. XVII вѣка.

4) Записка о выходѣхъ Бухарскаго хана въ мечети и о хлѣбѣ какою цѣною тамъ купятъ. XVII в. Здѣсь уже упоминаются «сто человѣкъ Русскихъ паломниковъ», по большей части XVII в.

Представилъ подлинные чертежи, хранящіеся въ Московскомъ главномъ архивѣ:

1) Чертежъ городамъ, лежащимъ по рѣкамъ: Дону, Окѣ и Волгѣ, отъ Москвы до Астрахани.

2) Чертежъ городамъ и селамъ нынѣшней Казанской губерніи.

3) Чертежъ городу Олонцу.

4) Чертежъ Саранску и рѣкъ, впадающихъ въ Алатырь.

5) Чертежъ Кашину съ слободами.

6) Чертежъ Пскову 1694 г.

7) Чертежъ г. Витебску 1665 г.

8) Чертежъ и описаніе, учиненное стольникомъ Максимомъ Цызыревымъ, начавъ отъ Витебска вверхъ до вершинъ Двины рѣки, 1701 г.

По окончаніи этого чтенія, выслушаннаго собраніемъ съ живѣйшимъ интересомъ, В. И. Ламанскій объявилъ, что сообщеніемъ этихъ интересныхъ матеріаловъ онъ обязанъ благосклонному разрѣшенію г. товарища министра иностранныхъ дѣлъ и г. главноуправляющаго государственнымъ и Московскимъ главными архивами.

Затѣмъ дѣйствительный членъ Общества В. И. *Романовъ* представилъ г. вице-предсѣдателю, отъ имени почетнаго члена Общества, графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, карту Усурійскаго края, и тутъ-же сообщилъ весьма-занимательныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ послѣдней экспедиціи, которая была послана въ этотъ край.

Вслѣдствіе баллотировки, произведенной въ началѣ засѣданія, оказались избранными въ дѣйствительные члены Общества: I. Х. *Гамель*, П. П. *Дурново*, А. А. *Ильинъ*, Н. И. *Кашинъ*, князь Н. А. *Костровъ*, Б. К. *Кукель*, С. Ѳ. *Лугининъ*, Г. М. *Пермыкинъ*, Г. Н. *Потанинъ*, М. П. *Устиновъ*, А. В. *Цимсенъ*, А. О. *Шмидтъ* и Ѳ. Ѳ. *Шубертъ*.

Засѣданія Общества любителей Россійской словесности. — Въ Москов. вѣд. напечатаны протоколы пяти засѣданій (29 февр., 6, 11, 15 и 20 марта) Общества любителей Россійской словесности, въ которыхъ между прочимъ происходило слѣдующее:

— Въ засѣданіи 29 февраля: Д. членъ К. С. *Аксаковъ* представилъ Обществу полученныя имъ отъ В. А. Елагина рукописи собранія пѣсенъ покойнаго П. В. Кирѣевскаго, передаваемыя Обществу для изданія оныхъ. Положено: а) выразить В. А. Елагину

искреннюю признательность за предоставленіе Обществу права изданія оныхъ и б) изданіе поручить д. членамъ К. С. Аксакову, П. А. Безсонову и В. И. Далю при участіи, согласно пункту 5-го протокола 23 февраля, В. А. Елагина.—Д. членъ А. З. *Зиновьевъ* читалъ отрывокъ изъ 2-й пѣсни переведеннаго имъ прозою Мильтонова «Потереннаго Рая», приготовленнаго имъ къ печати, съ присовокупленіемъ объяснительныхъ примѣчаній къ поэмѣ и біографіи Мильтона. Общество выразило желаніе видѣть скорѣе напечатаннымъ трудъ д. члена А. З. Зиновьева, который принесетъ существенную пользу Русской литературѣ.—Д. членъ П. А. Безсоновъ прочелъ статью свою «О нѣкоторыхъ народныхъ стихахъ». *Положено*: Любопытную статью сію прочесть въ публичномъ засѣданіи. На основаніи §§ 5 и 8 устава Общества, избранъ въ дѣйствительные члены, по предложенію д. члена К. С. Аксакова, *Аполлонъ Александровичъ Майковъ*. *Положено*: имя новоизбраннаго внести въ общій списокъ членовъ и заготовить для него дипломъ.

— Въ засѣданіи 6 марта были читаны: 1) г. предсѣдателемъ А. С. *Хомяковымъ*—«Вступительная рѣчь», въ которой онъ изложилъ причины, побудившія его просить гг. членовъ объ увольненіи отъ должности предсѣдателя, и принесъ имъ признательность за единодушное, дружеское сочувствіе, выраженное въ засѣданіи 6 февраля, вслѣдствіе коего онъ почелъ себя въ правѣ сохранить свою должность. Затѣмъ г. предсѣдатель высказалъ нѣсколько мыслей по поводу предпринятыхъ Обществомъ изданій: «Словаря Русскаго языка» д. члена В. И. Даля и «Собранія народныхъ пѣсенъ» покойнаго члена П. В. Кирѣевскаго. 2) Д. членомъ Н. Ф. *Павловымъ*—«Объ аристократіи», статья почетнаго члена *графини Е. В. Сальясъ*. 3) Д. членомъ А. А. *Фетомъ*—переведенное имъ стихотвореніе «Изъ Гафиза». 4) Д. членомъ Н. П. *Гиляровымъ-Платоновымъ*—статья д. члена В. И. *Даля* о составленномъ имъ «Словарѣ Русскаго языка». 5) Д. членомъ А. Н. *Плещеевымъ*—два его стихотворенія: а) «Изъ Роберта Прутца» и б) «Старикъ». 6) Членомъ М. Н. *Лонгиновымъ*—первая глава статьи его «Наталья Ѳедоровна Лопухина, эпизодъ изъ временъ царствованія императрицы Елисаветы Петровны». 7) членомъ Н. Ф. *Павловымъ* — «Вѣтеръ» стихотвореніе Г. *Розенгейма*.

— Въ засѣданіи 11 марта г. секретарь представилъ сводъ правилъ, утвержденныхъ Обществомъ для дѣйствій онаго, въ прежнее время его существованія, №№ 1, 13 и 5 (числомъ 3)

и со времени возобновленія Общества, №№ 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 11 (числомъ 8), а также обыкновеній, коими оно руководствуется въ разныхъ случаяхъ (числомъ 4), находящихся въ означенномъ сводѣ за №№ 3, 10, 12 и 14. Положено: а) представленный г. секретаремъ сводъ правилъ и обыкновеній (всего числомъ 15) утвердить и приложить, подъ заглавіемъ «Особыя положенія Общества любителей Россійской словесности», къ уставу онаго, состоящему: изъ 48 параграфовъ, Высочайше одобренному 6 іюня 1811 года, и 5 дополнительныхъ параграфовъ, утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 31 декабря 1815 года. б) Уставъ Общества съ означеннымъ дополненіемъ и съ приложеніемъ «Особыхъ положеній» немедленно напечатать въ числѣ 480 экземпляровъ, присовокупивъ къ тому и «Личный составъ Общества» по 15 марта сего года. в) Изданіе сіе поручить надзору г. секретаря, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи экземпляры были доставлены всѣмъ гг. членамъ. Г. секретарь донесъ Обществу, что, на основаніи протокола 6 февраля 1860 г., пункта 4, изданіе «Трудовъ» онаго пріостановлено и назначавшіяся для 1-го тома статьи розданы гг. членамъ; но что затѣмъ въ распоряженіи Общества находятся принесенныя оному въ даръ посторонними лицами рукописи: а) письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому и б) письма Грибоѣдова къ С. Н. Бѣгичеву, которыя желательно было-бы напечатать, какъ драгоцѣнные матеріалы для исторіи литературы. Положено: а) письма Карамзина и Грибоѣдова, со сдѣланными къ нимъ г. секретаремъ примѣчаніями, напечатать особою книгою въ числѣ 600 экземпляровъ. б) Въ заглавіи сей книги выставить: «Изданіе Общества любителей Россійской словесности». в) Поручить г. секретарю написать краткое предисловіе къ сему изданію и представить оное Обществу, и г) самое изданіе поручить надзору г. секретаря. 7) Въ составъ коммиссіи для изданія собранія народныхъ пѣсенъ покойнаго П. В. Кирѣевскаго, состоящей изъ д. членовъ К. С. Аксакова, П. А. Безсонова и В. И. Даля, при содѣйствіи В. А. Елагина, избраны д. члены Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и С. А. Соболевскій. 8) Д. членъ К. С. Аксаковъ выразилъ желаніе посвятить Обществу написанный, нынѣ издаваемый имъ «Опытъ Русской грамматики». Общество изъявило искреннюю благодарность д. члену К. С. Аксакову за такое выраженіе сочувствія къ его трудамъ. Онъ-же читалъ сцену изъ 1-й части Гетева Фауста, переведенную стихами М. Ф. Четвериковымъ, приготовившимъ къ

выходу въ свѣтъ полный стихотворный переводъ Фауста. Общество, отдавая полную справедливость близости къ подлиннику и искусству перевода означеннаго отрывка и добросовѣстности изданія, выразило желаніе, чтобы трудъ М. Ф. Четверикова вышелъ скорѣе изъ печати. Онъ-же прочелъ стихотвореніе д. члена И. С. Аксакова «Пророкъ». Д. членъ И. В. Селивановъ прочелъ свой разсказъ «Глинничковъ».

— Въ засѣданіи 15 марта г. секретарь представилъ планъ изданія писемъ Карамзина и Грибоѣдова и предисловіе къ нимъ, въ исполненіе возложеннаго на него Обществомъ порученія. Положено: планъ и предисловіе одобрить и затѣмъ поручить г. секретарю приступить къ печатанію означеннаго изданія. Читанъ докладъ коммиссіи для изданія сборника народныхъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, съ изложеніемъ плана, которому коммиссія полагаетъ слѣдовать при семъ изданіи. Положено: планъ коммиссіи одобрить и затѣмъ приступить къ изданію въ возможно-скоромъ времени. Д. членъ Г. Н. Геннади прочелъ стихотвореніе Я. П. *Полонскаго*: «Юбилей Шиллера». Д. членъ К. С. Аксаковъ прочелъ статью свою: «По поводу 8 тома Русской исторіи С. М. Соловьева». На основаніи §§ 5 и 8 устава Общества, избранъ въ дѣйствительные члены, по предложенію д. члена Ѳ. В. Чижова, ***Николай Аркадьевичъ Ригельманъ***. Положено: имя новоизбраннаго внести въ общій списокъ членовъ и изготовить для него дипломъ.

— Въ засѣданіи 20 марта, по прочтеніи протокола, были читаны: 1) Г. предсѣдателемъ А. С. *Хомяковымъ*—«Вступительная рѣчь». 2) Д. членомъ М. Н. *Лонгиновымъ*—«Не слыть, а быть», стихотвореніе д. члена князя П. А. *Вяземскаго*. 3) Д. членомъ К. С. *Аксаковымъ*—статья его «О смутномъ времени, по поводу 8 тома исторіи г. Соловьева». 4) Г. предсѣдателемъ А. С. *Хомяковымъ* — «Ожиданіе», стихотвореніе д. члена И. С. *Аксакова*. 5) Д. членомъ П. А. *Безсоновымъ*—статья его «О нѣкоторыхъ народныхъ стихахъ». 6) Г. предсѣдателемъ А. С. *Хомяковымъ*—«Заключительное слово».

«АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ ТОМЪ» О ПРАЗДНОВАНІИ ПАСХИ. — Желая познакомить читателей нашего Журнала съ содержаніемъ этой любопытной статьи, а между-тѣмъ, не имѣя возможности передать ее въ извлеченіи, не лишивъ оной достоинства, мы рѣшаемся заимствовать ее вполнѣ изъ Духовной бесѣды. Статья эта извлечена изъ записокъ

путешественника по Востоку, о. архимандрита *Порфирія*. — «Незадолго предъ учрежденіемъ патріаршества въ Россіи, Римскому папѣ Григорію XIII угодно было, вмѣсто древней, утвержденной на первомъ вселенскомъ соборѣ, пасхаліи, принять новую, на основаніи новыхъ астрономическихъ вычисленій. Это нововведеніе встревожило востокъ и нашъ сѣверъ. Восточные отцы видѣли въ немъ дальнѣйшее уклоненіе Римской церкви отъ православно-каѳолической, и на Цареградскомъ соборѣ опредѣлили не принимать новаго мѣсяцеслова папы Григорія и твердо держаться правилъ апостольскихъ и собора Никейскаго (*), которыми установлено однажды навсегда празднованіе Пасхи между извѣстными числами марта и апрѣля. По сему дѣлу въ Цареградѣ составленъ былъ такъ-называемый «Соборный Томъ». Въ Александріи тогда святительствовалъ Сильвестръ, который приказалъ своему архимандриту Мелетію написать о семъ-же предметѣ разсужденіе. Мелетій написалъ и назвалъ «Томомъ Александрійскимъ», въ отличіе отъ Цареградскаго. По труднымъ обстоятельствамъ того времени, Сильвестръ не могъ представить сего Тома Русскому царю Ѳеодору Іоанновичу. Уже преемникъ его Мелетій послалъ ему это твореніе свое вмѣстѣ съ другими, при письмѣ отъ 12 сентября 1594 года. Прелагаемъ это письмо въ переводѣ, а самый Томъ о Пасхѣ—въ видѣ краткаго извлеченія.

Письмо было таково: «Мелетій, Божіею милостію патріархъ великаго града Александріи и судія вселенныя, Ѳеодору, благочестивѣйшему и православнѣйшему царю Московскому и самодержцу всея Россіи, побѣдителю, Августу, сыну и владыкѣ вожделѣннѣйшему о Господѣ, — благодать, милость и побѣда на враги отъ Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.

«Благочестивѣйшій Самодержецъ! Многообразно обуревалась и обуревается церковь Божія, будучи побораема то въ догматахъ, то въ преданіяхъ отеческихъ, способствующихъ къ благочестію. И второе преоборапіе наравнѣ съ первымъ разрушаетъ церковь. То и другое производитъ врагъ истины, жадно назирающій неопытность и ухитряющійся разорвать миръ церкви. Посему пастырямъ должно бодрствовать и противудѣйствовать вторженію золъ.

(*) Опредѣленіе сего собора касательно празднованія Пасхи находится не въ числѣ правилъ, а въ дѣяніяхъ онаго.

И дѣйствительно, восточные отцы, какъ только огласилось предпринятое Римскою церковію такъ-называемое исправленіе пасхаліи, собрались въ Константинѣградѣ и опредѣлили твердо держаться преданія отцевъ. Тогда приснопоминаемый патріархъ Александрійскій Сильвестръ, при которомъ мы ходатайствовали въ Константинополѣ по дѣламъ его престола, вызвалъ насъ и удостоилъ, чтобъ и мы написали что-нибудь объ этомъ предметѣ. Возвратившись, мы прежде писали въ Римъ, показывая, сколь здравомысленно совершать Пасху по правилу св. отецъ, и прося не увеличивать разногласія церквей. Когда-же Римляне отписали намъ, что они не безъ благоразумія разсудили о Пасхѣ, предлагая какъ неопровержимое доказательство то, что они не безъ благоразумія разсудили: тогда старецъ потребовалъ отъ насъ письменнаго разъясненія сего предмета. Мы послушались его достодолжно и написали томъ подъ названіемъ «Александрійскій», въ отличіе отъ Соборнаго Тома, составленнаго въ Константинополѣ о томъ-же предметѣ. Поелику-же тогда, при всемъ стараніи, мы не могли поднести его твоей царственности; то посылаемъ его нынѣ, отъ апостольскаго престола, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими твореніями о православіи. И мы справедливо поступаемъ, представляя охраненіе православія и благочестія тебѣ, Богомъ поставленному благовѣрному Самодержцу православному. Ты-же, самодержавнѣйшій, блюди православіе и благочестіе, произволяя угодить Богу великому и Всецарю, Котораго благодать и милость да хранитъ твое благочестивое и благоденственное величество. Аминь.

«Въ Египтѣ. Сентября 12-го, 7102 лѣта отъ созданія міра» (1594 г. отъ Р. Хр.).

«Александрійскій Томъ» о празднованіи Пасхи начинается словами Василія Великаго: «Еслибъ мы довольствовались отеческими догматами и преданіями и простою, непытливою вѣрою апостоловъ, то не нуждались-бы въ разсужденіяхъ». Развивая эту мысль, Мелетій, между прочимъ, говоритъ, что «всѣ раздѣленія, ереси, смуты церкви или нововведенія суть порожденія людей тщеславныхъ. Предотвращая сей худой навыкъ человѣческаго тщеславія, Богъ говорилъ въ священномъ писаніи: «вопроси отца твоего и возвѣститъ тебѣ, старѣйшинъ твоихъ и скажутъ тебѣ». Еслибы Арій вопросилъ отцевъ своихъ, то не отвергнулъ-бы божества Сына; еслибы Македоній вопросилъ старшихъ, то не унизилъ-бы Св. Духа». Упомянувъ подобнымъ образомъ о Несторіи, Діоскорѣ и

прочихъ еретикахъ, сочинитель переходитъ къ введенію новой пасхаліи, которую внезапно и неожиданно вымыслилъ Римъ, не довольствуясь мнѣніями отцевъ, а слѣдуя своимъ, не смотря на то, что одинъ пророкъ увѣщаваетъ юнѣйшихъ не тщеславиться своею мудростію въ ущербъ чести отцевъ. Это нововведеніе причинило много золъ: «ибо оно произвело волненіе въ церкви, смущеніе въ народахъ, насмѣшку надъ отцами, презорство въ дѣтяхъ и заблужденіе, близкое къ іудейству. Римляне говорятъ, что дѣло идетъ не о вѣрѣ; слѣдовательно, нововведеніе безопасно. «О жестокосердые сыны человѣческіе!—вопіетъ Мелетій;—положимъ, что нѣтъ вреда отъ него, но нѣтъ и пользы; какая-же нужда въ немъ? Если принять его не опасно, то и покинуть не вредно. А если оно сопряжено съ опасностями, то надобно избѣгать его. Малое — не мало по Василію Великому, когда оно причиняетъ великій вредъ. А малость-ли — возмущать церковь, превозноситься предъ отцами и презирать божественныя повелѣнія? Ибо самъ Богъ заповѣдуетъ: не преступай предѣловъ вѣчныхъ, яже положиша отцы твои». — Послѣ сего сочинитель обращается къ лицу Александрійскаго патріарха Сильвестра и говоритъ: «владыко! ты просишь меня начертать что-нибудь въ утвержденіе не только нашей святой церкви, но и ближнихъ нашихъ Коптовъ, о спасительномъ обращеніи которыхъ заботится боголюбивая душа твоя и равноапостольная ревность твоя, дабы и вѣкъ настоящій и времена грядущія имѣли образецъ любви къ ближнимъ въ дѣлахъ твоихъ: и я, будучи во всемъ послушенъ тебѣ, владыко, и соревнуя твоимъ заботамъ во Господѣ, рѣшился и на этотъ разъ показать ту-же ревность по вѣрѣ, какую уже многообразно показывалъ, не смотря на слабость силъ моихъ душевныхъ и тѣлесныхъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что въ настоящемъ дѣлѣ надобно слѣдовать отцамъ, хотя-бы ихъ правило о празднованіи Пасхи не согласовалось съ точнымъ вычисленіемъ многодосужныхъ звѣздочетовъ. Ибо не они, а отцы суть учители церкви».

Далѣе слѣдуетъ краткое разсужденіе о Пасхѣ. Предметъ изложенъ такъ, что только тотъ, кто хорошо знаетъ астрономію и пасхалію, понялъ-бы его въ буквальномъ переводѣ съ Греческаго. Посему, для общепонятности, держась сколько можно ближе подлинника, я передаю содержаніе его въ видѣ упрощенномъ, съ нужными примѣчаніями.

1)—«Еще древнимъ мудрецамъ извѣстна была неправильность

(ἀνωμαλία) и неравность или дробность времени, опредѣляемаго теченіями солнца и луны. Для краткости мы не хотимъ излагать того, что они писали объ этомъ предметѣ, а особенно—многосвѣдущій въ астрономіи Никифоръ Григорасъ (*), тѣмъ болѣе, что это извѣстно и Латинамъ».

2)—Да и святые и богомудрые отцы имѣли понятіе о сей неточности (**), которую нынѣ поставляютъ на видъ западные, не вѣдая, какъ кажется, что послѣ 300 лѣтъ обветшаетъ и ихъ новый календарь, и опять откроется надобность звѣздочетамъ звѣздочетствовать, предпринимать новое исправленіе. Хотя нововводители и обѣщаютъ, что Григоріанскій календарь останется вѣрнымъ и неизмѣннымъ на безконечные вѣки, но они заблуждаются отъ самохвальства. По истеченіи 300 лѣтъ, пожалуй четырехъ, время обнаружитъ то, что нынѣ еще прикрыто.

3)—Когда Никейскіе отцы составляли правило о празднованіи Пасхи, тогда не замѣтна была неточность отъ недостающихъ немногихъ минутъ. Когда-же прошло около 300 лѣтъ послѣ нихъ, и когда изъ этихъ минутъ накопился суточный день, тогда только обнаружилось уклоненіе равноденствія на цѣлые сутки. Поелику-же и нынѣшнее исправленіе календаря по-необходимости окажется неисправнымъ послѣ столькихъ-же сотъ лѣтъ, то на какомъ основаніи рѣшился-бы кто составлять другое правило о Пасхѣ, въ замѣнъ отеческаго, тогда-какъ оно подлежитъ участи обветшанія, хотя Латины и не соглашаются на сіе, или прикрываютъ тѣнію, отнявъ у нашего счисленія десять дней?

4)—Гораздо справедливѣе и надежнѣе слѣдовать правиламъ св. апостоловъ и отцевъ, и праздновать Пасху ни прежде Іудеевъ, ни вмѣстѣ съ ними, чѣмъ колебаться, и сегодня предпочитать звѣздочетовъ отцамъ, а завтра покидать и ихъ.

(*) Византійскій историкъ и ученѣйшій мужъ своего времени, родился въ Понтійскомъ городѣ Ираклія около 1295 года, а умеръ въ 1360. Любопытное разсужденіе его о Пасхѣ содержится въ его исторіи, гл. VIII, 13, стр. 364—373 Edit. 1829. Bonnae.

(**) Замѣчательны слова Іоанна Златоуста къ постящимся: «точности временъ и дней не разсчитываетъ церковь Христова. Ибо всякій разъ, какъ вкушается сей животворящій хлѣбъ, и піется сія чаша, возвѣщается смерть Господня, и совершается Пасха. Но поелику отцы перваго собора опредѣлили, когда быть Пасхѣ; то церковь, уважая повсемѣстное согласіе и единство, приняла ихъ опредѣленіе».

5)—Латинамъ по новому календарю придется совершать Пасху иногда прежде Іудеевъ, иногда вмѣстѣ съ ними, — какъ-то покажетъ опытъ, или время—сей общій обличитель. А этимъ они нарушатъ правило апостольское, которое гласитъ: «аще кто епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, святый день Пасхи прежде весенняго равноденствія съ Іудеями праздновати будетъ, да будетъ низложенъ».

0)—Симъ правиломъ божественные апостолы налагаютъ на христіанъ два обязательства: одно не праздновать Пасху до весенняго равноденствія, и другое — не совершать ея съ Іудеями.

7)—Къ симъ двумъ заповѣданіямъ апостоловъ церковь впослѣдствіи присовокупила еще два: первое—торжествовать Пасху послѣ весенняго равноденствія не просто и какъ попало, а именно послѣ перваго полнолунія мѣсяца марта, которое прилучится по семъ равноденствіи, и второе—въ первый день воскресный послѣ сего полнолунія. Такъ, обыкновенно, означается сіе второе заповѣданіе: «послѣ перваго полнолунія въ первое слѣдующее воскресенье христіане должны совершать Пасху».

8)—Сіе правило преподано 318 богоносными отцами, собравшимися въ Никеѣ, и потому имѣетъ для насъ такую-же обязательную силу, какъ и правило апостольское. Впрочемъ, время отстало отъ него тремя съ небольшимъ днями (*). Такъ, напр., когда роспись показываетъ Еврейскую Пасху 80 марта, — на самомъ дѣлѣ сія Пасха въ четвертомъ кругѣ луны уже не бываетъ въ это число, а 27-го, т.-е. ниже тремя днями.

9)—Гдѣ-же причина такой неточности (ἀνωμαλία) правилъ св. отцевъ?—Въ теченіи луны. Полнолунія этого свѣтила, по прошествіи 19-ти лѣтъ, возвращаются на прежніе дни. Это знали Никейскіе отцы, и потому составили 19-ти-лѣтній кругъ луны. Но сей кругъ, говоря строго и точно, не начинается вновь въ однѣ и тѣ-же минуты, секунды и терціи (στιγμάς, λεπτὰ καὶ ἄτομα), а ему не достаетъ 60 частей, кои въ-теченіе 304 лѣтъ составляютъ одинъ день, но и тотъ не полный, а безъ 70 частей,—какъ то мы

(*) При Никейскихъ отцахъ весеннее равноденствіе полагалось 21 марта, а при сочинителѣ сего разсужденія — уже 18-го. Слѣдовательно, оно уклонилось на трое сутки.

знаемъ отъ Птоломея (*), Пселла (**), Аргира Исаака и великаго Максима. Итакъ правилу о Пасхѣ невозможно быть совершенну и точну отъ такой неравности времени, ибо нельзя принимать въ разсчетъ упомянутыхъ дробей до-тѣхъ-поръ, пока съ истеченіемъ 304 лѣтъ не обнаружится цѣлый день недостающій (ἐλλείψιμος ἡμέρα).

10)—Несовершенство (σφάλμα) правила св. отцевъ о Пасхѣ произошло не отъ ихъ невѣдѣнія, а отъ неправильности счета (ἀπὸ τῆς ἀνωμαλίας τοῦ μέτρου) дней, часовъ, минутъ и секундъ въ годахъ. Ибо и самый солнечный годъ состоитъ собственно не изъ 365 дней и шести полныхъ часовъ (τέταρτον ἡμέρας), а ему недостаетъ 300-й части: отъ чего въ-теченіе 300 лѣтъ накопляется одинъ день, который отодвигаетъ назадъ равноденствіе, какъ это ясно видно изъ нижеслѣдующей росписи (διάγραμμα):

Годы отъ міроздания:	Равноденствія:
4756	март. 25.
5056	март. 24.
5356	март. 23.
5656	март. 22.
5956	март. 21.
6256	март. 20.
6556	март. 19.
6856	март. 18.

10)—Такой неравности избѣжать невозможно, развѣ кто смогъ-бы пересоздать иначе естество звѣздъ и всѣхъ небесныхъ тѣлъ, обративъ ихъ напередъ въ хаосъ. Мірохудожный-же умъ Божій благолѣпно составилъ для нихъ гармонію, во всемъ мірѣ неполную, дабы, по св. Григорію, она достигала до предѣла достаточнаго (полнаго).

12)—Мы показяли причину несовершенства (σφάλματος) правила св. отецъ о Пасхѣ. Теперь посмотримъ, какъ это правило надобно соглашать съ апостольскимъ. По правилу св. апостолъ мы обязаны праздновать Свѣтлое Воскресеніе Христово не прежде весенняго равноденствія, и не въ самый день его (***), а послѣ и

(*) Астрономъ 2-го вѣка по Р. Х.

(**) Византійскій писатель, богословъ, философъ, математикъ и медикъ. Онъ умеръ около 1079 года.

(***) Иначе пришлось-бы праздновать его дважды въ одинъ годъ.

притомъ отдѣльно отъ Іудеевъ. Стало быть, намъ должно внимательно высматривать весеннее равноденствіе и Пасху Іудейскую, дабы не столкнуться съ нею, или не предварить ее. Правило-же св. отецъ повелѣваетъ намъ совершать Пасху не въ простой день, а въ воскресный, который отъ весенняго равноденствія будетъ первый послѣ полнолунія. Слѣдуя обоимъ этимъ правиламъ,—чего нѣтъ лучше,—ты поступай такъ: знай, что, по прошествіи столькихъ столѣтій послѣ Никейскаго собора, весеннее ровноденствіе уклонилось на три дня; когда Пасха Іудейская, или полнолуніе, придется въ воскресенье, — ты, для избѣжанія столкновенія съ нею, празднуй въ слѣдующій день воскресный; когда-же — ранѣе недѣли Ваій, то отпразднуй эту недѣлю, и въ слѣдующее воскресенье начинай свою священную Пасху. Такимъ образомъ, по правилу отцевъ съ большею точностію соблюдается правило апостольское.

Этимъ оканчивается разсужденіе о. Мелетія. Въ заключеніе онъ припоминаетъ нѣкоторыя чрезвычайныя явленія въ подтвержденіе правильности нашего празднованія Пасхи. «У береговъ Нила, близъ Египетскихъ пирамидъ, — говоритъ онъ, — ежегодно бываетъ возстаніе мертвыхъ тѣлъ. Въ день спасительной смерти Іисуса Христа появляются на поверхности земли тѣла человѣческія и остаются до пятьдесятницы, потомъ опять скрываются. Симъ провидѣніе Божіе предуказуетъ всеобщее воскресеніе мертвыхъ, и утверждаетъ время нашего празднованія Пасхи (1). Подобное знаменіе Божіе мы вѣдаемъ изъ письма Пасхасина къ Римскому папѣ Льву Великому (2). Нѣкогда западные вздумали праздновать Пасху по своему разсчету времени, врозь съ восточными (3). Но при папѣ Зосимѣ (4) были обличены въ семъ прегрѣшеніи слѣдующимъ образомъ. У нихъ изъ одного пересыхающаго родника ежегодно показывалась вода къ истинному времени Пасхи. Когда-же, по измѣненіи сего времени, народъ готовился праздновать, и множество оглашенныхъ собралось къ роднику для крещенія: то вода не показалась, какъ бывало прежде, и оглашен-

(1) Блаженной памяти патріархъ Іерусалимскій Нектарій въ своей Арабской лѣтописи упоминаетъ объ этомъ знаменіи Божіемъ и присовокупляетъ, что онъ видѣлъ его своими очами (Πηδάλιον 1841 Ἀθήναις σελ. 5).

(2) Онъ святительствовалъ съ 440 по 461 годъ.

(3) Сіи праздновали тогда въ 22 день апрѣля, а западные 25 марта.

(4) Въ 417 годѣ по Р. Х.

ныя остались не крещенными. А спустя немного, въ свѣтлый день, празднуемый восточными, она появилась въ свой часъ; и тѣмъ обличила западныхъ въ погрѣшности».

Гродненское семиклассное училище для приходящихъ дѣвицъ. — Объ этомъ училищѣ мы нашли въ Сѣв. пч. слѣдующее письмо *В. К-на* къ издателю: «Слишкомъ три мѣсяца прошло со дня открытія женскаго училища въ Гродно (оно открыто 7 января); въ это время направленіе его дѣятельности уже успѣло обозначиться; мы видимъ, какъ оно управляется; знаемъ, какими началами руководствуются лица, непосредственно имъ завѣдывающія, и потому имѣемъ основаніе сказать, что училище принялось и идетъ хорошо. Сообщаемъ относительно его слѣдующія данныя: въ четырехъ классахъ новаго заведенія считается въ настоящее время 59 воспитанницъ; изъ нихъ въ первомъ классѣ 14, во второмъ 23, въ третьемъ и четвертомъ по 11. По сословіямъ дѣвицы раздѣляются слѣдующимъ образомъ: дочерей потомственныхъ дворянъ 39, дочерей личныхъ дворянъ 14, дочерей духовныхъ лицъ 3, дочерей купцовъ 1, дочерей мѣщанъ 2. Одна купеческая и двѣ мѣщанскія дечери на 53 дворянки въ заведеніи, назначенномъ для всѣхъ свободныхъ сословій,—цифра поразительно-ничтожная. Она объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Гродненское купечество и мѣщанство состоитъ преимущественно изъ Евреевъ, а для Евреекъ новая школа закрыта. Распредѣляя воспитанницъ по вѣроисповѣданіямъ, находимъ, что къ православному исповѣданію принадлежатъ 17 дѣвицъ, Римско-католическому 39, лютеранскому 2, магометанскому 1. Училище находится подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Александровны. Ближайшее управленіе имъ ввѣрено начальнику края, В. И. *Назимову.* На содержаніе училища назначено въ пособіе, во-первыхъ, изъ капитала женскихъ учебныхъ заведеній ежегодно 3,000 руб., во-вторыхъ проценты 540 р. отъ суммы (19,000 руб.), пожертвованной дворянствомъ Гродненской губерніи на предполагавшійся центральный институтъ благородныхъ дѣвицъ въ г. Вильнѣ. Кромѣ того, сбора за ученіе отъ 54-хъ воспитанницъ за первую половину текущаго года поступило 607 р. 50 коп. Пять воспитанницъ, по бѣдности, обучаются безплатно. (Годовая плата за обученіе обязательнымъ предметамъ — 15 р. съ дѣвицы, а за обученіе Французскому и Нѣмецкому языкамъ и танцованію

по 3 руб., музыкѣ, по соглашенію съ родителями, не свыше однако 50 коп. за урокъ). Предположивъ, что число платящихъ дѣвицъ не уменьшится и на второе полугодіе, получимъ цифру годоваго прихода въ 4,785 руб. Личный составъ училища слѣдующій: начальникъ училища 1, главная надзирательница 1, надзирательницъ 2, преподавателей и преподавательницъ наукъ и искусствъ 17 (двѣ изъ преподавательницъ состоятъ и надзирательницами). Прислуги при училищѣ состоитъ: мужской 2, женской 1. Расходы на жалованье всѣмъ этимъ лицамъ составляетъ 3,492 руб. 96 коп. сер. въ годъ. Плата за урокъ учителямъ назначена 50 к.; нѣкоторые находятъ ее недостаточною. Домъ для училища пожертвованъ приказомъ общественнаго призрѣнія; открытые нынѣ классы помѣщаются въ немъ очень удобно, но для семи классовъ мѣста не будетъ; при училищѣ есть и садъ. Классныя комнаты, сборная зала для воспитанницъ, сборная учительская — все это чисто, свѣтло, просторно; мебель изящная, отъ учительской каѳедры до огромной вывѣски съ золотыми буквами на голубомъ полѣ включительно, — словомъ, на внѣшность не поскупились: едва-ли и самый отчаянный формалистъ найдетъ, къ чему-бы можно было придраться въ этомъ отношеніи. Къ неудобствамъ училища можно отнести: во-первыхъ, отдаленность его отъ центра города, и во-вторыхъ, въ немъ нѣтъ помѣщенія ни для начальника училища, ни для главной надзирательницы, ни даже для прислуги, не имѣется также никакихъ пристроекъ для склада дровъ и т. п. Изъ того, впрочемъ извинительнаго, по нѣкоторымъ соображеніямъ, стремленія къ наружному блеску, никакъ не слѣдуетъ заключить, чтобы и внутренняя сторона заведенія, т.-е. преподаваніе и надзоръ, оставались безъ вниманія. Нѣтъ. Начальникъ училища А. П. *Виноградовъ*, бывшій директоръ Виленской гимназіи—врагъ рутины и формализма. Вполнѣ раздѣляя современные взгляды на воспитаніе женщинъ и отлично понимая значеніе завѣдываемаго имъ училища, г. Виноградовъ, далекій несноснаго начальническаго тона, трудится наравнѣ съ учителями. Учители любятъ его и уважаютъ, какъ своего дѣльнаго, благороднаго товарища. Главною надзирательницею назначена г-жа *Загуровская*—женщина, съ материнскою заботливостью преданная своему дѣлу и пользующаяся полнымъ довѣріемъ со стороны публики. Въ-заключеніе, пожелаемъ, чтобы Гродненская публика поближе познакомилась съ новымъ училищемъ и чтобы оно продолжало неутомимо слѣдовать

по тому пути, по которому идетъ теперь; тогда, при сочувствіи публики, оно скорѣе достигнетъ тѣхъ добрыхъ результатовъ, которыхъ мы въ-правѣ отъ него ожидать».

Открытіе воскресной школы въ Нѣжинѣ. — Въ Указ. экон. напечатано: «Самую свѣжую, животрепещущую новость въ Нѣжинѣ составляетъ теперь открытіе воскресной школы. Студенты лицея, по внушенію добрыхъ чувствъ сердца, охотно вызвались посвятить труды свои самому первоначальному, и потому самому трудному образованію; тотчасъ-же между ними составилась складка на выписку необходимыхъ книгъ и пособій, и, при участіи и другихъ лицъ, онѣ выписаны; нуждающіеся въ этомъ образованіи нашлись, разумѣется, на первый разъ: дѣти ремесленниковъ и обучающіеся ремесламъ или находящіеся въ услуженіяхъ мальчики, даже взрослые — и вотъ сегодня, т.-е. 17 апрѣля, въ высокоторжественный день рожденія Государя Императора, воскресная школа у насъ торжественно открыта въ домѣ уѣзднаго училища. При такомъ значительномъ населеніи Нѣжина, особливо простонародномъ, болѣе нуждающемся въ обученіи дѣтей первоначальной грамотности, нельзя не порадоваться этому полезному нововведенію. Дѣти собираться будутъ въ школу по воскресеньямъ и праздникамъ. Начало уже положено. 17 апрѣля, въ половинѣ 12-го часа, въ присутствіи директора лицея и гимназіи, нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ лицея и другихъ лицъ, въ залѣ уѣзднаго училища отпѣто молебствіе; законоучитель гимназіи произнесъ приличное случаю слово; фамиліи явившихся дѣтей вписаны въ пріемную книгу, и—ученіе началось, и, на первый разъ, кончилось изъясненіемъ дѣтямъ нынѣ читаннаго евангелія. Толкованіемъ евангелія будетъ начинаться ученіе въ этой школѣ каждый разъ. Отъ души желаемъ, чтобы это благородное побужденіе студентовъ лицея князя Безбородко, при просвѣщенномъ вниманіи мѣстнаго учебнаго начальства, послужило благотворительною основою распространенія необходимаго образованія между Нѣжинскимъ необразованнымъ простонародьемъ».

Отчетъ по конкурсу ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, на медаль графа П. Д. Киселева. — Высочайше утвер-

жденнымъ, 24 декабря 1856 года, положеніемъ установлена, въ память управленія генералъ-адъютанта графа П. Д. Киселева министерствомъ государственныхъ имуществъ, премія, состоящая изъ золотой медали за слѣдующія сочиненія, къ крестьянскому быту относящіяся: 1) сочиненія, въ которыхъ излагается настоящее состояніе нравственнаго и хозяйственнаго быта крестьянъ какой-либо части Россіи; 2) сочиненія, въ которыхъ излагаются причины неудовлетворительнаго состоянія той или другой стороны быта поселянъ и указываются способы къ улучшенію онаго; 3) сочиненія, имѣющія предметомъ примѣненныя къ крестьянскому быту практическія наставленія въ разныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, сельскихъ ремеслахъ, народной гигіенѣ и т. п., и 4) сочиненія, предназначенныя для народнаго чтенія и для руководства въ крестьянскихъ училищахъ. Премію эту предоставлено ученому комитету, съ утвержденія министра государственныхъ имуществъ, выдавать чрезъ каждые два года, на счетъ процентовъ съ составленной по подпискѣ на этотъ предметъ суммы. На конкурсъ допускались сочиненія только на Русскомъ языкѣ, какъ печатныя, такъ и рукописныя; первыя могли поступить въ ученый комитетъ или отъ самихъ авторовъ, или по указанію членовъ комитета. Къ объявленному конкурсомъ сроку, 1 іюля 1859 года, поступили въ ученый комитетъ отъ авторовъ двѣ рукописи: а) «Народный учебникъ» съ девизомъ: «Мыслью оживленъ одной, что къ пользѣ общей онъ трудится», и б) «Чтенія для крестьянъ». Сверхъ-того, ученый комитетъ, по указанію членовъ своихъ, принялъ на конкурсъ четыре сочиненія изданія 1857 г. По разсмотрѣніи означенныхъ сочиненій какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, оказалось, что рукописи: а) «Народный учебникъ» и б) «Чтеніе для крестьянъ», не удовлетворяютъ требованіямъ конкурса.

Изъ принятыхъ на конкурсъ четырехъ печатныхъ сочиненій, вниманіе комитета обратила «Библейская исторія въ краткихъ сказаніяхъ, заимствованныхъ изъ священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта», какъ сочиненіе, подходящее подъ IV условіе конкурса и заслуживающее преміи. Книжка эта, по мнѣнію комитета, по простотѣ и ясности изложенія и правильности языка, есть превосходнѣйшая изъ всѣхъ донынѣ вышедшихъ сочиненій по сей части. Въ ней авторъ передаетъ понятнымъ для крестьянина языкомъ историческія событія ветхаго и новаго завѣта, останавливая вниманіе читателя на важнѣйшихъ и болѣе поучительныхъ для

него событіяхъ. Авторъ, какъ замѣтно, имѣлъ преимущественно въ виду читателей еще неразвитыхъ, и при изложеніи библейскихъ событій ветхаго завѣта умѣлъ избѣгнуть неудобствъ, наиболѣе встрѣчающихся при составленіи подобныхъ книгъ, и сдѣлалъ это безъ вреда для полноты сочиненія. Краткость, ясность и полнота изложенія сочиненія дѣлаютъ его и хорошимъ учебникомъ, и книгою полезною для чтенія. На основаніи сихъ соображеній, ученый комитетъ, съ утвержденія министра государственныхъ имуществъ, нашелъ справедливымъ присудить сочиненію «Библейская исторія въ краткихъ сказаніяхъ, заимствованныхъ изъ священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта», золотую медаль графа П. Д. Киселева, о чемъ и объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе.

О костяхъ допотопнаго животнаго, найденныхъ вблизи Николаева. — Въ Одесск. вѣстн. напечатано слѣдующее извѣстіе г. *Панкова* объ этомъ открытіи:

«21 марта нынѣшняго года, въ 12-ти верстахъ отъ Николаева, близъ села Воскресенскаго, открыты кости допотопнаго животнаго. Поводомъ къ этому открытію послужилъ обломокъ окаменѣлой кости, больше фута длиною и нѣсколько меньше фута толщиною, поднятый фельдшеромъ этого села, въ устьѣ промоины, впадающей, въ полуверстѣ ниже селенія, въ рѣку Ингулъ, съ лѣвой ея стороны. Находка была представлена контръ-адмиралу Бутакову, по приказанію котораго собраны были справки отъ поселянъ, занимавшихся ломкою камня въ этой промоинѣ. Они показали, что еще въ 1854 году, при снимании глины съ глубоко-лежащихъ слоевъ камня, находили въ ней большія кости, изъ любопытства разбивали ихъ и кидали въ промоину. Вѣроятно, одинъ изъ такихъ кусковъ и попался въ руки фельдшеру.

«Въ указанномъ камнеломами мѣстѣ произведена была развѣдка въ присутствіи контръ-адмирала Бутакова и найдена кость, торчавшая изъ лѣвой крутой стѣны промоины, почти перпендикулярно къ ея поверхности. Увѣрившись въ присутствіи тамъ костей, контръ-адмиралъ приказалъ обставить высовывающійся конецъ кости камнями и засыпать землею, а между-тѣмъ принялъ мѣры для правильной и болѣе подробной развѣдки. Мнѣ было поручено заняться отысканіемъ костей въ этомъ мѣстѣ и составить описаніе ихъ.

«Пріѣхавши на мѣсто, послѣ снятія насыпи, я приказалъ рабо-

чимъ срыть землю на аршинъ выше торчавшей кости, для того чтобы на небольшой площадкѣ, образовавшейся при этомъ, узнать ея направленіе. При этомъ изслѣдованіи найдены были концы двухъ бивней. Какъ они, такъ и первая кость тянулись въ горизонтальномъ направленіи вглубь горы къ сѣверо-западу. Рыхлость костей и желаніе сохранить ихъ относительное положеніе заставили меня увеличить расчистку и приступить къ снятію земли, надъ ними лежащей. Верхній слой состоялъ изъ чернозема въ 1 футъ, потомъ изъ желтоватаго, мелкаго песку футовъ въ 5 среднимъ числомъ, далѣе перемежающіеся слои песку и глины футовъ на 5, наконецъ — футовъ 7 глины съ прожилками водной окиси желѣза и съ прослойками известковаго камня. Самыя кости были покрыты отчасти крупно-зернистымъ кварцемъ, сцѣпленнымъ известковымъ цементомъ, отчасти сплошнымъ известнякомъ, отчасти глиною. Разрытое пространство составило площадку въ 2 сажени 4 фута длиною и въ 1 сажень и 5 футовъ шириною. На ней-то почти горизонтально расположены всѣ найденныя до-сихъ-поръ кости. Ихъ относительное положеніе показываетъ, что они оставались до-сихъ-поръ въ покоѣ на мѣстѣ погребенія животнаго. Уцѣлѣвшіе четырнадцать позвонковъ, кромѣ перваго шейнаго, расположены въ одной прямой линіи, идущей въ сѣверовосточномъ направленіи. Около нея групируются всѣ другія кости. По правую ея сторону лежатъ перепутанныя ребра и подальше первый шейный позвонокъ. По лѣвую сторону у самыхъ позвонковъ—рядъ реберъ, замыкающійся спереди плечевою костью, въ большемъ-же удаленіи отъ позвонковъ и нѣсколько впередъ выдвинута другая плечевая кость съ частью предплечія. Подъ передніе позвонки подсунута однимъ длиннымъ краемъ лопатка, другой-же противоположный конецъ ея покрытъ камнемъ, на которомъ лежатъ три коренные зуба и основаніе бивней верхней челюсти. Еще далѣе впередъ изъ-подъ этого камня выдвигается передній конецъ нижней челюсти съ коренными зубами, по два съ каждой стороны, и съ двумя короткими бивнями. Наконецъ, между плечевою костью и лѣвымъ бивнемъ верхней челюсти лежитъ ключица. Кромѣ этихъ костей, разными лицами представлено нѣсколько костей запястья и другихъ обломковъ, собранныхъ въ разное время. Хвостовыхъ позвонковъ, костей таза и заднихъ конечностей не найдено. Очень можетъ быть, что они вымыты и унесены водою, потому-что положеніе скелета—косвенное, относи-

тельно направленія промоины, въ которую онъ обращенъ ногами, преимущественно задними. Положеніе позвонковъ, лежащихъ на правыхъ своихъ бокахъ, реберъ лѣвой стороны, расположенныхъ рядомъ, разбросанныхъ реберъ правой стороны и наклоненіе нижней челюсти позволяетъ предполагать, что трупъ звѣря былъ засыпанъ землею лежащимъ на правомъ бокѣ.

«Наибольшее вниманіе посѣтителей обращаютъ на себя бивни. Они прямы, круглы и постепенно заостряются. Длина ихъ въ $6^1/_2$ футовъ, а толщина при основаніи въ $3^1/_2$ дюйма. Въ поперечномъ разрѣзѣ видѣнъ осевой каналъ и концентрическіе слои стѣнокъ. Наружная форма ихъ, строеніе и темно-бурый цвѣтъ заставляютъ съ перваго взгляда принять ихъ за стволы деревъ. Они раздѣлены поперечными трещинами на куски въ футъ и менѣе длиною и, подобно древесной корѣ, легко отдѣляются концентрическими слоями. Изъ нихъ ближайшіе къ центру сохранили, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сложеніе и цвѣтъ слоновой кости.

«Во время производства моихъ работъ надъ открытіемъ этихъ костей, каменоломы въ близлежащей мѣстности нашли кусокъ новаго бивня, четверти въ двѣ, какъ они говорятъ, раскрошили его и подали мнѣ обломокъ дюйма въ три, указавши мѣсто находки. Тотчасъ на томъ мѣстѣ произведены были мною изслѣдованія, которыя однако убѣдили меня въ случайномъ присутствіи этого куска на томъ мѣстѣ; но вмѣстѣ-съ-тѣмъ эта находка несомнѣннымъ образомъ указываетъ на существованіе окаменѣлостей, подобныхъ открытымъ, и въ другихъ близлежащихъ мѣстахъ.

Подъ основаніемъ большихъ бивней, въ ихъ промежуткѣ, лежитъ нижняя челюсть. Длина обнаженной части ея края будетъ фута въ $2^1/_2$, а толщина дюйма въ 3. Съ наружной поверхности лѣвой, приподнятой стороны, ближе къ переднему углу, видно челюстное наружное отверстіе, величиною съ полтинникъ. Въ переднемъ углу нижней челюсти сидятъ два малые бивня, длиною въ 9 дюймовъ и толщиною при основаніи въ $1^1/_2$ дюйма, быстро закругляющихся на концѣ. Лѣвый изъ нихъ, хотя и лежитъ бокъ объ бокъ съ правымъ, не имѣетъ корня и его ячейка наполнена глиною и пескомъ. Они такого-же сложенія и цвѣта, какъ и бивни верхней челюсти. — Немного отступя отъ основанія малыхъ бивней, плотно сидятъ на своихъ мѣстахъ хорошо сохранившіеся коренные зубы. Каждый, ближайшій къ переднему концу челюсти

коренной зубъ на жевательной плоскости покрытъ сердцевидными бугорками, расположенными въ три поперечные ряда. Верхушки бугорковъ стерты очень немного, въ видѣ ромбоидальной площадки. Синевато-сѣрая эмаль на нихъ очень толста. Длина этихъ коренныхъ зубовъ около 4 дюймовъ, а толщина около $3^1/_2$ дюймовъ. Вторые коренные зубы покрыты пятью поперечными рядами сосцевидныхъ бугорковъ, изъ которыхъ задніе еще не достигли общаго уровня вершинъ, вовсе еще не стертыхъ. Два изъ открытыхъ трехъ коренныхъ зубовъ верхней челюсти, разбросанныхъ на камнѣ, покрывающемъ задніе концы нижней челюсти, имѣютъ по пяти рядовъ сосцевидныхъ отростковъ, а третій — только три ряда ихъ. Нѣкоторые изъ этихъ зубовъ лежатъ боковою стороною, что позволяетъ видѣть корни ихъ, много сходные, по цвѣту, съ бивнями, но болѣе плотными. Не менѣе бивней и коренныхъ зубовъ обращаютъ на себя вниманіе посѣтителей двѣ плечевыя кости. Каждая изъ нихъ въ 3 фута длиною и въ $5^1/_2$ дюймовъ шириною (на срединѣ длины). Головки ихъ почти въ футъ въ поперечникѣ, губчатаго сложенія. Такъ-называемое тѣло ихъ снаружи нѣсколько плотнѣе, бѣловатаго цвѣта, а внутри представляетъ ноздреватую костную ткань, лишившуюся своихъ органическихъ частицъ и нѣсколько окрашенную воднымъ окисломъ желѣза. Позвонки, окруженные довольно плотнымъ песчаникомъ мелкаго зерна, буроватаго цвѣта, были вначалѣ чрезвычайно уступчивы ножу, но, пообсохши, окрѣпли. Ребра съ большимъ удобствомъ очищались отъ бураго мелкаго песку, образовавшаго около нихъ кору, когда они были сыроваты, а потомъ они сдѣлались хрупки.

«Рыхлость костей, а частію и крѣпость покрывающаго ихъ камня не дали возможности ихъ вполнѣ очистить; поэтому нельзя до времени сдѣлать полнаго ихъ описанія. Для защиты этихъ остатковъ отъ вліянія неблагопріятной погоды устроенъ надъ ними досчатый сарай, а для предохраненія ихъ отъ случайныхъ поврежденій приставленъ караулъ. Тотчасъ по очищеніи костей были сняты съ нихъ рисунки — фотографическій и точный плановой».

Послѣднія открытія Стюарта во внутренней Австраліи. — Возвращеніе *Дж. Стюарта* въ г. Аделаиду изъ его второй 6-мѣсячной экспедиціи во внутреннюю Австралію составляетъ одну изъ важнѣйшихъ

географическихъ новостей послѣдняго времени. Если результаты его изслѣдованій подтвердятся, то они должны разомъ измѣнить всѣ наши представленія о негостепріимной природѣ материка этой страны.

Извѣстно, что уже въ 1858 году Стюартъ совершилъ весьма смѣлую экспедицію, о которой мы не имѣемъ однако болѣе подробныхъ свѣдѣній. Область его изслѣдованій лежала на востокъ отъ соляныхъ болотъ озера Торренсъ. Проводя черту отъ крайней оконечности Спенсерова залива къ сѣверо-западу, до 28° 20′ юж. шир. и къ меридіану залива Стрики (Straky-Bay), мы найдемъ самый отдаленный предѣлъ, котораго путешественникъ достигнулъ 9 іюля, послѣ двухмѣсячнаго странствованія. Его путь пролегалъ по дикой странѣ; но онъ находилъ, въ недалекихъ разстояніяхъ одно отъ другаго, мѣста съ водою, траву, кустарникъ и плодоносные оазы, гдѣ встрѣчалъ во множествѣ туземцевъ. Послѣдніе совсѣмъ не такъ злы, какъ сѣверные Австралійцы; при видѣ странниковъ они обнаружили даже величайшій страхъ. Самое замѣчательное открытіе Стюарта на этомъ пути—потокъ, постоянно заключающій въ себѣ воду, что можно было заключить изъ того, что берега его поросли осокою и тростникомъ, а въ водѣ находилась рыба. Этотъ потокъ, названный покуда Стюартомъ Large Water Creek, расширяется въ пору дождей до 300 футовъ, но въ то время представлялъ водную полосу, лишь отъ 40 до 50 футовъ шириною и въ 1/2 Англ. мили длиною. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Стюартъ встрѣтилъ этотъ источникъ, именно между 29 и 30° южн. шир. и нѣсколько восточнѣе меридіана мыса Катастрофы (C. Catastrophe), теченіе его казалось на сѣверо-востокъ. Направившись отсюда на сѣверо-западъ, путешественники прошли страну, богато-орошенную водою. Такое обиліе воды могло однакожь быть послѣдствіемъ недавно выпавшихъ дождей. Дорогой выпало столько дождя и однажды вода поднялась такъ быстро, что путешественники находились какъ-бы на острову. Благодаря этимъ періодическимъ дождямъ, Стюартъ никогда не нуждался въ водѣ во время своего путешествія; но какъ значеніе открытыхъ имъ равнинъ зависитъ отъ постояннаго запаса воды, то нельзя еще многаго ожидать отъ нихъ. Въ этой мѣстности тоже попадались кочевья туземцевъ.

Достигнувъ самаго крайняго пункта своего путешествія на сѣверо-западъ, Стюартъ, лавируя зигзагами, началъ направляться

къ морю. Отправившись сначала на юго-западъ, онъ встрѣтилъ прекрасный оазисъ, а когда повернулъ на юго-востокъ, то вышелъ на плодоносныя степи, покрытыя солончаковыми верескамии. Здѣсь онъ поймалъ двуутробку и видѣлъ много кенгуру, но постоянной воды не было нигдѣ. Перейдя 30-й градусъ широты, онъ вновь пошелъ въ юго-западномъ направленіи къ берегу моря. Здѣсь въ въ первый разъ онъ увидалъ сосны и дубы, между-тѣмъ-какъ досихъ-поръ вся эта земля считалась безлѣсною или покрытою лишь шиповатымъ кустарникомъ, за исключеніемъ дождевыхъ каналовъ, на берегахъ которыхъ находили резиновыя деревья. Подъ 30° 46′ южн. шир. и нѣсколько западнѣе меридіана мыса Катастрофы, найдено большое озеро, которое Стюартъ считаетъ однако за сѣверное продолженіе недавно-открытаго озера Гайрднеръ, простирающагося, если его предположеніе справедливо, болѣе чѣмъ на 1³/₄ градуса широты. Въ началѣ августа Стюартъ приблизился къ 31 градусу широты и дошелъ до 133° 24′ Гринвич. восточной долготы. Здѣсь открылся его взорамъ прекрасный оазисъ, съ отличной почвой, покрытой столь богатою растительностію, что стебли травы достигали до колѣнъ лошадей. Страусы и кенгуру попадались ему въ большомъ числѣ на этомъ оазисѣ.

Съ вершины одной горы, Стюартъ, какъ ему казалось, могъ различить на юго-востокѣ возвышенія хребта Гаулеръ. Отсюда на востокъ и къ сѣверу страна покрыта соляными озерами. Далѣе на западъ показываются большіе дубовые лѣса и персиковыя деревья Австраліи. Вообще мѣста, о которыхъ мы говоримъ, принадлежатъ къ самымъ плодороднымъ, по изобилію въ нихъ травъ и лѣса. Кромѣ-того здѣсь еще найдено и золото.

Затѣмъ Стюартъ направился на югъ къ берегу моря, отъ котораго его отдѣляла тощая и неблагодарная полоса земли. Уже въ концѣ іюля у него вышелъ послѣдній запасъ муки, а мясные припасы также приближались къ концу, такъ-что когда, 17 августа, путешественники достигли морскаго берега, они уже съ мѣсяцъ какъ не ѣли до-сыта, а припасовъ вообще у нихъ оставалось на два дня. На берегу имъ пришлось отыскивать черепахъ и утолять голодъ вареными стеблями травы. Ворона, убитая 22 августа, составила послѣ трехдневнаго поста превосходный завтракъ. Лошади становились все слабѣе. Одна изъ нихъ пала на возвратномъ пути. Наконецъ, 22 августа они достигли Гибсоновой станціи, — перваго обитаемаго мѣста около Аделаиды.

Путешествіе Стюарта ясно доказало, что небольшое число энергическихъ людей можетъ съ гораздо большею пользою производить изслѣдованія внутри страны, чѣмъ цѣлые караваны. Всякое увеличеніе числа людей затрудняетъ доступъ внутрь страны, и потому большая часть каравана остается въ складочныхъ мѣстахъ, какъ это случилось при послѣдней экспедиціи Грегоря. Южно-Австралійскій парламентъ предоставилъ Стюарту, въ награду за его смѣлыя открытія, 1,500 Англ. квадратныхъ миль земли (около 70 геогр. квадр. миль), съ правомъ пользованія ими въ-теченіе 14 лѣтъ, и 7-лѣтнею льготою отъ платежа податей, при чемъ ему самому дозволено выбрать земли.

Для выбора этой пожалованной земли Стюартъ отправился прошедшей весною съ двумя проводниками, взявъ съ собою четырехъ вьючныхъ и столькихъ-же подсѣдельныхъ лошадей. Выбравъ себѣ участокъ земли и разграничивъ его, онъ опять отправился въ путь для изслѣдованія новыхъ и неизвѣстныхъ ему мѣстностей. Въ это второе путешествіе ему удалось открыть страну, которая, по богатству воды и растительности, превосходитъ всѣ другія, извѣстныя до-сихъ-поръ. Онъ прошелъ на 300 Англ. миль далѣе крайняго предѣла, до котораго въ концѣ 1858 года достигли Варбуртонъ и Баббеджъ.

Въ началѣ апрѣля, какъ говорятъ, онъ отправился отъ источника Эмеральдъ-Спрингсъ и въ половинѣ мая достигъ 20° широты, т.-е. сѣверной границы Южно-Австрійской колоніи. Впродолженіе всего путешествія, онъ ни разу не терпѣлъ недостатка въ водѣ. Пройденная имъ страна состоитъ большею частію изъ безконечныхъ равнинъ, покрытыхъ множествомъ холмовъ отъ 100 до 150 футовъ вышиною. Съ нихъ струились внизъ источники прѣсной воды, соединившіеся въ ручьи и рѣчки, теченіе которыхъ было направлено къ востоку. Одна изъ такихъ рѣчекъ имѣла, впрочемъ въ одномъ мѣстѣ, до трехъ миль ширины. Плоскія возвышенности (плато), окружающія эти равнины, доходятъ однако до тысячи футъ высоты. Дѣлая экскурсіи вправо и влѣво отъ своего пути, Стюартъ повсюду находилъ тотъ-же характеръ мѣстности. По словамъ его, можно безъ большихъ трудностей добраться отсюда до залива Карпентарія, или другаго какого-либо пункта на сѣверномъ берегу. Не смотря на то, однако, судя по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ журналомъ Атенеумъ, онъ, какъ кажется, намѣревался возвратиться обратно прежнимъ путемъ. По мнѣ-

нію Стюарта, внутри этой страны, далѣе къ востоку, должно находиться озеро, изливающее свои воды въ рѣку Викторія (Stokes Victoria River). Во всякомъ случаѣ Стюартъ вполнѣ опровергаетъ прежнее мнѣніе, будто-бы внутренняя Австралія представляетъ болѣе или менѣе песчаную, каменистую, или покрытую солончаками, пустыню. Стюартъ привезъ съ собою оттуда образчики зерновыхъ растеній и минераловъ; онъ утверждаетъ, что большая часть открытыхъ имъ земель содержитъ въ себѣ золото.

Таковы первыя и, конечно, весьма неполныя, извѣстія объ этой экспедиціи. Съ-тѣхъ-поръ, какъ нѣкоторыя путешественники описали озеро Торренсъ блестящими красками, между-тѣмъ-какъ послѣдователи ихъ нашли только одни болота, всѣ стали недовѣрчивы къ благопріятнымъ извѣстіямъ о внутренности материка Австраліи, который потому считался до-сихъ-поръ пустынной, безводной, безлѣсной и плоской страной. Новѣйшія открытія Стюарта должны находиться на сѣверѣ отъ оз. Торренсъ и, можетъ быть, даже къ западу отъ крайней оконечности Спенсерова залива, если онъ дѣйствительно достигъ 26° южн. широты и если это послѣднее путешествіе его было направлено къ сѣверу и востоку отъ мѣстъ, изслѣдованныхъ имъ во время перваго путешествія. Если описанные имъ источники дѣйствительно такъ обильны водою, то внутри страны должно находиться весьма большое озеро, которое должно поглощать ежегодное накопленіе воды. Всѣ эти недоумѣнія, вѣроятно, разрѣшатся вскорѣ, а пока мы знаемъ, что внутренняя Австралія пройдена съ юга до 26° широты. Вообще, если открытія въ Австраліи послѣдуютъ такъ быстро, какъ въ три послѣдніе годы, то вскорѣ разъяснятся тайны, покрывавшія и этотъ материкъ.

(*Вѣстн. Имп. Р. геог. Общ.*)

Программа вопросовъ для собранія свѣдѣній о воскресныхъ школахъ въ Россіи. —Въ воскресенье, 29 мая, безплатное обученіе въ С. Петербургской воскресной школѣ фехтовально-гимнастическаго кадра продолжалось обычнымъ порядкомъ. Всѣхъ учащихся было 170 человѣкъ; число учителей увеличилось двумя. Учебный совѣтъ, послѣ совѣщаній, постановилъ: 1) принять нѣкоторыя дополненія къ прежденачертаннымъ правиламъ, коими руководствуется школа; 2) просить редактора «Педагогическаго вѣстника», г. Григоровича (принимающаго дѣятельное участіе въ дѣлѣ безплатнаго преподаванія

словомъ и дѣломъ), дополнить списокъ книгъ для первоначальнаго обученія и чтенія, составленный имъ для библіотекъ низшихъ народныхъ училищъ; также просить г. Григоровича войти въ сношеніе съ учредителями провинціальныхъ воскресныхъ школъ, для отобранія отъ нихъ свѣдѣній относительно всего, касающагося школъ, по программѣ вопросовъ, составленной учебнымъ совѣтомъ безплатной воскресной школы учебнаго фехтовально-гимнастическаго кадра, которая и предлагается на судъ публики. Вотъ эта программа:

1) Вслѣдствіе какой потребности учреждена воскресная школа?

2) Какія лица основали воскресную школу, когда и гдѣ?

3) Какіе предметы преподаются въ воскресной школѣ? Не обучаютъ-ли гимнастикѣ, рисованію, пѣнію и музыкѣ?

4) Въ какіе часы дня преподается каждый предметъ?

5) Какимъ методамъ слѣдуютъ наставники при преподаваніи каждаго предмета? Раздѣлены-ли ученики на классы или-же на кружки, и одинъ-ли и тотъ-же наставникъ руководитъ однимъ и тѣмъ-же кружкомъ?

6) Какія учебныя пособія въ школѣ? Гдѣ и какъ они пріобрѣтаются? Находится-ли школа въ сношеніяхъ съ книгопродавцами, мѣстными и столичными, непосредственно или посредственно (т.-е. черезъ коммиссіонерство)?

7) Есть-ли учебный совѣтъ изъ наставниковъ, своими соображеніями содѣйствующій успѣхамъ школы? Если есть, то келейный или открытый для суда публики, посѣщающей школу?

8) Есть-ли распорядитель школы, и не избирается-ли изъ среды учебнаго совѣта?

9) Ка́къ велико число учениковъ въ школѣ, какого пола, возраста, народности, вѣроисповѣданія, состоянія и занятія? Есть-ли для записыванія этихъ свѣдѣній особая книга? Приходятъ-ли учащіеся постоянно, или непостоянно? Платятъ-ли и сколько платятъ за пра̀во ученія, или они посѣщаютъ школу безплатно.

10) Ка́къ велико число преподающихъ, какого пола, возраста, народности, вѣроисповѣданія, состоянія и занятія? Гдѣ получили образованіе? Обучаютъ-ли безмездно, или за плату?

11) Устранены-ли принудительныя мѣры при обученіи, какъ-то: выговоры, черная доска, побои и тѣлесныя наказанія? Устранены-ли поощрительныя мѣры въ родѣ слѣдующихъ: почетной доски, почетныхъ мѣстъ и т. п. Принято-ли за правило вѣжливое

обращеніе съ учащимися? Приглашаются-ли учащіеся къ соблюденію и охраненію порядка?

12) Есть-ли при школѣ кабинетъ для чтенія (безплатный или-же за плату)? Есть-ли при школѣ систематическое собраніе рисунковъ по разнымъ отраслямъ наукъ? Открыты-ли въ воскресные и праздничные дни, въ опредѣленное время, музеи и кабинеты мѣстныхъ училищъ для публики вообще и рабочаго класса въ-особенности, и кто объясняетъ, въ популярной формѣ, предметы, хранящіеся въ музеяхъ и кабинетахъ, посѣтителямъ и посѣтительницамъ?

13) Выдаются-ли учащимся билеты (печатные или письменные), въ удостовѣреніе въ дѣйствительномъ посѣщеніи ими школы ихъ родителей, родственниковъ, опекуновъ, хозяевъ и господъ?

14) Допускается-ли публика обоего пола къ присутствію въ воскресной школѣ, также къ участію въ совѣщаніяхъ учебнаго совѣта?

15) Въ какихъ періодическихъ изданіяхъ (мѣстныхъ, напримѣръ, «губернскихъ вѣдомостяхъ», и столичныхъ) публикуетъ школа, отъ времени до времени, о своихъ учебныхъ занятіяхъ?

16) Начальству какого вѣдомства подчинена воскресная школа.

Примѣчаніе. Всѣ свѣдѣнія по вопросамъ, предлагаемымъ выше, просятъ сообщать въ Санктпетербургъ, въ редакцію журнала «Педагогическій вѣстникъ» (*).

(*) Редакція Журн. м. н. пр. также съ удовольствіемъ готова сообщать подобныя свѣдѣнія своимъ читателямъ. *Ред.*

Въ Журналѣ Министерства напечатанъ *«Проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія»*, съ тою цѣлію, чтобы вызвать со стороны опытныхъ педагоговъ критическія замѣтки на этотъ *«Проектъ»* въ его цѣлости или на его отдѣльныя статьи. Замѣтки эти, вполнѣ или въ сокращеніи, будутъ также помѣщаемы въ Журналѣ въ видѣ приложеній, что̀ и составитъ при немъ особый временной отдѣлъ.

Оффиціальная часть его, состоящая изъ правительственныхъ распоряженій, будетъ выходить отдѣльными листами. Неоффиціальная-же часть будетъ появляться книгами отъ двѣнадцати до пятнадцати печатныхъ листовъ, 20-го числа каждаго мѣсяца, начиная съ *іюля* текущаго года.

При Журналѣ Министерства редакція предполагаетъ издавать особыя приложенія, состоящія или въ оригинальныхъ произведеніяхъ Русскихъ педагоговъ, или въ переводахъ замѣчательныхъ иностранныхъ педагогическихъ сочиненій и учебниковъ. Всѣ подобнаго рода приложенія будутъ высылаемы безплатно лицамъ, подписавшимся на Журналъ.

Подписная цѣна: за шесть книгъ безъ оффиціальной части, начиная съ іюля мѣсяца — 4 руб. сер. безъ пересылки и 5 р. съ пересылкою; съ оффиціальною частью 6 р. безъ пересылки и 7 р. съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи Журнала Министерства и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Авторы и переводчики, желающіе помѣщать свои статьи въ Журналѣ Министерства Просвѣщенія, могутъ присылать ихъ въ редакцію, съ означеніемъ: желаютъ-ли они, чтобы статьи были напечатаны безъ измѣненій или дозволяютъ сдѣлать въ нихъ измѣненія и сокращенія, которыя редакція сочтетъ необходимыми.

Авторамъ, изъявившимъ желаніе получить вознагражденіе за свои труды, редакція Журнала высылаетъ или выдаетъ лично: за статьи оригинальныя — отъ *тридцати* до *пятидесяти*, за статьи составныя — отъ *двадцати* до *сорока* и за переводы — отъ *пятнадцати* до *двадцати рублей* за печатный листъ. Кромѣ-того, по особому соглашенію съ авторами, редакція будетъ пріобрѣтать отъ нихъ учебники и другія педагогическія сочиненія для напечатанія ихъ въ видѣ приложеній къ Журналу.

Редакторъ **К. Ушинскій.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

1860.

ІЮНЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

СЪ ІЮЛЯ 1860 ГОДА.

Въ составъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія входятъ:

1) Теоретическія разсужденія и практическія замѣтки по различнымъ вопросамъ изъ области педагогики и дидактики.

2) Критическія описанія разнаго рода воспитательныхъ и учебныхъ учрежденій, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, въ ихъ современномъ состояніи и историческомъ развитіи.

3) Біографіи и автобіографіи, въ которыхъ выражается вліяніе воспитанія на характеръ и жизнь человѣка.

4) Критическіе разборы педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и дѣтскихъ книгъ.

5) Критическіе разборы русскихъ и иностранныхъ ученыхъ сочиненій по всѣмъ отдѣламъ науки, если они по содержанію своему могутъ имѣть вліяніе на педагогическую дѣятельность.

6) Критическіе разборы чисто-литературныхъ произведеній въ такомъ только случаѣ, если разбирающій находитъ въ нихъ отраженіе умственнаго и нравственнаго развитія общества, или указываетъ на вліяніе, которое они могутъ имѣть на это развитіе.

7) Статьи физіологическія, если въ нихъ рѣшается, хотя косвеннымъ образомъ, тотъ или другой вопросъ физическаго воспитанія.

8) Статьи психологическія.

9) Изъ области исторіи только такія статьи, въ которыхъ раскрывается ходъ народнаго образованія въ томъ или другомъ народѣ, въ тотъ или другой періодъ времени.

10) Статьи философскія, если онѣ прямо или косвенно могутъ содѣйствовать къ опредѣленію и уясненію цѣли и задачи народнаго просвѣщенія.

11) Перечни и обозрѣнія статей, появляющихся въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ, но за исключеніемъ статей чисто-беллетристическаго содержанія.

Всѣ вышеупомянутыя статьи составятъ въ Журналѣ четыре отдѣла, а именно:

I. Педагогика и дидактика.
II. Вспомогательныя науки.
III. Критика и библіографія.
IV. Извѣстія и смѣсь.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА АПРѢЛЬ 1860 ГОДА.

16. *О женскихъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ.*

Г. Намѣстникъ Царства Польскаго увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія, что, имѣя въ виду, съ одной стороны, осуществленіе Высочайшей воли Государя Императора, объявленной въ 5-й день марта 1856 года, относительно принятія мѣръ къ образованію дѣтей женскаго пола, а съ другой, что устройство женскихъ училищъ въ Имперіи не получило еще окончательнаго образованія, онъ испросилъ Всемилостивѣйшее соизволеніе Государя Императора учредить въ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ городахъ Царства Польскаго пять женскихъ училищъ для приходящихъ ученицъ, подобныхъ открытому въ Варшавѣ училищу, и устроить еще четырехклассное отдѣленіе сего послѣдняго, а равно вошелъ со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ къ Государынѣ Императрицѣ о Всемилостивѣйшемъ принятіи подъ Августѣйшее Свое покровительство всѣхъ помянутыхъ семи учебныхъ заведеній, которыя состояли-бы въ непосредственномъ завѣдываніи Намѣстника Царства, и о дозволеніи женскому пансіону въ Варшавѣ именоваться «Маріинскимъ».

На такое ходатайство г. Намѣстника Царства Польскаго Ихъ Императорскія Величества соизволили изъявить согласіе.

17. (7 апрѣля) *Объ оставленіи преподаванія закона Еврейской вѣры въ талмудъ-торахъ за нынѣшними меламдами.*

Высочайше утвержденнымъ 4 мая 1859 года Положеніемъ комитета объ устройствѣ Евреевъ постановлено, между прочимъ: учителей въ талмудъ-торахъ опредѣлять изъ людей, получившихъ надлежащее образованіе.

Принявъ нынѣ въ уваженіе встрѣченное затрудненіе къ точному исполненію сего постановленія, и во вниманіи, что цѣль означенныхъ училищъ состоитъ преимущественно въ призрѣніи сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей и что ученіе въ оныхъ ограничивается начальными основаніями, — Еврейскій комитетъ, согласно мнѣнію министра народнаго просвѣщенія, призналъ возможнымъ оставить до времени преподаваніе закона вѣры въ талмудъ-торахъ при нынѣшнихъ меламдахъ. Положеніе о семъ комитета удостоено Высочайшаго утвержденія.

18. (14 апрѣля) *О дозволеніи студентамъ и ветеринарамъ въ Дерптѣ носить партикулярное платье.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на предоставленіе студентамъ Дерптскаго университета и воспитанникамъ ветеринарнаго училища въ Дерптѣ, на томъ основаніи, какъ разрѣшено по прочимъ университетамъ, права внѣ зданій университета не носить мундира, если они найдутъ для себя болѣе удобнымъ ходить въ партикулярной одеждѣ; при посѣщеніи-же лекцій, они должны всегда соблюдать установленную форму въ одѣяніи.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

ВЪ ПРИСУТСТВІИ СВОЕМЪ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

СОИЗВОЛИЛЪ ОТДАТЬ

ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЛѢДУЮЩІЕ

ПРИКАЗЫ:

№ 12. 14 апрѣля 1860 года.

КОМАНДИРУЮТСЯ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛІЮ:

Ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гротъ* — на три мѣсяца.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Мерклинъ* — на четыре мѣсяца, сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Исправляющій должность профессора въ Демидовскомъ лицеѣ, статскій совѣтникъ *Ѳедоровъ*, и исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С. Петербургскаго университета, коллежскій ассессоръ *Андреевскій* — на четыре мѣсяца.

Ассистентъ терапевтическаго отдѣленія клиники Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ медицины *Рейгеръ* — на один годъ.

Помощникъ директора терапевтической клиники Императорскаго университета св. Владиміра, лекарь *Кржижановскій* — съ 24 апрѣля по 1 августа 1860 года.

Коллежскіе ассессоры: смотритель и главный учитель Дерптской семинаріи для образованія начальныхъ учителей

Бергъ и смотритель Гапсальскаго уѣзднаго училища *Русвурмъ* — на два мѣсяца, сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Учитель рисованія въ Императорскомъ университетѣ св. Владиміра, титулярный совѣтникъ *Васько* — на шесть мѣсяцевъ.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Директоръ департамента народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Ребиндеръ* — по болѣзни, на четыре мѣсяца.

Исправляющій должность попечителя Одесскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Могилянскій* — по болѣзни, на три мѣсяца.

Старшій учитель Рижской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Эккерсъ* — на двадцать одинъ день, сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Младшій учитель второй Одесской гимназіи, надворный совѣтникъ *Беленъ де-Баллю* — на двадцать восемь дней.

Почетный смотритель Боровскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Соколовъ* и ассистентъ хирургическаго отдѣленія факультетской клиники Императорскаго Московскаго университета *Мокѣевъ* — на четыре мѣсяца.

Почетный смотритель училищъ Россіенскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ графъ *Чапскій*—по болѣзни, на четыре мѣсяца.

Исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета *Пѣховскій* — на 28 дней, сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Преподаватель Императорскаго С. Петербургскаго университета *Будзинскій* и учитель Либавскаго высшаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Маттей* — на двадцать девять дней, сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Старшій учитель третьей С. Петербургской гимназіи *Грефе* и надзиратель за приходящими учениками второй Московской гимназіи, коллежскій секретарь *Бѣлопольскій* — на лѣтнее вакаціонное время.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Михальскій* — по болѣзни, на шесть мѣсяцевъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА ЗА ГРАНИЦЕЮ:

Почетному смотрителю Тираспольскаго уѣзднаго училища, коллежскому ассессору князю *Аргутинскому-Долгорукову*— по болѣзни, до конца текущаго года.

№ 13. 17 апрѣля 1860 года.

ПРОИЗВОДИТСЯ ИЗЪ ТАЙНЫХЪ ВЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ТАЙНЫЕ СОВѢТНИКИ:

Попечитель Дерптскаго учебнаго округа, сенаторъ *фонъ-Брадке*, съ оставленіемъ въ должности попечителя и въ званіи сенатора.

№ 14. 18 апрѣля 1860 года.

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Изъ отставныхъ, коллежскій ассессоръ *Брянчаниновъ* — почетнымъ попечителемъ Вологодской гимназіи, по выборамъ, на трехлѣтіе.

КОМАНДИРУЮТСЯ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛІЮ:

Ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гамель*, вице-директоръ главной Николаевской астрономической обсерваторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Струве* и адъюнктъ-астрономъ сей обсерваторіи *Виннеке* — за границу, первый на одинъ годъ, второй на четыре мѣсяца, а послѣдній на три мѣсяца, и ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дорнъ* — въ Закавказскій край, на десять мѣсяцевъ.

№ 15. 29 апрѣля 1860 года.

КОМАНДИРУЕТСЯ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛІЮ:

Директоръ Дерптскаго ветеринарнаго училища, статскій совѣтникъ *Унтербергеръ* — на семь недѣль, сверхъ лѣтнихъ вакацій.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Старшій цензоръ комитета цензуры иностранной, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Роде* и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Тучковъ* — оба по болѣзни, на четыре мѣсяца.

Исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Ратлефъ* — на двадцать девять дней, сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій ассессоръ *Ширренъ* — на семнадцать дней, сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Старшій учитель первой С. Петербургской гимназіи, надворный совѣтникъ *Пискаревъ*, лекторъ Императорскаго С. Петербургскаго университета, коллежскій ассессоръ *Мейеръ* и старшій учитель второй С. Петербургской гимназіи, состоящій въ IX классѣ *Бычковъ* — всѣ трое на двадцать восемь дней, сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Учитель наукъ Митавской гимназіи, коллежскій ассессоръ *Траутфеттеръ* — по болѣзни, на двадцать девять дней, сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Исправляющій должность старшаго учителя Тульской гимназіи *Скопинъ* — по болѣзни, на двадцать восемь дней, сверхъ лѣтнихъ вакацій.

Почетный смотритель Елисаветградскаго уѣзднаго училища, отставной поручикъ *Самофаловъ* — по болѣзни, на шесть мѣсяцевъ.

Лекторъ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Пеге-де-Корваль* и почетный смотритель Сергачскаго уѣзднаго училища, коллежскій регистраторъ графъ *Толстой* — на четыре мѣсяца.

Учитель училища при Евангелическо-Лютеранской церкви св. Анны въ С. Петербургѣ, докторъ философіи *Фохтъ* — на лѣтнее вакаціонное время.

Почетный попечитель Новгородсѣверской гимназіи, титулярный совѣтникъ *Васильчиковъ* — на четыре мѣсяца.

Увольняется отъ службы по прошенію:

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковалевскій* — съ мундиромъ, по положенію.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА АПРѢЛЬ 1860 ГОДА.

5. (18 апрѣля) *О дозволеніи имѣть при пансіонѣ Тверской гимназіи шесть комнатныхъ надзирателей.*

Согласно представленію исправляющаго должность попечителя Московскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ имѣть при благородномъ пансіонѣ Тверской гимназіи шесть комнатныхъ надзирателей.

ПРИКАЗЫ

МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:

№ 9. 13 апрѣля 1860 года.

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Служащій въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, магистръ гражданскаго права *Энгельманъ* — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета по каѳедрѣ Русскаго права.

Хвалынскій городовой врачъ, лекарь *Шоръ* — врачемъ при Хвалынскомъ уѣздномъ училищѣ, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

ПЕРЕВОДИТСЯ:

Канцелярскій чиновникъ С. Петербургской таможни, коллежскій секретарь *Лагузенъ* — въ канцелярію главнаго упра-

вленія цензуры канцелярскимъ чиновникомъ, съ 1 апрѣля сего года.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНІЮ:

Почетный смотритель Елатомскаго уѣзднаго училища, отставной прапорщикъ *Мосоловъ.*

Указомъ правительствующаго сената 3 марта 1860 г. № 54.

Бывшій почетный смотритель Чухломскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ Константинъ *Дмитріевъ* — произведенъ въ коллежскіе ассессоры, въ отставку.

По сему предписывается сдѣлать распоряженіе согласно 584 и слѣд. ст. III тома Св. Зак. *Уст. о служ. по опред. отъ прав.* (изд. 1857 г.).

№ 10. 21 апрѣля 1860 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Изъ отставныхъ, статскіе совѣтники *Гавриленко* и *Варнекъ.*

ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:

Преподаватели Императорской и Царской Варшавской медико-хирургической академіи: коллежскій совѣтникъ *Вернеръ* — ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ фармаціи, магистръ *Лѣсинскій* и коллежскій совѣтникъ *Александровичъ* — исправляющими должности ординарныхъ профессоровъ по каѳедрамъ: первый — химіи, а послѣдній — ботаники и минералогіи, съ оставленіемъ всѣхъ ихъ при занимаемыхъ нынѣ должностяхъ и званіяхъ, но съ увольненіемъ только *Александровича* отъ должности старшаго учителя въ Варшавской реальной гимназіи.

Старшій учитель Варшавскаго благороднаго института и временный преподаватель Варшавской Императорской и Царской медико-хирургической академіи, коллежскій совѣтникъ *Пржистанскій* — директоромъ института сельскаго хо-

зяйства и лѣсоводства въ Маримонтѣ, съ увольненіемъ отъ настоящихъ должностей.

Кандидатъ Императорскаго университета св. Владиміра *Горватъ* — почетнымъ смотрителемъ училищъ Мозырскаго уѣзда.

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ общей патологіи и патологической анатоміи въ Императорской и Царской Варшавской медико-хирургической академіи, докторъ медицины *Вислоцкій* — ординарнымъ профессоромъ по той-же каѳедрѣ.

ПЕРЕВОДИТСЯ:

Почетный смотритель Нижнеломовскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Городецкій* — къ таковой-же должности въ Волжское уѣздное училище.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНІЯМЪ:

Директоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Маримонтѣ, статскій совѣтникъ *Здзитовецкій*.

Почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Трубчевскаго — коллежскій совѣтникъ *Подлиневъ*, Ржевскаго — надворный совѣтникъ *Квашнинъ-Самаринъ*, Екатеринбургскаго — коллежскій секретарь *Петровъ* и Таганрогскаго — надворный совѣтникъ *Міоковичъ*, — послѣдній съ мундиромъ, присвоеннымъ сей должности.

Почетный смотритель училищъ Мозырскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ *Кеневичъ*.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

О ГРАНИЦѢ

МЕЖДУ ПОЛЯРНО-ЕВРОПЕЙСКОЮ И СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКОЮ ФАУНАМИ

ВЪ РОССІИ.

Quid potui feci; faciant meliora potentes.

Западная Европа дѣлится на три зоологическія области: полярно-Европейскую, средне-Европейскую и южно-Европейскую. Къ полярно-Европейской зоологической области принадлежитъ Скандинавскій полуостровъ, исключая южной своей части; средне-Европейская зоологическая область обнимаетъ всю среднюю Европу и ограничивается съ сѣвера Атлантическимъ океаномъ, Нѣмецкимъ и Балтійскимъ морями, съ юга—Пиренеями, Альпами и Балканами; къ южно-Европейской зоологической области принадлежатъ южно-Европейскіе полуострова: Пиренейскій, Аппеннинскій и Балканскій; сюда-же должно отнести и Крымъ.

Границы между этими областями въ западной Европѣ довольно рѣзки, а потому разграниченіе самыхъ областей не представляетъ особенныхъ трудностнй. Но не такъ легко отдѣлить эти области въ Европейской Россіи, составляющей восточное продолженіе Европы; здѣсь представляется намъ совершенно противоположное явленіе, а именно *смѣшеніе фаунъ между собою на большихъ пространствахъ.*

Смѣшеніе это въ Европейской Россіи, главнымъ образомъ, происходитъ отъ однообразнаго физическаго устройства этой страны и отъ недостатка рѣзкихъ границъ. И дѣйствительно, Европейская Россія представляетъ собою огромную, почти плоскую поверхность съ небольшими покатостями къ Бѣлому, Балтійскому, Черному и Каспійскому морямъ. Климатъ ея континентальный, тоже довольно однообразный. Исключая юго-восточной своей части, она всюду одинаково-обильно орошена рѣками. По ней не проходятъ большія горныя цѣпи, ее не раздѣляютъ широкіе морскіе проливы. Слѣдствіемъ всего этого и является однообразіе и смѣшеніе ботаническихъ и зоологическихъ областей: растенія находятъ здѣсь почти всюду одинаковыя условія для своей жизни; точно также и животныя могутъ свободно переходить и перелетать почти изъ одного конца въ другой по этой огромной равнинѣ, не встрѣчая никакихъ препятствій и, если не всюду находятъ благопріятную обстановку, то средства существованія находятъ почти вездѣ.

Здѣсь заключается причина того замѣчательнаго факта въ зоологической и ботанической географіяхъ, что полярныя животныя и растенія сѣверной Россіи, спускаясь на южную границу своей области, встрѣчаются съ животными и растеніями Черноморскаго и Каспійскаго прибрежій; на небольшомъ пространствѣ въ Оренбургской губерніи растутъ вмѣстѣ Linnaea borealis и Amygdalus nana, кочуютъ Cervus tarandus и Camelus bactrianus; въ Виленской губерніи Cassandra calyculata встрѣчается съ Hedera helix; въ Могилевской губерніи южно-Европейскія растенія: Coronilla varia, Dianthus Carthusianorum, Viscum album растутъ вмѣстѣ съ Betula nana, Cassandra calyculata, Arctostaphylos uva ursi, Andromeda polifolia; на одномъ мѣстѣ, въ этой губерніи, я находилъ и Dytilus laevis и Gryllus migratorius. И такихъ примѣровъ можно привести много.

Кромѣ климатическихъ причинъ, разграниченіе зоологическихъ и ботаническихъ областей въ Европейской Россіи за-

трудняется еще отъ неточности зоологическо-и ботаническо-географическихъ данныхъ и безъ того весьма малочисленныхъ. Это произошло оттого, что ученые натуралисты наши, особенно начала нынѣшняго столѣтія, руководились болѣе теоретическими соображеніями и не всегда повѣряли ихъ на опытѣ. Такимъ образомъ въ С. Петербургской флорѣ Соболевскаго помѣщены виды растеній, которыхъ вовсе тамъ нѣтъ; но онъ причислилъ ихъ къ С. Петербургской флорѣ потому только, что, по его соображеніямъ, они могли произрастать около Петербурга. Такимъ-же точно образомъ Цедергіельмъ въ своемъ «Prodromus» причислилъ къ С. Петербургской фаунѣ: Copris lunaris, Carabus auratus, Calosoma sycophanta и причислилъ, вѣроятно, по той-же причинѣ, какъ и Соболевскій, нѣкоторыя небывалыя растенія. Насѣкомыя эти довольно обыкновенны въ западной Европѣ, почему-бы имъ и не быть около Петербурга? а между-тѣмъ ихъ нѣтъ даже и вблизи Петербурга.

Есть и еще одно обстоятельство, пораждающее неточность зоологическо-географическихъ данныхъ: это слабость естествоиспытателей сѣверныхъ странъ къ южнымъ формамъ животныхъ, вслѣдствіе чего и выходятъ большія или меньшія натяжки, а иногда и просто невѣрности. Между-тѣмъ, съ теченіемъ времени, сомнительные факты цитируются въ другихъ сочиненіяхъ, входятъ окончательно въ науку и опровергнуть ихъ—есть уже трудъ. Для такихъ фактовъ у ученыхъ есть даже и оффиціальная оговорка; если кто самъ не видѣлъ, напримѣръ, какого-нибудь животнаго, или растенія, а ему хочется непремѣнно помѣстить ихъ въ фауну или флору какого-либо мѣста, то стоитъ только прибавить: «мнѣ говорили, что оно было поймано тамъ-то и тамъ-то» или: «Г. N. мнѣ сообщилъ, что онъ видѣлъ живые экземпляры этого растенія» и дѣло съ концемъ! Но естествознаніе основывается только на прямомъ опытѣ, и потому вѣрнѣе всего говорить и писать только о томъ, что кто-нибудь видѣлъ и наблюдалъ самъ, а всѣ эти: «мнѣ говори-

ли», «мнѣ сказывали», «я слышалъ» слѣдуетъ исключить изъ науки; тогда-бы данныя зоологической и ботанической географій, добытыя опытомъ, а не теоретическими соображеніями, или натяжками, были точны и вѣрны, исчезли-бы вопросительные знаки, слѣдующіе теперь чуть не послѣ каждаго факта, и какъ легко было-бы дѣлать выводы изъ несомнѣнныхъ данныхъ!

Смѣшеніе флоръ и фаунъ на большихъ пространствахъ, недостатокъ, а иногда и неточность фактовъ породили даже мнѣніе, что между полярною и средне-Европейскою зоологическими областями въ Европейской Россіи нѣтъ настоящей границы, что граница эта чисто-идеальная.

Въ настоящей статьѣ мы не имѣемъ претензіи рѣшить этотъ трудный вопросъ; но, сообщая нѣсколько данныхъ изъ зоологической и ботанической географіи Европейской Россіи, будемъ считать себя вполнѣ счастливыми, если они хотя сколько-нибудь послужатъ къ его разъясненію.

Средне-Европейская фауна, окруженная столь рѣзкими границами въ западной Европѣ, переходя и распространяясь по обширной и однообразной плоскости Европейской Россіи, незамѣтно сливается на югѣ ея съ южно-Европейскою фауною; предѣломъ ея здѣсь служатъ: Бессарабія, Новороссійскій край и сѣверная черта Ставропольской губерніи. На востокѣ она доходитъ до Уральскихъ предгорій и Общаго сырта и, наконецъ, на сѣверѣ сходится съ полярно-Европейскою фауною; здѣсь границею ея, по нашему мнѣнію, служатъ: теченіе западной Двины отъ Риги до Витебска, Валдайская плоская возвышенность и Шемаховскія горы или Урало-Алаунская гряда. На всемъ этомъ протяженіи пограничная линія между двумя фаунами идетъ широкою лентою, градуса въ 2, иногда даже въ 3 и 4; причину такой неопредѣленности мы объяснили выше. Въ сѣверовосточномъ углу она доходитъ только до впаденія Вятки въ Каму. Къ сѣверу отъ этой границы поверхность постепенно понижается до береговъ Бѣлаго моря и Ледовитаго-

океана; на этомъ склонѣ, расположенномъ въ сѣверныхъ широтахъ и открытомъ дѣйствію сѣверныхъ, холодныхъ вѣтровъ,— полярная флора и полярная фауна. Къ югу отъ этой границы поверхность постепенно понижается до береговъ Чернаго и Каспійскаго морей; на этомъ склонѣ, расположенномъ въ среднихъ широтахъ и заслоненномъ хотя нѣсколько невысокими холмами отъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ,—средне-Европейская флора и средне-Европейская фауна. Средне-Европейская фауна, заключенная, въ Европейской Россіи, въ показанныхъ нами границахъ, удерживаетъ свой общій характеръ; но чѣмъ далѣе будемъ мы подвигаться на востокъ, тѣмъ рѣже и рѣже становятся средне-Европейскія животныя; многія изъ нихъ исчезаютъ вовсе, не замѣняясь никакими ни викарными, ни особенными типическими формами. Исчезновеніе однѣхъ формъ и преобладаніе на счетъ ихъ остальныхъ сообщаетъ всей фаунѣ характеръ какой-то монотонности и однообразія, чѣмъ всегда, впрочемъ, отличаются фауны равнинъ.

Но не одна средне-Европейская фауна подверглась измѣненію на почвѣ Европейской Россіи: измѣнилась и средне-Европейская флора, заключенная съ нею въ одинакихъ предѣлахъ. Такой фактъ весьма важенъ, потому-что измѣненія флоры какой-нибудь страны отражаются и на фаунѣ той-же страны; поэтому мы нѣсколько ближе познакомимся съ характеромъ растительности средне-Европейской Россіи. Въ флорѣ средней Россіи, кромѣ средне-Европейскихъ растительныхъ формъ, мы замѣчаемъ еще наплывъ полярныхъ растеній; низменности и болота болѣе всего переполнены такими растеніями. Но полярныя растенія, перешедши за показанную нами границу полярно-Европейскихъ флоры и фауны, перешли одни; животныя, ими питавшіяся, остались въ предѣлахъ полярной зоологической области; животнымъ средне-Европейской фауны растенія эти тоже не могутъ служить пищею; и потому ничего не можетъ быть пустыннѣе мѣстъ, заросшихъ такими растеніями. Обык-

новенно они растутъ островами на моховыхъ болотахъ; въ центрѣ болота высятся небольшіе кустики Cassandra calyculata, ближе къ окружности его моховыя кочки устланы стеблями Vaccinium Oxycoccos и Andromeda polifolia; по окраинамъ растутъ: Vaccinium uliginosum, Ledum palustre; на мокринахъ и канавахъ болотныхъ—Calla palustris и Menyanthes trifoliata; по берегамъ болота купами разрастаются разнородныя Carices и все это окружено сплошнымъ заборомъ ивъ (Salices). Ни зимою, ни лѣтомъ не найдетъ тутъ зоологъ никакой поживы; постоянное безмолвіе царствуетъ въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ; даже земноводныя не проникаютъ въ средину этихъ болотъ, тянущихся на цѣлыя версты, и тѣ держатся только по окраинамъ. Здѣсь живетъ и гнѣздится только снѣжная куропатка (Lagopus albus); но и та недалеко переходитъ за границу полярной зоологической области; сколько мнѣ извѣстно, она въ Могилевской губерніи считается уже рѣдкостью. Такія болота тянутся сплошь и на большихъ протяженіяхъ чрезъ Новгородскую, Псковскую и Витебскую губерніи и близъ г. Лепеля соединяются съ болотами Полѣсья въ Минской губерніи. По такимъ болотамъ и окраинамъ ихъ многія полярныя растенія спускаются далеко за предѣлы полярной флоры. Такъ въ Могилевской губерніи я находилъ Cassandra calyculata, Andromeda polifolia, Pedicularis sceptrum carolinum; впрочемъ, два послѣднія растенія растутъ даже и въ Волынской губерніи. Изъ другихъ-же, не болотныхъ, полярныхъ растеній замѣчательны своимъ широкимъ распространеніемъ на востокъ, западъ и югъ: Arctostaphylos uva ursi, Nasturtium amphybium, Silene tatarica, Silene otites, Monotropa Hypopitys, Botrychium rutaceum, Lycopodium complanatum; всѣ эти растенія произрастаютъ въ Могилевской губерніи, впрочемъ, Cassandra calyculata и Botrychium rutaceum уже чрезвычайно рѣдко. Изъ полярныхъ деревъ Abies sibirica растетъ еще въ Европейской Россіи, но доходитъ только до границы полярной и средне-

Европейской флоръ; самое южное ея мѣстонахожденіе въ Европейской Россіи—Макарьевскій уѣздъ, Костромской губ., гдѣ я видѣлъ ее въ 1858 г.; замѣчательно, что до этой-же только широты спускается и сѣверный олень (cervus tarandus), рога котораго мнѣ приносили крестьяне. Въ Могилевскую губернію доходятъ только два полярныя дерева: Juniperus communis и Betula nana. Juniperus communis въ Могилевской губерніи встрѣчается уже довольно рѣдко и изъ кустарника дѣлается древовиднымъ растеніемъ; мнѣ извѣстны экземпляры, вышиною сажени въ четыре и болѣе полуаршина въ діаматрѣ, на разстояніи 2 аршинъ отъ корня. У Ваги, въ его «Flora Polonica», показано еще одно полярное растеніе Linnaea borealis, около Августова; на такой южной широтѣ оно цвѣтетъ уже по два раза въ годъ. Въ Могилевской губерніи, до-сихъ-поръ, оно не было найдено; въ 1858 г. я находилъ его въ изобиліи на другомъ концѣ границы полярной и средне-Европейской флоръ, именно въ Кологривскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи.

Перечисленныя нами растенія въ западной Европѣ или не встрѣчаются вовсе или очень рѣдки.

Вторженіе полярныхъ формъ въ средне-Европейскую флору Россіи хотя не имѣетъ положительнаго вліянія на фауну этого пространства, потому-что, какъ мы видѣли, полярныя животныя не перешли вмѣстѣ съ полярными растеніями; но тѣмъ не менѣе отрицательное вліяніе ея очень замѣтно: мѣста, заросшія полярными формами растеній, пусты, безжизненны; такія мѣста парализируютъ развитіе средне-Европейскихъ животныхъ, не представляя имъ ни удобнаго жилища, ни пищи.

Съ другой стороны, не всѣ средне-Европейскія растенія доходятъ до показанной нами границы; да и тѣ, которыя доходятъ до нея, достигаютъ здѣсь крайнихъ предѣловъ своего распространенія къ сѣверу и приносятъ съ собою весьма малое количество средне-Европейскихъ животныхъ. Это особенно замѣтно на дубѣ: изъ насѣкомыхъ, напримѣръ, питающихся

корою, листьями, или древесиною дуба у насъ, въ Могилевской губерніи, едва-ли найдется и половина; а типическихъ формъ, какъ Lucanus cervus, cerambyx heros, различныхъ Buprestidae и вовсе не попадается. Собственно-же типическія средне-Европейскія растенія рѣдко и доходятъ до этой границы. Напримѣръ, для Dianthus Carthusianorum, Coronilla varia — бобоваго растенія съ колѣнчатымъ стручкомъ, Arnica montana—Могилевская губернія служитъ уже границею наибольшаго распространенія къ сѣверу; а далѣе къ востоку сѣверная граница ихъ, по Ледебуру, проходитъ чрезъ Москву, Пензу, Тамбовъ и Казань; замѣчательно, что ни одно изъ этихъ трехъ растеній не переходитъ черезъ Уральскую границу.

Нѣкоторыя растенія средне-Европейской флоры, постоянно подвигающіяся на востокъ и весьма легко акклиматизирующіяся, перешли черезъ Уральскія горы и растутъ теперь уже въ южной Сибири; но и они переходятъ чрезъ сѣверную границу средне-Европейской флоры. Изъ нихъ особенно замѣчательны два: Oenothera biennis и Erigeron Canadensis; крайняя черта восточнаго распространенія Oenotherae—Уральская Сибирь, а Erigeron canadensis перешелъ черезъ Уральскія горы и растетъ при подошвѣ Алатау. Datura stramonium, переселившееся къ намъ съ востока, произрастая въ Байкальской, Алтайской и Уральской Сибири и перейдя далѣе на западъ, тоже не перешелъ чрезъ сѣверную границу средне-Европейской флоры, но приблизился къ ней болѣе другихъ средне-Европейскихъ растеній: его находили, напримѣръ, въ Нижнемъ Новгородѣ, Вяткѣ; въ Могилевской флорѣ дурманъ очень обыкновенное растеніе, между-тѣмъ въ Петербургѣ его нѣтъ; любопытно было-бы знать, гдѣ проходитъ граница его сѣвернаго распространенія.

Чрезъ сѣверную границу средне-Европейской флоры въ Россіи переходятъ только нѣкоторыя паразитныя растенія западной Европы, напр. Monotropa hypopitys и Lathraea squam-

maria; но это исключеніе только видимое; паразитными растеніями легче всего доказать рѣдкость и недостатокъ типическихъ растеній средне-Европейской флоры въ нашихъ странахъ. Обратимъ особенное вниманіе на три замѣчательныя чужеядныя растенія: Viscum album, Loranthus europaeus и Hedera helix.

Омёла—Viscum album, очень обыкновенное растеніе во всей южной и средней Европѣ, произрастающее тамъ отъ Этны до южной оконечности Швеціи; оно встрѣчается тамъ не только въ лѣсахъ, но заходитъ въ сады. Внѣдряясь сначала въ кору, а потомъ и въ древесину деревьевъ, разрастается оно на нихъ большими, вѣчно-зеленѣющими кустами; цвѣтетъ въ февралѣ, а бѣлыя ягоды его поспѣваютъ зимою, около ноября; трудно отыскать дерево, на которомъ не могъ-бы расти этотъ живучій и приживчивый паразитъ въ западной Европѣ; на виноградныхъ лозахъ, яблоняхъ, грушахъ, боярышникѣ, букѣ, дубѣ, вязѣ, ясени, рябинѣ, липѣ, тополѣ, ивѣ и хвойныхъ деревьяхъ, всюду зеленѣютъ его шаровидные кусты. У насъ-же, въ Европейской Россіи, это растеніе далеко не доходитъ до сѣверной границы средне-Европейской растительности. Находили его около Варшавы, въ Волынской губерніи, около Москвы и на Исети; въ настоящемъ году привезли мнѣ два экземпляра съ плодами изъ Рогачевскаго уѣзда Могилевской губерніи. Но вездѣ, у насъ, растеніе это составляетъ большую рѣдкость и замѣчательно сократило свой космополитизмъ; болѣе всего попадается на клёнѣ, иногда на липѣ, осинѣ, ольхѣ; по показанію Юндзилла, въ Литвѣ находятъ его на березахъ. Но на осинѣ, ольхѣ и березѣ въ западной Европѣ, своемъ настоящемъ отечествѣ, омёла не растетъ; значитъ эти три дерева представляютъ для нея самое невыгодное мѣсто прикрѣпленія; а между-тѣмъ именно эти три дерева и составляютъ главную массу нашихъ лиственныхъ лѣсовъ. Что осина, ольха и береза не доставляютъ омёлѣ выгодныхъ условій существованія, это дока-

зываетъ и тотъ фактъ, что цвѣтущіе и плодоносные кусты омёлы у насъ бываютъ, почти всегда, только на клёнѣ; на осинѣ-же, березѣ и ольхѣ кусты ея или вовсе не цвѣтутъ, или цвѣтутъ очень поздно.

Loranthus europaeus,—Ремнецвѣтникъ Европейскій, по внѣшнему виду походитъ на омёлу, и въ западной Европѣ, напримѣръ въ Венгріи, Австріи не составляетъ рѣдкости; тамъ онъ растетъ на дубахъ. У насъ его находили только по берегамъ Урала, на ивахъ. Исчезновеніе растенія на такомъ огромномъ пространствѣ, какъ вся южно-Европейская Россія, и появленіе его на Уралѣ рѣшительно не объяснимо; потому мы склоняемся болѣе къ мнѣнію профессора Горскаго, что Loranthus europaeus у насъ растетъ, но его принимаютъ за Viscum album; по мнѣнію того-же ученаго, въ нашихъ странахъ Viscum album никогда не растетъ на дубахъ; но на верхушкахъ большихъ дубовъ часто видятъ паразита, похожаго на омёлу. Во всякомъ случаѣ, фактъ этотъ требуетъ серьезнаго разъясненія со стороны науки.

Плющъ—Hedera helix, столь обыкновенное растеніе средне-Европейской флоры, цѣпляющееся по развалинамъ, древеснымъ пнямъ, крутымъ обрывамъ, у насъ является самымъ рѣдкимъ гостемъ. Крайніе пункты его нахожденія: нѣкоторые густѣйшіе лѣса Курляндіи, одно мѣсто въ темной пущѣ около Щучина—и только; да и въ этихъ мѣстахъ онъ является въ самомъ жалкомъ видѣ: почти до половины вымерзаетъ зимой, а потому никогда не цвѣтетъ и не приноситъ плодовъ. Интересно было бы прослѣдить мѣстонахожденія плюща далѣе къ юго-востоку, до предѣловъ Кавказа, гдѣ онъ не составляетъ уже рѣдкости.

Слѣдовательно, эти три типическіе паразита средне-Европейской флоры не только не доходятъ до показанной нами сѣверной границы этой флоры въ Россіи, но на всемъ ея пространствѣ составляютъ страшную рѣдкость.

Далѣе слѣдуетъ цѣлое семейство заразихъ—Orobanchaceae; въ Германской флорѣ ихъ насчитываютъ 22 вида, въ Русской 44; но посмотримъ, сколько-же изъ нихъ придется на долю средне-Европейской флоры въ Россіи.

Тринадцать видовъ Phelipeae свойственны или Кавказу, или Сибири; 20 видовъ Orobanche тоже исключительно Кавказскіе или Сибирскіе; Boschniakia—Сибирское и Anoplantus—Кавказское растенія; итого 35 видовъ Orobanchaceae не принадлежатъ нашей флорѣ. Остается 9 видовъ; но и изъ нихъ 7 видовъ Orobanche растутъ болѣе въ южной Россіи, а на область средне-Русской флоры приходятся только 2 вида: Orobanche Lybanotidis, растущая при корняхъ Pimpinellae saxifragae, да Lathraea squammaria. Но и Orobanche Lybanotidis до-сихъ-поръ, напримѣръ, никѣмъ еще не была найдена даже въ предѣлахъ Могилевской губерніи. Одна Lathraea squammaria переходитъ сѣверную границу средне-Европейской флоры и доходитъ даже до Петербурга; предѣлъ ея восточнаго распространенія составляетъ Уральская Сибирь и это понятно, потому-что для каждаго паразита, кромѣ соотвѣтственныхъ климатическихъ условій, необходимо еще растеніе, соками котораго онъ непосредственно питается, или при корняхъ котораго онъ растетъ и питается насчетъ сгнившей листвы этого-же растенія. Для Lathraea spuammaria такое благодѣтельное растеніе есть орѣшникъ — Corylus avellana. Въ Сибири нѣтъ орѣшника, нѣтъ и Lathrae. Замѣчательно, что по берегамъ Аргуни есть разновидность орѣшника—Corylus daurica; интересно-бы было изслѣдовать, есть-ли тамъ Lathraea squammaria, или не замѣнилась-ли она какою-нибудь викарною формою.

Изъ этого отрывочнаго перечня нѣкоторыхъ растеній средне-Русской флоры мы видимъ, что она отличается отъ общей средне-Европейской флоры: во-1-хъ, рѣдкостью нѣкоторыхъ типическихъ средне-Европейскихъ растеній; во-2-хъ, совершеннымъ отсутствіемъ весьма важныхъ растительныхъ формъ,

напр. бука, каштана; въ-3-хъ, наплывомъ полярныхъ растеній, безъ полярныхъ животныхъ.

И все это отразилось на средне-Русской фаунѣ: рѣдкость, а иногда и отсутствіе многихъ средне-Европейскихъ растеній суть причины рѣдкости и исчезновенія средне-Европейскихъ животныхъ растительноядныхъ, а за ними и хищныхъ; слѣдствіемъ наплыва полярныхъ растеній безъ полярныхъ животныхъ являются мѣстности пустынныя и не населенныя животными.

При опредѣленіи границы между полярно-Европейскою и средне-Европейскою флорою въ Россіи, мы сказали уже, что типическія полярныя животныя не перешли чрезъ эту границу. И дѣйствительно, изъ полярныхъ млекопитающихъ: сѣверный олень (Cervus tarandus), въ Европейской Россіи, спускается только до Кологривскаго и иногда до Макарьевскаго уѣзда Костромской губерніи; песецъ (Canis lagopus)—до широты *Петербурга* и то только зимою; лѣтомъ онъ снова уходитъ на сѣверъ; тутъ-же южный предѣлъ мѣстообитанія горностая (Putorius erminea). За то полярныя птицы переходятъ границу своей зоологической области и даже гнѣздятся въ средней Россіи. Такъ Tetrao urogallus — глухарь очень обыкновененъ въ Могилевской губерніи; мы заносимъ этотъ пунктъ его мѣстообитанія, потому-что въ южной Россіи его нѣтъ; по Сѣверцову, онъ уже вовсе не попадается въ Воронежской губерніи и видѣнъ былъ тамъ только одинъ разъ. Въ Могилевской губерніи попадается, хотя и очень рѣдко, настоящій обитатель приполюсныхъ странъ—снѣжный тетеревъ—Lagopus albus (по мѣстному названію пардва). Въ густыхъ лѣсахъ той-же губерніи круглый годъ живутъ сойки — corvus glandarius, до половины августа поодиначкѣ, а потомъ летаютъ уже стадами; съ половины іюля встрѣчалъ я каждый годъ въ смѣшанныхъ лѣсахъ орѣховокъ—Nucifraga caryocatactes, и та, и другая—обитатель-

ницы сѣвера; сойка, кажется, и выводитъ дѣтей въ Могилевской губерніи.

Потомъ слѣдуютъ Воробьиныя птицы полярно-Европейской фауны, которыя перелетаютъ черезъ границу полярной зоологической области только зимою; онѣ появляются у насъ, въ Могилевской губерніи въ ноябрѣ, а февралѣ улетаютъ опять на сѣверъ. Двѣ изъ нихъ: снигирь (Pyrrhula vulgaris) и пупочка (Plectrophanes nivalis) являются каждый годъ; свиристель (Bombycilla garrula) изъ трехъ или четырехъ зимъ въ одну не является вовсе; осенью онъ объѣдаетъ рябиновыя ягоды.

Полярныя насѣкомыя, можетъ быть, и въ большомъ числѣ переходятъ за положенную нами границу, но ³/₄ моего энтомологическаго собранія, по не достатку книгъ, остаются неопредѣленными и потому я не могу здѣсь сказать рѣшительнаго мнѣнія. Знаю только, что, во всѣ мои семилѣтнія экскурсіи, мнѣ не удалось найти Boraeus hiemalis около Могилева и что Carabicina, въ-особенности мелкія, попадаются у насъ, сравнительно, въ меньшемъ числѣ, чѣмъ напр. въ Петербургѣ. Въ 1857 году мнѣ удалось, впрочемъ, найти одно характеристическое полярное насѣкомое—Dytilus laevis; много разъ я обыскивалъ потомъ окрестности этого мѣста, но не нашелъ больше ни одного экземпляра; можно, приблизительно, положить здѣсь границу южнаго распространенія этого насѣкомаго.

Вотъ тѣ скудные факты, которые мнѣ удалось собрать объ обитателяхъ полярной фауны, живущихъ на границахъ полярной и средне-Европейской фаунъ въ Россіи.

Посмотримъ теперь, какія средне-Европейскія животныя доходятъ до этой границы, и какія, перейдя чрезъ нее, поселились въ полярной зоологической области.

Изъ птицъ: бѣлый аистъ (Ciconia alba) еще гнѣздится и выводитъ дѣтей въ Могилевской губерніи, даже въ Могилев-

скомъ и Оршанскомъ уѣздахъ; разъ, ѣдучи изъ Петербурга въ Могилевъ, я видѣлъ летающаго аиста около г. Опочки, въ Псковской губ.; любопытно было-бы знать, гнѣздится-ли онъ въ Витебской и Псковской губерніяхъ? если нѣтъ, то Могилевская губ. будетъ предѣломъ распространенія его къ сѣверу, и слѣдовательно эта средне-Европейская птица только доходитъ до сѣверной границы средне-Европейской фауны въ Россіи.

Зимою залетаютъ иногда въ Могилевскую губернію орлы (aquila); видъ опредѣлить трудно, потому-что мнѣ привозили только лапы; впрочемъ, они прилетаютъ очень рѣдко и въ самомъ маломъ количествѣ; живятся около птичьихъ дворовъ. Весною случайно являются на нашихъ рѣкахъ пеликаны (Pelecanus crispus); такой случай былъ въ 1857 г. и повторился въ настоящемъ 1860 году; они умираютъ обыкновенно, отъ недостатка рыбы, голодною смертью и потомъ находятъ ихъ трупы, выбрасываемые волнами. Странно, какимъ *образомъ* залетаютъ сюда эти водныя птицы; извѣстенъ тоже фактъ, что пеликанъ былъ убитъ на Переяславскомъ озерѣ, Владимірской губерніи. Значитъ, какъ далеко могутъ они отлетать отъ Чернаго и Каспійскаго морей—настоящаго своего мѣстопребыванія. Въ 1858 г. въ Быховскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, раннею весною, видѣлъ я самъ летающаго очень низко Ibis falcinellus. Наконецъ болѣе или менѣе часто залетаютъ въ Могилевскую губернію и дрофы (Otis tarda); въ Гомельскомъ уѣздѣ видятъ ихъ каждый годъ, а разъ видѣли и въ 20 верстахъ отъ Могилева. Однакожь появленіе Aquila, Pelecanus, Ibis, Otis бываетъ только годами и то болѣе, какъ явленіе случайное; изъ этого слѣдуетъ, что 4 вышеупомянутыя птицы даже въ случайныхъ странствованіяхъ своихъ рѣдко залетаютъ до сѣверной границы средне-Европейской фауны.

Изъ пресмыкающихся: Cistudo europaea, столь обыкновенная въ средней Европѣ, въ Россіи живетъ только въ юго-запад-

номъ углу средне-Европейской зоологической области. Извѣстно, что ее находили въ Брестѣ-Литовскомъ, въ Виленской губерніи, въ Воронежской; судя по этому, можно-бы думать, что она есть и въ южной части Могилевской губерніи, но досихъ-поръ никто не находилъ еще ея въ этой мѣстности; вотъ еще средне-Европейское животное, не доходящее даже и до границы полярной зоологической области.

Anguis fragilis—мѣдяница, слѣпень, довольно обыкновенная безногая ящерица; въ Могилевской губерніи ее называютъ сливнемъ; послѣ дождя я находилъ ее два раза у опушки вспаханнаго поля и, одинъ разъ, убѣгая, она проворно извергла только-что проглоченнаго ею дождеваго червя (Lumbricus terrestris); но чаще я находилъ ее между корою и древесиною старыхъ полусгнившихъ пней, источенныхъ муравьями, которыми, вѣроятно, она и кормится въ этихъ мѣстахъ; разъ я нашелъ 4 экземпляра въ одномъ пнѣ; въ Воронежской губерніи она тоже есть; далѣе къ сѣверу пункты ея нахожденія не показаны. Tropidonotus natrix — ужъ, встрѣчается около плотинъ при водяныхъ мельницахъ, во всей Могилевской губерніи; самый большой, котораго я видѣлъ, былъ $1^3/_4$ аршина длины; въ теплые солнечные дни грѣется на солнцѣ или растянувшись, или свернувшись кольцомъ. Неизвѣстно, доходитъ-ли онъ до сѣверной границы средне-Европейской зоологической области; по-крайней-мѣрѣ, кажется, въ Петербургѣ его нѣтъ.

Изъ пресмыкающихся, навѣрно, только одно заходитъ въ полярную зоологическую область — это гадюка (Pelias berus). Въ С. Петербургѣ я самъ поймалъ 2 экземпляра на верещакахъ, близъ Лѣснаго института. Очень важно было-бы знать пункты дальнѣйшаго нахожденія на сѣверѣ Anguis fragilis и Tropidonotus natrix; безъ этого нельзя сдѣлать никакого положительнаго вывода объ этихъ пресмыкающихся. Интересно также наблюдать и время весенняго просыпанія и осенняго засыпанія гадовъ; по Сѣверцову, въ Воронежской губерніи, са-

мое позднее время засыпанія гадюки 15 сентября; въ 4 верстахъ отъ Могилева, въ лѣсу, въ 1854 г. я нашелъ еще незаснувшую гадюку 12 октября: разница, значитъ, почти въ цѣломъ мѣсяцѣ.

Изъ кольчатыхъ животныхъ въ болотистыхъ водахъ Могилевской губерніи встрѣчается піявка медицинская (Hirudo medicinalis) и еслибы ее не истребляли такъ безразсудно, то она ловилась-бы еще въ большомъ количествѣ. Крестьяне продаютъ ее иногда по 3 к. с. за штуку,—и это достаточно доказываетъ, что она здѣсь не рѣдкость; сколько мнѣ извѣстно, это крайній пунктъ нахожденія піявокъ на сѣверѣ; слѣдовательно это средне-Европейское кольчатое едва доходитъ до границы полярно-Европейской фауны.

Въ 1859 г., въ іюнѣ, удалось мнѣ поймать въ-теченіе одной недѣли 20 экземпляровъ щитня (Apus cancriformis); ракообразное это считается довольно рѣдкимъ даже около Парижа и потому нахожденіе его въ Могилевской губерніи очень замѣчательно, тѣмъ болѣе, что воды средней Россіи чрезвычайно бѣдны ракообразными.

Приступая къ классу насѣкомыхъ, мы раздѣлимъ ихъ на 3 группы.

Первая группа не представляетъ особаго интереса: въ ней мы перечислимъ обыкновенныхъ Европейскихъ насѣкомыхъ, которыя и въ предѣлахъ средне-Европейской фауны въ Россіи считаются обыкновенными и попадаются въ большомъ числѣ; нѣкоторыя изъ нихъ переходятъ даже за сѣверную границу средне-Европейской зоологической области, но въ весьма не большомъ числѣ, и потому въ полярной фаунѣ всѣ они считаются рѣдкими.

Изъ жесткокрылыхъ это будутъ: Carabus violaceus, Carabus clathratus, Hydrophilus piceus, Staphylinus hirtus, Valgus hemipterus, Oryctes nasicornis, Necidalis major, Blaps mortisaga, Diaperis boleti. На нѣкоторыхъ изъ нихъ мы остановимъ

наше вниманіе. Напр. Carabus violaceus и Carabus clathratus, особенно первый, считаются большою рѣдкостью около Петербурга; у насъ-же, въ Могилевской губерніи, они попадаются весьма часто; то-же самое можно сказать и о Necidalis major и Diaperis boleti. Объ Orictes nasicornis вотъ, что говоритъ баронъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ (*):

«Г. Моравицъ сообщилъ мнѣ, что видѣлъ пойманные вблизи столицы живые экземпляры этого жука. Говорятъ также, что онъ попадался въ Царскомъ селѣ г. Марквардту».

«Единственный средне-Европейскій представитель, Dinastidae Oryctes nasicornis, рѣшительно не переноситъ, кажется, нашего климата; сколько намъ извѣстно, онъ всего только раза два былъ найденъ въ окрестностяхъ Петербурга» (**).

Слова эти доказываютъ, если не рѣшительное отсутствіе Oryctes nasicornis въ Петербургской фаунѣ, то, по-крайней-мѣрѣ, его необыкновенную рѣдкость; между-тѣмъ, въ предѣлахъ средне-Европейской фауны въ Россіи это насѣкомое весьма обыкновенно; въ Могилевѣ оно во множествѣ попадается въ самомъ городѣ; извѣстно, что оно есть напр. и въ Пензѣ.

При этомъ мы опять повторяемъ высказанную уже нами мысль, что граница между полярно-Европейскою и средне-Европейскою фаунами въ Россіи — не идеальная: она существуетъ на самомъ дѣлѣ; только при опредѣленіи ея не должно обращать большаго вниманія на полярныя растенія и полярныхъ насѣкомыхъ, потому-что главное свойство тѣхъ и другихъ — далекое распространеніе на востокъ и югъ; гораздо легче и натуральнѣе опредѣлить ее распространеніемъ типическихъ средне-Европейскихъ растеній и животныхъ на сѣверъ, потому-что послѣднія или вовсе не заходятъ въ поляр-

(*) Ж. м. н. пр. 1857 г. авг., стр. 188.
(**) Тамъ-же, іюнь, стр. 348.

ную область, а если и заходятъ, то исчезаютъ и вымираютъ, не размножаясь, и на нахожденіе ихъ тамъ можно смотрѣть, какъ на чистую случайность.

Къ этой-же группѣ принадлежатъ чешуекрылыя: Papilio Machaon, Vanessa Jo, Vanessa Cardui, Vanessa Atalanta, Colias hyale, Macroglossa bombyliformis, Smerinthus tiliae, Smerinthus ocellatus, Deilephila galii, Deilephila porcellus, Catocala fraxini, Geometra papilionaria; полужесткокрылыя: Nepa cinerea, Ranatra linearis и Cicada cornuta.

Вторая группа насѣкомыхъ заслуживаетъ особеннаго вниманія; къ ней я причисляю тѣ типическія средне-Европейскія формы, которыя никогда не заходятъ въ полярную зоологическую область и для которыхъ, если не Могилевская, то Витебская губернія составляетъ самый крайній предѣлъ распространенія къ сѣверу; нахожденіе этихъ насѣкомыхъ въ полярной зоологической области есть явленіе не только рѣдкое, но и необыкновенное.

Сюда относятся изъ жестокрылыхъ насѣкомыхъ: Cicindela germanica; найдена была мною въ 1859 г. въ 6 верстахъ отъ Могилева, на глинистомъ полѣ, между Secale cereale, Sedum telephium и Erigeron Canadense; при приближеніи къ ней не взлетаетъ, какъ другіе виды Cicindelae, а проворно убѣгаетъ и прячется за комочки глины — Sphodrus leucophthalmus; въ 1857 и 1858 годахъ найдено 6 экземпляровъ: 2 въ погребѣ, 3 на дворѣ, подъ бревнами, и 1 за обоями, гдѣ личинка его, вѣроятно, питалась личинками Tenebrionis molitoris; въ Петербургѣ его находили въ подвалахъ и пекарняхъ; но на свободѣ, сколько мнѣ извѣстно, еще не находили. Procustes coriaceus; съ 1854 по 1860 г. найдено всего 3 экземпляра; изъ нихъ 2 полусгнившихъ были выброшены волнами на берегъ, а живой пойманъ былъ только одинъ. Это была самка; она жила въ банкѣ 2 мѣсяца, но не ѣла помѣщенныхъ съ нею кузнечиковъ и таракановъ и умерла, не снесши яичекъ. По каталогу барона

фонъ-деръ-Остенъ-Сакена, P. coriaceus числится насѣкомымъ С. Петербургской фауны; но въ 40 лѣтъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ найдено всего 2 экземпляра и уцѣлѣвшія надкрылія отъ третьяго. Послѣдвій живой экземпляръ пойманъ въ 1827 г., т.-е. 30 лѣтъ тому назадъ. Принимая въ разсчетъ такую рѣдкость нахожденія этого насѣкомаго, мы не сдѣлаемъ большой натяжки, если скажемъ, что оно не переходитъ положенной границы средне-Европейской фауны.

Omophron limbatum; въ 1859 г. найденъ близъ Могилева, на вязкомъ, тинистомъ берегу Днѣпра, между Limosella aquatica, Ranunculus sceleratus, Bidens cernua и Cyperus fuscus; постояннымъ его спутникомъ въ этихъ мѣстахъ былъ Chlaenius nigricornis; поймано, впрочемъ, всего 2 экземпляра.

Calosoma inquisitor; довольно рѣдко попадается во всей Могилевской губерніи, ползаетъ по плодовымъ деревьямъ, старымъ заборамъ, гдѣ отыскиваетъ гусеницъ.

Phanaeus emarginatus, встрѣчается въ навозѣ; довольно часто, обыкновенно вмѣстѣ съ различными видами Aphodius или иногда съ Geotrupes stercorarius, но съ послѣднимъ попадается гораздо рѣже, можетъ быть, потому, что G. stercorarius копается болѣе въ навозѣ, лежащемъ на песчаномъ грунтѣ.

Onthophagus taurus; въ 1857 г. найденъ мною въ Быховскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, всего 4 экземпляра. Около Могилева его нѣтъ.

Cetonia fastuosa; въ 1857 г. найдена въ Быховскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, раннею весною, на завалинѣ около деревяннаго сарая; всего одинъ экземпляръ, и съ-тѣхъ-поръ болѣе не попадалась.

Lucanus cervus. Объ этомъ насѣкомомъ въ перечнѣ насѣкомыхъ барона фонъ-деръ-Остенъ-Сакена сказано вотъ что: «Говорятъ, что у насъ водится Lucanus cervus (Туръ). Мнѣ сказывали, что онъ былъ найденъ на Елагиномъ острову. Слѣдовало-бы искать его въ іюлѣ и

августѣ, въ окрестностяхъ Лисьяго Носа, гдѣ много дубовъ. Но мы можемъ положительно сказать, что Lucanus cervus въ Петербургской фаунѣ нѣтъ; нечего его и искать. Его даже нѣтъ въ сѣверной части Могилевской губерніи, а начинаетъ онъ попадаться, и то, какъ рѣдкость, въ Рогачевскомъ уѣздѣ этой губерніи, въ которомъ, въ старомъ дубовомъ пнѣ, найдена была его голова съ челюстями; живаго-же экземпляра, при всѣхъ моихъ усиліяхъ, я до-сихъ-поръ не находилъ; не находили его и мои молодые сотрудники по энтомологіи—ученики Могилевской гимназіи, при поискахъ своихъ во время лѣтнихъ вакацій; трудно предположить, чтобы такое замѣтное насѣкомое могло укрыться отъ многихъ наблюдателей въ-теченіе 6 лѣтъ. Немного далѣе къ юго-западу, а именно въ южныхъ уѣздахъ Минской губерніи, Lucanus cervus иногда попадается; оттуда и я имѣю одинъ экземпляръ этого насѣкомаго. И притомъ невозможно, чтобы Lucanus cervus водился въ Петербургѣ, когда тамъ и Oryctes nasicornis нѣтъ; въ Могилевѣ, гдѣ Oryctes nasicornis представляетъ самое обыкновенное насѣкомое, и то, Lucanus cervus еще не водится. Очевидно, что Lucanus cervus, какъ болѣе южное насѣкомое, будетъ имѣть и границу распространенія на сѣверъ южнѣе Oryctes nasicornis. Далѣе, въ Могилевской фаунѣ есть викарная форма Lucanus cervus—Platycerus parallelepipedus; онъ у насъ очень обыкновененъ: почти вдвое меньше Lucanus cervus, чернаго цвѣта, онъ далеко не такъ красивъ, какъ настоящій Туръ. Между-тѣмъ, даже и Platycerus parallelepipedus еще не былъ найденъ до-сихъ-поръ въ Петербургѣ: какимъ-же образомъ попалъ-бы туда Lucanus cervus? Да и вообще предѣломъ сѣвернаго распространенія дуба можно считать Могилевскую и Витебскую губерніи; далѣе онъ встрѣчается только спорадически; насѣкомыя-же, питающіяся его древесиною, далеко не доходятъ и до этой границы; такой фактъ я замѣчалъ не на одномъ дубѣ.

Prionus coriarius; довольно обыкновенное насѣкомое въ

сосновыхъ лѣсахъ, а еще чаще въ жилыхъ деревянныхъ строеніяхъ изъ сосноваго лѣса; выползаетъ изъ бревенъ, обыкновенно, въ іюлѣ. Lytta vesicatoria; въ іюнѣ ползаетъ на листьяхъ ясени; иные годы ее очень много, а иногда попадается только изрѣдка.

Mylabris cichorii; найденъ былъ мною 1 экземпляръ въ Быховскомъ уѣздѣ, на листьяхъ полыни.

Къ этой-же группѣ отношу я трехъ прямокрылыхъ насѣкомыхъ: Gryllotalpa vulgaris, Gryllus campestris и Gryllus migratorius и одно сѣтчатокрылое насѣкомое — Myrmeleo formicarius.

Gryllotalpa vulgaris; въ Могилевской губерніи составляетъ очень обыкновенное насѣкомое, почему, со всею вѣроятностью, можно заключить, что она заходитъ и далѣе къ сѣверу; я помѣстилъ ее во вторую группу, потому-что ее нѣтъ въ каталогѣ Петербургскихъ насѣкомыхъ.

Gryllus campestris; попадается, начиная съ Быховскаго уѣзда, но очень рѣдко: одного я ловилъ самъ; но, по-несчастію, онъ вырвался у меня изъ рукъ и оставилъ только заднюю ногу; весь онъ черный, заднія-же ноги съ розовымъ оттѣнкомъ; другой экземпляръ привезенъ мнѣ ученикомъ гимназіи изъ того-же уѣзда, но безъ усиковъ и ногъ.

Gryllus migratorius—Саранча, всякій годъ попадается въ Гомельскомъ, Рогачевскомъ и Чериковскомъ уѣздахъ, въ весьма небольшомъ количествѣ; въ 1859 г. пойманъ одинъ экземпляръ близъ Святаго озера, въ двухъ верстахъ отъ Могилева; тутъ-же недалеко растетъ и Betula nana: обитатель Дунайскихъ камышей встрѣтился здѣсь съ Лапландскимъ растеніемъ! Экземпляръ саранчи былъ пойманъ 22 августа; въ моей коллекціи всего 2 экземпляра.

Myrmeleo formicarius; въ Быховскомъ уѣздѣ, на самыхъ песчаныхъ мѣстахъ, гдѣ даже не водятся cicindelidae; но всегда водятся они вблизи муравейниковъ. Въ началѣ августа я нахо-

дилъ его только въ личинкахъ; а какъ мнѣ долѣе нельзя было оставаться въ этой мѣстности, то ни куколки, ни совершеннаго насѣкомаго у меня нѣтъ; около Могилева, до-сихъ-поръ, не видалъ я ни одного экземпляра.

Слѣдующія чешуекрылыя насѣкомыя, въ строгомъ смыслѣ, не могутъ быть отнесены къ этой группѣ; но тѣмъ не менѣе отличаются необыкновенною рѣдкостью въ Могилевской губерніи; ихъ, въ шесть лѣтъ, найдено мною по одному только экземпляру; но такъ-какъ у меня нѣтъ подъ рукою каталоговъ чешуекрылыхъ насѣкомыхъ С. Петербургской фауны, составленныхъ Фиксеномъ и Сиверсомъ, то невозможно сдѣлать положительнаго вывода о географическомъ распространеніи ихъ къ сѣверу. Вотъ ихъ родовыя и видовыя названія: Macroglossa stellatarum, Catocala electa. Euprepia hebe, Euprepia purpurea; Saturnia carpini найдена была мною только въ видѣ личинки; превратилась у меня въ куколку, но бабочки изъ нея не вылелось.

Всѣ насѣкомыя второй группы представляютъ самыя замѣчательныя типическія формы средне-Европейской фауны, а потому сѣверный предѣлъ ихъ распространенія можно считать и сѣверной границей средне-Европейской энтомологической фауны. Сѣверной-же границей для этихъ насѣкомыхъ служитъ Могилевская или Витебская губерніи; та-же мѣстность, какъ мы видѣли, служитъ предѣломъ распространенія къ сѣверу для нѣкоторыхъ высшихъ животныхъ средне-Европейской фауны; а потому мы и предполагаемъ, что линію разграниченія между полярно и средне-Европейскою фауною, на западѣ Европейской Россіи, составляютъ теченіе Западной Двины до Витебска и Валдайская плоская возвышенность до впаденія Тверцы въ Волгу. Другимъ-же пунктомъ разграниченія этихъ фаунъ, на востокѣ Европейской Россіи, можно считать впаденіе Вятки въ Каму; здѣсь я дѣлаю только предположеніе, потому-что, не имѣя для этого пункта данныхъ изъ зоологической географіи, я ограни-

чился фактами, что до этой широты доходятъ многія типическія средне-Европейскія растенія и что южнѣе этой широты не спускаются настоящія полярныя животныя, кромѣ рѣдкихъ исключеній. Между-тѣмъ въ Нижнемъ-Новгородѣ была, напримѣръ, находима Lytta vesicatoria; въ южной части Костромской губерніи мнѣ самому попадалась Cerocoma Schäfferi. А какъ между двумя этими пунктами проходитъ Урало-Алаунская гряда, то не составитъ-ли она и пограничной линіи между двумя фаунами? Или не составляетъ-ли между ними границы теченіе Волги отъ Твери до впаденія Камы въ Волгу. Мнѣніе это не болѣе, какъ предположеніе; главная-же цѣль моего труда — сообщить нѣсколько достовѣрныхъ фактовъ о мѣстонахожденіи нѣкоторыхъ типическихъ средне-Европейскихъ растеній и животныхъ въ Европейской Россіи; такими фактами очень бѣдна еще зоологическая и ботаническая географіи нашего отечества; а между-тѣмъ безъ нихъ не возможны никакіе научные выводы и изслѣдованія и чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше!

Наконецъ, къ третьей группѣ я отношу тѣхъ насѣкомыхъ, которыхъ нѣтъ въ Могилевской губерніи, между-тѣмъ-какъ въ западной Европѣ они довольно обыкновенны. Отсутствіе ихъ въ нашей фаунѣ не есть, однако, безусловное, а относительное; можетъ случиться, что они будутъ еще найдены; наконецъ, любопытно было-бо знать, нѣтъ-ли ихъ въ другихъ губерніяхъ средне-Европейской Россіи?

Изъ жесткокрылыхъ это будутъ: Brachinus crepitans, Calosoma sycophanta, которая есть въ южной Швеціи; другой видъ Calosomae—C. inquisitor, есть въ Могилевской губерніи, но ее самой, до-сихъ-поръ, никто еще не нашелъ; Carabus auratus, Panagea crux major, Lymexylon navale, Cerambyx alpinus, Melolontha fullo, Copris lunaris. Замѣчательно также отсутствіе въ Могилевской губерніи Cerocoma Schäfferi, которая въ іюнѣ мѣсяцѣ часто встрѣчается даже въ Костромской, напр.

губерніи и болѣе всего на цвѣтахъ Chrysanthemum leucanthemum; изъ чешуекрылыхъ у насъ не попадаются: Papilio Podalirius, Parnassius Apollo, Bombyx Saturnia major, тогда-какъ извѣстно, что бабочки эти попадались около Казани. Изъ полужесткокрылыхъ, до-сихъ-поръ, не могъ я найти Porphyrophora polonicus, а изъ прямокрылыхъ ни одного вида изъ семейства Mantidae.

И. АРНОЛЬДЪ.

ГЕГЕЛЬ И ЕГО ВРЕМЯ.

(Соч. Гайма).

(*Продолженіе*).

ЛЕКЦІЯ ВОСЬМАЯ.

Продолженіе. Окончаніе очерка системы подъ вліяніемъ Шеллинга, или «Система нравственности».

Въ чемъ-бы не заключалось первенство Гегеля надъ Шеллингомъ, въ одномъ пунктѣ, по-крайней-мѣрѣ, онъ не только не отрекался отъ дѣйствительно существовавшаго различія между нимъ и его другомъ, не только не пользовался своимъ перевѣсомъ, но былъ даже побѣжденъ. Это относится собственно до формы его сочиненій. Что форма Шеллингова философствованія имѣла на него вліяніе, которому онъ не могъ противустоять при всей солидности своихъ самостоятельныхъ взглядовъ; что онъ, въ этомъ случаѣ, ему подчинялся не изъ однихъ только видовъ достигнуть желанной цѣли,—для этого также есть неопровержимое доказательство. Оно заключается въ способѣ и манерѣ, съ помощію которыхъ онъ присоединилъ къ двумъ, еще во Франкфуртѣ изготовленнымъ частямъ своей системы—логикѣ, метафизикѣ и физикѣ, — третью часть: *этику* (или нравственную философію). На зимній семестръ 1802 года онъ объявилъ курсъ естественнаго права. Нѣтъ сомнѣнія, что именно для этого курса онъ теперь разработалъ, въ большомъ манускриптѣ, свою «Систему нравственности» (38).

Самое коренное направленіе Гегеля и вся его самобытность выражаются всего очевиднѣе въ его попыткѣ: утвердить за новой

философіей ту область, къ которой Шеллингъ не показывалъ сочувствія ни въ это время, ни впослѣдствіи. Послѣднему чувство реальности открылось преимущественно въ видимой природѣ, первому — въ исторической государственной жизни. Приготовленная теперь «Система нравственности» составляла какъ-бы философское дополненіе къ публицистскому сочиненію о государственныхъ учрежденіяхъ Германіи послѣ заключенія Люневильскаго мира. Впервые только теперь могло вполнѣ развиться и доказать, на самомъ дѣлѣ, свою состоятельность то стремленіе Гегеля къ «осуществленію (реализированію) понятій», которое проходитъ чрезъ всю его логику и метафизику, равно-какъ и чрезъ всю философію природы. Эта третья часть цѣлой системы, на которую заранѣе указываютъ обѣ первыя части, какъ на ихъ необходимый заключительный результатъ и ихъ истину, увидѣла-бы свѣтъ и безъ Шеллинга.

Цѣльными являются впослѣдствіи,— какъ этого надобно было ожидать по всему предыдущему,—тѣ основныя воззрѣнія, на которыхъ построена Гегелева этика. О томъ геніальномъ пониманіи нравственности, до котораго довела оппозиція категорическому *императиву*, возникшая въ нѣдрахъ романтическаго кружка Шлегеля и Шлейермахера, объ этомъ пониманіи,—которому даже Шеллингъ едвали-бы могъ отказать въ дани своего сочувствія,— у Гегеля нѣтъ и слѣда. У него находимъ едва только слѣдъ той возвышенной и благородной, но, по существу своему, чисто субъективной поправки, которую Шиллеръ пытался внести въ мораль критической философіи. Но, Гегелева этика, взамѣнъ этого, построена на томъ-же основаніи, которое служило самымъ первымъ и послѣднимъ основаніемъ его цѣлому способу мышленія, равно какъ и самымъ первымъ и послѣднимъ основаніемъ его философіи природы. Этика Гегеля основана на созерцаніи нравственной жизни классическихъ народовъ: ея характеръ носитъ на себѣ полный отпечатокъ колорита греческой древности. Говоря правду, по своему содержанію, она есть описаніе, а по своей философской формѣ — возведеніе въ безусловный идеалъ не только частной и государственной, но и художественной и религіозной жизни грековъ. Пропитанный дыханіемъ этой жизни, Гегель уже заранѣе могъ проникнуть въ смыслъ христіанства. Впослѣдствіи времени онъ пытался по образцу греческой жизни превратить отвлеченные понятія въ понятія эстетическія, живыя и реальныя. На

основанiи Пифагоро-Платонова взгляда на вещи, онъ представлялъ природу, какъ космосъ и какъ проникнутое жизнью существо. Теперь онъ снова возвращается къ той самой почвѣ, на которой взросъ и вышеупомянутый нами способъ представленiя понятiй, и этотъ родъ изображенiя природы; теперь, въ концѣ своей системы, онъ останавливается на той дѣйствительности, отраженiе и результатъ которой въ первыхъ двухъ частяхъ едва только можно было замѣтить. Его философiя оканчивается тѣмъ, что какъ-бы перестаетъ быть философiей, превращая свой мiръ понятiй въ мiръ дѣйствительной, уже твердо опредѣлившейся прошедшей исторiи; ея идеальное присутствiе могло-бы быть снова возстановлено только съ помощiю новаго взгляда на форму мышленiя, равно-какъ и на явленiя сверхчувственныя и физическiя.

Что это дѣйствительно та́къ, яснѣе всего можно видѣть изъ того, что эта система нравственности не была предназначена представлять собой *одну изъ частей* системы, которой мы имѣли право ожидать на основанiи франкфуртскихъ начатковъ подъ названiемъ «философiи духа»; въ сущности-же она и составляетъ эту самую философiю духа. Что-же касается до того, почему, при полномъ изложенiи своей цѣлой системы, нашъ систематикъ еще не признавалъ въ эту пору за крайнюю необходимость излагать свои понятiя о сущности «нравственнаго», прежде чѣмъ началъ говорить впослѣдствiи времени о такъ-называемомъ «субъективномъ духѣ», т.-е. объ антропологiи и психологiи,—для этого, конечно, нѣтъ другаго объясненiя, кромѣ оговорки, что объ этомъ субъективномъ духѣ онъ уже достаточно говорилъ «въ метафизикѣ субъективнаго духа». Передъ нами ясные доказательства того, что Гегель надъ нравственнымъ духомъ и послѣ него, по-крайней-мѣрѣ, въ этомъ перiодѣ времени, еще не ставилъ болѣе возвышеннаго проявленiя и осуществленiя абсолютнаго духа въ области искусства, религiи и философiи. Для него теперь истинное осуществленiе абсолютнаго духа заключается въ нравственной совокупности жизни, и это осуществленiе считаетъ онъ единственно истиннымъ и наивысшимъ; нравственный духъ былъ для него абсолютно-абсолютнымъ. Иначе и быть не могло на основанiи внутренняго мотива Гегелева способа мышленiя и вслѣдствiе субстанцiальной идеи его философiи. Этотъ мотивъ заключался въ возстановленiи античной жизни. Эта идея была только осуществленiемъ того, что̀ было мыслимо Гегелемъ. Конечно, съ этимъ мотивомъ и съ этой

6*

идеей мотивъ Гегелева времени и формальная сторона осуществленія этой идеи находились въ совершенномъ противурѣчіи. Возстановленіе античной жизни непремѣнно должно было разбиться объ условія новаго времени. По этому, такое возстановленіе необходимо должно было перейти въ идеальную форму философіи, а эта форма не иначе могла теперь утвердить за собой самостоятельное право, какъ объявивши, въ послѣднемъ результатѣ, самое себя, т.-е. мышленіе, за еще болѣе истинное осуществленіе мыслимаго, нежели тò, которое это мыслимое получаетъ въ нравственной дѣйствительности государства. Достигши до этого вывода, это возстановленіе такъ-же естественно должно было повести къ противуположному результату, къ признанію гораздо болѣе абсолютнаго характера нравственности и государства. Но уже не было выхода изъ этого кружка. Гегелева философія сама въ себѣ и есть это самое противурѣчіе, неразрѣшимое на ея собственной почвѣ; оно есть одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыя въ Гегелевой школѣ необходимо породили разнообразные оттѣнки несогласія; наконецъ, опровергнутые, они обозначили собой распаденіе системы и доказали, что основанія Гегелевой системы должны быть замѣнены другими новыми. У самого Гегеля это противорѣчіе обнаруживается въ двойственномъ фактѣ. Мы увидимъ *впослѣдствіи*, что Гегель до послѣдняго времени *попеременно* объявлялъ себя то за абсолютность абсолютнаго духа, проявляющаго себя въ государствѣ объективно и реально, то за абсолютность такого-же идеально-проявляющагося духа въ искусствѣ, религіи и философіи. Пока мы только узнали, что изъ этого двойнаго рѣшенія послѣднее было вмѣстѣ и позднѣйшимъ, и что онъ, въ 1802 году, въ первой свѣжести задуманнаго имъ философскаго плана, надѣялся достигнуть истиннаго и дѣйствительнаго заключенія предпринятаго имъ осуществленія міра идей съ помощію нравственнаго духа. Доказательство, въ подтвержденіе нашихъ словъ, лежитъ передъ нами Въ манускриптѣ, которымъ мы владѣемъ, Гегель характеризуетъ, ясно и положительно, нравственную дѣйствительность государственной жизни названіемъ абсолютно-абсолютнаго и даже прямо названіемъ «божественнаго», чтò и составляетъ для философіи высочайшій предметъ ея изслѣдованія. Гегель изображаетъ «нравственность», подобно тому, какъ Шеллингъ въ концѣ своей системы «трансцендентальнаго идеализма» описываетъ искусство. Только въ нравственности понятіе о безконечномъ составляетъ

безраздѣльное цѣлое съ сущностью индивидума, который въ сообразной ему формѣ является истинно разумнымъ существомъ Изъ этого видно, что здѣсь это понятіе принимается въ болѣе обширномъ смыслѣ, чѣмъ въ искусствѣ, религіи и философіи. Здѣсь объективность индивидуума существуетъ «не для искусственнаго сознанія, не для себя, съ уничтоженіемъ эмпирическаго созерцанія, и не для интеллектуальнаго созерцанія, но это интеллектуальное становится *реальнымъ* только *чрезъ нравственность и въ ней одной;* духовный и тѣлесный глазъ совпадаютъ вмѣстѣ; по закону природы человѣкъ въ женщинѣ видитъ плоть отъ своей плоти; но, на основаніи нравственности, онъ видитъ только духъ отъ своего духа въ нравственномъ существѣ и это только съ помощію его-же, чрезъ него самого». Въ нравственности, какъ сказано далѣе, индивидумъ существуетъ вѣчно; здѣсь дѣйствуетъ не индивидуальное существо, а «всеобщій абсолютный духъ, живущій въ немъ»; по этому «взглядъ философіи на міръ и необходимость, вслѣдствіе которой всѣ вещи находятся въ Богѣ и нѣтъ ничего отдѣльнаго, — вполнѣ осуществленъ для эмпирическаго сознанія». Какъ въ цѣломъ манускриптѣ, такъ еще гораздо болѣе въ концѣ манускрипта, Гегель говоритъ съ полной опредѣленностью объ отношеніи религіи къ нравственности. Религія нравственно-живущаго въ государствѣ народа есть не что̀ иное, какъ созерцаніе его собственныхъ божественныхъ качествъ. Единобытіе отдѣльнаго съ цѣлымъ въ государствѣ составляетъ «божественность народа», и это всеобщее, которое соединяетъ въ себѣ отдѣльное, разсматриваемое въ идеальной формѣ отдѣльности, составляетъ «божество народа»(*). Но полнота нравственности состоитъ въ перенесеніи этой формы созерцанія въ дѣйствительность нравственной жизни. «Чѣмъ болѣе, — такъ говоритъ Гегель согласно съ своими прежними воззрѣніями на различіе христіанской религіи отъ классической (39),—«чѣмъ болѣе народъ сольется въ одно цѣлое съ самимъ собой, съ природой и съ нравственностью, *тѣмъ болѣе онъ въ себя воспринимаетъ божественное* и, въ то-же время, теряетъ уваженіе къ противоборствующей ему религіи». Кантово первенство практическаго разума передъ

(*) Вотъ еще новое доказательство, что Гегель творилъ свою философскую систему посреди образовъ классической древности и ея народовъ, у которыхъ божество и высшая идея общности народа совпадали. *Ред.*

идеей о божествѣ превратилось, съ помощію реальнаго и конкректнаго стремленія его философіи, въ первенство народно-политической нравственности. Это ученіе, съ другой стороны, находится въ близкомъ родствѣ съ другимъ ученіемъ, явившимся послѣ Гегеля. Истинная сущность божества, говоритъ Гегель, есть сущность дошедшей до полнаго развитія государственной жизни. Изъ этого видно, что главное стремленіе нашего философа заключалось въ желаніи воплотить въ свою философію и религію съ ея энергіей, соединяющей въ одно цѣлое конечное съ безконечнымъ, а размышленіе наполнить примиряющей силой религіи. Правда, онъ теперь снова повторилъ, что философія должна прекратиться, достигши до той точки, гдѣ начинается религія. Дѣйствительно, между размышленіемъ и благочестіемъ, фактически существуетъ несоизмѣримое отношеніе. А потому, уже на послѣднихъ страницахъ системы, которая оканчивается понятіемъ о «нравственности», съ неотразимой необходимостью проявляется идея о божественномъ. Тѣмъ не менѣе, характерическая черта теперешнихъ понятій Гегеля заключается въ *напряженной попыткѣ снова перенести эту идею въ объективность нравственнаго духа*. Въ очеркѣ «системы нравственности» это отношеніе обнаруживается только въ видѣ намека, но полнѣе является оно въ Гегелевыхъ лекціяхъ, тѣсно примыкающихъ къ этому очерку (40). Переходъ, сдѣланный Гегелемъ, въ концѣ этихъ лекцій, отъ вполнѣ осуществившейся идеи абсолютнаго духа, отъ идеи нравственности, безспорно носитъ на себѣ *не философскій*, *но только историческій* характеръ. Религія народа, говоритъ онъ, есть только зеркало, въ которомъ отражается его національно-политическое положеніе; исповѣдуемое народомъ божество служитъ мѣриломъ степени, до которой развита въ народѣ идея нравственности. Но нравственность древней общины уже пришла въ упадокъ. Единство духа съ его реальностью уже находилось въ состояніи разрыва. Естественная религія, составлявшая идеальное выраженіе этого единства, исчезла. Теперь религія сдѣлалась *замѣной утеряннаго въ нравственной жизни народовъ единства духа и природы*: религія и дѣйствительность получили новое освященіе.

Классическій міръ служитъ основаніемъ, на которомъ утверждено не только абсолютизированіе «нравственнаго духа», но и *спеціальный способъ пониманія его*. Подобно тому, какъ религія обращена теперь въ простое приложеніе къ нравственности, такъ ин-

дивидуальная нравственность, а, вмѣстѣ съ ней, и право цѣнятся только мѣрою нравственности, господствующей и признаваемой за высшую въ совокупной государственной жизни. То-же самое видимъ въ греческой древности, и въ этикѣ Платона и Аристотеля. Дѣйствительно, Платонъ только въ государствѣ представлялъ себѣ возможность осуществленія полной нравственности; чтобъ созерцать въ крупныхъ и ясныхъ чертахъ образъ правосудія, онъ построилъ свою идеальную республику, и перенесъ идею гармонической прекрасной человѣчности на организмъ сословій и на ихъ правильное содѣйствіе въ общей политической жизни. И только въ гармонически-сочлененномъ государствѣ Гегель находитъ бразъ безусловной нравственности. Онъ понимаетъ добродѣтель исключительно только въ ея отношеніяхъ къ государству и отечеству. Въ основаніи этой «системы нравственности» на мѣсто категорическаго императива и совѣсти становится идея государства и отечества. Онъ говоритъ, по словамъ Аристотеля, что цѣлое является прежде своихъ частей, и въ понятіи истинной нравственности отдѣльное лицо получаетъ свое значеніе преимущественно отъ внутренней сущности государства. Гегель слѣдуетъ Платону въ раздѣленіи сословій въ государствѣ и даже раздѣленію самой добродѣтели. Онъ подражаетъ Платону въ самыхъ мелкихъ частностяхъ и въ специфическихъ особенностяхъ его политическаго воззрѣнія. Не обращая почти никакого вниманія на отношенія новой государственной жизни, онъ начертываетъ идеальное государство, которое составлено не только по образцу Платонова государства, но почти вставлено со всей точностью въ ту-же рамку. Какъ въ Платоновомъ, такъ и въ Гегелевомъ государствѣ существуютъ три сословія(*). Страннымъ должно казаться, что сынъ чиновника, подданный какого-нибудь маленькаго нѣмецкаго государства, считаетъ себя принадлежащимъ къ той-же аристократіи, какъ потомокъ Кодра и Солона въ демократическомъ государствѣ Аттики.

Но, не смотря на все, что намъ уже извѣстно, самое странное от-

(*) Здѣсь Гаймъ касается самаго больнаго мѣста Гегелевой философіи: грекоманія увлекла великаго систематика слишкомъ далеко и поставила его самого въ странную противоположность съ духомъ времени, выраженіе которало онъ думалъ видѣть въ своей философіи: это философія классическаго язычества.

кроется передъ нами только теперь. Тотъ самый человѣкъ, который такъ платонизировалъ въ приведенныхъ нами выраженіяхъ, въ первый разъ теперь положилъ перо съ намѣреніемъ предложить своему отечеству систему государственнаго устройства, — скажу больше: съ намѣреніемъ—положительно высказать понятіе о государствѣ, представляющемъ *во всѣхъ своихъ частностяхъ почти прямую противуположность тому, которое было имъ прежде построено.* Изъ всего, что̀ въ «Системѣ нравственности» считалось необходимо принадлежащимъ къ существу истиннаго государства, въ «Критикѣ Германскихъ учрежденій»,—именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Гегель объясняетъ понятіе «о государствѣ»,—было упомянуто единственно и исключительно только о необходимости высшей государственной власти и общихъ силъ. Одно это Гегель признаетъ за крайне необходимое, все-же остальное онъ считаетъ «случайнымъ и, въ нѣкоторомъ отношеніи, совершенно безразличнымъ». Такимъ образомъ, по духу этой системы, «народъ не составляетъ кореннаго основанія въ государствѣ; слѣдовательно «и толпа» можетъ соединиться въ государство. То, что́ въ древности, въ Римской и Аѳинской республикахъ, составляло первое условіе государственной организаціи, то̀, въ наше время, совершенно исчезло. Существуетъ-ли въ наше время хотя слабая связь, или не существуетъ вовсе никакой связи между нравами, образованіемъ и языкомъ, тѣмъ не менѣе духъ и искусство правительства и организаціи въ состояніи побѣдить такого рода разногласіе. Къ случайному и безразличному относится и то̀, принадлежитъ-ли верховная власть одному или многимъ, и досталась-ли она одному, или многимъ по рожденію, или по выбору. Все равно также, существуетъ-ли между подданными однообразіе, или неоднообразіе гражданскихъ правъ. «Имѣетъ-ли какое-нибудь государство въ массѣ своихъ подданными крѣпостныхъ, гражданъ, дворянъ и князей, которые и сами имѣютъ подданныхъ; существуютъ-ли самыя эти отношенія отдѣльныхъ сословій въ полной неприкосновенности, или подвергаются безчисленнымъ измѣненіямъ, — такія обстоятельства нисколько не мѣшаютъ толпѣ образовать государственную власть, подобно тому, какъ отдѣльныя географическія страны могутъ быть провинціями съ различными отношеніями къ внутреннему государственному праву». Далѣе, безразличенъ и характеръ законодательной власти, судебныхъ мѣстъ, формъ управленія, система податей и гражданскихъ учрежденій. Но и это еще не все. Недо-

статочно, что всѣ эти предметы считаются за совершенно безразличные для существа государства. Напротивъ, необходимо, чтобъ государство довольствовалось высшимъ надзоромъ надъ упомянутыми сторонами внутреннихъ отношеній своихъ подданныхъ; напротивъ, къ сущности государства принадлежитъ и то, чтобъ государственная власть, обезпечивши свои потребности и свое правильное теченіе, предоставляла огромное поприще для частной дѣятельности государственныхъ гражданъ. Это и необходимо и существенно важно, такъ-какъ «эта свобода сама въ себѣ священна». Это не только необходимо, но даже и полезно; справедливый итогъ пользы есть тотъ, который простирается на жизненность, на удовлетворенный духъ, на свободное и себя уважающее чувство» членовъ государства. «И такъ, мы различаемъ — говоритъ нашъ публицистъ—«не одно только необходимое, то̀, что̀ находится въ рукахъ государственной власти и должно быть непосредственно опредѣляемо ею самою, что́, хотя и необходимо въ общественномъ соединеніи народа, но для государственной власти, какъ такой, представляется случайнымъ,—но мы даже считаемъ тотъ народъ счастливымъ, которому государство во второстепенныхъ общихъ дѣлахъ предоставляетъ значительную свободу, равно-какъ считаемъ ту государственную власть за безконечно сильную, которая опирается на свободный и незараженный педантизмомъ духъ своего народа». И такъ, для нашего *публициста*, говоря другими словами, государство было тѣмъ-же, чѣмъ и для другихъ его современниковъ, занимавшихся теоріей государства, именно: учрежденіемъ для охраненія внутренней и внѣшней безопасности; для *философствующаго-же систематика* оно было тѣмъ, за что его признавали теоретики жившаго послѣ Перикла поколѣнія,—высочайшей формой человѣческой жизни, вмѣщавшей въ себѣ все остальное,—абсолютнымъ началомъ въ абсолютно-реальномъ явленіи. Въ первомъ случаѣ, онъ повторяетъ ученіе Вильгельма фонъ-Гумбольдта и мысли знаменитаго государственнаго человѣка Штейна; во второмъ случаѣ—наставленія академіи и философскія мечтанія Діона. Не будучи еще въ эту пору въ-состояніи, подобно автору «Идей о предѣлахъ дѣятельности государства», сдѣлавшему по-крайней-мѣрѣ первую попытку,—одновременно признать древнюю и новую форму государства и соединить ту и другую, въ одну, — Гегель то всецѣло становится на древнюю точку зрѣнія, то по временамъ усвоиваетъ себѣ, безъ всякихъ ограниченій, но-

вую точку зрѣнія; тамъ онъ полемизируетъ противъ централизаціи и механическаго многовластія, здѣсь-же—противъ всего, въ чемъ право индивидуальной самостоятельности могло-бы найти убѣжище, наряду-ли съ государствомъ, или въ немъ самомъ, или наконецъ внѣ его (41).

Истина-же заключается въ другомъ: это полное противурѣчіе, господствующее между публицистомъ и философомъ, основывается на совершенномъ *равенствѣ послѣднихъ мотивовъ*, которыми руководился тотъ и другой. Этотъ послѣдній мотивъ состоялъ въ упорномъ желаніи перейти изъ области отвлеченнаго въ область конкретнаго, изъ чистаго мышленія въ дѣйствительность. Въ противуположность замѣчанію, что Нѣмецкое государство существуетъ только въ смыслѣ отвлеченія, это Гегелево желаніе выразилось, съ одной стороны, въ краткихъ проектахъ о возстановленіи Германскаго государства; съ другой стороны, оно превратилось въ общее понятіе о государствѣ, осуществленіе котораго возможно при всѣхъ обстоятельствахъ. Но насколько оно было способно къ осуществленію и была-ли возможность осуществить это понятіе и обратить его въ чисто-практическое оставаться-же понятіемъ и требованіемъ вмѣстѣ оно не могло, если для осуществленія его потребно было прибѣгнуть къ силѣ. Публицистъ, не располагающій такой силой, сдѣлается философомъ. Онъ обратится къ той области, въ которой господствуетъ, какъ начальникъ и властелинъ, и располагаетъ не только постановленіемъ понятія, но и постановленіемъ самой реальности этого понятія. Стремленіе къ дѣйствительности и сомнѣніе въ этой опредѣленной, современной отечественной и политической дѣйствительности, дѣлаетъ его идеалистомъ. Практическая осуществимость понятій замѣняется для него ихъ идеальнымъ самоосуществленіемъ. Увлеченный этимъ обстоятельствомъ, еслибъ даже онъ имѣлъ дѣло съ объединенною идеей государства,—онъ далъ-бы такую форму этой идеѣ, что она въ самой себѣ заключала-бы возможно-большую реальность, возможно-богатое содержаніе живой человѣческой дѣйствительности. Онъ-бы ее образовалъ по образцу той государственной организаціи, которая и въ смыслѣ идеала, и въ смыслѣ содержанія была самою противуположною сравнительно съ Германскимъ государствомъ,—по образцу Аѳинскаго и Спартанскаго государства. Но, философъ имѣлъ въ виду не одно объединенное только государство, а всю вселенную. Онъ впервые теперь доходитъ до идеи о государствѣ,—таково было его убѣжденіе,—послѣ того, какъ ему

удалось понять всеобщую сущность міра, въ смыслѣ духа, осуществившаго себя въ идеѣ познанія и въ живой природѣ.

Можетъ-ли этотъ абсолютный духъ въ концѣ своего пути быть чѣмъ нибудь меньше, какъ *Все во всемъ*, и можетъ-ли его самая духовная и самая реальная форма проявленія быть иною, какъ формой общей государственной жизни? по этому идея государства «въ системѣ нравственности» могла-ли быть представлена съ другой точки зрѣнія, какъ съ Платоновой?

Изъ всего сказаннаго ясно, что эта система нравственности во всѣмъ, что въ ней есть самаго существеннаго, обязана своимъ происхожденіемъ одному и тому-же источнику, изъ котораго возникла написанная (во Франкфуртѣ) Гегелемъ, логика, метафизика и философія природы. Она вмѣстѣ съ этими науками возникла изъ однихъ и тѣхъ-же общихъ воззрѣній, и на одной и той-же почвѣ созерцанія проникнутаго эллинскимъ духомъ. Она видимо представляетъ собой послѣднее слѣдствіе этого созерцанія. Она бросаетъ на него послѣдній блестящій лучъ. И не смотря на то, чрезъ эту часть системы проходитъ какъ-бы другое дыханіе, нежели чрезъ всѣ прежнія части системы. Эта апотеоза государства и этотъ избытокъ индивидуальной жизни обусловлены не только планомъ цѣлаго, но и формами субстанціональной нравственности. Это полное неуваженіе господствующаго въ нынѣшнее время практически-возможнаго въ настоящемъ объусловлено не однимъ только философскимъ идеализмомъ, какъ такимъ; это прославленіе древней жизни можно объяснить съ помощію не одного только эллинскаго образованія и эллинскаго сочувствія Гегеля. Самое это прославленіе запечатлѣно въ нѣкоторой степени романтическимъ оттѣнкомъ. Это стремленіе отодвинуть назадъ индивидуальность колеблется между античнымъ и Спинозовымъ воззрѣніемъ. Конечно, могъ и Гегель, при желаніи довести наконецъ абсолютный духъ до цѣли его осуществленія, нѣсколько сократить права конечнаго духа; и онъ такъ-же могъ въ началѣ своего скромнаго и непоказнаго пути впасть въ тѣ-же гимнологическіе обороты, какіе не чужды даже трезвому Аристотелю на высотахъ его метафизики. Но, силу, порывъ и полноту, которую мы въ этомъ замѣчаемъ, должно, кажется, приписать *вліянію Шеллинговой философіи*. Дѣйствительно, эта философія стремилась только къ тому, чтобъ побѣдить всѣ противуположности рефлексіи въ абсолютномъ тожествѣ. Дѣйствительно, она была ни чѣмъ другимъ, какъ постоянно возобновляющимся гим-

номъ въ честь единой истины и единаго величія истины и величія абсолютнаго. Эта, а не Гегелева философія, съ самаго начала была наклонна—забыть духовное бытіе абсолютнаго, насчетъ абсолютнаго бытія духа, субъективную сторону насчетъ субстанціальности, индивидуальное насчетъ цѣлаго.

Чѣмъ подробнѣе будемъ разсматривать «Систему нравственности», тѣмъ менѣе найдемъ специфическихъ признаковъ Гегелева духа, но *тѣмъ скорѣе откроемъ въ ней черты духа Шеллингова.* Допустивши даже, что содержаніе этой этики было-бы изложено именно въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь существуетъ, еслибъ Гегель написалъ ее съ намѣреніемъ присоединить къ метафизикѣ и философіи природы, и въ этомъ случаѣ *форма* непремѣнно была-бы совсѣмъ другою. Еслибъ Гегель уже во Франкфуртѣ окончилъ систему философіи природы и тогда-же перешелъ къ третьей части цѣлой системы, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ-бы тогда-же съ особенной силой указалъ на тотъ фактъ, какъ духъ изъ инобытія возвращается къ самому себѣ, какъ духъ абсолютный, и какъ этика, — изображеніе рожденія духа, какъ духа,—составляетъ новое кругообращеніе круговъ, въ которыхъ моменты его осуществленія въ одно цѣлое являются какъ *чисто* діалектическія, одно въ другое переходящія опредѣленія нравственной жизни. Написанная въ Іенѣ «Система нравственности» ни однимъ словомъ не связана съ прежними ученіями. Она имѣетъ собственное свое начало и построена по особому плану. Заключеніе ее также основано на самостоятельной методѣ. Конечно, если за начало системы будутъ приняты понятія о «естественной нравственности», или, что тоже, понятія о нравственной жизни духа еще совершенно погруженной въ природу и тѣсно съ ней связанной, въ такомъ случаѣ можно себя чувствовать въ правѣ мысленно дополнить еще непротянутые самимъ Гегелемъ соединительныя линіи между этимъ началомъ и заключеніемъ философіи природы. Еще легче было-бы для насъ привести въ согласіе общій планъ этой этики съ планомъ цѣлой системы, который уже намъ извѣстенъ изъ нѣсколькихъ прежде появившихся частей. Система нравственности состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Первый изъ нихъ такъ озаглавленъ «Безусловная нравственность по отношеніямъ». Вторый называется: «Сторона отрицательная, или свобода, или преступленіе». Содержаніе третяго отдѣла обозначено только однимъ словомъ: «Нравственность». Вслѣдствіе какого-бы побужденія авторъ ни

сдѣлалъ такого рода раздѣленіе своей системы, нельзя въ этомъ способѣ изложенія не признать подчиненія ея общей схемѣ абсолютнаго духа, его бытію въ себѣ, его переходу въ инобытіе и возвращенію къ самому себѣ. Но, можетъ быть, иному казалось-бы возможнымъ вывести изъ основныхъ воззрѣній Гегеля побудительную причину къ такому раздѣленію, а съ нимъ и тѣсно связанной, употребленной имъ методы въ самыхъ частностяхъ. Послушаемъ, какъ нашъ систематикъ говоритъ объ этомъ въ самомъ началѣ своей системы. «Чтобъ познать идею безусловной нравственности», сказано тамъ—«должно постановить воззрѣніе совершенно равномѣрнымъ понятію, такъ-какъ идея есть не что иное, какъ тожественность того и другаго; но для того, чтобъ быть познанною, эта тожественность должна быть мыслима, какъ равномѣрность; но, какъ понятіе и воззрѣніе, въ состояніи равномѣрности, находятся въ то-же время и во взаимной противуположности, то они постановляются съ тѣмъ различіемъ что одно является въ формѣ всеобщности, другое въ формѣ частности, по отношенію къ первому; но для того, чтобъ это уравненіе было полнымъ, постановленное сначала въ формѣ отдѣльности, должно перейти теперь въ форму всеобщности, а то, что̀ было постановлено въ формѣ всеобщности, перешло-бы въ форму отдѣльности». Дѣйствительно, побудительныя причины къ такому раздѣленію и методическому развитію въ сферѣ этого раздѣленія не открываютъ никакого новаго плана Гегелева философствованія, но подтверждаютъ только безошибочность открытаго нами плана въ самомъ началѣ системы. Въ самомъ формальномъ смыслѣ, Гегель, какъ мы видѣли, отправился отъ точки, которая была примиреніемъ идеала живой, прекрасной цѣлостности съ дѣйствіемъ всераздѣляющей и окрѣпляющей рефлексіи. Фактически, это было постоянный, чрезвычайно ловкій и искусный переходъ отъ отвлеченныхъ понятій къ конкретному воззрѣнію и отъ конкретнаго воззрѣнія къ отвлеченному понятію, остроумное, взаимное переплетеніе двухъ способовъ обработки понятій—эстетическаго и логическаго, съ помощію которыхъ діалектическая ткань проникла въ логику, метафизику и философію природы. Гегель, въ прежнихъ частяхъ своей системы, называлъ этотъ способъ осуществленіемъ понятій. Онъ отожествлялъ ее съ проходящимъ чрезъ всѣ моменты абсолютнаго духа процессомъ всеобщаго существа міра, и поэтому представлялъ его, какъ инобытіе опредѣленій и какъ возвращеніе ихъ изъ ихъ-же соб-

ственной противуположности къ самимъ себѣ. Для Гегеля діалектика преимущественно была вполнѣ объективнымъ процессомъ, неразрывно связаннымъ съ опредѣленіями, какъ съ моментами абсолютнаго духа, и только иногда онъ привносилъ нѣкоторыя измѣненія въ этотъ свой способъ,—имѣвшій нѣсколько названій, но въ сущности остававшійся одинаковымъ,—тѣмъ, что отличалъ открытое только нашей собственной рефлексіей движеніе въ предметѣ отъ рефлексіи самаго предмета. Но та формальная сущность діалектики, тотъ фактическій поочередный обмѣнъ и взаимное соединеніе понятія и созерцанія, остаются въ «Системѣ нравственности» неизмѣнными. Характеристическая черта заключается въ томъ, что только здѣсь, и въ первый разъ, этотъ способъ признанъ въ *точныхъ словахъ и въ смыслѣ принципа душею метода*. Теперь отошло на второй планъ опредѣленіе, что дѣло идетъ объ «осуществленіи понятій». Совершенно забыто, повидимому, и главнѣйшее опредѣленіе, что въ этомъ случаѣ совершается процессъ абсолютнаго духа. Погибшею представляется объективность, и, кромѣ всего этого, исчезаетъ даже гибкая жизненность діалектики. Она вдругъ сдѣлалась чисто-субъективнымъ, единственно дѣломъ только философа, обусловленнымъ, правда, особеннымъ свойствомъ самой идеи. «*Должно быть познано*»: вотъ что стоитъ во главѣ системы: но чтобъ это познаніе сдѣлалось возможнымъ — такъ по-крайней-мѣрѣ предполагается, — то должно поступать такъ-то и такъ-то. Вездѣ идетъ рѣчь буквально о «построеніи, о раздѣленіи». «Мы теперь постановили (объ этомъ постоянно напоминается) первую потенцію нравственности, теперь вторую, и т. д. И съ этимъ субъективнымъ оттѣнкомъ, который Гегель сообщилъ своей діалектикѣ, рука-объ-руку идетъ механическій формализмъ, утомительное и однообразное «подчиненіе воззрѣнія понятію», а потомъ «понятія—воззрѣнію». Теперь все сдѣлалось понятнѣе, проще, все подведено подъ схемы; но, за то все проникнуто въ меньшей степени жизнью и серьезностью. На внутреннемъ фонѣ этого формализма приведены въ дѣйствіе всѣ богатые средства, которыми располагалъ умъ Гегеля, искусившійся въ діалектикѣ своей логики и философіи природы; втайнѣ сопутствуетъ ему сознаніе, что въ области нравственности безусловно осуществляетъ себя духъ безусловный, и въ ней-же находитъ цѣлостность своего возвращенія къ самому себѣ: на поверхности-же вездѣ *господствуетъ Шеллингова манера построенія*, и предъ нашими глазами является абсолютный духъ и

его моменты подъ именемъ и съ характеромъ абсолютнаго безразличія, или тожества и Шеллинговыхъ потенцій этого тожества.

Такимъ образомъ происходитъ, что въ началѣ «тожество всеобщаго и частнаго» постановляется, какъ еще несовершенное соединеніе, или только какъ отношеніе. «*Безусловная нравственность по отношенію*» есть только «естественная нравственность». Ея первая потенція, или естественная нравственность, какъ воззрѣніе, есть практическое чувство, которое становится потребностію, возбуждающею къ труду и удовлетворяющеюся удовольствіемъ, какъ слѣдствіемъ труда. Въ работѣ непосредственно предполагается ея произведеніе, во-вторыхъ—обладаніе имъ и наконецъ въ-третьихъ—посредствующее орудіе. Ясно для каждаго, Гегель широкимъ основаніемъ нравственности полагаетъ цѣлую массу практическихъ человѣческихъ отношеній. Также ясно и то, что развитіе нравственности представлено имъ въ историко-физіологическомъ смыслѣ, съ Аристотелевой точки зрѣнія. Впрочемъ, во всѣхъ этихъ стремленіяхъ лежитъ руководительная нить постоянно возвращающагося схематизма, взаимнаго подчиненія и уравномѣренія, постановленія различія и потомъ снова безразличія между понятіемъ и воззрѣніемъ; съ помощію этого схематизма составляется раздѣленіе, которое въ свою очередь снова подвергается дѣленію. Такимъ образомъ раздѣляется трудъ на обработаніе растеній, укрощеніе звѣрей и образованіе человѣка; этому тройному труду соотвѣтствуетъ и тройной родъ обладанія. Но это раздѣленіе покажется еще болѣе страннымъ, а схематизмъ совершенно несоотвѣтствующимъ глубокому стремленію нашего систематика, когда мы узнаемъ, что подъ категоріею образованія должно разумѣть половую любовь, отношеніе родителей къ дѣтямъ и ихъ воспитаніе; когда орудіе должно проявляться въ трехъ слѣдующихъ потенціяхъ: дитя, собственно такъ-называемое орудіе и рѣчь,—а рѣчь, опять, какъ мимика, какъ тѣлесные знаки и потомъ, какъ звучащая рѣчь. За этимъ слѣдуетъ вторая потенція естественной нравственности. Работа обращается теперь въ машинную работу, произведеніе служитъ уже не для одной только насущной потребности, но и представляетъ собой мысль объ излишествѣ, владѣніе выражается въ формѣ собственности и права. Вотъ основаніе обмѣна и сдѣлокъ. Деньги становятся представителемъ цѣнности, рычагомъ торговли. Отвлеченное признаніе отдѣльнаго лица, какъ лица, ведетъ къ отношенію между господ-

ствомъ и рабствомъ; само-же оно получаетъ характеръ истины въ семействѣ. Только въ «послѣднемъ», говоритъ Гегель, «соединены въ одно: цѣлостность природы и всего что̀ предшествовало; все что до-сихъ-поръ существовало въ отдѣльности, получаетъ только въ семействѣ характеръ общаго», въ немъ, какъ въ высшей формѣ, соединяются всѣ прежнія практически-юридическія и нравственныя отношенія.

Но, всѣ упомянутые нами потенціи, — этимъ начинается переходъ ко второй части системы, или къ *«отрицательной сторонѣ системы»*, — имѣли принципомъ своимъ единичность и выражали собой только опредѣленности; построенныя безразличія, носятъ характеръ только чисто-формальный; особенности приданъ характеръ безразличія въ-отношеніи только къ низшимъ особенностямъ; по этому, каждая изъ нихъ можетъ быть совершенно уничтожена. Сначала это дѣлается только въ отрицательномъ смыслѣ, такъ-что противуположность, присущая этимъ опредѣленностямъ, это нѣчто усвоенное имъ до-сихъ-поръ только въ формальномъ смыслѣ, теперь постановляется и отверждается, какъ реальное. Противъ естественной нравственности, или противъ нравственнаго въ формѣ необходимости, возстаетъ чистая свобода, или преступленіе; а съ преступленіемъ находится въ непосредственной связи формальная перестройка нравственныхъ началъ, — мстящее правосудіе. Только въ этомъ правосудіи дополняетъ и осуществляетъ себя то измѣненіе отрицательнаго въ положительное, которое въ совѣсти преступника совершается только отвлеченнымъ путемъ, только внутренно и субъективно. Это отрицательное существуетъ только съ помощію различныхъ потенцій. Первая изъ нихъ чисто-формальная, не имѣющая опредѣленія въ-отношеніи къ чему-нибудь особенному, но направленная противу отвлеченности, уже получившей форму, безцѣльное разрушеніе, доходящее до степени ярости стремленія къ разрушенію. Вторая потенція, «допущеніе опредѣленности, но уничтоженіе безъ различія признаванія», есть воровство и похищеніе. Она въ сущности есть личное отношеніе, насиліе, или вынужденіе. А потому сопоставляется съ ней насильственное подчиненіе, похищеніе свободы, обращеніе въ рабство; между-тѣмъ-какъ первой потенціи стремленія къ безцѣльному разрушенію противуполагается «воздѣйствіе, какъ противу бѣшенаго звѣря», или, наконецъ, смерть. Наконецъ, третья потенція есть безразличіе, или цѣлостность двухъ

прежнихъ отрицаній. По этому, она стремится къ безразличію, посягаетъ на жизнь, или всю личность, но и присущее ей возмездіе заключается въ потерѣ личности. Самая грубая форма этого цѣлостнаго отрицанія есть убійство; вторая ея форма совпадаетъ съ измѣненіемъ того, что бываетъ слѣдствіемъ убійства: съ местью; но, цѣлостность всего этого отношенія, въ которой его разумность вступаетъ въ сознаніе отдѣльныхъ лицъ, есть поединокъ; въ поединкѣ народовъ, или въ войнѣ, очевиднѣе всего проявляется эта разумность, какъ равенство права обѣихъ сторонъ, какъ колебаніе битвы и побѣды, какъ переходъ Марса то на ту, то на другую сторону и наконецъ какъ возможность мира. Но, поистиннѣ, это отрицательное сохраненіе самой природой опредѣленной нравственности можетъ заключаться только въ высшемъ, въ безусловно-положительномъ. Ни въ одной изъ прежнихъ потенцій не заключается «безусловная природа въ образѣ духа», т.-е. какъ истинная нравственность. Истинно-нравственнымъ нельзя назвать ни семейства, составляющаго высшее отношеніе потенціи природы, ни тѣмъ менѣе «ея отрицательную сторону». «Нравственность, говорится въ началѣ третьей части системы, — съ помощію полнаго уничтоженія отдѣльности и относительнаго тождества, къ которымъ способно единственно отношеніе природы, должна быть безусловнымъ тождествомъ разума, или природа должна быть заключена въ единствѣ безусловнаго понятія и существовать въ формѣ этого единства». Но намъ уже извѣстна общая характеристика этой сферы, и потому мы представимъ себѣ изъ нея еще нѣсколько новыхъ признаковъ. Созерцаніе идеи безусловной нравственности, форма, въ которой она проявляется, составляетъ *народъ*, такъ-какъ въ народѣ отдѣльное лицо, какъ разумность, совершенно равна всеобщему понятію, онъ самого себя видитъ въ цѣломъ, а цѣлое считаетъ за тождественное съ своею духовною отдѣльностью. Эта цѣлостность нравственности, разсматриваемая сначала въ состояніи *покоя*, выражаетъ идею *«государственной формы правленія»*. Она возникаетъ на основаніи индивидуальной нравственности, или *добродѣтели*. Добродѣтели суть ни что иное, какъ нравственность отдѣльныхъ лицъ, насколько они входятъ въ органическую цѣлостность народа. Такимъ образомъ мораль отличается отъ естественнаго права только въ той степени, насколько добродѣтели въ началѣ суть только «возможности всеобщаго *цѣлаго*», динамическое основаніе нравственности народа, или

государства. Безразличіе всѣхъ добродѣтелей, ихъ высшая потенція, есть *храбрость*, которая, по этому и «составляетъ цѣлый вѣнокъ добродѣтелей». Относительная, на отношеніяхъ основанная индивидуальная нравственность, вторая потенція, есть правдивость. Наконецъ самая низшая потенція есть довѣріе, или естественная, какъ-бы первоначальная нравственность. Однакожъ, не отдѣльность индивидуальнаго лица есть первое и истинное, но, божественная жизненность нравственной природы въ ея органической цѣлостности. По этому, въ ней потенціи нравственности должны представляться, какъ реальные образы. Такъ онѣ являются здѣсь, какъ три сословія: какъ сословіе абсолютное, или сословіе храбрости, сословіе благородное; гражданское сословіе правдивости; сословіе крестьянское, или сословіе грубой нравственности и довѣрія. Но, раздѣленная на сословія система, только тогда будетъ въ истинномъ смыслѣ познана, когда мы ее себѣ представимъ въ процессѣ ея *движенія*. Безусловная нравственность во второй потенціи есть безусловный *процессъ* нравственной жизни, или «правленіе». Послѣднее дѣлится въ свою очередь непосредственно на «безусловное и всеобщее правленіе». Вполнѣ очевидно, что это различіе сводится на различные правительственные мѣста находящіеся между главою государства и министерствами, что подъ безусловнымъ правленіемъ все то соединено, что въ позднѣйшей Гегелевой философіи было раздѣлено на власть «государя и власть законодательную». Между-тѣмъ-какъ всеобщее правленіе совпадало съ тѣмъ, чтó послѣ называлось «правительственною властію». Тѣмъ не менѣе цѣлая сословная сфера, и такимъ сильнымъ акцентомъ отмѣченное содѣйствіе народа, совершенно исчезаетъ въ платонизмѣ его тогдашняго образа понимація. Чисто-разсудочное обозначеніе различныхъ властей совершенно исчезаетъ за Шеллингіанизмомъ его тогдашняго способа представленія. Поэтому, безусловное правленіе характеризуется у Гегеля какъ «безусловный покой въ безконечномъ движеніи». Оно возвышается надъ цѣлымъ, представляя и охраняя собой его безусловное отношеніе, какъ вмѣстилище законодательства; поэтому, исходя изъ перваго сословія, хотя оно и передано было въ руки священниковъ и старшихъ, но не съ тѣмъ, чтобъ быть ихъ созданіемъ и выборомъ, а должно носить на себѣ характеръ божественнаго освященія. Съ другой стороны «всеобщее правленіе характеризуется какъ правленіе, — насколько оно не

только представляетъ цѣлое какъ цѣлое и блюдетъ надъ нимъ, но и управляетъ имъ въ его отчетливо сочлененной опредѣленности», — «какъ движеніе стремящееся къ развитію всѣхъ потенцій и впервые въ самимъ себѣ полагающее и изъ себя производящее это развитіе». Въ каждомъ дѣйствіи этого всеобщаго правленія соединены законодательная, судебная и исполнительная власти. Желать раздѣлить эти власти и постановить ихъ, какъ различные одну отъ другой, было-бы пустою химерой. Напротивъ, моменты всеобщаго правленія должны сами сдѣлаться системами, чтобы быть признанными за органическіе. Такимъ образомъ составилась система *потребностей*, система *правосудія* и система образованія. Въ-отношеніи къ первой изъ этихъ системъ правительство имѣетъ задачи противустоять безконечному колебанію стоимости предметовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворять потребности государства съ помощію системы налоговъ. Другіе двѣ системы Гегель излагаетъ въ концѣ, но совершенно афористически. Дѣятельность правленія во второй изъ этимъ системъ распредѣляется по ея отношеніямъ къ гражданской юстиціи, къ уголовной и къ войнѣ; въ третьей части системы, дѣятельность правленія имѣетъ цѣлью воспитаніе и науку, равно-какъ съ другой стороны она является дѣятельностію колонизирующею и съ характеромъ полицейскаго надзора.

Такова была внутренняя сущность «системы нравственности» Судя по ея послѣднимъ и самымъ отличительнымъ побужденіямъ нельзя не замѣтить, что она проникнута гораздо болѣе, нежели всѣ прежнія части Гегелевой философіи, исключительнымъ духомъ Гегеля. По формѣ и способу изложенія она носитъ на себѣ печать болѣе Шеллингова, чѣмъ Гегелева духа. Металлъ принадлежалъ Гегелю, штемпель Шеллингу. Она, повторю, дополняетъ наши прежнія доказательства: Гегель не только приспособлялся къ Шеллингу, но даже въ извѣстной степени подчинялся особенностямъ послѣдняго и увлекался ими. Но эта система показываетъ съ большею очевидностію, нежели всѣ другіе труды принадлежащіе къ этому періоду, что вліяніе Шеллинга простиралось исключительно на форму Гегелевыхъ сочиненій. Примыкая къ Шеллингу, Гегель незамѣтно углубляется въ свои собственныя воззрѣнія; такъ погружаясь въ самаго себя, проходитъ онъ подъ знаменами «системы тождества» ту школу, которая послужитъ для него средствомъ достиженія высокаго искусства въ философской так-

тикѣ—къ образованію и достовѣрному обладанію той методы, съ помощію которой онъ могъ противупоставить могучія силы своихъ мыслей силамъ своего прежняго союзника.

ЛЕКЦІЯ ДЕВЯТАЯ.

Разрывъ съ разсудочной философіей.

Та изъ трехъ частей системы, которую Гегель набросалъ послѣ другихъ, прежде всѣхъ были имъ переданы публикѣ въ общихъ чертахъ. Изданіе «Критическаго журнала философіи» закончено было большой статьей Гегеля: «О наукообразныхъ способахъ изложенія естественнаго права; о принадлежащемъ ему мѣстѣ въ практической философіи и объ его отношеніи къ положительнымъ наукамъ права»(42). Эта статья оканчивается краткимъ начертаніемъ естественнаго права по началамъ безусловнаго идеализма, и представляетъ собой опытъ изложенія его, какъ «системы нравственности» въ тѣсной связи съ такъ-называемымъ ученіемъ о нравахъ. Написанная вскорѣ послѣ очерка, который служилъ Гегелю для его лекцій, эта статья вполнѣ показываетъ непринужденность обращенія философа съ своимъ предметомъ, и содѣйствуетъ еще къ большему выясненію внутренняго смысла его этики, равно какъ и ея внутренней связи съ метафизикой и физикой Гегеля.

Въ этой статьѣ, въ свободной и гораздо менѣе доктринерной формѣ снова повторяются основныя мысли «системы нравственности». Здѣсь легко обозначенъ способъ раздѣленія, отличающійся бо̀льшею естественностію и болѣе серьезнымъ углубленіемъ въ содержаніе излагаемаго предмета. Теперь Гегель уже не предоставляетъ преступленію играть роль второй части между областью потребности, труда и обладанія и сферой безусловной нравственности; напротивъ того, отъ области, извѣстной подъ названіемъ область *практическаго*, отдѣляется, какъ вторая, область *права;* наконецъ, надъ ними обѣими возвышается, какъ абсолютная, область *нравственности.*

Но, еслибъ еще оставалось, какое-нибудь сомнѣніе хотя на счетъ того, что этика теперь наполняетъ собой всю сферу философіи духа, или, еслибъ казалось неяснымъ, входитъ-ли она и

насколько въ главный планъ цѣлой системы, — это сомнѣніе и эта неясность исчезли-бы передъ очевидными объясненіями только-что упомянутой нами статьи. Здѣсь уже не двусмысленно называется государство «безусловнымъ живымъ духомъ». Такимъ образомъ, всякій выходъ и переходъ изъ понятія о государствѣ въ какое-нибудь еще высшее понятіе отрѣзывается слѣдующими словами: въ «безусловной нравственности безусловная форма соединена въ одно съ безусловной субстанціей въ самомъ истинномъ смыслѣ». Объ исторіи здѣсь упоминается въ первый разъ. Но, и она является здѣсь, исключительно, какъ исторія нравственности: идея государства служитъ ей источникомъ матеріальнаго содержанія, цѣлью и закономъ. государственныя формы, какъ онѣ являются, соотвѣтственно различію временъ и народовъ, составляютъ реальность міроваго «духа», а міровой духъ въ цѣлостности своего проявленія и движенія, составляетъ съ появляющимся въ природѣ духомъ второе и послѣднее безусловное завершеніе идеи духа, постановленной въ логикѣ и метафизикѣ. Съ всевозможной точностію обозначены здѣсь «физическая и нравственная природы», какъ двѣ единственно возможныя формы проявленія абсолютнаго. Во всей статьѣ чувствуется эта двойственность и параллелизмъ между чистой природой и нравственностью. Какъ нельзя явственнѣе проходитъ, чрезъ всю систему одна нить, — рефлективный процессъ абсолютнаго духа и вслѣдствіе того постановленное трехъ-членное раздѣленіе цѣлаго. Духъ и природа, — такъ училъ и Шеллингъ, — стоятъ другъ возлѣ друга, какъ двѣ существенныя принадлежности абсолютнаго. Но, еще болѣе: — такъ учитъ Гегель съ свойственнымъ ему своеобразнымъ пониманіемъ абсолютнаго, какъ духа: — духъ, или нравственная природа выше природы физической. Абсолютное, по своей природѣ заключается въ томъ, (впрочемъ Гегель въ своей логикѣ и метафизикѣ предоставилъ природѣ право постановить самое себя), что «оно созерцаетъ самое себя, какъ самое себя», оно есть «безконечное распространеніе наружу и снова безконечное воспріятіе себя въ самое себя». Это распространеніе есть видимая природа, а возвращеніе къ себѣ — безусловная нравственность. Въ послѣдней, впервые, безусловно осуществляется идея абсолютнаго духа, какъ «безусловнаго познанія». Впервые, только при обратномъ воспріятіи вселенной въ самаго себя, становится духъ «столько-же раздѣльною цѣлостностію этой множественности, надъ которою онъ возвышается, сколько и ея безуслов-

ной идеальностію, въ которой онъ уничтожаетъ эту раздѣльность и отражаетъ въ себѣ, какъ непримиренную точку единства безконечнаго понятія».

Такъ въ цѣломъ и общихъ чертахъ Гегель только объясняетъ отношеніе третьей части своей системы къ двумъ первымъ; но, въ то-же время, онъ указываетъ и на тò, чего мы до-сихъ-поръ не знали, — на *точку перехода изъ философіи природы въ этику*. Мы сопутствовали ему въ первой до начала «органическаго» (43). Всѣ ступени природы до этой ступени представляли собою только зарожденіе «познанія», постоянно развивающееся осуществленіе сущности «эфира», или «матеріи». Но, и въ самомъ органическомъ — сказано тамъ-же, — это осуществленіе еще не вполнѣ совершилось. Даже въ самыхъ высшихъ органическихъ произведеніяхъ природы не встрѣчаемъ полнаго тождества того, чтò такое эфиръ по своему существу, и чѣмъ онъ долженъ сдѣлаться, если абсолютный духъ долженъ себя въ немъ познать «какъ эфиръ». Это тождество, или «сочетаніе простой субстанціи съ формою безусловной безконечности», впервые достигается «въ разумѣ». Только въ разумѣ индивидуализированіе можетъ увлечься до безусловнаго отрицанія, быть противуположностію самому себѣ. Поэтому, только въ разумѣ лежитъ возможность изъ безусловной единичности сдѣлаться безусловною всеобщностью. Но, эта возможность, — отличительный характеристическій признакъ, безусловнаго познанія—осуществляется только въ нравственности. И такъ, нравственность есть дѣйствительность или истина разума, а слѣдовательно, — и истина природы и безусловно-безусловное осуществленіе идеи абсолютнаго духа.

Но, эта статья о способахъ изложенія естественнаго права служитъ не только дополненіемъ и объясненіемъ рукописнаго очерка «системы нравственности», но имѣетъ еще и другую сторону. Положительные доводы, которые въ ней заключаются, составляютъ только обратную сторону его *полемическихъ* доказательствъ. Различные способы «изложенія естественнаго права», отъ которыхъ она и получила свое названіе, суть: эмпирическій и раціоналистическій, или Канто-Фихтевскій способъ; въ среду этихъ двухъ способовъ Гегель ставитъ теперь умозрительно-философскій способъ, который онъ здѣсь приводитъ какъ-бы на пробу. Съ этой стороны статья Гегель представляется какъ-бы звѣномъ цѣлой цѣпи *критико-полемическихъ доказательствъ*. Первое, чѣмъ

Гегель ознаменовалъ свое вступленіе въ область литературы и науки, заключалось въ прямомъ примкнутіи къ Шеллингу. Но, въ то-же время, онъ долженъ былъ сдѣлать и второй шагъ: онъ видѣлъ себя въ необходимости *разорвать союзъ съ до-Шеллинговымъ, равно какъ и съ современнымъ философствованіемъ.* То и другое непосредственно совершилось при появленіи сочиненія: «О различіи между Фихтевой и Шеллинговой системами». Подобное находимъ и въ выше упомянутой нами статьѣ. Еще съ большимъ перевѣсомъ критическаго направленія выступаетъ этотъ фактъ въ одной прежней статьѣ, напечатанной въ журналѣ подъ заглавіемъ: «Вѣра и знаніе, или рефлективная философія субъективности». Наконецъ, это-же самое повторилось и въ цѣломъ рядѣ другихъ критическихъ статей (44). Новый журналъ получилъ свое названіе отъ критики; критическій журналъ есть поприще, на которомъ нашъ философъ всесторонне и съ необыкновенной проницательностію, самоувѣренностію и опредѣленностію вступаетъ въ свободное и ясное отношеніе къ цѣлому періоду движенія мысли со временъ Канта. Это отношеніе и процессъ этого разрыва слѣдуетъ знать каждому. Поэтому мы соединимъ здѣсь всѣ относящіяся до этого факта статьи, и прежде всего укажемъ на *точку зрѣнія*, основанную *на началахъ*, и на *всеобщую формулу* критическаго пріема.

Гегель самъ въ этомъ случаѣ говоритъ очень ясно и выразительно. Во введеніи къ журналу онъ объясняетъ, на основаніи своего собственнаго взгляда и взгляда своего сотрудника, въ чемъ заключается сущность философской критики. «Какъ идея прекраснаго искусства»,— онъ говоритъ — «впервые не создается самой художественной критикой, но непремѣнно предполагается ею; такъ точно въ философской критикѣ идея философіи есть условіе и предположеніе, безъ которыхъ она постоянно и всегда противуполагала-бы только субъективность субъективности, но никогда не противуполагала-бы абсолютнаго—условному». Такимъ образомъ точка зрѣнія этой критики заключается въ двойномъ убѣжденіи. Во-первыхъ: философія есть только одна, равно-какъ и умъ есть только одинъ; и во-вторыхъ: эта единая философія именно есть та, которая съ самаго начала твердо пребываетъ въ абсолютномъ и въ познаніи этого абсолютнаго, — философія, какъ она въ послѣднее время выразилась въ Шеллинговой системѣ тождества. Поэтому, только для тѣхъ — говоритъ далѣе Гегель — эта критика можетъ имѣть смыслъ, въ которыхъ

лежитъ идея единой и той-же философіи. Прежде всего здѣсь дѣло идетъ объ отдѣленіи философіи отъ не-философіи. Но, тамъ, гдѣ идея философіи дѣйствительно существуетъ, тамъ дѣло критики ясно указать способъ и степень ея свободнаго и свѣтлаго господства, равно-какъ и границы, въ которыхъ она себя выработала до наукообразной системы философіи. Только въ этомъ смыслѣ перестаетъ критика быть полемикой и дѣломъ партіи, провозглашая враждебное ей, даже не интересомъ партіи, но, чисто дѣломъ, не имѣющимъ никакого значенія.

Такого рода узами соединенная въ началѣ нашего вѣка, Шеллинго-Гегелева философія, приняла надменное положеніе въ-отношеніи своихъ предшественницъ и близкихъ родственницъ. Французская республика, хвастливо говорилъ Наполеонъ, не нуждается ни въ чьемъ признаніи, подобно солнцу. Точно такъ истинная философія, говорится здѣсь почти тѣми-же словами, заставляетъ себя признавать уже за одно то, что она *существуетъ*, что она господствуетъ. Подобно тому, какъ Фридрихъ Шлегель вздумалъ противупоставить дѣятельность геніальнаго *я* совокупности объективныхъ нравственныхъ отношеній; такъ здѣсь геніальное воззрѣніе на вселенную, какъ на художественное произведеніе, или на прекрасное и живое цѣлое, позволяетъ себѣ противупоставлять себя всѣмъ другимъ воззрѣніямъ на міръ. Что въ стремленіи Шлегеля было только поддѣльнымъ паѳосомъ парадоксіи, то здѣсь превратилось въ кажущійся наукообразный, во всякомъ случаѣ болѣе солидный и болѣе убѣдительный паѳосъ. На Гегеля, при его вступленіи въ романтическій кругъ перешла добрая доля того могущаго сознанія, которое укрѣпляло себя уразумѣніемъ и построеніемъ «абсолютнаго». Чрезъ столкновеніе съ Шеллингомъ своеобразный идеалъ, такъ долго и всецѣло наполнявшій Гегеля, его крайняя убѣжденность и его чисто-категорическая натура восприняли въ себя колоритъ геніальнаго сознанія. Полный этого романтическаго настроенія онъ вступаетъ въ бой. Съ гордостью опьяняющаго восторга, который переполнялъ романтиковъ, Гегель соединялъ всю важность, всю серьезность и объективность своего индивидуальнаго строя чувствъ. Его критическія статьи отличаются своеобразнымъ соединеніемъ шуточнаго и серьезнаго, смѣлости и неудобопонятности, геніальности и прочнаго знанія. Конечно, можно замѣтить различіе во внутреннемъ характерѣ этихъ статей. Съ безпощаднымъ

юморомъ, и тѣмъ цинизмомъ, который, по образцу «Ксеній» сдѣлался моднымъ тономъ съ помощію «Атенея и Фихтева сочиненія, противъ Николаи», онъ преслѣдуетъ, съ крайной жестокостью, Рейнгольдта и Бардили, Круга, Вейсе и Рюкерта. Нельзя себѣ представить болѣе потѣшнаго зрѣлища, какъ то, когда безусловный идеализмъ начинаетъ заниматься тѣмъ, что̀ Гегель уже въ началѣ своего введенія называетъ *не* философіей, а систематической пошлостью. Въ торжественный тонъ, съ которымъ представляется «абсолютное», нерѣдко вторгается высокомѣрное и дерзкое презрѣніе къ стремленіямъ «просвѣщенія», къ удобопонятности, къ пошлой разсудочности» и къ такъ-называемому «здравому человѣческому смыслу». Уваженіе, въ которомъ нельзя-же совершенно отказать какому-нибудь Канту и Фихте, — предшествовавшимъ великимъ мужамъ философіи,—размѣниваютъ здѣсь на изысканное презрѣніе къ славѣ крошечныхъ властелиновъ мысли. Такъ, напримѣръ, когда въ сочиненіяхъ Круга Гегель указываетъ на то̀, какъ «простой человѣческій смыслъ понимаетъ философію», или, какъ онъ говоритъ о Рюкертѣ и Вейссе, то характеризуетъ ихъ философію названіемъ такой, для которой «не требуется ни мышленія, ни знанія». Но, въ сущности, это различіе заключается только въ тонѣ и манерѣ. Справедливѣе сказать, что это разъединеніе съ Кантомъ, Фихте и Якоби, на самомъ дѣлѣ, есть чисто-категорическое, и точкой отправленія ему служитъ то-же самое сознаніе безусловнаго превосходства надъ ними.

Дѣйствительно, разъединеніе съ Кантомъ, по своему формальному принципу, заключается ни въ чемъ другомъ, какъ въ указаніи, что единственно истинный принципъ умозрѣнія, т.-е. тождество субъекта и объекта, проявляется по временамъ и у Канта; но, такъже быстро и исчезаетъ, иногда даже самъ Кантъ сознательно и преднамѣренно его уничтожаетъ. Нашъ критикъ снова признаетъ это тождество, которое въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ выразилось у Канта въ его понятіи о трансцендентальной фантазіи. Въ Кантовомъ понятіи разсудка и въ выводахъ категорій находитъ онъ, что «умозрительная идея» уже лишена своихъ потенцій и видитъ ее, наконецъ, совершенно низведенною до чисто формальнаго тождества въ характеристикѣ и въ опредѣленіи границъ разума. Снова находитъ онъ истинную идею разума, мысль безусловнаго тождества въ *томъ* понятіи, которое Кантъ представляетъ о прекрасномъ и объ органическомъ. И такъ, гдѣ Кантъ говоритъ о проблематическомъ представленіи

«созерцающаго разсудка», онъ стоитъ, по мнѣнію Гегеля, совершенно на точкѣ зрѣнія абсолютнаго, въ которой равномѣрно должно быть вполнѣ отождествлено идеальное и реальное. Но, увы? это представленіе для Канта есть чисто проблематическое: онъ отвергаетъ и презираетъ его, едва только составилъ его себѣ, и вслѣдствіе того, въ судилищѣ безусловнаго идеализма произносится слѣдующій приговоръ: конечно философія Канта, заключаетъ въ себѣ истинно умозрительную сторону, «идея» въ ней обдумана и выражена съ крайней опредѣленностію; но, тѣмъ прискорбнѣе видѣть, что «разумное начало не только снова приведено въ неясность, но даже съ полнымъ сознаніемъ высшая идея извращена, а рефлексія, равно-какъ и конечное познаніе поставлены надъ нею».

Произнесши такое сужденіе надъ Кантомъ, онъ приступаетъ къ *Фихте.* И здѣсь руководствуется онъ такимъ-же простымъ способомъ. Различіе заключается только въ томъ, что у перваго «истинный принципъ умозрѣнія», такъ сказать, выплываетъ въ различныхъ мѣстахъ въ его трехъ «Критикахъ», между-тѣмъ-какъ у втораго это начало проявляется только при случаѣ и въ его замѣчаніяхъ на счетъ сущности «эстетическаго», преимущественно-же въ самомъ концѣ «Ученія о наукѣ». Фихтева философія, — объ этомъ Гегель говоритъ съ большой ясностію и силой, въ своемъ сочиненіи: «Различіе между Фихтевой и Шеллинговой системами философіи» и въ статьѣ «о вѣрѣ и знаніи», — имѣетъ двѣ различныя стороны: одна изъ нихъ та, съ помощію которой она безусловно признала понятіе разума и умозрѣнія, слѣдовательно признала возможность философіи; другая та, съ помощію которой это-же самое понятіе снова истолковано ложно и обращено въ конечное и одностороннее. Фихте отправляется отъ акта самосознанія,—отъ акта, въ которомъ *я* есть только возвращающійся въ самого себя субъектъ-объектъ. Такъ вотъ она, восклицаетъ Гегель, — эта идея безусловнаго тождества? Но, у Фихте, послѣдующее служитъ только доказательствомъ того, что въ конкретномъ знаніи, равно-какъ и въ конкретномъ дѣйствіи, это тождество не существуетъ, или, говоря другими словами, что мы ни въ наукѣ, ни въ практической дѣятельности отнюдь не имѣемъ способности къ успѣху ни къ эстетическому наслажденію художественнымъ творчествомъ. Но именно это-то внесеніе эстетическаго наслажденія въ міросозерцаніе и составляетъ

душу Шеллинго-Гегелева способа созерцанія. Вотъ причина сжато составленной, категорической критики и осужденія Фихте, — критики которая могла-бы съ такимъ-же правомъ считаться за простое описаніе, еслибъ безусловно единственное право абсолютнаго тождества не служило твердой неизмѣнной точкой отправленія. Въ принципѣ, говорится тамъ-же; въ своемъ *я* = *я* Фихте отважно высказалъ «истину», но, впослѣдствіи, этотъ принципъ уступилъ рефлексіи, потому-что хотя абсолютное тождество, какъ начало, поставлено было во главѣ системы, но не удержалось въ ея цѣломъ содержаніи. Сущность *я* и постановленіе его не совпадаютъ вмѣстѣ. Безусловное тождество остается только правиломъ, безконечное исполненіе котораго требуется, но въ самой системѣ не подводится подъ правила построенія. Высшій синтезисъ, который представляетъ система, есть не иное что̀, какъ простой капризъ абсолютнаго тождества, простое стремленіе и обязательный долгъ. Самая настоящая сущность принципа я=я превращается, въ развитіи системы, въ принципъ: я *должно быть* равно я. Трансцендентальное созерцаніе нигдѣ не возводитъ себя до степени безусловнаго самосозерцанія, но неизмѣнно пребываетъ въ своей субъективности; поэтому, хотя субъективное и есть субъектъ-объектъ, но не есть объектъ, не есть цѣлая вселенная. Фихтева система, — сказано въ другомъ мѣстѣ, — должна быть окончательно перевернута. Фихте отправляется отъ чистаго знанія, измѣряя вселенную этимъ масштабомъ, онъ призналъ ее не за тожество идеальнаго и реальнаго, но только за процессъ, за возникновеніе этого тождества въ прогрессѣ безконечнаго времени. Истинна-же, по опредѣленію и торжественному объявленію абсолютнаго идеализма, заключается въ обратномъ. Идею цѣлостности *должно* постановить какъ абсолютное, тогда, измѣряя ею чистое знаніе Фихте, найдемъ, что оно есть не полное и относительно не истинное.

Не иначе дѣйствовалъ Гегель, произнося свое сужденіе о Якоби. Весь интересъ его сочиненій, по словамъ критика, заключается въ музыкѣ, созвучіи и отголоскѣ умозрительныхъ идей. Но, эти идеи у Якоби, какъ и у Канта и Фихте, преломляются въ средѣ абсолютности бытія рефлексіи. Онъ такъ-же нѣсколько разъ подтверждаетъ признаніе субъектъ-объекта, но послѣдній, по его понятію, удерживаетъ только форму чувства, или вещь, онъ ее признаетъ не за свободную идею разума, но за субъективно-остроумное предположеніе. По этому, отношеніе, въ которое Якоби ставитъ себя къ абсолютному, есть

отношеніе безусловной конечности къ истинно-абсолютному, есть отношеніе вѣрованія. Его философія есть философія вѣры, въ которой хотя и проявляется умозрительная идея, но только въ субъективной формѣ и какъ нѣчто частное, такъ-же мало способное быть возведеннымъ во всеобщность, какъ и сдѣлаться предметомъ мышленія. Философствованіе *Гердера* есть только измѣненіе этого способа мышленія: въ *Шлейермахеровыхъ* «Бесѣдахъ о религіи», можно замѣтить только высшее развитіе этого образа мышленія.

Я не безъ основанія, сокращаю, передачу этихъ Гегелевыхъ приговоровъ, потому что однообразіе этого способа суда такъ-же легко понять, какъ и доставляемую имъ усталость. Но, теперь намъ остается одинъ вопросъ, котораго нельзя долѣе отлагать. Намъ извѣстенъ законъ, по которому совершается сужденіе: мы, съ полнымъ правомъ спрашиваемъ объ основныхъ условіяхъ этого закона. Такъ, напримѣръ, Шеллингъ уволилъ себя отъ всякаго доказательства въ пользу права признанія справедливой точки зрѣнія тождества. Въ системѣ «Трансцендентальнаго идеализма», онъ доказалъ, что съ помощію производительной фантазіи и въ художественномъ произведеніи *тождество* субъективнаго и объективнаго становится объективнымъ. Это самое, безъ всякихъ доказательствъ, онъ перенесъ въ своемъ сочиненіи, «Изложеніе моей системы», на цѣлую вселенную. Именно, для оправданія этого объобщенія художественнаго воззрѣнія не далъ онъ никакого доказательства, и потому между заключеніемъ этого сочиненія и началомъ вышеупомянутаго образовалось ни чѣмъ не наполненное пространство. Междѣ-тѣмъ, гдѣ, какъ не въ критическомъ журналѣ, долженъ былъ быть восполненъ этотъ пробѣлъ? Усвоивши себѣ Шеллинговы формулы, не обязанъ-ли былъ Гегель подкрѣпить ихъ при всякомъ случаѣ, болѣе подробными доказательствами? Не обязывали-ли его къ этому преимущественно тѣ случаи, когда онъ прилагаетъ умозрительную идею безусловнаго тождества, какъ неизмѣнный масштабъ ко всякому другому философствованію? не вдвойнѣ-ли онъ обязанъ былъ къ этому передъ лицемъ тѣхъ философскихъ системъ, которыя положительно утверждали, что ихъ сущность заключается въ основанной на критикѣ достовѣрности знанія и несомнѣнности истины? Странно, но тѣмъ не менѣе неоспоримо и очевидно: мнѣніе Гегеля *было иное* въ эпоху сочиненія этихъ статей. Не только онъ не даетъ никакого яснаго доказательства въ защиту такъ-называемой умозри-

тельной точки отправленія, но, даже отказываетъ въ немъ въ довольно въ жесткихъ словахъ. Онъ рѣзко противупоставляетъ себя въ этомъ отношеніи Рейнгольду, который дѣйствительно разжидилъ и превратилъ въ поверхностное, въ какое-то только пріуготовительное философствованіе критическую философію Канта, и который съ своимъ «стремленіемъ къ основанію и изслѣдованію», какъ говоритъ Гегель, каждаго «потому-что» и «нисколько», «тогда» и «на столько», никогда не могъ ни выйти изъ себя ни вступить въ область философіи. Въ одномъ изъ писемъ отъ «Цетеля къ Сквенцу», напечатанныхъ въ критическомъ журналѣ, т.-е. отъ Рейнгольда къ Бардили, первый считалъ своею обязанностію жаловаться, что докторъ Гегель горько приправилъ слишкомъ проблематическій способъ философствованія, такъ-какъ онъ самъ есть только «категорическій человѣкъ, который не терпитъ большихъ церемоній съ философіей и «не имѣетъ даже вкуса къ ней» Шеллингъ, какъ это было ему свойственно, вложилъ эти слова въ уста Рейнгольду. И онъ былъ правъ. Слова: «не имѣетъ вкуса къ философіи», совершенно справедливы. Не возможно-ли крайнюю противуположность по сравненію съ Рейнгольдовымъ «стремленіемъ къ изслѣдованію и доказательству», заключали въ себѣ слова Гегеля, когда онъ утверждалъ, что для достиженія философіи должно «ринуться въ нее стремглавъ», такъ-какъ разумъ можетъ возвыситься до философскаго умозрѣнія «только чрезъ возвышеніе себя до самого себя, и ввѣряя себя самому себѣ и абсолютному, которое въ тоже время составляетъ его предметъ». Въ этомъ смыслѣ называлъ онъ абсолютное прямымъ предположеніемъ философіи, которое могло быть искомо только на томъ основаніи, что оно уже существуетъ, которое разумъ создалъ для себя единственно только потому, что оно освобождало сознаніе отъ не абсолютнаго и отъ всѣхъ ограниченностей и конечныхъ явленій. Вотъ почему Гегель всякое притязаніе, какъ напримѣръ: доказать абсолютное, отвергалъ какъ глупость и ограниченность «поверхностнаго разсудка, ложно распространяющаго на «абсолютное», такія притязанія, которыя имѣютъ смыслъ только по отношенію къ конечному. «Истинное познаніе, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — находитъ свой покой и свое основаніе въ самомъ себѣ»; оно «начинается съ абсолютнаго, который не есть только часть цѣлаго, или, что нибудь неполное, равно какъ не есть что-нибудь досто-

вѣрное и истинное только для эмпирическаго взгляда, или возможное только съ помощію отвлеченія», но, можетъ быть понимаемо только истинно-духовнымъ созерцаніемъ.

Никто не имѣетъ права вносить въ эти примѣчанія другаго смысла, чѣмъ какой она содержитъ. Гегель въ своей логикѣ и метафизикѣ, проложилъ для самаго себя путь, который постепенно велъ отъ конечнаго къ безконечному, къ идеѣ абсолютнаго. Можетъ быть, онъ поступилъ-бы лучше, еслибъ преобразилъ этотъ путь въ опредѣленную форму доказательства. И дѣйствительно, въ своихъ лекціяхъ онъ придалъ это значеніе логикѣ хотя только въ краткихъ намекахъ (45). Но, въ томъ видѣ, какъ онъ *теперь* и *публично* излагалъ этотъ предметъ,—къ абсолютному не ведетъ, не можетъ и не должна вести никакая лѣстница. Напротивъ-того, съ *требованіемъ* «истиннаго умозрительнаго созерцанія», того созерцанія, которое «Все» считаетъ за тождество идеальнаго и реальнаго созерцанія, и которое Кантъ въ первообразномъ Разумѣ (intellectus archetypus) представлялъ себѣ впродолженіе нѣкотораго времени чѣмъ-ло проблематически-мыслимымъ, — съ этимъ требованіемъ непосредственно связано начало точно-такъ-же, какъ Шеллингъ началъ свое сочиненіе: «Изложеніе системы», простымъ объясненіемъ: *это есть абсолютное*; другой философіи, кромѣ философіи съ точки зрѣнія абсолютнаго, нѣтъ. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается общее указаніе, намекъ на то, какимъ путемъ можно возвыситься до истинно-умственнаго созерцанія, и слѣдовательно до абсолютнаго. Это та самая процедура, которую нѣкогда употреблялъ самъ Шеллингъ, и потомъ описалъ ее. Въ Канто-Фихтевой философіи стоитъ человѣкъ на почвѣ сознанія, или субъективности. Чтобъ сойти съ этой Фихтевой точки зрѣнія, чтобъ понять во всей чистотѣ трансцендентальное созерцаніе, философское размышленіе, должно выйти и изъ сферы этого субъективнаго съ цѣлью сдѣлать его главнымъ основаніемъ философіи не въ субъективномъ, или объективномъ смыслѣ, не какъ матерія, противуположная самосознанію, или самосознаніе—матеріи, но какъ безусловное, ни субъективное, ни объективное тожество, но какъ чисто-трансцендентальное созерцаніе». Такого рода указанія, весьма ясное само-по-себѣ, встрѣчаемъ мы во многихъ мѣстахъ съ различными измѣненіями. Но, указанія не есть доказательства, и, что̀ гораздо важнѣе, его настоящій смыслъ до такой степени ясенъ,

что для насъ, въ то-же время становится понятнымъ, почему здѣсь не можетъ быть доказательствъ: то, что̀ должно быть доказано, доказано быть не можетъ.

Фихте, для начала философіи, ничего не требуетъ такого, что̀ не заключалось-бы непосредственно въ самой сущности мышленія. Если онъ требуетъ, чтобъ мы стали на точку зрѣнія чистаго самосознанія, онъ имѣетъ на это полное право. Основаніе этого требованія заключается въ томъ, что *я*, — какъ основаніе, которое не можетъ не быть мыслимо, въ то-же время остается хранителемъ всякаго другаго мышленія, слѣдовательно, само по себѣ самое достовѣрное, — *eo ipso* самое несомнѣнное. Смыслъ этого требованія заключается въ томъ, чтобъ всякое другое знаніе было приведено къ этой первоначальной точкѣ достовѣрности, чтобъ *я*, полное достовѣрности, въ самомъ себѣ, непремѣнно присутствовало во всемъ этомъ. Напротивъ того, Шеллингъ и Гегель для начала философіи требуютъ такого рода дѣятельности, которая ведетъ за предѣлы мышленія въ области совершенно другаго рода духовной дѣятельности. Они не только требуютъ прямаго уничтоженія самосознанія, какъ такого, но даже требуютъ, чтобъ это уничтоженіе совершилось съ помощію рефлексіи. Они требуютъ, чтобъ мы отказались отъ признанія *я* средоточіемъ всякаго знанія и познанія, требуютъ чтобъ то̀, что̀ не можетъ не быть мыслимо, было вырвано изъ мышленія, чтобъ наше мыслящесознательное присутствіе было изъято изъ всякаго рода мышленія. Дѣйствительно, то́ дѣйствіе, котораго въ этихъ обстоятельствахъ требуютъ Шеллингъ и Гегель для философіи и, слѣдовательно, совершаемое только съ помощію акта мышленія, — внѣ философіи и, безъ помощи рефлексіи, встрѣчается въ различныхъ видахъ. Всякое воззрѣніе и всякая дѣятельность, короче, всякая дѣйствительность возможна только при удаленіи отвлеченія нашего самосознательнаго присутствія при этомъ. Сущность художественнаго произведенія заключается единственно въ томъ, что оно вызываетъ и оправдываетъ такого рода духовную дѣятельность, въ которой сознаніе и безсознательность какъ-бы нейтрализируются. Наконецъ, въ жару религіознаго благоговѣнія сливается безразлично конечное сознаніе съ чувствомъ безконечнаго. Итакъ, требованіе, предъявленное Шеллингомъ и Гегелемъ по-отношенію къ философствующему, прямо ведетъ насъ къ *реальнымъ мотивамъ ихъ философіи*. Такимъ мотивомъ для Шеллинга было чисто-эстетическое. По его

мнѣнію, философія должна начинаться съ такой духовной дѣятельности, которая является естественною только въ противуположность искусству. Сложнѣе, богаче и глубже были мотивы философствованія Гегеля. Оно возникло, какъ послѣдній цвѣтъ его углубленія не только въ художественное произведеніе, но и въ самый художественный міръ грековъ. Оно ему служило замѣной того, чего ему недоставало въ дѣйствительности и современности. Оно таило въ себѣ всю совокупность стремленій его души къ практической дѣятельности, къ наглядной дѣйствительности, къ жизни въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Оно выросло изъ его пониманія религіи. Мы уже прежде наблюдали за постепеннымъ рожденіемъ его философіи изъ взаимнаго слитія всѣхъ этихъ мотивовъ, я тогда-же не преминули указать на сдѣланный при этомъ нашимъ философомъ скачокъ (46). Эти-то мотивы заставляютъ его теперь требовать, чтобы философія начиналась духовною дѣятельностію, подобно эстетической и религіозной, подобно тому настроенію, съ которымъ мы вступаемъ въ жизнь и въ дѣйствительность и которое яснѣе всего проявляется въ дѣятельности и произведеніяхъ древнихъ. Хотя по содержанію своему это требованіе полнѣе, чѣмъ Шеллингово, но въ сущности своей оно вполнѣ согласно съ послѣднимъ, и въ настоящемъ формулированіи оно теряетъ почти всякое различіе. По сущности своей, то и другое не подлежитъ доказательству. «Интеллектуальное созерцаніе», въ устахъ Шеллинга есть скачекъ отъ того, что̀ создаетъ искусство къ тому, что̀ должна создать философія. Интеллектуальное созерцаніе въ устахъ Гегеля есть скачекъ съ почвы искусства и религіи, дѣйствительности и жизни на почву рефлективнаго мышленія. И въ первомъ, и во второмъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ безсознательнымъ *смѣшеніемъ и запутанностію противуположныхъ точекъ зрѣнія.* Этотъ фактъ можно себѣ уяснить и сдѣлать понятнымъ; но доказать его законность не въ состояніи и самые виновники его.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, эта точка зрѣнія интеллектуальнаго созерцанія допускаетъ двойное псевдодоказательство. Съ одной стороны она можетъ быть доказана, — ежели только это можно назвать доказательствомъ, — тѣмъ, что̀ совершается на собственномъ основаніи и на почвѣ упомянутаго нами смѣшенія; съ другой стороны, она можетъ быть доказана, когда указаніе на право названныхъ нами реальныхъ мотивовъ безразлично будетъ замѣ-

нено указаніемъ на право и истинность мышленія, которое опирается на эти мотивы и вполнѣ проникнуто ими.

На первое доказательство, Гегель предъявляетъ требованіе, и въ точныхъ словахъ обѣщаетъ дать его. Второе-же доказательство онъ уже теперь предлагаетъ въ самомъ полномъ и удачномъ видѣ.

Онъ *обѣщаетъ* первое изъ этихъ двухъ доказательствъ. Дѣйствительно, онъ намѣренъ дать намъ такое доказательство, которое мы признали-бы вполнѣ удовлетворительнымъ, еслибъ его предложилъ какой нибудь поэтъ для бо́льшаго удостовѣренія въ своемъ поэтическомъ геніѣ. Если-бы Гегель далъ намъ счастливо-созданное поэтическое произведеніе, мы охотно признали-бы его творческую силу. И Гегель, дѣйствительно, обнадеживаетъ подобнымъ доказательствомъ читателей своего сочиненія: «Различіе между философіей Фихте и Шеллинга» и «Критическаго журнала» за присвоенное имъ себѣ право «истинно интеллектуальнаго созерцанія». Ему удастся, какъ онъ увѣряетъ, съ точки этого созерцанія представить вселенную какъ гармонически-построенную *систему*. Философія, какъ цѣлое основываетъ себя и свою точку отправленія въ *самой себѣ и чрезъ самое себя*. «Наука», здѣсь Гегеля слова ни нуждаются въ перифразисѣ, — «наука утверждаетъ, что она можетъ самое себя основать съ помощію того, что безусловно полагаетъ каждую изъ своихъ частей и черезъ это установляетъ въ началѣ и въ каждой отдѣльной части системы тождество и знаніе. Какъ объективное цѣлое, знаніе утверждаетъ себя на основаніяхъ тѣмъ болѣе прочныхъ, чѣмъ болѣе оно развивается, и части его образуются одновременно съ цѣлой областью познанія. Средоточіе и кругъ находятся въ такомъ между собою отношеніи, что первое начало круга есть уже отношеніе къ средоточію, которое до-тѣхъ-поръ не есть еще совершенное средоточіе, пока не восполнятся всѣ его отношенія, т.-е., цѣлый кругъ». «Въ самотворчествѣ разума», — какъ это говорится въ другомъ мѣстѣ, — абсолютное преобразуетъ себя въ объективную цѣлостность, составляющую полное, само на себя опирающееся цѣлое, не имѣющее внѣ себя основанія, но основанное только чрезъ самое себя въ своемъ началѣ срединѣ и концѣ. Такое цѣлое представляетъ собой цѣлую систему, организацію положеній и воззрѣній». Итакъ, система, *успѣшное образованіе художественно-*

научнаго цѣлаго должна доказать, что художественно-научная точка исхода, интеллектуальное воззрѣніе, есть истина.

Однакожь, какъ мы сказали, Гегель только *обѣщаетъ* это доказательство. Въ видѣ опыта и только отрывочно показалъ онъ, въ системѣ естественнаго права, предъ лицемъ массы публики, какое преобразованіе науки испытали-бы въ области интеллектуальнаго созерцанія. Тѣмъ полнѣе показалъ онъ уже теперь, въ своихъ отрицательныхъ и полемическихъ выводахъ, какое собственно значеніе имѣетъ эта система. Онъ уже теперь со всею настоятельностію старался утвердить реальныя основанія своего философствованія, о которыхъ было сказано выше, хотя онъ еще не издалъ въ свѣтъ этой системы, но изложилъ ее въ формѣ критики, направленной имъ противъ понятій софилософствовавшихъ. До-сихъ-поръ мы познакомились только съ формальной стороной критическихъ статей Гегеля. Теперь-же мы обращаемся къ ихъ матеріальному содержанію, къ тому, чтò составляетъ собственный нервъ цѣлой полемики, изъ которой образовалась сущность способа мышленія Гегеля, и чтò составляетъ живительную струю его системы. Мы уже видѣли представленный нашимъ критикомъ въ отвлеченной формулѣ выводъ, что Кантъ и Фихте, Якоби и Шлейермахеръ были не тверды въ понятіи объ абсолютномъ и въ познаніи абсолютнаго *in concreto*. Гегелева критика указываетъ, что мысли названныхъ нами мыслителей не сводятся къ цѣльности системы, но какъ-бы плаваютъ въ пустотѣ и формальности, въ сферѣ отвлеченій и недѣйствительности; что вслѣдствіе этого мы видимъ повсюду только *непрекрасное и несозрѣвшее*, *оскорбительное для эстетическаго и религіознаго чувства*, *неудовлетворяющее созерцанію*, *безобразное*, *не органическое*, *мертвое*.

Главный и общій упрекъ, который онъ дѣлаетъ въ совокупности наукѣ, существовавшей до него, столько-же пошлой эмпиріи, сколько и философскому раціонализму, состоитъ въ томъ, что ихъ опредѣленія «лишены дѣйствительности, не заключаютъ въ себѣ истины и суть только пустые призраки». Ошибку Кантова практическаго разума онъ находитъ, и совершенно справедливо, въ томъ, что послѣдній является у Канта «отвлеченіемъ воли отъ всякой матеріи», или потому, что идеальная сторона его не «переходитъ въ дѣйствительность». Дѣйствительно, вслѣдствіе этой пустоты и формальности, точка зрѣнія Кантовой моральной философіи представляется какъ-бы точкой зрѣнія неправственности. Основаніе

этого заключается въ томъ, что сила нравственности таится въ силѣ созерцанія и въ современности, но именно этой-то силы недостаетъ категорическому императиву, утверждаемая безусловность котораго можетъ осуществиться только тогда, когда какая-нибудь частность и опредѣленность будутъ возведены въ безусловную форму и, въ противность разуму, будутъ обезусловлены. Въ противуположность такой философіи онъ чувствуетъ въ себѣ наклонность стать на сторону эмпиріи, которая, если только она остается сама себѣ вѣрной и не подчиняется ложнымъ указаніямъ разсудка, согласуется въ результатѣ съ «идеей». Съ жаромъ и краснорѣчіемъ защищаетъ онъ, въ противуположность формализму разсудка, достоинство «чистаго и великаго созерцанія». Здѣсь опять до крайности очевидно, какъ и въ немъ говоритъ и дѣйствуетъ чувство къ наиболѣе полному индивидуальному уразумѣнію дѣйствительности,—чувство, живо охватившее этотъ періодъ. Въ этомъ своемъ критическомъ настроеніи, и гораздоэ нергичнѣе, чѣмъ при созданіи своей системы, Гегель жертвуетъ тому-же духу, который господствуетъ въ поэтическихъ произведеніяхъ, и даже въ ученыхъ обзорахъ Гёте. То, на чтò молодой Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, жаловался *Форстеру*, относительно тогдашняго состоянія философіи; то-же самое, только явственнѣе и болѣе въ наукообразной формѣ, чувствуется во всѣхъ Гегелевскихъ критическихъ статьяхъ. Большая часть нашихъ метафизическихъ сочиненій, — такъ писалъ Гумбольдтъ въ 1789 году, — не чтò иное, какъ упражненія для приложенія логическихъ правилъ, то, чтò обыкновенно выдаютъ за философію; дѣло идетъ только о вѣчномъ отвлеченіи (абстракціи) безъ всякаго отношенія къ осуществленію разсудкомъ раздѣленныхъ въ дѣйствительность явленій,—единственно только объ анализѣ *произвольно-построенныхъ* понятій, не дополняемыхъ ни наблюденіями надъ видимой природой, ни плодотворнымъ соединеніемъ въ одно цѣлое». Точно такой упрекъ дѣлаетъ Гегель, точно такъ характезируетъ онъ, двѣнадцать лѣтъ спустя, господствовавшій духъ въ наукѣ и философіи. «Ограниченность понятій», такъ говоритъ онъ въ одномъ крайне-рѣзкомъ мѣстѣ,—«твердое основаніе опредѣленности, возвышеніе какой-нибудь одной схваченной стороны явленія во всеобщность и усвоенное ей надъ другими первенство, вотъ чтò, въ послѣднее время выдаваемо было не только за теорію, но и за самую философію, которая, смотря по

тому, какъ она расплывалась въ пустыя отвлеченности и подчиняла себѣ только чистое отрицательное понятіе, какъ-то: свобода, чистая воля, человѣчество и т. д.,—получала названіе метафизики». Въ противуположность такого рода произведеніямъ въ сферѣ отвлеченности, Гегель требуетъ серьезнаго углубленія въ конкретное. Онъ сильно нападаетъ на частичное разсѣченіе того, что̀ само по себѣ есть «органическое и живое»; онъ требуетъ, чтобы частности были разсматриваемы вмѣстѣ (совокупно), чтобы они были обнимаемы нашимъ пониманіемъ въ ихъ взаимномъ «смѣшеніи и связности», какъ одно цѣлое во всей его полнотѣ и истинности. Его направленіе противуположное философіи восемьнадцатаго столѣтія напоминаетъ своимъ критицизмомъ направленіе принятое Бэкономъ, въ противуположность средневѣковой схоластикѣ. Оно себя выдаетъ за философію предметовъ въ противуположность философіи словъ, за мудрость, полную жизни, плодотворности и приложенія въ противуположность мудрости мертвой, не плодотворной и лишенной всякаго приложенія. Жизнь, какъ сказалъ Фихте, есть *не* философствованіе,—философствованіе есть *не* жизнь. Мнѣніе Гегеля объ этомъ совершенно противуположное. «Ничто,—говоритъ онъ, не требуетъ такого приложенія къ дѣйствительности и такого законнаго оправданія передъ всеобщимъ способомъ представленія, какъ то̀, что̀ есть слѣдствіе философіи, равномѣрно ничто не можетъ быть такъ индивидуально, такъ полно жизни и такъ незыблемо, какъ именно эти результаты философіи».

По истинѣ, весьма блестящими и убѣдительными, рѣзко затрогивающими современное настроеніе и эстетически-религіозную потребность, должно назвать тѣ мѣста въ Гегелевскихъ критическихъ статьяхъ, въ которыхъ онъ показываетъ, какою безобразною и разорванною является дѣйствительность въ зеркалѣ Кантовой и Фихтевой философіи. Чрезвычайно мастерски онъ доказываетъ, что Фихте лишилъ природу совершенно всякаго достоинства и обратилъ ее въ безусловно-лишенное духа и жизни явленіе. Въ жесткихъ выраженіяхъ онъ бичуетъ въ лицѣ Фихте «безуміе духовной гордыни» страшиться сознанія, что «человѣкъ есть одно безраздѣльное со вселенною, и что въ немъ дѣйствуетъ безконечная природа». Онъ показываетъ равномѣрно, какъ самое государство, у Фихте, низводится до жалкаго механизма нескончаемой полицейской дѣятельности, какъ свобода, въ ея отвлеченной

противуположности природѣ, обращается въ страшный деспотизмъ, какъ через это всякая истинно-свободная организація живыхъ существъ, всѣ «прекрасныя отношенія въ жизни» совершенно уничтожаются. Односторонности нравственной точки зрѣнія, возведенной Фихте до всеобщности, противупоставляетъ онъ съ крайнею опредѣленностію древне-нравственную эстетически-религіозную точку зрѣнія. Подобно тому, какъ сѣверно-варварскіе языки не имѣютъ для обозначенія абсолютнаго другаго выраженія, кромѣ заимствованнаго отъ прилагательнаго *хорошій* или *добрый*, «такъ нравственный порядокъ міра» у Фихте, есть только перифразическое выраженіе соотвѣтственной философской нищеты. И это чисто-нравственное значеніе абсолютнаго вмѣсто «умозрительнаго», — онъ съ такимъ-же правомъ могъ-бы сказать вмѣсто «реалистически-эстетическаго»,—это моральное значеніе абсолютнаго переходитъ непосредственно и на все остальное. Вслѣдствіе этого и вселенная сводится къ морально-условному міру и вся остальная красота и прелесть природы исчезаетъ въ подобныхъ-же отношеніяхъ. Гегель доказываетъ, какъ даже «практическій разумъ» Канта ничего другаго не представляетъ въ естественномъ правѣ, «кромѣ системы тиранства и разорванности красоты и нравственности». Онъ доказываетъ, что хотя нравственная красота у Якоби играетъ нѣкоторую роль, но, что она не освобождена отъ отдѣльности, индивидуальности и душевности; поэтому, необходимость, всеобщность и объективность не довольно проявляются наружу. Наконецъ, онъ доказываетъ, что даже у *Шлейермахера* примиреніе съ природой не достигаетъ пластичесвой дѣйствительности, но остается во власти субъективнаго. Онъ, однакожь, признаетъ, что «въ бесѣдахъ о религіи» природа понимается какъ образъ вселенной, жгучая боль уничтожается наслажденіемъ, нескончаемое стремленіе удовлетворяется созерцаніемъ. Но, если Канту и Фихте ставится въ упрекъ, что они уже по своему принципу не допускали возможность пониманія дѣйствительности, какъ жизненно-прекраснаго, то оратора, Шлейермахера, Гегель упрекаетъ въ томъ, что онъ нейдетъ поступально отъ признанія закона прекраснаго соотвѣтствія и эстетическаго наслажденія къ изображенію этого закона какъ всеобще-дѣйствительнаго и не освобождается отъ субъективнаго и лирическаго, чтобъ достигнуть объективности и пластики. Главная ошибка «бесѣдъ» заключается въ томъ, что по мнѣнію изложенному въ нихъ авторомъ

«искусство должно быть увѣковѣчено и безъ художественныхъ произведеній». Тождество субъективнаго и объективнаго,—къ такому почти заключенію приходитъ критикъ,—слагается у Шлейермахера не органически и не достигаетъ объективности и реальности, воззрѣніе на вселенную снова превращается въ субъективность, проявленіе которой и остается чисто-внутреннимъ актомъ, вмѣсто того, чтобы проявиться въ живомъ и истинномъ видѣ, т.-е. въ художественномъ произведеніи.

Приведенные нами разъясненія Гегеля, считаю долгомъ повторить, превосходны. Съ помощію ихъ, точка зрѣнія «интеллектуальнаго созерцанія» безъ всякаго сомнѣнія кажется болѣе, чѣмъ вѣроятною со стороны своей несомнѣнной законности. Если-бы мы хотя на минуту могли забыть, что эстетически-реалистическая точка зрѣнія при условіи вытѣсненія субъективно-моральной и должна сдѣлаться всеобщей, единственной и безусловной; еслибъ мы могли забыть, что это пониманіе природы и жизни присвоиваетъ себѣ право, безъ всякихъ ограниченій, на *всѣ преимущества познанія*, *убѣждающаго съ помощію доказательствъ*, а слѣдовательно на признаніе его безусловной достовѣрности и истины; еслибы мы, выражаясь другими словами, могли не видѣть, что и эти, требуемыя здѣсь, дѣйствительность, жизненность и красота суть ни что иное въ свою очередь, какъ только «мысленный предметъ», и эта прославляемая объективность имѣетъ корнемъ своимъ не жизнь, но метафизику, слѣдовательно, гораздо менѣе реальный корень, чѣмъ тотъ отъ котораго растутъ мысли Фихте и Шлейермахера,—все-же, въ послѣднемъ результатѣ возвращающіяся въ живое лицо (субъектъ), то, что, въ этомъ случаѣ, могло-бы быть обаятельнѣе этого развитія господствующихъ въ цѣломъ мірѣ порядка и гармоніи, этой перспективы всеобщности жизни, которая «сдѣлала-бы излишними неподвижные законы, замѣняя ихъ добрыми нравами, и неистовства неудовлетворенной жизни—освященнымъ наслажденіемъ, а преступленія угнѣтенной силы—возможно-большею дѣятельностію на поприщѣ великихъ стремленій». Однакожь, жало того интеллектуальнаго сознанія, которое со-времени провозглашеннаго Картезіемъ сомнѣнія составляетъ отличительный характеръ протестантскаго философствованія, не такъ легко притупляется о предпочтеніе, которое съ полнымъ правомъ Гегель отдаетъ царству красоты и блестящему величію древности. Это жало неминуемо даетъ себя

чувствовать со всею силою и всякой разъ, когда нашъ критикъ говоритъ съ крайнимъ уничиженіемъ о той безусловной самодостовѣрности, которую Кантъ и Фихте полагали въ основаніе своего философствованія,— всякій разъ когда онъ осыпаетъ насмѣшками «милое человѣчество и его познавательныя способности», или когда мы смотримъ, какъ онъ однимъ *Salto-mortale* перепрыгиваетъ изъ достовѣрности самосознанія въ то абсолютное познаніе, которое могло-бы быть пріобрѣтено только съ помощію уничтоженія и покорнаго скрытія самосознанія. Еще одно: не такъ легко удовлетворить съ помощію метафизической копіи жизни, или цѣлаго міра воображаемой дѣйствительности тому стремленію къ истинной дѣйствительности, которая со времени борьбы Бэкона противъ схоластики, составляетъ вторую отличительную черту философіи новаго времени. Вдвойнѣ просыпается это стремленіе и вдвойнѣ сильнѣе прилѣпляется оно къ тому маленькому пространству дѣйствительной жизни, которое открыто было въ совѣсти и въ глубинахъ благочестиваго духа, когда мы пожелали-бы промѣнять его на мнимую дѣйствительность (естественнаго), съ одной стороны, *видимаго* космоса, который созидается изъ самосебясозерцающаго эфира, а съ другой стороны—*нравственнаго* космоса, построеннаго по образцу Платоновой республики.

То-же самое впечатлѣніе, то-же самое жало интеллектуальнаго сознанія и то-же стремленіе къ дѣйствительности испытываемъ мы, рѣшившись сопровождать нашего критика на пути его заключительныхъ изслѣдованій. Еще съ бóльшею ясностію, чѣмъ до-сихъ-поръ, выказываются реальныя жизненныя силы новой философіи и, еще непосредственнѣе превращаются онѣ въ нашихъ глазахъ, въ пробный камень философіи Гегеля, особенно, когда Гегель пытается придать новое доказательство законности своей точкѣ зрѣнія съ помощію *историческихъ* выводовъ.

И дѣйствительно, какое своеобразное и крайне-характеристическое явленіе! Ничто такъ не знаменуетъ генія, какъ если его новыя открытія или объясненія служатъ выраженіемъ времени, кстати высказаннымъ словомъ,—орудіемъ исполненія неясныхъ стремленій, потребностей и нетерпѣливыхъ ожиданій цѣлаго поколѣнія. Но, геній тогда только достигаетъ своего высшаго призванія, когда къ такому проявленію себя его неотразимо побуждаетъ свободное благоволеніе природы и безотчетная и внутренняя необходимость дѣйствовать, — когда онъ обнаруживаетъ связь съ

своимъ временемъ и зависимость отъ предшествовавшаго историческаго развитія болѣе съ помощію своихъ произведеній, нежели сколько объяснить можно ее съ помощію рефлексіи. Отъ этого закона геніальнаго появленія и дѣятельности Гегель былъ освобожденъ или самой природой, или философская производительность достигла въ его время до той точки, на которой безотчетный успѣхъ генія постепенно переходитъ въ сознательный трудъ и въ усиліе таланта. Нельзя не удивляться, какъ мало до-сихъ-поръ критика обращала вниманія съ исторической точки зрѣнія на происхожденіе Гегелевой философіи, между-тѣмъ-какъ уже первыя сочиненія Гегеля сами настоятельно вызываютъ это вниманіе. Гегель *знаетъ*, какъ нельзя лучше, то мѣсто, на которомъ онъ стоитъ въ исторіи развитія Германскаго духа. Найти это мѣсто было нашей главной задачей, и Гегель какъ-бы служилъ намъ пособіемъ съ своими Франкфуртскими размышленіями о духѣ времени (47). Но, и этого еще недовольно. Теперь онъ во всеуслышаніе сообщаетъ объ историческомъ построеніи своего собственнаго вступленія на поприще филофствованія, какъ-бы для контроля нашихъ изслѣдованій. По этому, его система образовалась не только изъ полной связи убѣжденій съ настроеніемъ вѣка, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, едвали непреднамѣренно и съ сознаніемъ введена имъ въ эту связь. Очевидно, что вслѣдствіе этого, философія должна была совершенно близко подойти къ той границѣ, гдѣ историческое знаніе о самой себѣ и свойственныхъ ей дѣйствительныхъ основаніяхъ ежеминутно угрожаетъ изувѣчить творческую свободу и чистую вѣру въ самаго себя,—или совсѣмъ разрушить ту и другую. А потому насколько дѣйствительно то, что Гегель есть пока послѣдній нѣмецкій философъ въ высшемъ смыслѣ этого слова, настолько-же невозможно, чтобъ изъ пепла зданія его идей родился фениксъ новой системы. Гегель въ послѣднемъ результатѣ *доказываетъ* свою философію, *построяя ее исторически*. Онъ доказываетъ ее съ помощію одного средства, которое непосредственно для насъ заключаетъ въ себѣ право и новую возможность доказать исторически условное въ его условности и разрушимости.

При этомъ историческомъ построеніи своей точки зрѣнія, Гегель отправляется отъ созерцанія ясности и красоты греческой жизни. Не только,—въ этомъ мы уже достаточно убѣдились,—его идеалъ дѣйствительно выросъ на почвѣ этого воззрѣнія, но онъ и самъ это знаетъ и высказываетъ. Съ-тѣхъ-поръ «сила соединенія,го-

ворить онъ, исчезла изъ человѣческой жизни, противуположности утеряли прежнее жизненное отношеніе и взаимодѣйствіе, но за то̀ пріобрѣли самостоятельность». Дальнѣйшій ходъ образованія, все болѣе и болѣе разнообразящееся развитіе жизненныхъ отношеній содѣйствовали тому, что раздвоеніе проникало въ нихъ все глубже и глубже, сила раздвоенія становилась все болѣе широкою, а стремленіе жизни вновь соединиться въ гармонію, все болѣе и болѣе теряло свое значеніе. Конечно, иногда встрѣчаются такія попытки реакціи противъ новаго разсудочнаго образованія, но, вообще, ихъ весьма немного, и «наиболѣе значительныя и прекрасныя созданія прошедшаго времени, и другихъ народовъ, могли пробудить только такого рода вниманіе, возможность котораго можно допустить развѣ при совершенной неспособности пониманія въ чемъ заключается сущность болѣе глубокаго и строгаго отношенія живаго искусства къ жизни. Съ удаленіемъ отъ него цѣлой системы жизненныхъ отношеній уничтожается самое понятіе о его всеобъемлющей связи. Это раздвоеніе, въ томъ видѣ, какъ оно проходитъ чрезъ весь новый міръ и представляетъ характеръ нашего вѣка, служитъ источникомъ необходимости науки философіи. Философія есть реакція противъ разорванности существованія нашего вѣка. Она стремится къ тому, чтобы снова «возстановить человѣка изъ его разстроеннаго состоянія, равно-какъ и вновь для себя пріобрѣсти цѣлостность, разорванную временемъ». Она есть не что иное, какъ *возвращеніе къ тому, что̀ исключительно и въ первобытной формѣ проявилось въ греческой жизни.*

Но, Гегель не останавливается на этихъ общихъ признакахъ и продолжаетъ указывать на болѣе глубокую и спеціальную связь желаннаго имъ возстановленія греческаго способа мышленія съ непосредственно предшествовавшими эпохами образованія. Новое образованіе основывается на началѣ протестантизма, или сѣвера. Характеръ формы всего этого образованія составляетъ субъективность, въ которой красота и истина проявляются въ чувствахъ и мысляхъ, въ любви и разсудкѣ. Сущность этого образованія заключается въ пламенномъ стремленіи къ вѣчной красотѣ и блаженству, а не въ созерцаніи ихъ въ состояніи безусловнаго удовлетворенія. На этой-же почвѣ протестантизма, впослѣдствіи времени, возросъ просвѣтительный способъ мышленія протестантизма и эйдемонизма. Прекрасная субъективность протестантизма превратилась теперь въ эмпирическую субъективность, поэзія его страданій; недопу-

скающая никакого примиренія съ эмпирическимъ бытіемъ, превратилась въ прозу удовлетворенія этой конечностію и полнымъ сознаніемъ своего положенія. Наконецъ, содержаніе этой формы образованія выразилось въ болѣе сосредоточенномъ видѣ въ послѣднемъ періодѣ нѣмецкаго философствованія. Успѣхамъ главныхъ началъ, новѣйшаго разсудочнаго просвѣщенія, извѣстныхъ подъ названіемъ эйдемонизма и просвѣщенія,—этимъ успѣхамъ значительно содѣйствовала философія Канта, Фихте и Якоби. Они-то привели въ систему это разсудочное образованіе. Ихъ общее главное основаніе состоитъ въ безусловности конечности и возникающей изъ этого противуположности конечности и безконечности, реальности и идеальности, наконецъ, *неземнаго существованія* истинно реальнаго и абсолютнаго. Гегель старается доказать, что во всемъ этомъ ничего другаго не заключается, кромѣ идеализированія философіи Локке и превращенія Вольтеровыхъ разглагольствованій въ философскую форму. Онъ даетъ понять, что названные нами три философіи должны быть поставлены на одну линію съ поэзіей Коцебу и Ифланда, въ которой точно также дѣйствительное не возведено на степень красоты, а послѣдняя замѣнена тривіально пошлою конечностію, возносящеюся по временамъ къ небу въ однихъ сентиментальныхъ вздохахъ. Кромѣ того, въ соотвѣтствіе уже сказанному имъ въ сочиненіи о «Германскихъ учрежденіяхъ»—онъ указываетъ на связь между безжизненностью и отсутствіемъ дѣйствительнаго содержанія тогдашней германской государственной формы и первобытнымъ смысломъ начала Кантовой философіи. Онъ находитъ, что германское государство есть только мысленный предметъ, а потому и самая философія Канта вращается только въ сферѣ мысленныхъ предметовъ. Содержаніе и сущность германскаго законодательства заключается въ томъ, чтобъ не было «никакого закона, никакого единства, ничего цѣлаго»; а содержаніе и сущность названной философіи состоитъ въ томъ, чтобъ «разумъ ничего не познавалъ и ничего не зналъ и пребывалъ-бы въ сферѣ пустой свободы,—*ни въ чемъ* и въ его призрачности». Наконецъ, онъ доказываетъ, что въ трехъ системахъ Канта, Фихте и Якоби, вполнѣ исчерпана цѣлость формъ, которыя могутъ служить основаніемъ начала (принципа), что въ нихъ метафизика «дуалистической субъективности» совершила полный кругъ своего образованія. Но, съ этимъ вмѣстѣ,—говоритъ онъ далѣе,—представляется возможность «появленія истинной

философіи, возникающей изъ этого образованія и уничтожающей безусловность его конечныхъ сторонъ. Наступило новое время. Въ-особенности въ непробужденномъ и еще юношескомъ мірѣ обнаруживается стремленіе къ лучшему направленію. Пріемъ, оказанный такого рода явленію, какъ Шлейермахеровы «Бесѣды о религіи» и еще болѣе высокое значеніе которое начинаютъ пріобрѣтать поэзія и искусство, то и другое свидѣтельствуетъ о необходимости такой философіи, въ которой мысль была-бы проникнута дѣйствительностью и жизненностью, способной къ организаціи въ философіи, съ которой-бы видимая природа, испытавшая столько оскорбленій въ Кантовой и Фихтевой системѣ, была примирена и самый разумъ приведенъ въ живое и энергическое согласіе съ природой. Эта философія есть «безусловный идеализмъ». Онъ одинаковаго происхожденія съ ново пробудившеюся жизнію искусства и долженъ стать на ряду съ ней. Онъ самъ по себѣ есть уже возвратъ къ ясности и чистотѣ греческаго воззрѣнія на природу, возстановленіе утеряннаго тожества въ высшей потенціи — въ сферѣ мышленія и умозрѣнія.

Долженъ-ли я еще разъ обратить ваше вниманіе на содержаніе этого историческаго самопостроенія? Какъ въ фокусѣ, мы видимъ сходящіяся въ классическомъ идеалѣ всѣ стремленія Гегелева философствованія, всѣ отличительныя черты его способа мышленія. Такъ и всегда было; но теперь въ періодъ примкнутія къ Шеллингу и къ его формуламъ, возникшимъ на эстетической почвѣ, этотъ образъ дѣйствія Гегеля окончательно подчинилъ себѣ все, и овладѣлъ всѣмъ. Слѣдствіемъ этого было, что Гегель въ эту пору заключилъ кругъ своей системы не идеальными формами проявленія абсолютнаго духа, но тѣмъ, что онъ обозначалъ именемъ нравственности. Отъ этого произошло, что внѣшній организмъ этой нравственности носилъ на себѣ ближайшее родственное сходство съ Платоновымъ государствомъ, что въ немъ почти вовсе не было ни одной германской, или нѣмецкой черты характера, но тѣмъ сильнѣе чувствовалось присутствіе аттико-дорическаго. Вслѣдствіе всего этого, и изъ непосредственнаго *внесенія* классическаго идеала въ умственный міръ — образовалось смутное и одностороннее сужденіе критика даже объ историческихъ явленіяхъ и великихъ духовныхъ направленіяхъ, о формахъ религіи и философіи. По этому нѣтъ ничего удивительнаго, если съ классически-эстетической точки зрѣнія като-

лицизмъ разсматривается болѣе благопріятно нежели протестантизмъ. Въ это время — независимо отъ позднѣйшихъ сужденій Гегеля объ этомъ предметѣ — нельзя не замѣтить нѣкотораго пристрастія къ объективнымъ постановленіямъ Римской церкви и къ художественному освященію, которое она придаетъ свѣтскому элементу. Въ католицизмѣ христіанская религія превратилась въ «прекрасную религію», — положеніе, которое Гегель развивалъ съ особеннымъ удовольствіемъ въ тогдашнихъ своихъ лекціяхъ (48). Мы слышали, какъ, въ противуположность этому, онъ судитъ о протестантизмѣ: въ немъ онъ не находилъ ни малѣйшей поэзіи. Заключающееся въ католицизмѣ тождество субъективнаго и объективнаго перешло въ субъективизмъ, въ нетерпѣливое желаніе и ощущеніе. Примиреніе это не есть примиреніе, господствующее во всеобщей церкви, или «въ полнотѣ прекраснаго вѣрованія», не есть примиреніе обладаемое или созерцаемое; но только вздохъ къ небу, ежели оно уже не превратилось въ покорность эмпирической необходимости: протестантская религія запечатлѣна характеромъ «сѣверной субъективности».

Это изложеніе, какъ я сказалъ страдаетъ односторонностью и безпорядочностью и это вслѣдствіе положеннаго въ основаніе масштаба. Протестантизмъ имѣетъ видъ религіи неудовлетвореннаго пламеннаго желанія, только въ томъ случаѣ, когда къ религіозному удовлетворенію примѣняютъ маштабъ эстетическаго-классицизма, или когда составили-бы себѣ въ непредставляющей никакого сопротивленія сферѣ идеи такое міросозерцаніе, которое всегда и вездѣ ищетъ гармонической цѣлостности и прекрасной связи. Не одно пламенное желаніе составляетъ сущность протестантизма; но эта сущность заключается въ серьезности битвы, которая исходя изъ глубоко-потрясенной совѣсти постоянно снова находитъ примиреніе въ собственномъ своемъ духѣ. Это-то основаніе религіи на процессѣ совѣсти было снова пробуждено въ духѣ нашего народа философіей Канта и Фихте; этотъ процессъ совѣсти, въ истинномъ смыслѣ слова, обращенъ былъ въ душевное дѣло цѣлой націи съ помощію вліянія Шлейермахера. Ежели до появленія упомянутыхъ философовъ наша духовная жизнь отличалась наклонностію къ пошло-эмпирическому существованію, если они сами, одни въ своимъ рѣзко-дуалистическимъ воззрѣніемъ, представляли государство только какъ нѣчто механическое; другіе —

природу, считали за нѣчто непрекрасное, или мертвое, если третій съумѣлъ постигнуть душевное примиреніе только внутренно, или индивидуально; вина всего этого заключалась не въ принципѣ протестантизма, но въ судьбѣ, которая постигла реформацію на нашей отечественной почвѣ. Вытекающее изъ нравственной борьбы душевное примиреніе гораздо глубже того, который извѣстно классической древности. Прежде чѣмъ государство сдѣлается нравственнымъ, гораздо существеннѣе, чтобы духъ былъ нравственный. Но, протестантизмъ въ Германіи вскорѣ ограничилъ себя чисто-интеллектуальной жизнью; онъ боялся ввести нравственный процессъ въ сферу національной и государственной жизни. Вслѣдствіе этого образовался догматическій схоластицизмъ, лишенный всякого содержанія и интереса. Чрезъ это протестантизмъ какъ-бы узаконилъ реакцію упомянутаго нами пошло-просвѣтительнаго удовлетворенія себя повседневною и случайною эмпиріей. По этому, онъ напалъ на Канта и Фихте только въ чисто-отвлеченныхъ жесткихъ и формальныхъ выраженіяхъ и исказилъ живую борьбу нравственнаго духа, превративши ее въ неподвижную противуположность категорическаго императива противу неузаконенной чувственности. По-этому весьма понятно, что многія отдѣльныя личности увлеклись прелестью красоты и жаждою дѣйствительности въ міръ прошедшій, считая предложенное имъ въ прекрасныхъ формахъ и образахъ примиреніе за истинно-спасительное средство противу разорванности современной эпохи. Здѣсь существенная точка, на которой мы теперь держимся за Гегеля; отсюда мы можемъ видѣть какъ онъ встрѣчается съ Шеллингомъ,—можетъ быть, въ гораздо большей степени, нежели какъ это казалось необходимымъ, судя по прежнимъ условіямъ его образованія. Пересматривая съ этой точки зрѣнія предшествовавшіе ему фазисы германскаго развитія, онъ становится несправедливымъ въ-отношеніи протестантизма, неискреннимъ въ своемъ сужденіи объ истинно-протестантскихъ философахъ, Канта и Фихте, и односторонне превознося эстетическое образованіе въ противуположность разсудочному, онъ позволяетъ себѣ предсказывать новую религію, возможность которой объусловлена умозрѣніемъ. Правда, въ эту новую религію должны были войти также и «безконечное страданіе и вся тяжесть его противуположности». Но, онъ такъ-же утверждаетъ, что въ организмѣ государства, который онъ теперь построилъ, должны быть введены не «органическія» стихіи новой

жизни. Истинна-же заключается въ томъ, что эти стихіи лишены принадлежащаго имъ права, и это не «органическое, т.-е. все, что проистекаетъ изъ потребности индивидуальнаго самоопредѣленія, снова безпрекословно влито въ античную форму и расплавлено въ ней. Поэтому возвѣщенная новая религія была-бы болѣе католико-эллинская, нежели протестанско-германская, носила-бы на себѣ болѣе печать юга, нежели «варварскаго сѣвера» и ее примиряющая сила была-бы болѣе эстетическою, нежели нравственно-религіозною (49).

Перев. съ нѣм. **Н. Соляниковъ.**

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1859 годъ, представленный г. министру Императорскаго Двора директоромъ библіотеки статсъ-секретаремъ барономъ Корфомъ С. Пб. 1860.

Десятилѣтіе Императорской публичной библіотеки (1849—1859). Записка, представленная Государю Императору директоромъ библіотеки барономъ Корфомъ. С. Пб. 1859.

Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1859 г. по прежнему раздѣленъ на шесть отдѣловъ, а именно: 1) личный составъ чиновъ библіотеки, 2) хозяйственная часть, 3) внутреннее устройство, 4) новыя пріобрѣтенія, 5) работы и наконецъ 6) употребленіе библіотеки. Относительно внутренняго устройства библіотеки въ отчетѣ замѣчено, что въ этомъ отношеніи значительныхъ измѣненій не было, по причинѣ имѣвшейся въ виду постройки новой читальной залы, къ чему уже приступлено. Между-тѣмъ прежнія выставки библіотеки обогатились новыми пріобрѣтеніями, между которыми заслуживаютъ вниманіе: 1) выставка портретовъ Петра Великаго—продолжаемыми къ ея увеличенію щедрыми приношеніями князя А. Я. Лобанова-Ростовскаго, а также дарами литографа библіотеки Беггрова и собственными покупками библіотеки; 2) выставка матеріаловъ, служащихъ для воспроизведенія на нихъ письменъ или рисунковъ: а) Латинскою надгробною надписью, изсѣченною на мраморномъ брускѣ, имѣющемъ форму древняго алтаря. Это — одна изъ десяти древнихъ надгробныхъ надписей на мраморѣ, пріобрѣтенныхъ Ея Императорскимъ Высочествомъ Государынею Великою Княгинею Еленою Павловною въ Римѣ собственно для пожалованія ихъ библіотекѣ; б) пре-

краснымъ портретомъ Вашингтона, сотканнымъ изъ шелка, и в) весьма драгоцѣннымъ и новымъ украшеніемъ для библіотеки, въ 1859 году, былъ портретъ (поколѣнный) купца Ларина, писанный масляными красками, съ натуры, и принесенный въ даръ внукою этого знаменитаго ревнителя просвѣщенія, вдовою полковника Н. В. Евдокимовою. Государь Императоръ, при посѣщеніи библіотеки, 28 декабря 1859 года, по всеподданнѣйшему докладу г. директора библіотеки соизволилъ, чтобы сказанный портретъ былъ помѣщенъ въ Ларинской залѣ, противъ портрета императрицы Екатерины I, что уже и исполнено; надпись подъ рамою указываетъ имя и отчество, а также годъ рожденія и смерти Ларина, на потріотическое приношеніе котораго былъ построенъ корпусъ нашей библіотеки, обращенный къ площади Александринскаго театра.

Въ 1859 году Императорская публичная библіотека пріобрѣла слѣдующія цѣлыя коллекціи: 1) *Собраніе Греческихъ и восточныхъ рукописей и палимпсестовъ*, пріобрѣтенныхъ профессоромъ Тишендорфомъ во время послѣдняго его путешествія по востоку, совершеннаго на иждивеніе нашего правительства. Государю Императору угодно было пожаловать библіотекѣ всю эту коллекцію; но за временнымъ отъѣздомъ Тишендорфа въ Лейпцигъ, она еще остается неразобранною и, до его возвращенія сюда, хранится запечатанною въ ящикахъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ она была выставлена, впродолженіе нѣсколькихъ недѣль, въ залѣ рукописей и постоянно привлекала многочисленныхъ посѣтителей изъ всѣхъ сословій (*). 2) *Собраніе восточныхъ рукописей князя Д. И. Долгорукаго.* Находившись нашимъ посланникомъ при Тегеранскомъ дворѣ, князь Долгорукій имѣлъ случай пріобрѣсти значительное количество восточныхъ рукописей, примѣчательныхъ въ научномъ или художественномъ отношеніи. Коллекція его, купленная въ 1859 году, по Высочайшему повелѣнію, для публичной библіотеки, такъ замѣчательна, что можетъ, по мнѣнію нашихъ оріенталистовъ, достойно соперничать съ извѣстными собраніями Ардебильскимъ, Ахалцыхскимъ и Эрзерумскимъ, пріобрѣтенными въ 1828 и 1829 годахъ. Между этими рукописями, числомъ всего 99, одна на языкѣ *Парсовъ*—единственная доселѣ въ Россіи, и нѣсколько Арабскихъ и Джагатайскихъ; остальныя-же всѣ на Новоперсидскомъ языкѣ.

(*) Исчисленіе и описаніе главнѣйшихъ предметовъ этой коллекціи было напечатано въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ 1859 года, № 251.

Большая ихъ часть относится къ исторіи и поэзіи, но есть также сочиненія по части географіи, филологіи и астрономіи (*). 3) *Коллекція рукописныхъ и печатныхъ музыкальныхъ сочиненій и сочиненій о музыкѣ, хранившаяся въ эрмитажной библіотекѣ* и переданная въ публичную библіотеку по повелѣнію Государя Императора. Она составилась преимущественно изъ тѣхъ экземпляровъ, которые, въ разное время, были поднесены самими композиторами и авторами, отечественными и иностранными, нашимъ Монархамъ, начиная съ императрицы Екатерины II. Многія изъ этихъ рукописей и книгъ украшены роскошнѣйшими переплетами, шелковыми и бархатными, съ металлическими шифрами Высочайшихъ особъ, которымъ онѣ подносились, съ узорными углами и пр. 4) *Коллекція автографовъ, пріобрѣтенная библіотекою отъ штабсъ-капитана Андреева.* Изъ числа этихъ автографовъ, всего 69-ти, по рѣдкости или содержанію наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: два собственноручныя письма императрицы Екатерины II, изъ которыхъ одно, на Нѣмецкомъ языкѣ, къ доктору Вейкарту, а другое, на Русскомъ, писанное въ Царскомъ Селѣ, въ 2 часа утра 25 мая 1790 года (т.-е. на другой день послѣ сраженія съ Шведскимъ флотомъ у Красной горки), къ вице-адмиралу Пущину о немедленномъ доставленіи на эскадру вице-адмирала Круза пороха и зарядовъ и о посылкѣ ему въ подкрѣпленіе двухъ кораблей; письма: Наполеона I-го изъ Лонгвуда, Макіавелли, Джоржіо Вазари, Біанки Капеллы, Бенвенуто Челлини, Лютера, св. Франциска де Саль, герцога Гиза, герцога Альбы, Боссюэта, Галля (содержащее въ себѣ правила, которыя слѣдуетъ наблюдать при физическомъ воспитаніи мальчика), Вольты, герцога Веллингтона, Ж. Ж. Руссо (въ этомъ письмѣ, отъ 14 апрѣля 1761 года, онъ говоритъ о своемъ намѣреніи удалиться отъ свѣта и поселиться въ Швейцаріи), Вольтера, Шиллера, Гёте, Вальтера Скотта, Фенимора Купера, Шатобріана, Паганини, Кановы; стихотворенія, писанныя рукою Байрона, Ламартина, Жуковскаго и Крылова; наконецъ охранная грамота, данная Шембекамъ, 26 апрѣля 1706 года за подписью Мазепы. 5) *Коллекція привилегій или патентовъ* на

(*. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой коллекціи помѣщены ученымъ нашимъ оріенталистомъ, старшимъ библіотекаремъ Дорномъ, въ Bulletin de l'Académie des Sciences, 1859, T. I, p. 357—364, въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ 1859 года, № 227 и, въ St. Petersburger Zeitung 1859, № 232.

разныя изобрѣтенія, выданныхъ Англійскимъ правительствомъ начиная съ 1617 года. Благодаря ходатайству ученаго академика нашего, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гамеля, около 30,000 брошюръ этой коллекціи были принесены библіотекѣ въ даръ еще въ 1857 и 1858 годахъ Англійскою коммиссіею о привилегіяхъ; въ 1859 году прислано ею-же 4,982 пьесы. Изъ числа нхъ 1,992 значительно пополнили пробѣлы прежнихъ серій, а 2,990 относятся къ 1858 году. 6) *Двѣ коллекціи, весьма рѣдкой въ такой полнотѣ, Французскихъ журналовъ: «Mercure de France» и «Année littéraire»*, принесенныя въ даръ библіотекѣ почетнымъ членомъ ея, графомъ А. Ѳ. Растопчинымъ. Первый изъ этихъ журналовъ, всего 568 томовъ, въ разныя времена выходилъ подъ разными заглавіми, начиная съ 1589 по 1792 годъ съ нѣкоторыми перерывами. 7) *Библіотека покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Аделунга*, о которой уже въ прошлогоднемъ отчетѣ г. директора библіотеки было упомянуто, что она, по Высочайшему повелѣнію, пріобрѣтена для публичной библіотеки. По окончательномъ ея разборѣ, въ ней оказалось 5,059 томовъ печатныхъ сочиненій и значительное количество рукописей, исключительно лингвистическаго содержанія. Послѣднія состоятъ преимущественно изъ составленныхъ Бакмейстеромъ, Палласомъ, Муромъ и др. небольшихъ замѣтокъ и собраній словъ разныхъ Европейскихъ, Азіятскихъ, Африканскихъ и Океанійскихъ языковъ; изъ отдѣльныхъ-же рукописей болѣе замѣчательны: а) «Притворство, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, переведенная Герасимомъ Лебедевымъ съ Англинскаго на Бенгальскій языкъ, въ Калькотѣ, гдѣ была публично въ 1795 и 96 годахъ представлена въ собственномъ его театрѣ Индійскими актерами и актрисами и съ похвалою одобренная тамошними жителями, какъ отъ Европейцевъ, такъ и Индійцовъ», —на Англійскомъ, Бенгальскомъ и Русскомъ языкахъ, 4°; б) «Руководство къ познанію Японскаго языка, содержащее азбуку, первоначальныя грамматическія правила и разговоры, сочиненное Никол. Резановымъ въ первомъ путешествіи Россіянъ около свѣта 1803 года подъ парусами на кораблѣ Надеждѣ», 4°; в) Grammatica linguae Syricae: inventore atque auctore Andrea Masio, 4°; г) Vocabulario de la lengua Tagala, por el padre fr. Fran^co de S. Joseph, y añadido con frases por el p. fr. Miguel Ruiz, 1628, 4°. Что касается печатныхъ книгъ, бо̀льшею частію въ прекрасныхъ и хорошо переплетенныхъ экземплярахъ, то онѣ значительно пополнили

пробѣлы, бывшіе въ отдѣленіяхъ библіотеки: филологическомъ, историческомъ, литературномъ и восточномъ, а за тѣмъ 1,323 тома, какъ оказавшіеся для библіотеки дублетами, переданы, согласно послѣдовавшей о томъ Высочайшей волѣ, въ С. Петербургскій университетъ. 8) *Коллекція Китайскихъ ксилографовъ*, принадлежавшая нашему извѣстному оріенталисту, покойному профессору О. И. Сенковскому, и принесенная въ даръ библіотекѣ надворнымъ совѣтникомъ А. А. Половцовымъ и штабсъ-капитаномъ Анненковымъ.

За за симъ въ Отчетѣ слѣдуетъ систематическое обозрѣніе отдѣльныхъ пріобрѣтеній библіотеки: а) печатныхъ, б) эстамповъ и фотографій и в) рукописей. Между сими послѣдними на первомъ мѣстѣ упомянуто о пожалованномъ Вдовствующею Государынею Императрицею Александрою Θеодоровною писемъ къ ней В. А. Жуковскаго. Письма сіи, писанныя большею частью во время путешествія его по Россіи и за границею съ царствующимъ нынѣ Государемъ Императоромъ, тогда Наслѣдникомъ престола, весьма интересны, какъ мало извѣстный матеріалъ для исторіи семейной жизни нашего Императорскаго Дома. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ слѣдующее письмо изъ Москвы отъ 24 іюля 1837 года:

«Всемилостивѣйшая Государыня.

«Мы въ Москвѣ. Вчера въ ночь Великій Князь пріѣхалъ сюда весьма поздно: улицы были почти пусты, ибо народъ пересталъ ожидать его; за то утромъ нынѣшняго дня возобновилось то прекрасное утро, которое видѣлъ я здѣсь въ Кремлѣ за девятнадцать лѣтъ передъ этимъ: такое же свѣтлое небо, тотъ же торжественный звонъ колоколовъ и тотъ же радующійся народъ; я живо вспомнилъ это прекрасное время

Und manche liebe Schatten stiegen auf.

«Тогда я одинъ изъ первыхъ Русскихъ встрѣтилъ и привѣтствовалъ милаго новорожденнаго: Государыня Марія Θеодоровна переносила его изъ той горницы, гдѣ онъ родился, въ ту, гдѣ провелъ онъ первую ночь своей жизни. На томъ мѣстѣ, гдѣ тогда я имѣлъ счастіе поздравить Государыню съ даннымъ ей отъ Бога внукомъ, я имѣлъ счастіе обнять теперь тогдашняго младенца нынѣшняго прекраснаго, возмужалаго Цесаревича; въ то-же окно изъ котораго тогда, съ рюмкой шампанскаго, поздравилъ я съ

новорожденным толпящійся на площади народъ, любовался я теперь на такую-же толпу народа, ожидавшую появленія Наслѣдника, навѣстившаго свою родину и уже знакомаго съ любовію къ нему всей Россіи. Такъ много смутныхъ, въ одно время и радостныхъ и унылыхъ чувствъ возбудилось въ душѣ моей: радостныхъ за него, за Государя и за Васъ, унылыхъ за тѣхъ, кои тогда были и коихъ теперь уже нѣтъ. Но это чувство получило характеръ какого-то глубокаго благоговѣнія, когда онъ одинъ пошелъ сквозь густую толпу народную въ Успенскій соборъ и остановился у входа передъ крестами и когда митрополитъ Филаретъ началъ его привѣтствовать: онъ говорилъ просто, безъ всякаго витійства, но, думаю, никогда не говорилъ такъ выразительно, ибо самое происшествіе было слишкомъ краснорѣчиво: никогда съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ этотъ Русскій храмъ, не видали передъ дверями его подобнаго явленія; какъ много значили на языкѣ митрополита слова: Государь, Наслѣдникъ, благодарность отечества, потомство. Я чувствовалъ трепетъ благоговѣнія слушая ихъ и смотря на молодаго, прекраснаго Цесаревича, который смиренно ихъ принималъ, окруженный народомъ, вдругъ *утихшимъ* и плачущимъ. А когда мы вошли въ соборъ, гдѣ на моемъ вѣку совершилось уже три коронованія, гдѣ былъ коронованъ Петръ Великій, гдѣ въ теченіе почти четырехъ сотъ лѣтъ всѣ Русскіе Князья, Цари и Императоры принимали освященіе своей власти и торжествовали всѣ великія событія народныя, когда запѣли это многолѣтіе, столько разъ оглашавшее эти стѣны, когда его повели прикладываться къ образамъ и мощамъ, когда онъ опять сквозь густую толпу пошелъ въ соборы Благовѣщенскій и Архангельскій и наконецъ на Красное крыльцо, на вершинѣ котораго остановился, чтобы поклониться Московскому народу, котораго гремящее ура слилось съ звукомъ колоколовъ и когда въ этомъ звукѣ, такъ сказать, раздался тотъ чудный голосъ, который столько, столько предковъ на этомъ мѣстѣ слышали, который будутъ слышать потомки, пока будетъ жива Россія, то я, въ сильномъ движеніи души, почувствовавъ величіе этой минуты, пожалѣлъ, что ни Государь Императоръ, ни Вы не могли ею насладиться: такія минуты рѣдки въ жизни человѣческой; здѣсь было не просто одно великолѣпное зрѣлище, но можно сказать представилось въ одномъ видимомъ образѣ все, что есть великаго и нравственнаго въ судьбѣ людей и царствъ. Потому то и спѣшу въ немногихъ строкахъ

передать Вашему Величеству эту картину. Москва очаровательна. Въ ней чувствуешь Россію. Она теперь шумитъ радостію. А для меня эта радость ея имѣетъ какой-то особенный звукъ, ибо я самый старый товарищъ жизни Наслѣдника. Я радовался его появленію на свѣтъ младенцемъ, какъ теперь радуюсь его появленію въ жизнь дѣятельную, посреди одной и той же Москвы, и какъ будто не было между этими событіями никакого промежутка времени, и хотя чувствую, что время *мое* при немъ миновалось, но смѣю надѣяться, что тогдашнее мое пророчество, сохранившееся въ памяти добрыхъ Русскихъ, исполнится и что Государь, долго имъ радуясь какъ своимъ достойнымъ сыномъ, упрочитъ въ немъ счастіе нашихъ потомковъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ сюда прибытія Вашего Императорскаго Величества, чтобы еще живѣе насладиться нашею несравненною Москвою.

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный
Жуковскій».

Москва, 24 іюля 1837 года.

Общій итогъ всѣхъ новыхъ пріобрѣтеній библіотеки, въ-теченіе 1859 года, представляетъ слѣдующія цифры:

Печатныя книги, брошюры и отдѣльные листы:

По Высочайшимъ повелѣніямъ и распоряженіямъ начальства	5,200	т.(*)
По закону { изъ внутренней цензуры	7,244	—
По закону { изъ таможень	873	—
Отъ частныхъ приношеній	10,142	—
Куплено самою библіотекою	12,114	—
Вымѣнено на дублеты	665	—
Итого	36,238	т.

Эстампы, карты, музыкальныя произведенія и проч.

(Изъ всѣхъ источниковъ въ совокупности).

Эстампы	2,775
Карты и планы	67

(*) Со включеніемъ библіотеки Аделунга.

Ноты..........................	785
Каллиграфическія руководства..............	16

Рукописи и автографы:

По Высочайшимъ повелѣніямъ и распоряженіямъ начальства..........................	153
Отъ частныхъ приношеній..................	263
Куплено самою библіотекою.................	898
Итого...........	1,314

Новыя покупки библіотеки стоили ей, съ перевозкою, заграничною перепискою и проч., 19,070 рубл. 62$^3/_4$ коп.

На переплетныя работы издержано 3,180 руб. 12 коп. Переплетено всего 9,745 томовъ.

Число читателей, посѣщавшихъ библіотеку въ 1858 году, опять возрасло противъ прошлаго года. Билетовъ для чтенія выдано 4,154 (въ 1858 году 3,716); всѣхъ читателей было 36,194 (въ 1858 году 34,275); ими истребовано въ-теченіе года книгъ: на Русскомъ языкѣ 51,048 томовъ (въ 1858 году 50,638) и на иностранныхъ языкахъ 21,323 тома (въ 1858 году 20,758), всего 72,371 томъ.

Рукописей выдано 595 (въ 1858-мъ 483).

Число билетовъ, отдѣльно по каждому состоянію, и число вытребованныхъ по каждому отдѣленію книгъ, съ подраздѣленіями по мѣсяцамъ года, показаны въ особыхъ вѣдомостяхъ, составляющихъ приложеніе къ отчету.

Изъ дежурства въ-теченіе года было выдано читателямъ 160,664 тома; считая 300 читальныхъ дней въ году, получится въ выводѣ по 535 томовъ въ день. Нѣкоторыя изъ книгъ впродолженіе цѣлаго года не были возвращаемы въ отдѣленія библіотеки и постоянно находились въ рукахъ читателей. Къ числу ихъ преимущественно принадлежали: по части *исторіи*—сочиненія Карамзина, Соловьева, Устрялова, Костомарова, Погодина, Вебера, Беккера, Кантю и Нарушевича; по части *права и камеральныхъ наукъ*—сочиненія Неволина, Миля, Шевальè, Рошера, Вейске; по части *естественной исторіи и медицины* — сочиненія Пирогова, Платонова, Писаревскаго, Вальтера, Массе, Бокка, Гиртля, Вирхова, Окена, Мау, Жюссьé, Гёвена, Брандта, Реньó, Штекгардта, Жерара; по части *математики*—сочиненія Остроградскаго, Буняков-

скаго, Сомова, Коши, Франкёра, Леруа, Серрè, Лакруа; наконецъ Космосъ Гумбольдта и множество газетъ и журналовъ Русскихъ и иностранныхъ. Занятія художниковъ въ Ларинской залѣ дѣятельно продолжались и въ истекшемъ году; судя по возрастающему постоянно числу посѣтителей, начальство библіотеки убѣдилось, что устройство этого специальнаго отдѣленія приноситъ именно ту пользу, которая имѣлась въ виду.

Независимо отъ обыкновеннаго Отчета за 1859 годъ, въ концѣ этого года напечатана записка, представленная Государю Императору г. директоромъ библіотеки подъ заглавіемъ: «Десятилѣтіе Императорской публичной библіотеки». Изъ вступленія въ эту записку видно, что до 1850 библіотека состояла въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, а съ 7 февраля 1850 года отчислена въ составъ министерства Императорскаго Двора, которому, по его учрежденію, присвоенъ совсѣмъ иной образъ дѣйствія: директоръ библіотеки уполномоченъ, сверхъ даннаго ему права сноситься, по ея дѣламъ, непосредственно со всѣми мѣстами и лицами высшаго управленія, въ случаяхъ, требующихъ Высочайшаго разрѣшенія, вносить свои доклады, черезъ министра двора, прямо къ Государю Императору. Эта перемѣна имѣла самыя благотворныя послѣдствія: библіотека освободилась отъ прежнихъ бюрократическихъ формъ; операціи ея, часто требующія неотложной быстроты и чрезвычайныхъ средствъ, перестали кружиться по административнымъ инстанціямъ, и все дѣло стало въ непосредственную зависимость Государя, слѣдственно не могло не проникнуться новою жизнію. Извлекаемъ изъ «Записки» нѣкоторыя данныя, по которымъ можно судить о развитіи библіотеки въ-теченіе десятилѣтія.

Средства библіотеки увеличились тремя прибавками къ штату ея: въ 1850 г. по 2,000 р., въ 1851 г. по 10,000 р. и въ 1856 г. по 6,000 р. въ годъ. Отъ продажи дублетовъ, приношеній частныхъ лицъ и выручки продажею сочиненія г. директора «Восшествіе на престолъ Императора Николая I-го», которое прис, несено было въ даръ библіотеки авторомъ, и отъ проч., независимо отъ штатныхъ доходовъ, библіотека получила впродолженіе десяти лѣтъ около 137,000 руб.

Во внутреннемъ устройствѣ библіотеки сдѣланы различныя улучшенія, къ которымъ относится прибавка шести комнатъ. дотолѣ занятыхъ дублетами и всякимъ хламомъ. Одна изъ

этихъ комнатъ, вмѣщающаяся первопечатныя книги (incunabula), отдѣлана и меблирована, сообразно своему содержанію, въ средневѣковомъ вкусѣ, что сдѣлано не для украшенія, а для удовлетворенія любознательности посѣтителей, въ-особенности-же учащихся художниковъ, не имѣющихъ въ нашей столицѣ случая видѣть всѣ условія этого стиля осуществленными въ ихъ совокупности. Одновременно съ передѣлками, библіотека наполнилась выставками, прежде въ ней не существовавшими. Вотъ перечень выставокъ, доселѣ устроенныхъ, съ раздѣленіемъ ихъ по главнымъ разрядамъ:

Рукописи: къ этому разряду относятся выставки: 1) палимпсестовъ; 2) Греческихъ рукописей, по большей части съ драгоцѣнными миніатюрами; 3) Латинскихъ, Французскихъ и другихъ средневѣковыхъ рукописей, частію также съ миніатюрами; 4) западныхъ нотныхъ рукописей; 5) автографовъ исторически-замѣчательныхъ лицъ всѣхъ государствъ Европы и другихъ странъ свѣта, съ портретами; 6) особо отъ прочихъ, автографовъ знаменитыхъ музыкальныхъ композиторовъ; 7) рукописей восточныхъ; 8) рукописей Церковно-Славянскихъ: а) расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ знаменитаго Остроміровa Евангелія, для котораго въ 1851 году сдѣланъ серебряный переплетъ, богато вызолоченный и осыпанный драгоцѣнными каменьями; б) украшенныхъ миніатюрами, в) крюковыхъ (нотныхъ) и г) замѣчательныхъ по какимъ-либо особенностямъ; 9) автографовъ знаменитыхъ Русскихъ людей, съ ихъ портретами, и 10) цѣлыхъ сочиненій Русскихъ авторовъ, въ подлинникахъ, писанныхъ ихъ рукою.

Произведенія печатныя: сюда принадлежатъ выставки: 1) библій, размѣщенныхъ по системѣ происхожденія и родства тѣхъ многочисленныхъ языковъ, которые имѣютъ своихъ представителей въ этой выставкѣ; 2) древнѣйшихъ образцовъ книгопечатанія, открытыхъ нашими библіотекарями во внутренности старинныхъ переплетовъ; 3) первопечатныхъ и вообще рѣдчайшихъ въ типографскомъ отношеніи книгъ на иностранныхъ языкахъ; 4) такихъ-же книгъ на языкахъ Церковно-Славянскомъ и Русскомъ, и 5) экземпляровъ, принадлежавшихъ знаменитымъ историческимъ личностямъ.

Эстампы: здѣсь выставлены: 1) образцы всѣхъ извѣстныхъ способовъ гравированія; 2) древнѣйшіе эстампы, найденные также во внутренности старинныхъ переплетовъ нашей библіотеки;

3) образцы главныхъ школъ гравированія на западѣ; 4) такіе-же образцы Русской школы гравированія; 5) единственная въ мірѣ коллекція портретовъ Петра Великаго, которой начало было положено въ 1857 году и которая заключаетъ въ себѣ теперь 350 нумеровъ, и 6) гравюры съ любопытными сюжетами, имѣющими отношеніе къ Россіи.

Особенные предметы: подъ этимъ названіемъ находятся въ выставкахъ: 1) разнообразные матеріалы, когда-либо употреблявшіеся для письма и печатанія; 2) средства тисненія, изобрѣтенныя въ разныя времена для передачи человѣческой мысли, и 3) образцы переплетнаго искусства въ Россіи и другихъ краяхъ.

Въ общей сложности витрины, устроенныя для вышеисчисленныхъ выставокъ, занимаютъ пространство въ 731 футъ, или болѣе $1/5$ версты, а выставки портретовъ и гравюръ наполняютъ собою 355 отдѣльныхъ рамокъ.

Здѣсь-же мѣсто упомянуть, что къ находившимся уже въ прежнее время въ библіотекѣ портрету и бюсту Императора Александра І-го и картинѣ, изображающей посѣщеніе его въ 1812 году, въ послѣднее время прибавлены: портреты во весь ростъ Императрицы Екатерины ІІ-й, Императора Николая І-го и нынѣ благополучно царствующаго Императора, въ богатыхъ вызолоченныхъ рамахъ; картина, представляющая посѣщеніе библіотеки, въ 1852 году, Императоромъ Николаемъ, и грудные портреты двухъ братьевъ графовъ Залускихъ и фельдмаршаловъ князя Суворова и князя Паскевича, которыхъ имена незабвенны въ лѣтописяхъ библіотеки.

Не смотря однакожь на все, что было сдѣлано къ увеличенію помѣщенія для книгъ въ настоящемъ зданіи библіотеки, она вынуждена постоянно стремиться къ еще бо́льшимъ расширеніямъ въ пространствѣ. Истощивъ, одинъ за другимъ, всѣ запасы, которые еще оставались въ ней свободными, она должна искать новыхъ помѣщеній какъ для своихъ посѣтителей, которыхъ теперешняя зала можетъ принять въ себя не болѣе 65-ти, такъ и для новыхъ своихъ пріобрѣтеній. Этимъ потребностямъ удовлетворитъ, по-крайней-мѣрѣ на первое время, новая пристройка, на которую Государю Императору уже благоугодно было пожаловать 150,000 р. и которая начата въ текущемъ году. Въ ней будетъ читальная зала на 250 посѣтителей и мѣста для книгъ слишкомъ на 200,000 томовъ.

Библіотекою, впродолженіе десяти лѣтъ, куплено по всѣмъ частямъ 74,777 томовъ печатныхъ сочиненій и 2,251 рукопись, на что, считая въ томъ числѣ и покупки изъ суммъ особо испрошенныхъ, пожертвованныхъ частными лицами и пр., издержано 115,434 руб. 81¾ коп. (*).

Другой постоянный источникъ новыхъ пріобрѣтеній для библіотеки заключается въ томъ, что̀ она получаетъ, безмездно, по закону. Еще въ 1811 году опредѣлено было доставлять ей изъ цензурнаго вѣдомства по два экземпляра всего вновь печатаемаго въ Россіи. Впослѣдствіи, по представленію г. директора библіотеки, предписано отсылать въ нее также всѣ книги, задерживаемыя, по какимъ-либо причинамъ, на пограничныхъ таможняхъ и невысланныя обратно за границу, и передать ей тѣ, которыя, съ 1815 по 1854 годъ, поступили, разными путями, въ комитетъ цензуры иностранной. Наконецъ, вслѣдствіе настоятельныхъ сношеній, доставлено немало и такихъ книгъ, которыя печатаются у насъ по разнымъ вѣдомствамъ независимо отъ общей цензуры. Все это вмѣстѣ составило 51,716 томовъ.

Библіотека постоянно и значительно обогащалась изъ источниковъ чрезвычайныхъ, именно: 1) Отъ даровъ почившаго въ Бозѣ Государя и нынѣ царствующаго Государя Императора, всегда, когда представлялся случай къ какимъ-либо особенно важнымъ или выгоднымъ покупкамъ. 2) Отъ частныхъ приношеній, нынѣ чрезвычайно умножившихся. Отъ Монаршихъ даровъ, въ составъ которыхъ входили, временами, и цѣлыя значительныя собранія (Погодинское, Коробановское, доктора Ру, Тишендорфа, Аделунга и проч.), библіотека съ 1850 года получила 18,003 тома печатныхъ сочиненій и 4,929 рукописей. Частныя приношенія, состоявшія иногда также изъ цѣлыхъ библіотекъ (фонъ-Берга, барона Виттенгейма и др.), внесли въ публичную библіотеку 65,450 печатныхъ томовъ и 1,687 рукописей.

Общій итогъ приращеній библіотеки въ десять лѣтъ составилъ, слѣдственно, 209,946 томовъ печатныхъ сочиненій и 8,867 рукописей.

Сверхъ-того она получила совокупно отъ всѣхъ источниковъ:

Эстамповъ.................................. 25,875

(*) Это исчисленіе, равно-какъ и всѣ послѣдующія, доведены здѣсь до 1 сентября 1859 года.

Картъ и плановъ.......................... 1,228
Музыкальныхъ произведеній и нотъ......... 5,257
Каллиграфическихъ руководствъ.. 116

Протяженіе полокъ, занятыхъ въ библіотекѣ книгами, рукописями и пр., составлявшее къ 1850 году 42,016 футовъ, или $12,_{29}$ версты, нынѣ возрасло до 53,858 футовъ, или $15_{,39}$ версты.

На переплетъ вновь пріобрѣтенныхъ и, частію, прежнихъ книгъ издержано 27,913 р. $5^1/_2$ к.

Работы чиновъ библіотеки состояли въ слѣдующемъ: трудъ библіотекарей въ сличеніи и отдѣленіи дублетовъ и въ составленіи имъ каталоговъ для продажи. Трудъ этотъ принесъ тройкую пользу: во-1-хъ, библіотека освободилась отъ множество излишнихъ книгъ, загромождавшихъ собою обширныя помѣщенія; во-2-хъ, составился довольно значительный капиталъ для прикрытія настоятельнѣйшихъ ея нуждъ; въ-3-хъ, ученымъ и учебнымъ заведеніямъ и всѣмъ вообще любителямъ была дана возможность пополнить свои собранія многимъ, уже давно исчезнувшимъ изъ книжной торговли и нигдѣ болѣе не находимымъ. Послѣ этой работы приступлено къ двумъ другимъ: разстановкѣ книгъ, оставшихся за отдѣленіемъ дублетовъ, и каталогизаціи ихъ. Перемѣна разстановки книгъ, которыя стояли частію въ систематическомъ и частію въ алфавитномъ порядкѣ. Затруднительность въ обоихъ случаяхъ для всякихъ справокъ и всякаго контроля и необходимость, при томъ и другомъ порядкѣ, безпрестанно перемѣщать книги съ полки на полку, изъ шкафа въ шкафъ и даже изъ залы въ залу, въ новѣйшее время побудили лучшихъ устроителей большихъ библіотекъ за границею слѣдовать раздѣленію наукъ и азбучному порядку единственно въ каталогахъ, а нормою для разстановки книгъ въ натурѣ принимать лишь ихъ относительную величину. Эта работа повлекла за собою повсюдное и, разумѣется, очень не легкое передвиженіе огромной массы книгъ, но за то должна была устранить практическія невыгоды прежней разстановки и доставить также весьма значительный выигрышъ мѣста. Но приведеніе новой системы въ дѣйствіе представлялось возможнымъ только подъ однимъ условіемъ—по-мѣрѣ составленія каталоговъ: ибо еслибы существовавшій дотолѣ порядокъ разстановки разстроить прежде ихъ изготовленія, то уже нельзя было-бы отыскать ни одной книги.

Въ настоящее время совершенно окончены каталоги во всѣхъ трехъ видахъ, т.-е. *систематическій*, *алфавитный* и *инвентарный*, по отдѣленіямъ: иноязычныхъ писателей о Россіи, художественному, технологическому, восточныхъ языковъ, древнихъ классиковъ, языкознанія, естественныхъ и математическихъ наукъ, и, наконецъ, спеціальныхъ коллекцій (Альдовъ, Эльзевировъ, библій, историческихъ переплетовъ и проч.); *алфавитный* и *инвентарный* — въ отдѣленіи философіи и въ самой большей части отдѣленія книгъ на Русскомъ языкѣ, и *алфавитный* въ отдѣленіяхъ историческомъ и, частію, изящной словесности. Вообще положеніе этого дѣла теперь, по сравненію съ прежнимъ, таково: въ концѣ 1849 года изъ 640,000 томовъ, составлявшихъ тогда библіотеку, оставалось неописанными около 600,000, а теперь, изъ 849,946 томовъ настоящаго состава, остаются еще невнесенными въ каталоги менѣе 50,000. Если взять въ соображеніе, что библіотекари наши, за несуществованіемъ еще у насъ класса образованной, особенно-же знающей иностранные языки, прислуги, безпрестанно, не смотря на разныя, принятыя вспомогательныя мѣры, развлекаются такимъ дѣломъ, которое вездѣ лежитъ на служителяхъ, т.-е. пріисканіемъ и выдачею требуемыхъ читателями книгъ и обратною установкою возвращаемыхъ изъ чтенія; что вообще личный составъ чиновъ нашей библіотеки гораздо менѣе, нежели въ другихъ первостепенныхъ книгохранилищахъ Европы; что часть послѣдняго десятилѣтія была употреблена на отдѣленіе дублетовъ, новое размѣщеніе книгъ и устройство многочисленныхъ выставокъ; что библіографическія наши работы нерѣдко и на довольно продолжительное время были останавливаемы разными перестройками и передѣлками, вынужденными не тщеславнымъ щегольствомъ, а крайнею необходимостію; наконецъ, что когда въ другихъ государствахъ, каталогизація большихъ книгохранилищъ была поручаема особо опредѣленнымъ для того лицамъ, продолжалась десятки лѣтъ, поглотила милліоны, и все еще, какъ напримѣръ въ Парижской императорской библіотекѣ, не приведена къ концу, тогда-какъ у насъ это дѣло совершается безъ всякихъ чрезвычайныхъ средствъ, среди другихъ работъ и при безостановочномъ удовлетвореніи читающей публики: то достигнутый донынѣ результатъ нельзя, конечно, не признать весьма удовлетворительнымъ и нельзя не отдать въ немъ полной справедливости библіотекарямъ.

Соединеніе всѣхъ вышеисчисленныхъ условій не осталось без-
Въ 1850 году было въ библіотекѣ всѣхъ читателей 7,720, а въ 1858 — 34,275 (въ 1849 число это, по сравненію съ тѣми-же мѣсяцами прошлаго года, еще увеличилось); въ 1850 было вытребовано въ чтеніе 16,076, а въ 1858 — 71,396 книгъ. Постепенное возрастаніе той и другой цифръ видно изъ слѣдующей таблицы:

	1850.	1851.	1852.	1853.	1854.	1855.	1856.	1857.	1858.
Число читателей...	7,720	Этотъ годъ не входитъ въ счетъ, потому что библіотека, за капитальными передѣлками, была закрыта съ половины мая	15,110	17,897	20,645	23,755	27,867	31,151	34,275
Число вытребованныхъ ими книгъ....	16.706		27,587	32,345	34,475	32,446	51,593	6[illegible],180	71,396

Вообще, ежедневные факты свидѣтельствуютъ, что въ настоящее время уже почти ни одинъ серьезный ученый трудъ въ нашемъ отечествѣ не совершается безъ помощи матеріаловъ публичной библіотеки. Всѣ слои публики привыкли видѣть въ ней *свою* библіотеку, *свой* кабинетъ, привыкли къ *ней* обращаться и для пополненія и довершенія многолѣтняго усидчиваго труда, и для мимолетной, быстрой справки. Но не одни отечественные ученые и любители являются въ библіотеку; сокровища ея привлекаютъ въ далекій и дорогой для жизни Петербургъ и многихъ иностранцевъ. Еще въ эту минуту усердно работаютъ въ ней пріѣхавшіе *собственно для нея*, Французскій Бенедиктинецъ аббатъ Питра, прославившійся своими сочиненіями по патристикѣ; возродитель

Лужицко-Сербской народности и письменности Смоляръ и извѣстный во всей Европѣ Лейпцигскій библіографъ Эттингеръ. Иностранные журналы наполнены статьями о нашей библіотекѣ и многіе путешественники, черезъ знакомство съ нею, распространили за границею болѣе правильныя, чѣмъ прежде, понятія о дѣйствіяхъ нашего правительства къ развитію народной образованности.

Наконецъ, занимательныя и поучительныя выставки, встрѣчающіяся нынѣ въ библіотекѣ на каждомъ шагу, не могли не увеличить и числа любопытствующихъ осматривать ее. Въ 1850 году такихъ любопытствовавшихъ было 89, въ 1858—2,176.

I.

НОВОСТИ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

Новыя изслѣдованія о болѣзни шелковичныхъ червей Катрфажа (*). — Вотъ результаты новыхъ трудовъ *Катрфажа* о болѣзни шелковичныхъ червей:

Въ первый годъ *Катрфажъ* изслѣдовалъ монографически нѣкоторыя мѣстности и вывелъ изъ нихъ нѣсколько общихъ заключеній; а теперь, т.-е. въ 1859 году онъ старался опредѣлить, до какой степени эти заключенія прилагаются ко всѣмъ мѣстамъ, пораженнымъ болѣзнію.

«Для этой цѣли, говоритъ онъ, я посѣтилъ восемь департаментовъ, гдѣ особенно развито шелководство. Крайнія точки изслѣдованій были на берегу моря: Сеттъ и Гіеръ; на лѣвомъ берегу Роны: Драгиньянъ, Кавальонъ, Романъ и Гренобль, на правомъ берегу ея и въ долинѣ Геро (Herault), Виганъ и Привa. Кромѣ-того, я былъ во многихъ промежуточныхъ точкахъ.

«Я видѣлъ около 280 камеръ, принадлежащихъ около 100 владѣльцамъ. Кромѣ-того, мнѣ приносили или червей, или особенно много коконовъ, а иногда и бабочекъ. Поэтому, я могу безъ увеличенія сказать, что я собралъ болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія по-крайней-мѣрѣ съ 700 камеръ.

«Эти питомники расположены, начиная съ береговъ моря (Тулонъ и Сеттъ) до верхней границы каштановъ (Прюне въ Ардешѣ). Слѣдовательно, мои наблюденія обнимаютъ крайности общихъ условій, въ которыхъ помѣщены шелководы Франціи.

«Благодаря разницѣ климатовъ, зависящей отъ различія гео-

(*) Comptes rendus № 17. 1860.

графическаго положенія, я могъ продолжать мои изысканія въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Въ половинѣ апрѣля я находилъ въ Драгиньянѣ червей, готовыхъ къ четвертому линянію; но за-то 4 іюля въ *холодныхъ земляхъ* Дофине въ одной камерѣ наполовину черви еще не всходили.

«Общій результатъ этихъ изысканій есть подтвержденіе моихъ предыдущихъ изслѣдованій, онъ позволяетъ мнѣ быть гораздо рѣшительнѣе, нежели прежде.

«Я формулирую въ видѣ предложеній, нѣкоторые изъ самыхъ общихъ и существенныхъ фактовъ моего новаго труда.

«1) Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ *Меританомъ*—сыномъ, слѣдуетъ что настоящая болѣзнь была эндемическою въ окрестностяхъ Каваильона болѣе двадцати лѣтъ, и произвела въ этомъ мѣстѣ ввозъ сѣменъ. Поэтому, мѣсто происхожденія этой болѣзни суть наносныя долины Дюрансье.

«2) Различные факты, и въ-особенности наблюденіе *Мальголя* (Malhole), показываютъ, что эпидемическое вліяніе можетъ весьма вѣроятно дѣйствовать на зародышъ, развивающійся въ яйцѣ. Если это дѣйствительно справедливо, то выгодно оставлять яйца въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ эпидеміи, и привозить на мѣста, передъ тѣмъ самымъ временемъ, какъ они должны быть употреблены въ дѣло.

«3) Факты, которые я выставилъ для доказательства сложности болѣзни въ большей части случаевъ, встрѣчались въ разныхъ мѣстахъ съ особенностями, которыя дѣлаютъ очевиднымъ, какъ основательно все, что я говорилъ объ этомъ предметѣ. Повсюду пебрина была существеннымъ и общимъ элементомъ; почти повсюду также сопровождающія болѣзни, различныя смотря по времени и мѣсту, казались главною причиною опустошеній, которыхъ я былъ свидѣтелемъ.

«4) Совокупность всѣхъ наблюденій заставляетъ меня уменьшить еще болѣе, нежели въ прошломъ году, различныя причины, которыя могли произвести болѣзнь.

«5) Напротивъ-того, для меня дѣлается болѣе и болѣе очевиднымъ, что эти причины усиливаютъ, поддерживаютъ и распространяютъ зло.

«6) Изъ всѣхъ средствъ, предложенныхъ для уничтоженія зла, самыя вѣрныя суть гигіеническія. Самыя большія камеры, при строгомъ соблюденіи правилъ гигіены даютъ прекрасные сборы

въ мѣстностяхъ, наиболѣе опустошаемыхъ, *если ежегодно выписывать сѣмена изъ странъ, пощаженныхъ заразою.* Я приведу въ примѣръ то, что случилось въ Сентъ-Элали у *Борегара.*

«7) Этого одного факта довольно, чтобы вывести изъ всякаго сомнѣнія эпидемическое и наслѣдственное свойство болѣзни, если-бы еще нашлись люди, не признающіе того.

«8) Я обратилъ особенное вниманіе на постройку питомниковъ, способы ихъ отопленія и провѣтриванія. Я даю нѣкоторыя подробности, какимъ образомъ выполнялись эти основныя условія въ Сентъ-Элали у покойнаго графа Давида Борегара, который лучше другихъ шелководовъ разрѣшилъ съ практической стороны эти важные вопросы.

«9. При одинокихъ условіяхъ я находилъ, что чѣмъ меньше питомникъ, тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ. Раздробленіе въ иныхъ случаяхъ было достаточно, чтобы получить хорошій сборъ тамъ, гдѣ расчитывали на убытокъ вслѣдствіе скопленія, которое однакожь не было чрезвычайнымъ.

«10) Чтобы дѣлать успѣхи въ шелководствѣ, должно принять, можетъ быть, болѣе простые и болѣе дешевые способы воздѣлыванія шелковицы и воспитанія шелковичныхъ червей. Для этой цѣли я обращаю вниманіе шелководовъ на способы шелководства въ Турціи.

«11) Болѣзнь распространяется и за границей и угрожаетъ странамъ, которыя до-сихъ-поръ доставляли намъ здоровыя сѣмена. Должно дѣлать *невозможныя усилія*, чтобы имѣть хорошія сѣмена; иначе можно опасаться, что шелководство будетъ внезапно остановлено и почти уничтожено, по-крайней-мѣрѣ временно.

«12) *Весьма небольшіе* питомники, исключительно назначенные для сѣменъ, есть лучшее средство для этого.

«13) Болѣзнь, по-крайней-мѣрѣ мѣстами, вступила въ періодъ ослабленія. Поэтому нужно стараться поскорѣе получать хорошія сѣмена. Впрочемъ ослабленіе эпидемическаго вліянія весьма незначительно въ большей части мѣстностей, и воспитаніе, противное гигіеническимъ правиламъ, можетъ еще приводить къ такимъ-же результатамъ, что и прежде. Поэтому шелководы должны соблюдать эти правила, какъ можно точнѣе.

Грибки броженія. *Изслѣдованія Гоффмана* (*). — До-сихъ-поръ

(*) Bot. Zeit. 1860 №№ 4 и 5.

не было изслѣдованій, откуда происходитъ ферментъ *сырыхъ растительныхъ соковъ*. Изъ тѣхъ, кто занимался явленіями броженія и гніенія, одни обходили этотъ вопросъ, другіе безъ дальнѣйшихъ изысканій принимали, что дрожжи происходятъ произвольнымъ зарожденіемъ (generatio spontanea). Только немногіе, и основательнѣе другихъ *Шваннъ*, думали, не имѣя на то прямыхъ наблюденій, что грибки броженія развиваются изъ зародышей живыхъ организмовъ, которые попадаютъ изъ воздуха. Прямыхъ доказательствъ этому до послѣдняго времени не было. *Карстенъ* (**) полагалъ, что клѣточки дрожжей образуются изъ маленькихъ пузырьковъ, которые находятся въ клѣточкахъ плодовъ, а даже иногда и изъ ядра этихъ клѣточекъ (стр. 476). *Гоффманъ* рѣшительно отвергаетъ такое происхожденіе; *Шлейденъ* также отчасти оспариваетъ мнѣніе *Карстена* (Grundzüge der wissensch. Bot. 3 изд. I. 207).

Если разсматривать въ микроскопъ свѣжій только-что выжатый сокъ крыжовника или другихъ ягодъ, то въ немъ попадаются кое-гдѣ не только отдѣльныя клѣточки дрожжей, но также споры Cladosporium, Stemphylium и пр., изъ которыхъ иныя проростаютъ. Уже изъ этого явленія невѣроятно, что они развиваются внутри плода; но можно убѣдиться и прямыми наблюденіями, что они происходятъ не оттуда. Совершенно напрасно мы будемъ искать ихъ въ разрѣзахъ изъ средины плодовъ. Поэтому должно допустить, что зародыши дрожжей находятся *на поверхности плодовъ* и при раздавливаніи ихъ попадаютъ въ сокъ, даже если и процѣдить его.

Кипятокъ убиваетъ очень быстро эти клѣточки, посему если положить крыжовникъ передъ раздавливаніемъ секундъ на 5—10, въ кипячую воду и потомъ вынуть его, то въ выжатомъ изъ него сокѣ броженія или совсѣмъ не было, или если и было, то очень слабое и несовершенное и начинавшееся черезъ нѣсколько дней послѣ, нежели въ сыромъ соку, а напротивъ жидкость съ поверхности покрылась плѣсенью. Въ обоихъ случаяхъ въ сокъ былъ положенъ сахаръ, какъ при приготовленіи водянки.

Если свѣжій крыжовникъ опустить въ холодную воду на четверть часа, и время-отъ-времени взбалтывать его, то, когда сольемъ воду, ее можно употребить, какъ ферментъ, правда слабый,

(**) Bot. Zeit. 1848 стр. 459.

для отдѣленія угольной кислоты изъ сахарнаго раствора. Поэтому съ поверхности цѣльныхъ плодовъ перешло въ воду нѣчто, похожее на дрожжи.

Если *поверхность ягоды* скоблить тупымъ ножемъ и соскобленную пыль разсмотрѣть въ микроскопѣ, то въ ней вмѣстѣ съ земляными частицами и другими нечистотами замѣтимъ тѣ-же самыя споры грибковъ, какія мы видѣли въ выжатомъ соку, только въ гораздо-большемъ числѣ. Эти споры частію бураго цвѣта (Stemphylium, Clodosporium), частію безцвѣтны и послѣднія круглой, яйцевидной, веретенообразной или цилиндрической формы. Большая часть изъ нихъ суть обрывки цѣпей Oidium, Monilia, Torula или споры кистевиковъ (Hyphomycetes), принесенные вѣтромъ и оставшіеся на ягодѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ споръ съ короткими нитями проростанія. Если такую пыль положить въ каплю дистиллированной воды для проростанія и защитить ее отъ наружной пыли, то уже черезъ 24 часа находимъ плотныя группы нитей проростанія и множество настоящихъ клѣточекъ дрожжей на всѣхъ степеняхъ развитія почекъ и стягиванія и такихъ-же разнообразныхъ формъ, какъ дрожжи сыраго сока плодовъ, что показываетъ, что они принадлежатъ къ различнымъ родамъ и видамъ грибовъ. Иныя изъ нихъ образуютъ короткія цѣпи, поэтому совершенно вѣрно принимали клѣточки дрожжей за Torula. Бактеріи встрѣчаются здѣсь часто, нерѣдко также и инфузоріи. Поэтому выраженіе дрожжи должно принимать, какъ собирательное имя, и не какъ видовое названіе растеній.

Само собою разумѣется, что дрожжи находятся не только на плодахъ, но и на поверхности другихъ частей растенія, какъ напр. на листьяхъ и усикахъ винограда, на съѣдобныхъ грибахъ и пр.

Дрожжи *вареныхъ* растительныхъ соковъ, именно пивныя и винныя, гораздо однообразнѣе, чѣмъ предыдущія, хотя не такъ однообразны, какъ ихъ обыкновенно представляютъ. Въ нихъ находятся не только круглыя и овальныя клѣточки, но также и цилиндрическія; далѣе Bacterium Termo вѣроятно также составляетъ ихъ постоянную часть. Клѣточки дрожжей бываютъ различной величины; число и положеніе въ нихъ полостей и капель масла или такъ-называемыхъ ядеръ также весьма различно. Что касается до верхнихъ и нижнихъ дрожжей, то, по изслѣдованіямъ *Гоффмана*, они одинаковы, между-тѣмъ-какъ *Р. Вагнеръ* утверждаетъ, что верхнія состоятъ изъ цѣпей, а нижнія изъ отдѣльныхъ клѣточекъ

(Journ. f. prakt. Chem. XLV, 241). Низшее броженіе отличается, по мнѣнію *Гоффмана*, отъ высшаго только тѣмъ, что первое происходитъ при 5—8° R, а второе при 15—22° R.

Чтобы изслѣдовать, что такое пивныя дрожжи, можно избрать одинъ изъ двухъ путей, или воздѣлывать дрожжи и наблюдать, какія растительныя формы развиваются изъ нихъ при измѣненныхъ условіяхъ (на воздухѣ), или непосредственно выростить дрожжи изъ споръ грибовъ, предполагаемыхъ родоначальниками ихъ. Послѣднему пути слѣдовалъ *Байль* и нашелъ, что дрожжи происходятъ изъ Ascophora elegans, Mucor spec. и Penicillium glaucum (Flora, 1857, №№ 27 и 28). *Гоффманъ* вполнѣ подтверждаетъ его изслѣдованія. Первому пути слѣдовалъ *Кютцингъ* (Journ. f. prakt. Chem. 1837, стр. 388, изслѣдованія его подтверждены *Р. Вагнеромъ*); онъ видѣлъ, что дрожжи переходятъ въ массу плѣсени, которую онъ называетъ Sporotrichum и которая въ сухихъ мѣстахъ переходитъ въ грибокъ, названный имъ Mucor; но принимаемый *Гоффманомъ* за Aspergillus. *Кютцингъ* ничего не говоритъ о томъ, какія предосторожности онъ принималъ противъ пыли воздуха, поэтому нельзя допустить его мнѣнія, что эти организмы, равно-какъ Ulvina aceti въ уксусѣ, произошли произвольнымъ зарожденіемъ.

Гоффманъ производилъ свои наблюденія частію въ большемъ видѣ въ пивоварняхъ, частію воздѣлывая дрожжи въ маломъ видѣ. Въ пивоварняхъ постоянно на издержанныхъ дрожжахъ, которыя выбрасываются, развиваются толстые сѣрые налеты Penicillium glaucum, и въ небольшомъ количествѣ Penicillium brevipes, Ascophora elegans и т. п. Обыкновенно, здѣсь еще появляются большія массы нитей, которыхъ нѣтъ въ нормальныхъ дрожжахъ; это доказываетъ, что онѣ происходятъ изъ клѣточекъ дрожжей.

Воздѣлываніе дрожжей въ маломъ видѣ при предосторожностяхъ, чтобы въ нихъ не попала пыль изъ воздуха, дало *Гоффману* слѣдующіе результаты. Большею частію опыты не удавались, потому-что дрожжи живутъ въ водѣ, а гифы съ сумочками плѣсени могутъ развиваться только въ воздухѣ. Однакожь, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ и въ большомъ видѣ, можно было получить нити и различить Penicillium glaucum (которое наблюдалъ также *Рейссекъ*), Ascophora Mucedo, Ascophora elegans и Periconia hyalina, иногда отдѣльно, иногда вмѣстѣ. Лучше всего это удается, если налить въ пробирную трубочку нѣсколько капель

воды, поставить ее косвенно и положить въ ея среднюю часть не много свѣжихъ дрожжей, потомъ отверстіе ея замкнуть ватою, чтобы предохранить отъ пыли наружнаго воздуха. Подобнымъ-же способомъ *Беркелей* и другой *Гоффманъ* получили изъ дрожжей Penicillium (Berk. Introd. cryptog. bot. 1857, стр. 242 и 299).

Если дрожжи происходятъ отъ нитчатыхъ грибовъ, то нѣтъ ничего вѣроятнаго, что ихъ родоначальники суть Penicillium glaucum или Ascophora Mucedo, которые болѣе всего распространены и встрѣчаются во всѣхъ климатахъ близъ человѣка, развиваясь во всѣхъ сахаристыхъ веществахъ. При томъ Penicillium glaucum хорошо растетъ во всякой питательной жидкости при весьма разнообразныхъ условіяхъ, поэтому имѣетъ необыкновенное разнообразіе формъ, какъ это доказываютъ опыты надъ растворами сахара, камеди и столярнаго клея. *Гоффманъ* наблюдалъ непосредственно переходъ Penicillium glaucum въ Pen. candidum var. sulfureum и наконецъ въ Coremium glaucum Corda, какъ это предполагали *Вальротъ* и *Корда*, а также и *Беркелей*. Это наблюденіе бросаетъ свѣтъ на полиморфизмъ этого растенія, хотя намъ еще неизвѣстна причинная связь между его формою и наружными условіями его жизни.

Гоффманъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ, что дрожжи и броженіе происходятъ отъ этого грибка: онъ бралъ пробирную трубочку съ сахарнымъ растворомъ, который самъ собою не приходилъ въ броженіе, но поверхность котораго была покрыта плѣсенью, клалъ туда споры Pencillium glaucum и взбалтывалъ хорошенько растворъ; потомъ клалъ трубочку весьма косвенно, почти горизонтально и оставлялъ ее въ покоѣ; тогда споры, содержащіе воздухъ и потому поднимающіеся вверхъ, встрѣчали стѣнку трубочки и оставались хотя временно въ водѣ. Трубочку *Гоффманъ* взбалтывалъ ежедневно одинъ разъ и уже на другой или третій день (при 15—16° R.) замѣчалъ, что вокругъ споръ образовались хлопки грибницы и что въ нихъ (и только исключительно въ нихъ) началось отдѣленіе газа. Такъ-какъ газъ гораздо легче поднимается на поверхность, то нужно частое взбалтываніе, чтобы грибница была въ водѣ. Этотъ опытъ, видоизмѣняемый самымъ различнымъ образомъ, даетъ всегда одинъ и тотъ-же результатъ, посему не остается никакого сомнѣнія, что отдѣленіе газа зависитъ отъ произрастанія этого грибка. Если изслѣдовать помутившуюся жидкость, то сейчасъ замѣтишь вмѣстѣ съ сумочными

гифами, грибницами и спорами съ короткими и длинными нитями проростанія значительное число клѣточекъ дрожжей во всѣхъ степеняхъ размноженія.

Но какая связь между клѣточками дрожжей и грибницей или гифами Penicillium? Наблюденіе показываетъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло прежде всего съ гифами Penicillium, развившимися ненормально, которыхъ иногда нельзя узнать, и которыя, какъ уже замѣтилъ *Мейенъ*, имѣютъ видъ вѣтвей, согнутыхъ въ видѣ колѣна. Клѣточки дрожжей, развивающіяся на этихъ водныхъ гифахъ, отличаются отъ нормальныхъ споръ Penicillium, выросшихъ на воздухѣ, только гораздо большею величиною; онѣ представляютъ всѣ постепенные переходы къ послѣднимъ и весьма скоро и удобно дѣлятся стягиваніемъ стѣнокъ, отчего образуются цѣпи споръ, которыя легко разрываются на отдѣльныя клѣточки, чѣмъ также отличаются цѣпи споръ Penicillium; онѣ образуютъ также веретенообразныя клѣточки (Cylindrium, Hormiscium и пр.), которыя также стягиваются и составляютъ короткія цѣпи, которыя весьма легко распадаются на отдѣльныя клѣточки. Далѣе дрожжи образуются еще почками изъ самыхъ споръ, погруженныхъ въ жидкость и наконецъ конидіями (т.-е. стягиваніемъ) нѣкоторыхъ вѣтвей водной грибницы. Подобное образованіе конидій замѣчается у Ascophora Mucedo; но происшедшія такимъ образомъ клѣточки дрожжей гораздо больше, нежели у Penicillium.

Гифы съ сумочками образуются исключительно на воздухѣ, въ водѣ-же развивается или водная грибница или Schizomycelium, т.-е. дрожжи и при томъ въ обратномъ отношеніи. Образованію дрожжей способствуетъ постоянное отсутствіе газообразнаго воздуха (безъ воздуха-же, растворенняго въ водѣ, невозможна никакая растительность), далѣе слизистое свойство жидкости, будетъ-ли оно естественное, какъ въ сокѣ плодовъ, или искусственное, отъ прибавленія камеди или альтейной слизи; присутствіе сахара не составляетъ необходимаго условія для образованія дрожжей; но броженіе происходитъ, само-собою разумѣется, только тогда, когда въ жидкости есть сахаръ. Отдѣленіе газа уменьшается или совершенно прекращается въ случаѣ излишка уксусной кислоты, или отъ прибавленія винно-каменной; но за то при этихъ условіяхъ весьма сильно развивается нитчатая форма грибка.

Что касается до положенія клѣточекъ грибковъ на поверх-

ности или въ жидкости, то въ первомъ случаѣ развивается нитчатая форма грибковъ съ гифами, во второмъ—дрожжи. Если взять свѣжаго сока смородины или крыжовника, смѣшать его на половину съ водою и налить въ пробирную трубочку, смѣсь эту хорошенько взболтать и потомъ оставить въ покоѣ; тогда клѣточки грибковъ по легкости своей поднимаются на поверхность жидкости и производятъ плѣсень, а броженія нѣтъ и слѣда. Если-же жидкость взбалтывать постоянно, то происходитъ нормальное броженіе.

Впрочемъ образованіе нитей и образованіе конидій весьма сродны между собою, какъ это видно изъ того, что они происходятъ часто одновременно.

Удобнѣе всего чистыя дрожжи развиваются въ пивномъ суслѣ.

При сильномъ произрастаніи дрожжей, они плаваютъ въ верхней части жидкости и образуютъ цѣпи изъ 4—12 клѣточекъ (Saccharomycetes Meyen), которыя часто имѣютъ видъ деревца. Въ зрѣлости клѣточки разъединяются и опускаются въ видѣ безцвѣтнаго порошка на дно, гдѣ и остаются отдѣльными или размножаются стягиваніемъ. Поэтому вмѣсто верхнихъ и нижнихъ дрожжей лучше называть молодыми и зрѣлыми дрожжами.

Какъ помощію Penicillium, такъ и другими грибками можно произвести броженіе. *Гоффманъ* приводилъ въ броженіе пивное сусло, растворъ винограднаго сахара, тростниковаго, вареный сокъ смородины, крыжовника, прибавляя въ нихъ Ustilago Carbo (Uredo segetum), Ascophora Mucedo, Stachylidium pulchrum, Bacterium Termo (который несомнѣнно есть грибъ = Schizomycetes *Нэгели*), Torula fructigera и листьями розы, которыя во множествѣ были покрыты Phragmidium incrassatum и Epitea Uredo (Rosae). Впрочемъ, споры послѣднихъ трехъ грибковъ невозможно получить совершенно чистыми, они всегда въ смѣси со спорами Penicillium. Ascophora, Bacterium и т. п., поэтому броженіе можно приписать этимъ послѣднимъ.

Полученныя такимъ образомъ дрожжи имѣютъ всѣ свойства обыкновенныхъ дрожжей сыраго сока плодовъ. Они представляютъ такое-же разнообразіе формъ (иныя клѣточки въ 15 разъ больше другихъ), отдѣляютъ въ большомъ количествѣ угольную кислоту и при прибавленіи въ тѣсто, также хорошо поднимаютъ его и образуютъ въ немъ ноздрины, какъ и покупныя дрожжи

Разложеніе сахара этими дрожжами такъ совершенно, что *Троммерова* реагенція на мѣдь не обнаруживаетъ его.

Гоффману не удалось получить броженія чистыми спорами Agaricus campester, excoriatus Schäffe и Boletus granulatus. Отсюда слѣдуетъ, что *не всѣ грибы* производятъ броженіе и отдѣленіе угольной кислоты изъ сахара. Это кажется не столько зависитъ отъ способности или неспособности ихъ проростательныхъ нитей образовать конидіи, сколько отъ того, гдѣ они растутъ — на здоровыхъ или на больныхъ и умершихъ частяхъ растеній.

Далѣе *Гоффманъ* разсматриваетъ, на сколько грибки и инфузоріи способствуютъ разложенію и гніенію органическихъ тѣлъ.

Если нѣкоторые грибки и инфузоріи имѣютъ свойство приводить сахарныя жидкости въ броженіе, отдѣляя изъ нихъ газы, а другія органическія жидкости въ тлѣніе или гніеніе, отнимая отъ нихъ кислородъ; то *не допуская* такіе организмы до жидкостей, мы можемъ *предохранить* послѣднія *отъ разложенія*. *Шваннъ* (Müller's Archiv f. Anat. 1836 стр. 108 и особенно Poggen1f. Ann. Bd. 41 стр. 189. 1837) доказалъ остроумными опытами, которые были подтверждены *Уре*, что присутствіе грибковъ или инфузорій составляетъ conditio sine qua non всякаго броженія или гніенія. *Шрёдеръ* также сдѣлалъ рядъ замѣчательныхъ опытовъ въ этомъ отношеніи (Ann. d. Chem. und Pharm, 1853. Heft. 2 и 1859. Heft 1), изъ которыхъ слѣдуетъ, что пыль изъ воздуха почти во всѣхъ случаяхъ (кромѣ окисленія молока, разложенія яичнаго желтка и пр.) есть причина разложенія чистыхъ (кипяченыхъ) органическихъ жидкостей: бульона, декоктовъ, мочи и пр.). Предположеніе, что въ этомъ участвуютъ грибныя споры, онъ ограничиваетъ тѣмъ, что онѣ по *нагрѣваніи* (до какой степени? сырыя или сухія?) не производятъ разложенія. При этомъ онъ полагаетъ, что по причинѣ малости, онѣ дѣйствуютъ своею поверхностью, на подобіе того, какъ губчатая платина, а не потому, что онѣ суть живые организмы, которые растутъ, выдѣляютъ изъ себя различныя вещества, принимаютъ другія, переработываютъ ихъ и т. д. Поэтому онъ пришелъ къ результату, что пыль производитъ разложеніе только тогда, когда была въ непосредственномъ прикосновеніи съ воздухомъ.

Гоффманъ рѣшительно возстаетъ противъ этого мнѣнія, потому-что разложеніе производится спорами плѣсени, даже и въ томъ случаѣ, когда онѣ подвергаются впродолженіе цѣлаго часа

температурѣ 100° вмѣстѣ съ жидкостью, въ которой онѣ погружены. Онъ также, какъ и Шрёдеръ, наливалъ жидкость въ пробирную трубку, затыкалъ послѣднюю плотно ватою, и потомъ цѣлый часъ кипятилъ жидкость. Она не разлагалась втеченіе 3—8 мѣсяцевъ, не смотря на чрезвычайный жаръ лѣта 1859 г. Такимъ образомъ были испытаны мясной бульонъ, вареный горохъ, слабый растворъ тростниковаго сахара съ клеемъ, растворъ виноградн аго сахара съ клеемъ или съ зернами пшеницы, сахарный сиропъ, растворъ клея, моча, вареные яблоки, медъ съ водою. Противоположный этому опытъ былъ слѣдующій. Передъ закупориваніемъ трубки ватою, сквозь нея была продѣта толстая проволока, къ концу которой прикрѣплена узкая стеклянная трубочка, длиною не болѣе 2-хъ дюймовъ, на концахъ утонченная и запаянная; внутри этой трубочки помѣщены сухія споры грибковъ, назначенныхъ для опыта; близъ этой проволоки была продѣта другая съ петлей на концѣ, чтобы сломать кончики стеклянной трубочки. Изъ споръ, помѣщенныхъ въ трубочкѣ, развивались въ нѣсколько дней толстыя хлопья грибницъ Penicillium glaucum, Ustilago Carbo, Stachylidium pulchrum, сухія пивныя дрожжи и т. п. Броженія здѣсь не происходитъ вовсе, а если и бываетъ, то очень слабое; но это объясняется легкостью сухихъ споръ, которыя поднимаются на поверхность и плаваютъ. Споры Leocarpus vernicosus, которыя при проростаніи образуютъ множество подвижныхъ растеньицъ, здѣсь совсѣмъ не дѣйствуютъ, какъ мертвыя. Сухія дрожжи образуютъ вмѣсто клѣточекъ дрожжей густой дернъ изъ Penicillium glaucum на поверхности жидкости. Въ большей части случаевъ жидкость наполнялась бактеріями и потомъ приходила въ слабое броженіе. Ustilago Carbo проростало, развивало постороннія грибницы, принадлежащія къ Penicillium, нѣсколько цѣпей конидій, бактеріи и производило слабое броженіе. Ustilago longissima не вызывало броженія. Stachilidium образовало въ вареномъ сахарномъ сыропѣ грибницу и нѣсколько цѣпей конидій, похожихъ на дрожжи, но броженія при этомъ не было; иногда вмѣстѣ съ грибницею развивается множество бактерій, дѣлающихъ жидкость мутно-бѣлою. Мертвыя, неспособныя къ проростанію споры не оказываютъ никакого вліянія на жидкость. Если вмѣсто запаянной трубки употребить открытую, то уже просто горячій паръ убиваетъ споры и жидкость остается безъ измѣненія, какъ-будто къ ней и не было примѣшано споръ.

Извѣстно, что *комнатная пыль* содержитъ въ себѣ споры грибовъ. *Гоффманъ* убѣдился въ этомъ микроскопическими наблюденіями и видѣлъ ихъ проростаніе. При мытьѣ половъ вода проникаетъ между досками и даетъ возможность развиваться множеству плѣсени; нечего и говорить о множествѣ нечистыхъ мѣстъ, гдѣ также разрастается плѣсень. Вслѣдствіе дыханія вмѣстѣ съ воздухомъ въ полость носа попадаетъ множество споръ и пристаетъ къ слизи обонятельной оболочки. Если вскипяченую органическую жидкость влить въ стклянку съ узкимъ горлышкомъ, то черезъ нѣсколько дней уже на поверхности ея развивается плѣсень и въ спокойномъ положеніи прямо подъ отверстіемъ, что показываетъ, что споры попали сюда изъ воздуха.

Предыдущіе опыты объясняютъ *Аппертову* методу заготовленія въ прокъ бобовъ, гороха и пр. и различные консервы жидкихъ и влажныхъ веществъ. Въ первомъ способѣ заготовленія овощей кипяченіе убиваетъ множество грибныхъ споръ, находящихся на нихъ, потомъ герметическое закрываніе сосуда предохраняетъ ихъ отъ споръ, носящихся въ воздухѣ. Второе кипяченіе, т.-е. опусканіе закрытаго сосуда въ кипятокъ, назначено для умерщвленія тѣхъ споръ, которыя могли попасть въ овощи во время ихъ приготовленія и закупориванія сосудовъ. Это простое объясненіе очевидно гораздо удовлетворительнѣе, нежели предположеніе, что кислородъ не дѣйствуетъ на свернувшуюся бѣлковину. Далѣе также просто объясняется способъ сохраненія вишень напримѣръ въ свѣжемъ состояніи. Для этого, какъ извѣстно, вишни складываются въ бутылку, отверстіе которой затягивается сырымъ пузыремъ; потомъ бутылка опускается на полчаса въ кипятокъ и ягоды сохраняются. Здѣсь пузырь пропускаетъ сквозь себя воздухъ и сырость; но не пропускаетъ грибныхъ споръ.

Предыдущіе опыты доказываютъ также, что въ этомъ случаѣ нѣтъ произвольнаго зарожденія.

Если колбу до половины наполнить органическою жидкостью, закупорить ее плотно пробкою, сквозь которую проходитъ узкая стеклянная трубка, загнутая на концѣ крючкомъ. Жидкость кипятятъ около часа, потомъ конецъ стеклянной трубки закрываютъ ватою; когда жидкость остынетъ, вату вынимаютъ. Теперь органическое вещество находится въ непосредственномъ сообщеніи съ кислородомъ наружнаго воздуха и не смотря на то остается

совершенно свѣжимъ, неизмѣненнымъ, безъ инфузорій и плѣсени при высокой температурѣ воздуха втеченіе шести мѣсяцевъ и дольше еще. Это зависитъ очевидно отъ того, что споры изъ воздуха не могутъ попасть въ колбу. Опыты были дѣланы надъ мяснымъ бульономъ, пивнымъ сусломъ, молокомъ, которое конечно скисало, вареными дрожжами, вареныкъ горохомъ, кусками яблоковъ и даже мочою, которая оставалась совершенно свѣтлою, слабокислою и не отдѣляла изъ себя углекислаго амміака. Этотъ опытъ еще рѣшительнѣе и проще, если пропускать воздухъ сквозь сѣрную кислоту.

Всякое органическое разложеніе условливается дѣйствіемъ живой клѣтчатой перепонки. Вся химическая дѣятельность живаго организма зависитъ отъ нея. Особенная форма преобразованій органическихъ веществъ, независимая отъ физіологической жизни организмовъ, къ которымъ они принадлежатъ, есть гніеніе и условливается развитіемъ грибковъ и инфузорій, а также можетъ быть и умирающими клѣточками самаго организма (мерцательнымъ эпителіемъ, слизью желчи и т. п.), слѣдовательно жизнію клѣточекъ. Опять особенная форма измѣненій органическихъ веществъ есть броженіе, или простое разъединеніе органическихъ группъ атомовъ, оно, какъ мы видѣли условливается развитіемъ дрожжей. До-сихъ-поръ неизвѣстно другаго спиртоваго фермента. Свѣжій синаптазъ (эмульсинъ) разлагаетъ амигдалинъ; для того, чтобы онъ производилъ спиртовое броженіе, необходимо оставить его на долгое время на воздухѣ, при чемъ онъ мутится и въ немъ развиваются, по наблюденіямъ *Р. Вагнера*, дрожжи.

Слѣдующіе опыты доказываютъ, что отдѣленіе угольной кислоты зависитъ отъ присутствія клѣточекъ дрожжей.

1) Совершенно чистыя споры Penicillium или Ascophora производятъ совершенно нормальное броженіе въ вареномъ сахарномъ сыропѣ или пивномъ суслѣ; жидкость тогда содержитъ въ себѣ дрожжи.

2) Если при этомъ развивается грибница, то уже простымъ глазомъ можно видѣть, что отдѣленіе газа начинается въ хлопкахъ грибницы.

3) Если въ пробирную трубку налить органической жидкости и раздѣлить ватою на двѣ половины, и въ верхнюю половину прибавить нѣсколько дрожжей, то изъ верхней половины жидко-

сти отдѣляется газъ и исчезаетъ сахаръ, а въ нижней сахаръ остается и газъ не развивается.

4) Если пробирную трубку до половины наполнить вареным сахарнымъ сиропомъ или пивнымъ сусломъ, положить ее косвенно и въ переднюю мелкую часть жидкости положить нѣсколько дрожжей, то только изъ этой передней части и отдѣляется угольная кислота.

Зная такое сильное дѣйствіе грибковъ на органическія жидкости, мы не будемъ удивляться опустошеніямъ плѣсени, которыя она производитъ во время повальныхъ болѣзней. Нельзя болѣе спорить о томъ, будутъ-ли въ этомъ случаѣ грибки причина, или сопровождающее явленіе или наконецъ совершенно неважное, постороннее обстоятельство. Если мы предыдущія изслѣдованія приложимъ къ разнаго рода болѣзнямъ шелковичныхъ червей, къ гнили пчелъ, къ картофельной и виноградной болѣзни, то увидимъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ причиною и слѣдствіемъ, и что въ грибкахъ, конечно при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, заключается существенная причина болѣзней, какъ въ дрожжахъ причина броженія. Такъ-какъ грибки разлагаютъ сложныя органическія соединенія на болѣе простыя, то мы имѣемъ въ нихъ страшныхъ непріятелей для растеній, животныхъ и даже человѣка. Дальнѣйшія изслѣдованія надъ заразами вѣроятно покажутъ все значеніе этихъ микроскопическихъ существъ.

Что касается до картофельной болѣзни въ-особенности, то мы познакомили читателей съ прекрасными опытами *Шпейершнейдера* (*), которые подтверждены теперь *Гоффманомъ*. Послѣ сильныхъ дождей и холодной погоды, послѣ постоянныхъ тумановъ и недостатка солнечнаго свѣта, на листьяхъ картофеля развивается въ несмѣтномъ множествѣ Peronospora Solani и убиваетъ ихъ въ короткое время. Споры, созрѣвшія, падаютъ на землю и при достаточной сырости и теплотѣ даютъ нити, которыя проходятъ сквозь тонкую кожу шишекъ и производятъ въ нихъ гниль, разлагая вначалѣ содержаніе клѣточекъ, потомъ стѣнки, а наконецъ и крахмалъ.

Теперь можно считать рѣшенымъ вопросъ о причинѣ картофельной болѣзни, и вслѣдствіе того принимать противъ нея мѣры,

---

(*) Новости естественныхъ наукъ за 1857 г. статья: «Причины картофельной болѣзни».

которыя главнымъ образомъ состоятъ въ слѣдующемъ: когда послѣ неблагопріятной погоды появится на листьяхъ картофеля бѣловатый налетъ (Peronospora), то ихъ должно скосить, такъ-какъ шишки, находясь на значительной степени развитія, могутъ вызрѣть и безъ нихъ (скашивать можно поздній картофель черезъ 14 недѣль послѣ посадки, ранній черезъ 12). Если листья уже поражены и упали на землю, то ее должно поливать известковымъ молокомъ или растворомъ хлористой извести или посыпать сѣрою, чтобы убить споры. Если-же болѣзнь уже появилась на шишкахъ, то ихъ передъ уборкою на зиму, должно перемыть и просушить.

Д. Михайловъ.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Объ изданіи евангелія въ русскомъ переводѣ.—*Господа нашего Іисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна на Русскомъ нарѣчіи.* СПб. 1860. — Вотъ начальная часть труда по переложенію библіи на Русскій языкъ, предпринятаго по распоряженію святѣйшаго синода. Извѣстно, что четвероевангеліе, также по благословенію синода, было издано отъ библейскаго общества еще въ 1819 году. Замѣчательно, что изъ трудившихся въ тогдашнемъ изданіи одному, доселѣ здравствующему митрополиту Московскому Филарету, пришлось приложить свой трудъ и принять дѣятельное участіе въ новомъ изданіи. Нѣтъ сомнѣнія, что то и другое изданіе, по внутреннему своему значенію, не смотря на значительный промежутокъ времени, отдѣляющій ихъ, имѣютъ живую неразрывную связь между собою. И потому мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь «возглашеніе къ христолюбивымъ читателямъ», напечатанное при первомъ (*) изданіи евангелія на Русскомъ нарѣчіи:

«Словомъ Божіимъ все сотворено и все сотворенное держится силою Слова Божія.

«Для человѣка Слово Божіе есть нетлѣнное сѣмя, отъ котораго онъ возраждается изъ естественной въ благодатную жизнь; есть хлѣбъ, которымъ онъ духовно живетъ, и вода, которою утоляетъ духовную жажду; есть свѣтильникъ, сіяющій въ темномъ мѣстѣ, пока придетъ разсвѣтъ и заря взойдетъ въ сердцѣ, и есть самый дневный свѣтъ, то есть живое и блаженное познаніе Бога и чудесъ Его во времени и вѣчности. Безъ Слова Божія человѣкъ мраченъ, голоденъ, жаждущъ и мертвъ духовно.

«По сей необходимости Слова Божія для истиннаго и лучшаго существованія человѣка, Всеблагій Богъ отъ самаго начала міра многократно и многообразно говорилъ отцамъ чрезъ пророковъ; а наконецъ говорилъ Онъ намъ самымъ Ѵпостаснымъ Своимъ Словомъ, единороднымъ Сыномъ Своимъ, Іисусомъ Христомъ. И дабы Слово Его, открытое нѣкоторымъ въ нѣкоторыя времена, было

(*) Новое изданіе — безъ предисловія.

для всѣхъ и навсегда: Онъ повелѣлъ Боговдохновеннымъ мужамъ написать оное въ священныхъ книгахъ.

«Когда народъ способный къ тому, чтобы ему ввѣрить писанное Слово Божіе, былъ одинъ, Еврейскій, тогда и священныя книги были писаны на одномъ Еврейскомъ языкѣ. Такъ было въ началѣ со всѣми книгами Ветхаго Завѣта. Но когда, по предвѣдѣнію и предопредѣленію Божію, настало время раздѣлить сокровище Слова Божія и между прочими народами: тогда, еще до пришествія въ міръ Іисуса Христа, священныя книги Еврейскія переведены были на Греческій языкъ; а послѣ священныя книги Новаго Завѣта явились уже не на Еврейскомъ, но на Греческомъ языкѣ, какъ болѣе прочихъ въ тѣ времена повсюду извѣстномъ, и потому болѣе способномъ къ распространенію Слова Божія во всѣхъ народахъ. Сему указанію послѣдовали далѣе пастыри и учители христіанской церкви; и Слово Божіе переводами священныхъ книгъ съ давнихъ временъ освятило многіе языки, въ числѣ ихъ и отечественный намъ Славянскій».

Послѣ указанія на потребность *Русскаго* перевода, начально удовлетворенную переводомъ четвероевангелія, «возглашеніе» заключаетъ:

«Христолюбивые читатели! не приписывая ничего пособіямъ человѣческимъ, но дерзая о силѣ Слова Божія, когда есть удобность принимать оное, мы можемъ сказать, что нынѣ дверь Евангелія отверзается для многихъ пространнѣе прежняго. Читайте, слушайте, вѣруйте, исполняйте, умудряйтесь и спасайтесь! О трудящихся-же въ семъ дѣлѣ молите Бога Слова, да дастъ и умножитъ имъ свѣтъ и силу къ вѣрному и неукоснительному продолженію и совершенію начатаго»!

Нельзя не замѣтить, что *новое изданіе* по цѣнѣ своей (20 коп. сер.) весьма доступно большинству. Если будетъ еще дана возможность получать его не изъ дальнихъ мѣстъ, какъ легко и пространно отверзется тогда дверь Евангелія, къ чтенію, слушанію, вѣрованію, исполненію, просвѣщенію, спасенію!

Мы думаемъ, распространеніе между бѣдными семействами *новаго изданія* Евангелія открывается, какъ прекраснѣйшій способъ благотворительности. Много-ли стоитъ не только для богатаго, но даже для того, кто сколько-нибудь обезпеченъ въ своей жизни — распространить пять, десять экземпляровъ, священнѣйшей спасительной книги? этимъ путемъ не трудно достигнуть самой желан-

ной цѣли, чтобъ Евангеліе было настольною книгою всякаго грамотнаго Русскаго.

О, какая *соборная* будетъ тогда молитва о трудящихся въ святомъ дѣлѣ перевода Библіи, да дастъ имъ Христосъ Богъ и умножитъ свѣтъ и силу *къ вѣрному и неукоснительному продолженію и совершенію начатаго!* Совершится начатое, и тогда — самое слово Русское «освятится, содѣлавшись великолѣпнымъ храмомъ полнаго слова Христова, апостольскаго, пророческаго».

(*Правосл. обозр.*).

Объ изданіи Новаго Завѣта на греческомъ языкѣ по Ватиканскому списку. — Сообщая читателямъ это извѣстіе, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о древнихъ священныхъ рукописяхъ вообще и въ частности о рукописи Ватиканской.

Тѡ, что въ священныхъ книгахъ называется *хартіею*, былъ папирусъ — матеріалъ, далеко не такъ цѣнный, но и не такъ прочный, какъ пергаменъ. Древніе писатели вообще рѣдко сами писали свои произведенія, чаще заставляли съ голосу писать отпущенниковъ изъ рабовъ, которые назывались скорописцами; потомъ уже такія рукописи тщательно переписывались каллиграфами, и справщикъ, или корректоръ, свидѣтельствовалъ точность копіи. Апостолъ Павелъ, заключая свое посланіе къ Галатамъ, говоритъ какъ о чемъ-то особенномъ: «смотрите, какъ много написалъ я вамъ *своею рукою*» (VI, 11). А въ другихъ своихъ посланіяхъ приписываетъ только *привѣтствіе* собственноручно (1 Коринѳ. XVI, 21. Колос. IV, 18. 2 Ѳессал. III, 17). Особенно это ясно открывается въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ: «*привѣтствіе моею рукою* Павловою, чтѡ служитъ знакомъ *во всякомъ посланіи;* я обыкновенно пишу: благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами, аминь». Въ посланіи къ Римлянамъ называется даже по имени скорописецъ, писавшій посланіе апостола: «привѣтствую васъ я и *Терцій, писавшій* сіе посланіе» (XVI, 22).

Подлинники священныхъ книгъ первоначально хранились въ частныхъ церквахъ: посланія апостола Павла самыми надписаніями назначены для опредѣленныхъ церквей. Прочія церкви могли пользоваться только списками съ подлинниковъ, и распространеніе каллиграфическихъ списковъ безъ-сомнѣнія было весьма обильно. *Хартія,* папирусъ подлинниковъ, которые читались и перечитывались и съ которыми непрестанно справлялись, былъ

слишкомъ не проченъ, чтобъ не уступить времени и употребленію; а списки каллиграфовъ, по большей части пергаменные, послужили для подлинниковъ тѣмъ, чтó теперь доставляетъ рукописямъ книгопечатаніе.

Изъ древнѣйшихъ списковъ Библіи, такимъ образомъ дошедшихъ до насъ, особенно извѣстенъ такъ-называемый *Ватиканскій.* Онъ содержитъ въ себѣ почти весь Ветхій и Новый Завѣтъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ утрачено начало книги Бытія до 46 главы 28 стиха и нѣтъ псалмовъ отъ 105-го пс. 27 ст. до 137 пс. 6 ст. Въ Новомъ Завѣтѣ посланіе къ Евреямъ останавливается на полусловѣ 14 стиха въ IX главѣ, и за тѣмъ недостаетъ цѣлыхъ четырехъ посланій 1-го и 2-го къ Тимоѳею, къ Титу, къ Филимону и Апокалипсиса. Этотъ манускриптъ находится въ Римѣ, въ Ватиканской библіотекѣ, отъ которой получилъ свое названіе. Когда и кѣмъ онъ принесенъ въ эту библіотеку, достовѣрно не извѣстно: однако съ самыхъ первыхъ ея временъ, ранѣе половины XVI в., онъ стоялъ уже на своемъ мѣстѣ, какъ показываютъ самые ранніе каталоги. Несомнѣнную печать глубокой древности этого манускрипта составляютъ: превосходный пергаменъ, письмо унціальное — самое простое и чистое, безъ удареній, безъ прописныхъ буквъ на-подобіе списковъ папирусныхъ, орѳографія самая древняя — пунктація встрѣчается лишь изрѣдка; манускриптъ въ три столбца; въ текстѣ Евангелій нѣтъ и слѣда раздѣленій ни Аммоніевыхъ, ни Евсевіевыхъ (IV вѣка), ни Евфаліевыхъ (V вѣка), но есть своего рода раздѣленія какъ въ евангеліяхъ, такъ и въ дѣяніяхъ апостольскихъ; особенно замѣчательно, что посланія апостола Павла раздѣлены такъ, что числа отдѣленій идутъ непрерывно отъ перваго посланія и до послѣдняго. Все это вмѣстѣ такъ рѣшительно утверждаетъ древность Ватиканскаго списка, что ученые единогласно относятъ его *къ половинѣ четвертаго вѣка.*

Этотъ списокъ въ прежнее время былъ отчасти доступенъ для ученыхъ по трудамъ *Бентлея* (Collatio Bentleiana), *Бирха* и *Уада.* Точное описаніе его сдѣлано только въ 1809 году *Гугомъ*, а первымъ изданіемъ этого списка мы одолжены *Анжело Маи*, въ самое ближайшее къ намъ время. Спустя два года послѣ этого многотомнаго и многоцѣннаго изданія, явилось теперь (1859 г.) *изданіе* одного *Новаго Завѣта* — по тому-же списку, напечатанное въ скромномъ форматѣ и некрупными буквами, слѣдовательно изда-

ніе болѣе доступное. Но вотъ главное его достоинство: кардиналъ Маи, окончивши полное изданіе и вновь сравнивши его съ манускриптомъ, нашелъ, что многое слѣдовало-бы представить въ еще исправнѣйшемъ, точнѣйшемъ видѣ; вслѣдствіе сего онъ занялся приготовленіемъ новаго изданія, но смерть не дала ему окончить этого труда, который заключился пересмотромъ только Новаго Завѣта. Этотъ-то трудъ Маи изданъ въ Римѣ *Верчеллономъ*, изъ Варнавитовъ. Ясно, что это новое изданіе Новаго Завѣта составляетъ трудъ самостоятельный. Замѣтимъ, что одновременно съ Римскимъ изданіемъ вышло подобное въ Лейпцигѣ; но это изданіе воспроизвело только часть первоначальнаго труда Маи, и не имѣетъ даже слѣдовъ тѣхъ исправленій, какія сдѣланы въ изданіи Верчеллона.

Нѣтъ сомнѣнія, что новыя изданія оригинальныхъ текстовъ Библіи по древнѣйшимъ спискамъ положительно важны для новыхъ переводовъ священныхъ книгъ на живые языки, равно и для возобновленія и усовершенія переводовъ уже сдѣланныхъ.

(*Правосл. обозр.*).

Общество возстановленія православія на Кавказѣ (*28 января 1860*). — Съ покореніемъ Кавказа открывается путь вліянію христіанскаго просвѣщенія на дикія Кавказскія племена. Въ нѣкоторыхъ обычаяхъ горцевъ и въ развалинахъ христіанскихъ храмовъ не безъ основанія видятъ слѣды первоначальнаго насажденія православной вѣры на Кавказѣ, подавленной послѣдующимъ преобладаніемъ магометанства. Въ образованіи и усиленіи мюридисма магометанство нашло-было себѣ твердую опору, съ паденіемъ-же мюридисма оно, естественно, лишилось своей опоры. Это обстоятельство облегчаетъ распространеніе христіанской вѣры между горскими племенами, и древняя извѣстность православія на Кавказѣ дѣлаетъ обязательною заботу о возстановленіи и утвержденіи тамъ православія. Въ этомъ возстановленіи, смѣло можемъ сказать, заключается вѣрнѣйшій залогъ не внѣшняго только присоединенія Кавказа къ Россіи, но и внутренняго примиренія побѣжденныхъ съ побѣдителями, взаимнаго съ обѣихъ сторонъ полнаго прощенія той крови, которая съ самоотверженіемъ проливалась въ теченіе многихъ лѣтъ. Крестъ Христовъ есть знамя всемірнаго спасенія, потому-что онъ есть знамя мира и любви Бога и человѣка и людей между собою.—Особеннаго вниманія заслуживаетъ то.

что къ великому дѣлу возстановленія истиннаго христіанства на Кавказѣ вызывается дѣятельность общественная. Учреждаемое съ этою цѣлію особенное общество есть нечто иное, какъ христіанское братство, подобное тѣмъ, какія извѣстны въ исторіи юго-западной Россіи. То были добровольные союзы православныхъ Русскихъ, свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, имѣвшіе цѣлію поддержаніе православія среди неблагопріятныхъ для него мѣстныхъ вліяній, и успѣшно достигавшіе этой великой цѣли. Для успѣха въ своихъ дѣйствіяхъ ново-учрежденное Общество на Кавказѣ обращается за помощію ко всему Русскому обществу. Съ этою цѣлію учреждаются въ православныхъ церквахъ Россіи особыя кружки для собранія общихъ пожертвованій. Общее участіе, по видимому, ограничивается внѣшними пожертвованіями; но здѣсь важно нравственное общественное сочувствіе къ дѣлу вѣры, выражающееся по крайней мѣрѣ во внѣшнемъ приношеніи на пользу этого дѣла.

(*Правосл. Обозр.*).

Открытіе воскресныхъ классовъ для ремесленниковъ во Владимірскомъ уѣздномъ училищѣ. — Стремленіе къ народному образованію, вызвавшее къ дѣятельности многихъ образованныхъ людей, побудило основателя безплатной школы для мальчиковъ, полковника артиллеріи А. А. Философова, вмѣстѣ съ главнымъ законоучителемъ этой школы, священниковъ Александромъ Гумилевскимъ, просить г. попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа о дозволеніи открыть воскресные классы для ремесленниковъ во Владимірскомъ уѣздномъ училищѣ. Г. попечитель, понимая всю необходимость подобныхъ классовъ въ настоящее время, изъявилъ полное свое согласіе на открытіе ихъ, съ тѣмъ, чтобы классы эти въ матеріальномъ отношеніи поддерживались частными средствами. Средства эти предложены были частію самимъ полковникомъ Философовымъ, частію А. Д. Ушинскимъ, который также съ полною готовностію вызвался участвовать въ преподаваніи, и даже ходить по мастерскимъ, для приглашенія ремесленниковъ. Оставалось дѣло за преподавателями. Гдѣ взять ихъ, когда всѣ лица, посвящающія себя педагогическимъ занятіямъ, не могутъ, безъ значительнаго стѣсненія, взять на себя преподаванія въ этихъ классахъ. Священникъ А. Гумилевскій предложилъ пригласить къ преподаванію въ этихъ классахъ студентовъ С. Петербургской духовной

академіи. Приглашеніе было сдѣлано. Студенты академіи, въ числѣ 60 человѣкъ, и вмѣстѣ съ ними баккалавръ академіи, А. И. Предтеченскій, изъявили желаніе безмездно преподавать въ этихъ классахъ, и, получивъ, съ благословенія высокопреосвященнѣйшаго Григорія, митрополита Новгородскаго и С. Петербургскаго, разрѣшеніе на это своего академическаго начальства, приступили къ дѣлу. Въ воскресенье, 22 мая, происходило открытіе этихъ классовъ, въ присутствіи г. попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, И. Д. Делянова, его помощника, И. П. Корнилова, директора училищъ С. Петербурской губерніи, графини Е. Е. Ламбертъ, содѣйствовавшей открытію этихъ классовъ матеріальнымъ пособіемъ, и многихъ другихъ лицъ. Ремесленниковъ явилось только 25 человѣкъ. Открытіе началось молебномъ съ водоосвященіемъ, который совершалъ, открывшій, за отсутствіемъ полковника Философова, классы, священникъ А. Гумилевскій. Послѣ молебна, онъ обратился къ присутствовавшимъ при открытіи лицамъ съ слѣдующею рѣчью:

«Благородные покровители и ревнители народнаго образованія! Въ настоящій день, когда вся православная церковь торжественно воспоминаетъ сошествіе св. духа на апостоловъ, мы собрались здѣсь, чтобы положить начало новому учрежденію на пользу нашей православной церкви и нашего православнаго народа. Знаменательно такое сближеніе времени и событій. Сыны міра сего, пожалуй, скажутъ, что это пустая случайность; но намъ, сынамъ церкви, грѣшно сказать такъ. По-крайней-мѣрѣ, я никогда не скажу этого, а скажу напротивъ, что въ этомъ сближеніи событій заключается много высокаго и, быть можетъ, пророчественннаго. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ окомъ вѣры на высокое событіе христіанства и на наше скромное доброе дѣло! что увидимъ мы? Тамъ, въ бѣдной Сіонской горницѣ, собрались, въ ожиданіи обѣтованнаго Утѣшителя, самые бѣдные, простые люди,—мытари, рыбаки, древодѣлы, люди, ничему не учившіеся, некнижные, неграмотные, и вдругъ эти люди, осѣненные благодатію св. духа, получили даръ говорить на разныхъ языкахъ и чудную мудрость, непостижимую силу слова, которыя покорили Христу великихъ и мудрыхъ міра сего; здѣсь, въ этой комнатѣ, въ тотъ-же самый день, собрались тоже бѣдные, простые люди,—сапожники, портные, слесаря, столяры и т. под. люди, совершенно некнижные, неграмотные, собрались въ ожиданіи духовнаго озаренія ихъ умовъ и сердецъ свѣ-

томъ божественной вѣры, и вотъ они уже получили первый залогъ этого просвѣщенія вѣры,—въ одной общей молитвѣ, въ которой нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, никогда не участвовали. Развѣ мало этого? Развѣ ничтожно то, что лучъ молитвы и вѣры проникъ хоть нѣсколько въ ихъ темныя души? О, нѣтъ! И это уже для нихъ своего рода озареніе непонятнымъ для нихъ свѣтомъ. А что будетъ дальше? Что послѣ?... Не хочу гадать объ этомъ, но укажу на одно наблюденіе мое въ жизни людской: оно раскроетъ намъ будущность и нашего дѣла. Какое-же это наблюденіе? Вотъ какое: дѣло, начинаемое усердною молитвою, почти всегда осѣняется особенною благодатію Божіею и идетъ всегда успѣшно. Здѣсь это тѣмъ болѣе вѣроятно, что дѣло наше, начинаясь подъ сѣнію благодати св. духа, будетъ и вестись въ томъ-же духѣ благодати и вѣры. Мы—лица духовныя, и, конечно, не станемъ блуждать съ земными тусклыми свѣточами, а, взявши за основу всего св. Евангеліе и правила церкви православной, поведемъ этихъ людей въ храмъ вѣры со свѣтильниками горящими и немерцающими. Въ такомъ видѣ дѣло это, будьте увѣрены, пойдетъ вѣрною дорогою, и будетъ имѣть весьма благотворное значеніе въ жизни Русскаго народа. — Не мнѣ, конечно, слѣдовало-бы раскрывать это значеніе; но если уже Господу угодно было допустить меня къ живому участію въ этомъ дѣлѣ, то я рѣшаюсь высказать мои мысли о необходимости и пользѣ его. Объ немъ стоитъ подумать и поговорить серьезно. Жалкое нравственное положеніе громаднаго ремесленнаго класса, лишеннаго иногда всякой возможности прибѣгать даже къ церковнымъ средствамъ нравственнаго улучшенія, давно уже обращало на себя вниманіе благомыслящихъ людей общества, и побуждало ихъ къ изысканію способовъ возможнаго религіозно-нравственаго образованія этого класса. Наряжались коммиссіи, слѣдившія впрочемъ больше за внѣшнимъ положеніемъ ремесленниковъ; печатались иногда распоряженія о безпрепятственномъ допущеніи ремесленниковъ къ исполненію религіозныхъ обязанностей, которыя, кстати сказать, рѣдко исполнялись; но самая сущность дѣла, нравственное улучшеніе ремесленниковъ, религіозное и умственное образованіе ихъ, оставались почти нетронутыми, и ремесленники продолжали жить сонною, животною, большею частію безпутною жизнію. Общество наконецъ до того привыкло видѣть ихъ безнравственными, что нѣкоторые пороки прямо и исключительно почти усвоялись реме-

сленникамъ: пьяный сапожникъ, беспутный мастеровой—вотъ выраженія обыденной людской жизни! Такъ, это такъ, и никто даже изъ этихъ бѣдныхъ людей не станетъ отвергать этого. Но здѣсь еще не вся картина нравственнаго зла. Общество видѣло этихъ людей только по проявленіямъ ихъ жизни внѣ мастерскихъ, но мало знало ихъ закрытую жизнь въ мастерскихъ. О, еслибы оно знало и видѣло эту жизнь во всей ея безобразной нравственной наготѣ! Оно содрогнулось-бы отъ ужаса. Тамъ, въ этихъ мастерскихъ, какъ то впрочемъ иногда бывало извѣстно даже оффиціально, было нерѣдко полное насиліе безумнаго старшинства надъ глупымъ малолѣтствомъ, совершенное умственное отупѣніе, отсутствіе всякихъ правилъ вѣры, развратъ, иногда незнавшій различія возрастовъ и половъ, тамъ все было,—кромѣ добра. Такъ страшно и велико было зло, а мѣръ противъ него употреблялось мало. Всѣ видѣли отчасти мракъ, обнимавшій этотъ классъ народа, старались иногда помочь этимъ темнымъ людямъ внѣшними распоряженіями, даже грамотностію; но это-ли нужно для улучшенія ихъ? О, нѣтъ! Примѣръ апостоловъ убѣждаетъ насъ, что только сила Божіей благодати можетъ измѣнять, обновлять нравственную и умственную жизнь простыхъ людей. Слѣдовательно, если кто хочетъ нравственно перероди̂ть простой классъ людей, тотъ долженъ прежде всего влить въ него благодатную силу вѣры Христовой, и потомъ уже, какъ содѣйствующія средства, употреблять и грамотность, и другія внѣшнія мѣры. Такъ мы понимаемъ это дѣло, такъ и поведемъ его! Успѣховъ будемъ ожидать отъ Бога, вѣрою въ Котораго мы будемъ вносить новый свѣтъ въ души этихъ людей.

«Благодарность вамъ, безкорыстные труженики духовнаго просвѣщенія, что вы поняли необходимость такого образованія народа и въ такомъ отрадномъ большинствѣ изъявили полную готовность содѣйствовать ему. Теперь не будутъ кричать и писать, что духовенство спитъ, что наши духовныя заведенія безжизненны и безплодны, что только одни свѣтски-образованные люди могутъ вести дѣло народнаго образованія. Нѣтъ, это перестанутъ говорить, когда увидятъ, что духовные тоже готовы на безкорыстный трудъ въ пользу народа, что наши академіи имѣютъ много духовныхъ силъ, которыя доселѣ скрывались, потому-что не всегда находили исходъ себѣ, что наши духовные студенты не хуже другихъ умѣютъ вести дѣло народнаго образованія. Своею

безкорыстною, усердною и благоразумною дѣятельностію вы докажете все это. Трудитесь-же, трудитесь честно и добросовѣстно! Это будетъ весьма полезно для другихъ, — не будетъ безполезно и для васъ. До-сихъ-поръ наши студенты жили вдали отъ темнаго народа, и о состояніи его узнавали, какъ это было и со мною, только уже послѣ, при поступленіи на священническія мѣста. Теперь вамъ представляется полная возможность непосредственно и практически ознакомиться съ религіознымъ, умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ его. Вы увидите тутъ, въ чемъ именно нуждается простой народъ и чѣмъ, какими знаніями и пріемами, по преимуществу, надобно запасаться вамъ, чтобы вѣрнѣе дѣйствовать на него. Съ Богомъ-же, начинайте свое дѣло, на которое благословилъ васъ архипастырь нашъ, и позвольте только на нѣсколько минутъ остановить васъ! Надобно-же поговорить и съ этими честными людьми.

«Къ вамъ, ребята, обращаюсь я съ словомъ своимъ. Знаете вы, зачѣмъ собрали васъ сюда? Вы отвѣчаете: учиться. А чему учиться? На это вы ничего не говорите. Такъ я вамъ скажу, чему вы будете учиться. Будете вы учиться тому, какъ въ Бога вамъ надобно вѣровать по православному, какъ надобно жить по христіанскому закону, какъ грамоту разбирать, какъ книжку добрую прочитать, какъ письмо порядочное написать. какъ числа сосчитать. Вотъ чему васъ будутъ учить, а вы будете учиться! Учитесь-же хорошенько, слушайте внимательно вотъ этихъ учителей; они вамъ поразскажутъ то, чего вы никогда не слыхали. Я вамъ объясню это примѣромъ. Какъ, напримѣръ, называется нынѣшній день? Воскресенье, отвѣчаетъ одинъ изъ васъ. Хорошо! воскресенье воскресеньемъ, а нынѣ вѣдь и праздникъ еще; такъ какъ-же называется нынѣшній праздничный день? Троицынъ, отвѣчаетъ другой изъ васъ. Хорошо! А отчего онъ такъ называется? Вотъ вы и молчите, ничего не отвѣчаете мнѣ. А какъ начну спрашивать еще дальше, то вы тоже ничего не скажете. Зачѣмъ, наприм. въ этотъ день березки ставятъ въ церквахъ и въ домахъ? Зачѣмъ на иконѣ нынѣшняго праздника рисуютъ трехъ ангеловъ и какого-то старца?... На такіе вопросы вы ничего не отвѣчаете мнѣ, оттого что не знаете. А вотъ послушайте этого духовнаго учителя, такъ онъ вамъ все растолкуетъ, какъ надобно. Такъ слушать-же его! Можете и спрашивать его о томъ, чего вы не поймете»...

Послѣ этой рѣчи студентъ Лебедевъ, въ нѣсколькихъ словахъ,

объяснилъ имъ указанные предметы, и вмѣстѣ потолковалъ имъ, какъ полезно для нихъ будетъ ученіе въ этихъ классахъ. Этимъ кончилось открытіе классовъ на первый разъ. Ремесленниковъ приглашали собраться на другой день. Они дѣйствительно собрались въ духовъ день, въ числѣ 24-хъ человѣкъ, и классы положительно уже открылись урокомъ изъ закона Божія, за которымъ слѣдовали уроки по грамматикѣ и ариѳметикѣ. Ремесленники, какъ видно, охотно желаютъ учиться. Надобно теперь желать, чтобы хозяева ихъ не только не препятствовали, но, по возможности, содѣйствовали имъ въ этомъ. Классы будутъ открыты во всѣ воскресные и праздничные дни отъ двухъ до четырехъ часовъ пополудни.

Открытіе воскресной школы въ Полтавѣ. — Объ открытіи этой школы напечатано въ Моск. вѣд. слѣдующее письмо въ редакцію этой газеты отъ 25 апрѣля: «Вчера, въ зданіи нашей гимназіи, открыта воскресная школа, въ которой преподавателями вызвались быть воспитанники 7-го класса гимназіи и три священника; для руководства-же преподаваніемъ учрежденъ педагогическій совѣтъ. Объ объемѣ преподаванія не станемъ распространяться: онъ тотъ-же самый, какъ и въ другихъ заведеніяхъ подобнаго рода, напр. въ Кіево-Подольской школѣ, т.-е. грамота, начала ариѳметики и законоученіе, въ изустныхъ разсказахъ. Учащихся, на первый разъ, явилось 36 человѣкъ. Конечно, это число ничтожно для города, имѣющаго до двадцати тысячъ жителей; но мы имѣемъ право надѣяться, что современемъ число это значительно увеличится. Матеріальныя средства школы пока не велики; да она и не требуетъ, конечно, большихъ средствъ. Нельзя, однакожь, не упомянуть съ благодарностью о пожертвованіи одного изъ Русскихъ писателей, пользующагося здѣсь громкою извѣстностію и всеобщимъ сочувствіемъ. Къ-сожалѣнію, мы не имѣемъ права назвать его по имени. Прибавимъ къ этому, что преподаватели Кіевской воскресной школы, которыхъ имена упоминаются въ циркулярѣ г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, также почти всѣ воспитанники нашей гимназіи. Порадуемся душевно стремленію къ полезной дѣятельности, развивающемуся въ молодомъ поколѣніи нашего края. Конечно, смѣшно было-бы утверждать, чтобы подобное направленіе юношества было принадлежностію одной гимназіи, даже одного округа. Но нельзя не сказать, что въ дѣлѣ улучшеній по

учебной части, Кіевскому округу принадлежитъ все-таки одно изъ первыхъ мѣстъ. Почтенный начальникъ этого округа могъ ошибаться въ частностяхъ при изданіи своихъ *правилъ о проступкахъ учениковъ* (Errare humanum est), но не забудемъ, что легче судить, да рядить, чѣмъ дѣло дѣлать! Кстати о *Правилахъ*... они подвергаются теперь, по распоряженію начальника округа, обсужденію педагогическихъ совѣтовъ, которымъ вмѣнено въ обязанность—указать слабыя ихъ стороны, какія могли быть замѣчены впродолженіе учебнаго года. И такъ, въ скоромъ времени мы можемъ ожидать новаго изданія этихъ правилъ. Тогда мы увидимъ, до какой степени могъ подвинуть дѣло впередъ опытный педагогъ, опираясь на принципъ, принятый имъ съ самаго начала педагогической его дѣятельности — принципъ коллективнаго управленія и большинства голосовъ. Намъ, знающимъ близко г. *Пирогова*, понятно, что̀ въ его правилахъ есть своего и что̀ чужаго, и мы далеки отъ того, чтобы упрекнуть его въ шаткости взгляда. Онъ оставилъ себѣ добровольно ту только долю вліянія на управленіе округомъ, какая принадлежала ему, какъ педагогу, и эту долю вліянія нельзя не замѣтить въ правилахъ, которыя, собственно говоря, служатъ выраженіемъ педагогическаго взгляда большинства дѣятелей нашего округа. Но если въ прежнемъ изданіи *Правилъ* замѣтно, что эти дѣятели уже сколько-нибудь просвѣтились, то въ новомъ мы навѣрное замѣтимъ еще шагъ впередъ; потомъ пойдемъ еще далѣе, а это, по моему мнѣнію, единственный путь, которымъ можетъ и долженъ идти администраторъ, такъ-какъ мнѣніе большинства есть единственное законное основаніе, на которое можетъ опираться реформа. Проводить свои идеи—пріятно, но если большинство не достигло еще той высоты взгляда, на которой стало меньшинство, то этому послѣднему остается только—скорбѣть и ожидать! Эту истину поняло наше министерство, обнародовавшее проектъ новаго устава и подвергающее его суду всѣхъ экспертовъ, прежде чѣмъ онъ получитъ законную силу. Это, по нашему мнѣнію, лучше, чѣмъ дѣлать все à sa fantaisie и, пользуясь своею властью, прилагать подъ-часъ къ жизни самыя непрактическія начала».

О приглашеніи священно- и церковно-служителей къ обученію крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. — Въ Журн. мин. госуд. им. напечатанъ

слѣдующій циркуляръ, разосланный одиннадцати управляющимъ палатами:

«Усматривая изъ имѣющихся въ министерствѣ свѣдѣній, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ-особенности въ тѣхъ, гдѣ селенія разбросаны и состоятъ изъ небольшаго количества дворовъ, число устроенныхъ сельскихъ приходскихъ училищъ, въ сравненіи съ народонаселеніемъ, весьма ограничено и что число учениковъ, посѣщающихъ существующія училища, во многихъ мѣстностяхъ незначительно, потому отчасти, что крестьяне, находясь въ бо̀льшемъ или меньшемъ отдаленіи отъ училищъ, затрудняются въ отправленіи туда дѣтей своихъ, или въ пріисканіи квартиръ и въ содержаніи ихъ въ другихъ селеніяхъ, г. министръ призналъ доставляемыя въ настоящее время крестьянамъ, при развивающейся между ними потребности въ грамотности, средства къ образованію дѣтей своихъ недостоточными; вслѣдствіе чего приказать изволилъ, въ дополненіе къ существующимъ по этой части правиламъ, принять еще слѣдующія мѣры:

1) Пригласить священниковъ, діаконовъ, причетниковъ и ихъ женъ производить обученіе крестьянскихъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, молитвамъ, чтенію, письму и счету, а дѣвочекъ, сверхъ-того, и свойственнымъ въ крестьянскомъ быту рукодѣліямъ.

2) Обученіе производить или въ собственныхъ домахъ священно-служителей, или въ зданіяхъ по отводу крестьянъ.

3) Расходы на пріобрѣтеніе самыхъ необходимыхъ книгъ, какъ-то: букварей, молитвенниковъ, прописей и проч., а также учебныхъ пособій отнести на остатки отъ училищныхъ суммъ по губерніи, оставляя буквари въ собственность тѣхъ, которые успѣшно окончили ученіе.

4) Производящихъ съ полнымъ успѣхомъ обученіе предоставляется управляющему палатою представлять къ денежнымъ наградамъ: тѣхъ, у которыхъ по сдѣланному удостовѣренію, обучается успѣшно постоянно болѣе 12 учениковъ и ученицъ—къ 25 руб., а болѣе 25—къ 50 р., съ тѣмъ, чтобы въ представленіяхъ по этому предмету обозначались въ подробности заслуги представляемаго къ наградѣ, въ-особенности-же число успѣшно окончившихъ обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, а о послѣднихъ обозначать, сверхъ-того, обучались-ли онѣ рукодѣліямъ.

5) Устраиваемыя такимъ образомъ первоначальныя училища должны быть подчиняемы, въ-отношеніи къ надзору и времени обученія, общимъ правиламъ и показываемы вмѣстѣ съ прочими въ доставляемыхъ ежегодно палатою вѣдомостяхъ, съ объясненіемъ тѣхъ расходовъ, которые произведены изъ остатковъ суммъ по училищной части на учебныя книги и пособія.

Какъ изложенныя здѣсь указанія могутъ сопровождаться желаемымъ успѣхомъ только при полномъ участіи со стороны мѣстнаго управленія государственными имуществами и содѣйствіи сельскаго духовенства, со стороны котораго по нѣкоторымъ губерніямъ уже вызвались желающіе обучать безвозмездно дѣтей государственныхъ крестьянъ, то г. министръ приказалъ обратить особенное вниманіе управляющихъ палатъ на это важное и общеполезное дѣло и поручить для достиженія лучшихъ результатовъ просить содѣйствія епархіальнаго начальства.

Первый департаментъ, увѣдомляя объ этомъ гг. управляющихъ, проситъ объ успѣхѣ введенія изъясненныхъ мѣръ по ввѣренному имъ управленію извѣстить министерство въ возможно-непродолжительномъ времени».

ЗАДАЧИ, ПРЕДЛАГАЕМЫЯ НА КОНКУРСЪ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

а) Наставленіе о сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ.

Продолжительный, постоянный успѣхъ хозяйства обезпечивается правильною его организаціею; главная-же основа такой организаціи есть счетоводство. Безъ рачительнаго счетоводства хозяинъ не можетъ самъ себѣ дать отчета въ томъ, въ пользу или въ убытокъ ему та или другая отрасль хозяйства, какая изъ нихъ помогаетъ другимъ и, наоборотъ, какая служитъ къ истощенію хозяйства. Къ-сожалѣнію, счетоводство въ большей части имѣній находится у насъ въ небреженіи. Многіе хозяева остаются даже въ томъ убѣжденіи, что правильное, болѣе или менѣе систематическое, счетоводство есть только безполезная трата труда и времени. Причина такого явленія заключается, можетъ быть, и въ томъ, что у насъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ работы отправляются почти исключительно крѣпостною барщиною, которую трудно подчинить правильному учету и оцѣнкѣ. Съ предстоящимъ улучшеніемъ быта помѣщичьихъ крестьянъ, при чемъ измѣнится значе-

ніе обязательнаго труда, необходимость въ водвореніи правильной отчетности въ помѣщичьихъ хозяйствахъ становится неотложною. По симъ соображеніямъ, ученый комитетъ предлагаетъ написать: *Общепонятное наставленіе о сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ.*

Въ этомъ наставленіи слѣдуетъ изложить: 1) Значеніе и цѣль сельско-хозяйственнаго счетоводства; необходимость, кромѣ веденія общаго прихода и расхода, учитывать отдѣльныя отрасли хозяйства. 2) Системы счетоводства (простое, двойное, Англійское); сущность каждой. 3) Удобства и неудобства каждой изъ нихъ въ примѣненіи къ дѣлу сельскаго хозяйства вообще и къ нашимъ хозяйствамъ въ-особенности. 4) Изложеніе удобнѣйшихъ системъ счетоводства для нашихъ хозяйствъ. При этомъ слѣдуетъ различить большія хозяйства отъ малыхъ, а также хозяйства, основанныя на обязательномъ трудѣ крестьянъ, отъ хозяйствъ, въ которыхъ работы отправляются по вольному найму. Правила эти должны быть пояснены примѣрами и формами книгъ, счетовъ, журналовъ и вѣдомостей.

За сочиненіе, которое будетъ найдено вполнѣ удовлетворительнымъ, назначается премія—600 р. Труды, которые наиболѣе приблизятся къ требованіямъ программы, будутъ награждены золотыми медалями въ 150 руб. Наконецъ сочиненія, несоотвѣтствующія предложеннымъ условіямъ, но признанныя почему-либо замѣчательными, будутъ удостоены серебряныхъ медалей или почетныхъ отзывовъ. Срокъ для присылки сочиненій назначается не позже 1 сентября 1861 года.

б) Учебникъ по части естественныхъ наукъ для употребленія въ земледѣльческихъ училищахъ.

Ученый комитетъ министерства государственныхъ имуществъ предлагаетъ написать «Учебникъ по части естественныхъ наукъ для употребленія въ земледѣльческихъ училищахъ». Учебникъ этотъ долженъ состоять изъ простонароднаго, доступнаго каждому грамотному крестьянину изложенія физическихъ явленій и законовъ природы.

При составленіи этого учебника требуется непремѣнное соблюденіе слѣдующихъ условій:

А. *Относительно содержанія.* Учебникъ не долженъ заключать въ себѣ собственно ни естественной исторіи, ни физики, ни химіи, но лишь тѣ изъ всѣхъ этихъ наукъ свѣдѣнія (въ уровень

съ настоящимъ ихъ положеніемъ въ Европѣ), которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ земледѣлію и вообще къ сельскому быту. Особое вниманіе должно быть обращено на геологію *въ ея приложеніи къ земледѣлію* (*) и на гигіену *въ ея приложеніи къ здоровью работящаго человѣка и къ содержанію домашнихъ животныхъ.* При описаніи законовъ горѣнія должно быть объяснено ихъ *примѣненіе къ сбереженію топлива*, *къ причинамъ пожаровъ и къ средствамъ ихъ тушенія*, съ опроверженіемъ, по всѣмъ тремъ предметамъ, наиболѣе распространенныхъ по деревнямъ суевѣрій и предразсудковъ, колдовства, знахарства и т. п.

Б. *Относительно метода въ расположеніи предметовъ.* Наблюдать вообще методъ аналитико-синтетическій; начинать всякое объясненіе съ предметовъ самыхъ простыхъ, самыхъ извѣстныхъ, окружающихъ ежедневно крестьянина, или съ происшествій, наиболѣе ему знакомыхъ, строго избѣгая всякаго преждевременнаго догматизма и не дозволяя себѣ никакого научнаго вывода, не приготовивъ къ его уразумѣнію читателя яснымъ и послѣдовательнымъ сопряженіемъ тѣхъ наблюденій, которыя могутъ служить основаніемъ къ тому выводу. Вообще относительно экономіи въ расположеніи предметовъ и понятій имѣть образцемъ методы простонароднаго изложенія научныхъ предметовъ, принятые Эйлеромъ—въ его «Алгебрѣ» (**), Араго—въ его «Популярной астрономіи» (***), Ларднеромъ—въ его «Понятіяхъ о вседневно встрѣчающихся предметахъ» (****), но не выпускать изъ виду, что *никакая популярная книга не можетъ быть переводима*: исходный пунктъ, послѣдовательность понятій, образъ ихъ изложенія, оборотъ рѣчи, выборъ примѣровъ—все должно соотвѣтствовать особенностямъ, степени просвѣщенія, развитію понятій и обычаямъ того народа, для котораго книга назначается, и что этотъ учебникъ пишется для Русскаго крестьянина (а не горожанина) и слѣдственно всѣ объясненія и примѣры надлежитъ почерпать изъ Русскаго сельскаго быта, при чемъ пользоваться тѣми фактами, кои извѣстны каждому крестьянскому мальчику изъ его ежеднев-

(*) Въ соображеніе можетъ быть принята напр. книга: «Geologie appliquée à l'agriculture par Boubée» и другія тому подобныя.

(**) Euler's Algebra Spb.

(***) Astronomie populaire par Arago.

(****) Common things explained by Dionysius Lardner.

ной жизни, изъ опытовъ-же избирать преимущественно такіе, которые могутъ быть доступны крестьянину, для чего «Химія» Віолетта (*) можетъ служить весьма хорошимъ руководствомъ.

В. *Относительно языка.* 1) Избѣгать всякихъ, не относящихся къ дѣлу отступленій, всякаго велерѣчія, всякихъ пословицъ и прибаутокъ. 2) Писать самымъ правильнымъ Русскимъ языкомъ, безъ областныхъ оборотовъ, придерживаясь Московскаго простонароднаго нарѣчія, и при томъ фразами краткими, не боясь повтореній одного и того-же слова, когда это нужно для ясности мысли. 3) Избѣгать, въ-особенности въ начальныхъ главахъ, оборотовъ хотя и правильныхъ, но ученыхъ или книжныхъ, равно словъ не только иностранныхъ, но и Русскихъ, не вошедшихъ въ простонародіе, каковы напр.: тѣло (въ смыслѣ не плоти), вещество, предметъ, отношеніе, отличительный (не въ смыслѣ отличный), начало (въ смыслѣ основанія), неудобопроницаемость, сопроницаемость и проч. т. п. (выдти изъ такого затрудненія будетъ зависѣть отъ степени таланта конкурента, но это не невозможно);—не чуждаться словъ, хотя и не Русскихъ, но понятныхъ каждому простолюдину, какъ напр.: циркуль, ватерпасъ, машина, газъ, телеграфъ и проч. т. п.; — вообще словъ техническихъ, какъ напр. линія, діаметръ, радіусъ, центръ и проч. т. п. отнюдь не переводить; — по мѣрѣ возможности, пользоваться и нѣкоторыми областными словами, удобопонимаемыми и согласными съ духомъ Русскаго языка вообще, но не вводить ни одного техническаго термина, ни слова новаго, необщеупотребительнаго, не приготовивъ читателя постепенно къ полному уразумѣнію новаго термина, или слова. 4) Вообще при построеніи рѣчи и выборѣ словъ и оборотовъ имѣть непрестанно въ виду, что книга пишется для такого читателя, для котораго этотъ учебникъ будетъ, можетъ быть, первою книгою имъ читанною, а слѣдственно не предполагать въ немъ никакихъ предварительныхъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, кои распространены въ крестьянскомъ быту; словомъ: воображать себѣ, что говоришь съ умнымъ, но рѣшительно ничего не читавшимъ крестьяниномъ.

Предоставляется на волю конкурента слить всѣ части учебника въ одно цѣлое, или раздѣлить его на два отдѣла, изъ которыхъ первый былъ-бы *введеніемъ*, гдѣ можетъ быть употребленъ

(*) Violette—Nouvelles manipulations chimiques simplifiées.

или методъ чисто-аналитическій (какъ въ «Популярной астрономіи» Араго) или методъ аналитико-историческій (какъ въ книгѣ Митчеля: «О небесныхъ свѣтилахъ»). Въ такомъ случаѣ второй отдѣлъ могъ-бы имѣть форму синтетическую, но съ тѣмъ, чтобы въ этотъ отдѣлъ не было введено никакого понятія и ни одного слова, къ которому читатель не былъ-бы подготовленъ первымъ отдѣломъ.

Къ рукописи должны быть приложены самые вѣрные и опредѣлительные чертежи для политипажей, которые будутъ помѣщены внутри книги. Для означенія фигуръ должны быть употреблены Русскія гражданскія, или Церковно-Славянскія буквы, а отнюдь не Латинскія, и значеніе сихъ буквъ, независимо отъ текста, должно быть объяснено въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ подъ каждымъ рисункомъ.

Къ учебнику должны быть изготовлены: систематическое оглавленіе и подробный алфавитный указатель.

Объемъ книги предоставляется произволу конкурента, но вообще желательно, чтобы книга не содержала въ себѣ болѣе тридцати пяти печатныхъ листовъ, въ осьмушку, или двадцати листовъ, въ четвертку, въ два столбца.

За сочиненіе, которое будетъ найдено вполнѣ удовлетворительнымъ и отвѣчающимъ условіямъ програмы, назначается *золотая медаль* въ 300 р. и денежная премія *въ двѣ тысячи руб. сер.* Премія эта и награда ни въ какомъ случаѣ не будетъ раздѣлена между соискателями, но по разсмотрѣніи послѣдуютъ: или назначеніе полной награды или совершенный отказъ въ ней.

Сочиненіе, удостоенное награды, будетъ напечатано въ числѣ 2400 экземпляровъ, на счетъ суммъ министерства государственныхъ имуществъ, и въ такомъ случаѣ 300 экземпляровъ предоставляются безденежно въ пользу автора. Право на всѣ слѣдующія изданія предоставляется автору, съ тѣмъ однакожь, чтобы оригиналъ, приготовленный къ новому изданію, представлялся предварительно на разсмотрѣніе ученаго комитета и лишь вслѣдствіе его всякій разъ особаго разрѣшенія было дозволено автору выставить на книгѣ, что она удостоилась награды и издана съ одобренія ученаго комитета.

Срокъ для присылки сочиненій назначается не позже 1 января 1862 года.

О вспомоществованіи Славяно-Сербскому Подгорицкому училищу, на границѣ Черногоріи, въ Сѣверной Албаніи. — Въ Моск. вѣд. напечатано слѣдующее письмо учителя этого училища:

«....Великія благодѣянія получаетъ бѣдный народъ христіанскій на нашей сторонѣ помощію Христа Спасителя и Его Пречистыя Матери Дѣвы и имъ подкрѣпленною Россіею, покровительницею православія! До послѣднихъ годовъ сиротствовалъ нашъ народъ среди великихъ напастей и опасностей подъ тяжелымъ игомъ и угнетеніемъ безъ всякаго прибѣжища и защиты. Наконецъ, Богъ внушилъ Царю Русскому послать консула въ Скадаръ (Скутари) на избавленіе нашего народа, и мы нынѣ имѣемъ возможность прибѣгнуть къ вѣрному заступнику въ нуждахъ нашихъ и доставлять наши прошенія въ Россію. Къ ней обращаюсь нынѣ и я съ описаніемъ крайности, въ коей находится здѣшняя школа, которую я содержу уже девять лѣтъ. Но учиться христіанамъ было весьма трудно и эта школа была въ такой опасности, что я не смѣлъ учить дѣтей въ городѣ, а былъ принужденъ ходить съ дѣтьми для уроковъ въ церковь, которая стояла далеко отъ города около получаса разстоянія; и туда уходилъ я съ невинными малютками и зимой въ холодъ и лѣтомъ въ жаръ, для каждаго урока. Но скоро и церковь была разрушена. Только по пріѣздѣ Русскаго консула въ Скадаръ школу нашу намъ позволили явно открыть, а за тѣмъ получили мы и дозволеніе перестроить нашу разрушенную церковь; прежде не могли мы никакъ выпросить этого дозволенія. Но все еще наша школа въ великой нуждѣ. Въ этой школѣ учатся 65 мальчиковъ, которымъ я преподаю грамоту, а именно: они читаютъ Сербскій букварь, часословъ, псалтирь, и немножко учатся чистописанію и счетамъ, но до катихизиса, священной исторіи, грамматики и Сербской исторіи никто почти не доходитъ, ибо безплатно не могу ихъ учить, не имѣя средствъ содержать школу на свой счетъ, а родители, какъ-скоро дѣти ихъ выучились подписывать свое имя, ужь не хотятъ больше платить за нихъ, считая ихъ воспитаніе конченнымъ. На содержаніе этой школы, въ-теченіе 9 лѣтъ, я истратилъ всѣ свои малыя деньги; изъ любви къ моей родинѣ желая просвѣтить юношество наше и вливать въ сердца разумъ Божій, не щадилъ я своихъ ежедневныхъ бѣдныхъ трудовъ; хотя не велики были мои успѣхи, ибо мои ученики только умѣютъ читать, писать и счеты вести, но я и тѣмъ былъ доволенъ, въ надеждѣ, что со-временемъ и поболѣе

распространится знаніе въ нашемъ глухомъ и дикомъ мѣстѣ. Нынѣ-же, истощивъ всѣ собственныя средства, мнѣ приходится оставить родину и училище, для котораго столько лѣтъ трудился, чтобъ снискивать самому себѣ пропитаніе на чужой сторонѣ. Но я еще не потерялъ надежду на Бога и Матерь Божію и на православную Россію! Надѣюсь, что получу помощь, достаточную для того, чтобы содержать школу нашу въ должномъ порядкѣ и что по-крайней-мѣрѣ до катихизиса и священной исторіи и исторіи отечества дойду съ учениками моими!

НЕКРОЛОГИ: ПОРТЕРЪ, РЕДЕНЪ, ДИТЕРИЦИ(*). — Въ послѣдніе годы смерть похитила многихъ изъ небольшой, но трудолюбивой и скромной семьи оффиціальныхъ и частныхъ статистиковъ. Съ 1852 по 1857 8 человѣкъ умерли, и умерли преждевременно, во цвѣтѣ лѣтъ и силы. Очень немногіе удостоились даже въ такой странѣ, какъ Франція, краткаго упоминовенія объ ихъ кончинѣ, и ни одинъ не заслужилъ полной біографіи. Такое забвеніе похоже на неблагодарность, особенно когда подумаемъ о тѣхъ услугахъ, которыя большая часть умершихъ статистиковъ оказала наукѣ, и вспомнимъ всѣ труды и усилія, которые встрѣчаетъ не только частное лицо, но и само правительство, при собираніи даже незначительныхъ документовъ, касающихся общественныхъ и экономическихъ явленій.

Мы желаемъ въ настоящемъ случаѣ восполнить это забвеніе, заплативъ каждому изъ ученыхъ, о которыхъ мы будемъ говорить, справедливую дань уваженія.

1) *G. R. Porter*. — *Портеръ*, извѣстный авторъ сочиненія: «Progress of the nation» и истинный основатель статистики въ торговомъ бюро Англіи (Boord of trade), родился въ Лондонѣ въ 1792 и воспитывался въ славной въ то время школѣ портныхъ г. Лондона (Marchant taylor's school). Предназначенный семействомъ своимъ на торговое поприще, онъ вступилъ къ одному сахарному фабриканту и пробылъ у него нѣсколько лѣтъ. Банкротство хозяина заставило его оставить мѣсто и онъ предался, для снисканія себѣ пропитанія, ученымъ трудамъ. Интересный трудъ его изданъ былъ въ 1831 г. въ популярномъ Англійскомъ сборникѣ «Compa-

(*) Заимствовано изъ Journal des Economistes, 1860 г. № 1.

nion to the Almanach» и открылъ ему доступъ къ извѣстному Книгту (Knigt). Портеръ немедленно, будучи въ совѣтѣ торговли, ввелъ въ методу собиранія статистическихъ документовъ правильность и точность, несуществовавшія до его участія. Сочиненіе его: «Progress of the nation» относится къ 1836 г. Трудъ этотъ, обильный разнообразными свѣдѣніями, точностью выводовъ и воззрѣніями современныхъ ученій, обратилъ на себя всеобщее вниманіе.

Призванный въ 1841 г. въ должность секретаря Boord of trade, онъ получилъ порученіе отправиться во Францію, для заключенія торговаго трактата; но трактатъ этотъ не удался, по-случаю существованія въ торговомъ совѣтѣ Франціи значительной протекціонной партіи. Это обстоятельство сильно огорчило Портера, и онъ возвратился въ Лондонъ. Въ 1852 г. онъ внезапно былъ похищенъ смертію у друзей и науки. Портеръ, кромѣ извѣстнаго сочиненія своего, о которомъ мы говорили, читалъ много ученыхъ записокъ въ разныхъ обществахъ; вотъ ихъ заглавія:

1) On the accumulation of capital by the different classes of society. Трудъ, въ которомъ авторъ старается опредѣлить возрастаніе и будущность среднихъ классовъ Англіи.

2) Statistical view of the grogress and present amout of maning industry in France. Записка, посвященная разбору успѣховъ горной промышлености Франціи и Англіи.

3) Suggestions in faveur of asystematic collection of the statisies of agriculture. Превосходный документъ о важности правильной статистики для земледѣлія.

4) Examination of some facts obtained at the census of 1841, гдѣ онъ изслѣдуетъ состояніе умалишенныхъ, эмиграцію, сравнительное увеличеніе населенія въ земледѣльческихъ и промышленыхъ округахъ, ихъ смертность, отношенія половъ рожденій, жителей домовъ и классифируетъ ихъ по возрастамъ.

5) Skehet of the progress and present extent of savings banks. Точный анализъ законодательства и состоянія сберегательныхъ кассъ Англіи.

6) The influance of education schowk by facts recorded in criminal records. Положеніе о вліяніи воспитанія на преступность.

7) Examination of the trafic returns of the various railvays 1853. О результатахъ эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Англіи.

8) Agricultural statistic of Irland.

9) On a comparative stalement of price and vages during 1842—49.

10) Examination of the recent statistics of the cotton trade in Great. Britain.

11) On self imposed taxation of the working classes in the V. Вліяніе потребленія спиртныхъ напитковъ рабочимъ классомъ Англіи.

12) On the productive industrie of Paris.

Между лицами, сказалъ Фаръ на конгрессѣ въ Брюсселѣ, которыя наиболѣе содѣйствовали популяризаціи статистики, Портеръ стоитъ на первомъ мѣстѣ.

2) *Reden.* — Фридрихъ-Вильгельмъ-Отонъ-Людовикъ баронъ *Реденъ* родился 1804 въ Вендлингаузенѣ, въ Липпе-Детмольдѣ, умеръ въ Вѣнѣ 12 декабря 1857 г. Послѣ первыхъ занятій въ Детмольдѣ, онъ отправился въ Геттингенъ изучать право. Въ 1824 г. вступилъ въ Ганноверскую службу; въ февралѣ 1836 г. его отправили въ Ганноверскій парламентъ. Здѣсь онъ принималъ дѣятельное участіе въ редакціи либеральной конституціи 13 марта 1833. Послѣ путешествія по Германіи, части Франціи и Швейцаріи съ промышленою цѣлью, въ 1834 онъ основалъ промышленое общество въ Ганноверѣ, которое предоставило ему мѣсто секретаря; но онъ скоро оставилъ его. Пользуясь свободою, онъ сталъ издавать много сочиненій и предпринялъ собраніе великолѣпныхъ статистическихъ документовъ, изъ которыхъ само правительство почерпало свѣдѣнія. Въ маѣ 1841 г. онъ былъ назначенъ директоромъ желѣзной дороги изъ Берлина въ Штеттинъ и вскорѣ Прусское правительство предложило ему каѳедру административныхъ и экономическихъ наукъ. Въ 1843 г. Бюлау поручилъ ему въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ департаментъ торговли, промышлености и путей сообщеній. Въ 1848 г. онъ былъ избранъ въ національное Франкфуртское собраніе и засѣдалъ на лѣвой сторонѣ. Въ слѣдующемъ году отправленъ былъ на такое-же мѣсто въ Ганноверъ, и, возвратившись во Франкфуртъ, сталъ приводить въ порядокъ документы. Въ 1853 г. присутствовалъ на Брюссельскомъ конгрессѣ, въ 1857 былъ членомъ Вѣнскаго конгресса. Реденъ ничего по смерти не оставилъ, кромѣ драгоцѣннаго собранія матеріаловъ. Гокъ, опекунъ его дѣтей, предлагалъ эту кол-

лекцію главнѣйшимъ правительствамъ Европы, но предложеніе его не имѣло успѣха.

Вотъ списокъ сочиненій Редена:

1) Berichte über die Gewerbe-Ausstellung für koenigreich Hannover. 1835—1837.

2) Ueber der Mehlhandel Nord-Deutschlands. 1830.

3) Der Garn und Zeinenhandel Nord-Deutschlands. 1830.

4) Kultur-Statistik der Kaiserreich Russlands. 1843.

5) Die Eisenbahnen Deutschlands; geschichtlich-statistiche Darstellung. 1843—1846.

6) Allgemeine vergleichende Handels- und Gewerbe-Geographie. 1844.

7) Geschichte und Statistik der französischen Eisenbahnen. 1845.

8) Deutsches Einsebahn und Dampschifbuch. 1845.

9) Wergleichende Kulturstatistik der Grossmächte Europa's. 1846.

10) Denkschrift über die oesterreichische Gewerbe-Ausstellung. 1845—1846.

11) Ewerbsmangel, Mattenwerarmung. 1847.

12) Zeitschrift des Vereins für Deutsche Statistik. 1848.

13) Allgemeine Vergleichende Finanzstatistik. 1851—53.

14) Die Staaten des stromgebiets des la Plata. 1852.

15) Frankreichs staatshaushalt und Wehrkraft unter den vier letzten Regierungs-formen. 1854.

16) Russland's Kraft-Elemente und Einflüss-Mittel. 1854.

17) Die Turkei und Griechenland in ihrer Entwiklungs-Fäligkeit. 1854.

18) Deutschland und übrigen Staaten Europa's. 1854.

19) Wolkswirthschaftliche Briefe über Bayern. 1854.

20) Vergleichende Studien über Land und Staat Würtemberg.

21) Der Boden und seine Benutzung in Kaiserstaate Oesterreich. 1857.

Если обширные труды Редена заслужили ему уваженіе, но онъ не избѣгъ и критики. Онъ подвергался осужденіямъ: его упрекали, что онъ представляетъ факты безъ объясненій, но трудно доказать истину этого.

3) *Dieterici.*— Карлъ-Фридрихъ-Вильгельмъ *Дитерици* родился въ Берлинѣ въ 1790 году, а умеръ въ томъ-же городѣ 30 іюля 1859 г.

Занимался въ Кенигсбергскомъ университетѣ, гдѣ онъ былъ въ сношеніи съ Прусскимъ принцемъ, нынѣ регентомъ, преподавая ему математику. По учрежденіи Берлинскаго университета онъ прибылъ туда для изученія наукъ. Чтеніе сочиненій Гофмана заставило его посѣщать курсы политической экономіи и соединили его дружбой съ знаменитымъ Гофманомъ. Въ 1813 г. война за независимость вызвала двухъ друзей на поле брани; послѣ 1814 г. онъ возвратился въ Пруссію и поступилъ въ гражданскую должность, но возникшая снова война заставила его взяться опять за оружіе, впрочемъ ненадолго. Въ 1834 онъ былъ призванъ на каѳедру политической экономіи въ Берлинскомъ университетѣ; въ 1844 опредѣленъ директоромъ статистическою бюро, на мѣсто Гофмана. Затѣмъ онъ отправился путешествовать по Европѣ. Съ этого времени Дитерици не переставалъ издавать, какъ директоръ, свои обширные труды. Списокъ ихъ слѣдующій:

1) Собственныя сочиненія:

a) Ueber die Vertheilung der Bevölkerung nach Geschlecht, und Alter in Preussischen Staaten. 1848.

b) Ueber die Vertheilung der Bevölkerung in verschiedenen Staaten Europa's und in den nordamerikanischen Freistaaten. 1848.

c) Ueber die Vermehrung der Bevölkerung in Europa. 1850.

d) Ueber die Sterblichkeit in Europa. 1851.

e) Statistische Beobachtungen über die Todenarten etc. 1852.

f) Fortschritte der Industrie und Vermehrung der Wohlstandes unter der Völkern. 1856.

g) Die Anzal der Gebüren in der Europa. 1855.

h) Ueber das Verhältniss der Ehen zu der Anzal der Lebenden. 1856.

l) Die Zunahme der Bevölkerung im Preussischen Staat. 1857.

m) Die Bevölkerung der Erde. 1857.

n) Ueber den Begriff der mittlern Leben.

2) Другія изданія:

a) Die Waldenser und ihre Verhältnisse zu dem Brandenburg 1831.

b) Geschichtliche und Statistische Nachrichten über die Universitäten im Preussischen Staat. 1836.

c) Statistische Uebersichte der wicktigsten Gegenstände des Verkers und Verbrauchs in Preussischen Staat. 1831—1836.

d) Statistische Uebersicht der Stadt Berlin. 1844.

e) Die statistischen Tabellen der Preussischen Staaten. 1845.

f) Die Volkswohlstand im Preussische Staate. 1846.

g) Ueber Auswanderung und Einwanderung. 1847.

h) Ueber Preussischen Zustände über Capital und Arbeit. 1847.

i) Die Bevölkerung der Preussischen Staats. 1846.

k) Mittheilungen des Statistischen Bureau, изд. съ 1848 г.

l) Handbuch der Statistik Preussischen Staats. 1859. Неоконченное изданіе.

3) Оффиціальное изданіе:

Tabellen und amtlichen Nachrichten über den Preussischen Staat. 5 томовъ. 1851—55.

Портеръ жилъ 60 лѣтъ, Реденъ 53, Дитерици 69. Если сложить сумму лѣтъ всѣхъ статистиковъ, умершихъ въ этотъ періодъ времени, какъ-то: Бергцое, Филлати, Бертини, Францини, съ суммою лѣтъ названныхъ нами выше лицъ, то получимъ среднюю жизнь свыше 55 лѣтъ. Таковы результаты существованія, посвященнаго трудамъ самымъ тяжкимъ и худо вознаграждаемымъ.

КОНЕЦЪ CVI ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТО ШЕСТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Дѣйствія правительства.

Высочайшія повелѣнія за январь, февраль, мартъ и апрѣль 1860 года.

Стран.

Министерскія распоряженія за январь, февраль, мартъ и апрѣль 1860 года.

О книгахъ, одобренныхъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Словесность, науки и художества.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Обозрѣніе книгъ и журналовъ.

Книги, изданныя въ Россіи:

Обозрѣніе газетъ и журналовъ:

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Новости и Смѣсь.

I. Новости естественныхъ наукъ.

II. Разныя извѣстія.

Въ Журналѣ Министерства напечатанъ «*Проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія*», съ тою цѣлію, чтобы вызвать со стороны опытныхъ педагоговъ критическія замѣтки на этотъ «*Проектъ*» въ его цѣлости или на его отдѣльныя статьи. Замѣтки эти, вполнѣ или въ сокращеніи, будутъ также помѣщаемы въ Журналѣ.

Оффиціальная часть его, состоящая изъ правительственныхъ распоряженій, будетъ выходить отдѣльными листами. Неоффиціальная-же часть будетъ появляться книгами отъ двѣнадцати до пятнадцати печатныхъ листовъ, 20-го числа каждаго мѣсяца, начиная съ *іюля* текущаго года.

При Журналѣ Министерства редакція предполагаетъ издавать особыя приложенія, состоящія или въ оригинальныхъ произведеніяхъ русскихъ педагоговъ, или въ переводахъ замѣчательныхъ иностранныхъ педагогическихъ сочиненій и учебниковъ. Всѣ подобнаго рода приложенія будутъ высылаемы безплатно лицамъ, подписавшимся на Журналъ.

Подписная цѣна: за шесть книгъ безъ оффиціальной части, начиная съ іюля мѣсяца — 4 руб. сер. безъ пересылки и 5 р. съ пересылкою; съ оффиціальною частью 6 р. безъ пересылки и 7 р. съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи Журнала Министерства и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Авторы и переводчики, желающіе помѣщать свои статьи въ Журналѣ Министерства Просвѣщенія, могутъ присылать ихъ въ редакцію, съ означеніемъ: желаютъ-ли они, чтобы статьи были напечатаны безъ измѣненій или дозволяютъ сдѣлать въ нихъ измѣненія и сокращенія, которыя редакція сочтетъ необходимыми.

Авторамъ, изъявившимъ желаніе получить вознагражденіе за свои труды, редакція Журнала высылаетъ или выдаетъ лично: за статьи оригинальныя — отъ *тридцати* до *пятидесяти*, за статьи составныя — отъ *двадцати* до *сорока* и за переводы — отъ *пятнадцати* до *двадцати рублей* за печатный листъ. Кромѣ-того, по особому соглашенію съ авторами, редакція будетъ пріобрѣтать отъ нихъ учебники и другія педагогическія сочиненія для напечатанія ихъ въ видѣ приложеній къ Журналу.

Редакторъ **К. Ушинскій.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

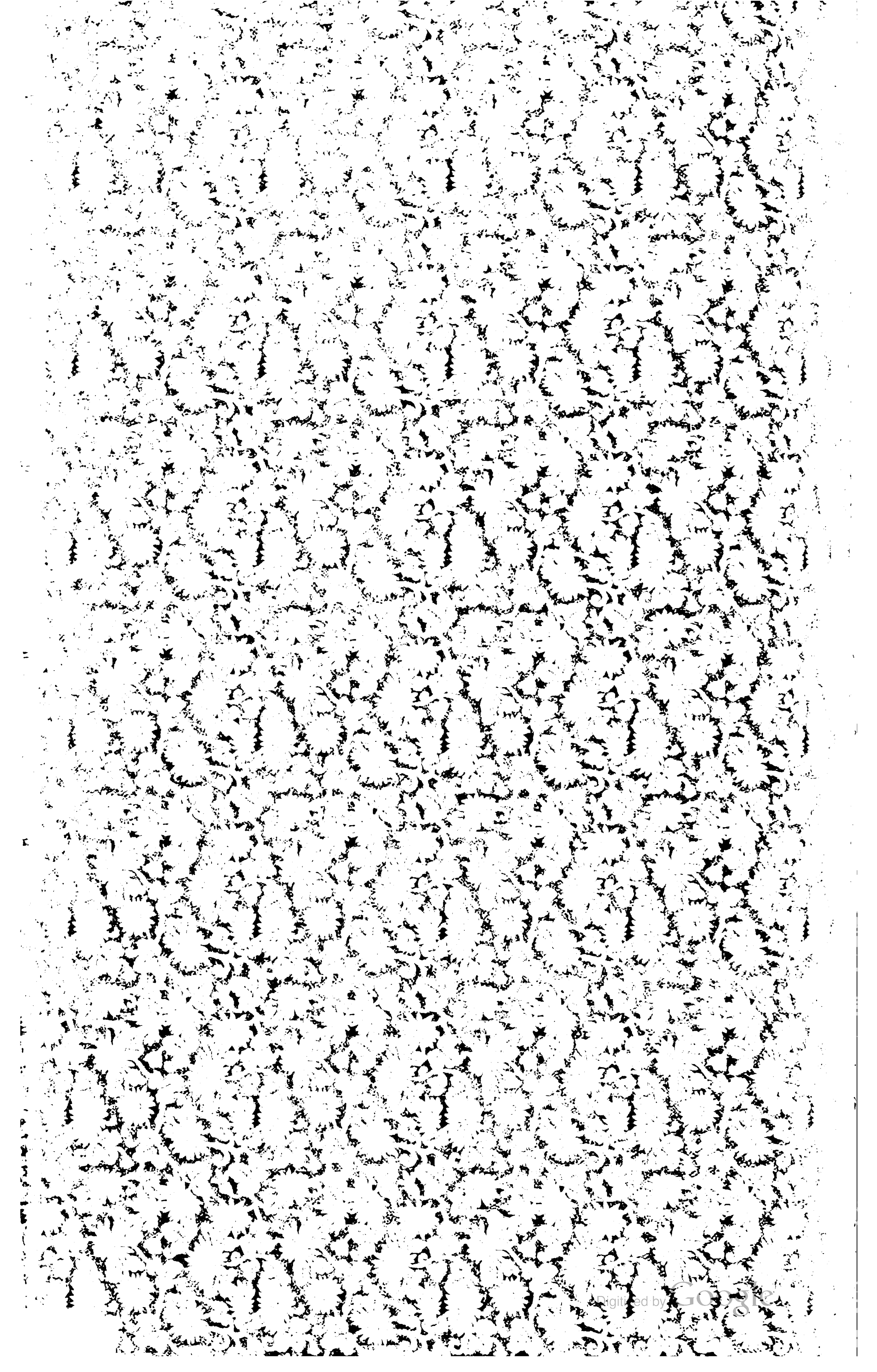
ОТДѢЛЕНІЕ V.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Книги, изданныя въ Россіи:

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

При сей книжкѣ прилагаются слѣдующія къ Проекту устава низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія: 1) Инструкціи: а) педагогическому совѣту гимназіи; б) правленію гимназіи; в) попечительному совѣту высшаго народнаго училища; г) учебному совѣту того-же училища; 2) Правила для библіотекъ гимназій и высшихъ народныхъ училищъ; 3) Объяснительная записка къ проекту устава.

3 2044 022 549 083

